М.М. БОГОСЛОВСКИЙ
ПЕТР I

Рис. 1. ПЕТР I

Портрет маслом работы голландского художника П. Ван-дер-Верфа, 1697—1698 гг.

Снимок заимствован из издания «Письма и бумаги Петра Великого», т. I

ПЕТР I

Акад. М. М. БОГОСЛОВСКИЙ

ПЕТР I

Под редакцией
проф. В. И. ЛЕБЕДЕВА

ОГИЗ
ГОСПОЛИТИЗДАТ
1946

Акад. М. М. БОГОСЛОВСКИЙ

ПЕТР I

ТОМ ТРЕТИЙ

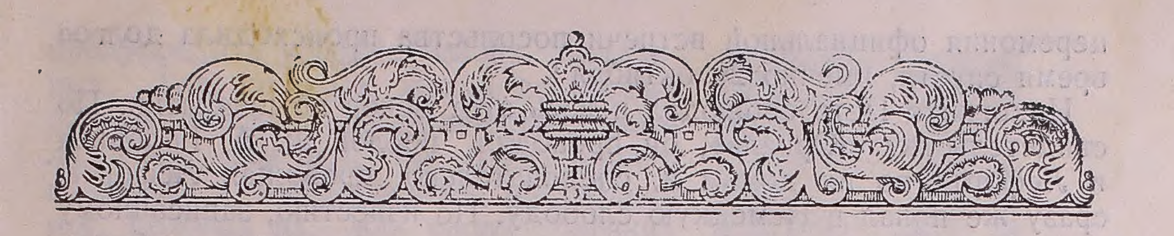
СТРЕЛЕЦКИЙ РОЗЫСК
ВОРОНЕЖСКОЕ
КОРАБЛЕСТРОЕНИЕ
ГОРОДСКАЯ РЕФОРМА
1699 г.
КАРЛОВИЦКИЙ
КОНГРЕСС

*

1698—1699

ОГИЗ
ГОСПОЛИТИЗДАТ
1946

Подготовка текста настоящего издания к печати, подбор иллюстраций, составление примечаний к ним, указателей и объяснительного словаря произведены Н. А. БАКЛАНОВОЙ.



СТРЕЛЕЦКИЙ РОЗЫСК

I. ВОЗВРАЩЕНИЕ ПЕТРА В МОСКВУ. ОБРЕЗЫВАНИЕ БОРОД 26 АВГУСТА

Из заграничного путешествия Петр вернулся в Москву 25 августа 1698 г. вечером: «в вечерни», как обозначено время его въезда в город в Походном журнале, «к 6 часам» по обыкновенному европейскому счету, как обозначил это время цесарский посол Гвариент в донесении в Вену[1]. Все было необычайно в возвращении царя в столицу из его необычайного путешествия. В Москве ждали Петра именно на этой неделе, на которой он и приехал: генералу Гордону в его рязанскую деревню Красную Слободу, где он проводил августовские дни, сообщал из Москвы полковник Левистон в письме, полученном Гордоном 21 августа[2], что прибытие государя ожидают в Москве на текущей неделе — но, конечно, никто в столице не мог знать точно о дне и часе приезда, поэтому даже и ближайшие друзья из «компании» не могли оказать подобающей встречи. Тем менее можно говорить о встрече на старый манер, как встречали возвращавшихся из походов прежних царей. Принятое при отъезде инкогнито было, таким образом, сохранено и при возвращении. Нельзя было устраивать встречи и посольству, так как возвращалось не посольство в его полном составе, а только некоторые немногие лица из состава посольства, и притом возвращались, так сказать, неофициально;

---

[1] «Юрнал 206-го года», стр. 41; Устрялов, История царствования Петра Великого, т. III, приложение X, стр. 621.

[2] Tagebuch des Generals Patrick Gordon, III, 203.

церемония официальной встречи посольства происходила долгое время спустя, именно 20 октября [1].

Инкогнито Петр соблюдал и весь этот вечер по прибытии. По свидетельству «Юрнала», он проводил послов Ф. А. Головина и Лефорта по их домам и, следовательно, провожая Лефорта, сразу же попал в Немецкую слободу. По известию, записанному в дневнике Корба, «государь не пожелал остановиться в обширнейшей резиденции царей — Кремлевском замке, но, посетив с необычайной в другое время для его величества любезностью несколько домов, которые он отличал перед прочими неоднократными знаками своей милости, он удалился в Преображенское и предался там отдохновению и сну среди своих солдат». Один из этих домов, отличенных знаками внимания, был дом Гордона, куда царь заезжал спросить о генерале и не застал его. Известие об этом визите было тотчас же сообщено Гордону в деревню тем же полковником Левистоном и заставило его немедленно вернуться в Москву. О другом, удостоенном внимания доме говорит Гвариент в вышеуказанном донесении цесарю: это был дом, ради которого был забыт Кремль и куда влекла непогашенная полуторагодовой разлукой любовь — жилище Анны Монс. «С удивлением надо видеть, — пишет Гвариент, — что царем, вопреки всяким лучшим предположениям, все еще после столь долгого отсутствия владеет старая неугасшая страсть, и тотчас по прибытии он сделал первый визит своей — а официально лефортовой — любовнице, монсовой дочери, отец которой был виноторговцем. Остальной вечер он провел в лефортовом доме, а ночь в Преображенском в деревянном доме, построенном его царским величеством среди своего полка» [2].

Утро следующего дня, пятницы 26 августа, несло с собой новые неожиданности. Молва о прибытии государя распространилась по городу. В Преображенское отправились приветствовать Петра с приездом множество лиц, и притом не только лиц высшего правительственного круга, но и людей простого чина. Вход во дворец был в это утро свободен всякому. Царь, как сообщал в Вену Гвариент, предоставил свободный доступ к себе не только боярам, но и людям всякого состояния — благородным и неблагородным и даже самым низкопоставленным, и принимал всех в одной комнате вместе с министрами. Корб сообщает и подробности этого приема. В то время как «первый посол Франц Яковлевич Лефорт не допускал в этот день к себе никого из своих клиентов под предлогом усталости, которую причинили ему невзгоды столь продолжительного и непрерывного путешествия», царь оказался неутомим: «принимал каждого из приходящих с такою бодростью, что, казалось, хотел

---

[1] Иоанн-Георг Корб, Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.), изд. Суворина, 1906, стр. 97.

[2] «Юрнал 206-го года», стр. 41; Корб, Дневник, стр. 78—79; Gordons Tagebuch, III, 203; Устрялов, История, т. III, приложение X, стр. 621.

предупредить усердие своих подданных. Тех, которые, желая по своему обычаю почтить его величество, падали перед ним ниц, он благосклонно поднимал и, наклонившись, как только мог, целовал их, как своих близких друзей» [1]. Самый этот прием поздравителей без разбора, всех, кто хотел поздравить с приездом, был новостью, новое проглядывает и в отношении к поздравителям. Петра, насмотревшегося на западноевропейские обычаи, видимо, начинали стеснять земные поклоны его подданных, и он предупредительно поднимает кланяющихся (впоследствии он отменил официально эти земные поклоны). Но поразившею всех новостью была его совершенно неожиданная выходка на приеме. Схватив ножницы, он стал собственноручно обрезывать большие московские бороды поздравлявших, начав это странное занятие с боярина Алексея Семеновича Шеина, победителя стрельцов под Воскресенским монастырем. Вторым был князь Федор Юрьевич Ромодановский, который, по словам Корба, еще не задолго перед тем, услыхав, что Ф. А. Головин в Вене надевал немецкое платье, осуждая его, говорил: «Не верю такой глупости и безумству Головина, чтобы он мог пренебречь одеждою родного народа» [2]. За ними следовали другие. Бороды, пишет Гвариент, были обрезаны многим боярам частью собственноручно царем, частью по его приказанию другими лицами — «генералиссимус Шеин при этом также должен был вести хоровод». Избавлены были, по выражению того же Гвариента, от «унизительной тонзуры» только патриарх ради его духовного достоинства, боярин Тихон Никитич Стрешнев в уважение к воспитательским заботам о царе во время его малолетства и боярин князь

[1] Устрялов, История, т. III, приложение X, стр. 621; Корб, Дневник, стр. 79.
[2] Корб, Дневник, стр. 98.

Рис. 2. Москва. Гравюра Пикара, 1710 г.

Михаил Алегукович Черкасский ради его глубокой старости и большого общего к нему уважения[1].

Неожиданная выходка, очевидно, произвела сильное впечатление на современников, почему и стала тотчас же известной иностранному посольству, была отмечена Корбом в его дневнике, а Гвариентом сделана предметом донесения императору. Она не переставала поражать и позднейших историков, которые непременно считали нужным сделать в своем изложении остановку на рассказе о ней, чтобы подчеркнуть ее знаменательность и высказать по ее поводу несколько соображений общего характера. В этих рассуждениях Петру приписывается не только вполне сознательный, но и весьма широко осмысленный, намеренно рассчитанный образ действий. По объяснению Устрялова, борода была ненавистна Петру, «как символ закоснелых предрассудков, как вывеска спесивого невежества, как вечная преграда к дружелюбному сближению с иноземцами, к заимствованию от них всего полезного»[2]. Соловьев в своих размышлениях идет дальше Устрялова: борода, как и старинное русское платье, обрезывание которого, надо сказать, тогда, 26 августа, еще не имело места (оно началось позднее), — борода — это знамя людей противных преобразованию. Петр сознает, что его деятельность возбуждает и в будущем еще больше возбудит против себя ожесточение. Но не уступит, «он готов к борьбе на жизнь и на смерть, он возбужден, он кипит, первый пойдет напролом, он бросится на знамя противников, вырвет и потопчет его»[3].

Едва ли, впрочем, была какая-либо надобность в особых законодательных мерах по части бритья бород. Нововведение, если уже было желательно его вести, можно было осуществить более спокойно и безобидно путем подражания. Несомненно, что придворное общество в огромном большинстве, за исключением разве некоторых старомодных стариков, довольно быстро помимо всяких принудительных указов последовало бы примеру царя и ближайших к нему лиц, как оно всегда и везде следует такому примеру во внешнем обиходе. И в отношении бороды, как и в курении табака, русские люди XVII в. вовсе не были косными и довольно охотно расставались с бородой, подражая иностранцам, в особенности полякам. Устрялов вовсе неправ, когда он говорит, что «этот первый шаг к перерождению России был самый трудный», и неправ вдвойне. Во-первых, в бритье бород, конечно, еще не заключалось никакого перерождения России и, во-вторых, и самый шаг едва ли был очень трудным, в особенности относительно молодого поколения всегда склонного к моде. Уже патриарху Филарету пришлось бороться с этой модой и проклинать на соборе «псовидное безобразие».

---

[1] Dukmeyer, Korb's Diarium, I. 103 (черновик донесения Гвариента от 8 сентября): Устрялов. История, т. III, приложение X, стр. 621.

[2] Устрялов. История. т. III, стр. 194—195.

[3] С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, т. XIV; изд. т-ва «Общественная польза», стр. 1188—1189.

или обычай брить бороды и оставлять одни усы, начавший распространяться среди русской молодежи под влиянием поляков в начале XVII в. Царь Алексей Михайлович также принужден был принимать против этого обычая жестокие меры. Но после его смерти мода стала вновь распространяться в молодой части общества и, как писал при царе Федоре патриарх Иоаким, «паки ныне юнонеистовнии начаша образ, от бога мужу дарованный, губити». И патриарх Адриан также выступал с горячо написанным посланием против брадобрития, где беззаконники,

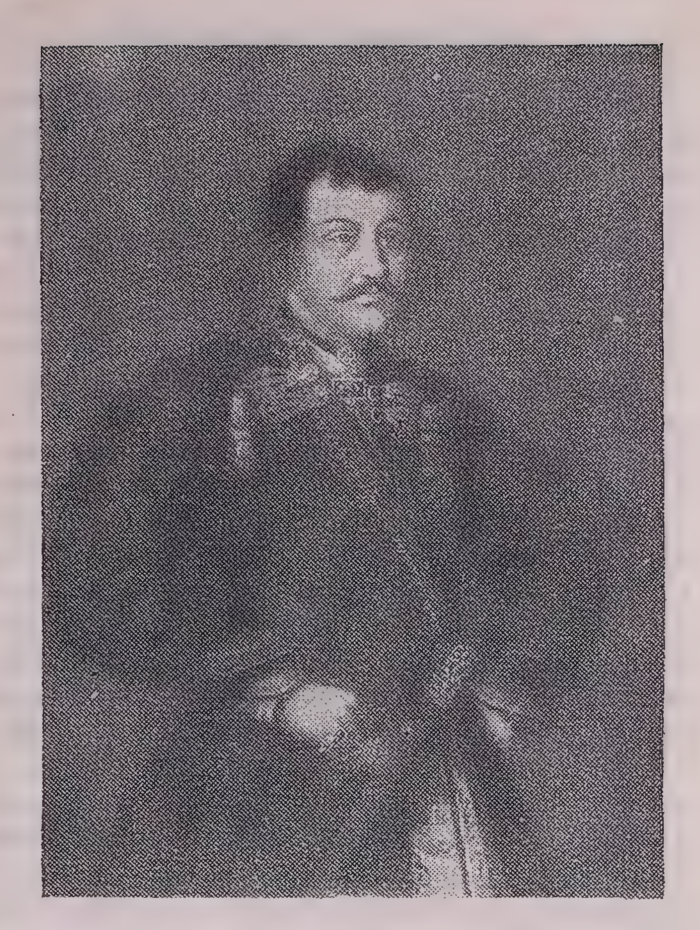


Рис. 3. Стольник Г. П. Годунов. Портрет маслом 1681 г. Из собр. Государственного Исторического музея в Москве

считающие красотою брить бороды и оставлять одни усы, сравниваются с неимеющими бород котами и псами и где брадобрийцам приводились угрозы церковным отлучением, лишением церковных обрядов при погребении и «страшным судом христовым». Все это — и суровые распоряжения царя Алексея и церковные угрозы патриархов против еретического обычая брить и подстригать бороды — показывает, что обычай брадобрития распространился и укоренился, что властям, светской и церковной, приходилось вести с ним упорную борьбу. Вот почему власти в лице Петра и не было бы трудным пойти в противоположном направлении и содействовать тому, против чего она недавно боролась, ввести, если она этого хотела, новый обычай, который она ранее стремилась искоренить. Здесь не сопротивление общества служило помехой нововведению, к которому само общество и без того обнаруживало большую склонность, а исключительно та резкость и шутовство, с которыми нововведение стало осуществляться.

II. СВИДАНИЕ С ЦАРИЦЕЙ И С ПАТРИАРХОМ

Ранним утром следующего дня, 27 августа, в субботу, там же, в Преображенском, Петр производил смотр и ученье своим двум любимым потешным полкам — Преображенскому и Семеновскому, причем принимал в этих занятиях самое деятельное участие, как пишет Корб, «показывал им различные жесты и движения на самом себе, уча наклонением собственного тела, какую телесную выправку должны стараться иметь эти беспорядочные массы». Здесь та же неизменно свойственная Петру черта — не ограничиваться распоряжением, а сейчас же самому являться первым исполнителем. В нем — монархе, средоточии всякой власти, исполнительная власть как-то опережает законодательную, и царь, возымевший волю ввести в полках новый военный артикул, тотчас же уступает место полковому командиру, непосредственно на практике обучающему солдат этому артикулу. Он идет не от общей нормы к частным исполнениям, а начинает прямо с частного исполнения и потом будет восходить к общей норме. «Когда ему это надоело, — продолжает рассказ Корб, — он отправился с толпою бояр» [1] на обед, устроенный по его желанию Лефортом, веселым французом родом из Женевы.

Это пиршество у Лефорта шло очень оживленно с заздравными чашами, которые сопровождались пушечными выстрелами, и затянулось до позднего вечера или даже до полуночи, как сообщает Гвариент. По слухам и передачам третьих лиц до цесарского посольства долетали отголоски тех разговоров, которые вел царь по возвращении в Москву в окружающей его среде, причем посол интересовался особенно отзывами Петра об иностранных дворах, посещенных им во время заграничного путешествия. Сведения Гвариента не были, впрочем, богаты, до него долетали только отдельные обрывки, их он и сообщал в Вену. Слышно было, что царь с удовольствием отзывался о школе верховой езды в Вене, о венецианском посланнике в Вене Рудзини, у которого было очень тонкое угощение и напитки; но больше всего хвалил нового польского короля, с которым сдружился, провел вместе четыре дня и обменялся платьем и шпагами. Царь говорил боярам о своей любви к королю и об обещании короля наступающей зимой непременно быть в Москве. Интереснее всего для Гвариента были, конечно, отзывы Петра о цесарском дворе, но здесь он принужден был сообщать в Вену довольно неприятные вести: в компании царя потешались над строгими и чинными церемониями, виденными великим посольством при цесарском дворе, и, должно быть, комически их изображали. «Несмотря на то, — писал Гвариент гофкамеррату Барати, — что его царскому величеству и его бывшим в Вене министрам были оказаны великая честь и особенные ранее, во всяком случае, необыкновенные учтивости, тем не менее у вернувшихся московитов нельзя заметить ни малей-

[1] Корб, Дневник, стр. 80.

шей благодарности, но, наоборот, с неудовольствием можно было узнать о всякого рода колкостях и насмешливых подражаниях относительно императорских министров и двора. От самого царского величества ни о чем таком невыгодном не слышно, тем не менее ни Лефорт, ни другой (т. е. Ф. А. Головин) не могут удержаться, чтобы не прокатывать (durchzulassen) презрительнейшим образом императорский двор в присутствии его царского величества. Кто допущен к ним на дебош и пьет с ними без всяких церемоний московитский брудершафт, ставят они себе в большое удовольствие честить наш императорский двор, который они считают слишком по-испански натянутым»[1].

С пира у Лефорта ночью царь приехал в Кремль повидать сына, скрывая почему-то этот визит от взоров публики. «Под покровом ночной тишины, — читаем у Корба, — царь с очень немногими из самых верных приближенных поехал в Кремль, где дал волю своим отцовским чувствам по отношению к своему сыну царевичу, очень милому ребенку, трижды поцеловал его и осыпал многими другими доказательствами отцовской любви, после этого он вернулся в свой черепичный дворец в Преображенском, избегая видеться с царицей, своей супругой; она ему противна и это отвращение усилилось от давности времени» [2].

Однако на другой же день, 28 августа, состоялось свидание Петра с этой опротивевшей ему женщиной. Охлаждение к жене началось уже давно, надо полагать, с того времени, когда царь сблизился с Лефортом, стал желанным гостем в Иноземской слободе и сошелся с девицею Монс (1692 г.). С тех пор это охлаждение то и дело прорывается наружу и становится все более заметным. В ссоре брата царицы Аврама Лопухина с Лефортом, происшедшей 26 февраля 1693 г., когда Аврам, вероятно, разделявший свойственную его семье ненависть к иностранцам, бранил Лефорта и, бросившись на него, смял ему прическу, Петр, присутствовавший при этом, также вспылил и надавал Лопухину пощечин[3]. Письма царицы, типичной представительницы старинного терема, первоначально дышавшие любовью и лаской, в древнерусском стиле, с обращениями к любимому мужу в словах: «свет мой, радость моя, лапушка мой», сменяются впоследствии другими, где наряду с этими прежними, как бы обдающими теплотой названиями, слышатся грусть и жалобы одинокой, покинутой и уже нелюбимой женщины: «как ты, свет мой, изволил пойтить (в Архангельск 1694 г.), и ко мне не пожаловал, не отписал о здоровьи ни единой строчки. Только я, бедная, на свете, бесчастная, что не

---

[1] «Wo sie denselben anjezo als gar zu Spanisch verwerffen» (Dukmeyer, Korb's Diarium, I, 144). Дукмейер неправильно относит это письмо Гвариента к маю 1699 г. Лефорта не было в живых уже в марте 1699 г. Шутки над императорским двором, вероятнее всего, происходили под свежими впечатлениями заграничной поездки вскоре по возвращении.

[2] Корб, Дневник, стр. 80.

[3] См. т. I настоящего издания, стр. 144 и 151.

пожалуешь, не пишешь и о здоровье своем»[1]. Царица, конечно, знала о письмах от мужа к другим лицам, и только ей одной не было от него ни строчки. Время шло, друзья-иностранцы, любовница-немка, Немецкая слобода, походы под Азов все больше отдаляли Петра от кремлевского терема и его обитательницы. К отъезду за границу видим признаки того, что она ему окончательно опостылела; этот признак — ссылка Лопухиных, отца царицы Федора Абрамовича и его двух братьев Василия и Сергея; Федор был сослан в Тотьму, Василий — в Чаронду и Сергей — в Вязьму[2]. Петр решил порвать и разойтись с женой, прибегнув к старинному русскому средству, к заключению ее в монастырь, и с этой мыслью он уехал за границу. Оттуда, из Лондона, он писал об этом деле ближайшим к нему лицам: Л. К. Нарышкину и Т. Н. Стрешневу, поручая им, а также ее духовнику убедить царицу уйти в монастырь. Поручение, однако, было не из легких: царица упорно сопротивлялась, не слушала бояр, а духовник оказался скромным, «малословным» и неавторитетным. «О чем изволил писать к духовнику и ко Льву Кирилловичу и ко мне, — отвечал Петру в апреле 1698 г. Т. Н. Стрешнев, — и мы о том говорили прилежно, чтоб учи[нить в]о свабоде (т. е. чтобы царица по доброй воле приняла пострижение), и она упрямитца. Толька надобна ещо отписать к духовнику покрепче и не одинова, чтоб горазда говарил; а мы духовнику и самой станем и еще гово[рить] почасту. А духовник человек малословной, а что ему письмом подновить, то он больши прилежать станет о том деле»[3]. Вернувшись из Лондона в Амстердам, Петр 9 мая пишет в Москву Ромодановскому: «Пожалуй, сделай то, о чем станет говорить Тихон Никитич, для бога»[4]. Значит Т. Н. Стрешневу дано было поручение сделать какие-то новые шаги и даже прибегнуть к содействию князя Ф. Ю. Ромодановского. Если речь зашла о содействии Ф. Ю. Ромодановского, можем заключить, что дело от «свободы», т. е. от убеждения добровольно уйти в монастырь, обращалось к устрашению, к угрозам. Но и при содействии Ромодановского к приезду царя не удалось покончить с упорством Евдокии, и вот теперь, 28 августа, она была вызвана в Преображенское. Свидание происходило в доме начальника почты думного дьяка А. А. Виниуса. Гвариент, рассказав о посещении Петром сына в Кремле, продолжает: «На следующий вечер госпожа его мать была допущена к царю для приветствования в Преображенское в чужом, принадлежашем здешнему начальнику почт доме, и они провели четыре часа в тайной беседе»[5]. Непонятно, какого рода опасения побудили цесарского

---

[1] Устрялов, История, т. II, приложение II, № 5, 6, 16.
[2] Дворцовые разряды, т. IV, стр. 1046.
[3] Письма и бумаги Петра Великого, т. I, стр. 700; см. т. II настоящего издания, стр. 435—436.
[4] П. и Б., т. I, № 238.
[5] Устрялов, История, т. III, приложение X, стр. 622.

посла в его конфиденциальном сообщении императору описывать действительный предмет беседы словами «для приветствования» (zu Bewillkommung); ясно, что цель свидания заключалась в том, чтобы уговорить царицу добровольно уйти в монастырь. Корб в этом случае расходится с Гвариентом и передает о свидании с царицей, как о неправдоподобном слухе. «Его царское величество, — читаем у него, — как говорили, удостоил свою пресветлейшую супругу четырехчасового разговора наедине в чужом доме; но слух этот очень неправдоподобен, тем более, что другие с гораздо большей вероятностью сообщали, что это была любимейшая сестра царя Наталия» [1]. Но с сестрой царь едва ли бы имел терпение разговаривать в течение четырех часов подряд, и зачем тогда было бы облекать это свидание до такой степени тайной, чтобы устраивать его в чужом доме. К тому же и дальнейшее событие — насильственный увоз Евдокии в монастырь, о котором повествует сам же Корб, может служить подтверждением правдоподобности сообщения о разговоре Петра с женой. Возможно, что Корб, заносивший известие о свидании в дневник под тем числом, когда оно состоялось, еще сомневался в правдоподобности слуха; но для Гвариента, отправлявшего депешу 2/12 сентября, слух мог уже иметь значение достоверного факта [2]. Результат тайной беседы, несмотря на такое значительное время, затраченное Петром на объяснение с опостылевшею женой, был все же отрицательным; царица и в личном разговоре с мужем выказала такую же твердость и упорство, какие проявила ранее в объяснениях с лицами, которым Петр поручал ее уговорить: добровольно итти в монастырь отказалась. Очевидно, молодая и, как можно судить по ее письмам, страстная природа красивой, пышущей здоровьем женщины органически противилась монашеской рясе. Мать не желала расстаться с любимым ребенком. Что разговор кончился ее отказом постричься, видно из дальнейшего хода этого дела; ее пришлось оторвать от сына и увезти в монастырь насильно.

30 августа, по сообщению Гвариента, патриарх имел у царя аудиенцию, продолжавшуюся два часа, и представил извинения в том, что заключение царицы в монастырь не было устроено еще до приезда царя. Патриарх, как продолжает тот же свиде-

---

[1] Корб, Дневник, стр. 80.

[2] В этих источниках есть разногласие также и относительно дат свидания с сыном и женой. Корб заносит в дневник известие о свидании с сыном под 6 сентября/27 августа, а известие о свидании с царицей под 7—8 сентября/28—29 августа. Гвариент в депеше к цесарю, помеченной 2/12 сентября, говорит, что свидание с сыном произошло «vorgestern», а свидание с царицей состоялось на следующий вечер — «volgenden Abend». Обозначение Гвариента «vorgestern» можно объяснить так, что он датировал депешу 2/12 сентября, а составлял ее раньше, и известие о свидании с сыном записывал в нее 8 сентября/29 августа или 9 сентября/30 августа и потому известие об этом событии, происходившем 6 сентября/27 августа в ночь на 7 сентября/28 августа, обозначал, как происходившее «vorgestern», а затем, когда ставил дату на чистовом экземпляре депеши, не исправил этой обмолвки.

тель, складывал вину на некоторых бояр и духовных лиц; царь при этом так разгневался, что тотчас же приказал привезти в Преображенское на маленьких московских повозках трех русских попов и посадить их там под караул впредь до дальнейших распоряжений. Корб, не указывая даты, передает о том же происшествии, но несколько иначе. По его словам, в Преображенское были привезены на извозчичьих телегах архимандрит и четыре попа, на которых патриарх сложил вину в неисполнении приказа. «Патриарху, — добавляет Гвариент, — получение милости царя должно было стоить большой суммы денег»[1].

Сообщение Гвариента нельзя признать во всех отношениях верным. Он пишет по слухам и потому впадает в неточность и путает подробности. Прежде всего вызывает сомнение дата: 30 августа патриарх едва ли мог выезжать к царю, в то время он недомогал. Как можно заметить по записям Дворцовых разрядов, он, совершив службу в Успенском соборе в канун успения богородицы, не мог уже совершить там литургии в самый день праздника, служил его заместитель митрополит крутицкий Тихон, который упоминается и во всех торжественных богослужениях второй половины августа[2]. По официальным и, конечно, безусловно верным данным, не патриарх был у царя в Преображенском, а, наоборот, царь посетил патриарха в его Столовой палате, и не 30, а 31 августа. В этот день царь сделал визит патриарху по случаю возвращения своего из заграничного путешествия, подобно тому как он делал ему визит перед отъездом за границу или ранее, по возвращении из второго азовского похода. В книгах патриарших приказов под 31 августа читаем, что в этот день, в среду, в исходе 8-го часа дня «великий государь... по своем пришествии... из-за моря, изволил быть у патриарха и... в Столовой палате изволил сидеть до 10-го часа» и на расставанье патриарх благословил его образом успения богородицы. Узнаем из записи, чем патриарх угощал государя во время этого визита: было отпущено в Столовую палату разных питей: вина секту пол воронка, ренского полведра, меду вишневого два ведра, меду малинового ведерный оловеник (кувшин), пива мартовского трехведерный оловеник, меду светлого ведерный оловеник[3]. Судя по размерам предложенного угощения, можно думать, что царь был не один. О чем был разговор — действительно, как и в депеше Гвариента, двухчасовой, — судить трудно, может быть, и о разводе. Но едва ли можно доверять известиям Гвариента и Корба о последствиях разговора, т. е. о привозе в Преображенское трех или, по Корбу, четырех попов, на которых будто бы патриарх сложил ответственность в неисполнении приказа. Может быть, царицын духовник и еще какой-нибудь имевший на нее влияние архимандрит и были взя-

---

[1] Устрялов, История, т. III, стр. 623; Корб, Дневник, стр. 86—87.
[2] Дворцовые разряды, т. IV, стр. 1080—1083.
[3] Забелин, Материалы для истории, археологии и статистики Москвы, т. I, стр. 1036 и 1177—1178; его же, История Москвы, изд. 2-е, стр. 549

ты в Преображенское, но три попа, о которых говорит Гвариент, по всей вероятности, были не кто иные, как попы стрелецких мятежных полков, действительно трое, которые фигурировали в стрелецком розыске (как увидим ниже).

III. АУДИЕНЦИЯ ЦЕСАРСКОМУ ПОСЛУ. ПИР У ЛЕФОРТА

По болезни патриарх не был и 1 сентября на праздновании нового года. В записи тех же Дворцовых разрядов упоминается, что 1 сентября новолетного «действа» в том виде, как оно бывало раньше: «против прежнего обыкновения за болезнию святейшего патриарха не было». Прежде оно совершалось (как мы знаем) на открытом месте «на площади промеж соборов Благовещения пресвятые богородицы и архангела Михаила». Теперь оно отправлено было перед литургиею в Успенском соборе: служил тот же митрополит крутицкий Тихон, присутствовали касимовский царевич Иван Васильевич, боярин князь П. И. Хованский, окольничий князь И. С. Хотетовский и думный дьяк Е. И. Украинцев [1]. Действо теряло, таким образом, свою былую торжественность, замкнулось внутри церковных стен. Ни царя, ни патриарха на нем не было. «Наступивший... русский новый год, — пишет Гвариент, — начался, по обычаю, торжественно, однако, не с теми некогда обычными и достойными зрения торжествами, потому что царское величество не выказывает никакого особенного удовольствия к подобным старинным обрядам московской церкви и поэтому день ото дня отменяет почти все духовные ранее соблюдавшиеся церемонии». Корб в дневнике, рассказав о прежнем обряде празднования нового года в Москве, объясняет его отмену тем, что «в отсутствие царя эти церемонии несколько лет не исполнялись, а тщеславный дух нововведений нашего времени не вернул их как обветшавшие и устаревшие». Старинный отживающий церковный обряд был заменен новым, светским. Был устроен пир у генералиссимуса боярина А. С. Шеина. «Вместо [церковного] некогда употребительного празднования, — пишет Гвариент, — воевода устроил дорогой пир, где царь с удовольствием праздновал до полуночи наступление нового года со многими боярами при больших тостах под стрельбу пушек». В дневнике Корба находим некоторые подробности этого празднования: «Новый год начался при счастливых предзнаменованиях, именно воевода Шеин устроил в этот день пиршество с царственною роскошью. Бояре, приказные служители и офицеры собрались туда почти в невероятном множестве: было там также большое число матросов, в толпе которых часто появлялся царь, наделявший их яблоками... Залп из двадцати пяти пушек отмечал всякий торжественный заздравный тост». На пиру опять продолжалось обрезывание бород,

[1] Дворцовые разряды, т. IV, стр. 1085.

начатое на приеме 26 августа, только теперь это дело было поручено царскому шуту. «Но великая торжественность настоящего дня, — продолжает Корб, — все же не могла помешать службе несносного цирульника, которую, согласно распоряжению, нес известный при царском дворе шут; при приближении его с ножницами никак нельзя было уклониться. . . Таким образом, среди шуток и попойки дурак и шут заставлял весьма многих оставить древний обычай»[1].

Цесарский посол Гвариент по прибытии царя в Москву ходатайствовал о приемной аудиенции для вручения царю верительных грамот, которые он упорно отказывался представить в Посольский приказ до приезда царя, так как, если бы он их туда представил, в личном приеме его царем не оказалось бы уже никакой надобности, и он получил бы отказ в таком приеме. 2 сентября он был приглашен к первому министру Л. К. Нарышкину, который, сделав последнюю, но и на этот раз тщетную попытку уговорить его выдать верительные грамоты, затем все же объявил, что государь изъявил согласие на аудиенцию, которая и назначена ему на завтра. При этом Лев Кириллович объяснил, что царское величество послу никакой официальной аудиенции в Кремле дать не может, потому что по смерти своего покойного брата царя Ивана Алексеевича не восходил на царский трон и теперь на него восходить не желает, а примет посла в частной аудиенции в доме Лефорта. Послу не оставалось ничего делать, как согласиться, тем более, что Нарышкин обещал ему не только присутствовать на аудиенции, но и лично ввести посла к государю. Эта аудиенция в столь новой обстановке действительно состоялась на другой день, 3 сентября, в 5 часов пополудни. Посол со свитой, как он доносит в депеше цесарю, отправился в трех своих каретах — царские экипажи не высылались за ним именно потому, что аудиенция не имела строго официального характера по прежнему ритуалу. Подъехав к дому Лефорта, Гвариент приказал нести пред собой верительные грамоты, одну секретарю посольства Корбу, другую, касавшуюся вероисповедных дел, старшему из прибывших с посольством миссионеров отцу Франциску Эмилиани. Встретил посла думный дьяк Е. И. Украинцев, который провел его до четвертой комнаты, где стоял, ожидая посольство, царь с непокрытой головой, окруженный свитой, среди которой были Л. К. Нарышкин, Лефорт, саксонско-польский генерал Карлович, генерал-вахтмейстер Мемминг и другие иноземные офицеры. Л. К. Нарышкин сделал несколько шагов навстречу послу, чтобы подвести его к государю. «В четвертом часу пополудни, — описывает этот прием Корб в дневнике,— мы отправились блестящим поездом на аудиенцию. Она состоялась в том доме, который царь великолепно выстроил на собственный счет и предоставил временно для жилья своему генерал-адмиралу Лефорту. Многие

---

[1] Устрялов, История, т. III, стр. 622—623; Корб, Дневник, стр. 81

вельможи окружали его царское величество наподобие венка, среди всех них царь достойно выделялся изящным величием тела и духа». Некоторые прежние церемонии, из которых слагался обряд представления послов, были теперь опущены. Как пишет Гвариент, «для обычной вступительной речи и некогда употребительных учтивств (curialien) мне не было дано совсем времени, но после сделанного реверанса царь тотчас же через толмача потребовал верительные грамоты, которые я затем собственноручно передал его царскому величеству без всяких дальнейших церемоний». Затем посол и его свита были допущены к целованию царской руки. Царь с улыбкой спросил посла, в каком состоянии здоровья он оставил императора и, едва выслушав ответ, сам сказал, что видел императора в добром здоровье. Далее последовал вопрос о здоровье посла и лиц его свиты, за который посол «с соответствующим респектом» принес благодарности. Наконец, послу было сообщено через толмача, что он будет пожалован обычным царским угощением, и этим аудиенция была завершена. Перенося аудиенцию из своего дворца в дом Лефорта, Петр отступал, таким образом, от освященного стариной ритуала. Но и самый обряд приема кредитивных грамот он не мог строго законченно провести в официальных формах. Высокопарная по внешности и пустая по содержанию, какой всегда она бывала, приветственная речь была отменена. Произнося по-старинному формулу вопроса о здоровье отправлявшего посольство государя, Петр не мог удержаться от улыбки и от замечания, что сам знает о здоровье императора, так как виделся с ним уже после отъезда посла из Вены. Любопытно, что в Посольском приказе был все же составлен на всякий случай церемониал аудиенции — «явка готовлена в запас» — со включением в него всех полагавшихся при таких приемах обращений со всеми подобающими титулами, где предусмотрено было, кем посланник будет введен и «явлен челом ударить», как он будет «править цесарский поклон» и «изговорит речь», а «изговоря речь», поднесет грамоты, и затем думный дьяк посланнику объявит, что «великий государь... грамоту брата своего... его цесарского величества принял и речь его», переданную от его имени посланником, «любительно выслушал»; сам же «великий государь изволит спросить про цесарское здоровье, встав и шапку сняв», говоря: «брат наш, великий государь любезнейший Леопольдус, цесарь римский, по здорову ль?», а затем велит позвать посланника к своей руке и т. д. Вопреки всем этим приказным предположениям Петр принял посланника стоя и без шапки. Составлена была в приказе также и записка о том, как аудиенция в действительности состоялась, и в ней среди обычных официальных выражений описания нашли себе место бесстрастно записанные дьяком или подьячим замечания об отменах тех или иных необходимых по старинному чину церемоний. В записке читаем, что «207 (года) сентября в 3 день великий государь... указал посланнику быть перед со-

бою на приезде без чинов на дворе генерала и адмирала и наместника новгородского Ф. Я. Лефорта в Немецкой слободе. Кареты под него с государева конюшенного двора не посылано, о рындах и о стойке наряду не было», т. е. не было отдано распоряжений о назначении в рынды молодых дворян и о назначении войск стоять по улице при проезде посольства. «Встречи» у крыльца посланнику также не было. «А как посланник перед великого государя в светлицу вошел, и явил его великому государю челом ударить думный дьяк Е. И. Украинцев». Посланник «правил цесарский поклон, а речи не говорил... Про здоровье цесарское великий государь не спрашивал, а изволил говорить, что он, великий государь, после его [посланника] приезду к Москве изволил сам быть в Вене и с цесарем виделся» [1]. Так старые вековые московские придворные формы, теряя свою жизненную крепость, уступали новым веяниям и облетали, как осенью облетают с деревьев пожелтевшие и потерявшие жизненную силу листья.

После приемной аудиенции цесарский посланник и члены посольства могли согласно дипломатическим обычаям того времени появляться в придворном обществе открыто (до тех пор они должны были, и это дано было им понять из Посольского приказа, воздерживаться от таких появлений). Эта перемена в их положении отражается и на сообщаемых ими сведениях. Те сведения о Петре, которые Гвариент передавал цесарю в своих депешах, а Корб заносил в дневник, основывались на разговорах и слухах; со дня аудиенции, появляясь в обществе царя и ближайших к нему лиц, тот и другой, и посол и секретарь, будут говорить нам как очевидцы, и потому их показания приобретают особенно большой интерес. Уже на следующий за аудиенцией день цесарское посольство наряду с другими иностранными представителями было приглашено на большой обед к Лефорту в присутствии царя. «А назавтрее, сентября в 4 день в воскресенье,—читаем мы в «Статейном списке» посольства Гвариента вслед за записью о приемной аудиенции, — изволил великий государь кушать у генерала и адмирала Франца Яковлевича Лефорта на другом его дворе, что за рекою Яузою, и в то время по его великого государя указу у стола были бояре и окольничие и думные люди... да и посланники цесарской, и польской Ян Бокий и датской Павел Гейнс за тем столом были ж». Описание этого обеда сделано Гвариентом в депеше цесарю от 9/19 сентября. «На следующий [после аудиенции] день, — пишет он, — следовательно 14-го, я по приказанию его царского величества был приглашен на большой пир, данный генералом Лефортом от имени царя и на царские издержки. На нем должны были присутствовать многочисленные бояре, князья, знатнейшие военные

---

[1] Устрялов, История, т. III, стр. 623—625; Корб, Дневник, стр. 81—82; Памятники дипломатических сношений, IX, 791—795.

чины и почти все находившиеся в Москве немецкие дамы. Число гостей простиралось до 500 персон. Кроме многих наполненных комнат для удобства угощения приглашенных были раскинуты палатки на чистом воздухе»[1].

Обед начался дипломатическим инцидентом. Датский и польский посланники, как повествует Корб, имели в свое время неосторожность выдать в Посольский приказ свои верительные грамоты, вследствие чего они напрасно добивались аудиенции у царя[2]. Раз верительная грамота была вручена не лично царю, а представлена в Посольский приказ, приказ считал царскую аудиенцию излишней и отказывал в ней посланникам. Тогда оба посланника, будучи приглашены на обед, в присутствии царя через Лефорта все же выхлопотали себе право быть допущенными к целованию царской руки тут же перед обедом, и это должно было служить для них заменой аудиенции. Царь принимал их без всяких уже церемоний в одной из комнат лефортова дворца, в какой-то, по словам Корба, «маленькой комнатке, где хранилась посуда в виде стаканов и кубков». Так как датский посланник был принят первым, то он, как говорит тот же Корб, «гордился своею победой и хвастливо претендовал на высшее место (перед польским посланником), потому что ему раньше дарована была милость целования руки». Когда стали садиться за стол, посланники повздорили из-за места. Петр, узнав о предмете спора, назвал обоих кичливых дипломатов дураками. «Царь вознегодовал на пустой спор о преимуществах, так как каждый из них хотел быть выше другого, и назвал их дураками — это общепринятое у москвитян слово, — пояснительно замечает Корб, — которым обозначается недостаток ума». Петр, видимо, без особенного уважения относился к польскому посланнику; для него настоящим посланником польского короля, через которого он действительно вел сношения с Августом II, был приехавший с ним в Москву саксонский генерал Карлович. По крайней мере присутствие польского посла не удержало царя от того, чтобы пройтись по адресу его страны, а, может быть, он это делал нарочно, чтобы задеть дипломата, ум которого он только что не высоко квалифицировал. «Когда все расселись, — пишет Корб, — его царское величество стал преувеличивать бедствия Польши примерно в таких выражениях: «В Вене на хороших хлебах я потолстел, но бедная Польша взяла все обратно». Патриотическое чувство пана Бокия было уязвлено, и он не оставил царских слов без ответа. «Польский посол, — продолжает

---

[1] Пам. дипл. сношений, т. IX, стр. 792—793; Устрялов, История, т. III, стр. 625.

[2] Датский посланник Павел Гейнс прибыл в Москву 17 июля 1697 г. и по многим настояниям Посольского приказа после сношения с королем вручил свою верительную грамоту в Посольском приказе думному дьяку Е. И. Украинцеву 6 ноября того же года с оговоркой, впрочем, чтобы такой порядок не был прецедентом на будущее время; Арх. мин. ин. дел, Дела датские 1697 г., № 3, л. 50—58, 105—112.

Корб,—выразил удивление, что это выпало на долю его царского величества, так как он (посол) в Польше родился, воспитан и переехал сюда, а все-таки остался толстяком (он был толст)». Но и царь не оставил его ответа без возражения, сказав ему: «не там, а здесь, в Москве, ты отъелся». Этот сохраненный для нас дневником Корба отрывок разговора показывает, какого рода любезностями обменивались тогда присутствовавшие за столом. Разговоры прерывались тостами, и каждый из них сопровождался неизменным залпом из 25 пушек. Вдруг мирно продолжавшийся обед был прерван внезапно разразившейся страшной вспышкой, которая чуть было не кончилась трагедией. Царь горячо заспорил с генералиссимусом А. С. Шеиным, упрекая его в том, что он в его отсутствие делал производства в офицерские чины за взятки. Полный раздражения, вскочив с места, он вышел из залы, чтобы спросить у находившихся на карауле во дворце солдат, сколько полковников и других офицеров произвел Шеин за взятки, тотчас же вернулся обратно, и гнев его дошел до такой степени, что, выхватив шпагу, он стал ударять ею по столу, крича Шеину: «Вот так я разобью и твой полк, а с тебя сдеру кожу до ушей!» Князь Ф. Ю. Ромодановский и Н. М. Зотов бросились заступаться за Шеина, но Петр, не помня себя от ярости, размахивал обнаженной шпагой, так что Зотов получил удар по голове, а Ромодановскому порезаны были пальцы. Царь уже замахнулся на Шеина, и он, как говорит Корб, «несомненно упал бы от царской десницы», но Лефорт успел, обняв царя, отвести его руку от удара, что, впрочем, стоило ему самому тяжелого удара по спине. Только новому любимцу Меншикову удалось укротить разошедшегося Петра. «Все были в величайшем страхе, — говорит, описывая эту сцену, Гвариент, — и каждый из русских старался не попадаться на глаза его царскому величеству, считая это наиболее безопасным, но юный фаворит достиг наивысшего», успокоив царя. «Поправить дело, — пишет Корб, — могло одно только лицо, занимавшее первое место среди москвитян по привязанности к нему царя. Говорят, что этот человек вознесен до верха всем завидного могущества из низшей среди людей участи. Он успел так смягчить царское сердце, что тот удержался от убийства, ограничившись одними угрозами. Эту жестокую бурю сменила приятная и ясная погода. Его царское величество с веселым выражением лица принял участие в танцах и в доказательство особенной любезности велел музыкантам играть те пьесы, под которые, как говорил он, «он танцовал у любезнейшего государя своего брата», т. е. во время приема августейшим хозяином своих пресветлейших гостей (цесарем на известном празднестве Wirtschaft)... Снова 25 пушек приветствовали заздравные чаши, и приятное пиршество затянулось до половины шестого часа утра». Дело, впрочем, не обошлось и еще без одного, правда, уже совсем мелкого инцидента, показывающего, однако, то зоркое внимание, с которым Петр замечал все вокруг него про-

исходящее: «Две жившие в доме девушки, пробравшиеся украдкой, были по приказанию царя выведены солдатами»[1].

Раздражение Петра против Шеина, вырвавшееся в такой резкой вспышке 4 сентября, вызывалось, вероятно, не одними только сведениями о взяточничестве генералиссимуса при офицерских производствах, а имело и другую и, может быть, более существенную подкладку. По возвращении в Москву, узнав все подробности стрелецкого бунта и его ликвидации, царь остался крайне недоволен действиями Шеина. Он считал сделанный Шеиным розыск, бумаги которого он, конечно, прочитал, крайне недостаточным и недоведенным до конца и, главным образом, негодовал на ту поспешность, с какой воевода действовал, подвергнув смертной казни главарей мятежа и тем затруднив возможность дойти до той конечной точки, откуда исходили основные нити бунта, и раскрыть руку, которая направляла бунт и которую царь подозревал. В одной поздней рукописи, заключающей в себе описание стрелецкого розыска, читаем: «Генерал Шеин получил строгий выговор за продажу военных должностей недостойным людям, а более всего за излишнюю поспешность при осуждении бунтовщиков, не оставя даже начальников и причастных тайне заговора, которые могли бы еще более объяснить дело. Царь сказал ему, что он поступил при сем случае как добрый солдат, но как дурной политик. Его величество отставил всех офицеров, недостойных сего звания и получивших оное или за деньги, или по покровительству друзей»[2]. Неизвестный автор рукописи совершенно верно изображает дело, и этот его взгляд совпадает со свидетельствами современных событиям источников. В черновой заметке и в проекте депеши императору, сохранившихся в архиве Корба, читаем, что воевода Шеин «находится в величайшем страхе, так как состоит у его царского величества в подозрении, потому что он слишком быстро подверг смертной казни мятежных стрельцов и тем устранил возможность дальнейшего допроса»[3]. То же объяснение находим у Корба и в его дневнике: «Так как главы мятежа, недостаточно допрошенные, были избавлены преждевременной

---

[1] Депеша Гвариента от 9/19 сентября (Устрялов, История, т. III, приложение X); ср. черновик письма Гвариента к графу Валленштейну от 7/17 сентября (Dukmeyer, Korb's Diarium, I, 261); Корб, Дневник под 4/14 сентября, стр. 82—84.

[2] ЦГАДА, фонд 6. Архива Министерства иностранных дел. Кабинетные бумаги князя Оболенского, карт. 12: «Описание на французском языке о стрелецком бунте, бывшем под Воскресенским монастырем и о следствии оного, с переводом на русский язык», л. 56 об.

(ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов — так теперь называется прежний Государственный архив феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ), на который делались ссылки в I и II томах настоящего издания.

Ввиду того что весь архивный материал, использованный в данной работе, хранится в ЦГАДА, в дальнейших ссылках указание на ЦГАДА опускается и обозначается лишь архивный фонд, из которого взят тот или иной документ).

[3] Dukmeyer, Korb's Diarium, I, 59.

смертью от дальнейшего розыска, то Шеин вполне заслуженно навлек на себя ярость более справедливого карателя и был бы подвергнут смерти среди веселья царского пира, если бы более сильный, чем царь, генерал Лефорт не оттащил его и не удержал его руки от поражения» [1]. Вспоминая позже в своих записках об обстоятельствах бунта, граф А. А. Матвеев говорит, что царь по прибытии в Москву, тотчас же рассмотрев розыски Шеина, «зело недовольным быть изволил, а наипаче о том, что пущие из тех воров в заговорах и вымыслах тех заводчики, не обождав его величества, казнены и причтено было ему, боярину, к дерзости» [2]. Действительно, розыск, учиненный Шеиным под Воскресенским монастырем, вскрыл недостаточно данных: и Девичий монастырь, и кремлевские терема царевен остались в нем совершенно в тени. Недовольство действиями Шеина при розыске нашло себе выражение в гневной выходке против него на пиру у Лефорта. Последствием мысли о недостаточности произведенного Шеиным розыска был приказ о свозе в Москву участвовавших в бунте стрельцов из тех мест, куда они были разосланы, и о возобновлении следствия.

IV. ДНИ 7—16 СЕНТЯБРЯ

Источники, сохранившие нам известия о Петре в ближайшее время по его возвращении из-за границы, Гвариент и Корб, за 5, 6 и 7 сентября не дают о нем никаких сведений. 7-го цесарское посольство получило обычное угощение «в стола место», которого послы удостаивались после приемной и отпускной аудиенций и которое посылалось им из Кремля на дом. У Корба есть подробное описание этого угощения, ярко рисующее эту картину посольского обихода в Москве в то время. 7 сентября около 2 часов дня на посольский двор явился состоявший при посольстве пристав из дворян Григорий Близняков, одетый в соболью шубу, крытую зеленым шелком, полученную для этой церемонии с Казенного двора, в сопровождении служителей Хлебенного, Кормового и Сытенного дворцов, из которых отпускались припасы для угощения служителей царской кухни и подъячих. За ними следовало 200 солдат, несших самые блюда и напитки: разные сорта водки, вина и меды, пиво и квас. «Земские (служители кухни), — пишет Корб, — стали накрывать на стол; скатерть была из самой тонкой ткани; ящичек для соли был золотой; кроме того, были принесены еще два сосуда из того же металла, в одном из которых был перец, а в другом соль. Против стола был устроен поставец для царской посуды, где были расставлены кубки, самой большой из которых чуть-чуть не равнялся локтю. Порядок кубков был такой, что рядом с парой бóльших стояла пара меньших, а стол, заставленный столькими серебряными и позолоченными чашами, имел вид ор-

[1] Корб, Дневник, стр. 184.
[2] А. А. Матвеев, Записки, изд. Сахаровым, стр. 63.

гана». Как известно, трубы органа располагаются так, что вершина их образует правильно чередующиеся повышения и понижения. «Около поставца, — продолжает Корб, — к ближайшей стене были ловко приставлены скамейки, которые были заняты огромными сосудами; одни из них были оловянные, другие серебряные вызолоченные. Неподалеку помещалась двухведерная бочка с квасом. Когда это было таким образом расставлено, пристав начал читать от имени его царского величества установленное официальное приветствие». Посол отвечал выражениями благодарности. «После этого достали сосуд из агата, наполненный драгоценнейшею водкою, затем рубиновый ковш в виде раковины, который пристав выпил за здоровье господина посла.

Затем сели в таком порядке: на первом месте господин посол, на втором за ним пристав; кроме гостей господина Карбонари, господина Плейера и господ четырех миссионеров, за столом сидели и все чиновники господина посла. Когда они уселись, им подана была водка. Наконец, стали разносить кушанья, среди жарких был даже лебедь; всего насчитали сто восемь кушаний разного рода, но наш немецкий вкус мог одобрить только очень немногие из них. Первая чаша была поднята приставом за здоровье священного цесарского величества, вторая за здоровье его царского величества, наконец, третья за здоровье верных министров августейшего цесаря и пресветлейшего царя. Правда, коварный пристав пытался перепутать порядок чаш и предложил господину послу выпить и провозгласить чье-нибудь здоровье». Как видим, в московском дипломатическом обиходе установился вежливый обычай при угощении иностранного посла провозглашать первый тост за здоровье его государя. Но все же с этой вежливостью в Москве мирились скрепя сердце; все же было бы приятнее, чтобы тост за своего государя был сказан первым, хотя бы и невзначай. Хитрость пристава и заключалась в том, чтобы создать такое первенство. Если бы посол поддался на удочку, принял предложение пристава и еще до начала провозглашения тостов в официальном порядке стал бы провозглашать тосты по собственной инициативе, ему неизбежно было бы, конечно, начать с тоста за здоровье московского государя, что могло бы создать и прецедент на будущее время. Но хитрость была своевременно замечена и «осталась совершенно безуспешной, так как господин посол возразил на это, что он еще не чувствует жажды, и ему, как гостю, не подобает первому провозглашать чье-нибудь здоровье, если же пристав действует от имени его царского величества, то пусть исполняет свой долг, как ему угодно. Тут же стояло много москвитян, наполнивших комнату для услуги и из почтения, все они по степени своего достоинства подходили к господину послу, который собственноручно подносил каждому кубок вина. Этим старинным обычаем закончился обед и торжественная церемония»[1]. Итак, форма и

[1] Корб, Дневник, стр. 84—86.

обстановка приемной посольской аудиенции уже значительно изменились, но старинный обряд угощения посла на посольском дворе присланными из царского дворца блюдами и напитками удержался еще целиком.

На другой день, 8 сентября, посол имел случай лично принести благодарность за угощение царю, которого он встретил на пиру в доме цесарского полковника Граге, артиллериста, устрашившего пушечными выстрелами мятежных стрельцов в сражении под Воскресенским монастырем. Петр вечером в этот день явился к Граге, несмотря на мучившую его зубную боль: «от зубной боли у него распухли щеки». По словам Гвариента в донесении императору, когда он с подобающею пристойностью поблагодарил царя за вчерашнее угощение, царь, взяв его тотчас же за руку, сказал: «Это мало в рассуждении вашей персоны» («Dieses ist wenig in consideration Euer Person»). В этот день вернулся в Москву в полдень из своей рязанской деревни Гордон, и, узнав о его возвращении, Петр вызвал его к Граге [1]. Встречу царя с любимым генералом подробно описывает Корб: «Господин генерал Гордон во время неожиданного приезда царя находился в своем поместье, отстоящем от Москвы на расстоянии около тридцати миль; узнав о приезде царя, генерал приехал сегодня почтительно приветствовать его и явился на тот же самый пир. По обычаю, он дважды поклонился царю до земли и просил прощения за то, что слишком поздно свидетельствует ему свою преданность, в оправдание чего ссылался на непостоянство погоды и на ненастье. Его царское величество, поцеловав его, поднимал его и, когда тот преклонял колена, протягивал ему правую руку». Царь был очень весел и доволен, по отзыву Гвариента, находящемуся в черновом проекте депеши его в Вену, и посол приводит далее предполагаемую причину этого хорошего настроения государя: «Может быть, — как он пишет, — по той причине, что не было приглашено ни одного из русских министров и не было никого из других [иностранных] представителей, кроме меня. Немного потанцовав, пожелал он кушать в небольшой отдельной комнате, там ужинали с ним только генерал Лефорт, генерал Гордон, я и генерал Карлович, причем во время ужина они (Гвариент пишет о царе в третьем лице множественного числа) чокнулись дважды со мною, провозглашая: во-первых, «за верную дружбу», во второй раз «за союзников против наследственного врага». С этим свидетельством совпадает и запись в дневнике Корба, писавшего, вероятно, со слов Гвариента: «Господину послу позволено было присутствовать не только на пиру, но и на ужине, который царь приказал для себя устроить. К ужину, кроме господина посла, допущено было всего на всего три генерала: Лефорт, Гордон и Карлович. Никогда не обнаруживал царь с такой свободой веселость своего характера, может быть, это происходило от

[1] Gordons Tagebuch, III, 214.

того, что тут не было никого из бояр и других лиц, кто своим ненавистным видом смутил бы его радостные чувства». Гордон записал в дневнике, что он пробыл у Граге около трех часов и вернулся домой в 11 вечера; по этой записи можно точно установить, в какие именно часы происходил ужин Петра с послом и тремя генералами [1].

10 сентября, в субботу, Петр был у Лефорта, где опять видели его Гордон и цесарский посол. «После обеда, — отмечает Гордон в дневнике, — я был у генерала Лефорта, куда пришел также его величество. Императорский посол, которого я там встретил, подвез меня домой». Гвариент в упомянутом выше черновом проекте депеши сообщает также некоторые подробности этого свидания: «В прошлую субботу я сделал визит генералу Лефорту, там были также генерал Гордон и бывший посол Головин, вскоре затем пришел сам его величество и весьма милостиво меня обнял. После небольшого разговора они поднесли мне стакан пива и спросили меня совершенно запросто, благосклонны ли ко мне граф Кинский и фельдмаршал Штаремберг и пишу ли я им иногда, на что я с должным респектом утвердительно ответил. Они отвели генерала Гордона в сторону и очень оживленно с ним беседовали добрую четверть часа, затем поднесли мне стакан вина и отпустили меня» [2].

Послу пришлось взять на себя заступничество по делу, в которое ввязался некий цесарский подданный, состоявший на русской службе, сапер по имени Урбан. В сильно нетрезвом состоянии возвращаясь верхом в Немецкую слободу, этот сапер был задет каким-то русским прохожим обывателем, который осыпал его бранью. Не стерпев оскорбления, Урбан выстрелил из пистолета и ранил обидчика. Спохватившись затем, он, чтобы дело не получило огласки, вошел с раненым в сделку и уплатил ему четыре рубля. Однако случай стал известен царю. Некоторые, пишет Корб, рассказывая об этом происшествии, указывали на опьянение Урбана, как на смягчающее вину обстоятельство, но царь высказал противоположный взгляд, сказав, как передает его слова Корб: «Sauffen—Rauffen (напиться — подраться) еще извинительно, но Sauffen — Schiessen (напиться — стрелять) не должно оставаться безнаказанным». Урбану грозила печальная участь, однако по ходатайству посла он был избавлен от смертной казни и приговорен к наказанию кнутом. Тогда посол вновь вмешался и просил о его полном помиловании, чего и достиг [3].

Цесарское посольство ехало в Москву с двумя делами: во-первых, уладить вопрос о водворении в Москве католических миссионеров; во-вторых, наблюдать за действиями московских войск против турок. Первый вопрос был благополучно улажен,

---

[1] Корб, Дневник, стр. 86; Dukmeyer, Korb's Diarium, I, 59; Gordons Tagebuch, III, 214.

[2] Gordons Tagebuch, III, 214—215; Dukmeyer, Korb's Diarium, I, 59—60.

[3] Корб, Дневник, под 11/21 и 12/22 сентября (стр. 87—88).

допустить же посла до наблюдения за войсками в Москве не собирались, вероятнее всего потому, что цесарский двор был уже на пути к заключению мира с турками. Так как послу делать более в Москве ничего не оставалось, а на содержание посольства расходы шли из казны, то 12 сентября Гвариенту было объявлено из Посольского приказа, что царь соизволяет отпустить его домой. Посол решительно запротестовал: «воле царского величества он не противен», однакоже не смеет уехать, не получив предварительно отзывных грамот из Вены, о чем ему точно предписано в данном ему наказе. Кроме того, ему указано быть при русских войсках наподобие того, как при цесарских войсках состоял Адам Вейде, и доносить о войсках цесарю, и, наконец, он сообщал, что с следующей почтой он ожидает присылки бумаг по некоторым, касающимся обоих государств делам, о которых он будет докладывать царю. По всем этим соображениям возвращаться в Вену посол считал невозможным и просил, чтобы царь повременил его отпускать. 14 сентября боярин Л. К. Нарышкин докладывал Петру в Преображенском об этой просьбе посла и о тех соображениях, в силу которых он затруднялся отъездом. «Великий государь указал» по этому докладу «цесарскому посланнику по его прошению до присылки к нему новых цесарских указов... что будут к нему некоторые дела, надлежащие обоим государствам... вскоре присланы, побыть на Москве до своего великого государя указу и о том ему сказать». Такой царский указ был ему объявлен 16 сентября. «И посланник великому государю за то, что ему на Москве побыть велено, бил челом»[1].

V. НАЧАЛО СТРЕЛЕЦКОГО РОЗЫСКА 17 СЕНТЯБРЯ

Тотчас же по прибытии из-за границы Петр отдал распоряжение о свозе в Москву для повторного розыска стрельцов, разосланных из-под Воскресенского монастыря по уездным городам и монастырям. Уже от 30 августа встречается записка о приеме в Преображенский приказ из Воскресенского монастыря, где они были оставлены после розыска Шеина, четырех главнейших виновников стрелецкого бунта: Васьки Зорина, Якушки Алексеева, Васьки Игнатьева и Анички Сидорова; следовательно, распоряжение о взятии их из Воскресенского монастыря должно было быть сделано никак не позже 29 августа, т. е. на четвертый день по возвращении царя в Москву[2]. 1 сентября из Патриаршего разрядного приказа были присланы в Преображенский приказ по снятии сана, «обнажа священства», трое полко-

[1] Пам. дипл. сношений, т. IX, стр. 804—806. 15 сентября к Петру обращались со словесным челобитьем гости о замене им натуральной повинности — постройки шести запасных кораблей — денежной. Просьба эта была удовлетворена, и постройка в натуре заменена денежным сбором по 12 тыс. рублей за корабль (Елагин, История русского флота, приложение III, стр. 289—290).

[2] Государственный архив, разряд VI, № 12, карт. 4, ст. 68, л. 3.

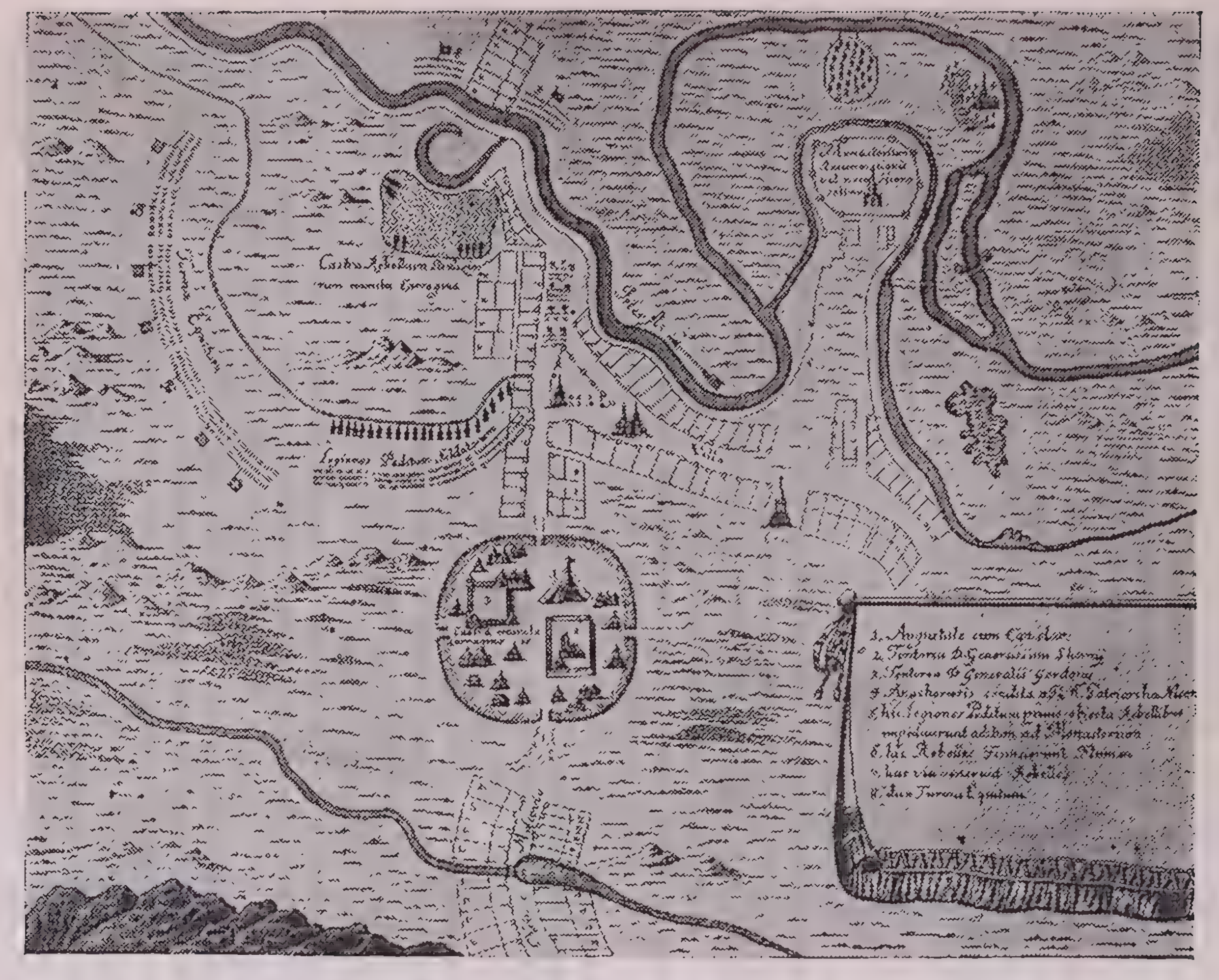


Рис. 4. План боя войск А. С. Шеина со стрельцами под Воскресенским монастырем.
Гравюра из дневника Корба 1698 г.

вых попов, служивших в мятежных полках и причастных к бунту, и один церковный дьячок[1]. Первые две недели сентября прошли в дальнейших действиях по свозу стрельцов и в приготовлениях к розыску. Заведование свозом было поручено воеводе Большого полка, разбившему стрельцов под Воскресенским монастырем и подавившему восстание, боярину А. С. Шеину, и сосредоточено в Иноземском приказе, которым он управлял. В селе Преображенском, на так называемом Генеральном дворе, по-нашему на дворе, занятом главным штабом двух потешных полков, а также и на солдатских дворах под руководством начальника Преображенского приказа князя Ф. Ю. Ромодановского приготовлялись застенки со всеми страшными следственными орудиями того времени. Под 15/25 сентября в дневнике Корба находим заметку о появлении в Москве первой партии привезенных из места заточения стрельцов[2]. Это была группа из 341 стрельца, привезенных из Воскресенского монастыря, из Ростова, из Переяславля Рязанского, из Ярославля и из Калязина монастыря. К 17 сентября все приготовления были сделаны, и в этот день, день тезоименитства царевны Софьи, и, может быть, с умыслом именно в этот день, начался розыск.

Розыск начался с виновных, принадлежавших к тому сословию, которому везде отводилось официально первое место: с духовенства. Были допрошены три упомянутых выше полковых попа или, как они теперь, по «обнажении священства», стали называться, «распопы»: Ефимко Семенов, Бориско Леонтьев, Ивашко Степанов Кобяков и дьячок Сенька Осипов. Четвертый полковой священник Гундертмаркова полка остался верен, не пристал к мятежникам и ушел со своим полковником.

Розыском 17 сентября руководил начальник Преображенского приказа, в котором розыск и производился, — князь Ф. Ю. Ромодановский. Но со всею достоверностью имеем основание полагать, хотя прямых указаний на это и не имеется, что сам Петр присутствовал при розыске и также принимал участие в допросах. Трудно предположить, чтобы он мог удержаться от ближайшего и самого активного участия в этом возобновленном по его же инициативе и, как это ясно будет из всего дальнейшего, всецело захватившем его деле.

Показания духовных лиц, с которых начался розыск, не дали ничего существенного для выяснения дела. Но все они, по их словам, были осведомлены о намерении стрельцов, и те, кто об этих намерениях знал, не могли о них донести, боясь мести стрельцов. Попытки отговаривать и останавливать стрельцов не имели успеха и вызывали с их стороны грубые ответы и даже побои. Распоп Ефимко Семенов, бывший полковой священник Колзакова полка, показал, что о походе стрельцов

---

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 5, ст. 36, л. 115; карт. 7, ст. 78, л. 1; карт. 4, ст. 68, л. 3; карт. 7, ст. 78, л. 2.

[2] Корб, Дневник, стр. 88.

к Москве знал, но что цель этого похода была ему неизвестна. Он уговаривал стрельцов не итти к Москве, говорил о том же пятисотному Ивану Клюкину, но тот ему ответил: «Тебе де, поп, до того какое дело, знай ты себя!» Про намерение перебить бояр слыхал от стрельцов всех четырех полков, говорили об этом на сходках в кругах; причиной такого намерения было недовольство службой; стрельцы на Луках Великих говорили: «Какая де наша служба, страждем мы от бояр»; с троими из бояр, которых стрельцы считали главными виновниками этой продолжающейся беспрерывно три года скитальческой службы, они и хотели расправиться. Услышав такие слова, он, Ефимко, однако, не донес о них боярину главнокомандующему князю М. Г. Ромодановскому, боясь стрельцов, уйти же от них не смел, потому что его не отпускали и везде были учреждены караулы. Придя под Воскресенский монастырь, он пел молебен «пречистой богородице и чудотворцу Сергию», но молился «о здоровье, а не о победе». Во время боя под Воскресенским монастырем никого из стрельцов своего полка не исповедовал.

Распоп Бориско Леонтьев, бывший полковой священник Чубарова полка, показал, что разговоры в полках о том, чтобы итти к Москве, начались с того времени, когда на Луки Великие вернулись стрельцы, бегавшие в Москву весной 1698 г. На его, попа, увещания стрельцы отвечали: «Не твое де, поп, дело!», и когда он стал унимать от похода к Москве своего сына духовного стрельца Назарку Ерша, тот ударил его за это дубиной так, что он, поп, пролежал с неделю болен. При собрании полков под Воскресенским монастырем он пел молебен «пресвятой богородице», «а о чем, того не ведает». Во время стрельбы из лагеря А. С. Шеина по стрельцам, стрельцы у него исповедовались. О самом ходе сражения: укрепляли ли стрельцы свои обозы, развернуты ли были ими знамена, били ли они в барабаны, была ли стрельба из стрелецкого лагеря по Большому полку, он не знает: «был в то время у своей телеги».

Третий распоп, Ивашко Степанов Кобяков, бывший священник Иванова полка Черного, был по указу патриарха отправлен в Иванов полк Черного на смену заболевшему попу Емельяну Давыдову и встретил свой полк идущим к Москве у Ржевы Володимировой и от Ржевы Володимировой пошел к Москве со стрельцами вместе, так как они ему сказали, что они распущены по домам. Когда стрельцы подошли к Воскресенскому монастырю, то велели своим полковым попам петь молебны; но он, поп Иван, молебна не пел, потому что остался ночевать вне лагеря, «за обозом подле лесу», хлопоча с уставшей лошадью и поломавшейся телегой. Поутру он пошел было в подмонастырную слободу к проживавшему там знакомому подьячему, чтобы добыть корма для лошади, но в слободу не был пропущен солдатами. В это время началась стрельба между Большим полком и стрелецкими полками, и он, поп Иван, боясь, как бы его не убили, побежал к своей телеге и, захватив даро-

носицу и епитрахиль, направился в Большой полк к полковому шатру боярина А. С. Шеина, но тут был схвачен солдатами и приведен к боярину. Что стрельцы шли для бунта, он не знал, потому что шел с ними недолго, и не знал также, о чем пели молебны «его братия» попы.

Дьячок Сенька Осипов показывал, что попал в дело случайно. Он оказался племянником заболевшего полкового попа Иванова полка Черного, только что упомянутого выше Емельяна Давыдова. Получив письмо о болезни дяди, передав в Патриарший разряд его челобитную об увольнении от службы и выхлопотав ему такое увольнение, он отправился за больным дядею вместе с назначенным ему на смену попом Иваном Степановым Кобяковым на Великие Луки. Встретив полк Черного у Ржевы Володимировой и получив от стрельцов известие, что дядя его находится в Великолуцком уезде в одной из деревень у крестьянина, он, опасаясь один продолжать путь на Великие Луки, повернул к Москве и поехал вместе со стрельцами, не зная, для чего они туда идут. Когда же пришли под Воскресенский монастырь, уйти от стрельцов уже было нельзя: они никого не выпускали из лагеря. У молебна он, Сенька, не был; пел ли молебен поп Иван, не знает и чтобы кто-либо иной пел молебен в том полку, не слыхал, потому что в то время учинилась сумятица. Помнит, что поп Иван Степанов говорил ему поутру, что ходил под монастырь, да не пустили его солдаты [1].

После допроса духовенства перешли к допросу главнейших виновников мятежа, начав его с допроса если не главаря, то, несомненно, одного из идейных руководителей бунта, десятника Колзакова полка Василия Андриянова Зорина. Это был старый стрелец, хорошо помнивший события 1682 г., на которые он неоднократно ссылался в своих показаниях, человек, видимо, тяжело переживавший события, в которых ему приходилось участвовать, и задумывавшийся над тем, что̀ происходило на его глазах, ревнитель благочестия и сохранения старых нравов и порядков и потому враг новшеств. 18 июня 1698 г. под Воскресенским монастырем перед самой битвой боярин А. С. Шеин, делая попытку уговорить стрельцов отстать от бунта, послал к ним генерал-поручика князя Ивана Михайловича Кольцова-Масальского. Когда Кольцов-Масальский подъехал к стрелецкому обозу, из обоза вышел к нему Василий Зорин, подал ему какие-то бумаги и просил прочесть их перед всеми солдатами Большого полка. Бумаги эти были: челобитная, составленная самим Васькой Зориным, и письмо, выходившее из широких стрелецких кругов. Остановимся на некоторое время на первом из этих документов; в нем сказался весь Васька Зорин.

В челобитной говорилось о стрелецких заслугах и высказывались жалобы на испытанные четырьмя полками отягощения. Произведение это показывает, что автор его не лишен был не-

---

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 6, ст. 36, л. 21—35.

которого литературного таланта, по крайней мере он обнаруживал наклонность прибегать к книжным оборотам. «Бьют челом многоскорбне и великими слезами, — читаем в начале челобитной, — холопи твои, московские стрелецкие полки». После перечня названий четырех полков следует не совсем вразумительное, но необыкновенно широковещательное место, написанное, по словам автора, «богословием»: «Изволением великого бога в троице славимого отца и сына и святого духа, царя царствующих и господа господствующих всем языком определившего и избравшего в наследие, есмя избранное народ христианский (?)». За таким многословным вступлением идет исчисление стрелецких заслуг, начинаемое с указания на службу великим государям их стрелецких отцов, дедов и прародителей: они, стрельцы, служили «во всякой обыкновенной христианской вере и обещались до кончины жизни... благочестие хранити, яко же содержит святая апостольская церковь». По связи, очевидно, с «охранением христианского благочестия» Зорин припоминал, что в 1682 г. стрельцы удержали «всеконечное стремление бесчинства», и это удержание, как он объяснял на допросе перед боярином Шеиным, заключалось, между прочим, в том, что стрельцы отговаривали от раскола свою братью стрельцов, уклонившихся в раскол, а иных прочих раскольников ловили и приводили к розыскам. Зорин припоминал также и указ 1682 г. о реабилитации стрельцов, которым, в связи с постановкой на Красной площади монумента о деяниях стрельцов и с наименованием их «Надворной пехотой», запрещалось звать их изменниками и бунтовщиками. Указав на заслуги в прошлом, челобитная переходит, далее, к последним событиям, к Азовским походам 1695 и 1699 гг. и содержит ряд пунктов с жалобами на пристрастное отношение к стрельцам Лефорта и на целый ряд его действий, направленных на их пагубу. Поставив себе задачей учинить «великое препятие благочестию», Лефорт решил губить стрельцов и для этого, во-первых, несвоевременно подвел их к городской азовской стене и ставил в самых опасных местах, отчего было побито их множество; затем, делая подкоп, неосторожно подвел его под их шанцы, и при взрыве этого подкопа погибло их более трехсот человек; вызвав охотников итти на приступ — причем сулил этим охотникам денежные награды и повышения в чинах — расположил стрельцов-охотников так, что множество их погибло, притом самых лучших людей. Уже в первом походе они, стрельцы, подавали мысль взять город «привалом», т. е. постепенно насыпая и подводя к стенам вал, но он, Лефорт, этот план «отставил», а, между тем, таким именно способом Азов и был взят во втором походе. «Не хотя наследия нашего христианского видеть», как пишет далее Зорин, Лефорт удержал их, стрельцов, под Азовом в первом походе позже всех других родов войск — до 3 октября, а затем, двинувшись из Черкасска 14 октября, повел их степью нарочно, чтобы до

конца их всех сгубить; во время этого перехода они голодали, принуждены были есть мертвечину и «премножество их в той степи пропало». Все эти неудачи первого похода больно задевали Зорина как участника и очевидца, и все они, по его ненависти к немцам, были отнесены на счет злоумышленных козней «еретика Францка Лефорта».

Во втором походе Азов был взят, но после этого они, стрельцы, были оставлены «город строить», т. е. сооружать новые укрепления. Расчистив азовское место, они воздвигали земляные укрепления и закончили это дело, работая целый год «денно и нощно пресовершенною трудностью». 24 июня 1697 г. они, наконец, были выведены из Азова и объявлено было, что они пойдут в Москву. Но с дороги вследствие полученных тревожных известий их направили на усиление стоявшего на юге корпуса князя Якова Долгорукого в Змиев, Изюм, Царев-Борисов и Маяцкий, где и стояли «в самой последней скудости и нужде» до осени. Осенью же 21 сентября им сказан был указ итти, не заходя в Москву, в полк боярина князя Михаила Григорьевича Ромодановского в Ржеву Пустую на польскую границу. «Радея великому государю», они, стрельцы, и на эту службу «шли денно и нощно в самую в последнюю нужду осенним путем и пришли чуть живы», а находясь на польском рубеже, стояли «в зимнее время в лесу в самых нужных местах, мразом и всякими нуждами утеснены» и служили, надеясь на милость великого государя. В июне последовало повеление о роспуске всех полков Новгородского разряда, и тут боярин князь М. Г. Ромодановский, выведя четыре стрелецких полка из Торопца, вдруг приказал своим войскам их рубить неведомо за что. «Да мы же, холопи твои, — так заканчивается челобитная, — слыша, что в Московском государстве чинится великое страхование и оттого город затворяют рано, а отворяют часу в другом или в третьем и всему народу чинится наглость, да нам же слышно, что идут к Москве немцы и то знатно последуя брадобритию и табаку всесовершенное благочестию испровержением»... На этой недосказанной и мало вразумительной фразе челобитная обрывается, автор не успел окончить ее, как он объяснял, за скоростью похода и быстротой появления войск Шеина. В этой фразе он, очевидно, хотел сказать, что стрельцов побудили самовольно двинуться к Москве те тревоги, о которых до них доходили вести из столицы, какие-то слухи о принимаемых в городе мерах к защите, о каких-то утеснениях народу и о готовившемся прибытии в Москву немцев, в связи с которым последует введение брадобрития, курения табака и «всесовершенное благочестию испровержение».

Таково содержание челобитной. Не успев ее дописать, Зорин так и подал ее князю Масальскому в черновом виде. Содержание поданного им, но написанного другими авторами письма близко подходит к челобитной: ясно, что во всех стре-

лецких головах носились тогда одни и те же мысли. Здесь нет только тех цветов красноречия, которыми наполнена челобитная Зорина; нет и воспоминаний о событиях 1682 г. Об азовской службе рассказано короче. Далее, упомянута одна подробность—ее нет в челобитной — именно: когда после постройки новых азовских укреплений стрельцы были отпущены, одна часть их пошла из Азова по Дону, таща до самого Воронежа двести будар, нагруженных пушечной и ружейной казной, тогда как другая, шедшая сухим путем и достигшая уже города Валуек, от Валуек направлена была в корпус князя Якова Долгорукого. Тягости службы на польских рубежах — на себежском и на невельском — в письме описаны подробнее; терпели голод, холод и всякую нужду: для постоя отводилось слишком мало дворов, так что размещались на одном дворе человек по ста и по полтораста. Хлеб покупали настолько дорогой ценой, что месячного жалованья на покупку хлеба и на две недели нехватало; многие нищенствовали, «скитались в миру». Когда их перевели на Великие Луки, где они стояли недель с тринадцать, они просились в уезд для сбора милостыни — для прошения хлеба по миру,— но их не отпускали, тех же, которые все-таки уходили кормиться «христовым именем», наказывали, били батогами. Все эти походы и службы служили они «за одним подъемом», т. е. располагая только теми средствами, которые были захвачены из дому, не бывая дома затем и не подкрепляя этих средств. Из Великих Лук их перевели в Торопец, откуда вскоре велено было служилых людей конных и пеших распустить по домам, а их стрелецкие полки направить не в Москву, а в уездные города: на Белую, в Вязьму, в Дорогобуж и в Ржеву Володимирову. Торопецкий эпизод, т. е. будто бы отданное князем М. Г. Ромодановским своим конным войскам распоряжение, выведя стрельцов из города, рубить, передан, как и в челобитной. Письмо заканчивается уверением, что они, стрельцы, испугавшись этого приказа Ромодановского, бредут к Москве не для московского разоренья или какого-либо смертного убийства, междоусобия или бунта, а только для того, чтобы повидать свои семейства и дома; а, отдохнув немного в Москве, они вновь рады служить, «где великий государь укажет». Ко всему этому стрельцы присоединили оговорку, что на пути, проходя по городам, селам и деревням, они никому никакого грабительства и обид не делали и, хотя лошади, которые везли пушки, порох, свинец и всякие полковые припасы, у них пали, однако, никаких подвод они под эту казну не собирали, а везли ее на себе.

Тотчас же после битвы под Воскресенским монастырем, решившей судьбу стрелецкого мятежа, 18 июня Васька Зорин был допрошен боярином Шеиным по поводу поданных им документов, а затем допрос повторялся 20, 24, 25 и 26 июня. На этих допросах с пытками он категорически отверг свое автор-

ство в отношении письма, сказав, что передал ему письмо того же Колзакова полка сотенный Ивашка Клюкин и велел подать его князю Кольцову-Масальскому от всех стрельцов четырех полков, но кто составлял письмо, он не знает. Действительно, письмо составлялось другими лицами (как оказалось впоследствии, стрельцом Артюшкой Масловым[1]), и еще накануне, 17 июня, другой его экземпляр был вручен четырьмя выборными стрелецкими депутатами командовавшему авангардом генералу Гордону для передачи боярину Шеину. Показание Зорина о непричастности его к составлению письма, видимо, встретило такое доверие у тех, кто его допрашивал, что этот вопрос сразу был исчерпан, к нему более не возвращались, и весь интерес допроса сосредоточился на челобитной. О составлении челобитной показания были тогда более колеблющиеся. Первоначально, на допросе 18 июня, Зорин говорил, что челобитная исходила из широких кругов, написана была «у них у всех по их стрелецкому общему совету и согласию». Послали его, Ваську, подавать челобитную князю Масальскому пятидесятники, десятники и все рядовые. Писал ее того же Колзакова полка сотенный Левка Рыбников, а он, Васька Зорин, только «сказывал писать», т. е. диктовал ее, причем «у письма той челобитной были два пятидесятника, пять десятников, трое рядовых».

Таким образом, на первом допросе он представлял дело так, что челобитная составлялась по общему желанию и внушению всех четырех полков; заведовала ее составлением ближайшим образом как бы особая комиссия из двух пятидесятников, пяти десятников и трех рядовых; он, Зорин, входя также в состав этой комиссии, диктовал проект текста, который записывался Левкой Рыбниковым. Но затем на следующем допросе, 20 июня, на пытке он сказал, что челобитную писал он один и только показывал ее двум стрельцам Ивашке Волосатому и Якушке Алексееву, которые будто бы, посмотрев челобитную, советовали сделать некоторые исправления. На следующем допросе, 24 июня, он сначала говорил, что челобитную велели ему писать стрельцы только его, Колзакова, полка, причем не обозначали содержания челобитной подробно, а дали, как бы мы сказали теперь, только общие директивы: «челобитную велели ему писать, не определяя какую, только велели объявить службы и нужды, а окончать виною», т. е. перечислить их стрелецкие службы и указать на испытываемые ими нужды, а в заключение написать повинную в самовольном их движении к Москве. Затем говорил, что составлял челобитную вдвоем со стрельцом Васькой Игнатьевым, но, наконец, признался, что писал челобитную «собою и своим вымыслом один», ни от кого о ней не слыхал и никто его о том не научал, равным образом и подал челобитную князю Кольцову-Масальскому по собственной инициативе. Это признание он

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 6, ст. 36, л. 38—39.

подтвердил и на последнем допросе 26 июня, О цели челобитной он на первом допросе показывал, что он имел в виду закончить ее повинной и прошением, чтобы государь пожаловал, велел им их вину — самовольный уход из Торопца к Москве— отпустить: к Москве они шли не с какими-либо злыми умыслами об убийстве или бунте, а единственно для свидания с семьями. Впредь они готовы служить, где государь укажет. Но на последнем допросе говорил совсем другое: к Москве они шли «страшною неурядною яростью», имели в виду и в Москве возмущение и великое смятение. Челобитную свою он, Васька Зорин, после того как четыре полка собрались бы в Москве, намеревался в Москве объявить во всем народе и затем потребовать выдачи на убийство Франца Лефорта за непотребные его дела, о которых написано в челобитной. Он признавал также, что дело могло дойти и до побиения бояр подобно тому, как это случилось в 1682 г.[1]

Таков был стрелец Васька Зорин, насколько его мысли и чувства выразились в составленной им челобитной и в показаниях, данных им на розыске под Воскресенским монастырем. Запись этого розыска, конечно, была прочитана московскими следователями и самим Петром. С челобитной начался и допрос Зорина 17 сентября в застенке Ромодановского, надо думать, в присутствии Петра.

На этот раз Зорин показывал, что челобитная составлена во время самовольного похода стрельцов из Торопца к Москве, не доходя до Ржевы Володимировой. Писал ее Левка Рыбников, но с его, васькиных, слов. В противность показаниям, данным в июне, в которых Зорин не отрицал фактов, изложенных в челобитной, теперь он отрекался от ее содержания и говорил, что все, что в ней написано, — его злонамеренные вымыслы. Все статьи челобитной о Франце Лефорте, как и заявление, будто князь М. Г. Ромодановский велел рубить стрельцов, выведя их из Торопца, далее, о тревоге в Москве и о приходе в Москву немцев — все это он, Васька, писал, «затеяв собою напрасно» для того, чтобы вызвать возмущение. Но отрекшись, таким образом, от приведенных в челобитной фактов и сознавшись в вымысле, Зорин сделал новое, чрезвычайно важное признание, объявив, что у них, стрельцов, было намерение, придя к Москве всеми четырьмя полками, стать под Девичьим монастырем и бить челом царевне Софье Алексеевне, чтобы взяла в свои руки правление государством. Совет об этом был у стрельцов, не доходя до Ржевы Володимировой. К Москве они шли, надеясь на царевну, потому что она уже и раньше «правила государством»; однако никакой пересылки с Москвы о том, чтобы им итти в Москву, у них, стрельцов, не было.

Оба эти пункта показания Зорина: и челобитная, и мысль о призвании царевны Софьи в правительство были 17 сентября

---

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 2, ст. 60, л. 56—81.

после некоторых предварительных запирательств подтверждены и его ближайшими сотоварищами по замыслам и разговорам: Васькой Игнатьевым, Аничкой Сидоровым и Якушкой Алексеевым, когда их запирательства были разбиты уликами, предъявленными против них Зориным на очных ставках с ними. Они показывали, что про челобитную они знали, Зорин читал им ее и спрашивал их мнений, которыми они с ним и делились. Они же на стану между Торопцом и Ржевою Володимировою за ужином, а затем и на дороге, едучи с Васькой Зориным на одной телеге, обсуждали планы дальнейших шагов и выступлений. Придя в Москву, действительно, они замышляли стать всеми четырьмя полками на Девичьем поле и просить царевну Софью Алексеевну принять на себя правление государством. Если бы царевна не согласилась, тогда у них было намерение с челобитной снять копии и распространить их по московским слободам для возмущения и бунта, а, возмутя чернь, итти разорять Немецкую слободу и побить иноземцев за то, что «православие от них закоснело». «Закоснение же православия», как им объяснял Зорин, виделось в том, что в богоявленьев день и в вербное воскресенье прекратились в Москве прежние крестные ходы. Побивши иноземцев, имели намерение побить и бояр: Т. Н. Стрешнева за то, что «на службе их не кормил», т. е. не заботился об аккуратной выдаче им жалованья; управляющего Стрелецким приказом князя И. Б. Троекурова — за его жестокость, за то, что «к ним немилосерд, напрасно их бьет и ссылает безвинно», и князя М. Г. Ромодановского — за тягости службы на польском рубеже, за то, что «их морил в степи зиму». В других позднейших стрелецких показаниях это избиение только бояр, казавшихся виновными по отношению к стрельцам, расширялось до избиения бояр вообще. Избив бояр, стрельцы предполагали поселиться в Москве, и если бы царевна не вступила в правительство, то хотели «обрать» на царство царевича Алексея Петровича, так как распространился слух, что великого государя за морем не стало. Все эти мысли и намерения были известны стрельцам всех четырех полков[1].

Допросом этих ближайших соучастников Васьки Зорина розыск 17 сентября закончился. Розыск дал два результата. В нем, во-первых, вновь всплыла челобитная Зорина с изложением стрелецких жалоб и, во-вторых, вскрылись дальнейшие планы и намерения стрельцов. В челобитной, хотя и не прямо, но высказывалось резко отрицательное отношение к взятому царем правительственному курсу. Осуждались промахи военных властей под Азовом, взятием которого Петр так гордился, преступные и злонамеренные действия иноземца-еретика Франца Лефорта, который был его любимцем. Выражалась глубокая ненависть к иноземцам, которых Петр старался привлечь, и враждебное отношение к новым обычаям,

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 6, ст. 36, л. 21—35.

которые он вводил, но в которых стрельцы видели ниспровержение старого благочестия и православия. В планах и намерениях стрельцов относительно будущего высказанные в челобитной религиозно-национальные мотивы сплетались с социальными и политическими: за истреблением иноземцев должно было последовать избиение бояр и возведение правительницы или «обрание» царевича, иными словами, низложение Петра и установление правительства, которому стрельцы могли бы диктовать свою волю, как это было в 1682 г.

VI. ПЕРВЫЙ БОЛЬШОЙ РОЗЫСК 19—22 СЕНТЯБРЯ. ПОКАЗАНИЕ ВАСЬКИ АЛЕКСЕЕВА

18 сентября было воскресенье. Праздничный день занят был, впрочем, подготовкой дальнейшего материала: доставлены были в Преображенский приказ 100 человек стрельцов, привезенных из Ростова, и 8 человек из Воскресенского монастыря, оставленных там после битвы раненными и больными. 18-го давал большой пир второй посол Ф. А. Головин; по словам Гордона, «было большое общество, много пили и танцовали» и, как прибавляет Корб, «для увеличения веселости были пущены в ход большие воинские орудия». 19 сентября, в понедельник, деятельность застенков возобновилась: «происходило строгое следствие», записывает Гордон в дневнике[1]. В Преображенский приказ была передана новая партия стрельцов, привезенная из Переяславля Рязанского в числе 56 человек, что вместе с двумя партиями, доставленными в Преображенский приказ накануне, составило 164 человека. Эти стрельцы были распределены по 10 застенкам группами от 14 до 19 человек. Вести розыск в застенках были назначены наиболее видные сановники и министры: стольник князь Ф. Ю. Ромодановский, бояре — князь М. А. Черкасский, князь В. Д. Долгорукий, князь П. И. Прозоровский, князь И. Б. Троекуров, князь Б. А. Голицын, Т. Н. Стрешнев, А. С. Шеин, окольничий князь Ю. Ф. Щербатый и думный дьяк Н. М. Зотов. Этим высокопоставленным следователям были вручены 19 сентября статьи, заключавшие в себе ряд вопросов, по которым надлежало вести дознание. По всей видимости, статьи, в числе пяти, были продиктованы самим Петром; они носят на себе отпечаток его слога[2]. Основанием для статей послужил материал, добытый следствием 17 сентября; отдельные вопросы статей сосредоточены около

[1] Корб, Дневник, стр. 89; Gordons Tagebuch, III, 216.

[2] Экземпляр их, сохранившийся в деле о стрелецком розыске. (Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 2, ст. 23), следует считать подлинным, судя по тем помаркам, с которыми он написан и которые показывают, как автор заменял одни слова другими и искал подходящих выражений. Экземпляр этот нельзя считать копией с какого-либо другого, потому что при копировании такого рода помарки были бы невозможны.

двух пунктов, установленных показаниями Зорина и его ближайших сообщников, 17 сентября, именно, с одной стороны, касались составленной Зориным челобитной, а с другой — имели в виду выяснить намерения стрельцов пригласить царевну в правительницы и истребить иноземцев и бояр. Вот текст этих статей:

«Распрашивать у пытки и пытать против статей.

1

Как они, стрельцы, забунтовали и шли к Москве, царевну Софью Алексеевну к себе во управительство иметь хотели ль и по какой ведомости, по присылке ль от ней или по письму, и если бы царевна не пошла, кому было у них быть во управление, и чтó было им чинить. И о солдатех на карауле у Девичья монастыря чтó у них положено делать?

2

Про челобитную состава Васьки Зорина все ли они ведают и в полках чтена ль, и с нее список списав на Москве по всем слободам для возмущения посылать хотели ль и Немецкую слободу разорять и иноземцов, а на Москве бояр побить хотели ль?

3

Ведомо им, что на Москве оставлены Преображенского и Семеновского и генеральские полки и как бы они пришли к Москве, а солдаты им противны, чтó б было им с ними делать?

4

И буде во всем станут запираться и им сказать, что товарищи их Васька Зорин, Васька Игнатьев, Аничка Сидоров, Яшка Алексеев в распросах и с пыток говорили: царевну во управление призывать и по черным слободам для возмущения посылать, и Немецкую слободу рубить, и бояр побивать, про то ведали всех четырех полков все стрельцы, и они в том вину свою принесли. А смерти они достойны и за одну противность, что забунтовали и бились против Большого полка.

5

Ведают они, что государь за морем здравствует и к Москве будет и об нем, государе, что у них было усоветовано, иметь ли его себе государем или им жить было самовольно, и кому их управлять, о том у них на чем положено или какой вор в начальники им был выбран и была ль у них о том с кем пересылка?»[1]

---

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 2, ст. 23; ср. там же, карт. 6, ст. 36, л. 36—37.

По этим статьям и производился допрос в застенках 19 и 20 сентября. На предъявленные к ним вопросы громадное большинство стрельцов начинали свои ответы показанием, что шли в Москву не для какого-либо возмущения и бунта, а с целью повидаться с семьями, с женами, детьми и родственниками. Иные ссылались на бедственное положение, в котором протекала их служба на польской границе, говорили, что шли «от скудости», «от голоду», «от бедности», «для того, что стало им есть нечего», «потому что наги и босы», имели в виду в Москве побить челом о жалованье, о подъемных деньгах, о нуждах своих и в частности указывали, что хотели бить челом боярину Т. Н. Стрешневу. Некоторые приводили в свое оправдание, что были во время этого похода больны и их везли на телегах, помимо их воли, другие, что не могли противоречить старшим по малолетству. Действительно, среди стрельцов было много мальчиков, начиная с пятнадцатого года возрастом. Указывали и на подневольность похода, на испытанное принуждение, которое в иных случаях сопровождалось угрозами: или «по приневоливанию» стрельцов, бегавших в Москву весной 1698 г., «за страхом прежних беглецов, они их принуждали». Кроме «прежних» беглецов, как оказалось, наиболее активными и упорными бунтовщиками были стрельцы Чубарова полка; они приневоливали к походу нерешительных и колебавшихся, которых, должно быть, было немало в других полках. Стрелец Колзакова полка Андрей Мыльников в розыске у окольничего князя Ю. Ф. Щербатого показывал, что Афанасьева полку Чубарова стрельцы взяли их, колзаковцев, в полк неволею, чтоб им с ними «иттить к Москве, а буде с нами не пойдете, и мы де вас прирубим всех». В каждом полку стрельцы наблюдали друг за другом, и тем, кто не хотел принимать участия в походе, уклониться от него, бежать с дороги и скрыться было невозможно, «а бежать де они, молодшие люди, — как показывал на розыске у боярина Т. Н. Стрешнева стрелец Федька Боровков, — не смели, потому что положено было у них у всех: кто сбежит, тому голову отрубить».

Факта движения на Москву нельзя было, конечно, отрицать; его надо было только объяснять, приводя благовидные предлоги. Но по тем главным пунктам, которых касались вопросы. заключавшиеся в пяти статьях, было обнаружено на допросах 19 сентября категорическое отрицание и упорное запирательство. Значительное большинство на вопросы о бунтовой челобитной, составленной Васькой Зориным, о том, была ли она чтена и о намерении, сняв с нее списки, рассылать их по слободам в Москве для возмущения черни, решительно отозвались неведением. Только некоторые немногие давали неясные и неполные показания, в которых сквозило как бы полупризнание. Показания такого рода подтверждали существование челобитной, но выгораживали самих показывающих от всякого соприкосновения с этим документом. «Бунтовую челобитную,

как чли, слышал, — говорил стрелец Сенька Иванов на розыске у князя Ф. Ю. Ромодановского, — а что в ней написано, того не ведает, стоял в то время на карауле у полковой казны, не доходя Воскресенского монастыря». «Челобитную, недошед Воскресенского монастыря, в полках прочитали, а кто прочитал и что́ в той челобитной сверх нужд их написано, того он не дослышал, потому что стоял далече», — показывал стрелец Алешка Карманов на розыске у Т. Н. Стрешнева. Десятник Мишка Афанасьев на розыске у Ромодановского сказал: «Про бунтовую челобитную он ведал, а что́ в ней написано, того не ведает». Стрелец Колзакова полка Алешка Клочков показывал на розыске у Т. Н. Стрешнева, что знал содержание челобитной и знал, что читал ее Зорин, но припутывал совершенно неверные объяснения намерениям стрельцов: «Недошед-де Воскресенского монастыря за день или за два сходилися все четыре полка и челобитную, которая писана о службе их, как они были под Азовом и как шли из-под Азова и были на Украйне и во Ржеве и о порядочной службе, в полках прочитали, а чел Васька Зорин и говорили, что им итить к Москве, взяв святые иконы своих полков и стать под Новодевичьим монастырем и бить челом государыням царицам и государю царевичу и государыням царевнам о порядочной службе для того, что-де великого государя на Москве не было». По этим объяснениям целью похода было челобитье о службе, которое за отсутствием государя надо было подать всем наличным представителям царствующего дома, притом в самой почтительной форме: со «святыми иконами» в руках. Челобитная Зорина в этих полупризнаниях иногда смешивается, может быть, с умыслом, но, может быть, и вполне искренно с «письмом», посланным в Большой полк Шеина с четырьмя депутатами. Стрелец Стенька Микифоров на розыске у князя П. И. Прозоровского говорил: «Челобитную во всех полках у них прочитали тое, с которой посыланы к Москве бить челом великому государю о жалованье, а Васька ли Зорин ее составливал, того он не ведает. А про Франца де Яковлевича Лефорта в той челобитной было не написано». Десять человек стрельцов Гундертмаркова полка и шестеро Колзакова на розыске у князя Б. А. Голицына говорили в один голос, что «челобитную, которую послали к боярину А. С. Шеину, прочитали всем полкам по сю сторону Волока Ламского, а та ли, что составливал Васька Зорин или иная, про то не ведают и что в ней написано, не помнят». Возможно, конечно, что в стрелецкой массе, действительно, далеко не все были осведомлены о различии между этими двумя документами, между «челобитной» Зорина и «письмом», и у многих, в особенности у рядовых стрельцов, которых, как жаловался упомянутый выше стрелец Боровков, пятидесятники и десятники на свои советы не допускали, «таясь от них», было смутное представление о содер-

Рис. 5. Бой войск А. С. Шеина со стрельцами под Воскресенским монастырем. Гравюра из дневника Корба 1698 г.

жании челобитной, выслушанной в большой толпе, до последних рядов которых не все слова долетали.

Столь же решительно отрицательные ответы давало большинство стрельцов и на вопросы о намерении стать полками на Девичьем поле, пригласить царевну Софью в правительство, драться с солдатами, рубить иноземцев и бояр. При таком единодушном запирательстве запись показаний принимала довольно однообразный, шаблонный и трафаретный характер: «В распросе и с пытки Тихонова полку Гундертмарка стрелец Стенька Микулин (совершенно в том же роде и другие записи) говорил: к Москве-де они пошли по неволе (т. е. по приневоливанию) беглых стрельцов, которые были на Москве и присланы к ним в полки. А про то, что было им, пришод к Москве, стать на Девичьем поле и бить челом царевне Софье Алексеевне, чтоб она вступила в правительство и их приняла, и про воровскую бунтовую челобитную составу Васьки Зорина, и чтоб с той челобитной списав списки, на Москве во все слободы для возмущения черни посылать ли, и Немецкую слободу разорять ли и иноземцев, и в Москве бояр побить кто хотел ли, и солдат, которые б высланы были против них Преображенского и Семеновского и генеральских полков, также которые были б на карауле у Новодевичья монастыря, побить ли, того не ведает. А про то, что государь за морем здравствует, он ведал, а к Москве как будет, не ведал и на великого государя у него умыслу никакого не было и ни от кого не слыхал А его ж де братье стрельцом его, государя, себе государем иметь ли или им жить самовольно и кому их управлять, про то ни про что не знает и от товарищей своих не слыхал и в начальники у них никто был не выбиран и на письме, и на словах о том пересылки с Москвы ни от кого, ни к кому не слыхал»[1].

Только немногие стрельцы сознавались с первых же пыток. Так, в застенке князя Ф. Ю. Ромодановского сознался один из наиболее видных участников мятежа, пятисотный Чубарова полка Артемий Маслов, который, во-первых, признал свое авторство в составлении «письма», посланного в Большой полк с четырьмя депутатами, а затем, вопреки первому своему показанию, в котором говорил, что ни о чем не ведает, будучи уличен своим однополчанином Якушкою Алексеевым, должен был признать, что стрельцы имели в виду, придя к Москве на Девичье поле, бить челом царевне Софье Алексеевне, чтобы она попрежнему была на Москве в правительстве. Если бы солдаты вообще не пропустили бы их в город, то должны были, остановившись на Девичьем поле, написать в стрелецкие полки, находящиеся на службе по городам, и звать их к себе на помощь, а когда бы стрельцы из городов на помощь к ним пришли, должны были с солдатскими полками биться. Иноземцев и бояр стрельцы, придя

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 6, ст. 36, л. 38, 39.

к Москве, хотели побить, Немецкую слободу разорить. Относительно причины такого намерения истребить иноземцев Артюшка Маслов сослался на челобитную Зорина, в которой, по его словам, «злоба их немецкая» достаточно выяснена. С этой челобитной они хотели снять списки и разослать по московским слободам для возмущения. Если бы царевна правления не приняла, то была мысль бить челом государю царевичу, чтобы принял правление до возвращения отца. Если бы царевич не принял правление, следовало обратиться к царевнам, чтобы которая-нибудь из них приняла правление. На предложенный в застенке, вероятно, князем Ф. Ю. Ромодановским, вопрос о том, если бы царевны правительства не приняли, кому бы тогда править, Артюшка отвечал: «Царевнам правительства как было не принять! Кроме них править было некому!» Намерение выбрать какого-нибудь правителя из них же, стрельцов, или из иного какого чина людей он категорически отрицал. С той же твердостью и определенностью он отрицал всякие письменные или иные какие-либо пересылки с царевной Софьей Алексеевной и, заканчивая ответ, сильно покривил душой, сказав, что если бы государь, о котором он знал, что здравствует за морем, «изволил из-за моря притти к Москве, и они б де его, государя, приняли с радостью». Как увидим впоследствии, у стрельцов было намерение не пустить государя в Москву при возвращении и даже убить его.

Откровенное показание дал молодой стрелец Колзакова полка Ивашко Корнилов, отличавшийся, повидимому, большим благочестием, исполнявший обязанности псаломщика «у крестов», т. е. при полковой церкви, и дававший обещание постричься в монахи, что́ было подтверждено его полковником Федором Колзаковым, сказавшим, что Ивашко «человек добрый и работал в службе у крестов и о пострижении ему, Федору, бивал челом». С первого же допроса в застенке Н. М. Зотова он показал: «Как пошли стрельцы самовольством к Москве, и он слышал от многих, что они пошли от голоду и побить бояр, а именно про Тихона Никитича Стрешнева: он де держит их, а про иных именно не упомнит, да Иноземскую слободу вырубить. И больши-де всех негодуют на них, иноземцев, знатно де те тягости и недобро им ставится от них, иноземцев, что беспристанно де бывают в волокитах и в службах, а иные де говорили: хотя б де неделю пожить и с женами повидаться и опять итти хоть на пять лет»[1].

Эти полупризнания все же проливали некоторый свет на истинные намерения, с которыми шли к Москве четыре возмутившихся полка. Но решительно все стрельцы, даже те, которые относительно этих намерений делали более откровенные показания, давали категорически отрицательный ответ на во-

---

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 6, ст. 1, л. 13.

прос о сношениях полков с царевной Софьей, о каких-либо письмах или устных пересылках с нею[1].

20 сентября розыск возобновился с новой силой. В Преображенский приказ в этот день были переданы, а оттуда такими же группами распределены по отдельным застенкам две новые партии стрельцов: одна в 98 человек, привезенных из Спасского монастыря в Ярославле, другая в 79 человек, привезенных из Кашина и из Калязина монастыря. Показания этих групп начались так же, как и в предыдущий день. Давались в том же роде объяснения факту движения к Москве. Некоторые везли больных. Здоровые шли для свидания с семействами, «желали побывать в доме своем и, побыв дома, итти попрежнему на службу», или от скудости и голода, «от бедности с голоду, безо всякого умышления, видеться с женами», как показали один за другим все 18 человек, допрошенные в застенке князя Б. А. Голицына. Стрелец Пронька Данилов в розыске у князя В. Д. Долгорукого показывал, что шел к Москве «для того, что платьем ободрался и нужно (т. е. тягостно) им было на службе быть и голодно, а совету и умышления ни с кем, будучи на Москве что чинить, не было», а стрелец Сенька Кондратьев в том же застенке говорил: «к Москве шли все четыре полка и советовали о том все, а на совете положено у них было то, что итти им к Москве от нужды и от бедности для того, что были босы и наги, а с Москвы куды им государь указал итти, туды б они и пошли». Указывалось, как и накануне, на принуждение от старших, на угрозы со стороны Чубарова полка, на страх перед своими же однополчанами, грозившими расправиться с теми, кто не хотел итти. «К Москве шел от скудости, — говорил на розыске у князя Ромодановского стрелец Терешка Кубанов,—а вели де их к Москве пятидесятники и десятники, а для чего, того не ведает, а ведают про то они, пятидесятники. А им-де было их, пятидесятников и десятников, как не слушать для того, что они у них бо́льшие?» Чубарова полка стрельцы, наиболее возбужденные и упорные, запугивали остальные полки, «не велели» стрельцам слушаться своих полковников и вели их к Москве, по выражению одного стрельца, «за караулом». Некоторые делали попытки бежать с дороги, но бывали изловлены однополчанами и возвращаемы опять в полк и шли «убоясь стрельцов» или «боясь своей братьи, чтоб не убили». Были такие, которые ссылались на свою «простоту», отрицая

---

[1] Розыски 19 сентября 1698 г.: Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 6, ст. 36: у князя Ф. Ю. Ромодановского — л. 38—56; у князя М. А. Черкасского — л. 99—104; у князя В. Д. Долгорукого — л. 235—239; у князя П. И. Прозоровского — л. 258—265; у князя И. Б. Троекурова — л. 213—217; у Т. Н. Стрешнева — л. 146—155; у князя Б. А. Голицына — л. 203—205; у князя Ю. Ф. Щербатого — л. 291—293; у А. С. Шеина — л. 285—290; у Н. М. Зотова — там же, карт. 6, ст. 1, л. 1—16; Устрялов, История, т. III, стр. 626.

в походе на Москву какое-либо «умышление и совет», т. е. какой-либо злой умысел. Многие показывали, что увлечены были невольно примером других стрельцов, которому слепо следовали, ни о чем не рассуждая, шли «смотря на свою братью стрельцов, а для чего не ведают»; один отозвался, что шли к Москве «самодуром», а в мрачных словах другого стрельца, Сеньки Волынки, на розыске у князя Ю. Ф. Щербатого прозвучала нота безысходного отчаяния: все равно итти ли, оставаться ли, был один конец — смерть. «Мы-де всеми полками пошли на смерть, что-де нам на службе умереть и на Москве умереть же».

Но на вопросы статей о намерении избрать царевну Софью, избить иноземцев и бояр и т. д. группа стрельцов 20 сентября в громадном большинстве случаев давала по первому допросу, кажется, еще более категорически отрицательные ответы, чем группа их предшественников накануне. Такое по крайней мере впечатление производят записи показаний этого дня сравнительно с записями предыдущего, формулированные в выражениях: «А против статей сказал, что ни про что не ведает» или еще решительнее: «Против статей во всем запирался». Только стрелецкая молодежь была менее упорна и давала с первого же допроса более откровенные показания. Таких молодых стрельцов было несколько человек в розыске у думного дьяка Н. М. Зотова: из 18 стрельцов, допрошенных 20 сентября в его застенке, десятеро, следовательно, более половины, были моложе 20 лет и из них двое стрельцов были совсем еще ребята, имели всего по пятнадцатому году. Стрелец Стенька Михайлов 20 лет говорил: «Как их полку стрельцы самовольством пошли к Москве, и он-де с ними шел же от голоду и по миру кормиться не пускали и за то били батогами. А отца и матери, и жены, и детей и дому у него нет, жил у тетки. А усоветовано де у всех четырех полков, пришед к Москве, рубить бояр за то, что с голоду морят, а кого бояр и кто имяны говорили, того не упомнит, только де то говорили в большом кругу, как все полки обще советовали у Двины реки. И он де, Стенка, в том кругу был же. А приговорщики де в том были пущие беглецы, которые бегали к Москве. И он де, Стенка, побивать и рубить бояр хотел же. А про великого государя у них в полках обносились: уже де он ухожен и бояться нечего, для того де и пошли. А будет де на них с Москвы навстречу выйдут войска, и у них де положено с ними биться. А как де им без великого государя управляться и кому быть начальнику, того де не говорено и иного ничего не ведает и не слыхал» [1]. Еще откровеннее был стрелец того же, Черного, полка Куземка Григорьев: шел к Москве для свидания с матерью своею — желание вполне естественное и понятное у мальчика по пятнадцатому году. «А в большом

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 6, ст. 1, л. 22.

кругу он и в совете не бывал и за малолетством его не призывали и был у них в невольном послушании и говорить против них не смел. А слышал де он в своем полку от многих людей, а имяны не упомнит, что они, стрельцы, хотели побить бояр Тихона Никитича Стрешнева, князя Ивана Борисовича Троекурова, а за что, того он не ведает. А под Воскресенским де в обозе они, Черного полку, никто не стреляли. Да им же де в полку ведомость была, а от кого не ведает, будто великого государя в животе не стало, и им де, пришед к Москве, посадить было на царство царевича Алексея Петровича, да и царевну де из Девичья монастыря хотели взять на царство ж для того, что де она об нас жалеет. А письма де и пересылки от нее, царевны, и ни от кого он не слыхал. Да они ж де, стрельцы, хотели ссылаться в Азов и в Киев, чтоб случиться к Москве вместе и посадить на царство царевича и царевну, да и Немецкую де слободу разорять и немец рубить хотели для того, что де их вошло в царство много и чтоб царством не завладели»[1].

Однако дело розыска за 20 сентября значительно подвинулось вперед. В застенке князя И. Б. Троекурова появился стрелец Черного полка Сенька Климов. Всего с трех ударов на пытке он сказал, что им, стрельцам, было объявлено о цели движения их пятидесятником. Придя в Москву, они имели в виду стать под Новодевичьим монастырем, просить царевну Софью Алексеевну принять правление: если бы она не согласилась, взять в правление царевича; челобитную Васьки Зорина читали во всех четырех полках и, придя к Москве, намеревались списки с челобитной разослать для возмущения, хотели рубить бояр и иноземцев, хотели также рубить оставленных в Москве солдат, а государя, когда вернется из-за моря, к Москве не допустить. Сознавшемуся Сеньке даны были очные ставки с другими стрельцами того же полка, которых допрашивали в том же застенке, и из них семеро, сначала было запиравшиеся, потом сознались и дали показания, согласные с сенькиными. Вся эта признавшаяся группа из восьми человек отправлена была затем в застенок князя Ромодановского, и там по их улике также повинилось несколько стрельцов.

Сенька Климов и его сознавшиеся товарищи посылались для улики, кроме застенка Ромодановского, и в другие застенки, и по их уликам винились в этих застенках стрельцы. В застенке князя Черкасского по уликам Сеньки Климова на очных ставках с ним повинилось большинство допрошенных князем Черкасским стрельцов, до того упорно запиравшихся. Некоторые шли даже дальше этих показаний. Стрельцы Ивашко Сереберцов, Оська Бахарев и Андрюшка Крысенок прибавили, что великого государя, если бы он вернулся, пустить не хотели, а стрельцы Панфилко Рак и Пашка Долгленок шли еще

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 6, ст. 1, л. 26.

дальше и сказали, что не только великого государя в Москву пустить они не хотели, но хотели его убить до смерти для того, что он доверял иноземцам, как выразился первый, или, что он имел дружбу с иноземцами, как говорил второй. В застенке Т. Н. Стрешнева 20 сентября было пытано 18 стрельцов Черного полка, и все они упорно не сознавались, так что в записях их показаний против каждого из их имен стоит отметка, что «против всех статей во всем запирался». Затем в застенок приведен был Сенька Климов с другими сознавшимися, и сам Петр распорядился подвергнуть этих 18 стрельцов новому допросу на очных ставках с уличающими стрельцами[1]. По этим уликам сознался старый стрелец Черного полка Васька Крупин, а за ним повинились и все остальные 17 человек, сознаваясь в замыслах, о которых ставились вопросы в статьях, прибавляя притом, что когда на совете четырех полков они решили, придя в Москву, немцев и бояр порубить, а дома их грабить, то молодые стрельцы при этом говорили: «наживем де и мы по шапке денег». Они признали свою вину в том, что с первого расспросу и с первой пытки не винились и запирались: «и в той де их вине великий государь волен». То же происходило и в застенке окольничего князя Ю. Ф. Щербатого. Стрельцы, допрашиваемые там, также в числе 18, сначала «против статей запирались», но затем, когда к ним явился тот же обличитель Сенька Климов, сознались все, кроме одного Сергушки Чулка, шестнадцатилетнего малого, который был болен, везли его все время больного, что и было подтверждено его однополчанами. В застенке князя Б. А. Голицына по улике присланного от князя Троекурова стрельца Ивашки Григорьева повинились три стрельца: Савка Иванов, Федька Петров и Васька Алексеев, добавлявшие к основным показаниям, что великого государя в Москву пустить не хотели, «потому что он к ним не милосерд, а царевича хотели убить». Но сознававшиеся по всем вопросам стрельцы все же хранили упорное молчание по вопросу о пересылках с царевной Софьей. Об этих пересылках не показал ничего и Сенька Климов с своей группой. И только, повидимому, уже в самом конце розыска в застенке князя Б. А. Голицына стрелец Васька Алексеев, будучи «огнем зжен в третие», к словам о намерении не пустить в Москву государя и убить царевича еще прибавил: «было де к ним письмо с Москвы от царевны, а принес де то письмо с Москвы Васька Тума на Великие Луки. А к ним в Торопец принес то письмо Чубарова полку пятидесятник Мишка Обро-

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 6, ст. 36, л. 156—169: «По указу великого государя привожены все 18 к огню и распрашиваны вдругорядь против указанных статей с пристрастием». Здесь слова «по указу великого государя» могли иметь не формальное, а реальное значение, указывая, действительно, на личное распоряжение Петра.

симов». Это новое и важное признание открывало для розыска дальнейшие перспективы. Что оно было сделано в конце допросов 20 сентября, когда работы в застенках уже заканчивались или даже были закончены, можно заключить из того, что в тот же день никаких дальнейших шагов в этом направлении предпринято не было[1]. В этот день, 20 сентября, по свидетельству Корба, Петр виделся с сыном, который выезжал в Преображенское с теткой царевной Натальей Алексеевной, на попечении которой он находился[2].

VII. ПЕРВЫЙ РОЗЫСК 19—22 СЕНТЯБРЯ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Сделавший такое важное признание стрелец Васька Алексеев был передан в главный застенок князя Ф. Ю. Ромодановского и ночь провел под караулом у генерального писаря Ивана Инехова, а 21 сентября в застенке у князя Ромодановского ко вчерашнему показанию, сделанному у князя Б. А. Голицына, добавил еще, что про письмо от царевны знают все четыре полка, что письмо это принес на Луки Великие из Москвы стрелец Васька Тума и отдал пятидесятнику Мишке Обросимову, а Мишка письмо принес на Двину и сказывал им всем, что письмо от царевны Софьи Алексеевны, читал его в своем полку, а затем собирал к себе стрельцов трех остальных полков, опять читал письмо, и они все его слышали. В письме написано, чтобы им стрельцам итти под Девичий монастырь и оттуда, «спросясь царевны Софьи Алексеевны», итти к Москве и жить в своих слободах. «А как великий государь будет к Москве, и они б его не пустили. А владеть бы и управлять на Москве ей, царевне Софье Алексеевне». Про солдат стрельцы всех четырех полков говорили, чтобы их всех сечь. Высылал его, Ваську, на рынок слушать то царевнино письмо стрелец Чубарова полка Петрушка Григорьев Рубец.

Мишка Обросимов, только в этот день 21 сентября, присланный из Иноземского приказа в Преображенский с партией стрельцов, привезенных из Владимира и Мурома, будучи допрошен о письме, заперся. Петрушка Григорьев Рубец сознался и показал, что ему было известно про письмо и что он, дей-

[1] Розыски 20 сентября: Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 6, ст. 36: у князя Ф. Ю. Ромодановского — л. 57—70; у князя М. А. Черкасского — л. 104—118; у князя В. Д. Долгорукого — л. 240—245; у князя Л. И. Прозоровского — л. 267—270; у князя И. Б. Троекурова — л. 217—223; у Т. Н. Стрешнева — л. 156—169; у князя Б. А. Голицына — л. 205—209; у князя Ю. Ф. Щербатого — л. 296—297; у Н. М. Зотова — там же, карт. 6, ст. 1, л. 17—27; у А. С. Шеина — там же, карт. 7, ст. 112, л. 16—20.

[2] Корб, Дневник, стр. 89.

ствительно, высылал Ваську Алексеева на рынок его слушать. С уликами против запершегося Мишки Обросимова выступили, кроме Васьки Алексеева, еще трое стрельцов: Ивашка Растрюка, затем известный уже нам по розыску 17 сентября видный участник бунта Якушка Алексеев и, наконец, также нам известный пятисотный Чубарова полка, сочинитель «письма», поданного под Воскресенским монастырем А. С. Шеину, Артюшка Маслов, который сначала показывал, что он о письме царевны слышал от Мишки Обросимова и о содержании его знает только со слов последнего, но затем вошел в подробности и, как человек грамотный, владевший пером и склонный писать, изложил свое показание, уличавшее Мишку Обросимова, письменно. В этой письменной улике он сообщал, что Мишка говорил ему на Двине, что стрелец Васька Тума передал ему письмо, принесенное из Москвы от царевны Софьи Алексеевны. В письме этом стрельцам предписывалось итти к Москве, стать под Девичьим монастырем и вместе с царевной вступить в столицу; царя в Москву не пускать «для того, что вы, стрельцы, от него не пожалованы», если солдатские полки станут стрельцам сопротивляться, то стрельцам поднимать и возмущать чернь. Передавая Обросимову письмо, Тума заявил ему о своем намерении прочесть его стрелецким полкам, сказав: «То де письмо под Воскресенским полкам вычтем, а хотя де вдругорядь и под Девичьим монастырем!» О происхождении письма Тума, по дальнейшим словам Маслова в его письменной улике, передавал Обросимову, что он, Тума, будучи в Москве весной 1698 г., приискал какую-то нищую и поручил ей сходить в Девичий монастырь и уведомить царевну о приходе их, беглых стрельцов, в Москву. Нищая ходила в монастырь дважды и в первый раз вынесла ответ, что де вас, стрельцов, пришло в Москву слишком мало, будете ли или нет всеми четырьмя полками? А во второй раз нищая принесла то именно письмо, которое Тума привез и передал Обросимову. Составляя это письменное заявление, в котором он излагал свой разговор с Обросимовым о действиях Васьки Тумы и о его дальнейших намерениях, Артюшка Маслов до времени умалчивал о собственной роли в обнаружении письма [1].

Несмотря на предъявленные улики, Мишка Обросимов оставался тверд в своем запирательстве и, выслушав письменную улику Маслова, «с подъему» ответил: «про такое де письмо сказать не упомнит». Со второго подъема прибавил чуть-чуть больше: про письмо слышал он от стрельцов, но от кого именно, того не упомнит. Никому он о письме не говорил.

Розыск пошел дальше. Барабанщик Карпушка Ерофеев показал, что весной 1698 г. был в Москве с Васькой Тумой и другими беглецами, а затем, вернувшись на Луки Великие, Тума

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 6, ст. 36, л. 72; ср. карт. 7, ст. 4, л. 1.

«сказывал ему, Карпушке: есть де у него письмо царевны Софьи Алексеевны к нашей братье, чтоб они шли к Москве, а бутырские де солдаты их к Москве жедают». С Васькой Тумой были дружны стрельцы Тишка Шевелев, который находится теперь в Кириллове монастыре, Васька Ваулин и Якушка Мартьянов. Тума звал его, Карпушку, и этих трех стрельцов в Москву. «И он, Карпушка, при них, Тимошке Шевелеве с товарищи, говорил, что он к Москве не идет. И он де, Васька, говорил: для чего де ты, дурак, нейдешь, у меня письмо есть от царевны Софьи Алексеевны, чтоб к Москве итти». Названные стрельцы, Васька Ваулин и Якушка Мартьянов, подвергнутые пытке, дружбу свою с Тумой отрицали, а о царевнином письме отзывались неведением. Между тем Карпушка, продолжая свои показания, стал открывать те пути, которыми царевнино письмо дошло будто бы до рук Васьки Тумы: «а то де письмо достал он, Васька, из Девичья монастыря через нищую, а та де нищая живет у васькиной сестры Тумина, зовут ее Степановною, живет она на Бережках и сын де у ней есть, а имени его не знает. И за то де [Васька Тума] дал ей денег два рубли». Таким образом, розыск стал выходить за пределы стрелецкого круга. По указанию барабанщика Карпушки были тотчас же сысканы и приведены в Преображенский приказ нищая Машка Степанова и сестра Васьки Тумы стрельчиха Парашка Савельева. В расспросе Машка Степанова показала, что живет у Парашки, сестры Васьки Тумы, лет с двадцать, бродит по миру; но был ли Васька Тума весной в Москве, не знает, у сестры его она его не видала и письма ему из Девичья монастыря никакого не давывала. Парашка Савельева сказала, что «брат ее Васька Тума, будучи в Москве весною, у нее, Парашки, в доме был и своей матери, а ее свекрови[1], сказывал, что пришел в Москву со службы от голоду, а про иное ни про что от него она не слыхала. А та де нищая в то число лежала у нее в избе на печи и Ваську Туму видела». Против такой улики нищая Степановна была «поднята» и «с подъему» показала то же, что говорила и по первому расспросу: «того Васьки у той сестры его она не видала и никуды от него не хаживала и письма ему не принашивала и денег у него, Васьки, дву рублев не имывала, а на Москве де в верху ее однова кормили[2], а где, про то не выговорила, только молвила: «съел де ее Карпушка». Старуха, потрясенная неожиданно разразившейся над ней бедой и перепуганная «подъемом» и видом дыбы, не выдержала и на вопрос о том, что обозначают сказанные ею слова о Карпушке, ничего уже ответить не могла. «И про то она допрашивана, — читаем далее в записи, — почему она про то ведает, что ее Карпушка съел. И она, Машка, отповеди не учинила». Очевидно, она лишилась

[1] Так в документе.

[2] В верху, т. е. во дворце, где по разным случаям, в особенности в дни поминовения усопших царей и цариц, «кормили» нищих. Царевны, дочери царя Алексея Михайловича, постоянно устраивали у себя такие «кормки».

чувства и ничего не могла сказать. Вскоре после того она умерла[1].

Смертью старухи Степановны нить розыска на некоторое время оборвалась; вопрос о том, ходила ли она в Девичий монастырь и приносила ли письмо от царевны, остался нерешенным. Все же показаниями Васьки Алексеева, Артюшки Маслова и других самый факт получения Тумой письма от царевны и приноса его в стрелецкие полки на польскую границу устанавливался. Надлежало его подтвердить показаниями других стрельцов и затем расследовать, насколько письмо было в полках обнародовано и насколько стрельцы были о нем осведомлены. На основании добытого на следствии у Ромодановского материала Петр к прежним пяти статьям, по которым велся розыск, 21 сентября прибавил еще шестую: «К прежнему спрашивать: Васька Тума с Москвы письмо принес ли и пятидесятнику Мишке Обросимову отдал ли и они то письмо слышали ль; а то де письмо писано от царевны Софьи Алексеевны, чтобы всех четырех полков стрельцы шли к Москве под Девичь монастырь и чтоб царевна шла для управления к Москве, а они б, стрельцы, жили в своих слободах, а государя б к Москве не пустили. Да они, стрельцы, меж себя говорили: московских солдат и иноземцев порубить». 21 сентября все остальные застенки, кроме застенка Ромодановского, бездействовали. 22 сентября царь распорядился вновь переспросить по шестой статье всех стрельцов, допрошенных 19 и 20 сентября.

Это распоряжение 22 сентября приводилось в исполнение. В каждом из застенков допрашивались вновь те же самые стрельцы, которые уже были там допрашиваемы в течение двух дней — 19 и 20 сентября, так что в этот день каждый застенок работал над двойным числом стрельцов. Допрос на этот раз шел быстрее, касался, главным образом, новой, шестой, статьи, но, однако, не одной ее; показания давались также и по остальным вопросам. В застенке князя П. И. Прозоровского из 33 допрошенных стрельцов повинились всего только двое; остальные, однако, как отмечает запись, «против статей ни в чем не винились». Из повинившихся стрельцов Илюшка Константинов дал заслуживающее быть отмеченным показание, что некоторые стрельцы имели в виду на царство выбрать пользовавшегося тогда общею и большою популярностью князя Михаила Яковлевича Черкасского, т. е. не много не мало, как переменить династию. В застенке князя И. Б. Троекурова также из 33 человек 26 упорно заперлись, трое давали уклончивые, глухие и неполные показания и вполне сознавались только трое, из которых стрелец Куземко Зайцев сверх прочих положительных ответов на вопросы, заключавшиеся в статьях, показывал еще и то,

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 5, ст. 3, л. 1. Она жила еще 27 сентября; но в списках колодников, составленных в начале октября, читаем: «и та нищая умре» (там же, карт. 7, ст. 105, л. 40).

«что государя к Москве пустить не хотели, а хотели его, государя, убить, а на царство принять царевну Софью Алексеевну или государя царевича, а если б де они во управление не пошли, и они хотели мыслить с народом, кого им выбрать на царство». У князя Б. А. Голицына 25 человек «ни в чем против статей не винились», один оказался больным и сознались только пятеро, из которых стрелец Лазарко Васильев, говоря о намерении стрельцов Немецкую слободу вырубить, давал этому намерению такое объяснение: «а здумали де про то все полки за то, что они, немцы, под Азовом много силы потеряли», т. е. много их, стрельцов, погубили — та же жалоба, которая так развита была в бунтовой челобитной Зорина. У князя М. А. Черкасского 20 человек из 34 упорно запирались, двое отозвались неведением по болезни, один дал показание неполное и 11 человек сознались, как в том, что им известно было о письме, так и в намерении убить государя и царевича. Из сознавшихся стрелец Сидорко Федоров оговаривал своего товарища Петрушку Макарова, что тот по поводу убийства государя будто бы произносил и такие слова: «что де великому государю поткнуться и самому на копье коли ни буди». Между стрельцами по показанию того же Сидорки Федорова шла речь, «что боярам быть по старому, как в бунт было», т. е. как поступили с ними во время майского мятежа 1682 г. По убиении царя и царевича стрельцы выражали намерение посадить на царство Софью Алексеевну и вернуть из ссылки князя В. В. Голицына и других ссыльных людей.

Но в других застенках многие, а в иных и большинство сознавались. В застенке думного дьяка Н. М. Зотова из 33 стрельцов семеро ссылались на неведение о всех событиях по болезни, двое по малолетству (у него, как припомним, был вообще довольно значительный процент малолетних стрельцов) и 15 человек признались вновь или подтвердили свое признание, данное на первом розыске 19 и 20 сентября, притом сознались при первом же расспросе еще до пытки, от которой в таком случае и освобождались. Из сознавшихся Васька Сергеев, между прочим, пояснял, что царевича потому хотели выбрать на царство, что про великого государя пронеслась у них весть, «что де его Леферт иноземец завез за море и сидит в неволе». В застенке князя В. Д. Долгорукого [1] сознались и притом без пыток при

---

[1] Этот повторный розыск у князя В. Д. Долгорукого в записи его (Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 6, ст. 36, л. 246) датирован 21 сентября. По всей вероятности, мы имеем дело здесь с опиской, тем более, что самая запись представляет собой копию, не скрепленную дьячьею подписью. Во всех застенках повторные допросы по шестой статье происходили 22 сентября. Следователи должны были выждать результатов следствия, производившегося 21 сентября в застенке Ромодановского, и открыть действия по повторному допросу не ранее, как по получении шестой статьи, составленной, несомненно, после розыска у Ромодановского 21 сентября. Все это дает основание относить розыск у князя В. Д. Долгорукого к 22 сентября.

первом же расспросе 17 человек, другие повинились с первой же или со второй пытки и только шестеро заперлись и не сознавались даже и с огня. Также шестеро запиравшихся из 34 стрельцов оказалось у Т. Н. Стрешнева. Стрелец Ивашко Крупин сообщил о технических подробностях, каким образом стрельцы проектировали не пустить государя к Москве: была мысль поставить особые заставы по дорогам. Он «слышал от своей братьи, что к Москве великого государя пустить они не хотели, а хотели послать к нему, государю, навстречу по городом для заставы свою братью четырех полков стрельцов, разведав, по которой дороге он, государь, пойдет, и на заставе, где мочно, удержать». У окольничего князя Ю. Ф. Щербатого заперлось еще меньше, всего четверо, пять человек ссылались на свое незнание по малолетству, остальные 26 человек дали более или менее подробные показания. Наибольшее число сознавшихся дал розыск у боярина А. С. Шеина, где из 34 стрельцов вполне повинилось 27, четверо, по словам записи, «разные речи говорили», т. е. в одном сознавались, в другом нет, двое отозвались неведением по болезни и заперся только один.

Итак, вопросы, заключавшиеся в шестой статье, нашли себе утвердительные ответы в показаниях, данных 22 сентября. Особенно важные подробности были открыты в этот день в застенке князя Ф. Ю. Ромодановского, в котором выступали опять главные руководители мятежа. В дополнение к повинному письму, поданному 21 сентября, пятисотный Чубарова полка Артюшка Маслов подал новую письменную повинную, в которой он почти дословно припоминал содержание письма от царевны Софьи и описывал его внешний вид. Вот как он излагал письмо в повинной: «206-году и месяц и число было в нем (письме) написано, а которой месяц и число было написано, про то не упомнит, московских стрельцов пятидесятником, и десятником, и рядовым. Нынешнего ж году вестно учинилось в Новодевичье монастыре, что на Москве беглых стрельцов явилось малое число, и вам бы де иттить к Москве всем четырем полкам и стать под Девичьим монастырем и взять бы вам великую государыню благоверную царевну Софью Алексеевну к Москве по прежнему в правительство, а если солдаты к Москве не пустят, и с теми солдаты противиться, а если вашей мочи не будет, и вам возмущать и чернь, а великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея Великие и Малые, и Белые России самодержца к Москве не пускать для того, что де вы не пожалованы». Описывая внешний вид письма, Маслов продолжает: «А то де письмо подписью было, как пономарское или дьячковское», и затем рассказывает, каким образом письмо было получено и обнародовано в полках. «И то де письмо было у пятидесятника у Мишки Обросимова, а взял он, Мишка, то письмо у Васьки Тумы, а где взял, про то не ведает. И как были мы на Двине, и он, Мишка, с ним, Ваською, стояли сам друг и, говоря меж себя, разошлись, и в то де число он. Ар-

тюшка, его, Мишки, спросил: «о чем вы с ним, Ваською, говорили?» И Мишка сказал: «Васька де мне отдал письмо». И вынув из зепи (кармана), дал ему, Артюшке, и он, Артюшка, то письмо при нем, Мишке, прочел, и он де, Мишка, то письмо отдал ему, Артюшке, и велел стрельцам по полкам честь. И он, Артюшка, то письмо на Двине ж в полках чел и тех де четырех полков стрельцы сказали, что к Москве иттить рады. И после того, как он то письмо прочел, тех четырех полков стрельцы к Москве пошли. А полковники де про то письмо не ведают, потому что де они были в палатках своих, а денщики и караульщики у них отняты. А то письмо чтено было в кругах». Под Воскресенским монастырем письмо было прочитано стрельцам вторично. «И недошед до Воскресенского монастыря верст за двадцать, то письмо он, Артюшка, в полках своей братье чел же, и то письмо было всем им угодно». Повинная заканчивается указанием, куда девалось письмо. «И как де под Воскресенским монастырем они сошлись с бояриным с Алексеем Семеновичем и стрельба у него, боярина, в их полки стала быть, и то де письмо он, Артюшка, изодрал и втоптал в навоз у крайнего двора с приезду (т. е. у первого двора для подъезжающего к Воскресенскому) у огорода крестьянского» [1].

Сделав такое подробное показание о царевнином письме, Артюшка Маслов стал неотразимым обличителем для запирающихся стрельцов. Главным моментом дня 22 сентября в застенке Ромодановского было продолжение допроса пятидесятника Мишки Обросимова, получившего письмо от Тумы и передавшего его Артюшке для прочтения. Мишка, выслушав письменную повинную Артюшки Маслова [2] и его устную улику, гласившую, что он, Мишка, о письме знал, получил его от Васьки Тумы и отдал ему, Артюшке, «на реке Двине, вышед из шалаша, выняв из кармана», в ответ запирался, сказал, что он только слышал про такое письмо от своей братьи стрельцов, «а такого де письма он у Васьки Тумы не имывал и Артюшке на Двине, вышед из шалаша, выняв из кармана, не отдавывал». Но «с подъему» он стал признаваться, что «письмо у Васьки Тумы взял и Артюшке Маслову отдал», добавив при этом некоторые сантиментальные подробности: «и на то письмо смотря плакал [3], потому что то письмо смутное». На вопросы, предложенные Ромодановским, а, может быть, и самим царем [4], что ему говорил, отдавая письмо, Васька Тума, какое то письмо и откуда, и для чего он отдал письмо Артюшке Маслову, ответил: Тума говорил ему, что письмо из Девичьего монастыря, но, к кому прислано, не сказал.

---

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 7, ст. 4, л. 1—3.
[2] Там же, карт. 4, ст. 16: «а Мишка Обросимов, выслушав тех писем» и т. д.
[3] В других списках: «плакали».
[4] Последнее можно предполагать под выражением: «Мишка ж спрашиван в том» и т. д.

Подвергнутый жжению огнем, он так же упорно показывал, что Тума не сообщал ему, как получил письмо из Девичьего монастыря. Тогда он вторично был жжен огнем, но и со второго огня с необычайным упорством запирался. «И Мишка зжен огнем вдругорядь, а с огня говорил: Васка де ему те письма отдал на Двине, а сказывал, что то письмо из Девичья монастыря, а через кого взял, про то он, Мишка, сказать не упомнит. И Артюшке Маслову он то письмо отдал». После двух огней Мишка опять был «подыман» на дыбу, но продолжал выдерживать прежнее упорство, ссылаясь на запамятование, «говорил прежние речи: Васка де Тума через кого-то письмо из Девичья монастыря взял, того сказать не упомнит», воскликнув при этом: «пропади де я один». Но под действием пытки он стал уступать и сделал новые признания. На вопрос его, Мишки, как он, Васька, то письмо достал из Девичьего монастыря, там караул крепкий? Васька ответил, что то письмо принесла к нему нищая; назвал далее и имя этой женщины, передавшей Ваське письмо из монастыря: «Васки де Тумы под Девичьим монастырем жила сестра родная Маврутка Дорофеева, была замужем за стрельцом за Гришкою Кисельниковым и после того она овдовела и была без руки, ходила по миру. А сказывал де он, Васка, что то письмо достал он из Девича монастыря через тое Маврутку». На этом допрос его 22 сентября был покончен; так медленно, шаг за шагом подвигался Мишка Обросимов в показаниях, которые приходилось выпытывать из него жесточайшими муками, огнем и ударами [1]. И все-таки в заключительных словах показания 22 сентября он солгал: дальнейшие розыски показали, что сестры Васьки Тумы Маврутки, которую он выставил как передатчицу письма, давно уже не было в живых: «та его Васькина сестра, — замечено в протоколе розыска, — явилась в мертвых тому пять лет».

В том же застенке князя Ф. Ю. Ромодановского допрашивались 22 сентября, кроме Мишки Обросимова, еще несколько стрельцов — Васька Ваулин, Якушка Мартьянов,—которые были уже в этом застенке накануне; они показывали, что Васька Тума принесенное им письмо «взял у бабы», но у какой, не ведают. Допрашивались там же вновь известные уже нам главари движения: составитель бунтовой челобитной Васька Зорин и его ближайшие сообщники, с которыми он совещался по поводу челобитной: Аничка Сидоров, Васька Игнатьев, Ивашка Клюкин. Выступивший против них с уликами Артюшка Маслов довел их до сознания в том, что царевнино письмо на Двине было стрельцам чтено «и про то письмо они все ведали». Из них Васька Игнатьев, также грамотный человек, подал письменную повинную, где все эти показания изложил подробно. Рассказав о разговорах, какие были между стрельцами на польской границе,

---

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 4, ст. 5, л. 12; ст. 16—17, л. 17.

о том, чтобы итти к Москве под Девичий монастырь, просить царевну вступить в правительство, возмутить чернь, для чего разослать по слободам списки с челобитной Зорина, разорить Немецкую слободу, перебить бояр и иноземцев, а самим жить в своих домах — и о намерениях уведомить обо всем другие стрелецкие полки, стоящие по городам, «чтоб те полки шли к Москве для того, что де они, стрельцы, от бояр и от иноземцев погибают и Москвы не знают», а также послать ведомость к донским казакам. Игнатьев свидетельствовал о твердой решимости стрельцов итти к Москве: «да они ж, стрельцы, говорили, что однолично иттить к Москве, хотя умереть, а один предел учинить», и приводил слова Васьки Зорина, в которых тот, ссылаясь на свою опытность по участию в бунте 1682 г., заявлял, что готов взять на себя руководство движением: «А Васька Зорин говорил: я де и в 90-м (1682) году все по обычаю своему управил, а и ныне де окромя меня такого пределу нихто не сделает». Упомянув, далее, о выборе стрельцами в полках по четыре выборных, которые должны были стать на место полковников, о двукратном чтении Артюшкой Масловым всем четырем полкам письма, присланного от царевны, Игнатьев передает о разговорах стрельцов, что, буде царевна в правительство не вступит, то можно, пока не возмужает царевич, взять и князя Василия Голицына: «он де к нам в крымских походех и на Москве милосерд» — все, что угодно, только не правительство Петра, иначе «по коих мест государь здравствует и нам де Москвы не видать» [1].

Таковы были факты, о которых Петру пришлось услышать на розыске 22 сентября из показаний стрельцов, сознававшихся в намерениях Немецкую слободу вырубить, бояр перебить, как это было в 1682 г. — затем более, чем в 1682 г.: государя к Москве не пустить и даже его убить, на царство посадить царевну Софью, к которой вернуть В. В. Голицына, или даже и совсем переменить династию и выбрать нового царя. Подозрение о письме от царевны, сильно подкрепленное показаниями Васьки Алексеева 20—21 сентября, теперь, 22 сентября, обратилось в несомненный факт, подтвержденный многочисленными показаниями сознавшихся стрельцов: письмо из Девичьего монастыря было принесено к полкам на польскую границу бежавшим в Москву стрельцом Васькой Тумой, им передано сотенному Мишке Обросимову, последний в свою очередь передал его пятисотенному Чубарова полка Артюшке Маслову, который прочитал его в стрелецком кругу дважды на остановках: первый раз на реке Двине, второй раз верст за двадцать не доходя до Воскресенского монастыря [2].

---

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 4, ст. 16—17, л. 11—12; ст. 5, л. 8—9.

[2] Розыски 22 сентября: Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 6, ст. 36: у князя Ф. Ю. Ромодановского — л. 78—85; у князя М. А. Черкасского — л. 119—133; у князя В. Д. Долгорукого — л. 246—257; у князя П. И. Про-

VIII. ДОПРОСЫ И ПЫТКИ ПРИБЛИЖЕННЫХ ЦАРЕВНЫ СОФЬИ. ДОПРОС ЦАРЕВНЫ МАРФЫ АЛЕКСЕЕВНЫ

Участие царевны Софьи и даже ее инициатива в движении стрельцов были доказаны несомненно; но оставался открытым вопрос: какими путями велись ею сношения с Васькой Тумой, каким образом и через кого Тума мог получить письмо из Девичьего монастыря. Оба раза след, на который наводили показания, терялся. Старуха Степановна, на которую было указано 21 сентября, от страха перед пыткой, не сознавшись, впала в бесчувственное состояние и вскоре потом умерла; другой след, указанный 22 сентября, — Маврутка, сестра Тумы, — оказался ложным. Петр решил привлечь к следствию ближайший штат царевны, окружавший ее в Девичьем монастыре, рассчитывая от близких к ней женщин получить желательные показания. Рано утром 23 сентября были взяты: старая кормилица царевны вдова Марфа Вяземская, девицы-дворянки Вера Васютинская и княжна Авдотья Касаткина и две простые прислужницы девки Дунька Григорьева и Ульянка Колужкина [1]. Допрос им происходил в Преображенском на Житном дворе, где устроен был застенок. Кормилица и две низшие прислужницы отозвались неведением. Кормилица «с подъема» говорила, что «про приход их, стрелецкой, к Москве и ни про какие письма она ни от кого не слыхала, только де слышала она от царевны Софии Алексеевны про то, что его, государя, на Москве нет, и о нем, государе, она, царевна, печалилась». Девка Ульяна Колужкина в расспросе и с пытки, на которой она подвергнута была трем ударам кнутом, показывала, что она живет при царевне с того времени, как царевна «пришла» в монастырь, т. е. с 1689 г., «а как де к ней, царевне, сестры ее, царевны, прихаживали и что́ меж собою станут говорить, в то число ее, Ульяну, высылали вон; а про приход к Москве стрелецкой и ни про какие письма ни от кого она не слыхала». Девка Дунька Григорьева, сирота-крестьянка расположенного неподалеку от Девичьего монастыря патриаршего села Голенищева, взятая к царевне тому третий год по смерти своих родителей, также про стрелецкий приход и ни про какие письма ни от кого не слыхала. Немногим более подробное показание дала княжна Касаткина; она с четырех ударов сказала, что поп того же монастыря, служащий у царевны «у крестов», т. е. в церкви при ее хоромах в монастыре, Василий Харитонов, приходя в келью к своей дочери духовной вдове княгине Анне Никифоровне Лобановой, состоявшей при царевне мамою, говаривал с нею,

---

зоровского — л. 273—284; у князя И. Б. Троекурова — л. 225—234; у Т. Н. Стрешнева — л. 170—202; у князя Б. А. Голицына — л. 209—212, л. 205; у князя Ю. Ф. Щербатого — л. 294—295, 297—298; у А. С. Шеина — л. 285—290; у Н. М. Зотова — карт. 6, ст. 1, л. 6—27.

[1] Устрялов, История, т. III, стр. 213.

«что пришли к Москве стрельцы бить челом о жалованье», но что̀ сказала ему в ответ княгиня, она не знает. Единственно существенным было показание девицы Веры Васютинской, которая «в расспросе и с подъему сказала: «как де в прошлом, 206-м, году в великий пост приходили к Москве московские стрельцы, и про тот их приход слышала она того же монастыря от церковных дьячков, а от кого именно, того не упомнит. Да после того на святой неделе приезжала в Новодевичий монастырь царевна Марфа Алексеевна и в хоромех де царевне Софье Алексеевне она, царевна, говорила: стрельцы де пришли к Москве и желают тебя, чтоб ты царствовала. А те де ее царевны Марфы Алексеевны слова она, Вера, сидя у дверей, слышала».

Допрос на Житном дворе, разумеется, в присутствии самого Петра, происходил в послеобеденное время, как об этом можно заключать из дневника Гордона [1]. Утром этого дня генерал направлялся в Преображенское, «как вдруг встретил его величество, с которым поехал к князю Федору Юрьевичу [Ромодановскому]. После обеда,— продолжает он в дневнике,— отправился я в Преображенское, но тщетно; все при дворе было занято; арестованы были некоторые из приверженцев царевны Софьи и царицу отправляли в монастырь» [2]. Под этими приверженцами (attandants) царевны Софьи и надо, вероятно, разуметь упомянутых выше приближенных женщин. Узнать от них чего-либо о письме царевны и, в частности, каким образом оно попало в руки Тумы, не удалось; но показанием Веры Васютинской была скомпрометирована царевна Марфа Алексеевна. К вечеру эта царевна была привлечена к допросу; следствие стало касаться весьма высоких сфер. Царевна была допрошена лично самим Петром в селе Покровском, где она была подвергнута домашнему аресту. Вот как гласит об этом официальный протокол допроса: «И того ж числа великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всея Великие и Малые и Белые России самодержец в селе Покровском сестру свою царевну Марфу Алексеевну против распросных речей девки Веры спрашивал. И царевна Марфа Алексеевна сказала: в Девичье монастыре о святой неделе сестре своей царевне Софье Алексеевне про то, что пришли стрельцы к Москве и ее, царевну Софью Алексеевну, жадают на царство, говорила, а сказала: те де слова слышала она от девки Жуковы, которая у ней живет в верху». Таким образом, царевна Марфа в разговоре с царевной Софьей о приходе стрельцов и об их желании созналась и оговорила свою прислужницу Анну Жукову. На этом допросы 23 сентября закончились [3].

---

[1] Что здесь идет речь о Житном дворе в Преображенском, можно заключить из того, что привлеченные к допросу постельницы царевны Софьи после допроса содержались за караулом в Преображенском (Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 4, ст. 69, л. 2).

[2] Gordons Tagebuch, III, 216—217.

[3] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 4, ст. 99, л. 47.

IX. ССЫЛКА ЦАРИЦЫ ЕВДОКИИ В СУЗДАЛЬСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Среди этих розысков произошло событие в семейной жизни Петра — ссылка царицы Евдокии в Суздальский девичий монастырь. Отъезд царицы нигде в официальных актах не отмечен и, если бы не приведенная выше заметка в дневнике Гордона, относящего этот отъезд к 23 сентября[1], мы бы не знали, к какому времени его приурочить. Определенное известие Гордона находит себе подтверждение в депеше Гвариента от 7/17 октября, в которой говорится, что «третьего (числа) этого месяца, — следовательно, по старому стилю 23 сентября, — царевич был отнят у царицы единоутробною и любимейшею сестрою царя Наталией и, как носится слух, будет вверен попечению князя Бориса Алексеевича Голицына». Гвариент сообщает, далее, о судьбе царицы. На вопрос о том, почему она не повиновалась сразу же предписаниям удалиться в монастырь, присланным в Москву из Амстердама, она будто бы весьма скромно ответила, что замедлила исполнением предписания только для того, чтобы вверенный ее материнской заботе малолетний царевич самим царем был передан постороннему попечению и чтобы на нее в дальнейшем не могла пасть ответственность. «Затем она в величайшем огорчении немедленно была отправлена из замка (Кремля) в Суздальский монастырь в 36 милях отсюда»[2].

Несмотря на всю тайну, которой было окутано это дело, выезд царицы из Москвы не остался незамеченным и возбудил толки в народе. Кое-кто видел, как везли царицу, и очевидцы были удивлены более, чем скромным, даже убогим видом выезда. Постельный сторож Бориска Шахматов, посланный из Преображенского с пивом к доктору Лаврентию Блюментросту младшему, будучи за Земляным городом за Мясницкими воротами, видел, «как царица пошла в Суздаль в худой карете и на худых лошадях». Стрельчихи, провожавшие своих заключенных мужей, когда тех провозили из Новоспасского монастыря на Пушечный двор, говорили: «Государь де свою царицу послал в Суздаль и везли де ее одну только с постельницею да с девицею мимо их Стрелецкой слободы в худой карете и на худых лошадях». Стрельчихи касались в разговорах и причины этого

---

[1] Эта дата находит себе подтверждение и в дневнике Корба, который на другой день, 24 сентября/4 октября, отмечает: «Все друзья царицы призваны в Москву по неизвестной причине; но все же это считается дурным предзнаменованием, так как в городе распространился вполне определенный слух о расторжении брака с царицей» (К о р б, Дневник, стр. 89).

[2] У с т р я л о в, История, т. III, стр. 630. Сообщение Гвариента о том, что в виде милости за ее скромный ответ царице было предоставлено право выбрать один из двух предложенных ей монастырей и что там ей было разрешено обойтись «без обрезывания волос», т. е. без пострижения, и носить светское платье, — нельзя считать достоверным.

Рис. 6. Царица Евдокия Федоровна (Лопухина). Портрет маслом

тяжелого поворота в судьбе царицы, привлекавшей к себе, видимо, их сочувствие, и приписывали этот поворот проискам любимой сестры царя Натальи Алексеевны: «Намутила де на нее, царицу, великая государыня царевна Наталья Алексеевна. Да и великий де государь ей, царице, изволил говорить: моли де ты бога за того, кто меня от тебя остудил». В связи с удалением Евдокии возбуждало к себе внимание положение разлученного с матерью малолетнего царевича, тосковавшего о ней и проявлявшего раздражение против новых людей, его окружавших. Те же стрельчихи говорили: «И как де та постельница (провожавшая царицу) из Суздаля приехала к Москве, и государь де царевич хватился ее, матери своей, и стал о том тосковать и плакать, и его де, государя царевича, великий государь уговаривал, чтобы он не плакал. И после де государя он, царевич, из хором своих вышел на перила, а за ним вышел боярин Лев Кириллович Нарышкин, и он де, государь царевич, ему, Льву Кирилловичу, говорил: для чего де ты за мною гоняешься? я де никуды не уйду». О том же были разговоры среди дворцовой прислуги, передававшиеся и в более широкие круги московского населения. Хлебенного дворца стряпчий Василий Костюрин, носивший царевичу в верх кушанье, спрашивал у его, царевичевой, комнаты постельниц у Анны Лупандиной и у Мавры Борноволоковой: «Государь де царевич о матери своей не кручинится ль? и оне де ему сказали: в иную де пору, как он, государь царевич, матери своей хватится, и в то время кручинится, а в иное время и не кручинится». По именному великого государя указу обеим постельницам учинено наказанье, биты кнутом и посланы на Белоозеро в Воскресенский монастырь, что в горах. Толки о царице не прекращались, шли по Москве в народе между «всяких чинов людьми», которые и попадали за эти разговоры

в Преображенский приказ. В октябре 1698 г. солдат Бутырского Гордонова полка Федор Агеев, отдежурив на карауле у сидевших в Новоспасском монастыре стрельцов трое суток и сменившись с караула, зашел по дороге домой к своему шурину, попу Казанского собора Гаврилу Исакову. Занимая гостя разговором, попадья Авдотья Федосеева спросила его: «что де у вас в монастыре вестей чуть (слышно)?» И он де, Федка, ей сказал: «какие де в монастыре у чернецов вести, нет ли де у вас каких вестей?» И она де ему сказала: «У нас де только вестей, сказывают батюшка наш матушку в монастырь свез», а куда, про то не сказала». Ясно было, кого подразумевала попадья под этими довольно насмешливыми обиняками. Приведенная в Преображенский приказ, куда раньше ее попал и солдат, она показала: «меж де праздников покрова и казанские богородицы, а в который день, того не упомнит, была она, Авдотья, в церкви великомученика Георгия, что в старых Лушниках, у обедни, и в церкви де неведомо чьи бабы меж себя говорили тихонько: государь де царицу сослал в Суздаль в Покровской монастырь. А каких чинов те бабы и как их зовут, того не ведает, потому что в ту церковь молебщиков приходит к чудотворному образу много. А как де она пришла домой, и у них де сидит зять их, Бутырского полку солдат Федка Агеев. И она де, Авдотья, спросила его, Федки, что у них слышать, и Федка де сказал, что у них никаких вестей не слышать. И она же, Авдотья, тому Федке спроста молвила: я де слышала в церкви говорят бабы, что государь царицу сослал в Суздаль в Покровской монастырь. И Федка де сказал, что он про то не слыхал и пошел от них домой. А тех де баб, которые те слова в церкви говорили, где сыскать, она, Авдотья, не знает» [1].

X. ДОПРОСЫ И ПЫТКИ 24—27 СЕНТЯБРЯ АННЫ ЖУКОВОЙ И ВАСИЛИЯ КОЛПАКОВА. ДОПРОС ЦАРЕВНЫ СОФЬИ

Вернемся, однако, к розыскам, которые продолжались и по отъезде царицы. 24 сентября девица Анна Александрова дочь Жукова, которую накануне оговорила царевна Марфа, была сыскана и допрошена в Преображенском. В расспросе сказала: «про стрельцов де, которые пришли к Москве, царевне Марфе Алексеевне она, Анна, сказывала, что они пришли к Москве, и царевна де Марфа Алексеевна спросила: «для чего они пришли?» И она де ей сказала: «бить де челом о жалованье». Да она ж, Анна, ей, царевне, сказывала, что стрельцы жедают царевну Софию Алексеевну на царство, а слышала она те слова от полуполковника Василья Колпакова в великий пост в то

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 4, ст. 20, л. 10—16; карт. 5, ст. 8.

время, как беглые стрельцы пришли к Москве, а она к нему приезжала говорить о покупке камок к царевне Марфе Алексеевне». Тотчас же был взят в Преображенское и подполковник Василий Колпаков, по свидетельству Гвариента, друг ссыльного князя В. В. Голицына[1]. На расспросе он показал, что с девкой Анною Жуковой у него, Василья, о стрельцах и слова никакого не бывало. Но с подъема и с пытки с 23 ударов он признался, что разговор о стрельцах у него с Анной Жуковой был, но вовсе не в том смысле, какой ему придавала его собеседница: «та девка Анна Жукова для покупки камок к нему приезживала не по одно время и спрашивала: «что о беглых стрельцах указ?» (т. е. как велено поступить с прибежавшими в Москву самовольно стрельцами). И он де, Василий, ей, Анне, говорил: «у боярина де князя Ивана Борисовича Троекурова он был и слышал: тех де беглых стрельцов велено по приговору боярскому, учиня наказанье, послать попрежнему в те полки». А про царевну де Софию Алексеевну, что стрельцы ее жедают на царство, не говаривал». На этой пытке Жуковой и Колпакова присутствовал в качестве зрителя, может быть, по приглашению Петра, Гордон (тогда такие явления, как пытки, привлекали зрителей). 24 сентября, пишет он в дневнике, «смотрел я в Преображенском, как пытали сначала девицу Анну Александрову, а затем подполковника Колпакова»[2].

25 сентября было воскресенье и, кроме того, Сергиев день, прежними московскими царями почитавшийся нередко путешествием к Троице. Петр отдыхал на пиру у Лефорта. 25-го, записывает Гордон в дневнике, «я присутствовал на пиру у генерала Лефорта в обществе его величества и других». Пировали у Лефорта, конечно, и бояре, производившие следствие. В понедельник 26-го производился второй допрос Анны Жуковой с тем же Колпаковым. На этот раз Анна подвергнута была пытке, тогда как в первый раз она давала показания только «в распросе». С пяти ударов она повторила совершенно то же, что показывала и в первый раз. С тем же упорством, как и на первой пытке, отрицал приписанные ему слова о стрельцах Василий Колпаков, дословно повторив свое показание, что про царевну Софью Алексеевну о том, что стрельцы ее «жедают на царство», не говаривал[3]. В официальной записи говорится, что Колпаков давал показания на этом втором допросе только «с подъему», и число ударов ему не обозначено.

Итак, допросы постельниц царевны Софьи и царевны Марфы никаких новых данных относительно письма, привезенного из Москвы Васькой Тумой, не обнаружили. Нить, шедшая от обитательниц Девичьего монастыря к царевне Марфе, а от последней к Анне Жуковой и Колпакову, обрывалась бесследно и без-

---

[1] Устрялов, История, т. III, стр. 627.
[2] Gordons Tagebuch, III, 217.
[3] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 4, ст. 47, л. 2—3.

результатно. Тогда Петр решил допросить непосредственно самое подозреваемую виновницу письма, царевну Софью, и 27 сентября приехал в Новодевичий монастырь, приказав привезти за собою для улики двух стрельцов: Артюшку Маслова и Ваську Игнатьева и захватив поданные ими повинные письма. С сестрой Петр не видался со дня знаменитого их столкновения 8 июля 1689 г. Встреча их теперь была, надо думать, высокодраматической сценой; официальный документ повествует о ней эпически спокойно. Царевна в отправке письма упорно заперлась; слова стрельцов о приглашении ее в правительство объяснила тем, что она с 1682 г. была у власти, и в заключение сказала, что ни Васьки Тумы, ни Артюшки Маслова, ни Васьки Игнатьева не знает. «Сентября в 27 день,—гласит официальная запись этого допроса, — великий государь... сестре своей царевне Софье Алексеевне про то письмо, которое явилось в розыску от ней, царевны, на Двину в стрелецкие четыре полка, ей, царевне, изволил говорить и письма Артюшки Маслова и Васки Игнатьева показывал, и они, Артюшка и Васка, перед нею ставлены. И царевна София Алексеевна ему, государю, сказала: «такого де письма, которое явилось в розыску от ней, царевны, в те стрелецкие полки не посылывано, а что де те ж стрельцы говорят, что, пришед было им к Москве звать ее, царевну, попрежнему в правительство, и то де не по письму от нее, а знатно по тому, что она со 190-го году была в правительстве». И против тех ее, царевниных, слов великий государь перед нею, царевною, ставил стрельцов Артюшку Маслова и Васку Игнатьева. И они, Артюшка и Васка, перед нею, царевною, говорили: Васка де Тума то письмо, которое он, Артюшка, взял на Двине у Мишки Обросимова и в полках чел, принес с Москвы и сказал про то именно, что он то письмо взял подлинно из того монастыря от ней, царевны, через нищую. А она, царевна, ему, государю, сказала: «такова де письма она, царевна, через нищую ему, Васке, не отдавывала и его, Васки, и Артюшки, и Васки Игнатьева не знает...»[1] Под этими сухими и спокойными официальными строками и не почувствуешь той взаимной ненависти, которая клокотала в сердцах обоих: и у следователя, и у допрашиваемой. Итак, допрос царевны не дал никаких положительных результатов.

XI. ДОПРОСЫ И ПЫТКИ 27—30 СЕНТЯБРЯ

К этому дню, 27 сентября/7 октября, Корб относит происшествие, им только одним и упоминаемое: выступление патриарха с печалованием об участи стрельцов. «Молва о столь жестоких и ужасных пытках, — пишет он, — производимых ежедневно, дошла до патриарха, который счел своим долгом обратить

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 4, ст. 47, л. 3.

к кротости разгневанное сердце; он полагал, что наиболее пригодна для этой цели икона пресвятой девы...» Отповедь царя патриарху была вполне достойна его царского величия: «Зачем пришел ты сюда с иконой? Какая отрасль твоей должности призывает тебя в эти места? Уходи скорее и верни икону на место, посвященное поклонению ей. Знай, что я чту бога и молюсь пресвятой его матери, может быть, усерднее тебя. Высшей своей обязанностью и долгом благочестия перед богом я считаю охранять свой народ и публично карать преступления, клонившиеся к общей его гибели»[1]. Нигде, решительно нигде в других источниках, ни в официальных, ни в частных, ни в русских, ни в иностранных, например, депешах Гвариента или в дневнике Гордона, об этом эпизоде упоминаний не встречается, если не считать рассказа Нартова в его «Достопамятных повествованиях», явно взятого из того же Корба[2]. Как отнестись к этому известию Корба? Считать его достоверным или нет? Против Корба может быть выдвинуто то соображение, что как раз на тех страницах его дневника, которые относятся ко времени стрелецкого розыска, довольно много неточностей и неверного: например, под 19/29 сентября о допросе царем одного попа, участвовавшего в мятеже, который, однако, «ни в чем пока не сознался даже при угрозе дыбою», под 21 сентября/1 октября о казни колесованием 15 «недавно приведенных и уличенных мятежников», чего на самом деле не было; под 23 сентября/3 октября Корб рассказывает о допросе царевны Софьи в Новодевичьем монастыре, тогда как в этот день происходил допрос царевны Марфы, а не Софьи, и не в Новодевичьем монастыре, а в селе Покровском. Рассказывая о допросе царевны Софьи, Корб повествует, что у нее и у Петра «при первом взгляде их друг на друга у обоих градом хлынули слезы»[3], но, как известно, Петр был вовсе не слезлив, да и царевна Софья этим качеством не отличалась. Невольно напрашивается мысль, что и рассказ о выступлении патриарха такая же неточность, как только что приведенные. Возможно, объясняя происхождение этого рассказа, сделать такое предположение, что Корб передал в виде состоявшегося факта то, что служило только предметом разговоров. В Москве в то время могли говорить о том, что патриарх должен был бы вмешаться в дело, попытаться смягчить царя и выступить с печалованием, и вот из подобных разговоров и слухов Корб и мог вывести представление о выступлении патриарха, как о состоявшемся факте. Возможно, что и сам патриарх был весьма встревожен пытками более чем трехсот человек и приготовлениями к массовым казням, какие были

---

[1] Корб, Дневник, стр. 90.

[2] Приложение к XVII тому Записок Академии наук, № 6, Спб. 1891 г., рассказ № 10. Этот рассказ мог быть составлен сыном А. К. Нартова А. А. Нартовым, подвергнувшим рукопись отца обработке.

[3] Корб, Дневник, стр. 89.

предприняты после 22 сентября, когда допрос стрельцов был закончен, что он мог вспомнить о старинном обычае святителей печаловаться за осужденных и, может быть, высказывал намерение предпринять шаги к смягчению рассерженного царя.

28 сентября розыск, касавшийся писем из Новодевичьего монастыря, продолжался и если не установил факта передачи письма из монастыря Ваське Туме, то все же обнаружил происходившие великим постом 1698 г., во время прихода беглых стрельцов в Москву, письменные сношения между монастырем и кремлевскими теремами, между заключенной Софьей и ее сестрами. Сношения производились с большими предосторожностями, грамотки вкладывались в кушанья, которыми царевны-сестры, по тогдашним обычаям, пересылались и обменивались. Девка Федора Колужкина, по всей вероятности, сестра допрошенной 23 сентября Ульяны Колужкиной, «с подъему и с пытки говорила: в Девичье де монастыре, как у царевны Софии Алексеевны была сестра ее царевна Феодосия Алексеевна, и в то де число мама, княгиня Анна Лобанова, говорила: «Стрельцы де пришли к Москве». И к тем де ее словам из них царевна София ли Алексеевна или Феодосия Алексеевна говорили: «Для чего де они, стрельцы, пришли к Москве и там де им сытно!» А она де, Феодора, в то число была за дверми в другой келье и те их слова слышала, а иное де что они, царевны, меж себя говорили, того она не слыхала. А в стряпне де они, царевны, София Алексеевна и Феодосия Алексеевна, вверх к сестрам своим грамотки посылали, и выносила де ту стряпню девка Вера Васютинская, и о чем де те грамотки писаны, того не ведает, и про письмо, которое было у Васки Тумы из того Новодевича монастыря, она не ведает. И чтоб царевну Софию стрельцом звать в правительство, ни от кого не слыхала. Было ей 6 ударов». По этому показанию вызвана была вновь постельница Вера Васютинская и в распросе говорила: «В прошлом де 206 (1698) г. в великой пост от царевен Екатерины Алексеевны, Марфы Алексеевны, Феодосии Алексеевны в Девичь монастырь к царевне Софье Алексеевне приезжала с стряпнею карлица девка Авдотья, а ту де стряпню у ней примала она, Вера. И в той де стряпне от тех царевен прислано было письмо, а в нем написано: «Стрельцы де к Москве пришли». И против того письма от ней, царевны Софьи Алексеевны, к ним, царевнам, послано было в стряпне с тою же карлицею письмо, а в нем написано: «Что де тем стрельцом будет?» И после де того от них, царевен, прислано к ней же, царевне Софии Алексеевне, с тою же карлицею в стряпне ж другое письмо, а в нем написано: тех де стрельцов велено рубить. И она де, царевна, говорила: «Жаль де их, бедных!» Спрошенная о переносе писем в стряпне карлица Авдотья подтвердила, что раза два или три «со стряпнею к царевне к Софье езживала и письма в стряпне приваживала»[1].

---

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 4, ст. 47.

Допрос этих женщин происходил, надо полагать, как и прежние допросы, при столь же деятельном участии самого Петра. Знаем, по крайней мере, что 28 сентября он находился в Преображенском; с ним виделся в этот день Гордон, которому царь подарил штык [1].

Между 27 и 30 сентября в застенке князя Ромодановского вновь допрашивалось с пытками несколько стрелецких главарей: Мишка Обросимов, братья Осташка, Ивашка и Елеска Калистратовы и др.; но показания этих стрельцов ничего существенного к делу не прибавили [2]. Стрелецкий розыск первой группы, в которую вошли, как припомним, 341 человек, был закончен 22 сентября, когда по всем застенкам стрельцы этой группы, допрошенные 19 и 20 сентября по пяти статьям, были привлечены к передопросу по шестой статье о письме, переданном Ваське Туме. Не сохранилось никакого особого документа, в котором содержался бы самый смертный приговор допрошенным стрельцам, произнесенный царем или каким-либо учреждением, например, «боярами», т. е. Боярской думой. Можно полагать, что такого специального приговора и не было, и осуждение на смерть, о котором говорилось уже в словах статьи 4: «. . .а смерти они достойны и за одну противность, что забунтовали и бились против Большого полку», т. е. за бунт и сопротивление войскам А. С. Шеина, состоялось по словесному высочайшему повелению, как, по крайней мере, можно думать по выражениям официальных бумаг, в которых, например, говорилось: «По указу великого государя по розыску велено тех стрельцов казнить смертью» [3]. Как бы то ни было, был ли какой-либо специальный смертный приговор стрельцам или нет, в двадцатых числах сентября происходили обширные приготовления для казни стрельцов первой группы.

Днем казни было назначено 30 сентября. Накануне, 29 сентября, праздновались крестины сына датского посланника Гейнса, на которых присутствовали виднейшие представители иноземной колонии и, между прочим, девица Монс. «Царь восприял от купели, — пишет Корб, — первородного сына датского посла и дал ему имя Петра. Совосприемниками были генерал Лефорт, генерал-комиссар Карлович, датский поверенный Бутенант; из женщин: вдова покойного генерала Менезиуса, супруга полковника фон Блюмберг, девица Монс. Во все время обряда его царское величество был весьма весел. Когда младенец, окропляемый святой водой, заплакал, он поцеловал его. Он милостиво принял табакерку, поднесенную датским послом,

[1] Gordons Tagebuch, III, 217.

[2] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 6, ст. 36, л. 86—97.

[3] Там же, карт. 2, ст. 42, л. 3; карт. 7, ст. 58, л. 1: «И сентября с 30 числа по указу великого государя по розыском велено тех стрельцов казнить смертью, вещать» и т. д. Впоследствии в официальных бумагах писалось: «и после розысков по именному цареву и по боярским приговором вышеписанные роспопы и изменники стрельцы кажнены смертью» (см. там же, карт. 5, ст. 36, л. 51).

и не погнушался обнять подарившего. Прибывшего туда вечером князя Бориса Алексеевича Голицына в знак особого расположения царь приветствовал поцелуем». Это веселое настроение, однако, было нарушено вспышками гнева. Вечер проведен был в танцах. «Заметив, — продолжает свой рассказ Корб, — что фаворит его Алексашка (Меншиков) танцует при сабле, он научил его обычаю снимать саблю пощечиной; силу удара достаточно показала кровь, обильно пролившаяся из носу. Та же комета коснулась бы и полковника фон Блюмберг, особенно за то, что он пренебрег царским наставлением и медлил снять саблю среди танцев. Но когда тот стал усиленно просить о помиловании, царь отпустил ему его прегрешение» [1].

XII. КАЗНИ СТРЕЛЬЦОВ 30 СЕНТЯБРЯ

30 сентября происходила казнь. Из всей первой группы стрельцов в 341 человек выделены были малолетние, к которым были отнесены юнцы от 14 до 20 лет. Таких насчиталось ровно 100 человек; они освобождены были от смерти и через некоторое время, по наказании кнутом, были сосланы в сибирские города. Затем 40 человек, как они названы в соответствующем документе, «пущих воров»: пятидесятников, десятников и рядовых были оставлены для дальнейших розысков; в это число вошли важнейшие, уже нам знакомые участники бунта: Васька Зорин, Артюшка Маслов, Мишка Обросимов, Якушка Алексеев, Васька Игнатьев и др. [2]. Казнено было в этот день 201 человек. Действие началось в Преображенском, где пятеро стрельцов Черного полка: Никитка Плешивой, Васька Глотов, Гришка Жученок, Тимошка Гонец, Васька Долгой были обезглавлены [3].

За первым актом трагедии последовал второй: отправка остальных 196 стрельцов из Преображенского на место казни. Их повезли на небольших московских телегах, посадив по двое на каждую, причем каждый из осужденных, как напутствие перед смертью, держал в руках зажженную восковую свечу.

Поезд остановился при въезде из Преображенского в Москву у ворот, надо полагать, Покровских, так как прямая дорога из Преображенского вела через Покровские ворота, и здесь стрельцам прочитано было объявление об их винах и о казни. Объявление это гласило: «Воры и изменники, и крестопреступники, и бунтовщики Федорова полку Колпакова, Афанасьева полку

---

[1] Корб, Дневник, стр. 91. Царь пробыл у посла с 10 часов утра до 10 часов вечера. Депеша Гейнса датскому королю (Форстен, Датские дипломаты при московском дворе во второй половине XVII века, «Журнал министерства народного просвещения», 1904, № 12, стр. 293—294).

[2] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 4, ст. 38 и 39.

[3] Там же, карт. 7, ст. 102, л. 137; там же, ст. 28.

Чубарова, Иванова полку Чорнова, Гихонова полку Гундертмарка стрельцы! Великий государь, царь и великий князь Петр Алексеевич всея Великие и Малые и Белые России самодержец указал вам сказать. В прошлом в 206 (1698) году пошли вы без указу великого государя забунтовав с службы к Москве всеми четырьмя полками и, сошедшись под Воскресенским монастырем с бояриним и воеводою с Алексеем Семеновичем Шеиным, по ратным людям стреляли и в том месте вы побраны, а по розыску ваша братья кажнены смертью. А вы сосланы были в разные городы и в том вашем воровстве взяты ваша братья стрельцы четырех полков пятидесятники, и десятники, и рядовые, всего триста сорок один человек, роспрашиваны и пытаны, а в роспросе и с пыток все сказали, что было приттить к Москве и на Москве, учиня бунт, бояр побить и Немецкую слободу разорить и немцев побить, и чернь возмутить — всеми четырьмя полками ведали и умышляли. И за то ваше воровство великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всея Великие и Малые, и Белые России самодержец указал казнить смертью» [1].

При чтении объявления присутствовал сам Петр на коне, в польском зеленом кафтане, в сопровождении свиты «из многих знатных московитов». В свите находились генерал Лефорт, Автоном Головин, генерал-комиссар Карлович. Здесь же, у ворот, находился, сидя в карете, цесарский посол Гвариент, а также посланники датский и польский. Эти дипломаты накануне получили специальное приглашение присутствовать при казни, переданное им через племянника Лефорта. «Царское величество, — пишет Гвариент, — предыдущего дня (29 сентября) поздно вечером через молодого Лефорта учтивейшим образом и милостивейше велел меня пригласить к зрелищу столь справедливой казни». Царя, свиту и дипломатов «окружало много других иностранцев, толпившихся в перемежку с московитами у ворот». Царь, слушая объявление приговора, делал знаки окружавшей толпе, побуждая ее внимательно слушать: «слушал прочитанный приговор и побуждал к слушанию его всех стоявших вокруг солдат и прочий простой народ» [2].

По объявлении приговора осужденных развезли по местам казни. Места эти были назначены, во-первых, у съезжих изб, т. е. полковых канцелярий каждого из бунтовавших полков, а затем у городских ворот, а именно: у Коломенских, Серпуховских и Калужских в Замоскворечье, а по сю сторону реки у Смоленских (Арбатских), Никитских, Тверских, Петровских, Сретенских, Мясницких, Покровских, Семеновских, за Яузою и Таганных. Наблюдать за исполнением казни назначена была особая комиссия, состоявшая из боярина князя М. Н. Львова

---

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 7, ст. 102, л. 148—149; ср. там же, л. 168.

[2] Устрялов, История, т. III, стр. 630; Корб, Дневник, стр. 193.

и трех окольничих: И. И. Головина, С. И. Языкова и князя Ю. Ф. Щербатого, между которыми были распределены районы. Под надзором боярина князя Львова производилась казнь в слободах бунтовавших полков у четырех съезжих изб, где было повешено 48 человек, по 12 у каждой. Ворота Коломенские, Серпуховские и Калужские составляли район окольничего И. И. Головина: здесь было повешено 36 человек. Окольничий С. И. Языков действовал в районе ворот Арбатских, Никитских, Тверских и Петровских. Окольничий князь Ю. Ф. Щербатый распоряжался у ворот Сретенских, Мясницких, Покровских, Семеновских и Таганных. У каждого из двух последних было по 56 человек.

«После исполнения казни — пишет Гвариент, — я присутствовал на великолепном угощении, приготовленном у генерала Лефорта, по вторичному милостивейшему приглашению царя вместе с находящимися здесь королевскими представителями и многими военными офицерами».

Царь опоздал, может быть, потому, что успел побывать на похоронах одного иноземного подполковника, на которых он, по свидетельству Корба, шел за гробом «облеченный в мантию (peplum) в знак общественного траура... за ним следовали четыре юноши из московской знати». На пиру Петр казался доволен и приветлив, по словам Гвариента, «оказывал себя вполне удовлетворенным и ко всем присутствующим весьма милостивым»[1].

XIII. ДОПРОСЫ И ПЫТКИ СТРЕЛЬЦОВ И ПОСТЕЛЬНИЦЫ АННЫ КЛУШИНОЙ

Вслед за первой партией стрельцов, состоявшей из 341 человека, с которой было покончено казнями 30 сентября, подготовлялась вторая партия, составившаяся из стрельцов, присланных по распоряжению Иноземского приказа из городов: Владимира и Мурома — 135 человек, из Углича — 99 человек, из Суздальского Евфимиева монастыря — 97 человек, из Твери и Торжка — 100 человек, из Костромы и из Ипатьевского монастыря — 249 человек. Эти стрельцы, по прибытии в Москву, размещались в разных местах, именно в монастырях: Новоспасском, Симоновом, Николаевском на Угреше и Покровском убогом, далее, в двух подмосковных селах: Черкизове и Никольском, принадлежавшем боярину князю М. Я. Черкасскому, и, наконец, на Новом пушечном дворе, что у Красного пруда. Отсюда они Иноземским приказом пересылались 21, 23, 26, 28 сентября и 8 октября при памятях в Преображенский приказ. Таким образом, всего за эти пять присылок передано было из Иноземского приказа в Преображенский 680

---

[1] Корб, Дневник, стр. 92; Устрялов, История, т. III, стр. 630—631.

стрельцов, которые и ожидали своей участи, пока шли следствие и расправа с первой партией [1].

1 октября, в субботу, очевидно, по случаю Покрова (большого народного праздника), и 2 октября по случаю воскресного дня розысков не производилось. В дневнике Корба имеется известие, позволяющее судить о внешнем виде Москвы в этот день: наступала ранняя зима, выпал снег, «земля покрылась густым слоем снега, и все сковано было весьма сильным морозом». Гордон сообщает о пире в этот день у боярина А. С. Шеина, где находился и царь [2].

3 октября, по свидетельству Корба, происходило наказание несовершеннолетних стрельцов, освобожденных от смертной казни 30 сентября. Корб преувеличивает при этом как их число, так и самый характер наказания; по его сообщению, несовершеннолетних было 500 человек, «им были отрезаны носы и уши и с этим вечным клеймом совершенного злодеяния они отосланы были в самые отдаленные из пограничных местностей» [3]. Из официальных документов, которым не было в этом случае причин скрывать правду или как-нибудь ее искажать, мы знаем, что малолетних было 100 (о 500 не может быть и речи, так как вся первая партия стрельцов состояла из 341 человека) и что наказание им состояло в битье кнутом, в заклеймении щеки буквою «б» («бунтовщик») и в отправке в ссылку. В тот же день возобновилась застеночная работа пока в одном только застенке. Здесь «перед бояры», как говорится в одной записи [4], т. е., вероятно, перед всеми следователями вместе, составлявшими как бы следственную комиссию, допрашивались 11 человек малолетних стрельцов Чубарова полка из той группы, которая приведена была из Владимира и Мурома и передана была из села Черкизова и Новоспасского монастыря в Преображенский приказ 21 сентября. Они были из беглецов, приходивших в Москву весной 1698 г. с Васькой Тумой, и дали интересные показания, подвинувшие вперед расследование о передаче письма из Девичьего монастыря. По первым вопросам они запирались, отзываясь неведением: «Не ведает и ни от кого не слыхал»; но затем по уликам приведенного в застенок Артюшки Маслова и с пыток начинали говорить откровенно. Вообще можно заметить, что юные стрельцы были откровеннее старших, потому-то, вероятно, именно с таких стрельцов и начат был розыск 3 октября. Матюшка Берестов, начавший полным запирательством, затем по улике Артюшки Маслова постепенно сознавался: сперва сказал, что о письме из Девичьего монастыря он слышал от своей братьи стрельцов, но что в том письме написано, не ведает; но затем

---

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 2, ст. 59.
[2] Корб, Дневник, стр. 92; Gordons Tagebuch, III, 217.
[3] Корб, Дневник, стр. 92—93.
[4] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 6, ст. 17.

признался, что содержание письма ему известно, в нем написано было о том, чтобы полки шли из Торопца к Москве, и, наконец, он оказался свидетелем-очевидцем того, как Васька Тума «взял то письмо у бабы их же полку у нищей вдовы Танки Ивановы дочери». При этом Берестов добавил, что он эту бабу в лицо знает и двор ее знает и укажет. То же самое подтвердил с некоторыми подробностями и следующий допрошенный несовершеннолетний стрелец Стенька Тимофеев: то письмо Васька Тума взял из Новодевичьего монастыря от царевны Софьи Алексеевны через нищую того же полку стрелецкую жену вдову Таньку Иванову, «а она де, Танка, ему, Васке, то письмо отдала при нем, Стенке, на Арбате в Стрелецкой слободе на улице у ворот Васки Тумы, и тое де Танку он, Стенка, в лицо узнает». Следующий стрелец, Ивашка Чика, сделал новое важное добавление: отдавала ли какая-нибудь баба Ваське Туме письмо в Москве, он не знает, но, когда прибегавшие в Москву стрельцы были оттуда выпровожены и пошли с Васькой Тумой на Великие Луки, то с тем Васькой шла до села Лучинского, находящегося верстах в 40 от Москвы, неведомо какая баба, и он, Чика, видел, как эта баба передала Ваське письмо и сказывала, что то письмо из Девичьего монастыря от царевны. Чика имени этой бабы не знал, но помнил и готов был указать ее в лицо. Показание Чики о передаче письма также в селе Лучинском находило себе подтверждение в дальнейших признаниях. Стрелец Ивашко Бровников запомнил приметы передавшей письмо в Лучинском бабы: «Ростом средняя, торгует ветошьем и виселками». Другой стрелец, Микишка Рагозин, бывший также очевидцем этого эпизода, указал еще примету: «Баба повязана платком». Вмешавшийся в этот допрос вновь Стенька Тимофеев разъяснил, что одна и та же баба передала Ваське Туме два письма, одно в Москве у васькина двора, а другое в Московском уезде, от Москвы верстах в 40, в селе Лучинском, у крестьянского гумна. Тождество бабы, передавшей два письма: одно в Москве на Арбате, другое в селе Лучинском, подтверждали также в качестве очевидцев Петрушка Касаткин и Сенька Пушников; последний назвал было ее имя: Маринка, жена стрельца Чубарова полка Еремея Сивого. Передавая Ваське Туме письмо в Москве, она будто бы побуждала стрельцов придти к Москве без указа и приводила в пример бутырских солдат, которые вернулись будто бы в Москву самовольно[1]: «Бутырские де солдаты к Москве пришли без указу, так же и вы, стрельцы, к Москве придите без указу ж». Но затем он стал колебаться, сказал, что женку Маринку он поклепал напрасно и «говорил на нее испужався второпях»; с подъему, однако, он стал опять говорить на нее же. Другие стрельцы: Васька Чириков, Федька Прото-

[1] Может быть, какая-нибудь их часть из азовского похода?

попов, Пашка Булыгин также показывали о передаче двух писем — одного в Москве, другого в селе Лучинском [1].

Между тем, стрелец Матюшка Берестов вместе с полковником его полка Афанасием Чубаровым были посланы в слободу Чубарова полка привести ту бабу, вдову Таньку Иванову, на которую он и Сенька Тимофеев указывали, как на передатчицу письма; приведена была, однако, не она, а ее мать, стрельчиха Анютка Никитина, вдова стрельца Ивашки Троицкого. Очевидно, Берестов, делая показание, спутал мать с дочерью, а теперь, в слободе, он исправил ошибку, узнав в лицо Анютку, как ту именно бабу, которой было передано письмо [2].

Анютка Никитина при расспросе объяснила, что у нее, действительно, есть дочь Танька. Свое знакомство с Васькой Тумой она подтверждала, но категорически отрицала факты передачи ею Туме двух писем из Девичьего монастыря: одного у его двора в Москве, а другого в 40 верстах от Москвы в селе Лучинском. Но стрельцы Матюшка Берестов, Стенька Тимофеев да Ивашка Чика, «смотря на нее, Анютку, говорили и ее Анютку уличали: те де письма из Девичья монастыря тому Ваське Туме отдала подлинно она, Анютка». После этой улики она была «подымана» и с подъема сначала продолжала запираться, «говорила прежние речи: те де стрельцы Матюшка и Ивашко знатно в ней опознались, а она де, Анютка, и дочь ее Танка таких писем из того монастыря не имывали и ему, Васке, не отдавывали», а затем сделала попытку свалить обвинение на другую женщину, будто бы похожую на нее, Анютку, лицом: «А знакома де ему, Васке Туме, была и рожею походит на нее ж, Анютку, того ж полку вдова Улка Еремеева. И как тот Васка Тума с товарыщи были на Москве, и в то де время она, Улка, в Девичь монастырь к старицам хаживала; да ей же де знакома в том монастыре рудометка (кровопускательница), а как тех стариц и рудометку зовут, про то она сказать не упомнит; разве де та Улка ему, Васке, из того монастыря какие письма принесши на Москве и в селе Лучинском отдавала» [3].

4 октября были приведены в застенок указанные накануне женщины: Улька Еремеева, на которую сослалась Анютка Никитина, Танька Иванова, дочь Анютки Никитиной, и Маринка, жена стрельца Сивого, которую оговорил Сенька Пушников. Улька Еремеева в расспросе говорила, что раньше она ходила в Девичий монастырь к одной знакомой, жившей в монастырской богадельне, а также на богомолье, но знакомая давно умерла, а с тех пор, как у монастыря поставлен караул, она и на богомолье ходить туда прекратила. Перестали туда ходить и некоторые ей известные женщины из богаделен, прежде по-

---

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 2, ст. 59, л. 37 и сл.
[2] Там же, карт. 4, ст. 92; там же, карт. 6, ст. 7.
[3] Там же, карт. 2, ст. 59, л. 39—40.

лучавшие там милостыню или занимавшиеся работой: «Под Новодевичьим монастырем была у ней знакомица в богадельне нищая Дунка Ильина и умре тому будет лет с пятнадцать. А как она была жива, и она де, Улка, к ней хаживала и в монастырь молиться, как молебщиков пущали, хаживала ж. А как де у того монастыря поставлен караул и никого в монастырь пущать не велено, она, Улка, в том монастыре не бывала. Да в тот же де монастырь до того ж караулу хаживали из богаделен: из большой — девка Овдотья Александрова к игуменье и живала у ней недели по две, шивала на нее всякое шитье, а из другой богадельни — бабы Машка Федорова, а с нею трое баб, имян их не знает, а в лицо знает; а из третьей богадельни хаживала девка Марфа, а чья дочь, того не помнит, к царевне Софье Алексеевне для милостины ж, и милостина де от ней, царевны, и шубы ей даваны. А как де учинен крепкой караул, и она де, Улка, и те богаделенные женки и девки в тот монастырь не хаживали, и милостины им и таких шуб не давано. И из того монастыря от царевны Софьи Алексеевны ей никто никакого письма не вынашивал, и она, Улка, ни у кого не принимывала и Ваське Туме не отдавывала».

Женщины Анютка Никитина, дочь ее Танька Иванова и оговоренная Сенькой Пушниковым Маринка, жена стрельца Сивого, были предъявлены в застенке стрельцам Матюшке Берестову, Стеньке Тимофееву и Сеньке Пушникову. Из них Матюшка Берестов признал в Анютке Никитиной бабу, передавшую письмо Ваське Туме на Арбате, и прибавил, что раньше называл Таньку Иванову по ошибке. Стенька Тимофеев, наоборот, указал на Таньку Иванову, как на бабу, отдавшую письмо. «И женки: Анютка Микитина и дочь ее Танка и Федкина жена Маринка стрельцам Матюшке Берестову, Стенке Тимофееву, Сенке Пушникову казаны... И они, Матюшка, и Стенка, и Сенка, смотря тех женок, сказали: Матюшка сказал, что письмо Васке Туме отдала на Арбате Анютка Микитина, а что он сперва (назвав Таньку Иванову) осказался, в том виноват. А Стенка сказал, что то письмо Васке Туме отдала Анюткина дочь Танка Иванова. А Сенка Пушников сказал: на женку де Маринку он говорил опознався». Таким образом, две из привлеченных к допросу баб отпадали: Улька Еремеева, явно понапрасну оговоренная Анюткой Никитиной, как это сейчас же и открылось, и Маринка Сивая. Допрос сосредоточился на Анютке с Танькой. Разногласие о них в показаниях стрельцов Матюшки и Стеньки легко объяснить ошибкой, проистекавшей из сходства между матерью и дочерью. Обе они на вопрос: Ваське Туме письмо из Девичьего монастыря от царевны кто из них отдал? во всем заперлись. Приступлено было к следственным орудиям. Будучи подведена к дыбе, Анютка «у подъема» припутала к делу и оговорила еще одну женщину: жену стрельца Федьки Егорова, Дуньку Федорову, свою соседку по слободе; от нее будто бы она слышала, что письмо с верху,

а от кого, не знает, взяли муж ее, Федька, с Васькой Тумой. «И по тому Матюшкину оговору, — читаем мы в деле, — она, Анютка, в застенке у подъему говорила: в их де улице живет с нею в соседстве стрельца Федкина жена Егорова, Дунька Федорова (а муж де ее в Сборном полку на службе) говорила: муж де ее, бежав с службы, был на Москве. И она де, Анютка, той Дунке говорила: для чего муж де ее с службы бежал? И Дунка де ей, Анютке, говорила: Гордонова де полку солдаты к Москве с службы без указу пришли, для чево де им ничего не учинено, а наши де беглые стрельцы не даром пришли, дано де им с верху письмо, а то де письмо взял муж ее, Федка, с Васкою Тумою, а у кого, того не знает». Но когда приступили к пыткам, Анютка, оттого ли, что не могла выдерживать боли или отводя пытки от дочери, во всем поспешила повиниться, чтобы не подвергнуть пытке дочь, которую стали бы пытать, если бы мать продолжала запираться. «А с подъему она ж, Анютка, говорила, что то письмо из Девичья монастыря взяла она, Анютка», и затем рассказала подробности: «После того она ж, Анютка, говорила: в прошлом же 206-м (1698) году в великой пост, как приходили к Москве стрельцы из Торопца и в то де число она, Анютка, приходила к Девичью монастырю к задним воротам, хотела в тот монастырь пойтить помолиться, и к ней де в те ворота вышла из того монастыря старица и отдала ей письмо, а велела то письмо отдать Васке Туме, чтоб он то письмо отнес в полки, и шли б они, стрельцы, все к Москве для того, что государя за морем в животе не стало»[1]. Таким образом, факт передачи письма из Девичьего монастыря был установлен, и было выяснено лицо, через которое шла эта передача — Анютка Никитина.

Сделав первое признание, Анютка повинилась и в дальнейших своих действиях. Оказалось, что она служила посредницей не только между стрельцами и Девичьим монастырем, но также между стрельцами и кремлевским теремом и передала Туме не только письмо от Софьи Алексеевны, но также и другое письмо, от одной из царевен с верху. «Она ж, Анютка, с подъему говорила: возле де ее, Анютки, живет нищая Анненкова полку стрелецкая жена Афимка Кондратьева и называется «рейтарскою женою», а сказывала, что она обедать и ужинать ходит в верх по вся дни к царевнам, а к которым царевнам, того не знает... и сказывала, что ей в верху дают деньгами и платьем. И та де Афимка привела ее во дворец и, оставя ее, Анютку, у лестницы, была в верху, а у кого, не знает. А как де она, Афимка, с верху к той лестнице сошла, и в то ж де число с нею, Афимкою, к той лестнице сошла вдова и принесла с собою письмо, а как ее зовут и какого чину, не ведает, а в лицо ее узнает, а ростом де она ее, Анютки, менши, только костью пошире. И то письмо при ней, Афимке, отдала ей,

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 2, ст. 59, л. 48.

Анютке, а сказывала про то имянно, что то письмо с верху от царевны, а от которой, про то сказать не упомнит, и велела ей, Анютке, то письмо отдать стрельцу Васке Туме, и она де, Анютка, приняв то письмо, отдала тому Васке на Арбате, против его Васкина двора. А про государя де говорили у них в слободе, будто его, государя, в животе не стало»[1].

Была разыскана и приведена в Преображенское Афимка Кондратьева Рейтарская или, как она все время в дальнейшем называется в деле — Артарская. Что она ходила на кормки во дворец, она признала: «Как де в верху нищим кормка бывает, и в то время и она, Афимка, с нищими хаживала, а кармливали де ее с нищими у царевен Татьяны Михайловны, Марфы Алексеевны»; но во всем остальном упорно заперлась: «А той де Анютки на дворец она не приваживала и у рундука (площадка лестницы) не останавливала, и с верху при ней, Афимке, никакая вдова не схаживала и письма ей, Анютке, никакого не отдавывала и Васке Туме отдавать не приказывала; тем де ее, Афимку, она, Анютка, поклепала по насердке (сердясь), что живет в соседстве и с нею, Афимкою, часто бранится».

Анютка продолжала, однако, настаивать на своем и уличала Афимку Артарскую: «В верх она, Афимка, часто хаживала и давано ей в верху деньгами и портищами, да ей же де в верху дано и денег пять рублев, и ее, Анютку, она, Афимка, на дворец приводила, и то письмо с верху та вдова снесла и при ней, Афимке, ей, Анютке, отдала и Васке Туме отдать приказывала подлинно». Афимку подвергли пытке, «было ей семь ударов», но и с пытки она продолжала с прежним упорством запираться. Вновь стали пытать Анютку Никитину «из подлинных речей», т. е. чтобы показала подлинно, и она подтвердила свои прежние показания, выразив при этом готовность указать во дворце место, где письмо было отдано, и ту вдову, которая его отдала. Артарская против этих Анюткиных показаний была «поднимана в другой ряд» и пытана, получила на этот раз шесть ударов, но и теперь осталась при прежнем упорстве, прибавив только, что «как их у царевны Марфы Алексеевны кармливали, и у той де кормки бывала боярыня Анисья Юрьевна Лодыженская, а иных де боярынь она никого не знает»[2].

На этом расследование 4 октября закончилось. Лефорт праздновал день своих именин. «Франц Яковлевич Лефорт, — пишет Корб в дневнике, — отпраздновал день своих именин великолепнейшим пиршеством, которое почтил своим присутствием царь с очень многими из бояр». Дело не обошлось без вспышки, довольно частой у Петра на подобных собраниях, как мы могли видеть это и раньше. «Думный Емельян Игнатьевич Украинцев, — продолжает Корб, — возбудил против себя за

---

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 2, ст. 59, л. 49.
[2] Там же, л. 50—51.

какую-то провинность царское негодование; встревоженный за свое колеблющееся благосостояние, он спустился до самой крайней степени унижения в мольбах о помиловании. Кроме того, все бояре, как бы сговорившись, каждый поочередно ходатайствовали за него. Однако государь упорно от него отворачивался. Наконец, Лефорт, отозвав царя к окну, оправдал думного, — за денежное вознаграждение», — прибавляет Корб, т. е. за посул, который тогда был в обычае и от которого не отказывались даже и очень высокопоставленные лица. На именинах Лефорта был также и Гордон, отметивший в дневнике, что царь с сопровождающими пришел туда только после обеда[1].

Между тем из Архангельска получены были известия о прибытии туда людей, нанятых Петром за границей на русскую службу, и о движении их к Москве. В столице получены были уже вывезенные из-за границы редкие вещи, и еще накануне лефортовых именин, 3 октября, Гордон осматривал в Преображенском эти редкости, среди которых были крокодил и меч-рыба. Ожидали скорого приезда в Москву из Архангельска приглашенного на русскую службу вице-адмирала Крюйса. Петр решил отправиться к нему навстречу и для этого вечером 4 октября с именин Лефорта выехал к Троице[2].

5 октября, в среду, вероятно, ввиду отсутствия царя, работа в застенке не производилась. 6 октября розыск возобновился. Анютку Никитину водили в Кремль во дворец, где ей были предъявлены казначеи и постельницы царевен с тем, чтобы она указала, которая из них передала ей письмо для Васьки Тумы и в каком месте. Анютка указала сразу же без всяких колебаний место передачи письма: на светлишной лестнице на средней площадке. Но в указании постельницы, передавшей письмо, несколько поколебалась, сначала указала было на двух постельниц царевны Екатерины Алексеевны: на Акулину Никитину и на вдову Агафью Протопопову, но затем решительно указала на постельницу царевны Марфы Алексеевны — Анну Клушину. «И октября в 6 день, — читаем в деле, — вдова Анютка Никитина во дворец вожена и государынь царевен казначеи и постельницы ей казаны, и она роспрашивана, кто из них ей то письмо, которое она отдала Васке Туме, с верху вынес и отдал, и в котором месте, чтоб она то место и кто ей то письмо отдал, указала. И она, Анютка, во дворце указала место на светлишной лестнице на среднем рундуке. А казначей и постельниц смотря, указала на постельниц государыни царевны Екатерины Алексеевны на Акулину Никитину, на вдову Агафью Протопопову и сказала: та де боярыня, которая к ней письмо сверху снесла и отдала, походит на нее, Агафью. Да в тех же постельницах познала она, Анютка, по-

[1] Корб, Дневник, стр. 93; Gordons Tagebuch, III, 218.
[2] Gordons Tagebuch, III. 217, 218.

стельницу ж государыни царевны Марфы Алексеевны Анну Клушину, а сказала, что то письмо с верху к ней снесла и на светлишной лестнице на среднем рундуке отдала она, Анна, подлинно и то письмо она отдала Васке Туме имянно»[1].

Анна Клушина и две другие постельницы были взяты в Преображенское. Хотя последние были явно указаны Анюткой по ошибке и поэтому даже не были подвергнуты первоначальному допросу, однако, они сидели в Преображенском в заключении, как и другие женщины, также напрасно оговоренные и привлеченные к делу[2]. Анна Клушина на первоначальном расспросе, а затем и будучи поднята, во всем решительно заперлась: «Вдовы де Анютки она не знает, и никто ее к ней на светлишную лестницу не приваживал, и она к ней с верху на светлишную лестницу не схаживала и ни от кого никакого письма не снашивала и не отдавывала и стрельца Васки Тумы не знает». Анютка Никитина у пытки уличала Анну Клушину: подлинно она, Анна, снесла ей письмо с верху и отдала на светличной лестнице. С пытки, с пяти ударов Анна Клушина стала изменять первоначальное показание, отговариваясь запамятованием: может быть, она какое-либо письмо и снесла, не помнит, и просила дать ей опамятоваться: «Той де Анютке она с верху письмо какое снесла ль или нет, того не помнит, авось либо де и снесла, чтоб ей в том дать опамятоваться». На этом следствие 6 октября было прервано. К вечеру вернулся от Троицы Петр с вице-адмиралом Крюйсом[3].

7 октября происходила третья пытка постельницы царевны Марфы Алексеевны Анны Жуковой и подполковника Василия Колпакова. Допрос касался того же их разговора о желании стрельцов возвести царевну Софью на царство, по поводу которого их расспрашивали на прежних двух пытках, и попрежнему оба стояли каждый на своем. Анна Жукова, как и ранее, говорила перед пыткой, что про приход стрельцов к Москве и о том, что они царевну Софью «жедают» на царство, слышала она подлинно от Василия Колпакова, когда приезжала к нему для покупки камок, а Василий Колпаков попрежнему упорно запирался, говорил, что Анна клеплет его напрасно, прибавив теперь только причину: «за то, что он не взял за себя сестры ее». На пытке, на этот раз крайне жестокой — 25 ударов — Анна Жукова на один момент изменила было свое показание, сказав, что таких слов, будто стрельцы царевну Софью Алексеевну желают на царство, она не слышала, а слышала от него только, что стрельцы пришли бить челом царевне Софье Алексеевне о жалованье. Но затем тотчас же взяла это свое показание назад и стала опять утверждать попрежнему, что подлинно слышала от него, Василия, те слова

---

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 2, ст. 59, л. 52.
[2] Там же, карт. 7, ст. 56, л. 11.
[3] Корб, Дневник, стр. 93; Gordons Tagebuch, III, 218.

о желании стрельцов, объяснив: «С пытки де сговаривала было я для того, чаяла себе, что будет легче», и что сговаривать (т. е. снимать обвинение) с Василия ее никто не научал и никто для этого к ней не приходил. Василий Колпаков, несмотря на 11 полученных ударов, твердо стоял на прежнем своем показании: «Девка де Анна приезжала к нему говорить о покупке камок и спрашивала: зачем де стрельцы пришли к Москве? И он де ей сказал: бить челом о жалованье. И она де его спросила: что́ де им будет указ, что они пришли к Москве без указу? И он де ей сказал: они де за то, что без указу пришли к Москве, подлежат смерти; а про то, что они желают царевну Софию Алексеевну на царство, не говаривал и ни от кого про то не слыхал»[1]. Так пыткой нельзя было вынудить от него признания. Больше эту пару застенком не беспокоили. По свидетельству Желябужского, Василий Колпаков был после третьей пытки освобожден. Но Анна Жукова долго еще томилась в заключении в Преображенском, где ее имя упоминается еще в списках колодниц в 1701 г.[2]

Затем 7 октября продолжались и другие допросы. Была расспрошена стрельчиха Гундертмаркова полка Домка Карпова, приведенная еще 5-го в Преображенский приказ по указанию стрельца Ивашки Бронникова, что она сопровождала стрельцов, возвращавшихся из Москвы весной 1698 г., и передала Ваське Туме письмо в селе Лучинском. Домка отрицала это указание, да и сам Ивашка Бронников поколебался, стал говорить, что баба, отдавшая письмо в Лучинском, походит на нее, Домку, но что он не берется утверждать этого наверное: «а подлинно ль то письмо отдала та Домка или иная, того подлинно не упомнит, а чает де признает ее стрелец же Васка Чир»[3]. Но факт передачи письма в Лучинском, видимо, стал уже меньше интересовать следователей, направивших все свое внимание на передачу письма с верху на светлишной лестнице, и к этому вопросу они тотчас же и перешли. Была «поднята» Афимка Артарская, подвергавшаяся уже допросу 4 октября. Передачу письма на светлишной лестнице какой-то боярыней стрельчихе Анютке Никитиной она теперь подтверждала; письмо было отдано при ней: «Как де ее, Афимку, в великой пост в верху у царевны, а у которой, того сказать не упомнит, кормили, и после кормки, как она, Афимка, шла с верху светлишною лестницею, и в то ж де число за нею шла боярыня вдова, а как ее зовут и чья слывет, не знает, а в лицо ее узнает подлинно; и на той де светлишной лестнице на низу та вдова стрелецкой жене Анютке Никитине при ней, Афимке, отдала письмо, а какое, того не ведает». Но свое какое-либо участие в этом эпизоде она отрицала: стрелецкой жены

---

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 7, ст. 47; карт. 6, ст. 34.
[2] Там же, карт. 7, ст. 105; ст. 48, л. 2.
[3] Там же, карт. 2, ст. 59, л. 53.

Анютки Никитиной она не приводила и была не более, как случайной свидетельницей передачи письма. Ей были предъявлены три взятые на верху постельницы: Акулина Никитина, Агафья Протопопова и Анна Клушина, и она, смотря на них, опознала в Анне Клушиной ту, которой письмо было передано. Подвергнутая вновь расспросу Клушина заперлась, с подъему, на этот раз с 15 ударов, опять сказала, как и накануне, что «авось либо она, Анна, с верху письмо и снесла, да того не упомнит», но была затем жжена огнем дважды и со второго огня призналась: «Царевна де Марфа Алексеевна с верху от себя из хором с нею письмо послала подлинно и велела отдать той бабе Анютке, которая ее сперва узнала». После этого признания Клушиной вновь принялись пытать Афимку Артарскую «из подлинных речей», т. е. с тем, чтобы сказала подлинную правду.

Расспрашиваемая «накрепко», она призналась, что великим постом, а на какой неделе не упомнит, когда позвали их во дворец кормить, но кормка не состоялась, постельница Анна Клушина велела ей привести стрельчиху, причем со второго подъема Афимка сказала, что велела привести вообще какую-нибудь стрельчиху, но Анютки Троицкой именно не называла, а привела она Анютку сама по соседству. Артарская сообщила и новую подробность, объяснявшую, почему назначенная на тот день кормка нищих во дворце не состоялась. Анна Клушина «сказывала ей, Афимке: у нас де в верху позамялось: бояре хотели удушить государя царевича, хорошо б де и стрельцы подошли к Москве и говорила ей, Афимке, чтоб она из Чубарова полку привела в верх какую-нибудь стрельчиху, и по тем де ее, постельницыным, словам она, Афимка, соседку свою ивашкову жену Троицкого Анютку на светлишную лестницу и привела. И та де постельница, дав той Анютке бумагу, а писаную ль или неписаную, того не ведает, и велела повидаться после»[1].

Это показание Афимки Артарской целиком подтвердила, прибавляя некоторые подробности, постельница Анна Клушина, решившая во всем признаться и выдать свою госпожу. В дальнейшем расспросе она говорила: «Та де Афимка с иными нищими у царевны Марфы Алексеевны едала. И в прошлом де 206-м (1698) году в великой пост, а на которой неделе, про то сказать не упомнит, она, царевна, велела ей, Анне, тое Афимку сыскать и привесть на светлишную лестницу, а для чего сыскать, про то не сказала. И по тому де ее приказу она, Анна, ее, Афимку, на светлишной лестнице увидев, ей, царевне, сказала. И она де, царевна, послала ее, Анну, от себя из хором и велела ей, Афимке, говорить: у нас де в верху позамялось, хотели было бояре государя царевича удушить, хорошо б де и стрельцы подошли. Да она ж бы де, Афимка, повидалась

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 2, ст. 59, л. 56, 57.

с тобою впредь и привела с собою на ту ж светлишную лестницу Чубарова полка стрельчиху, кого ни есть. И те де ее, царевнины, слова она, Анна, той Афимке говорила и впредь с собою видеться и того полку стрельчиху на светлишную лестницу привести велела. И после де того дни с три или с четыре, а подлинно сказать не упомнит, та Афимка на светлишную лестницу приходила, а с собою ту Анютку привела. И она, Анна, с ними видевся, ей, царевне, сказала. И она де, царевна, дав ей, Анне, письмо, велела отдать той стрельчихе Анютке, а она б де, Анютка, то письмо отдала именно стрельцу Васке Туме. И по тому де ее, царевнину, приказу она, Анна, то письмо ей, Анютке, отдала при ней, Афимке, на той же светлишной лестнице и велела то письмо ей, Анютке, отдать тому Васке Туме имянно»[1].

Разоблачения пошли дальше и выяснили, что письмо царевны Марфы Алексеевны было ответным, написанным в ответ на челобитную беглых стрельцов, за несколько дней перед этим поданную ими на верх в терема тем же путем, по светличной лестнице, через ту же Афимку Артарскую и Анну Клушину. Афимка в дальнейшем расспросе говорила: «В том же 206-м (1698) году в великий пост до отдачи того письма, которое та Анна Клушина той Анютке от ней, царевны, отдала, а за сколько дней, про то сказать не упомнит, беглые стрельцы три человека: Тума да Бориско (Проскуряков) да Барышев, а как его зовут, не упомнит, отдали ей, Афимке, на дороге письмо невелико, свернуто столбцом, а сказали: то де письмо — челобитная их о их стрелецких нуждах, чтоб она, Афимка, то письмо отнесла в верх и отдала царевнам, которой ни есть, зная про то, что она, Афимка, к царевнам в верх ходит. И она же, Афимка, взяв у них то письмо, отдала той постельнице Анне Клушиной на светлишной же лестнице и велела поднесть царевне Марфе Алексеевне». Анна Клушина в свою очередь подтвердила и это показание Артарской, сказав, что, действительно, дней за пять или за шесть до передачи письма от царевны, подлинно не помнит, она «на светлишной же лестнице у той Афимки... такое свернутое письмо приняла и поднесла ей же, царевне, Марфе Алексеевне. А она де, царевна, приняв у ней то письмо, положила к себе в карман, а что в том письме было писано, того не ведает». При этом Клушина прибавила о словах, сказанных ей царевной Марфой Алексеевной после передачи письма к Туме. Царевна озабочена была сохранением всего этого дела в тайне и говорила Клушиной: «То письмо я тебе отдала, поверя тебе. А будет де пронесется, и тебя де распытают, а мне де опричь монастыря ничего не будет»[2].

Таким образом, из показаний Афимки Артарской и Анны Клушиной 7 октября открылись новые факты. Оказалось, во-

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 2, ст. 59, л. 58.
[2] Там же, л. 59—60.

первых, что у прибежавших в Москву великим постом 1698 г. стрельцов были сношения с кремлевскими теремами, с верхом. Стрельцы переслали царевне Марфе Алексеевне челобитную о своих нуждах, в ответ на которую от царевны было им передано письмо через ту же стрельчиху Анютку Никитину, которая передала им письмо и из Девичьего монастыря. Во-вторых, обнаружился замысел терема подбить стрельцов к приходу в Москву, для чего им сообщалось о покушении бояр на царевича. Неизвестно, что заключало в себе письмо от царевны Марфы, но на словах через Анну Клушину и Артарскую царевна велела передать: «хорошо бы и стрельцы подошли».

Терем был сильно скомпрометирован; ясно было видно его стремление побудить стрельцов к приходу в Москву. На другой день, 8 октября, Петр вновь допрашивал лично царевну Марфу в том же селе Покровском, где происходил ей и первый допрос. Царевна от начала до конца во всем упорно заперлась. «Октября в 8 день, — гласит официальная запись допроса, излагая его необычайно мерным слогом в глаголах многократного вида, — великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всея Великие и Малые и Белые России самодержец в селе Покровском сестру свою царевну Марфу Алексеевну против распросных и пыточных речей постельницы вдовы Анны Клушины спрашивал. И царевна Марфа Алексеевна перед ним, великим государем, сказала: у той же постельницы Анны она, царевна, стрелецкой челобитной никакой не принимывала и в карман себе не кладывала, и Чубарова полку стрельчихи сыскивать ей, Анне, не приказывала, и письма с нею от себя никакого не посылывала, и стрельчихе отдавать не веливала, и про то с нею, чтоб она, стрельчиха, то письмо отдала именно стрельцу Васке Туме, не приказывала и таких слов ей, Анне: то де письмо отдала она, царевна, ей поверя, будет де про то письмо пронесется и тебя де роспытают, а мне опричь монастыря ничего не будет — не говаривала. Тем ее та Анна поклепала». Царевне дана была с привезенной в Покровское Анной Клушиной очная ставка. «И против тех ее, царевниных, слов великий государь перед нею, царевною, тое постельницу Анну ставил. И она, Анна, перед нею, царевною, говорила: «Стрелецкую де челобитную она ей, царевне, поднесла, и она, царевна, у ней приняв, положила ее себе в карман и стрельчиху Чубарова полку сыскать приказывала и письмо с нею выслала и стрельцу Васке Туме отдать именно приказывала. И ей, Анне, такие слова: если де про то письмо пронесется и тебя де роспытают, а мне де больши монастыря ничего не будет — говорила подлинно и ее, царевну, она тем поклепала». Корб это участие царевны Марфы связывает в своем описании стрелецкого мятежа и розыска с теми слухами, которые, очевидно, тогда ходили по Москве об открывшейся будто бы в то же время любовной связи царевны с некиим дьяконом Иваном Гавриловым. «Царевну Марфу, —

пишет он, — запутало в эти же мятежные замыслы скорее желание удовлетворить своей похоти, чем стремление к перемене власти: именно, она хотела с большей свободой наслаждаться преступной связью с дьяконом Иваном Гавриловичем, которого для этой цели уже несколько лет содержала на свой счет». В другом месте того же описания он говорит о намерениях стрельцов обвенчать этого дьякона с царевной и сделать его главным начальником Стрелецкого приказа: «Дьякона Ивана Гавриловича уже несколько лет содержала царевна Марфа, ища в связи с ним удовлетворения своей похоти. Мятежники хотели обвенчать его с Марфой и сделать протектором или верховным канцлером стрельцов; но вследствие злополучного исхода преступного начинания он обрел себе вместо брака гроб и похороны». Всё это — россказни, не имеющие никакого подтверждения. Ни в одном показании стрельцов о подобном намерении не упоминается; если бы хоть какое-либо подозрение о таком намерении было, самому дьякону не избежать бы пыток и казни, а, между тем, не видно, чтобы он подвергался пыткам, хотя и сидел в Преображенском приказе[1].

После допроса сестры царь обедал у Лефорта[2].

9 октября было воскресенье, и по обыкновению был сделан перерыв в работе застенков. Был, по словам Корба, роскошный пир у полковника Чамберса, командовавшего Семеновским полком. Среди многочисленных гостей присутствовал и царь. Гордон также находился в числе гостей и занес в дневник заметку, по которой можно судить, что пир начался вскоре после утреннего богослужения и что царь пробыл на пиру долгое время: «9-го, — пишет он, — присутствовал я при богослужении, а затем был на празднестве у полковника Чамберса, на котором долго пробыл его величество»[3].

О дне 10 октября никаких записей не имеем; можем предполагать, что в это число шли приготовления к тем действиям, которые происходили 11-го. В этот день опять «перед бояры», т. е. перед следственной комиссией в полном составе, происходил розыск по поводу показания, сделанного Артарской в дополнение к ее же прежнему показанию, сделанному 7 октября, о намерении бояр удушить царевича. Это новое показание, осложнявшее прежнее, заключалось в следующем: ей, Афимке, говорила некая Офросинья Федорова, именовавшаяся Федоровной, служившая «боярской боярыней», т. е. чем-то в роде гофмейстерины, во дворе княгини П. И. Ромодановской, «будто царевича подменили и царевичево платье на иного надели. И царица будто узнала, что не царевич, и сыскали царевича

---

[1] Корб, Дневник стр. 188, 187; Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 7, ст. 84, л. 4; ст. 68.

[2] Там же, стр. 94.

[3] Gordons Tagebuch, III, 218.

в иной комнате, а бояре будто по щекам били царицу и удушить хотели царевича». По этому оговору Артарской «боярская боярыня» Офроска Федорова была схвачена и 11 октября «перед бояры» расспрашивана. В расспросе она во всем том, что Артарская на нее показывала, решительно заперлась, тогда ей дана была с Артарской очная ставка, на которой Артарская к своему первоначальному рассказу прибавила новые подробности: разговор у нее с Офроской происходил не за один раз, а в два приема: «В тот де великой пост пришла она, Афимка, на дворец для кормки и была на светличной лестнице, и она де, Офроска, в то число прилучилась на той же лестнице; и она, Афимка, молвила ей, Офроске: сего де дни ей, Офимке, поесть негде. И она, Офроска, говорила: какая де ныне кормка! У нас де в верху ныне позамялось, бояре хотели было государя царевича удушить. А государь де неведомо жив, неведомо мертв; и по стрельцов де указ послан». Этим обмен мнений на светличной лестнице кончился. Разговор возобновился через несколько дней и в другом месте. «А после де того, — продолжала свое показание Артарская, — а сколько дней спустя, про то не упомнит, она ж, Афимка, шла мимо двора боярыни вдовы княгини Парасковьи Ивановны, и она де, Офроска, из приворотной избы в окно кликнула ее, Офимку, к себе и говорила: в то ж де число, как было бояре хотели государя царевича удушить, его, царевича, подменили и царевичево платье на иного надели. И царица де узнала, что не царевич, а царевича де сыскала в иной комнате. И они ж де, бояре, ее, царицу, по щекам били». Артарская указала также и свидетельницу, при которой этот разговор происходил: «А как де она, Офроска, те слова в окно ей, Афимке, гово-

Рис. 7. Царевна Марфа Алексеевна.
Гравюра с портрета маслом, находящегося в музее «Александрова слобода»

рила, и в той де избе под другим окном сидела дворовая их женка Галахтионовна, а те слова слышала ль, про то она не ведает». В ответ на эти улики Офроска сказала, что Афимку Артарскую она знает, потому что она прихаживала к ним в дом (княгини Ромодановской) для милостыни и едала; но во дворце на светличной лестнице с ней не встречалась и из избы во дворе Ромодановских с ней в окно не разговаривала; тем всем она, Афимка, ее, Офроску, поклепала. Однако в застенке с пытки Офроска свое показание изменила: великим постом во дворце на светлишной лестнице она Афимку Артарскую, действительно, встретила и в ответ на ее слова, что «поесть негде», сказала: «кормки де ныне не будет для того, что в верху позамялось», но объяснение этому замешательству давала иное: «Учинилась в верху пропажа и в той пропаже карлиц и верховых девиц пытают, а кроме де тех слов, иных слов она, Офроска, ей, Афимке, не говаривала»[1]. Указанная Артарской свидетельница, вдова Дашка, жена Галактионки Баландина, приведенная впоследствии в Преображенский приказ, ее показания не подтвердила, сказала, «что де Афимки Артарской не знает и под окном Афимка с Офроскою когда говорила ль, не слыхала и не ведает»[2].

XIV. КАЗНИ 11 ОКТЯБРЯ. ВОПРОС О ЗЕМСКОМ СОБОРЕ ДЛЯ СУДА НАД ЦАРЕВНОЙ СОФЬЕЙ

В этот день, 11 октября, состоялись вновь массовые казни. Повешено было 144 стрельца из числа тех 680, которые были привезены в период времени с 21 сентября по 8 октября из Владимира, Мурома, Углича, Суздальского монастыря, из Твери, Торжка и Костромы и переданы тогда из Иноземского приказа в Преображенский. Эти 144 стрельца были казнены без всяких предварительных пыток и допросов. Устрялов напрасно изображает дело так, что будто бы с 3 октября возобновился массовый розыск в 13 застенках, подобный тому, который происходил 19, 20 и 22 сентября в 10 застенках[3]. С 3 по 11 октября происходили только изложенные выше допросы женщин. Во всем обширном деле о стрелецком розыске не сохранилось ни одного документа и ни в одном документе не сохранилось никакого следа, откуда можно было бы вывести заключение о допросе за эти дни 3—11 октября хотя бы когонибудь из 144 стрельцов, казненных 11 октября. Дело обстояло гораздо проще, чем мы склонны были бы представлять себе его ход соответственно с нашими уголовными понятиями,

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 2, ст. 59, л. 63—65.

[2] Там же, карт. 4, ст. 8, л. 1; «баба Галахтионова... и та баба не распрашивана»; там же, карт. 7, ст. 105, л. 47: «А Галахтионкова жена Баландина вдова Дашка сказала, что де Афимки Артарской не знает» и т. д.; там же, ст. 85, л. 5—6.

[3] Устрялов, История, т. III, стр. 220.

и, чтобы объяснить такое явление, нам следует совершенно отрешиться от последнего остатка наших воззрений на значение и взаимоотношение следствия, суда и наказания. Стрельцы, принадлежавшие к бунтующим полкам, считались уже приговоренными к смерти, как и говорилось в четвертой из тех вопросных статей, по которым производились расспросы с пытками 19—22 сентября: «А смерти они достойны и за одну противность, что забунтовали и бились против Большого полку». Розыски с допросами и пытками имели вовсе не ту цель, чтобы выяснять степень виновности каждого и причастность его к бунту с тем, чтобы сообразно с этим выяснением наложить на него то или другое наказание или его оправдать. Розыск 19—22 сентября имел целью выяснить только общие вопросы, касающиеся бунта: узнать самый ход событий, начало и развитие бунта, движение мятежников к Москве, имена вожаков и главарей, намерения и замыслы стрельцов по прибытии в Москву. Розыск дал материал вполне достаточный для ответа на эти вопросы и для установления виновности всех мятежных стрельцов, того, что все они знали о письме к Ваське Туме, о целях движения к Москве и что все они бились против боярина Шеина. Поэтому остальных, не попавших в допросы 19—22 сентября, казнили без всяких допросов, выключая из них только слишком молодых, «малолетних», т. е. несовершеннолетних стрельцов, и это выключение сделано было механически, без всяких допросов. Дальнейшие розыски в конце сентября и в начале октября стремились к выяснению уже других фактов, именно прикосновенности к мятежному движению царевен и тех путей, какими велись сношения царевен с главарями мятежа. Для этого и допрашивали самих царевен и близких к ним или вообще входивших с ними в соприкосновение женщин. Эти допросы выяснили передачу письма от стрельцов в терем и передачу двух писем стрельцам, одного из Девичьего монастыря, другого из терема — обоих через стрельчиху Анютку Никитину, причем одно письмо вручено было ею главарю стрельцов Туме в его дворе на Арбате у Николы Явленного, а другое — в селе Лучинском в 40 верстах от Москвы. Вообще следователи имели в виду, если можно так выразиться, историю мятежа, а виновность или невиновность каждого отдельного стрельца их не интересовала: они все были виновны уже самым фактом принадлежности их к мятежным полкам, как и тем, что в составе этих полков двигались в Москву и оказали вооруженное сопротивление при Воскресенском монастыре. Индивидуальная виновность каждого не устанавливалась. Это был розыск о событиях, а не о виновности того или иного стрельца—участника события.

Что массовых розысков в 13 застенках, о которых говорит Устрялов, с 3 по 11 октября не могло производиться, позволительно заключить также из того, что шедшие в это время допросы женщин происходили «перед бояры», т. е. перед всею

совокупностью бояр, бывших тогда следователями по стрелецкому делу. С таким коллегиальным присутствием при допросах женщин едва ли могло совпадать еще и производство розысков по отдельным застенкам; для этого у бояр-следователей нехватило бы времени. Наконец, изучение списков 144 казненных 11 октября стрельцов и списков стрельцов, передававшихся из Иноземского приказа в Преображенский, также подтверждает ту мысль, что никаких допросов по застенкам этим 144 стрельцам не производилось. Список казнимых стрельцов составлялся прямо по тому передаточному списку, при котором они препровождались из Иноземского приказа в Преображенский с опущением только имен малолетних. Поэтому список казнимых в значительной мере повторяет имена стрельцов в той последовательности и в том порядке, в каких их имена значатся в передаточном списке. Очевидно, что если бы между передаточным списком и списком казненных был момент еще розыска в 13 застенках, то сюда бы вошли еще списки отправляемых к розыску с распределением по застенкам, как это можно наблюдать при розысках 19—22 сентября, и стрельцы бы перемешались и перепутались настолько, что таких совпадений, какие мы наблюдаем в расположении их имен в обоих списках, не могло бы случиться, потому что тогда список стрельцов, назначенных к казни, составлялся бы по их розыскным спискам[1].

Казнь происходила в том же порядке, как и 30 сентября. 144 стрельца были розданы тем же лицам, которые действовали в подобном же случае 30 сентября: боярину М. Н. Львову, окольничим князю Ю. Ф. Щербатому, И. И. Головину и С. И. Языкову. Все стрельцы были повешены; из них 32 — у четырех съезжих изб в слободах виновных полков по 8 у каждой; остальные 112 — у городских ворот по Белому городу, будучи присоединены к висевшим там с 30 сентября. Разница с предыдущей казнью была на этот раз в том, что стрельцов вешали не только на специально поставленных для того виселицах, но также и на бревнах, вставленных в бойницы стены Белого города. «По обе стороны... сквозь зубцы городовых стен,—пишет Желябужский, — просунуты были бревна, и концы тех бревен за-

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 2, ст. 59, л. 8—23 и карт. 7, ст. 102, л. 137—142. Что между массовыми розысками 19—22 сентября и 14—15 октября не производилось подобных же промежуточных массовых розысков, можно также заключать из того, что дела о розыске 14—15 октября именуются делами «второго розыска», тогда как дела о розыске 19—22 сентября именуются делами «первого розыска», например: «Розыск боярина князя Михаила Алегуковича Черкасского 2-ой 14 октября», «Розыск боярина Тихона Никитича Стрешнева 2-ой октября 14 числа» и т. д. См. Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 5, ст. 37, л. 1, 15 и т. д.; карт. 6, ст. 1; карт. 5, ст. 36, л. 120: «Первого розыску... во 2-м розыску октября 14-го числа» и т. д. Эти заголовки записей розысков были сделаны, вероятно, при составлении описи дела в 1724 г. Они показывают, что бумаг о каком-либо обширном промежуточном розыске между первым розыском 19—22 сентября и вторым 14—15 октября в деле в 1724 г. не было, а, следовательно, не было и какого-либо розыска в этом промежутке времени.

гвозжены были извнутри Белого города, а другие концы тех бревен выпущены были за город, и на тех концах вешены стрельцы»[1].

К 11 же октября приурочивает в своем дневнике Корб событие, на которое, кроме этой его записи, нет нигде — ни в официальных актах, ни в известиях современников — решительно никаких указаний. Это — земский собор, будто бы созванный царем на этот день для суда над царевной Софьей. «Сегодня царь решил, — пишет Корб, — выбрать из всех своих подданных: бояр, князей, офицеров, стольников, писцов, горожан и крестьян и отдельных общин по два человека с тем, чтобы предоставить собравшимся на правах собора полную власть допросить, по его приказанию, Софью об ее преступных замыслах. Затем они должны были определить наказание, которого она заслужила, и всенародно объявить его»[2]. Соловьев вполне принял свидетельство Корба и передает о соборе, как о факте. «11 октября, — пишет он, — во второй день казней Петр с о з в а л собор из всех чинов людей, которому поручил исследовать злоумышление царевны Софьи и определить, какому наказанию она должна быть подвергнута. Решение собора неизвестно»[3]. Историк земских соборов Латкин упоминает о свидетельстве Корба, не высказываясь определенно о соборе как факте и только замечая, что свидетельство Корба является единственным и других никаких подтверждений его нет[4]. Свидетельство Корба Соловьев подкреплял таким соображением: «Форма собора ясна: заезжий иностранец не мог этого выдумать». Действительно, в общих, конечно, и приблизительных чертах Корб правильно обозначает состав земского собора в его тесной, московской форме, когда созывались только московские чины, считавшиеся представителями также и провинции по своим связям с нею, и выдумать такого состава собора Корб, разумеется, не мог. Но решительное отсутствие каких-либо других свидетельств официальных или частных заставляет думать, что собора вовсе не было. Все же о таком важном и из ряду вон выходящем факте, как суд общественных представителей над особой царского дома, хоть какой-нибудь след, хотя бы и самый малый, должен был бы сохраниться или в каком-нибудь официальном документе или в частных воспоминаниях, переписке отдельных лиц, или в каких-либо неосторожных словах, которые оказались бы в бумагах Преображенского приказа, или, наконец, в собранных впоследствии по приказанию Петра исторических

---

[1] Ж е л я б у ж с к и й, Записки, стр. 126.

[2] «Conclusit hodie Tzarus ex omnibus suis subditis Bojarinis, principibus, officialibus, bellicis, stlonicis, scribis, civibus, et plebeis et singulis tribubus binos seligere, quibus jure Concilii collectis mandatum, potestatamque concederet Sophiam ejusdemque pernitiosas molitiones examinandi, quamque poenam illam promeruisse convenirent dictandi et palam pronuntiandi».

[3] С о л о в ь е в, История России с древнейших времен, изд. т-ва «Общественная польза», т. XIV, стр. 1194.

[4] Л а т к и н, Земские соборы древней Руси, стр. 254—255.

материалах для составлявшейся при нем истории стрелецкого бунта. Такое событие не могло бы остаться незамеченным, в особенности, если бы собор производил допросы царевен и выслушивал показания свидетелей против них, а также, если бы он сделал обо всем этом всенародное объявление. Но и по существу такой факт был едва ли возможен в то время; едва ли можно думать, что Петр, проявлявший тогда такую самостоятельность, сам лично вникавший во все детали и подробности стрелецкого бунта и розыска, отрешился бы от этой самостоятельности по отношению к сестре. Наоборот, он сам лично допрашивал обеих сестер, замешанных в деле, не предоставляя этих допросов кому-либо из должностных лиц, очевидно, соблюдая известный такт и считая неуместным поручать подданным производство допроса особ царского дома. Поэтому совершенно невероятно, чтобы он при таком настроении мог поручить подданным суд над царевной и тем более наказание ее. Допрос царевен и их слишком уже упорное запирательство решительно по всем вопросам, какие он им предлагал, несмотря на улики людей, с которыми он давал им очные ставки, давали ему совершенно достаточное основание для суждения об их участии в деле; такое чрезмерное отрицание всех обстоятельств, в которых их обличали, говорило яснее всякого сознания. Что было здесь исследовать еще собору?

Если вникнем пристальнее в самые слова Корба, то увидим, что он вовсе и не говорит о земском соборе, как о факте, совершившемся 11 октября. Он говорит только, что царь в этот день решил (conclusit) созвать собор; но неизвестно еще, было ли это решение осуществлено. Откуда могло возникнуть самое известие о таком решении царя? Корб многое пишет по слухам; пишет же он, например, о казни через закапывание в землю двух постельниц: Веры Васютинской и Анны Жуковой, чего на самом деле не было. Весьма вероятно, что и о решении царя Корб записал со слуха: был какой-нибудь разговор о таком решении; может быть, говорилось о постановлении собора, как об одной из форм решения, которое мог получить вопрос об участии царевны. Возможно, что это было не более, как мнение, кем-либо высказанное в беседе с Корбом или переданное ему, а им принятое за решение царя. Словом, полагаем, что собора 11 октября 1698 г. не было.

XV. РОЗЫСК 12 ОКТЯБРЯ О НАМЕРЕНИИ БОЯР УДУШИТЬ ЦАРЕВИЧА. КАЗНИ 12 И 13 ОКТЯБРЯ

12 октября предметом розысков был только что всплывший чрезвычайной важности вопрос, возникший из показаний Афимки Артарской, сделанных ею 7 и 11 октября: о намерении бояр удушить царевича. Допрошены были с пытками две группы стрельцов: во-первых, вожаки и главари движения: Якушка

Алексеев, Васька Игнатьев, Васька Зорин, Аничка Сидоров и др., а затем малолетние стрельцы: Матюшка Берестов (Березкин), Стенька Тимофеев, Ивашка Бронников, Ивашка Чика, сделавшие 3 октября откровенные и важные признания относительно письма из Девичьего монастыря [1]. Якушка Алексеев показал, что слова о государе, что его, государя, за морем не стало, он, действительно, говорил для возмущения стрельцов к бунту, но таких слов, что будто на Москве государя царевича бояре хотят удушить, не говаривал и ни от кого про то на Москве не слыхал. Васька Игнатьев говорил, что молва о смерти государя за морем была общей, толковали об этом в Торопце все стрельцы, собираясь на сходки. Про царевича сам он не говорил и ни от кого не слыхал. Васька Зорин, давая показание, вернулся опять к составленной им челобитной, подтвердил свое авторство и признавался, что статьи челобитной, направленные против Франца Лефорта, «к бунту заводные статьи», писал и вымышлял он один, без чьего-либо постороннего участия, слыша недовольство на Франца от своей братьи. Об удушении царевича он сначала у подъема показал, что ни от кого о таком намерении не слыхал, но с подъема и пытки признался, что слышал об этом от Васьки Игнатьева. Когда Игнатьев приехал из Москвы на Великие Луки с денежным жалованьем, то рассказывал, что на Москве государя царевича хотел удушить боярин Т. Н. Стрешнев. Васька Игнатьев был вновь поднят на дыбу и с этого второго подъема сказал, что когда он был в Москве, то на Ивановской площади стрельцы Стремянного полка, занимавшиеся в то же время площадным подьячеством, Ивашка Мельнов и Федька Степанов говорили ему: на Москве де вам, стрельцам, не бывать, а царевича де боярин Тихон Никитич хотел удушить, а сам на Москве владетелем быть. От кого они, Мельнов и Степанов, слышали про намерение удушить царевича, он, Васька, не знает. Приехав из Москвы на Луки Великие, он действительно рассказывал Зорину о слышанном в Москве, не показал же об этом сразу с первого же подъема, «жалея их, Ивашки и Федки». Аничка Сидоров показал, что об удушении царевича услыхал от Васьки Игнатьева и от Васьки Зорина, а откуда они взяли этот слух, не знает. Известный также нам барабанщик Карпушка Ерофеев говорил, что о намерении бояр удушить царевича он слышал по дороге из Москвы на Великие Луки во время возвращения туда весной 1698 г. бегавших в Москву стрельцов от компании стрелецкой молодежи, из которой он назвал знакомых уже нам малолетних стрельцов Чубарова полка: Сеньку Пушницына, Левку Полубояринова, Ивашку Бронникова, Стеньку Тимофеева, Матюшку Берестова (Березкина), Микишку Рагозина Рыжего, Ивашку Чику. По этому его оговору, очевидно, и привлечены были к розыску Чика, Бронников, Тимофеев и Берестов. Из них Бронников дал отрицательный ответ; осталь-

[1] См. выше стр. 71 и сл.

ные показывали, что об удушении царевича слышали: Пушницын и Чика от Васьки Тумы, Берестов — от стрельцов, бывших весной 1698 г. побегом в Москве, Тимофеев от одной стрельчихи Чубарова полка, которую и ее двор он взялся указать. Барабанщик Карпушка Ерофеев, вмешиваясь в показания молодых стрельцов и «говоря им в улику», сообщил некоторые осложнявшие дело подробности. Васька Тума и его товарищи (бегавшие в Москву стрельцы) будто бы говорили, что «государь царевич от того, что его бояре хотят удушить, на Москве не живет, а ходит все по монастырям». В другом своем выступлении тот же Ерофеев сделал оговор на солдат Бутырского полка: ему сообщал малолетний стрелец Сенька Пушницын, будто бутырские солдаты им, стрельцам, рады и ждут их к Москве. Спрошенный об этом Пушницын показал, что слышал о бутырских солдатах от двух стрельцов, ходивших к ним во время побега в Москву весной 1698 г. Эти стрельцы были казнены под Воскресенским монастырем.

Между тем по указанию Стеньки Тимофеева взята была в Преображенский приказ стрелецкая вдова Анютка Еремеева. В расспросе она совершенно отрицала приписываемые ей Тимофеевым слова; будучи поставлена с ним на очную ставку, с очной ставки говорила, что слышала дорогой на Арбате, мимо идучи, как об удушении царевича говорили неизвестные ей какие-то бабы. Наконец, будучи приведена в застенок, она у пытки сказала, что слова об удушении царевича она слышала от снохи своей, стрельчихи того же полка вдовы Аринки Семеновой, которая говорила о том со стрельчихами. Аринка Семенова была схвачена в приказ и в расспросе ответила решительным отрицанием показаний Анютки Еремеевой. На очной ставке, впрочем, и сама Еремеева «сговорила» с Аринки, признавшись, что сказала на нее напрасно у пытки второпях [1].

Итак, розыск 12 октября с несомненностью подтверждал существование слухов, впервые обнаруженных в показании Афимки Артарской, о намерении бояр или по крайней мере боярина Т. Н. Стрешнева удушить царевича. Об этом говорили площадные подьячие на Ивановской площади, об этом шел разговор среди бегавших в Москву стрельцов — у Васьки Тумы с товарищами, о том же болтали бабы стрельчихи на Арбате и молодая компания стрельчат, возвращавшихся с Васькой Тумой из побега в Москву по дороге на Великие Луки. Обвинение на бояр возводилось тяжелое; у Петра могла мелькать мысль о новой попытке вроде заговора Цыклера и Соковнина. Явилось решение проверить слухи и доискаться их возникновения посредством нового розыска в широких размерах, который вскоре и был предпринят.

Продолжался 12 октября также и розыск о письме, переданном Ваське Туме с верху от царевны Марфы Алексеевны, который ограничился, впрочем, только новым допросом ее постельницы Анны Клушиной и происходил не в Преображенском при-

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 2, ст. 59, л. 68—74.

казе, а на дворе генерального писаря Ивана Инехова, причем Анна Клушина была там бита розгами. «Того же числа, — читаем в протоколе, — вдова Анна Клушина на дворе генерального писаря Ивана Инехова роспрашивана и бита розгами, а в роспросе говорила, что она баб, которые на нее говорили (т. е. Анютки Никитиной и Афимки Артарской), не знает. А как она бита розгами, говорила прежние свои речи, что то письмо отдала ей царевна Марфа Алексеевна, а кто писал, того она не знает. Она ж спросила, жив ли де Колпаков? авось либо де то письмо он писал для того, что царевна Марфа Алексеевна к нему милостива и дала за него девку богатую» [1].

По Москве в этот день шли казни.

Казнена была целиком партия в 100 человек Гундертмаркова полка, привезенная из Твери и Торжка и дожидавшаяся своей участи в подмосковном селе Никольском, а также партия Колзакова полка в 99 человек, привезенная из Костромы и сидевшая на Новом пушечном дворе, что у Красного пруда, за исключением 8 человек, оказавшихся малолетними, на место которых взяты были 8 человек взрослых стрельцов «из Угрешских», т. е. из сидевших в Никольском Угрешском монастыре и оставшихся от казни 11 октября. Эта партия Колзакова полка из 99 человек была распределена таким образом: 20 человек, находящихся в распоряжении окольничего князя Ю. Ф. Щербатого, были повешены у Сретенских и Мясницких ворот, 20, находящихся в распоряжении боярина князя М. Н. Львова, — у Покровских и Яузских ворот [2]. Новостью казней этого дня было то, что 59 стрельцов [3] были повешены у Девичьего монастыря, местопребывания царевны Софьи.

13 октября под жестокой пыткой вновь допрашивалась Афроска Федорова, боярская боярыня княгини Ромодановской, оговоренная Афимкой Артарской, которая будто бы от нее слышала о намерении бояр удушить царевича. Так же как и на предыдущем допросе 11 октября, Офроска решительно отрицала приписанные ей Артарской слова о таком намерении бояр и попрежнему показывала, что, встретив Афимку Артарскую во дворце на светличной лестнице, говорила ей, Афимке: «В верху де ей, Афимке, с нищими кормки не будет, потому что в верху замялось, пропал ларец, и в той же пропаже пытают верховых девиц и карлиц». Разговор с Афимкой под окном у приворотной

---

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 2, ст. 59, л. 72.

[2] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 7, ст. 102, л. 143—146, л. 127—128, ср. там же, карт. 2, стр. 59, л. 26—27, 34—35; Устрялов (История, т. III, стр. 406) считает ошибочно цифру стрельцов у князя М. Н. Львова — 26 человек и потому дает неверный итог за 12 октября в 205 человек вместо 199. Между тем в Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 7, ст. 102 именной список стрельцов, казненных 12 октября у князя М. Н. Львова, дан дважды: на л. 124 и на л. 145, и в обоих случаях видим там 20, а не 26 стрельцов.

[3] Назначено было 60, но один умер до казни (Госуд. арх., раздел VI, № 12, карт. 2, ст. 42 и карт. 7. ст. 58).

избы во дворе княгини Ромодановской Офроска попрежнему, также отрицала, несмотря на жестокость пытки (25 ударов) и жжение огнем: «с огня говорила те ж речи».

Вероятно, в Преображенском казнен был в этот день пятидесятник Мишка Обросимов, передавший по поручению Васьки Тумы письмо из Девичьего монастыря Артюшке Маслову для прочтения. Перед казнью он подтвердил свои прежние показания, «по спросу» (т. е. в ответ на расспрос) говорил: «Про письмо де, которое принес на Двину Васка Тума из Девича монастыря от царевны Софии Алексеевны, о походе их к Москве и отдал ему, Мишке, а он, Мишка, то письмо отдал Артюшке Маслову и велел ему в полках честь и чтено и про все, что он, Мишка, до сей казни в расспросах, и с пыток, и с огней про все говорил правду. И после того, — прибавляет запись, — казнен, отсечена голова. И октября ж в 14 день тело его, Мишкино отослано, в Покровской монастырь, что на убогих домех»[1]. Происходили казни и в городе у городских ворот, и вновь под Девичьим монастырем. Всего за этот день было казнено 79 стрельцов[2].

XVI. ВТОРОЙ БОЛЬШОЙ РОЗЫСК 14—15 ОКТЯБРЯ

Предпринят был новый обширный массовый розыск, «второй», как он был называем в противоположность «первому», происходившему 19—22 сентября. Второй розыск производился в течение двух дней 14 и 15 октября в 14 застенках[3]. К прежним

---

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 2, ст. 59, л. 76.

[2] О числе стрельцов, казненных 13 октября, в соответствующих актах встречаем несогласные показания. Поименный список казненных за этот день (Госуд. арх., разряд VI, карт. 7, ст. 102, л. 124—126) указывает 20 человек, повешенных у Покровских ворот, и 78 человек, повешенных вновь у Девичьего монастыря, всего, следовательно, 98 человек. Но по другому документу, именно по ведомости (там же, карт. 7, ст. 30), выходит другая цифра. По этой последней ведомости из стрельцов, присланных из Иноземского приказа в Преображенский (с 17 сентября по 8 октября 1698 г. включительно — 1021 человек), осталось к 17 октября «за казнью в остатке» 398 человек, следовательно, казнено было 1021—398 = 623 человека. Цифры казненных 30 сентября, 11 и 12 октября нам известны точно: 201 + 144 + 199 = 544. Отсюда выходит, что 13 октября (с 14 по 17 октября казней не было) было казнено 79 стрельцов. В двух других ведомостях о числе казненных: а) в ведомости: карт. 2, ст. 42 и б) карт. 7, ст. 58, дающих точные цифры казненных за 30 сентября, 11 и 12 октября, о казнях 13 октября совсем не упоминается. Итак, держимся того мнения, что 13 октября было казнено 79 стрельцов.

Неизвестно, откуда Устрялов (История, т. III, стр. 406) к 98 стрельцам поименного списка за 13 октября (карт. 7, ст. 102, л. 124—126) присчитал еще 43 стрельцов, казненных «в разных местах», так что получил в итоге за 13 октября цифру 141. Надо заметить, что поименный список (карт. 7, ст. 102, л. 124—126) подозрителен: в нем много имен стрельцов, которых не значится в числе 1021, переданных в Преображенский приказ с 18 сентября по 8 октября (см. карт. 2, ст. 59).

[3] А не в 13, как считает Устрялов (История, т. III, стр. 229), забывая, повидимому, о застенке князя Ф. Ю. Ромодановского в самом Преображенском приказе.

десяти следователям, действовавшим 19—22 сентября, было прибавлено теперь еще четверо: боярин князь М. Г. Ромодановский, бывший командующий стоявшей на польской границе армией, в состав которой и входили четыре мятежных полка, далее, боярин С. И. Салтыков и окольничие С. И. Языков и И. И. Головин; последние два были членами комиссии, приводившей в исполнение казни над стрельцами. Материалом для розыска, живым человеческим материалом должна была послужить оставшаяся еще нетронутой часть стрельцов из того общего их количества в 1 021 человек, которое было свезено в Москву и передано в Преображенский приказ с 18 сентября по 8 октября, именно стрельцы Чубарова полка в количестве 225 человек [1]. Остальные стрельцы из того же числа 1 021, принадлежавшие к полкам Колзакову, Черному и Гундертмаркову, за выделением малолетних, были уже истреблены предшествующими казнями 30 сентября, 11, 12 и 13 октября, малолетние подвергнуты наказанию. Чубаровские стрельцы по местам, откуда их свезли в Москву, разбивались на группы, расквартированные в разных местах. Часть, поступившая из городов Владимира и Мурома, помещалась в подмосковном селе Черкизове (52 человека), часть в Новоспасском монастыре (52 человека). Стрельцы, привезенные из Углича, жили в Симоновом монастыре (22 человека), откуда потом переведены были также в Новоспасский. Стрельцы, привезенные из Костромы, поставлены были на Новом пушечном дворе, что у Красного пруда (100 человек).

Целью этого «второго» общего розыска было получение сведений о тех слухах и намерениях, которые обнаружились в показаниях 7 октября, именно относительно слухов о смерти Петра за границей и о намерении бояр удушить царевича: были ли в четырех стрелецких полках такие слова распространены и кто такую молву в полки принес. К этим статьям была присоединена и прежняя статья о письме, по которой следствие все никак не могло добыть точных и удовлетворительных результатов: читано ль у них письмо дважды, каким образом достал его Тума из Девичьего монастыря, кто его писал и в чем заключалось его содержание? Все эти вопросные пункты были написаны Петром в виде новых трех статей, по которым надлежало расспрашивать стрельцов на общем розыске. Вот эти статьи:

1) «Как полку их стрелец Васка Тума принес к ним в полки с Москвы письмо из Новодевича монастыря от царевны Софии Алексеевны и отдал Мишке Обросимову, а Мишка Артюшке Маслову и велел то писмо ему, Артюшке, в полках честь, и как то письмо в полках чтено, и они про то ведают ли, и на

---

[1] 226-й из них, пятидесятник Мишка Обросимов, был казнен 13 октября.

Двине и не дошед до Воскресенского монастыря за двадцать верст то письмо чтено ль и они то слышали ль и через кого то письмо Васка Тума из Девича монастыря взял, и кто то письмо писал, и что в нем писано?»

2) «Великого государя бутто за морем в животе не стало и государя царевича бояре бутто хотели удушить, в полках у них про то говорено ль и кто такие слова про великого государя и про государя царевича к ним в полки принес?»

3) «Как стрелец Якушка Алексеев для возмущения и бунта говорил у них в полках про великого государя, бутто его, государя, за морем не стало, и они про то от него, Якушка, слышали ль и ведают ли, а он, Якушка, в том возмущении с пытки и сам винился» [1].

Розыск, как видим, производился два дня: 14-го и 15-го октября, причем 15-го он имел повторный характер. Все стрельцы, вся группа, назначенная в тот или другой застенок, подвергалась розыску 14-го; затем те из них, которые с пыток 14-го не признавались, подвергались вторичным пыткам на другой день. И в этот розыск, как и в первый 19—22 сентября, мало кто из стрельцов давал откровенное признание в первый день, несмотря на большую жестокость пыток в виде значительного количества ударов и жжения огнем. В застенке окольничего И. И. Головина из 15 стрельцов 13 ответили в первый же день показаниями, в которых признавались одни по всем трем пунктам, т. е. о письме, о смерти государя и об удушении царевича, другие по некоторым только из этих вопросов. Возможно, что тут действовал пример первого же допрошенного на пытке стрельца, и этому примеру следовали затем другие допрашиваемые. «А в распросе и с пытки,—читаем в записи показаний этого первого стрельца Гараски Шерстобоя, — сказал: стрельца де Васку

---

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 5, ст. 37, л. 15 — розыски у Т. Н. Стрешнева; см. там же, л. 30 — розыски у князя Б. А. Голицына (те же три статьи, но в изложении); л. 35 — розыск у князя И. Б. Троекурова (только две первые статьи). В розыске у Н. М. Зотова (карт. 6, ст. 1, л. 28—33) — другая редакция статей; их всего две: «1) Письмо, которое чол Артюшка Маслов в полках, по которому они к Москве призываны, хто на Москве писал и Васке Туме отдал, про то они от Васки или от иного кого слышали ль и подлинно ведают ли? 2) Про великого государя, что бутто его за морем не стало и про царевича, что бутто его бояря хотят удушить и оттого бутто учинилось в верху смятение, про то они ведают ли и кто тому затейному делу пущей из них заводчик и на Москве у них тех воровских делех на кого было положено ся?» Подчеркнутые выражения, которых нет в приведенных выше в тексте трех статьях, свидетельствуют об отличии зотовской редакции от вышеприведенной, указывая притом на ее самостоятельность и независимость от первой. Она тем интересна, что запись зотовского розыска подлинная, скрепленная его рукой. Кого можно предполагать автором этой редакции? Может быть, самого Н. М. Зотова, недовольного статьями в той редакции, какая им была дана Петром, в которой, действительно, третья статья была лишней, так как заключала в себе повторение вопроса, предложенного уже во второй статье?

Туму он, Гараска, знает, а слышал де он, Гараска, своего ж полку от десятника от Анисимка Григорьева, что великого государя за морем не стало, а письмо де из Новодевича монастыря от царевны Софьи Алексеевны на Двине и не дошед Воскресенского монастыря за двадцать верст Артюшка Маслов у них в полках чел, чтоб они шли к Москве смело и стали под Девичьим монастырем, не боялись ничего. А у них де, стрельцов, у всех четырех полков дума была, что, пришед к Москве, бояр побить и Немецкую слободу разорить и иноземцев порубить. Да он же, Гараска, говорил: слышал де он своего ж полку от стрельцов от Андрюшки Сизова и от Васки Тумы, что государя царевича хотели задушить, а кто хотел задушить, про то они ему не сказали. А письмо де, которое чел Артюшка Маслов, принес к ним в полки Васка Тума и про то письмо сказывал ему он, Артюшка». Вслед за Гараской Шерстобоем признавались и другие допрашиваемые в том же застенке стрельцы. Один — Гришка Пушников—заперся, «в расспросе и с пытки ни в чем не винился, а про письмо де он ничего не слыхал, потому что он, Гришка, — глух». Другой — Васька Сафронов — не был подвергнут и пытке, потому что заявил, что из Волоколамска отстал от мятежников и хотел вернуться к своему полковнику в город Белую, но по дороге заболел и был отвезен проезжавшими посадскими людьми в Москву, где и явился в Стрелецком приказе. Но 13 сознаний из 14 допросов в первый же день — это единственный случай в застенке Головина. В застенке князя И. Б. Троекурова из 16 стрельцов в первый день повинилось 11, а пятеро заперлись и были пытаны еще раз на другой день. В застенке окольничего С. И. Языкова из 16 стрельцов в первый день сразу же повинилось 10 человек, затем после некоторого предварительного запирательства с очных ставок и с особенно крепкой пытки еще трое, но трое остальных решительно заперлись и, несмотря на жестокие пытки и жжение огнем, ни в чем не винились.

В этих трех застенках большинство стрельцов созналось в первый же день; гораздо более частым было обратное явление: запирательство полное или частичное в первый день и сознание на второй.

К сознанию склоняли пытаемых стрельцов сознавшиеся стрельцы, посылавшиеся для такой улики из одного застенка в другой, каковы были, например, рассылавшиеся из застенка князя Ф. Ю. Ромодановского по другим застенкам сознавшиеся пятидесятники Чубарова полка Илюшка Ермолин, Ивашко Вологдин, Федька Троицкой, Федулейко Батей, Артюшка Жемель, а также и рядовые стрельцы. На очных ставках с ними по их уликам многие запиравшиеся не выдерживали, сдавались и делали согласные с уликами показания.

XVII. ПОКАЗАНИЯ НА РОЗЫСКЕ 14—15 ОКТЯБРЯ: ОБ УДУШЕНИИ ЦАРЕВИЧА, О СМЕРТИ ПЕТРА ЗА ГРАНИЦЕЙ И О ПИСЬМЕ ЦАРЕВНЫ

Итак, целью розыска 14—15 октября было выяснение трех вопросов: о письме, возмутившем стрельцов, о слухе про смерть государя и о слухе про намерение бояр удушить царевича. Каковы же были результаты розысков, какие показания были даны и какие сведения удалось добыть? В главном застенке князя Ф. Ю. Ромодановского сосредоточен был на этот раз допрос пятидесятников Чубарова полка, людей, в значительной мере руководивших движением и потому более, чем простые рядовые, осведомленных. Их показания должны были быть особенно ценными. Существование слухов о смерти и об удушении царевича вполне подтверждалось: но источники их указывались различные и притом настолько расплывчатые, что свести их к какому-либо одному и установить, таким образом, их происхождение по показаниям пятидесятников нет возможности. По вопросу о письме никаких новых данных сообщено не было. Прислушаемся, однако, к самым показаниям. Пятидесятник Илюшка Ермолин перед пыткой говорил: в полках у них, стрельцов, а также на Луках Великих и в Торопце у посадских людей носилась речь, будто государя за морем не стало и будто государя царевича бояре хотели удушить и для береженья свезли царевича в Троицкий Сергиев монастырь, но кто именно хотели удушить царевича, ему осталось неизвестным. В сведениях о письме Ермолин первоначально совсем заперся — ничего не знает и письма не слыхал. По улике пятисотного Артюшки Маслова и пытке, но все же не без некоторого предварительного запирательства, он сказал, что письмо читал Артюшка Маслов, что оно — из Девичьего монастыря и писано в том письме, что им, пришед в Москву, стать под Девичьем монастырем; письмо принес Васька Тума, а где взял, того он не знает, и для чего было им стоять под Девичьим монастырем, также не знает. Весть про смерть государя и про удушение царевича принесли вернувшиеся из Москвы беглые стрельцы. Следующий пятидесятник, Ивашко Вологдин, показывал в том же роде, как и Ермолин, также начав с запирательства и затем постепенно раскрывая свои сведения и намерения. Про удушение царевича он слышал от Артюшки Маслова; но находившийся здесь же, в застенке, Маслов сослался на Якушку Алексеева, дававшего об этом показание 12 октября и тогда отрицавшего такой слух. Вновь привлеченный к допросу Якушка Алексеев сознался и раскрыл один из источников слуха, рассказав эпизод, известный уже следователям из показания Васьки Игнатьева 12 октября, именно передав в живой диалогической форме разговор свой в Москве с площадными подьячими весной 1698 г.: «И в то де время он, Якушка, был на Ивановской площади и виделся на той площади

с площадным подьячим с Федькою Степановым и говорил ему, Федке, он, Якушка: Государь де наш залетел на чужую сторону! И к тем де его словам он, Федка, говорил: хотят де, брат, и государя царевича удушить! И он де, Якушка, молвил: збытное ли де то дело и кто де его, государя царевича, хочет удушить? И он де, Федка, молвил: хотел де было его, царевича, удушить боярин Тихон Никитич Стрешнев». По дальнейшим уликам Артюшки Маслова оказалось, что пятидесятник Ивашко Вологдин не только был осведомлен о целях движения стрельцов на Москву, но и сам говорил «про убийство бояр похвальные слова», похвалялся принять участие в избиении бояр: «Дай де бог дойти до Москвы, у меня де сулеба (сабля) остра!» Пятидесятник Ивашко Воскобойников сразу до пытки признавался, что «у них у всех говорено было, придя к Москве, стать под Девичьим монастырем, царевну в управительство звать, бояр, иноземцев и солдат побить». Он был весьма активным участником мятежа, выбирал «выборных людей» на место смещенных стрельцами полковников и сам был в таких выборных. Обнаружилось и владевшее им чувство социальной вражды, ярко выраженное в произнесенных им полных ненависти к боярам словах, в которых он фантазировал, изобретая для бояр мучительные истязания в случае успеха мятежа. Как рассказывал о нем, уличая его, Артюшка Маслов, «будучи на Луках он, Ивашко, в харчевне ел пироги и говорил: видать ли бы (т. е. только бы) дойтить к Москве! мы бы де пришод иному боярину прорезав руку, продев волосяной аркан, поволочили!»; и пятидесятник принужден был сознаться, что, действительно, такие слова говорил. Пятидесятник Савостка Плясунов, с первого же допроса оказавшийся очень откровенным и словоохотливым, без пытки дал довольно обстоятельное показание, подтверждавшее, впрочем, то, что уже известно было ранее по заключавшимся в статьях вопросам, но не выяснявшее тех корней, до которых стремилось докопаться следствие: «Письмо из Девичья монастыря от царевны Софьи Алексеевны было, а принес его к ним в полки Васка Тума, а в том де письме написано, велено им итти к Москве и стать под Девичьим монастырем и царевну в правительство звать». Но каким образом и через кого Тума достал письмо из монастыря, — а этот именно вопрос и интересовал следствие, — Плясунов не указывал: «а Васка де Тума из Девичья монастыря как достал, того не ведает». Письмо читал Артюшка Маслов, за 20 верст не доходя до Воскресенского монастыря. «А пришед было к Москве, — говорил, далее, Плясунов, — и им бояр, и иноземцев, и солдат побить и чернь возмутить *для того: про государя де сказали, будто его за морем не стало*». Таким образом, его показание указывало на злостные цели распространения неверного слуха о смерти государя. «И царевича будто бояре удушили, у них в полках молва была, а от кого пронеслась, того не ведает».

Тем же характером отличались показания по другим застен-

кам; подтверждая самое существование фактов или слухов, показания эти не приводили к открытию первоначальных источников слухов. Стрельцы, сознававшиеся или, точнее сказать, отвечавшие положительно на предложенные им вопросы, — потому что здесь дело было не в обвинении и не в выяснении виновности каждого, и для следователей интересно было не сознание в виновности и не установление степени виновности или размеров участия каждого из допрашиваемых, а выяснение факта и осведомление о нем, — отвечавшие положительно стрельцы, говоря о том, что государя за морем не стало и что бояре хотели царевича удушить, употребляли общие выражения, например: «речь у них в полках была», или «молва была», «неслось», «во всех полках у них говорили». Иногда указывалось, что такая молва шла не только в полках, но и среди посадских людей городов, где расположены были стрельцы — в Великих Луках и Торопце: про великого государя, будто его, государя, за морем не стало, «была в полках молва на Луках Великих, а говорили градские жители и их братья-стрельцы», как показывал стрелец Ганка Горошевский на розыске у боярина Т. Н. Стрешнева. На вопрос, откуда такая молва в полках появилась, стрельцы отвечали, что принесли эту речь или молву беглые стрельцы, бегавшие в Москву весной 1698 г., или, как сказал на розыске у князя М. Г. Ромодановского стрелец Федька Костромин, «стрельцы-скороходы»: «что де государь за морем одва ли жив, а государь царевич от бояр також не задушен ли — слышали они от своей братьи стрельцов-скороходов». Были случаи, когда один стрелец указывал, что слышал от другого, называя его по имени, но это указание затем при допросе того, на кого была сделана ссылка, опять как бы растворялось и тонуло в ссылке на общую речь и молву, не приближая допрашивающих к исходному источнику слуха. Притом носившаяся молва при передаче из уста в уста приобретала разнообразные и иногда фантастические формы, первоначальная фабула осложнялась, появлялись неожиданные подробности, и, таким образом, возникали различные варианты слухов. Стрелец Тараска Бровин слышал «что государя царевича хотели удушить бояре, и его де царевича неведомо который боярин схоронил» (розыск у князя М. Г. Ромодановского). Стрелец Петрушка Сальников на розыске у князя В. Д. Долгорукого говорил: «Слышал де он от своей братьи стрельцов, что великого государя за морем не стало, а государь царевич живет в Троицком монастыре, а иное де живет в Девичье монастыре, а про то де не слыхал, что его, государя царевича, хотят бояре удушить». Ответственность за жизнь государя складывалась на окружавших его иноземцев, и у стрельцов мелькает мысль о требовании с них отчета в его судьбе. Ивашко Кузьмин на розыске у боярина С. И. Салтыкова показывал, что слышал от Васьки Тумы, «что государя за морем не стало, а государя царевича взяли в Троицкий монастырь, чтобы им приттить к Москве и вырубить Немецкую слободу, а спра-

шивать на иноземцах, где они великого государя дели». Бывший в том же розыске стрелец Ганка Еремеев распространял эту ответственность также и на бояр: «Пришед де было им к Москве великого государя спрашивать на боярах да на иноземцах, где они великого государя дели». В свою очередь молва о смерти государя вызывала вопрос о престолонаследии и порождала мысль об избрании преемника царю, причем видно, что в стрелецких кругах устойчиво держится понятие об избирательной монархии. В розыске у Н. М. Зотова стрелец Уварко Ветошник говорил, что стрельцы имели в виду на царство посадить царевича, сделав при нем царевну Софью правительницей. Якимко Троицкий на розыске у окольничего князя Ю. Ф. Щербатого без пытки с подъему говорил: «про великого государя, что его, государя, за морем не стало, от своей братьи он, Якимко, слышал и говорили, что де на царство выберут государя царевича и донские казаки ныне на Москве». Известие о приходе донских казаков в Москву и о той значительной роли, которую они должны были играть в текущих событиях, находило себе доверие у стрельцов, передаваясь в наивной форме. Стрелец Алешка Молошвицын в розыске у окольничего И. И. Головина говорил: «Их же полку стрелец Андрюшка Данилов, пришед с Москвы на Луки Великие с Васкою Тумою, сказывал ему, Алешке, что де приходили донские казаки к Москве и спрашивали про великого государя, где он, государь, для того, что де они его, великого государя, искали на море и не нашли».

Итак, всеми этими показаниями стрельцов устанавливалось с несомненностью существование и распространение в стрелецкой среде слухов о смерти государя за границей и об опасности, которой будто бы подвергался царевич от бояр. Ясно было, что слухи шли из Москвы; но никаких дальнейших реальных и осязательных фактов, никаких сколько-нибудь основательных указаний на умысел тех или других лиц не открывалось. Называли, правда, бояр князя И. Б. Троекурова и Т. Н. Стрешнева, но это указание до очевидности было нелепым и вздорным, не могло вызвать ни малейшего подозрения у Петра, в особенности же указание относительно старика Т. Н. Стрешнева, в преданности которого царь был слишком уверен, чтобы хотя на минуту в ней сомневаться. Так что указание даже на определенных бояр ни к каким фактическим последствиям, конечно, не повело. Ясно было, как об этом и говорил пятидесятник Савостка Плясунов, что ложные слухи были пущены из Москвы с злостной целью произвести волнение в полках и дать им лишний повод для движения к Москве: неизвестность о судьбе престола и тревога за него могли послужить оправданием для похода из Великих Лук и Торопца в столицу. Словом, оказывалось, что ложные слухи были только одним из средств привлечь стрельцов в Москву.

Не дал какого-либо единого и положительного результата и розыск о письме. Он только запутывал дело, к наметившимся

нитям следствия присоединяя новые и умножая число версий рассказа о передаче письма. И на этот вопрос стрельцы могли сообщить не более, как слухи: никто из них не был участником и очевидцем передачи. Знакомый уже нам семнадцатилетний стрелец Тараска Бровин на розыске у князя М. Г. Ромодановского показывал, что письмо Ваське Туме и Артюшке Маслову отдано с верху, но «кто то писмо с верху им отдал, про то он, Тараска, не слыхал». Таким образом, след как будто отводился от Девичьего монастыря к кремлевским теремам. Но в том же розыске стрелец Костка Пошехонцев «про писмо сказал, что де слышал он, Костка, от беглых стрельцов, что дано то письмо Васке Туме из Девичья монастыря, а от кого имяны от беглых стрельцов слышал, того он не упомнит, и, слышав то письмо и закричав, пошли к Москве, надеясь на царевну Софью Алексеевну». Это показание возвращало след опять к Девичьему монастырю. Но кто вынес письмо из Девичьего монастыря и через чьи руки оно попало в руки Васьки Тумы? По словам стрельца Андрюшки Еремеева Шоши в розыске у боярина Т. Н. Стрешнева в письме, которое по дороге читал в их полку, стоя на пушке, Артюшка Маслов, написано было, чтоб им, всем стрельцам, итти к Москве. «А привез де то письмо с Москвы Васка Тума, а ему де, Васке, на Москве отдал то письмо их же полку отставной стрелец, а как его зовут, того он сказать не упомнит». Шоша уверял, что об отставном стрельце говорил ему сам Васька Тума на Двине при многих свидетелях стрельцах, среди которых он называл Артюшку Маслова и пятидесятника Илюшку Ермолина. Но Маслов и Ермолин, поставленные с Шошей на очную ставку у пытки, его показание опровергали и говорили, что «от Васки Тумы, кто ему на Москве письмо отдал и про отставного стрельца они не слыхали». Версия об отставном стрельце, повидимому, сочтена была совсем невероятной, так что Маслов и Ермолин для подтверждения своих слов не были подвергнуты пытке. Правдоподобные были показания о передаче письма через женские руки. Стрелец Ивашко Беспалый, также малолетний, в розыске у князя М. Г. Ромодановского сообщал такую версию о женских руках в общей форме: «Про письмо сказал, что письмо снесли из Девичья монастыря от царевны Софьи Алексеевны б а б ы, а кто бабы снесли, того он не ведает». Другие стрельцы, давая положительные показания о передаче письма, приводили подробности и называли различных женщин, будто бы передававших письмо. Стрелец Васька Чернышев в розыске у боярина С. И. Салтыкова на первой пытке 14 октября дал довольно обстоятельное показание. Когда они шли с Великих Лук к Москве, то, не доходя 20 верст до Воскресенского монастыря, под деревнею Ядройцы собирались всех полков стрельцы в круг, но для чего собирались, было ему неизвестно, так как в то время, как у них сбор был, ходил он, Васка, в вотчину вдовы Афимьи Яковлевой в деревню Ядройцы к зятю своему, той деревни к крестьянину, к Тишке, для свида-

ния и без него де, Васки, в то число какое письмо Артюшка Маслов читал ли, того он, Васка, не знает». На другой день, 15-го, он в расспросе дополнил свое показание, рассказав о своем разговоре с одним из товарищей и передав толки стрельцов о происхождении письма: когда они от деревни Ядройцы двинулись в дальнейший путь к Воскресенскому монастырю, то, не доходя до монастыря версты за две, он, Васька, спрашивал стрельца Назарку Григорьева: «Какое де письмо в полках наперед сего чли?» Ответ был для вопрошателя довольно неожиданный: «И он де, Назарка, зашиб его, Васку, в голову и говорил: что де ему, Васке, до того писма дело?» Но потом Назарка стал более общительным собеседником и передал Ваське слух про смерть государя и что стрельцы, придя к Москве, «будут спрашивать на адмирале Франце Яковлевиче Лефорте и на боярах на Тихоне Никитиче Стрешневе, на князе Иване Борисовиче Троекурове да на третьем боярине ж, а как тому боярину имя, того он, Васка, не упомнит, где они великого государя дели?» Далее, Васька показал, что, идучи дорогой, стрельцы говорили, что письмо, которое читалось в полках, прислано к ним в полки от государыни царевны Софьи Алексеевны, велено им иттить к Москве... а то де письмо Васке Туме принесла сестра его Васкина». Подробностей о сестре Тумы Чернышев не знал: «А какого чину и как ее зовут и где живет и письмо то где она взяла и что в нем было написано, того он, Васка, не ведает и ни от кого не слыхал». Вслед за Чернышевым в том же розыске указал на Тумину сестру, как на передатчицу письма, Андрюшка Иванов, а затем «говорили то ж, что и Андрюшка Иванов сказал», еще десять человек стрельцов. По этим показаниям передатчицей письма являлась Тумина сестра, имя которой, однако, было неизвестно. Но в розыске у И. И. Головина 14 октября стрелец Абрамко Маслов назвал точно ее имя, показывая, что будто бы слышал об этом от самого Васьки Тумы. «А которое де письмо Васка Тума принес к ним из Девича монастыря, и то де письмо дала ему, Васке, сестра его, Васкина, родная, вдова Улка Дорофеева дочь, а взяла де она то письмо в Девичье монастыре; а сказывал де ему, Абрамке, про то он, Васка, что то письмо дала ему, Васке, сестра его, Васкина, Улка, а у кого она то писмо взяла, про то ему он, Васка, не сказал». По Абрамкину оговору вдова Улька Дорофеева была разыскана, приведена в Преображенский приказ и поставлена с Абрамкой у пытки на очную ставку, с которой она решительно отрицала возведенное на нее обвинение: «В Новодевичьем де монастыре письма она никакого не имала и брату своему, Васке, не отдавала, тем де он, Абрамко, ее, Улку, клеплет напрасно». Абрамка был вновь пытан, но с пытки продолжал стоять на своем. На следующий день, 15 октября, в свою очередь и Улька была подвергнута пытке: «Взята в застенок, и роспрашивана, и пытана, и огнем зжена». В расспросе, с пытки и с огня она, твердо от-

стаивая свою непричастность к делу, показывала: «В прошлом де в 206 (1698 весною) году брат де ее Васка Тума был на Москве, и как он пошел с Москвы на службу, и она де, Улка, пришла к нему, Васке, на двор прощаться. И в то де число видела она, Улка, у него, Васки, неведомо какое письмо, завертывал в белую рубашку при жене своей Любавке. И она де, Улка, спрашивала его, Васки: какое он то письмо завертывает? И он де, Васка, учал ее бранить и говорил ей: «черт ли де тебя спрашивает!» И она де, Улка, спрашивала про то письмо жены его, Васкиной, Любавки, какое у него, Васки, то письмо, и она де, Любавка, сказала ей, Улке, что у него, Васки, то письмо — подорожная. А то де письмо было невелико. А она де, Улка, никакого письма к нему, Васке, не приносила».

По показанию малолетнего стрельца Алешки Заворуя в розыске у Т. Н. Стрешнева передатчицей письма из Девичьего монастыря была мать или теща барабанщика Чубарова полка Марчки Петелина. Об этом он слышал от стрельца Никишки Рябого, с которым вместе они сидели на Новом пушечном дворе, будучи привезены в Москву из Костромы. Допрошенный Марчко Петелин показал, что у него есть и мать, и теща, обе вдовы, и из них мать его Агафьица взята в Преображенское к розыску, но по какому делу, ему неизвестно. Никишка Рябой объяснил, что, действительно, «на Пушечном дворе сидя, они с Алешкою Заворуем в разговоре говорили и сказывал ему он, Никишка, что Марчкина мать Петелина в Преображенское к розыску взята, а в каком деле, про то он не говорил». Далее, Никишка прибавил, что ему сообщил «про взятье ее Агашкино» там же на Пушечном дворе их же полку стрелец Якушко Поляк, который в свою очередь слышал об этом от своей жены, пришедшей его навестить. В стрелецкую тюрьму проникло с воли, из Стрелецкой слободы, известие об аресте одной из стрельчих, и здесь же в тюрьме из этого известия сложилась новая версия о передаче письма!

Наконец, был высказан на розыске и еще один вариант и притом опять со ссылкой на слова самого Васьки Тумы: письмо передала одна из стариц Девичьего монастыря. Такое показание сделал на розыске у Н. М. Зотова 15 октября стрелец Ганка Логинов Гагара. Ганка выступал уже за несколько дней перед этим, 8 октября, в Преображенском приказе по особому делу. Именно, 8 октября он, сидя в заключении на Новом пушечном дворе, исповедовался и приобщался и на исповеди попу Иоанну Григорьеву «от трех святителей», что у Мясницких ворот, сказал за собой государево дело. Будучи по этому заявлению, тотчас же духовником куда следует сообщенному, приведен в Преображенский приказ, он был «перед стольником князем Федором Юрьевичем Ромодановским расспрашиван, какое за ним государево дело и на кого, а в расспросе сказал: государево де дело за ним то. В прошлом в 204 (1696) году после азовского взятья послан он с товарищи своими для выгрузки хлебных запасов, которые посланы были с дворяны и на мелях останови-

лись. И дорогою слышал от донских казаков, что по Дону за каменем Юртом по реке Калитве живут раскольщики человек с 30, ухораниваясь от сыску, и чтоб с ним, Ганкою, для сыску тех раскольщиков послать, кого великий государь укажет. А кроме де того за ним государева дела иного нет». Это заявление о государевом деле было отчаянным выкриком томившегося в заключении и, вероятно, очень тяготившегося заключением стрельца, тем выкриком, который в среде тюремных сидельцев того времени был обычным. Такое заявление вносило все же разнообразие в монотонность и скуку тюремной жизни, вызывало некоторое движение, по крайней мере допрос сделавшего заявление, и допрос притом не местным, а непременно центральным учреждением, а в рассматриваемом случае Ганке Гагаре его заявление, если бы осуществилось то, что он предлагал, могло сулить перспективу путешествия на Дон для отыскания притаившейся там где-то группы раскольников, которые, может быть, и существовали только в его воображении. Так, надо полагать, и понято было заявление Ганки в приказе. Ему не придали никакого значения, и это видно из того, что только через три дня Ганка подвергнут был новому допросу, на этот раз с пыткой. Но на пытке, после того как он повторил те же речи о государевом деле, его стали спрашивать совсем о другом, далеком от донских раскольников: о Ваське Туме и о письме из Девичьего монастыря, причем он показал, что Ваську Туму он знал, письмо из Девичьего монастыря, когда его читал Артюшка Маслов на реке Двине, слышал, как достал Тума письмо из монастыря, не знает. Получив 10 ударов, Ганка был водворен опять в место своего заключения [1]. Затем он попал в группу стрельцов, назначенную на 14 и 15 октября для розыска к Н. М. Зотову. Там в первый день розыска он сослался на свое показание о письме и о движении на Москву у Ромодановского 11 октября и поэтому был «вдругорядь не пытан и огнем не зжен». На следующий день, 15 октября, он, однако, был подвергнут пытке и с пытки подтвердил и про бунт, и про убиение бояр, иноземцев и солдат, и про возмущение, сказав при этом, что он «то все с своею братьею чинить хотел». Он сделал, далее, важные разоблачения о письме: «Васка де Тума, пришед с Москвы, сказывал ему, Ганке, да товарищу его Ивашке Чике на Двине реке в обозе в то время, как то письмо чел Артюшка Маслов, что де то письмо, как он был на Москве, отдала ему, Васке, из Девичья монастыря у задних ворот старица Лисафья, родом полька, а чья словет, не ведает. А выслала де с тем письмом к нему, Васке, княгиня Лобанова, что живет у царевны Софьи Алексеевны, а сказала де ему, Васке, что приказала ему то письмо отдать она, царевна. А подходил де он, Васка, к тому монастырю для пересылки с царевною почасту и дожидался, как старицы пойдут платья мыть, и, дождався той старицы, говорил, чтоб от

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 2, ст. 59, л. 66—67.

него донесла ей, царевне, о том, что государя де за морем не стало, чтоб она, царевна, для управления была по прежнему, а царевича б посадить на царство. А те де слова он, Васка, говорил от себя и от товарищей своих осмидесяти человек, которые были с ним на Москве (беглецы весной 1698 г.), а не от всех полков. Да с тою же старицею, которая письмо отдала, был от царевны приказ, чтоб он то письмо, пришед с Москвы в полки, прочел всем стрельцам и словесно б сказал, чтоб они шли к Москве для бунту и побиения бояр, и иноземцев, и солдат. А она де во управлении у них быть хочет. А кто то письмо писал, того он, Васка... не сказал». Упомянув далее, что слышал от Тумы, будто бояре, а именно, Т. Н. Стрешнев да князь И. Б. Троекуров, хотели царевича удушить, Гагара в заключение своего показания сообщил, и также со слов Тумы, известие, единственное, не повторяющееся в других показаниях, о сочувственном отношении к стрельцам дьяков Стрелецкого приказа и об их подстрекающих словах к приходившим тогда в Москву беглецам: «Да ему ж де, Васке, говорили на Москве Стрелецкого приказу дьяки, а кто имяны, не сказал и он, Ганка, не знает: что де вас, стрельцов, к Москве пришло мало? и теми словами они, дьяки, их ублажали, а для чего, про то от него, Васки, не слыхал». Показания Гагары были признаны Н. М. Зотовым настолько существенными и важными, что, как гласит сделанная на записи их отметка: «Того же числа с сих Ганки Гагары распросных речей в Преображенский приказ к стольнику к князю Федору Юрьевичу Ромодановскому для ведома послан список»[1].

В общем что же дало следствие 14—15 октября о письме? Показания о письме, даже и положительные, были довольно смутны: читал Артюшка Маслов, но что было в письме, не все слышали, некоторые потому, что в кругу далеко стояли от читавшего, другие потому, что по той или другой причине отсутствовали. Слышавшие не все сразу поняли содержание. Значительное, прямо подавляющее большинство стрельцов на вопрос: через кого было передано письмо, отзывались неведением, и это не было только запирательством: толпа, и в самом деле, как могла знать, кем было передано письмо? Те же очень немногие стрельцы, которые оказались знающими об этом, показывали, что письмо было с верха, что письмо было из Девичьего монастыря, что Туме его передал отставной стрелец, что передали его бабы, что передала его сестра Тумы. По этим показаниям Васька Тума сам говорил, что письмо отдала ему его родная сестра Улька Дорофеева, и Васька же Тума сам говорил, что письмо ему отдала старица Лисафья. Наконец, было показание, что передатчицей была стрельчиха вдова Агафья, мать Марчки Петелина. Здесь, сколько было показывающих, столько же и разных показаний, столько же новых нитей для следствия, и, однако, надо сказать, что концы всех этих нитей прятались, па-

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 6, ст. 1, л. 30—31.

дая в воду, и тонули в общей мути молвы, разговоров и слухов, в которых нельзя было уловить никакого определенного следа. Следствие не дало по вопросу о письме никаких положительных результатов, сравнительно с теми, которые были добыты допросами стрельчих 5—7 октября.

XVIII. ДЬЯЧОК КОСТЬКА СУХАРЕВ. ОГОВОР ПРЕОБРАЖЕНСКИХ СОЛДАТ. ПИР У ГВАРИЕНТА

Следствие случайно осложнилось еще двумя эпизодами. Словоохотливый и экспансивный пятидесятник Чубарова полка Савостка Плясунов на розыске у князя Ф. Ю. Ромодановского после ответа на вопросы по трем статьям без всяких вопросов показал еще о встрече стрельцов на пути между Волоком Ламским и Воскресенским монастырем во время их движения на Москву с некиим дьячком табачной продажи, возвестившим стрельцам о том страхе, который возбуждается их движением в Москве, и о приготовлениях в городе к осаде, рассчитанной на шесть недель. Дьячок уговаривал стрельцов не останавливать их похода на Москву и не поддаваться в том случае, если бы из Москвы была сделана какая-либо попытка остановить их движение, удовлетворив их денежной выдачей. «Идучи де дорогою с Волока Ламского, — говорил Савостка, — за один или за два стана не дошед Воскресенского монастыря, приходил к ним во все четыре полка дьячок, сказался табашной продажи, а имени его не знает, и говорил: на Москве де кликали клич, чтоб убирались в Белой город и имели б с собою запасов на шесть недель. И буде с Москвы к ним, стрельцам, будет какая присылка и будут вас прельщать деньгами, чтоб вам к Москве не ходить, и вы де на денги не прельщайтеся, одно де подите к Москве. А ныне той табашной продажи дьячок где и как его зовут, про то сказать не упомнит, а имя де его велели они записать Артюшке Маслову». Маслов подтвердил слова Плясунова: такой дьячок приходил к ним в полки от Воскресенского монастыря за стан или за два под вечер и такие слова, что сказал Плясунов, действительно, говорил. О себе дьячок сказал: «Иду де я в дворцовую Клушинскую волость к табашной продаже». Записал ли он, Артюшка Маслов, его имя или нет, он не помнит, но в лицо его признает. Выслушав дьячка, пятидесятники и десятники всех четырех полков хотели снарядить посылку разведчиков, чтобы узнать, что́ делается на Москве и в полку боярина А. С. Шеина, но почему-то такая посылка не состоялась. Показания Плясунова подтвердили также пятисотный Якушка Алексеев и допрашивавшиеся в тот день у Ромодановского стрельцы Чубарова полка[1]. Вопрос о встрече с дьяч-

[1] Савостка Плясунов закончил показание новым, совершенно неожиданным заявлением, что «у них де в полках носилась речь такая, бутто боярин князь Иван Борисович Троекуров на Москве опился вина и от того умер».

ком из застенка Ромодановского успели еще 14 октября передать в некоторые другие застенки, и он предлагался в застенках у князя Б. А. Голицына, князя И. Б. Троекурова и князя В. Д. Долгорукого. Допрашиваемые там стрельцы показывали то же, что и Плясунов и Маслов. Позже таинственный незнакомец был разыскан, привезен в Преображенский приказ, оказался, действительно, дьячком табачной продажи в Клушинской дворцовой волости, по имени Костка Сухарев, долго содержался в заключении в Преображенском, был жестоко мучим на восьми пытках, оговорил непричастных к делу лиц, сознался, наконец, в том, что говорил приписываемые ему слова, чтобы возмутить стрельцов, от победы которых ожидал себе «всякого добра и награждения», и был казнен отсечением головы 10 марта 1702 г.[1]

Другой эпизод был значительнее. На розыске у князя П. И. Прозоровского 14 октября давал, между прочим, показания стрелец Алешка Сучков из той партии, которая прислана была из Владимира и Мурома, а в Москве до передачи в Преображенское заключена была в Новоспасском монастыре. Сучков был из признававшихся стрельцов, в расспросе и с подъему сразу же сказал, что в полках пятидесятники и десятники говорили меж себя: «Великого де государя за морем не стало и нам де пора итти к Москве, а если де нам к Москве не итти и нам де пропасть, лучше де нам к Москве итти». Затем он повторил обычное признание: если солдаты войти в Москву не пустят «и им, стрельцам, солдат было рубить и, пришед в Москву, бояр побить, и Немецкую слободу разорить и иноземцев порубить и царевну Софью Алексеевну во управительство звать». Весной 1698 г. он бегал в Москву с Васькой Тумой и из времени этого побега сообщил небольшой и неважный для дела случай, совсем неинтересный для тогдашних следователей и интересный лишь теперь, как бытовая картинка из жизни Стрелецкой слободы. «А как де он, Алешка, был на Москве с Ваською Тумою и шли вместе в Стрелецкой слободе в своем полку мимо двора того ж полку стрельца Максимка Стригольщика, и жена его, Максимкова, прикликав его, Васку, к себе под окно, и отдала ему, Васке, письмо запечатано и говорила: «пожалуй де, Ерофеичь! отвези то письмо к мужу моему, Максиму, на службу», а о чем то письмо и от кого, того она ему, Васке, при нем, Алешке, не говорила». Письмо, конечно, было от жены к мужу и не более того. Но не в этих показаниях Сучкова была суть дела. Он выступил еще с одним неожиданным заявлением о событиях, также относящихся по времени к тому же побегу в Москву весной 1698 г. Когда он был в Москве с Васькой Тумой, виделся он там с двумя солдатами: один был Семеновского полка, по имени Петр (прозвища его Сучков не запомнил), другой Преображенского полка Шелеп, и оба эти солдата говорили

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 5, ст. 19.

те же речи о смерти государя и об удушении царевича, которые раздавались и в стрелецких кругах. С первым из солдат, Петром, он встретился у двора путного ключника Сытенного двора[1] Никифора Боркова, «послужильцем», т. е. кабальным холопом которого солдат был до поступления своего в полк. Сучков знал этого послужильца, потому что сам ранее служил во дворе степенного ключника, заведовавшего Сытенным приказом Никиты Боркова, брата Никифора. И вот теперь, встретившись со старым знакомым, разговорился, причем будто бы солдат Петр сказал: «Приходит де до наших и до ваших голов. А великого де государя за морем не стало, а государя де царевича бояре хотели было удушить, и он де, государь царевич, ушел в Александрову слободу». На этот их разговор к тому же никифорову двору подошел преображенец Шелеп, имени его Сучков не знал, также бывший послужилец И. А. Желябужского, и поделился с собеседниками сообщением: «Как де он, Шелеп, стоял в верху на карауле и слышал то ж, что великого государя за морем не стало, а государя де царевича хотели удушить бояре. А от кого он, Шелеп, про то слышал и кто имяны бояре государя царевича удушить хотели, того он, Шелеп, не выговорил»[2]. Тотчас же по показанию Сучкова были разысканы среди потешных солдат бывшие послужильцы Никифора Боркова и Ивана Желябужского, оба оказались солдатами Преображенского полка: бомбардирской роты Петр Головков и девятой роты Петр Погорельский: дело было важное, набрасывалось подозрение на безупречных и верных до сих пор солдат потешных полков, могло показаться, что мятеж проникал и в любимые и преданные Петру войска. Ввиду важности дела Алешка Сучков с выпиской его показания и с обоими солдатами был отправлен от князя П. И. Прозоровского в Преображенский приказ к князю Ф. Ю. Ромодановскому, перед которым он и предстал 15 октября.

Здесь Сучков с пытки совершенно изменил свое показание и сказал, что с солдатами, оговоренными им, совершенно не видался и приписанных им слов от них не слыхал, затеял на них напрасно, «потому что у него с Петром Головковым была побранка за бабки» (т. е. в игре в бабки); действовал же так, оговаривая солдат, по внушению своего однополчанина Матюшки Сорокина. Опрошенный Матюшка Сорокин винился: оговаривать солдат Алешку Сучкова он научал; но в свою очередь сослался на стрельцов Ивашку Троицкого и Ларку Недосекина, от которых слышал слова про солдат. Троицкий и Недосекин перед пыткой признались, что Сорокину те слова про солдат говорили, и объяснили те побуждения, по которым так действовали: «А на солдат де было им затевать для того, что не одним бы им было пропасть». Далее, они указали инициатора этого оговора,

---

[1] Котошихин, О России в царствование Алексея Михайловича, глава VI, § 2: «Сытенной двор именуется потому, что питие держат, а в нем чиновные люди: степенный ключник да 4 человека путных».

[2] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 5, ст. 37, л. 73—77.

стрельца Ивашку Колокольцова, причем Троицкий назвал еще несколько имен стрельцов, говоривших те же речи, и добавил: «Да и все де семьдесят три человека, которые в Новоспасском монастыре сидели, про то ведали и та речь у них у всех в думе была». С пытки тот же Троицкий сделал дальнейшее разоблачение, указав на человека, который будто бы Колокольцову подал мысль об оговоре солдат: «Как де они сидели в Спасском монастыре Нового и к Ивашку де Колокольцову приходил неведомо какой человек из посадских или из иного чину, а как зовут, не знает, и говорил: для чего де вы одни пропадаете, говорите де и на солдат, бутто и они про государя, что за морем не стало, а государя царевича бутто удушили — говорили. А тот де человек ростом средний, в белом кафтане, борода невелика, руса ж». То же подтвердил и взятый вместе с Сорокиным и Троицким от розыска у боярина С. И. Салтыкова стрелец Ларка Леонтьев Недосекин: «Как де они были и сидели в Новоспасском монастыре и в то де время он, Ларка, и всего их полку человек семьдесят сидели в одной палате и те слова меж собя говорили: как де у нас в Преображенском приказе станут пытать и мы де станем говорить и на всех солдат в том, бутто государя за морем не стало и государя царевича бояря удушили, те де слова и они, солдаты, говорили ж. А затевать де те слова на них, солдат, говорить они хотели для того, чтоб им, стрельцом, не одним пропасть, пропасть бы и им, солдатам, с ними, стрельцами, вместе. А говорили де те слова, сидя в той палате, стрельцы Матюшка Федоров (Сорокин), да Ивашка Кузьмин (Троицкой), да Ивашко Иванов сын Колокольцов и все, которые в той палате сидели».

Был, наконец, приведен к князю Ф. Ю. Ромодановскому из застенка князя Ю. Ф. Щербатого и сам инициатор оговора стрелец Ивашка Колокольцов. На допросах у князя Щербатого 14 и 15 октября Колокольцов показывал про слухи о государе и о царевиче и про письмо от царевны, ни словом не упоминая про солдат. Перед Ромодановским он держал себя, видимо, до крайности нервно, несколько раз меняя показания. В предварительном расспросе он сказал, что говорил на солдат, сидя в той палате, «в разговоре спроста». В ответ на улику Троицкого, припомнившего ему, как к нему к окну приходил какой-то свойственный человек и побуждал его оговаривать солдат, Колокольцов с подъема показал, что к нему приходил «дьякон из Лужников по свойству, приносил есть, но слов о смерти государя и об удушении царевича не говорил». Затем он показал на другое лицо: приходил того ж Новоспасского монастыря служка Алешка Андреев, «а тот Алешка надсматривал над караульщиками и им хлеб подавал и говорил ему, Ивашке: что де вам одним пропадать, вы бы де и на солдат говорили и про государя царевича... не одним бы вам пропасть». С другого подъема он уже сказал, что Новоспасского монастыря служку он поклепал и затеял на него напрасно, что приходил к нему и

приносил яблоки посадский человек Артюшка Зерщик, старый его знакомый по двум кабакам, которые они посещали вместе, живет он «на Бережках... а знаком ему потому, что он, Ивашко, хаживал в фартеные избы за Смоленские ворота и что на Вартунихе пить вина».

О дознании относительно оговора солдат, производившемся у князя Ф. Ю. Ромодановского, было в тот же день, 15 октября, сообщено по тем застенкам, куда попали стрельцы, сидевшие в Новоспасском монастыре, именно в застенки князя И. Б. Троекурова, князя В. Д. Долгорукого, князя П. И. Прозоровского, С. И. Языкова, князя Ю. Ф. Щербатого и И. И. Головина, предписано было допросить этих стрельцов об оговоре: «Будучи в Спасском монастыре в тюрьме, говорили ль они то, что бы ни есть говорить Преображенскому полку на солдат, чтоб им, стрельцом, не одним пропасть», и по тем же застенкам были отправлены для улик из застенка Ромодановского стрельцы Ивашко Троицкий, Матюшка Сорокин и Ларка Недосекин[1]. Допрошенные по этим застенкам стрельцы сознавались. Одни показывали глухо: «Про солдат говорили их братья в словах тайно, чтоб и на них сказать в чем ни есть, что де они пропадают от солдат и чтоб им не одним пропасть». На вопрос, от кого пошла такая речь, некоторые не могли ответить точно, говорили, например, так: «От кого первая речь о том зачалась, того он не усмотрел». Но другие, и притом значительное большинство, указывали на Ивашку Колокольцова, который вслух говорил: «станем де оговаривать и солдат» или: «как де их станут в Преображенском пытать, и им бы де говорить Преображенскому полку на солдат, что ни есть, чтоб им, солдатам, тут же пропасть с ними вместе». В застенке князя В. Д. Долгорукого стрелец Ивашка Хрисанфов, указав также на Колокольцова, как на зачинщика, сказал: «Про солдат де говорили они, чтоб с пытки на них сказать, что и они, солдаты, с бояры хотели государя царевича удушить... и промеж себя они условились в том слове стоять и на солдат говорить». Некоторые добавляли, что к Колокольцову приходил какой-то неизвестный человек, его свойственник, и говорил ему в окошко сквозь решетку: «Для чего де вам одним пропадать, пускай де с вами и солдаты пропадут». Один из стрельцов, Илюшка Завязошников, в розыске у князя И. Б. Троекурова сообщил, что к Колокольцову приходил «зять его, посадский человек, за которого жена его, Ивашкова, сговорила дочь свою замуж». Возможно, что вследствие этого показания, когда оно стало известно и в застенке князя Ф. Ю. Ромодановского, Колокольцов также сказал про зятя, имени которого он, впрочем, не знал, так как сговор дочери состоялся в его отсутствие. Были захвачены жена Колокольцова Марфутка и дочь его Дунька, а по указанию жены и зять — суздалец посадский человек Сень-

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 5, ст. 37, л. 79.

ка Федоров, проживавший в стрелецком полку Венедикта Батурина [1]. Допрос зятя происходил уже 18 октября. На этом розыск об оговоре солдат 15 октября, как и вообще второй большой розыск 14—15 октября, приостановился. Воскресенье, 16-го, по обыкновению, застенки не работали [2].

В воскресенье 16 октября цесарским послом был дан пир. К празднеству очень готовились в посольстве, и в предыдущие два дня рассылались приглашения гостям. Среди присутствовавших были виднейшие представители русских правительственных верхов: Л. К. Нарышкин, князь Б. А. Голицын, Ф. А. Головин, Ф. М. Апраксин и, кроме того, много именитых москвитян; знатные иностранцы: генералы Лефорт и Гордон, только что приехавший вице-адмирал Крюйс, полковники Чамберс, Гордон сын, фон Блюмберг, подполковник Менезиус, Адам Вейде, придворные врачи Карбонари и Цоппот; далее, дипломатический корпус: датский посол Гейнс, генерал Карлович, шведский поверенный Книппер, датский поверенный Бутенант. Польский посол пан Бокий не был приглашен; об этом отдал специальное распоряжение Петр, не желавший его видеть, отчасти, вероятно, потому, что он был неприятен царю после столкновения, которое между ним и послом произошло 4 сентября, а отчасти вследствие натянутых отношений, в каких находились между собой официальный представитель Речи Посполитой Бокий и неофициальный представитель польского короля генерал Карлович, сумевший приобрести большое расположение Петра. Не приглашен был также по специальному распоряжению Петра артиллерийский полковник Граге, с которым, очевидно, у царя произошла какая-то размолвка. Среди гостей упоминаются царский любимец «Алексашка» Меншиков и «походный поп» — poppa campestris, — вероятно, сопровождавший Петра в заграничном путешествии, присмотревшийся к чужим странам и привыкший к новому обществу Петра священник Иоанн Поборский. Было немало и дам иностранок, причем на первом месте Корб упоминает вдову Монс и ее дочь, фаворитку царя; далее, названы вдова генеральша Менезиус с дочерью, генеральша Гордон и полковница Гордон (последняя с дочерью), полковницы Блюмберг и Чамберс, жена Вейде, жены дипломатических представителей: фон Книппер, фон Бутенант и другие знатные дамы иностранки. Царь приехал на пир в тележке в десять часов утра, и это не должно нас удивлять, если мы при-

---

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 6, ст. 23.

[2] Розыск 14—15 октября у князя Ф. Ю. Ромодановского — госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 2, ст. 59, л. 77 и сл.; у Н. М. Зотова — карт. 6, ст. 1, л. 28—31. Остальные розыски — там же, карт. 5, ст. 37; у князя М. А. Черкасского — л. 1—14; у Т. Н. Стрешнева — л. 15—29; у князя Б. А. Голицына — л. 30—34; у князя И. Б. Троекурова — л. 35—44; у князя В. Д. Долгорукого — л. 51—69; у князя П. И. Прозоровского — л. 70—85; у князя М. Г. Ромодановского — л. 86—92; у А. С. Шеина — л. 93—96; у С. И. Салтыкова — л. 97—110; у С. И. Языкова — л. 111—125; у князя Ю. Ф. Щербатого — л. 126—129; у И. И. Головина — л. 130—141.

помним его привычку вставать в четыре. «Этот пир, — пишет Корб, — отличался изысканными произведениями кухни и драгоценностями погреба, изобилующего разными винами, ибо тут было токайское, красное будское (budense), испанский сект, рейнское, французское красное, не то, которое обыкновенно называется мускат, разнообразный мед, различные сорта пива, а также в довершение всего неизбежная у москвитян водка». По сообщению Корба, на пиру случился эпизод, вызвавший замешательство и тревогу: «У царя похолодел живот и начались схватки в желудке; внезапная дрожь, пробежавшая по всем его членам, внушила опасение, не кроется ли тут какого злого умысла. Генерал Лефорт, особенно встревоженный нездоровьем государя, велит врачу Карбонари-де-Бизенегг пощупать пульс. Тот объяснил, что этот мимолетный озноб является следствием дурноты, и потребовал в качестве лекарства от болезни токайского вина, самый высокий сорт которого имелся на столе. Это удачное врачевание было приятно государю, и он не отложил надолго пользование столь целебным средством». Болезненный приступ не лишил, однако, Петра веселого настроения, выразившегося в шутливом разговоре с доктором Карбонари. «Он спросил у врача, почему тот решил продать жену. Врач, слегка засмеявшись, смело ответил: «Потому что ты откладываешь уплату годового жалованья». Дело в том, что несколько дней тому назад Карбонари излагал свои стеснительные обстоятельства князю Ромодановскому и просил жалованья. На совет князя занять денег врач тотчас возразил, что кроме жены у него не остается никакого другого залога; но если князь решится дать ему денег взаймы, то он готов ее заложить или продать. В общем с лица его царского величества не сходило самое веселое выражение, что являлось признаком его внутреннего удовольствия» [1].

XIX. КАЗНИ 17 И 18 ОКТЯБРЯ

На утро 17 октября опять были казни.

Казнь происходила в Преображенском, на открытой равнине, куда выведены были 109 стрельцов. Им отрубили головы.

18 октября казни происходили в нескольких местах и с новым разнообразием в формах. Семь человек сложили головы в Преображенском. Из них двое — нам уже известные сотенный Колзакова полка Ивашка Клюкин и пятидесятник того же полка Аничка Сидоров, отнесенные к группе пущих воров и заводчиков, почему и казнь была им отложена, хотя они были пытаны еще в сентябрьских розысках. Оба были, как припомним, из числа стрельцов, близких к Ваське Зорину. Против Анички Сидорова еще на розыске у боярина Шеина под Воскресенским

[1] Корб, Дневник, стр. 94—96.

выдвигалось обвинение в том, что он, выслушав бунтовскую челобитную Зорина, хвалил ее и говорил, что она им, стрельцам, годна. В Москве он допрашивался в застенке князя Ф. Ю. Ромодановского в первую же очередь вместе с виднейшими стрелецкими главарями 17 сентября и здесь колебался в показаниях, то запирался, то винился, но был уличаем сотоварищем, также одним из главарей, Васькой Игнатьевым, что, действительно, про челобитную Зорина, выслушав ее, сказал: «хороша!» «И то слово, — показывал на него Игнатьев, — у них было меж Торопцом и Ржевою Володимировою за ужином на стану», а затем многократно и на дальнейшей дороге, когда они ехали вместе в одной телеге. Против сотенного Ивашки Клюкина были показания на Воскресенском розыске, уличавшие его в нескольких деяниях: тоже был из слушателей челобитной Зорина, принимал у мятежных стрельцов порох для раздачи, передал Зорину известное уже нам коллективное письмо от четырех полков для доставки его боярину А. С. Шеину, что́ Зориным и было исполнено. Он фигурировал затем в застенке князя Ф. Ю. Ромодановского на общем розыске 19—22 сентября, где Васькой же Игнатьевым изобличался в том, что, когда перед Воскресенской битвой приезжал к ним, стрельцам, генерал Гордон и уговаривал их принести повинную и итти в назначенные места, он, Ивашка, полчанам своим после молебна говорил: «стой де, братцы, что́ бог ни даст». Васька Зорин и Артюшка Маслов показывали на него, что он о челобитной Зорина знал [1], а распоп Ефимко Самсонов уличал его в том, что он в полках говорил: «все де мы страждем от бояр!» После упорного запирательства Клюкин «с третьего огня» во всем повинился. Сидорову и Клюкину головы были снесены «мечем», как об этом специально отмечено в списке казненных 18 октября [2]. Меч впервые применен был в этом случае как орудие казни; это было нововведение, заимствованное с Запада.

Кроме этих двух видных участников бунта, Клюкина и Сидорова, там же, в Преображенском, были отрублены головы еще пятерым стрельцам, но уже топором, причем, вероятно, сравнивалось действие того и другого инструмента. Эти пятеро были малолетние, хотя обыкновенно несовершеннолетние стрельцы освобождались от смертной казни. Так было под Воскресенским монастырем, так было и в предыдущие дни казней 30 сентября и в октябре, и решительно нельзя понять, почему для этих пятерых было сделано такое исключение. Двое малолетних были Чубарова полка: Тимошка Скачков и Ивашка Безпалый. Первый из них, Тимошка, 14 октября приводился в застенок князя

[1] Хотя он это обвинение отрицал и говорил даже, что готов был итти за своим полковником, но тот послал его в обоз принести хранившиеся в полковничьей телеге деньги, и там стрельцы его захватили и держали за караулом, так что он шел к Москве против воли.

[2] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 7, ст. 58; карт. 2, ст. 42; карт. 6, ст. 22.

В. Д. Долгорукого, но там пытке подвергнут не был, потому что показал, что «был наперед сего в сем деле пытан и во всем вину свою принес». Он был из тех восьми стрельцов, раненных в бою под Воскресенским, которые оставлены были в Воскресенском монастыре и оттуда в сентябре присланы в Москву. Другой, семнадцатилетний стрелец Ивашка Беспалый, допрашивался 14 октября в застенке князя М. Г. Ромодановского, где после некоторого запирательства в предложенных ему вопросах по поводу слухов о смерти государя и об удушении царевича с пытки с 15 ударов признался, что о том и другом слышал. На вопрос о письме царевны он сказал, что то письмо «снесли из Девичья монастыря бабы, а кто бабы снесли, того он не ведает». Его показание ничем не отличалось от показаний целого ряда других таких же несовершеннолетних стрельцов и совершенно не давало основания для заключения о какой-либо его особой виновности. Из остальных трех казненных несовершеннолетних Ивашка Клей, или Клюй, 18 лет, принадлежал к той партии стрельцов, которая прислана была из Суздаля, сидела в Николаевском Угрешском монастыре и которая была казнена 11 октября, но Ивашка Клюй в именных списках того дня, 11 октября, помечен был в числе освобожденных от казни за малолетством [1].

Другим местом казни 18 октября был Девичий монастырь. Здесь на поле перед самыми стенами монастыря были повешены еще 47 стрельцов в прибавку к стрельцам, повешенным там ранее, 12 и 13 октября [2]. В это число вошли 31 десятник Чубарова полка, перевезенные в Москву из Владимира и Мурома и сидевшие до передачи их в Преображенский приказ в подмосковном селе Черкизове и затем 14 и 15 октября бывшие на розысках у князя М. А. Черкасского, у князя В. Д. Долгорукого и у А. С. Шеина. В то же число 47 вошли двое рядовых из той же сидевшей в Черкизове партии: Васька Ваулин и Игнашка Байбулов. Оба они попали в розыск к самому князю Ф. Ю. Ромодановскому. Ваулин—22 сентября, надо думать, потому, что был из друзей Васьки Тумы: «с Васкою Тумою важивался» и слышал от него про царевнино письмо. Игнашка Байбулов был пытан Ромодановским 28 сентября, причем показывал, что у них в полку носилась речь о государе, что его не стало в животе, а о царевнах, что «все государыни царевны их, стрельцов, к Москве жедают», что все царевны и царевич находятся в Девичьем монастыре, потому то они, стрельцы, и должны были, придя к Москве, стать под этим монастырем, и что царевна Софья Алексеевна дала торопецким казакам по полтине денег, для того чтобы они шли к Москве [3]. Остальные 14 человек, пове-

---

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 2, ст. 59, л. 23; карт. 7, ст. 102, л. 142.

[2] См. выше, стр. 91—92.

[3] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 6, ст. 36, л. 92.

шенные под Девичьим монастырем, взяты были из той группы стрельцов, которые, будучи привезены в Москву из Углича, сидели сначала в Симонове монастыре, затем были переведены в Новоспасский и там принимали участие в затее оговорить солдат.

Третьим местом казней была на этот раз Красная площадь в самой Москве, где казнено было 10 стрельцов. Эта группа в официальном перечне обозначена так: «в городе 3 брата Калистратовы, 6 человек Новоспасских, седьмой — другого разбору малолетний Чуборова Васка Пирожников». Васька Пирожников оставался еще от первой партии стрельцов, привезенной в Москву из Переяславля Рязанского и 19 сентября сданной в Преображенский приказ, — это и обозначено словами «другого разбору». Он фигурировал на сентябрьском розыске (19 сентября) у князя Ф. Ю. Ромодановского, на котором с пытки с 27 ударов по всем вопросам отзывался неведением и объяснил, что шел в Москву для свидания с женой, детьми и сродниками [1]. Такое показание о свидании с женой и детьми, а также и слишком большое число полученных им ударов, какого не получали малолетние, не очень вяжутся с наименованием его в официальной ведомости «малолетним»; возможно, что в этом наименовании была и ошибка. На повторном розыске 22 сентября на него показывали Артюшка Маслов и Ивашка Клюкин, что когда их в одной партии с Пирожниковым после розыска под Воскресенским везли в Переяславль Рязанский, то он, Васька Пирожников, не доезжая верст 60 до Переяславля, срезал у себя с ноги колодку и говорил: «солдат де за нами в провожатых мало, а нас артель велика, мочно де нам их, солдат, всех передавить», за что будто бы от «начального человека», т. е. от конвоировавшего эту партию офицера, был бит батогами. Сам Васька признавался, что действительно, как их везли в Переяславль Рязанский «и не доезжая до Переяславля за два наслега (ночлега) колодку с ноги срезал в день и бежать хотел к Москве», но произнесение приписанных ему Масловым и Клюкиным слов решительно отрицал и, хотя после полученных им 24 ударов был «зжен огнем», в них все же не повинился [2].

Шесть человек новоспасских стрельцов, имена которых сохранила нам официальная ведомость: Давыдка Федоров Дутой, Андрюшка Столяр, Васька Колпаков, Левка Петров, Якушка Семенов Суетин, Сенька Андреев [3], были 14 октября на розысках у князя П. И. Прозоровского и у И. И. Головина, где, будучи спрошены по трем статьям, по которым производился октябрьский розыск, первоначально запирались, но затем по уликам

---

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 6, ст. 22, ст. 36.

[2] Там же, ст. 22; ст. 36, л. 8, 54, 83, 84.

[3] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 7, ст. 102, л. 127. В партии стрельцов, сидевших в Новоспасском монастыре, указываются два лица с именем Сеньки Андреева: Сенька Андреев Орешников и Сенька Андреев Костромин. Ср. там же, карт. 2, ст. 59, л. 6.

или на повторной пытке 15 октября признавались, что слышали и о смерти государя в чужих краях, и о намерении бояр удушить царевича. Они также были участниками бесед об оговоре солдат[1].

Наконец, братья Калистратовы Ивашка, Елеска и Осташка были на розыске у князя Ф. Ю. Ромодановского 28, 29 и 30 сентября. О них тогда уличавшие их стрельцы Артюшка Маслов, Якушка Алексеев и Васька Игнатьев говорили, как о деятельных участниках мятежа: «он де, Ивашко, сам третей с братьями и с товарищи первые и крикуны были». Артюшка Маслов показывал далее, что они, три брата, отняли у него, Артюшки, экземпляр такого же письма, какое было передано боярину Шеину, и сделали попытку под Воскресенским переманить солдат на свою сторону, побежали с этим экземпляром письма в солдатские полки для уговору солдат, «чтоб они, солдаты, с ними, стрельцы, не бились, а были бы с ними на то дело в одной думе». Во время чтения Артюшкой царевнина письма за 20 верст перед Воскресенским монастырем Ивашка Калистратов, очевидно, в порыве особенного воодушевления, воскликнул: «хотя де всем помереть, а про то письмо не сказать!» Иван Калистратов эти улики отрицал, говоря, что письмо «не отъемом взято», а дал ему Артюшка Маслов сам и посылал его в солдатские полки, но он не пошел, потому что грамоте не умеет, а передал письмо другому стрельцу, который, взяв, положил его за пазуху, однако к солдатам тоже не пошел. На пытке 30 сентября с 23 ударов и с огня Ивашка продолжал запираться, говорил прежние речи и к прежним речам сделал только небольшое добавление, сообщив об Артюшке Маслове, что когда тот, не доходя до Воскресенского монастыря, обратился к пятидесятникам и десятникам со словами: «для чего де вы меня посылаете наперед?», те в ответ ему сказали: «мы де все тебя не покинем!», слова, значения которых Калистратов не понимал: «а к чему те слова говорили, того не ведает», но из которых видно единодушие, существовавшее в кругу стрелецкого мелкого начальства. Елисей Калистратов обнаружил на пытках и 28, и 30 сентября упорное запирательство, показывал, что в Москву шел от скудости и для свидания с родными, про письмо, привезенное Васькой Тумой, не знал, чтения его Артюшкой Масловым, не слыхал, о намерениях, с которыми стрельцы шли в Москву, также отозвался полным неведением. Третий брат, Осташка, был в Чубаровом полку в тех «выборных», которых мятежники выбрали себе на место смещенных командиров; перед пыткой запирался, но пытки не выдержал и признался, что о намерениях стрельцов был осведомлен[2].

Из трех братьев Ивашка Калистратов вместе с шестью новоспасскими стрельцами и с Васькой Пирожниковым были казнены

---

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 5, ст. 37, л. 70—85, 130—141.
[2] Там же, карт. 2, ст. 60, л. 13; карт. 6, ст. 36, л. 91—97.

отсечением головы топором. Два другие брата, Осташка и Елеска, были подвергнуты казни колесованием, которое впервые применено было в этот день, 18 октября, как новшество, заимствованное из-за границы и появившееся в Москве также в результате заграничного путешествия.

Было еще и четвертое место казней 18 октября. Двое распопов, Бориско Леонтьев и Ефимка Самсонов, были казнены перед тиунской избой, епархиальным учреждением, в котором с конца XVI в. должны были заседать поповские старосты и которое впоследствии, в XVIII в., было преобразовано в духовную консисторию. Тиунская изба помещалась неподалеку от Красной же площади, поблизости храма Василия Блаженного. Здесь распоп Бориско Леонтьев был повешен, а Ефимке отсечена была голова, и тело его положено на колесо [1].

Царь объезжал места казни. Выпущено было официальное объявление о казни распопов, начинавшееся словами: «В нынешнем 207 г. октября в [2] день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея Великие и Малые, и Белые России самодержца воры распопы, что были попы, Ефимко Самсонов в Федорове полку Колзакова, Бориско Леонтьев в Афанасьеве полку Чубарова кажнены смертью за то». Далее, по изложении общего хода стрелецкого мятежа, перечислены были в частности вины указанных попов: «А они, Ефимко и Бориско, будучи в тех полкех в попех, про то их стрелецкое вышеписанное воровство ведая, а в Торопце боярину и воеводе князю Михайлу Григорьевичу Ромодановскому с товарищи не известили и, ведая то их стрелецкое воровство, с ними, стрельцы, шли к Москве». Под Воскресенским монастырем, когда стрельцы оказали вооруженное сопротивление Большому полку боярина А. С. Шеина, они, попы, их, стрельцов, не только от того их воровства не унимали, «но паче сами их к тому воровству подтверждали и к тому бою и к смерти готовили исповедью и причастием и во время той их стрелецкой стрельбы в тот Большой полк о победе на тех государевых ратных людей и молебствовали. Но правдотворец господь обратил тое болезнь их; потому, когда их, стрельцов и распоп, стали распрашивать, и они в распросех и с пыток в том во всем винились» [3].

От тиунской избы Петр проехал на Красную площадь и к Новодевичьему монастырю.

19 октября казней не было [4]. При дворе были заняты приготовлениями к предстоявшей на другой день церемонии посольского въезда.

---

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 6, ст. 42; карт. 7, ст. 58. В этих ведомостях значится только один «распопа», так же как и карт. 7, ст. 102, л. 127: «да и у тиунской избы кажнен распопа Бориско Левонтьев, повешен».

[2] В подлиннике дата пропущена.

[3] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 5, ст. 18.

[4] У Гордона читаем в дневнике (III, 219): «Den 19-ten wurden viele hingerichtet». Но это замечание, очевидно, попало под 19 октября по ошибке

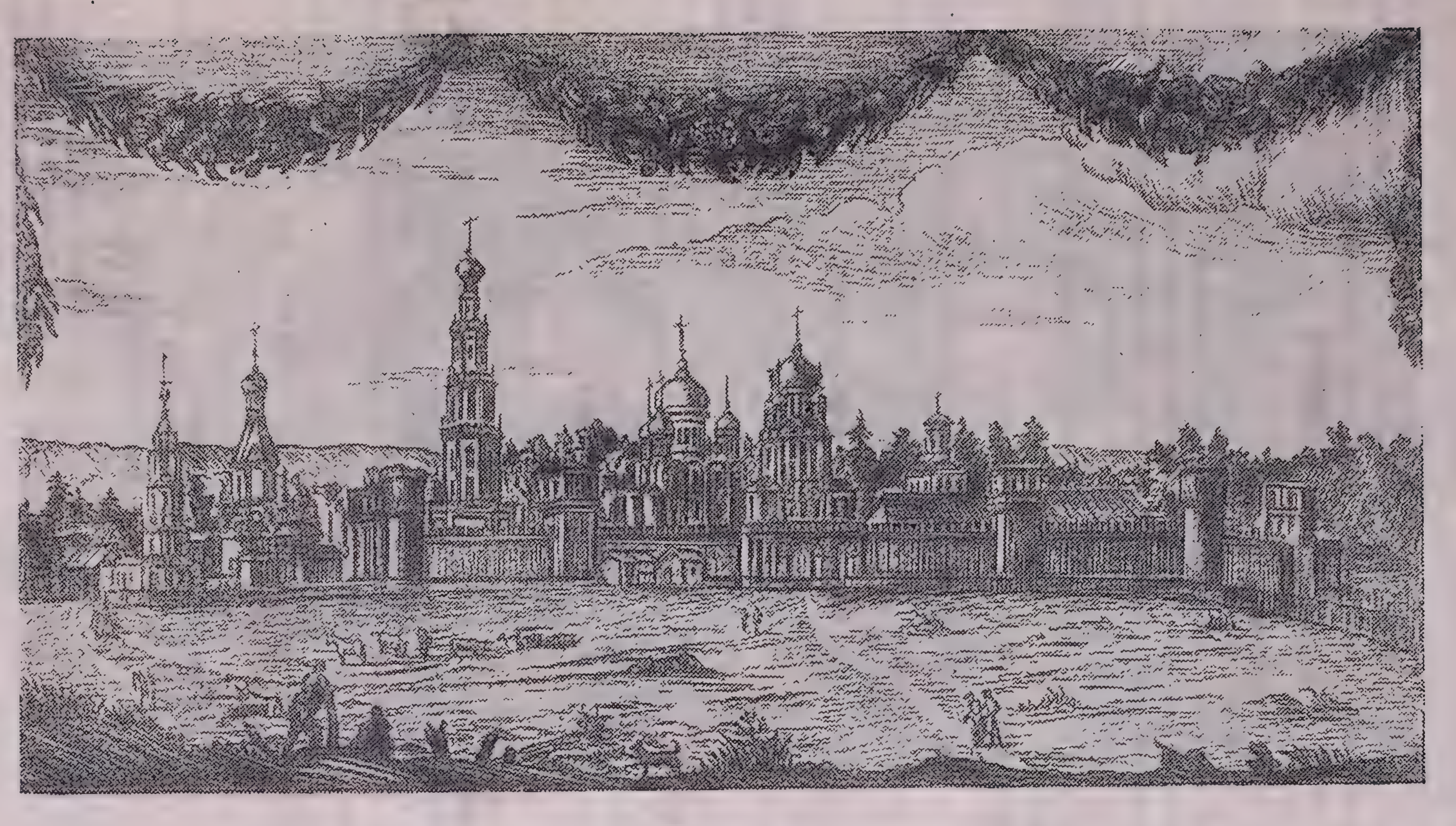


Рис. 8. ***Новодевичий монастырь под Москвой.***
Гравюра Пикара, 1710 г.

XX. ПОСЛЕДНИЕ КАЗНИ. ОТЪЕЗД В ВОРОНЕЖ

Церемония происходила 20 октября. Это был торжественный въезд в столицу великого посольства, отправленного за границу весной 1697 г. Лефорт и Ф. А. Головин вернулись в Москву вместе с Петром 25 августа. Но это их возвращение было неофициальным; они приехали как частные лица, инкогнито. Теперь состоялось возвращение их как послов с пред-

---

и должно быть несомненно относимо к 18 октября, под которым Гордон не упомянул о казнях. Корб ни в дневнике, под 19-м, ни в приложенном к дневнику очерке стрелецкого мятежа и расправы над стрельцами не говорит о казнях в этот день. Устрялов в примечании 13-м к III тому «Истории царствования Петра Великого», где он дает таблицу числа казненных, не показывает 19 октября; но в тексте (т. III, стр. 236) этот день неожиданно появляется с указанием цифры 106 казненных, совершенно неизвестно, откуда взятой. Счет Устрялова вообще очень неточен. Приведем его цифры:

30 сентября	казнено	201	
11 октября	»	144	
12 »	»	205	(сюда ошибочно включено лишних 6 человек, см. выше, стр. 91, прим. 2).
13 »	»	141	(см. выше, стр. 92, прим. 2).
17 »	»	109	
18 »	»	65	(в том числе двое распопов)
19 »	»	106	
21 »	»	2	(не двое, а трое: Алешка Сучков и Ивашко Колокольцов — на Красной площади, Аврамко Маслов — в Преображенском. Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 2, ст. 59).
Всего . . .		973	

Устрялов, III, 219.	Малолетних оставлено . .	100
Устрялов, III, 235.	Малолетних оставлено . .	93
Устрялов, III, 235.	Для нового розыска оставлено пущих заводчиков	14
	Всего . . .	207

Итого казнено 973 и в живых оставлено 207, всего, следовательно, было 1 180 человек. Между тем всего стрельцов в сентябре и октябре было привезено в Москву и передано из Иноземского приказа в Преображенский 1 021. Предлагаем добытые нами и, кажется, близкие к истине цифры:

Казнено стрельцов		Оставлено в живых	
30 сентября	201	30 сентября малолетних	100
11 октября	144	В октябре малолетних	93
12 »	199		
13 »	79		193
17 »	109	Оставлено для дальнейших розысков	29
18 »	64		
21 »	3	Итого	222 (Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 7, ст. 30; «Да к розыску оставлено: пятидесятников 7 человек, малолетних 13 человек, да розных полков 9 человек, итого 29 человек»).
Итого	799		

Итого казнено 799 и оставлено 222, всего 1 021.

ставлением государю привезенных ими грамот. Церемония имела дутый и отчасти шутовской характер. Так она и описана у Корба. Ее целью было, очевидно, доставить новое зрелище взорам московского населения, утомленным созерцанием казней. Царь принимал участие в процессии, находясь в свите послов. «Два полномочных его царского величества, — пишет Корб, — которые весьма недавно правили посольство при цесарском дворе, генерал Лефорт и боярин Головин въехали в Москву таким же порядком, каким ввезли их в Вену; много запряженных шестерками карет, сколько только их могли набрать, увеличивали великолепие свиты, и царь не счел ниже своего достоинства вмешаться в число провожавших. Процессия направлялась к городским палатам князя Федора Юрьевича Ромодановского, бывшего тогда наместником». Хотя Гордон отмечает в дневнике под этим числом, что «великое посольство имело аудиенцию у его величества», но на самом деле «его величество» был в свите посольства, а обязанности государя исполнял князь Ф. Ю. Ромодановский, будущий князь кесарь, почему Корб и назвал его наместником. «Младший Лефорт, — читаем далее у Корба, — якобы секретарь посольства, нес неведомо чью верительную грамоту, которую вручили упомянутому князю с затемненною смехотворством торжественностью. Может быть, эта грамота была от короля Утопии, ибо вместо подарка поднесена была обезьяна, и этой насмешкой закончилась комедия. Никому из свиты не было позволено явиться иначе, как в немецком платье, главным образом, для того, чтобы этим ненавистным зрелищем раздражить князя Ромодановского»[1]. Князь Ромодановский, как припомним[2], враждебно относился к европейскому костюму.

21 октября в Девичьем монастыре совершался печальный обряд пострижения царевны Софьи в монашество, которое она приняла под именем Сусанны[3]. В Преображенском и на Красной площади в Москве происходили три последние казни. В Преображенском казнен был стрелец Абрамка Маслов, который на розыске 14 октября у окольничего И. И. Головина показывал, что письмо Ваське Туме передала из Девичьего монастыря сестра его, Тумина, Улка Дорофеева, которая, однако, упорно это обвинение отрицала, говорила, что Абрамка поклепал ее напрасно, а затем вскоре после допроса удавилась в Преображенском же приказе в заключении. В Москве на Красной площади были колесованы зачинщики оговора солдат

---

[1] Корб, Дневник, стр. 97—98; Gordons Tagebuch, III, 219.

[2] См. выше, стр. 7.

[3] Эту дату пострижения царевны Устрялов правильно выводит из надписи, сделанной на ее надгробном камне в Девичьем монастыре: «преставилась 1704 году июля в 3 день в первом часу дня; от рождения ей было 46 лет, 9 месяцев, 16 дней; во иноцех была 5 лет, 8 месяцев, 12 дней; в схимонахинях преименовано имя ей прежнее София и погребена в церкви пресв. богородицы Смоленские июля в 4 ден» (Устрялов, История, т. III, стр. 407—408).

Алешка Сучков и Ивашка Колокольцов. Мы оставили последнего на допросе с пытками в застенке князя Ф. Ю. Ромодановского 15 октября, когда он, уличаемый в том, что к нему в Новоспасский монастырь под окно приходил какой-то неизвестный, внушивший ему оговорить солдат, чтобы не пропадать одним стрельцам, оговаривал то одно, то другое лицо, затем снимал с них оговор и, наконец, упомянул о своем зяте. По указаниям жены Колокольцова Марфутки был разыскан и зять, суздалец, посадский человек Сенька Федоров, проживавший в стрелецком Батурина полку. Зять был расспрошен 18 октября[1], и в расспросе показывал, что к тестю своему Колокольцову в Новоспасский монастырь он, действительно, приходил для подписания сговорной записи, потому что в отсутствие Колокольцова сговорил жениться на его дочери. Придя к тестю для этого дела, он принес ему «зговорных овощей», но таких слов, чтобы стрельцы одни даром не пропадали, а говорили бы и на солдат, «чтоб и солдатам пропасть с ними ж, стрельцы, вместе», не говаривал, тесть его Ивашка клеплет его напрасно. Слова зятя показались, повидимому, настолько правдивыми, что его не подвергли пытке, тем более что и сам Ивашка Колокольцов стал снимать с него оговор и теперь уже показывал, что в Спасский монастырь научать его никто не приходил, что зять его приходил к нему с овощами, потому что без него сговорил жениться на его дочери и что разговора с ним о солдатах у него, Ивашки, не было. Свои прежние показания Колокольцов объяснял тем, что не стерпел пытки. 21 октября оба, Сучков и Колокольцов, опять были приведены в застенок. Сучков сначала было повторил показание о приходившем к Колокольцову неведомом посадском человеке в белом кафтане с русой бородкой, подучавшем его говорить на солдат, но затем, будучи подвергнут пытке, с 13 ударов и с огня признался, что припутывал сюда постороннее лицо и приметами набрасывал подозрение на зятя Колокольцова напрасно, перед великим государем он, Алешка Сучков, виноват, в Новоспасский монастырь из посадских людей к Ивашке Колокольцову никто не прихаживал и на солдат говорить не научал, «а говорили де те слова... все семьдесят три человека собою запросто, а к Ивашку де приходил только зять его, а тех вышеписанных слов он не говаривал». Оба, и Сучков, и Колокольцов, после пытки были отправлены в город на Красную площадь для казни[2].

Они были колесованы на Красной площади. «Октября ж в 21 день, — читаем в официальной записи, — на Красной площади того ж Афанасьева полку Чубарова стрельцы Ивашко Колокольцов, Алешка Сучков колесованы, руки и ноги переломаны и посажены на колеса, что на столбах»[3]. Замысел ого-

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 2, ст. 46.
[2] Там же, ст. 59, л. 98.
[3] Там же, карт. 7, ст. 102, л. 127.

ворить солдат должен был, конечно, сильно возмутить Петра и рассматривался им как тягчайшее преступление. В тексте объявления, которым возвещалось народу особо о причинах казни каждой группы стрельцов, о группе, сидевшей в Новоспасском монастыре и затеявшей оговор солдат, была введена отдельная статья, написанная в резких выражениях и, по всей вероятности, судя по синтаксису, составленная самим Петром. «Да они ж, воры и изменники, готовясь по злым делам своим к смерти, для которой от священников причастники были святого тела и крови господни ради вечного избавления души, но они, проклятые, по приятии сего страшного таинства в вящее зло поступили и повратилися яко псы на своя блевотины, вместо сокрушения души пред богом зачали мыслить, чтоб им оговорить солдат в том же воровстве, будто и они про то (т. е. про намерение бояр удушить царевича и т. д.) ведают. А уже из них Алешка Сучков оговорил Преображенского полку солдат дву человек Петра Головкова, Петра Погорельского. Но правдотворец господь обратил сию болезнь на главы их. Когда стали пытать вышепомянутого Алешку Сучкова, который тотчас повинился и сказал, что затеял напрасно и оговорил трех человек стрельцов: Матюшку Сорокина, Ивашку Троицкого, Ларку Недосекина, которые, так же и иные с пыток, а иные без пыток повинились, а сказали, что все семьдесят три человека, которые сидели у Спаса Нового в монастыре, в том зговорились. А когда их спрашивали, для чего они, в беде сидя, бо́льшую затевают, против чего они сказали, что говорил им Ивашко Колокольцов: мы де одни пропадаем, а потешные де останутся в радости; пусть ж де и они, враги наши, пропадут; лучше де нам не одним умереть. И тем последуя они отцу своему сатане, которой хотя ведает, что мучитца, однако ж к себе людей прельщает, хотели они чистых опоганить, а вышепомянутых уж близ пытки довели»[1].

Датский посол Гейнс, осведомившись, что царь проводит ночь с 21 на 22 октября в доме датского поверенного Бутенанта, ранним утром отправился туда, желая при встрече с царем снискать к себе его расположение. «И он не ошибся, — продолжает Корб, — так как царь повел его с собою и показал ему великого Ивана, т. е. величайший во всем мире колокол». Так изображает дело Корб, не особенно расположенный к датскому послу и ревниво к нему относившийся. На самом деле посол был приглашен к Бутенанту самим Петром, желавшим иметь с ним секретный разговор о заключении союза с Данией[2]. Петр, повидимому, отправился в Кремль по случаю праздника казанской божией матери и захватил с собой туда датского посла. Затем происходил упомянутый обед у Л. К. На-

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 7, ст. 102, л. 177—179.

[2] Корб, Дневник, стр. 98; Форстен, Датские дипломаты при московском дворе («Журнал министерства народного просвещения», 1904, № 12, стр. 295).

рышкина, также, вероятно, назначенный на этот день в виду праздника. На обеде присутствовали бояре и иностранные представители, в том числе и Гейнс.

Пиры с участием Петра обыкновенно не обходились без неожиданных эпизодов, и следующими эпизодами обеда у Льва Кирилловича Нарышкина были выходки против польского посла Бокия, к которому царь, вероятно, не без влияния пользовавшегося большим расположением Карловича, проявлял — как мы уже имели случай не раз заметить — самое пренебрежительное отношение и презрение, то ставя его в смешное положение, то говоря ему резкое слово, то допуская против него даже самое оскорбительное действие. Человек очень горячий и экспансивный, но, видимо, крайне недалекий и непроницательный, польский посол не замечал при этом, что становится посмешищем в глазах других. «Далее во время еды, — продолжает свой рассказ Корб, — зашел разговор о различии между странами, причем весьма дурно отозвались о той, которая ближе всего соприкасается с Московией (т. е. о Польше). Министр, посланный из той страны, возразил, что он и в Московии отметил много такого, что́ заслуживало бы порицания. На это царь заметил: «если бы ты был из числа моих подданных, я бы присоединил тебя товарищем к качающимся уже на виселице, так как хорошо знаю, куда клонится твоя речь». За неодобрительный отзыв о Московии за обедом царь отомстил поляку во время танцев, предложив ему танцовать с своим шутом. «Этому же послу, — продолжает Корб, — царь нарочно предоставил случай танцовать с дураком и посмешищем своего двора. Хотя все смеялись этому, однако, тот не понял, какую недостойную шутку с ним играют. Но господин цесарский посол, который всегда пользовался большим уважением у того министра, очень кстати напомнил ему через одного из своих приближенных, чтобы он не забывал о достоинстве своего положения». Дело, однако, этой шуткой еще не окончилось, и через несколько времени престиж державы, представляемой Бокием, был вновь и еще в большей степени унижен в его лице. Петр также под видом шутки нанес представителю Речи Посполитой несколько пощечин, которые тот принял за знак расположения. «При другой шутливой выдумке тот же посол получил от священной десницы пощечины и истолковал их за доказательство любви. Таким образом, — философически замечает Корб, заканчивая свой рассказ, — чужие деяния получают свое наименование только с нашей точки зрения, так что часто можно видеть, как те же самые поступки сообразно с обстоятельствами и дарованиями людей считаются то обидами, то милостями» [1].

Петр горел нетерпением выехать в Воронеж для осмотра построенных там во время его заграничного путешествия каз-

---

[1] Корб, Дневник, стр. 98—99.

ною и кумпанствами судов, и его задерживал только розыск о стрелецком мятеже и расправа со стрельцами.

В воскресенье 23 октября Петр отправился в Воронеж. В день отъезда Лефорт устраивал у себя праздник, на котором присутствовали все иностранные представители и бояре. «Был большой пир у генерала Лефорта», — записал в дневнике лежавший в постели больной Гордон[1]. Корб как очевидец дает подробное описание и этого празднества. Царь запоздал прибытием, задержанный важными делами; но совещание о государственных делах продолжалось и на обеде у Лефорта, несмотря на присутствие здесь иностранных представителей, и рассказ Корба вводит нас в своеобразное заседание Боярской думы, каким оно бывало при Петре, не стеснявшемся ни местом, ни временем. Совещание было очень оживленно, даже бурно. «Его царское величество, — пишет Корб, — собираясь отправиться в Воронеж, приказал генералу Лефорту устроить пиршество и пригласить на него всех иностранных представителей, равно как и именитых бояр. Царь явился позже обыкновенного, так как несомненно задержан был немаловажными делами. Впрочем, и во время самого стола, не обращая внимания на присутствие иностранных представителей, он рассуждал о некоторых предметах с боярами, но это совещание было очень близко к спору: не щадили ни слов, ни рук, потому что все были увлечены чрезмерным, а в присутствии государя и опасным пылом при упорной защите своего мнения. Они так спорили друг с другом, что дело доходило почти до обвинения».

Впрочем, Корб в этом же описании представляет нам несколько фигур бывших на пиру сановников, достойных, по его отзыву, всяческого уважения: «Все-таки и среди самих московитов нашлось несколько гостей, которых выгодно выделял от прочих их вполне скромный разговор с государем, свидетельствовавший об их высоких душевных качествах. Князь [Михаил] Алегукович Черкасский, человек пожилой, отличался вполне ровным и серьезным характером; боярин Головин (Федор Алексеевич) — зрелой обдуманностью в решениях; [Андрей] Артамонович (Матвеев) — хорошим знанием государственных дел; все эти качества выставлялись в тем более ярком свете, чем реже они усматривались. Последний из названных бояр — Матвеев, — негодуя на то, что к царским обедам допускается столько различного рода сумасбродов, и желая сказать об этом думному Сибирского приказа — А. А. Виниусу, — прибег к латинской речи, в которой он сведущ, и громко воскликнул: «stultorum plena sunt omnia!»

У Петра перед отъездом не было окончено еще одно дело: не было дано отпускной аудиенции польскому послу, которого он все время так беспощадно третировал, и он дал ее тут же

---

[1] Gordons Tagebuch, III, 219.

на пиру в формах, весьма далеких от обычного ритуала таких аудиенций. Церемония была совершена наскоро, с поразившей присутствующих быстротой. «За окончанием стола, — пишет Корб, — следовали танцы и затем отпуск польского посла. Царь с неожиданной быстротой вырвался из толпы прочих веселящихся гостей в находившуюся рядом столовую, где хранились кубки, стаканы и разные сорта напитков, и отдал приказ польскому послу следовать за ним. Туда же устремилась и вся толпа пировавших, желая узнать, в чем дело. И не успели еще все, задержанные собственной торопливостью, проникнуть туда, как его царское величество уже выдал польскому послу отзывную (т. е. отпускную) грамоту и вышел из комнаты, заставив покраснеть все еще желавших и пытавшихся туда ворваться».

Следовал затем акт помилования двух в чем-то провинившихся корабельных капитанов-голландцев, осужденных военным судом. «По ходатайству генерала Лефорта два морских капитана, голландцы, виновные в явном неповиновении и приговоренные военным советом к казни, были допущены к царю. Высказав сперва ему свою просьбу, они пали ему в ноги. Царь собственноручно вернул им шпаги и возвратил жизнь, честь и прежнюю должность. Разумеется, это было, — добавляет Корб, — великим актом высшей царской милости».

Наконец, состоялось прощание царя с присутствующими. Царь перецеловался со всеми, за исключением, однако, польского посла, которому, видимо, не мог забыть вчерашней выходки. «На прощанье, — пишет Корб, — царь поцеловал всех бояр и иностранных представителей, особенно же цесарского посла. Но польский посол был исключен отсюда, так как получение отзывной грамоты, повидимому, отстранило его от всякого дальнейшего приветствия со стороны его величества. Около шести часов вечера царь отправился в Воронеж; спутниками его, помимо лиц, неизвестных по незначительности занимаемых ими должностей, были г. голландский вице-адмирал (Крюйс), генерал начальник стражи де Карлович и Адам Вейде»[1].

Приехав в Москву из-за границы 25 августа, Петр оставался здесь два месяца, до 23 октября. За это время он, разумеется, не мог остаться совершенно чуждым государственным делам, конечно, занимался ими, слушал доклады министров, утверждал представляемые назначения, по курантам, подаваемым Виниусом, следил за ходом событий в Европе, переписывался с оставленным за границей Возницыным, который должен был присутствовать на Карловицком конгрессе, совещался с боярами, словом, вел дела текущего управления и, вероятно,

[1] Корб, Дневник, стр. 100—101. «Был большой праздник у генерала Лефорта, — записывает в дневнике Гордон. — Вечером его величество уехал в Воронеж, не дав мне никакого ответа на мою челобитную об 11 крестьянах, поданную в прошлую среду» (Gordons Tagebuch, III, 219).

находил время для разговоров с голландским вице-адмиралом Крюйсом о постройке кораблей в Воронеже. Но нет никаких указаний на принятие за эти два месяца какой-либо важной законодательной меры сколько-нибудь общего характера. Такой мерой нельзя же, конечно, считать упоминаемое Корбом энергичное распоряжение всем торговцам, имеющим лавки, слишком близко расположенные к кремлевской стене (со стороны Красной площади?), снести их как можно скорее, что̀ и было исполнено с удивившей Корба быстротой 26 октября. Целью такого распоряжения было, как передает Корб, желание сообщить городу больше блеска и красоты — и это свидетельствует о пробуждающихся эстетических вкусах в городской архитектуре[1]. Это, кажется, и все в области законодательства. Очевидно, все внимание царя поглощалось стрелецким делом: распоряжениями о свозе стрельцов в Москву, розысками, а затем казнями стрельцов. Во всем этом Петр принимал самое близкое, непосредственное и деятельное участие: отдавал приказания о допросе тех или иных стрельцов в застенке, диктовал вопросные пункты, неофициально присутствуя в застенках, выслушивал показания, официально допрашивал обеих сестер.

Розыск, не приведя к выяснению некоторых отдельных частностей, которые хотелось выяснить Петру, дал ему, однако, общее освещение событий мятежа. Розыск, как припомним, производился в несколько приемов. Сначала, 17 сентября, допрошено было несколько главарей движения; за ними, 19, 20 и 22 сентября, предпринят был допрос обширной партии стрельцов в триста с лишком человек, ясно обнаруживший политические замыслы и стремления мятежных стрельцов, как и те средства, которыми они рассчитывали осуществить свои замыслы: поход на Москву, остановка у Девичьего монастыря, приглашение царевны к правительству, избрание на престол царевича, следовательно, устранение от престола Петра, намерение не пустить его в Москву, если бы он вернулся, намерение возмутить стрелецкие полки в Москве и по городам, возмущение черни, избиение бояр и иноземцев, разорение Немецкой слободы. Между этим общим сентябрьским розыском и другим таким же в половине октября произведено было расследование с допросом и пытками нескольких женщин дворцового персонала и стрелецких вдов о сношениях царевен Софьи и Марфы со стрельцами, бегавшими в Москву весной 1698 г. Установлен был факт подачи письма этими стрельцами на верх царевне Марфе и посылки письма от нее стрельцам, передачи письма из Девичьего монастыря стрельцу Ваське Туме, хотя и не было выяснено, через кого именно эта передача произошла (сознанию стрельчихи Анютки Никитиной, повидимому, не верили). Второй обширный розыск, так же как и первый, начался допросами нескольких главарей 12 октября, после чего

[1] Корб, Дневник, стр. 101.

14 и 15 октября была допрошена с пытками большая партия стрельцов в 225 человек. Этот октябрьский розыск имел целью выяснить существование и происхождение слухов о смерти Петра за границей и о намерении бояр задушить царевича и осложнился еще расследованием о замысле оговорить преображенских солдат. Вполне определенно источника слухов установить не удалось, но в общем ясно было, что они шли с того же верха и имели ту же цель, что и письма, — возмущение стрельцов. Из розыска выяснилось также, что слухи были лишены всякого основания и вздорны, что бояре, как и солдаты, припутаны были к делу совершенно напрасно. В этом отношении Петр мог покидать Москву спокойно.

В результате розыска было казнено 799 стрельцов, после первого общего розыска — 201 человек, после второго — 176. Остальные 422 были казнены без предварительных допросов. Трупы повешенных у ворот Белого и Земляного города были оставлены висеть, равно как и трупы обезглавленных и колесованных на Красной площади оставлены лежать там, устрашая своим видом московских обывателей. Перед Девичьим монастырем виднелась зловещая виселица, и трое мертвецов качались на веревках у окон кельи монахини Сусанны с челобитными в окостенелых руках. Вход в монастырь был настрого запрещен. Сохранилась относимая издателями «Писем и бумаг» к этому времени собственноручная записка Петра с распоряжениями о допуске в монастырь. Исключительно своеобразная орфография этой записки обнаруживает сильное волнение писавшего, который был в этот момент особенно неразборчив относительно букв: «Сестрамъ, кроме Светлой недѣли і празника Богородицына, которой в ыюле живетъ, не ездить в монаст[ырь] в ыныя дни, кроме болезн[и]. [Съ] здаровъемъ посылать Степана Нарбекова, іли сына ево, іли Матюшкиныхъ; а іныхъ, і бапъ, і девокъ не посылать; а о пъраездѣ брать писмо у кнезь Өедора Юрьевича. А въ призники быѳъ, не оставатца; а естли останетца, да другова празника не выезжать и не пускать. А певъчихъ в монастырь не пускать: а поютъ і старицы хорошо, лишъ бы вѣра была; а не такъ, что в церкве поют: Спаси от бѣтъ, а въ паперти денги на убиство даютъ»[1].

---

[1] П. и Б., т. I, № 254.

ВОРОНЕЖСКОЕ КОРАБЛЕСТРОЕНИЕ

XXI. ОТВОД ЛЕСНЫХ ПЛОЩАДЕЙ НА КАЗЕННОЕ СТРОЕНИЕ И НА КУМПАНСТВА

оследние месяцы 1696 г., как мы видели выше[1], были посвящены вопросу о создании азовского флота. Был решен принципиальный вопрос о необходимости сооружения флота, установлены были способы его постройки, именно, частью самой казной, частью кумпанствами, которые должны были составиться из духовных и светских землевладельцев; происходила путем добровольной складки землевладельцев организация этих кумпанств, вызвавшая ряд вопросов, которые разрешались в законодательном порядке целым рядом отдельных указов. В самом конце 1696 г. во главе всего этого дела кораблестроения было поставлено особое лицо, окольничий А. П. Протасьев, со званием «адмиралтейца» и с канцелярией по адмиралтейским делам в старинном Владимирском судном приказе, которым он управлял. 28 декабря ему даны были инструкции, определявшие его деятельность как по казенному, так и по кумпанскому кораблестроению. С наступлением 1697 г. началось практическое осуществление того и другого. Первое, что надлежало предпринять для того, чтобы пустить постройку в ход, была заготовка главного, необходимого для кораблестроения материала — леса. Этот вопрос об отводе лесов для казенного кораблестроения и для кумпанств стоял на первом плане в инструкциях адмиралтейцу.

10 января 1697 г. в Воронежский край для производства отвода весов были отправлены из Разрядного приказа, в ведомстве которого находился Воронежский край, думный дворянин

[1] См. том I настоящего издания, гл. XLIV.

Иван Петрович Савелов да дьяк Никита Павлов. Им данным из Разряда наказом предписывалось ехать в Воронеж наспех; прибыв туда, прежде всего объехать, осмотреть и нанести на чертеж леса в уездах городов, расположенных по течению реки Воронежа: в Козловском, Добренском, Сокольском и Усманском, лежащем по течению левого притока реки Воронежа, реки Усмани, и в уездах других городов Воронежского края, «которые к Воронежу близки». В описании следовало обозначать размеры таких угожих лесов, которые годятся для судового дела, их местоположение, в которых урочищах и по близости каких сел и деревень они находятся и в особенности расстояние их от реки Воронежа и его притоков, по которым можно устроить сплав леса. Если бы за снегами — работа должна была происходить зимой — измерить лесов где-либо оказалось невозможным, описывать такие леса приблизительно, помещая их в описных книгах особой статьей. По окончании описательной работы, которая должна была выяснить наличность лесного запаса и его топографию, думный дворянин и дьяк должны были заняться отводом соответствующих участков леса: для казенного кораблестроения, для 52 кумпанств и для стругового дела, на постройку стругов и лодок в количестве 609 стругов, 400 плотов и 509 лодок, изготовить которые поручено было стольнику Кузьме Титову. В связи с отводом лесных участков думному дворянину Савелову предписывалось устройство охраны леса, пригодного на судостроение, «чтоб отнюдь никто того угожего лесу не рубили и не жгли и никакие порухи не чинили». Со времени воронежского кораблестроения ведут начало заботы Петра и его законодательные меры, направленные к охране корабельного леса в России [1].

Отправившись к месту назначения, Савелов и дьяк довольно быстро повели дело, так что уже 13 марта сообщали в Разряд, что леса в указанных им уездах они осмотрели, описали, нанесли на чертеж, обозначили расстояние лесных участков от реки Воронежа и приставили к тем лесам сторожей. Но это была только первая часть работы. С другой ее частью, с отводом лесов, они справиться не могли, потому что затруднялись определением, какие леса пригодны для кораблестроения и какие нет, а также не знали, сколько нужно было лесного материала на то количество кораблей, которое возлагалось на каждое кумпанство. При осмотре леса в этих воронежских местах им показалось, что дубовые деревья для кораблей непригодны, «дубовый лес плох, кряковистый, невысокий и не гладкий, и не толстый, а сосновый лес во многих местах самый редкий». Но решение вопроса о пригодности и о количестве необходимого на постройку леса они как неспециалисты от себя отклоняли, указывая, что сделать этого «без корабель-

[1] Елагин, История русского флота, приложение III, № 23, 24. Прибавление к приложению III, № 86, стр. 483.

ных мастеров и без знающих людей невозможно». Сколько из того описанного ими леса в котором уезде можно сделать кораблей и малых судов и достанет ли леса на все число кораблей и малых судов или чего недостанет, «того, — как с полной откровенностью они писали, — познать невозможно». Не выручили их и местные жители, к которым они обращались с расспросами, как к знакомым с судоходством по реке Воронежу. Местные жители, взятые Савеловым к описанию лесов, в ответных своих сказках показывали, что не знают, какой лес на корабли пригодится и сколько кораблей из описного лесу можно сделать, что им корабельное дело никому не за обычай, у корабельных дел они никогда не бывали; в уездах по течению реки Воронежа делались ранее только струги, которые полой вешней водой сплавлялись по реке. Не помогал делу и тот способ, которым Владимирский судный приказ рекомендовал Савелову вести работу, способ, выработанный в Московском государстве веками: приниматься за дело не сразу, не во всем его объеме, установив общий последовательный план работы, а вести его частями, начинать с небольших опытов и затем, исходя из указаний опыта на первых частях, переходить к остальным. Приказ предписывал начать дело с опыта, попробовать сначала отвести участки на 4 кумпанства (Т. Н. Стрешнева, В. П. Шереметева, князя В. И. Долгорукого и князя Г. В. Тюфякина), а затем, применяясь к этому опыту, отвести лес и на прочие кумпанства. Так новое дело — креблестроение — с самой своей первой основной стадии, с выбора и отвода необходимого для постройки леса, вызвало новую потребность в специальном техническом знании, и русский дворянин XVII в., прежде обязанный быть пригодным на все руки, открыто свидетельствовал о своем бессилии и о своей беспомощности без таких специальных познаний. Ставилось на очередь новое дело, но русское общество не могло дать человека, «которого, — выражаясь языком XVII в. — с такое дело станет», потому что в обществе не было специалистов, вооруженных необходимыми знаниями. Там, где русским людям новое дело было «не за обычай», приходилось обращаться к заезжему или выписанному из-за границы иноземцу; а затем, по мере умножения таких случаев, естественно, возникает желание, вместо того, чтобы обращаться к иноземцам, далеко не всегда добросовестным и знающим, и зависеть от них, приспособить своих, русских людей к требуемой работе, вооружив их специальными техническими сведениями и предприняв для этой цели соответствующие перемены.

В ответ на отписку Савелова о неумении отвести лес Владимирский судный приказ сообщал, что в Воронеж «для указыванья лесов» отправляются датские корабельные мастера Ян Ерик с товарищами. Однако и датчане немного принесли пользы, потому что оказались не очень сведущими. Они явились в Воронеж 7 мая, указ об отводе лесов был им объявлен,

затем Савелов и дьяк отправились с ними по лесам, «и они леса смотрели», однако после этого осмотра не только не могли дать никаких указаний, а, напротив, подали сказку, в которой писали: «сколько на те кумпанства лесов отвести надобно, того де они не знают и отмерить... невозможно и нельзя, потому что де в тех лесах лес не ровен, в иных местах нарочит, а в иных местах гораздо плох». Несмотря на то что работа по отводу леса для Савелова облегчалась тем, что 7 кумпанств из 52 должны были получить участки в других местах, именно: кумпанство Л. К. Нарышкина и три кумпанства именитого человека Григория Строганова — в Нижегородском и Васильсурском уездах, а другие три кумпанства, князя Б. А. Голицына, князя М. Г. Ромодановского и М. Б. Милославского[1], по реке Хопру и по самому верховью реки Воронежа «за валом», — однако и с уменьшенным до 45 числом кумпанств Савелов, не получив помощи от присланных иноземцев, справиться не мог и ограничился только тем, что в Козловском, Добренском, Белоколодском, Воронежском и Усманском уездах описанные леса отвел «вопче», т. е. общей площадью на все кумпанства, за исключением тех, которым лес был отведен в Нижегородском и Васильсурском уездах и по реке Хопру.

Тогда же, в мае, Савелов и дьяк доносили об исполнении другой порученной им работы, именно, об отводе под самым городом Воронежем мест для устройства корабельных верфей, точно описав каждое из этих отведенных мест. Так, для казенного кораблестроения, для постройки шести казенных кораблей, было отведено место под воронежским посадом, по берегу реки Воронежа, у Богословской пристани, начиная от двора посадского человека Андрея Ляпина по огородам воронежцев посадских людей, расположенным против их дворов по берегу реки, площадью в длину по реке 42 сажени, в ширину вверх от реки Воронежа до дворов посадских людей — 18 сажен. Ниже по реке, рядом с этим местом, для постройки казенных же малых судов 40 «бригантиров» был отведен участок также на берегу, по задворным огородам, размером в 55 $\times$ 9 квадратных сажен. Следовало затем место для двух кумпанств патриарха, обязанных построить две галеры, на земле Успенского монастыря, 20$\times$12=240 квадратных сажен. Еще ниже по берегу, выйдя за пределы города, за слободой Чижовкой отмерены были четыре места площадью 20$\times$10=200 квадратных сажен каждое для четырех кумпанств — Т. Н. Стрешнева, Б. П. Шереметева, князя В. Ф. Долгорукого и князя Г. В. Тюфякина, обязанных построить по одному баркалону. Еще дальше вниз по течению отведены были места для остальных кумпанств.

[1] Впоследствии (в июле) и этим кумпанствам отведены были участки в воронежских лесах на дальнейшее кораблестроение сверх первых кораблей (Елагин, История русского флота, прибавление к приложению III, № 89).

На корабли, которые должны были строить гости, отведены были места повыше города Воронежа, против села Ступина, площадью в 2 000 квадратных сажен. Четыре корабля кумпанства Л. К. Нарышкина и трех кумпанств именитого человека Г. Строганова должны были строиться на Дону, в городке Паншине. Лес, заготовленный для них в Нижегородском уезде, в Княгининской и Барминской дворцовых волостях и в Васильсурском уезде, должен был сплавляться по Волге до Царицына, откуда его перевозили в Паншин. Три корабля строились на реке Хопре и один — в Коротояке[1].

Владимирский судный и Разрядный приказы не вняли, однако, заявлениям Савелова о невозможности разделить лес на участки и настойчиво предписывали ему отвести участки непременно на каждое кумпанство порознь. На тот случай, если бы в участке того или другого кумпанства не оказалось какого-либо сорта дерева, необходимого для кораблей, одному кумпанству разрешалось заимствовать такое дерево в участке другого, и этим разрешением недостаток необходимого материала в одном участке мог восполняться обилием его в другом, так что задача отвода участков облегчалась. При такой настойчивости предписаний из Москвы Савелову с дьяком ничего не оставалось делать, как исполнять их, призвав на помощь за отсутствием познаний в лесной таксации здравый смысл, присматриваясь на месте и приспосабливаясь к делу и практическим путем приобретая необходимые сведения. Разверстка лесных участков была выполнена, и 5 августа 1697 г. Савелов и дьяк прислали в Москву в Разрядный приказ «разводу своего лесам... разводные книги и перечневую выписку», т. е сводную общую ведомость и чертеж лесу по уездам: Козловскому, Добренскому, Сокольскому, Белоколодскому, Воронежскому и Усманскому. В этих разводных книгах указаны размеры каждого участка леса и довольно подробно обозначено его местоположение по урочищам, так что, вероятно, для знающего местность человека нетрудно было бы восстановить топографию этих участков. Например, «на строение баркалона стольника князя Я. Ф. Долгорукого отведено в Белоколодском уезде соснового и дубового лесу от Карамышевского озера вверх по реке Воронежу через речку Емань до Суборского затону, до Романовского рубежа, длиннику 3 версты, а поперег от реки Воронежа вверх по речке Емань к степи 2½ версты»[2]. Приложенная к разводным книгам перечневая выписка дает в заключительных своих строках подсчет всей лесной площади участков, отведенных на казенное строение и на 52 кумпанства, прибегая к наивному арифметическому приему и складывая не площади

---

[1] Елагин, История русского флота, стр. 58—59; приложение III, № 19, прибавление, № 87 и 88.

[2] Там же, приложение III, № 23, 24; прибавление к приложению III, № 90, и карта участков в I томе, содержащем текст. Верста в этих измерениях равна 1 000 сажен.

участков в квадратных мерах, а суммируя все длинники и все поперечники этих участков и получая, таким образом, во всех участках длины на 125½ верст и 200 сажен и ширины на 69 верст 900 сажен. В Москве работой Савелова и дьяка Павлова остались очень довольны, и 19 сентября 1697 г. «великий государь указал за развод тех вышеписанных лесов и за присылку книг и чертежа послать свою, великого государя, грамоту к нему, думному дворянину Ивану Петровичу Савелову, и к дьяку с милостивым словом и с похвалою» [1].

XXII. ЗАГОТОВКА ЛЕСНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ КАЗЕННОГО СТРОЕНИЯ КОРАБЛЕЙ

Казенными средствами адмиралтейства предстояло построить адмиралтейский двор и в первую очередь 6 кораблей и 40 малых судов «бригантин», или, по тогдашнему произношению, «бригантиров». Под «кораблями» разумелись в тогдашней морской терминологии суда длиной от 122 до 136 футов, шириной в 35 футов, с вооружением в 60 пушек[2]. Бригантинами назывались небольшие суда вроде галер, первоначально с одной только мачтой, приводившиеся в движение, как и галеры, длинными тонкими веслами. В XVI в. в Венеции бригантины строились размерами в длину футов 50, в ширину футов 10 и около 3 футов глубиной, с 14 веслами. Название свое они получили от небольших судов, на которых промышляли на Средиземном море морские разбойники, бриганты [3]. Лесной участок на казенное кораблестроение с дубовым и сосновым лесом был отведен по левому берегу реки Воронежа в Воронежском и Усманском уездах, по левым притокам Воронежа речкам Ивнице и Желватке, в урочищах сел Песковатого, Пчельников и Ступина [4]. Заготовительные работы на этом участке, как сообщали думный дворянин Савелов и дьяк Павлов, шли уже оживленным темпом в мае 1697 г. еще до полного завершения лесной разверстки. «По тому нашему... отводу, — читаем мы в их отписке в Москву, — на корабельное и бригантинное строение... плотники и работники леса рубят и пилуют, и заготавливают, и те заготовленные леса из лесов почали возить на Воронеж и складывают на отводных указаных местах» [5]. Для постройки казенных кораблей и адмиралтейского двора надлежало сосредоточить необходимый контингент рабочей силы двух видов: во-первых, надо было собрать работников для эксплоатации лесных материалов: для рубки, пилки и вывоза

---

[1] Елагин, ук. соч., прибавление к приложению III, № 90.
[2] Там же, стр. 77.
[3] Там же, примечание № 31.
[4] Там же, приложение III, стр. 233.
[5] Там же, прибавление к приложению III, № 88.

деревьев на верфь, и, во-вторых, собрать мастеров-специалистов: плотников и других, для самой постройки судов. Те и другие, и простые работники, и плотники-специалисты, собирались путем казенного набора, «посохи», причем поставка простых работников падала преимущественно на население уездов Воронежского края, а к поставке плотников и других ремесленных людей, например прядильщиков для выделки канатов, трепальщиков для обработки пеньки, привлекалось население также и других местностей государства: Калуга, Тула, Рязань, Коломна, Нижний, Галич, Вологда[1]. Грамотой из Разряда, полученной 4 марта 1697 г., воронежскому воеводе Савину Горчакову было предписано набрать с Воронежского уезда 350 работных людей с лошадьми и с топорами, «которым на то строение всякие лесные припасы рубить и возить», да 250 человек плотников, «которым те корабли и суды, и адмиралтейский двор строить». Грамотой от 17 июля было велено сменившему его на воеводстве Дмитрию Полонскому собрать с Воронежского уезда работников и плотников уже тысячу человек. Весь лесной участок, отведенный на казенное кораблестроение, был подразделен на пять частей, порученных особым для того назначенным дворянам: Ивану Зиновьеву, Григорию Грибоедову, Павлу Бохину, Якову Жеребцову и Алексею Грамотину, с тем чтобы у каждого было по 200 человек работных людей. С октября 1697 г. над этими пятью дворянами был поставлен присланный из Москвы стольник князь Николай Иванович Лихудьев, сын одного из знаменитых основателей Московской славяно-греко-латинской академии Иоанникия Лихуда[2]. Воронежский воевода, как и воеводы и приказные люди других городов Воронежского края, — усманский, сокольский, белоколодский, коротоякский, костенский и др. — испытывали большие затруднения при сборе работных людей, приходившихся на их уезды: не удавалось собрать положенного числа, всегда по разным причинам обнаруживался более или менее значительный недобор. Воронежский воевода вместо положенной с его уезда тысячи мог собрать только 677; собрать тысячу оказалось невозможным потому, что все тяглое население Воронежского уезда по переписным книгам 1678 г. исчислено было в 1 244 человека, и из этого числа после составления книг 100 человек были перечислены в другие уезды, да 164 человека из-за помещиков, и из-за вотчинников, и из-за монастырей бежали на Дон и в иные города, так что, если бы в точности исполнить указ, пришлось бы исчерпать все население уезда целиком. Вот почему за недостатком работников из тяглого населения — крестьян, бобылей и задворных людей — приходилось привлекать к работам низшие слои служилого класса, людей городовой службы, ту служилую мелкоту, которой были

[1] Елагин, ук. соч., приложение IV, № 1, б, в, г, д, х, э.
[2] Там же, а, е, з и с.

набиты эти южные уезды и которая условиями быта, по крайней мере в мирное время, мало чем отличалась от крестьян и бобылей. В октябре 1697 г. предписывалось, если работных людей, положенных с Усманского уезда, против указного числа недостанет, высылать к кораблестроению самих помещиков и вотчинников «с лошадьми и с топорами, и с запасы тотчас же, чтоб указное число 103 человека были все сполна». Если кто из них ухоронится, держать в тюрьме жен и детей их, пока они сами не объявятся в Воронеж [1]. Тогда же, в октябре 1697 г., к строению адмиралтейского двора высылались из Воронежского уезда боярские дети городовой службы. Подьячему, командированному из Воронежа для такой высылки в Чертовицкий стан этого уезда, приказано было выслать в Воронеж «того стану детей боярских городовой службы всех до одного человека с подводы и с запасы, с топоры и с лопаты... а было б у них у всякого человека по лошади, а не вдвое лошадь», т. е. не по одной лошади на двоих [2]. В середине ноября велено было выслать к кораблестроению и к строению адмиралтейского двора служилых людей городовой службы: из Воронежа 100, из Усмани 300, из Сокольска 100, из Землянска 400, из Белоколодска 112, всего 1 012 человек. Но так как и этого служилого элемента вследствие значительного недобора их нехватало, то в следующем, 1698, году стали выходить распоряжения о высылке не только самих служилых людей, но и их несовершеннолетних детей, *недорослей*, которые должны были ехать с отцами и помогать им при лесных работах [3]. Но распоряжение о высылке недорослей не достигало цели: воеводы, исполняя указ формально, стали, как жаловался на них адмиралтеец А. П. Протасьев, высылать недорослей, «ребятишек самых малых, истинно многие лет по семи и по осми», притом высылали их без топоров и без лошадей: «про топоры и про лошадей сказывают, что взяли с собою из домов их отцы и братья» [4].

Главной причиной постоянного недостатка работных людей было их бегство. Легко представить себе, какое недовольство среди этого южного воронежского или усманского земледельческого люда, крестьянского и служилого, по существу того же крестьянского, должны были возбуждать эти беспрестанные наборы, эти вызовы к тяжелым лесным работам и к постройкам неведомо зачем нужных кораблей, которых раньше никогда в тех местах не строили. Цели кораблестроения едва ли могли хорошо сознаваться, предприятие даже при сознании

---

[1] *Елагин*, ук. соч., приложение IV, № 1, ж, л.

[2] Там же, i.

[3] Усманский воевода так постарался, что, кроме служилых людей помещиков и вотчинников, выслал на работы со своего уезда трех попов, за что и получил выговор (*Елагин*, ук. соч., приложение IV, № 1, л. (примечание).

[4] *Елагин*, ук. соч., приложение IV, № 14.

цели могло казаться спорным и представляться капризной, идущей сверху затеей, разорительной и тяжелой, отрывающей от настоящего дела — сельского хозяйства. К тому же следует припомнить, при каких тяжелых условиях должна была протекать работа в продолжение целых месяцев в лесу, под открытым небом, без крова. Понятно по всему этому стремление бежать, и бегство принимало в иных случаях повальный характер. Беглецов «сыскивали» рассылавшиеся по уездам подьячие и за побег должны были наказывать их батогами. Ответственность за розыск беглых возлагалась на воевод и на персонал их приказных изб. Так, в ноябре 1697 г. подьячий Зюзин, производивший сыск беглых работников в Землянском уезде, доносил, что в «непоставке» беглецов или заместителей за них он велел ежедневно с утра и до вечера бить на правеже землянской приказной избы лучших людей подьячих, рассчитывая при помощи такой меры собрать вскоре положенное на Землянский уезд указное число [1]. Подобные меры, однако, мало помогали делу и не оказывали заметного влияния на уменьшение числа беглых. В декабре 1697 г. адмиралтеец А. П. Протасьев, осеннее полугодие этого года проводивший в Воронеже, надзирая за ходом работ, к одной из своих отписок в Москву приложил ведомость о высланных, неявившихся и бежавших работных людях. Оказывается по этой ведомости, что из Землянска прислано было 9 октября 400 человек, однако на поверочный смотр в Воронеже из них не явилось, оказалось «в нетях», 8 человек и затем по 15 ноября сбежало 65 человек. Из Воронежа поступило 19 октября 100 человек, из которых по 10 декабря сбежало 42 человека. Из Усмани 23 октября прислано было 300 человек, на смотр из них не явилось 29 человек, по 15 ноября сбежало 261 человек; «итого беглецов и нетчиков» из 300 оказалось 290 человек. 3 октября послано было из Белоколодска 112 человек, на проверочный смотр в Воронеже из них не явилось 5 человек, по 8 ноября с работы сбежало 107 человек, т. е. все. Наконец, из Сокольска 26 октября прислано было 100 человек; «и ноября по 15 число, — как читаем в ведомости, — все бежали» [2]. Те же жалобы на бегство и в течение следующего, 1698, года, и едва ли оказало сильное действие распоряжение Петра в декабре этого года, грозившее каждому беглецу «повешением» без всякого милосердия [3].

Однако дело все же и с недостаточным количеством работных людей двигалось, и в тех пяти участках — или, как они стали также называться, видимо, вошедшим тогда в моду термином, «кумпанствах», на которые была подразделена отведенная для казенного кораблестроения лесная площадь, под об-

---

[1] Е л а г и н, ук. соч., приложение IV, № 1, л. (примечание).
[2] Там же, ф.
[3] Там же, б [1].

щим надзором стольника князя Николая Лихудьева и под присмотром приставленных к каждому участку дворян, — не смолкали звуки топора и пилы, валивших вековые воронежские дубы и сосны, из которых выделывались тут же разные корабельные принадлежности и части. Вот перед нами отчет одного из этих дворян, Алексея Грамотина, представленный в Воронеж в «шатер», где помещалась канцелярия адмиралтейца Протасьева. Из отчета видно, что в его «кумпанстве», или участке, работы производились по указанию голландского мастера Питера Баса. 6 октября начали вывозить на Ступинскую пристань брусья для килей, и для этой возки пришлось предварительно расчищать дорогу из леса к прибрежному селу Ступину, что́ и заняло время с 6 по 11 октября, так что в эти дни работные люди «в бору» работ уже не производили. 31 октября вывезенный на пристань корабельный материал погружен был в 14 будар и отпущен в Воронеж к адмиралтейцу; было отправлено: «25 кривуль на обе стороны, 13 кривуль коренных, 1 кривуля вместо корени, 1 балока большая, 34 кривули долгих, 26 пластин, 2 кривули короткие, 22 стула, на чем корабли закладывают, нос корабельный, 6 корм, 11 кривуль, что называют штуками».

В середине декабря подьячий этого же кумпанства, докладывая адмиралтейцу в шатре о ходе работ, сообщал, что «корабельные леса дубовые и сосновые заготовлены все»; но остались незаготовленными лесные материалы липовые, кленовые и березовые, потому что такого леса у них в бору не оказалось. Работа шла, как говорил докладчик, медленно за недостатком работных людей до положенного комплекта. После сделанных на участок прибавок рабочих, считая и тех, которые заняты были изготовлением угля и смолы, их все же нехватало до положенных двухсот, было налицо только 194. В кумпанствах других дворян, Я. Жеребцова и И. Зиновьева, несоответствие с комплектом было еще больше: у Жеребцова было всего 100 человек, у Зиновьева 184; но работы все же двигались [1]. При таких же условиях они шли и в следующем, 1698, году. На отведенных под Воронежем верфях строились казенные корабли и бригантины. Указное положенное число работников на верфях и в лесу превышало уже 3 000 человек, и так же был большой недостаток людей до указного числа. К 15 августа все корабельные материалы для казенных кораблей были вывезены из леса в Воронеж. Был построен также адмиралтейский двор [2].

---

[1] Елагин, ук. соч., приложение IV, № 1, и, п.
[2] Там же, я.

XXIII. КОРАБЛЕСТРОЕНИЕ В СЛУЖИЛЫХ КУМПАНСТВАХ

Взглянем теперь на ход кораблестроения кумпанствами. Кумпанства не были только формальными рубриками, внешней и, так сказать, мертвой сеткой для разверстки корабельной повинности. Это были живые и довольно активные организации, имевшие, по крайней мере в начале своего существования, свои собрания, на которых обсуждались и решались вопросы, связанные с постройкой кораблей. Заготовка леса и постройка кораблей кумпанствами стали производиться двумя способами: или подрядным, или хозяйственным. Одни кумпанства, и притом, по выражению адмиралтейца, «многие» [1], предпочли избрать подрядный способ, другие решили производить постройку сами, хозяйственным способом. Нашлись предприниматели, предложившие кумпанствам свои услуги по постройке кораблей за определенную условленную плату. Подрядный способ избавлял членов кумпанства от всяких дальнейших хлопот, а подрядчикам, очевидно, был не безвыгоден. Такими подрядчиками выступили почти исключительно иноземцы. Например, хорошо известный учитель Петра по математике и руководитель его первых воинских забав Франц Тиммерман, еще с 1696 г. вызывавший корабельных мастеров из-за границы, теперь приглашенный составлять предварительные расчеты необходимых припасов для кораблей [2]. У Франца Тиммермана были на подряде корабли кумпанств князя Я. Н. Одоевского, князя М. Я. Черкасского, князя П. И. Прозоровского, Ф. П. Салтыкова, князя И. Б. Троекурова, казанского митрополита, вологодского архиепископа, Вознесенского монастыря [3]. Далее подрядчиками были датчанин Елизарий Избрандт, недавно перед тем ездивший с караваном в Китай, английский коммерсант Болдуин Эндрюс [4], русский посадский человек гостиной сотни Зиновий Суровцев, который, впрочем, тотчас же и передал подряд иноземцу капитану Густаву Мееру. На выполнение подряда составлялась договорная запись, в которой излагались условия постройки: указывался вид судна, устанавливалось число мастеров, определялось, кто должен был поставить и содержать рабочих. Так, Франц Тиммерман по договору с кумпанством князя Я. Н. Одоевского 16 апреля 1697 г. обязался построить для него, снарядить и вооружить пушками «баркалон» за 5 100 рублей по образцам и росписям, указанным Владимирским судным приказом. Рабочих с инструментами должно было нанять, привезти в Воронеж и содер-

---

[1] Елагин, ук. соч., приложение III, № 41, стр. 280.

[2] Устрялов, История, т. II, стр. 393; Елагин, ук. соч., приложение III, № 13, стр. 206.

[3] Елагин, ук. соч., приложение III, № 41: «У Франца Тиммермана с товарищи оные на подряде и Августа [Меера] над ними надзирать приставил он, Франц».

[4] Устрялов, История, т. II, стр. 309: Адам Броун, Давыд Рыц, Бутенант Розенбуш, вероятно, вступили в подряды позже.

жать там само кумпанство, именно 50 работников для рубки и вывозки леса, 50 плотников, 3 кузнецов, 9 молотовщиков. Кумпанство же должно было доставить и кормить 30 лошадей для возки леса. Но мастера с подмастерьем, иноземцев и сведущих плотников «для указывания» русским работникам как при рубке леса, так и при постройке корабля обязывался нанять и содержать Тиммерман. К баркалону он же, Тиммерман должен был построить «ушкол» — бот на 24 человека да лодку. Баркалонами (barca longa) называли тогда суда, по объяснению историка азовского флота Елагина, близкие к английским кораблям IV ранга 2-го класса, вооруженные 44 пушками. По росписи, выданной кумпанствам из Владимирского судного приказа, баркалонам назначена была длина 115 футов, ширина 27 футов и осадка в 7 футов, но практика стала изменять эти первоначально предписанные размеры[1]. Другие подрядчики брали за постройку более высокую цену, но зато обязывались производить ее своими мастерами, избавляя таким образом кумпанство от хлопот по найму и содержанию рабочих. Болдуин Эндрюс подрядился строить для кумпанств тверского архиепископа и псковского митрополита по галере для каждого с полным снаряжением и вооружением, «со всякими воинскими и заморскими припасы и с ружьем в полности», с обязательством спустить их на воду в апреле 1698 г., и брал за подряд за галеру для тверского архиепископа 9 700, а за галеру псковского митрополита 10 000 рублей с уплатой в рассрочку по мере постройки. Елизарий Избрандт брал за баркалон для кумпанства казанского митрополита 9 880 рублей, а Зиновий Суровцев за баркалон для кумпанства вологодского архиепископа 8 100 рублей. Не особенно большая разница между этими ценами объясняется, по всей вероятности, размерами работ, сделанных уже самими кумпанствами до сдачи постройки на подряд[2].

От нескольких кумпанств, которые вели постройку хозяйственным способом, сохранились разного рода документы по этой постройке: записи приговоров, договоры с нанимаемыми на работы лицами, журнальные записки, в которых делались отметки о ходе постройки и о разных случаях, по ее поводу возникавших, приходо-расходные книги, в которые заносились как сборы в кумпанскую казну с членов кумпанства, так и производимые из этой казны расходы, переписка уполномоченных кумпанства, находившихся на месте постройки в Воронеже, с администрацией кумпанства в Москве и др. По этим разнообразным документам можно составить себе представление о ходе дел в кумпанстве за 1697 и 1698 гг. Так, сохранился, например, ряд бумаг кумпанства князя М. А. Черкасского.

---

[1] Елагин, ук. соч., стр. 70—71.

[2] Там же, приложение III, № 26—30; Госуд. арх., Новые дела, № 101; напечатано у Устрялова, История, т. II, приложение XV, документы кумпанства казанского митрополита, № 4—8.

Кумпанство это составилось из небольшого числа, но крупных, землевладельцев. За самим бояриным князем М. А. Черкасским, которого мы недавно видели в числе следователей в стрелецком розыске, числилось 1 814 дворов. Следующее по числу крестьянских дворов место принадлежит Л. К. Нарышкину, вошедшему в это кумпанство, впрочем, только своими 1 325 «остаточными» дворами, т. е. оставшимися в излишке сверх тех десяти тысяч дворов нарышкинского рода, из которых составилось особое нарышкинское кумпанство, называвшееся кумпанством Льва Кирилловича[1]. Кроме Льва Кирилловича, в кумпанство князя М. А. Черкасского вошло еще несколько Нарышкиных, именно, боярин Григорий Филимонович, стольники Алексей и Иван Нарышкины. Далее, встречаем здесь двух князей Трубецких — боярина князя Ивана и ближнего стольника князя Юрия Юрьевичей—1 200 дворов, боярина А. П. Салтыкова — 1 000 дворов, боярина И. Т. Кондырева с женой, двух вдов княгинь А. Д. Барятинскую — 1 124 двора — и Н. Л. Воротынскую — 925 дворов. В это же кумпанство вошли окольничий А. А. Матвеев, двое видных думных дьяков — Е. И. Украинцев и Автоном Иванов, окольничий Ф. Г. Зыков с сыном, стряпчий с ключом П. Б. Сумароков, четверо Вердеревских и стольник князь Я. Е. Мышецкий. Сговорившись и объединившись в кумпанство, подав в Поместный приказ «складную роспись», эта группа организовалась. Князь Михаил Алегукович занял в ней первое место, не только формально, будучи по числу дворов помещен первым в списке, но и фактически, став в главе группы и сделавшись как бы председателем кумпанства. Рядом с его именем в разного рода актах, составлявшихся от имени кумпанства, писались имена бояр князя И. Ю. Трубецкого и А. П. Салтыкова, например, «205 года апреля в 28-й день бояре кн. М. А. Черкасской, кн. Ив. Юр. Трубецкой, Алексей Петрович Салтыков и вся их компания договорились» и т. д. Эти трое бояр составляли как бы правление кумпанства. Московский двор князя М. А. Черкасского сделался его административным центром; здесь находилась канцелярия кумпанства, сюда Владимирский судный приказ присылал свои указы, росписи и всякие бумаги, касавшиеся кумпанства[2]. Но трое бояр были, конечно, номинальными главами кумпанства; практически ведали его дела и вели канцелярию «люди» этих бояр: Тимошка Буслаев, Максимко Михайлов и Лучка Дубровин, трое холопов, вероятно, того типа крепостных стряпчих, домашних приказных дельцов, каких немало было в барских дворах XVII в.

В марте 1697 г. кумпанство получило из Владимирского суд-

---

[1] Елагин, ук. соч., приложение III, стр. 183.

[2] Там же, № 34: «в 205 г. прислана на двор в общее кумпанство к боярину князю Михаилу Алегуковичу из Володимерского Судного приказа роспись корабельному строению» и т. д.

ного приказа «роспись» с указанием размеров баркалона, который оно должно было построить, перечислением лесного материала из дубового, соснового, липового, кленового и березового леса, который на него должен пойти, тех предметов, которые оно должно было заготовить для его оборудования и вооружения, и с расчетом числа разного рода мастеров, необходимых для постройки. Баркалон должен был быть, как мы уже видели выше, длиной в 115, шириной в 21 фут и иметь «в воде ходу глубину 7 футов». На него потребуется «русских дерев дубового лесу 5 четверогранных брусов длиною по 44 фута, шириною и толщиною по 1 футу по 2 пальца, 4 бруса длиною по 16 футов» и т. д., следует длинный перечень различных размеров брусьев, досок, брусьев с кривулями и всяких других предметов из дубового, соснового, липового, березового и кленового леса. Баркалон следует вооружить 26 разного калибра пушками. Следует также заготовить 200 комплектов ружей «с богинеты» для двухсот человек экипажа — 100 матросов и 100 солдат, 60 пар пистолетов, 1 000 кож ирховых, «чтоб длиной меньше трех четей не было», 1 700 аршин полотна парусного самого доброго, 1 900 аршин полотна парусного второго сорта, 120 аршин гаруса на знамена, 10 стоп бумаги на картузы (для пороха), 8 компасов, 10 часов песочных, железных гвоздей, разного рода железных инструментов, среди которых указываются вороты, цепи, молоты, напарьи, кранпилы, которые «стоячи трут», т. е. распиливают бревна, действуя вертикально, тренпилы, которые «сидячи трут», т. е. распиливают, действуя горизонтально, ломы, рындольцы (?), ягебельцы (?). Далее требовались таганы, якоря, котлы, железо в массе в количестве 300 пудов, 2 бочки коровьей шерсти, смола густая, смола жидкая, соль, пенька вареная, веревки, блоки, точила каменные. Все эти вещи перечисляются с точным указанием в цифрах, сколько экземпляров каждого предмета надобно, например, «железных гвоздей: 200 гвоздей по 10 пальцев длина. . ., 8 000 по 6 пальцев, 13 000 по 5 пальцев» и т. д. 5 якорей, в том числе 1-й в 40 пудов, 2-й в 30 пудов, и т. д., 5-й в 2 пуда. Однако всех потребных для баркалона вещей предусмотреть точно в необходимом количестве не было возможности, и первоначальная роспись с течением времени все увеличивалась дополнительными распоряжениями. Рабочей силы для постройки баркалона требовалось по росписи: 1 мастер иноземец, 1 подмастерье, 2 плотника иноземца, 2 мастера кузнеца иноземца, 4 русских кузнеца «со всеми кузнечными снарядами», 60 плотников самых добрых, со всякими плотничными снастями, 1 резчик, 1 столяр, 1 лекарь с аптекою, 1 живописец, или маляр, со всякими красками, 5 толмачей для объяснений с мастерами иноземцами и «работных людей опричь плотников», т. е. простых чернорабочих для возки леса и пр., сколько понадобится. Получив эту роспись, кумпанство должно было начать трудную и сложную работу

по разверстке всех указанных там припасов и рабочей силы между членами кумпанства по количеству дворов, значившихся за каждым, а также должно было нанять требуемый рабочий персонал. 15 апреля из Владимирского судного приказа был прислан в кумпанство «корабельный мастер» голландец плотник Питер Бас, который должен был руководить постройкой баркалона; но затем он был взят обратно в приказ и назначен к казенному кораблестроению, а на его место 27 апреля оттуда же был прислан другой иноземец, Алферий Нанинг. Между тем предварительные работы по раскладке всех припасов и работных людей между членами кумпанства закончились, и 28 апреля состоялся приговор кумпанства, вероятно, принятый на его общем собрании, утвердивший эту раскладку и наем персонала.«205 года апреля в 28 день, — читаем в этом приговоре, — бояре князь Михаил Алегукович Черкасский, князь Иван Юрьевич Трубецкой, Алексей Петрович Салтыков и вся их компания приговорили и поставили на мере». Первые два пункта приговора касаются иноземных мастеров — руководителей работ. Кумпанство приговорило у баркалонного дела быть мастером голландцу плотнику Алферию Нанингу; ему давать содержание по 13 рублей в месяц да для него же купить лошадь. При нем быть кузнецу иноземцу Юрию Мак-Прейну, рекомендованному Францем Тиммерманом, с выдачей ему содержания по 7½ рублей в месяц; тому и другому выдать деньги вперед (авансом) на три месяца из кумпанской казны — очевидно, что произведены уже были сборы в эту казну с членов кумпанства. Для надзора за работными людьми, как наемными, так и поставленными с боярских дворов по раскладке, кумпанство подыскало некоего свободного и, вероятно, бедного дворянина И. Д. Неклюдова, «знакомца» князя И. Ю. Трубецкого, которого наняло за 3 алт. 2 ден. суточных. При нем для письмоводства посылался подьячий с платой по 2 алт. 2 ден. на день, а также переводчик голландского языка Захар Белокуров с платой по 10 денег на день. Кумпанство приговорило, далее, отправить этого дворянина с подьячим, иностранного мастера с кузнецом, плотников и работных людей в Воронеж без замедления и с ними послать копию росписи, копии с подрядных плотничных записей и «всякую о том деле на письме ведомость», словом, канцелярию, а также казну в 500 рублей компанейских денег. Наконец, кумпанство установило разверстку рабочих, которых должны были поставить его члены из своих крепостных. Разверстка эта произведена была с расчетом по одному человеку с каждой тысячи дворов, для чего отдельные члены кумпанства должны были подходящим образом сгруппироваться между собой по количеству их дворов. Так, князь М. А. Черкасский (1 814 дворов) составил группу с вдовой княгиней А. Д. Барятинской (124 двора) и стряпчим П. Б. Сумароковым (164 двора). Сумма дворов этих трех лиц составила несколько более 2 000, и они трое

должны были поставить двух рабочих, именно, 1 маляра и 1 кузнеца; с остальной тысячи своих дворов княгиня Барятинская ставила 1 кузнеца. Группа, составившаяся из двух князей Трубецких (1 200 дворов) и княгини Н. Л. Воротынской (925 дворов), с 2 000 дворов должна была поставить 1 столяра-резчика и 1 кузнеца. Боярин А. П. Салтыков с тысячи дворов ставил 1 кузнеца. Окольничий А. А. Матвеев (800 дворов) складывался с окольничим Ф. Т. Зыковым (274 двора) и с тысячи ставил 1 токаря. Остававшиеся после составления этих групп излишки дворов («достальные дворы») в свою очередь были сложены и вместе с несколькими членами, вошедшими в кумпанство с небольшими числами дворов, составили группу в 1 009 дворов, поставлявшую 1 кузнеца. Ясно, что раскладка внутри каждой такой группы устраивалась так, что один землевладелец, член ее, ставил работника в натуре, а другие вознаграждали первого за этот расход деньгами. Всего кумпанство выставляло 10 человек: 6 кузнецов, 1 столяра, 1 токаря, 1 резного дела мастера и 1 маляра.

Но сверх этих 10 работников, поставленных по раскладке, кумпанством наняты были еще две артели рабочих: плотников, резчиков, столяров, токарей и пильного дела мастеров, первая — из 29 человек, жителей Северного края, олончан, вторая — из 19 человек, преимущественно также северян, но, кроме того, в ней встречаем ярославца и козловца. Сохранились договорные записи этих артелей с кумпанством, из которых видны условия найма. Артель, ручаясь друг за друга — «все за один человек» — круговой порукой, обязывалась итти на Воронеж со всякой плотничной снастью и, придя туда в срок, готовить к строению баркалона всякий лес и делать кривули и всякие припасы, причем относиться к лесу бережно, «рубя с корени лес, валить бережно и надобного лесу ничем не портить и в перетирке и в растирке пильной досок и всякого лесу держать всякая настоящая бережь». Изготовив необходимые лесные припасы, та и другая артель обязывались делать баркалон и полагающиеся при нем мелкие суда по росписи, данной из Владимирского судного приказа, и по образцам, какие будут даны, а также по указаниям иностранца мастера и подмастерья «самым добрым, крепким и чистым мастерством безо всякой охулки, безотказно и без огурства (озорства)»; мастера и подмастерья во всем слушать; к другим делам, не сделав баркалона, не отходить и не сбежать; построив баркалон и мелкие суда «и высмоля, как водится в морском водяном ходу», спустить его на воду. За эту работу артели брали по 22 рубля в год за человека, с выплатой 4 рублей авансом. Артели нанимались работать на своих харчах и своими инструментами, кроме некоторых, должно быть особенно сложных: «живучи на Воронеже, пить и есть все свое и делать плотничную и всякую лесную, столярную и токарную и пильную работу своими снастьми, кроме снастей столярных и токарных

и напарей». За нарушение условий запись предусматривает неустойку [1].

В тот же день, когда кумпанство постановляло свой приговор, 28 апреля, был заключен договор и с иноземным мастером Алферием Нанингом. Он обязывался также делать баркалон самым добрым мастерством по росписи и по образцу, не окончив работы к иным делам не отойти и с Воронежа не съехать, за работу брать по 13 рублей в месяц, к рабочему составу относиться справедливо, не притеснять рабочих, но и не потакать им: «плотников и работников и всяких мастеровых людей не изгонять и посяжки никакие им не чинить и без дела никого не бить и не увечить». Нельзя не заметить, что при каждом удобном случае, где только можно, во всех касающихся кораблестроения актах повторяется внушенное, конечно, сверху правило о бережном отношении к лесу, и Нанинг обязывается в тех же выражениях, как и плотники, беречь лес [2].

Уже через несколько дней после этого общего собрания и приговора кумпанства, именно 3 мая, уполномоченный кумпанства дворянин И. Д. Неклюдов, мастер Алферий Нанинг, его помощник Юрий Мак-Прейн и переводчик Захар Белокуров выехали в Воронеж. С ними отправлены были две нанятые артели плотников в числе 50 человек, а также кумпанские кузнецы «с кузнечной снастью и с железом» и, сверх того, поставленные кумпанством крестьяне—100 человек. Кумпанство отправило также 60 подвод со всякими принадлежностями для баркалона. Вся эта партия с обозом достигла Воронежа 20 мая, и с того же времени начали рубить лес в отведенном участке и возить его на указанное в Воронеже место, а затем и строить баркалон. Работы настолько подвигались, что 30 августа состоялась закладка баркалона, 4 сентября 1697 г. «стали подымать нос и корму к килю», но тут начались злоключения в постройке. Явился для осмотра судна иноземный мастер, под высшим наблюдением которого производилась работа, датский капитан Симон Петерсен. Петерсен был родом из Копенгагена и приехал в Россию в 1696 г. по вызову датского резидента Бутенанта фон Розенбуша. Как гласило данное им показание, он с малых лет ходил по морю на воинских и торговых кораблях, 7 лет состоял на королевской службе и достиг чина корабельного капитана; в сражениях не бывал, потому что у датского короля ни с кем войны нет, но умеет строить по чертежам корабли, галеры и другие военные суда и плотникам указывать [3]. В Воронеже он сам строил корабли в четырех кумпанствах: Т. Н. Стрешнева, В. П. Шереметева,

---

[1] Елагин, ук. соч., приложение III, № 32, 33, а, б (первая запись — 3-го, вторая — 9 апреля).
[2] Там же, № 33, в.
[3] Устрялов, История, т. II, стр. 390—391.

князя В. Д. Долгорукого и князя Г. Тюфякина, и, кроме того, руководил постройками, давая чертежи и указания, в кумпанствах князя П. И. Хованского, И. В. Бутурлина, князя К. О. Щербатого и в том кумпанстве, о котором у нас идет речь, князя М. А. Черкасского. Итак, осмотрев постройку баркалона в этом последнем кумпанстве 4 сентября, он забраковал сделанный Нанингом киль, найдя его слишком широким и толстым, «и те кили за тою толщиною и шириною он, капитан Симон Петров скинул долой от дела». Мастер Алферий Нанинг отложил этот забракованный киль в сторону «для свидетельства об остановке в баркалонном строении», т. е. как доказательство того, что замедление и остановка в постройке произошли не по вине кумпанства. 13 сентября дворянин И. Д. Неклюдов с Нанингом вывезли из леса другие брусья для киля, и 14 сентября «те брусья, именуемые кили, положили на подкладины и гвоздми сбили», т. е., надо полагать, скрепили брусья в один киль, «а по приказу датского капитана и по образцам нос и корму корабельный мастер Алферий построил в толщину и в вышину, и в ширину», т. е. соблюдая указанные Петерсеном размеры. 18 сентября «подняли и кривули к килю, в носу и в корме прибили и совсем нос и корму сделали и укрепили, и доски дубовые распаря к носу и к корме... к килям железными гвоздми прибили». Но и на этот раз постройка не удовлетворила датчанина, и при осмотре ее 25 сентября он, видимо, человек весьма вспыльчивый, «тот другой новопостроенный нос и корму у баркалона, прибойные доски у кормы отломал до половины баркалона», а через день, 27 сентября, отломал также доски и от носа и опять кили велел переменить. Тогда не было общепризнанной и твердо установленной теории кораблестроения, не было строго установленных общеобязательных правил, вырабатывались только известные практические приемы. Припомним, какое разочарование испытал и сам Петр в Голландии, заметив у голландцев отсутствие общей теории твердых принципов кораблестроения, но только практические навыки. Притом у каждой, занимавшейся мореходством нации выработались свои навыки и приемы, и неудивительно, что голландец Нанинг, обязанный строить корабль по чертежу и указаниям датчанина Петерсена, не мог взять в толк этих указаний, а Петерсен, считавший себя авторитетом, был недоволен его исполнением, и в этом причина их конфликта. С вероятностью можно полагать также, что оба были далеко не первоклассными мастерами в своем искусстве. Как бы то ни было, дворянин И. Д. Неклюдов и Алферий Нанинг «после той ломки», 29 сентября, стали баркалон «вновь делать в третье», облегчив душу только тем, что довели до сведения адмиралтейца А. П. Протасьева, кто был причиной остановки, «за кем тот их кумпанский баркалон был остановлен и ломан и кили были скинуты, за чьею неисправою и за какою остановкою». В осенние месяцы 1697 г. работа продол-

жалась, но конфликты с Петерсеном еще не кончились. В самом начале следующего, 1698, года, 1 января, И. Д. Неклюдов с Нанингом ездили к нему на Рамонскую пристань (село Рамонь несколько ниже села Ступина по течению Воронежа, где он вел постройку кораблей кумпанств Стрешнева и др.), с тем чтобы попросить у него образцов «баркалонного верхнего житья», т. е. чертежей верхних частей баркалона, в которых устраивались каюты. «И он, капитан Симон Петров, ему, дворянину Ивану Неклюдову, и мастеру Алферью того баркалонного строения от образцов своих отказал, а велел ему, дворянину и мастеру Алферью, баркалон их кумпанской верхнее житье достраивать своим голландским образцом». Вероятно, этот отказ в образце и приказание баркалон, начатый по-датски, достраивать голландским образцом ставили Нанинга в немалое затруднение; тем не менее пришлось повиноваться: баркалон достраивался «по тому его, датского капитана, приказу», и только Неклюдов опять написал на Петерсена жалобу во Владимирский судный приказ. В свою очередь, впрочем, и Петерсен жаловался на Нанинга в том, что он не хочет строить баркалона по его чертежам[1]. Работа, однако, как доносил Неклюдов, шла «со всяким поспешением и радением»; к 3 мая 1698 г. баркалон был уже проконопачен, высмолен, сверх смолы «калифонием покрыт» и в этот день спущен на воду. В течение мая присланный в кумпанство князя М. А. Черкасского иноземец матрос занимался установкой мачт и оснасткой. Кумпанство заготовляло также указанные в первоначальной и в дополнительных росписях корабельные припасы, начиная от пушек, отлитых на заводах Л. К. Нарышкина, мушкетов и т. д. и кончая слюдяными фонарями, медными котлами, «в чем кашу варить на баркалоне солдатам», деревянными мисами и кленовыми ложками. В самом начале августа шли последние резные и живописные работы по украшению судна. В то время высоко выдающийся над водой нос и в особенности объемистая с распертыми боками широкобедрая корма, на которой устраивались в несколько этажей освещаемые слюдяными окнами каюты, затейливо и даже пышно украшались резьбой, красками и позолотой. 3 августа 1698 г. «на верху на том баркалоне всякие надлежащие резьбы по подобным местам вырезаны и баласы поставлены и внутри баркалона рещики притолоки дорезывали, и в носу и в корме чуланы и шкапы и решетки сделаны, и в том баркалоне внутри и наверху и окна разными красками выкрашены и в подобных местах живописным письмом расписано и по резьбам вызолочено». 30 июля в Москве был разослан по кумпанствам указ о посылке каждым кумпанством двух из своих членов в Воронеж для совершения последнего акта — передачи новопостроенных кораблей государству. По этому указу в кумпанстве князя М. А. Черкасского в тот же

[1] Елагин, ук. соч., приложение III, № 42.

день были избраны и посланы в Воронеж двое компанейщиков: стольники П. Г. Вердеревский и Д. Ф. Зыков [1].

Надо полагать, что приблизительно так же или, может быть, с теми или другими несущественными вариантами шли дела и в других коллективных, т. е. составлявшихся из нескольких членов, кумпанствах. Кумпанства организовывались, устраивали свой несложный распорядительный аппарат, распределяли между членами падавшие на кумпанство тягости, раскладывали деньги, материалы и поставку рабочих, назначали уполномоченных для действий в Воронеже, обзаводились иноземными мастерами, нанимали рабочих сверх поставленных по раскладке, переправляли в Воронеж рабочую силу и корабельный инвентарь, заготовляли лесные материалы в отведенных каждому участках, вывозили их на верфи, закладывали и строили указанные корабли. Вот, кроме приведенного выше, еще примеры деятельности кумпанств, от которых сохранились документы. Кумпанство боярина Т. Н. Стрешнева, в состав которого вошли шестеро Стрешневых во главе с начальником разряда Тихоном Никитичем и отцом его Никитой Константиновичем (в общей сложности 3 002 двора), четверо Головиных во главе с великим послом Федором Алексеевичем (1 477 дворов), четверо Долгоруких, именно, боярин князь Владимир Дмитриевич с тремя сыновьями стольниками Юрием, Василием и Михаилом (1 218 дворов), будущими видными полководцами; далее бояре Петр Васильевич Шереметев (883 двора) и А. С. Шеин (1 584 двора), стольник князь Ф. Ю. Ромодановский с сыном Иваном (1 212 дворов), думный дьяк Н. М. Зотов (418 дворов) и, наконец, сам адмиралтеец - окольничий А. П. Протасьев (241 двор). Это кумпанство действовало в близкой связи с другим кумпанством, Б. П. Шереметева, в которое вошли четверо Шереметевых, из них двое бояр—сам Борис Петрович и брат его Федор Петрович (2 418 дворов), боярин князь М. И. Лыков (480 дворов), двое окольничих Лихачевых (582 двора), думный дворянин С. И. Языков (382 двора), трое стольников Матюшкиных (984 двора) и др. В актах оба эти кумпанства упоминаются постоянно вместе; они получают рядом лесные участки в Воронежском и Усманском уездах и по соседству места для верфей. Повидимому, между лицами, их составлявшими, происходили постоянные сношения, существовало тесное единение. Вероятно, у них была общая администрация, и потому дела в том и другом шли параллельно и как-то совершенно одинаково, по одному и тому же образцу. В отличие от рассмотренного выше кумпанства князя М. А. Черкасского в Стрешневском и Шереметевском кумпанствах рабочая сила — плотники и работники — поставлялась разверсткой между членами, без найма посторонних артелей. Затем отличием этих кумпанств было то, что в них разверстывались между отдельными членами не только

[1] Елагин, ук. соч., приложение III, № 32—35.

денежные средства и рабочая сила, но также и тот корабельный инвентарь, те корабельные припасы, которые каждое кумпанство должно было поставить. Так, Т. Н. Стрешнев с отцом должны были поставить 8 плотников, 8 простых работников, а из предметов на них пришлась поставка пушек. Это был наиболее дорогой предмет их поставки, а затем на них же была наложена поставка некоторых более мелких предметов, именно, они должны были поставить: гарус на знамена трех цветов, составивших русский национальный флаг, — белого, синего и красного, — компасы и песочные часы. А. С. Шеину с его 1 584 дворами пришлось поставить 16 плотников и 16 работников, а из припасов — требовавшееся при постройке заморское дерево двух сортов — «пакгоут» и «элгоут», ручные гранаты и констапельские припасы. На П. В. Шереметева возложена была поставка 8 плотников, 9 работников, из предметов — оловянной посуды: блюд, тарелок, кружек, котлов и пр., и 16 точил. Князь В. Д. Долгорукий должен был поставить 6 плотников, 6 работников и 400 пудов пеньки пареной.

Лесные участки для обоих кумпанств были отведены 21 мая, и в тот же день явились на свои места в бор тех кумпанств люди — плотники и работники. С 24 мая «лес на корабельное строение учали готовить». 20 июля «из бору лес почали возить на корабельное строение на Рамонскую пристань». Всего было заготовлено с 24 мая 1697 г. по 1 января 1698 г. в кумпанстве Стрешневых дубового и соснового леса 1 688 дерев, в кумпанстве В. П. Шереметева — 1 387 дерев. Уже в конце июля 1698 г. происходила закладка кораблей, именно, 28-го — в Шереметевском кумпанстве, под руководством мастера Корнелиса Сорнса, 30 июля — в кумпанстве Стрешневых, под руководством мастера Яна Ерика [1].

XXIV. КОРАБЛЕСТРОЕНИЕ В ДУХОВНЫХ И ГОСТИНОМ КУМПАНСТВАХ

Взглянем теперь на ход дела в одном из духовных кумпанств, несколько документов которого уцелело, именно, в кумпанстве ростовского митрополита. В состав кумпанства, кроме самого Иоасафа, митрополита ростовского и ярославского (4 376 дворов), входило еще шесть монастырей его епархии в Ростовском, Угличском и Ярославском уездах. Как и большинство других духовных кумпанств, Ростовское кумпанство должно было строить галеру. Административным центром кумпанства стало московское подворье ростовского митрополита, которым заведывали строитель старец Афанасий, дьяк Иван Савин и стряпчий Лука Палицын; сам митрополит в течение 1697 г. проживал в Ростове. В Воронеже уполномоченными кумпанства у корабельного

[1] Елагин, ук. соч., приложение III, № 36.

строения были двое домовых митрополичьих детей боярских: Тимофей Терпигорев и Семен Ушаков. Терпигорев и Ушаков по делам кораблестроения пишут в Москву на митрополичье подворье, а управляющие подворьем доносят об их письмах, о своих распоряжениях и о всех прочих делах по кумпанству в Ростов митрополиту. Эта переписка позволяет нам следить за ходом дела, изображая его перипетии, сообщая об успехах постройки, о встреченных препятствиях и затруднениях и о том, как они преодолевались.

Одним из первых затруднений было получение места в Воронеже под верфь. Кумпанству назначено было оказавшееся для него почему-то неудобным место близ верфей, отведенных патриарху и троицким властям. Хлопоты о месте в Москве во Владимирском судном приказе перед окольничим А. П. Протасьевым не привели к желанным результатам. Протасьев в выдаче просимой грамоты в Воронеж отказал, потому что дело отвода верфей предоставлено было в Воронеже думному дворянину Савелову. Но и в Воронеже кумпанству не удалось добиться желаемого, и домовые дети боярские пишут в Москву, что уладить дела они не могли, так как думного дворянина нет в городе, «живет в лесах, на кумпанства лес разводит, от города Воронежа в дальнем расстоянии». Между тем в июне иноземец мастер, который должен был строить галеру для кумпанства, итальянец Франц Яковлев Пикола, самовольно, без отвода думного дворянина и без согласия их, детей боярских, захватил удобное, по его мнению, место для верфи «в городе Воронеже в Успенском монастыре близь кумпанств святейшего патриарха и троицких властей». Игумен Успенского монастыря уже подал на эти кумпанства, патриаршие и троицкие, жалобу воронежскому воеводе в «монастырском утеснении и разорении». При таких обстоятельствах, писали дети боярские, они строить галеру на том месте «вельми опасны». 14 июня из Москвы с подворья были посланы в Воронеж четверо работников, конечно, в пополнение к посланным уже прежде; было послано также 222 пуда железных припасов, в том числе 11 305 гвоздей, кроме того, каната 100 сажен толщиной в 2 вершка и каната 200 сажен толщиной в вершок. Все это повезено было из Москвы на девяти наемных подводах, и такие транспорты в Воронеж снаряжались неоднократно. 5 июля состоялась закладка галеры, и, кажется, на том месте, которое захватил Пикола. 9 июля на галеру поднимали уже нос. 3 августа дети боярские извещают, что галера «основывается кривулями», т. е. к килю прикрепляются боковые каркасы, которые составляют, так сказать, ребра корабля, и просят выслать к ним в Воронеж без замедления 20 плотников, чтобы им не отстать строением от иных кумпанств. В октябре продолжалось установление кривуль и обшивание галеры сосновыми досками. Боярские дети пишут далее, что в первых числах ноября в Воронеж всем кумпанствам было указано к кораблям и к галерам строить по небольшому судну,

«ушколу», и спустить эти ушколы на воду с кораблями и галерами вместе. Между тем на те ушколы лесу у них, детей боярских, не заготовлено и в припасе нет. Пикола говорил, чтобы к весне приготовить на весла 60 дерев кленовых и ясеневых по 7 сажен длиной и по 4 вершка в отрубе. Он же велел готовить 3 дерева дубовых на корму; те же, которые привезены в Воронеж на мачты, он «не похваляет», велит готовить иные, приказывает им также добыть конопатчика. Большие затруднения причиняет им недостаток в Воронеже извозчиков; они купили трех лошадей, но лесу возить на них «не чают». Трудным вопросом для кумпанства была отливка медных мортир, требовавшихся для вооружения галеры. Еще в июле кумпанство подыскало для этой работы мастера иноземца, но не могло получить из Владимирского судного приказа образца, по которому мортиры следовало отливать. По тому же вопросу детям боярским предписано было обратиться еще раз к А. П. Протасьеву, осенью 1897 г. находившемуся в Воронеже, чтобы приказал «дать пушкам и мазжерам (мортирам) образцы и размеры». Протасьев ответил, что размеры пушек обозначены в данной кумпанству росписи, а какие делать мортиры, адмиралтеец и сам не знал, «велел подождать великого государя указа»; к нему пока еще такого указа не было.

Были хлопоты также и с резными работами на галере. Надобно было для ее украшения вырезать 120 фигур; для этого нужен был иноземец мастер шнитцер (Schnitzer — резчик) и 10 русских резчиков добрых. В Воронеже есть один иноземец шнитцер Франц Иванов сын, его было нанимали патриаршие дворяне, но он запросил с них 250 рублей. Дети боярские просят в Москве «в доме святейшего патриарха проведать, где он прикажет сницарей нанять и те фигуры строить, на Москве ли или на Воронеже». Соответственно с этим и они будут действовать, руководясь примером кумпанства патриарха. Лесу на фигуры у них еще не запасено, и мастер о том лесе еще не приказывал. Неизменным припевом к ноябрьским и декабрьским письмам детей боярских служит просьба о присылке на расходы денег, которых никогда не оказывается достаточно. Сохранился в бумагах кумпанства отрывок его приходо-расходной книги за февраль — август 1697 г. Сюда занесены сборы с крестьянских и бобыльских дворов домовых митрополичьих вотчин, а также расходы на наем и содержание рабочих: кормовые деньги мастеру Ф. Я. Пиколе, расход на покупку ему коляски и «телеги с кровлею», на жалованье переводчику, венецианцам мастерам, на пересылку плотников и кузнецов в Воронеж, на закупку корабельных припасов, на хлеб и всякий харч рабочим, на закупку и пересылку в Воронеж съестных припасов: хлеба, рыбы, мяса, снятков, масла для рабочих, на содержание канцелярского персонала и на приобретение канцелярских принадлежностей и, наконец, на взятки во Владимирском судном приказе, например: «Марта в 17 день... Судного Володимерского приказу

стольнику Семену Алексеевичу Языкову куплена рыба белуга от грамоты (т. е. за выдачу грамоты) о воронежских подводах в почесть»; «марта в 20 день куплен осетр свежий в почесть Судного Володимерского приказа дьяку Осипу Иванову, дано 20 алтын»[1].

Постройкой кораблей, которые приходились на долю посадских людей и черносошных крестьян, заведывали, как мы уже знаем, гости. Припомним, что на торгово-промышленных людей была возложена постройка 14 судов, из которых два специально на гостей, так что торгово-промышленные люди должны были распределяться на 14 кумпанств. Но в действительности такого распределения не произошло. Организовать кумпанства из посадских жителей уездных городов, да еще из черносошных крестьян, было бы, разумеется, крайне затруднительно, куда труднее, чем расписать по кумпанствам крупных землевладельцев и монастыри. Во всяком случае, на эту предварительную операцию потребовалось бы весьма продолжительное время. Вероятно, поэтому такая организация не была осуществлена, и торгово-промышленные люди вели постройку сообща, не разделяясь по кумпанствам, на общие средства, и, хотя в актах и идет иногда речь о «гостиных кумпанствах», — это не более как способ выражения, принятый ради соответствия с землевладельческими светскими и духовными кумпанствами. Все посадское торгово-промышленное население городов и черносошные крестьяне составили единое кумпанство, обязанное выстроить 14 кораблей. Незаметно, чтобы те два корабля из 14, которые наложены были специально на гостей в виде как бы наказания, выделялись как-либо из общей операции; они строились на общие средства, в доставлении которых, впрочем, доля гостей была, конечно, наиболее значительной. Притом и поручение всего дела постройки, всей ее администрации гостям было возложением на них новой специальной службы, отягчавшей собой их и без того нелегкие службы по финансовому управлению в государстве.

Мы уже знаем, что для ведения корабельной постройки корпорация гостей избрала из своего состава особую комиссию из пяти членов, в которую вошли гости: Иван Панкратьев, Иван Юрьев, Иван Сверчков, Алексей Филатьев, Игнатий Могутов. Вскоре же эта комиссия гостей в Москве стала называться «Корабельной палатой», и, вероятно, в ней можно видеть некоторый прецедент к учреждению в 1699 г. для заведывания торгово-промышленными делами посадов «Бурмистерской палаты», объединившей в своем ведомстве все посадское население, подобно тому как Корабельная палата также объединяла все посадское население государства пока только по корабельным делам. И в названии обоих учреждений «палатами» можно также видеть нечто сродное. Заметим еще, что и председатель Кора-

---

[1] Елагин, ук. соч., приложение III, № 37—38.

бельной палаты был тот же гость Иван Панкратьев[1], который в 1699 г. будет первым президентом Бурмистерской палаты. Корабельная палата, заседая в Москве, производила сборы на корабельное строение с московского посада, с посадов уездных городов и с черносошных крестьян, нанимала к строению иноземных мастеров и русских работных людей, приобретала и посылала в Воронеж разные корабельные припасы, словом, вела те же операции, какие вело каждое кумпанство. На месте в Воронеже постройкой кораблей гостиного кумпанства заведывали посылавшиеся из Москвы по очереди гости. Первоначально предполагалась смена по трое гостей каждые два месяца; но на практике устанавливались иные смены: и по пяти человек, и по четверо, и даже, кажется, по двое каждые три месяца. Находясь в Воронеже, очередные гости должны были «лес всякий готовить и делать корабли по указыванью мастеров», соответствуя тем уполномоченным дворянам или домовым архиерейским детям боярским, которых посылали в Воронеж светские и духовные кумпанства[2].

Лес дубовый и сосновый на гостиное кораблестроение был отведен в двух разных местах, а именно, на строение девяти судов: четырех ших-бомбардиров и пяти «барбарских кораблей» в самых верховьях реки Воронежа, в Добренском уезде, «едучи от города Доброго вверх по реке Воронежу по правой стороне», и в соседнем, лежащем выше, Козловском уезде, в Олешенском и в Иловайском станах этого уезда, «едучи от Доброго к городу Козлову, от речки Чернавы вверх по реке Воронежу по левой стороне до речки Иловая». Другой участок на остальные пять барбарских кораблей был отведен по реке Усмани, в округе села Угланска[3]. Как видим, гости должны были построить корабли двух типов: четыре ших-бомбардира и 10 барбарских кораблей. Под первыми разумелись незадолго перед тем появившиеся и принятые на Западе суда размером 80 и 28 футов, вооруженные каждое, кроме пушек, еще двумя мортирами, метавшими бомбы навесно. Название кораблей «барбарскими» ведет свое происхождение от «варварийских» судов, которые строились в варварийских странах по африканскому побережью: Триполи, Тунисе и Алжире, и которые были излюбленным типом у средиземноморских пиратов[4]. Сообразно двум типам судов и верфи были отведены гостям в двух местах: для бомбардиров — 1 000 квадратных сажен на берегу пониже города Воронежа, за слободой Чижовкой, для 10 барбарских кораблей — «в Воронежском уезде на берегу реки Воронежа, против села Ступина мерою вдоль 100 сажень, поперег 20 сажень»[5].

---

[1] Бумаги Корабельной палаты идут за его подписью (Елагин, ук. соч., приложение III, № 18).

[2] Там же, № 16 и 18.

[3] Там же, стр. 230—231, 235.

[4] Там же, стр. 72, 71 и рисунок, табл. 7.

[5] Там же, № 88.

Постройка гостиных кораблей шла также не гладко и наталкивалась на затруднения, подобные тем, какие испытывали, строя корабли, служилые и духовные кумпанства. Возникали нелады с иноземными мастерами. В мае 1698 г. на торгово-промышленных людей было сверх прежних 14 накинуто еще 6 кораблей. Тяжесть корабельной повинности этим значительно увеличивалась, а между тем, работавшие в гостином кумпанстве мастера венецианцы Яков Францев Теодоров — так было переиначено итальянское имя Jacobo Francesco Detodero [1] — с пятью товарищами заявили находившимся в Воронеже гостям Ивану Семенникову и Ивану Исаеву, что они «ехать хотят домой и вновь никаких кораблей делать не хотят». Ни сами они в лес не едут, ни подмастерьев своих не отпускают [2]. Их отказ остановил работу 340 плотников и работников гостиного кумпанства, которые жили без дела в Ступине. Высшее руководство работами в гостином кумпанстве указом из Владимирского судного приказа было поручено голландскому капитану Августу Мееру; но и Меер, приняв от гостя Саввы Малышева этот указ, запросил за свое содействие по 130 рублей в месяц, сказав, что в противном случае кораблей делать не станет, а между тем, как заявляли гости, «таких великих дач одному человеку ни в которых кумпанствах нет». По этим жалобам на иноземцев Владимирский судный приказ 1 июля 1698 г. постановил послать в Воронеж подьячего из приказа, «велеть веницейским мастерам сказать, чтоб они на строение барбарских кораблей леса готовили и те корабли закладывали без мотчанья (промедления)», пригрозив: «буде... за тою их остановкою те работные люди будут без дела, и те деньги доправлены будут все на них, иноземцах»[3].

Другим затруднением в гостином кумпанстве были трения, которые обнаружились внутри самой администрации кумпанства. Очередные гости, проживавшие в Воронеже, принуждены были жаловаться во Владимирский судный приказ на неисправность своей же братии, на гостей, заседавших в Корабельной палате в Москве. Так, 23 июня 1698 г. гости Иван Антонов и Василий Шапошников писали из Воронежа в приказ, что присланной к ним 4 июня грамотой им велено построенные корабли закончить, поставить на них мачты, оснастить, вооружить и снабдить всякими припасами, а между тем людей, умеющих ставить мачты и оснащать корабли, у них нет, а Корабельная палата таких людей им не присылает. Не присылает им палата также некоторых припасов, какие с них требуются: блоков и юнгферов. Владимирский судный приказ должен был внушать гостям, заседавшим в Корабельной палате, чтобы они «против отписки гостей Ивана Антонова и Василья Шапошни-

---

[1] Устрялов, История, т. II, стр. 392.

[2] Елагин, ук. соч., приложение III, № 44 и 45.

[3] Там же, № 48.

кова таких людей, кому корабли оснащивать», а также и всякие требуемые для кораблей припасы на Воронеж посылали «без всякого замедления»[1]. Все подобного рода хлопоты и затруднения, сопряженные с постройкой кораблей, могли, разумеется, вызывать естественное желание, если уже нельзя было совершенно избавиться от этой повинности, то по крайней мере отбывать ее в более легкой форме, а эту более легкую форму искать в обращении натуральной повинности в денежную. Первые 14 кораблей гостиным кумпанством были выстроены и, как мы только что видели, летом 1698 г. должны были заканчиваться, оснащиваться и вооружаться. Но от постройки дополнительных шести, накинутых указом 25 мая[2], гости желали освободиться, предлагая взять за них деньгами, как это было обыкновенно и естественно в торгово-промышленном мире, и вели об этой замене летом 1698 г. переговоры с адмиралтейцем. «А и с гостьми у меня волочится договоришко», — писал Петру 24 августа Протасьев. Гости предлагали зачесть им в сумму повинности заготовленный для этих кораблей лес и другие товары по их настоящей цене и, сверх того, предлагали уплатить 40 000 рублей деньгами. «Нам убыточно, — рассуждал Протасьев, испрашивая решение царя, — да что же делать? сорок тысяч за шесть кораблей налицо денег, а и припасы все годятся вперед, а цена товарам настоящая, как и в иных кумпанствах подряжали». Дело было решено царем по возвращении его в Москву, и гостиное кумпанство, опережая другие кумпанства, добилось замены натуральной повинности денежной. 15 сентября 1698 г. гости обратились к царю лично со словесным челобитьем. «Великий государь указал. . . принять в свою, великого государя, казну в приказ Адмиралтейских дел (Владимирский судный) за запасные за другие шесть кораблей по 12 000 руб. за корабль» с зачетом в эту сумму заготовленных ими припасов[3]. Позже и другим кумпанствам будет дана такая же замена.

XXV. АРТИЛЛЕРИЯ ДЛЯ ВОРОНЕЖСКОГО ФЛОТА. РАБОТЫ ПО ОЧИСТКЕ РУСЛА РЕКИ ВОРОНЕЖА

Одновременно с кораблестроением принимались меры к вооружению воронежского флота артиллерией. Как уже известно, еще король Карл XI, узнав, что шведский резидент в Москве Книппер получил от московского правительства поручение приобрести в Швеции 600 пушек, желая сделать удовольствие московскому государю, подарил ему 300 пушек в знак участия в борьбе христиан с «неверными», но умер, не успев этих пушек отправить. Его сын Карл XII, не предвидя, что со временем эти пушки

---

[1] Елагин, ук. соч., приложение III, № 47, 48, 50.
[2] Там же, № 44.
[3] Там же, приложение IV, № 9; приложение III, № 49.

обернутся против него же, поспешил исполнить волю отца. Летом 1697 г. пушки были присланы в Ругодив (Нарву), из Ругодива перевезены в Новгород, затем в Москву, откуда 10 февраля следующего 1698 г. отправлены в Воронеж. Кроме этого дара, по распоряжению Петра были приобретены там же, в Швеции, путем заказа и покупки еще 388 пушек[1]. В 1697 г. был из Владимирского судного приказа отправлен за рубеж, в Свейскую землю, московский торговый человек гостиной сотни Логин Юдин, а с ним целовальник Федька Степанов с поручением в Швеции «купить на великого государя пушек железных чугунного самого доброго железа, которые бывают на кораблях», разной величины, именно: 20 пушек, стреляющих трехфунтовыми ядрами, 20 — двухфунтовыми, 40 — полуфунтовыми и 20 пушек «дробовых башкитинов с отворотными вкладными патронками», т. е. заряжающихся с казенной части. Кроме артиллерии, Юдин имел еще поручение приобрести 400 пил для распиливания деревьев, да 100 стоп картузной бумаги. В Швеции сам Юдин умер, но целовальник Ф. Степанов, получив заказанное, доставил в 1698 г. этот транспорт морем в устье Невы. 9 ноября 1698 г. во Владимирский судный приказ явился посланный от этого целовальника, Федьки Степанова, его помощник Кирюшка Фирсов, который в приказе объявил, что «те пушки, пилы и бумагу они из Стекольна вывезли и стоят ныне на реке Неве, в городе Канцы (будущий С.-Петербург), от Великого Новгорода 150 верст». Но и целовальник Федька Степанов, исполнив порученное казенное дело, слег больной и лежал в Канцах при смерти. Приказ распорядился о вывозе пушек в Новгород, а из Новгорода по первому зимнему пути в Москву.

Тогда же, в ноябре 1698 г., на Неву были доставлены 100 пушек другого заказа. 21 апреля этого года новгородский воевода П. М. Апраксин получил приказ от великих послов из-за границы послать для заказа пушек в Ругодив, Колывань и Стокгольм знатных дворян. Исполняя этот приказ, воевода отправил в Ругодив и Колывань стольника князя Ф. В. Елецкого да Новгородской приказной палаты подьячего Василия Протопопова, а в Стокгольм — дворянина И. Т. Бестужева да подьячего Ивана Сорокина, а также и из торговых чинов знающих людей, которые в тех городах бывали. Князь Ф. В. Елецкий вернулся ни с чем и сказал, что в Ругодиве и Колывани на литье пушек подрядчиков никого не сыскалось. Но дворянин И. Т. Бестужев успешно исполнил поручение и заказал в Стокгольме 288 пушек мастеру Эрен-Крейцу, с которым и заключил договор. К двадцатым числам ноября 100 пушек из этого заказа уже были готовы, на наемных русских карбасах привезены морем на реку Неву и находились в 45 верстах от русского рубежа: «ближе того места, — как писал Бестужев, — к рубежу карбасам дойти было невозможно для того, что на Ладожском озере в нынешней

[1] См. т. II настоящего издания, стр. 407.

осени воды были мелки». В январе 1699 г. эта сотня пушек была перевезена в Новгород. Остальные 188 пушек Эрен-Крейц обещал изготовить к лету 1699 г.

Таким образом, в 1699 г. воронежский флот приобретал артиллерию из 688 сделанных в Швеции пушек [1].

Не ускользнуло от внимания Петра и еще одно дело, тесно связанное с постройкой кораблей в Воронеже, откуда их предстояло спускать в море по рекам Воронежу и Дону: очистка этих рек и приспособление их русл для движения кораблей. Для этого в апреле 1698 г. велено было «реку Воронеж, где корабли строят, вниз до реки Дону и реку Дон до Азова осмотреть и водяной ход очистить». Эта новая задача также должна была решаться старыми средствами в том, что касалось исполнения работ, как и в том, что касалось руководства. В первом отношении она тотчас же вызвала особую местную специальную повинность для прибрежных жителей, так как работа должна была быть произведена «тех городов и сел и деревень жителями, которые у тех рек живут в ближних местах», и эти жители должны были явиться на работу «с топоры, и с заступы, и с лопаты, и с канаты, и с веревки, и со всякими снастьми, которые к тому делу пристойны», а будары и лодки брать в тех селах и деревнях, против которых будет итти работа. Руководство делом, по обыкновению, возлагалось на специально посланных дворян добрых, «кого б с такое дело стало».

Дело, однако, до осени 1698 г. не подвинулось. Первоначально предполагалось послать таких дворян добрых трех человек; однако вместо трех был послан только один Семен Шетнев. Ему предписано было адмиралтейцем «от города Воронежа реку Воронеж до реки Дона и реку Дон до Азова очистить и где в тех реках объявятся какие карчи и езовые перебои, и завалы, и наносы, и из тех рек то все повытаскать на берег и нагнутые деревья ссечь и в берегах реку Воронеж узкие места расчистить и берега открыть, и мелкие места вычистить и корабельному ходу учинить проход и по берегам для признака и для проходу кораблям в полую воду поставить вехи». Реки, по крайней мере Воронеж, действительно нуждались в очистке. О состоянии русла Воронежа отбирались в Разряде сказки у сведущих, бывших в тех местах людей, и вот что, например, показывал о состоянии реки Воронежа под самым городом расспрошенный Т. Н. Стрешневым 12 сентября 1698 г. стольник Ф. А. Павлов: «Под городом Воронежем реку Воронеж против двора воронежского подьячего Игнатия Моторина из боераку дождевою водою занесло с градскую сторону (т. е. к городской стене), а к другому берегу стрежнем [2] промыло. А ниже того заносу на реке Воронеже под Чижовкою против Троицкой церкви — мели, и летнею порою переезжают в броды и с телегами. А ниже

---

[1] Елагин, ук. соч., приложение IV, № 4—6.

[2] Быстрым течением (Даль, Толковый словарь).

Чижовки на той же реке Воронеже до Ивановской пристани мели есть же. И для тех де мелей отпускал он, Федор, хлебные запасы с пристани ериком (рукавом), который обшел выше адмиралтейского двора и сшелся тот ерик в реку Воронеж на Ивановской пристани». Из дальнейших его слов узнаем, что этот обводный рукав приходилось при пропуске стругов с хлебом шлюзовать, и только при помощи таких шлюзов можно было сплавлять по нему струги: «а спроваживали де струги с хлебными запасы тем ериком накопленной водою, а для прикопу воды плотили и занимали воды на мельничных плотинах, а без накопленной воды и тем бы ериком стругов с хлебными запасы спустить невозможно». Последний, впрочем, караван за обмелением воды пришлось грузить хлебом уже только на Ивановской пристани, пропуская до этой пристани струги порожняком [1].

Шетневу для расчистки рек было назначено из городов Воронежа и Коротояка стрельцов, казаков и их недорослей 1 048 человек. Но из них явилось к нему осенью 1698 г. только 823 человека. Никаких припасов, надобных для очистки рек: канатов, якорей, багров и пр., с ними отпущено не было. Да и сам Семен Шетнев оказался «стар и дряхл и к наряду (т. е. для исполнения порученного дела) плох, с такое дело его, Семена, не будет». Заменить его, однако, за неимением на Воронеже свободных дворян оказалось некем, и, таким образом, «за невысылкою из городов работных людей и за его, Семеновым, плохим нарядом речной очистке учинилась великая остановка». Тем временем наступила зима, и дело совсем стало [2].

XXVI. ПЕРЕПИСКА С ПЕТРОМ АДМИРАЛТЕЙЦА А. П. ПРОТАСЬЕВА В 1697 И 1698 гг. ВОРОНЕЖСКИЕ КОРАБЛИ

О ходе работ по кораблестроению и о других, связанных с кораблестроением делах адмиралтеец А. П. Протасьев осведомлял царя, находившегося за границей, обширными письмами то на его имя, то на имя Ф. А. Головина, конечно, для доклада царю. Письма эти содержат как отчеты о сделанном, так и разного рода вопросы, за разрешением которых адмиралтеец считал необходимым к Петру обратиться, и если бы они сохранились полностью, то должны были бы изображать общее состояние дел в Воронеже, движение работ по кораблестроению как казенному, так и кумпанскому, его успехи и неудачи, достигнутые результаты и планы на будущее. К сожалению, из этой

---

[1] Елагин, ук. соч., приложение IV, № 3, б, примечание; ср. Арх. мин. юст., Столбец Белгородского стола № 5593.
[2] Там же, № 3.

переписки за 1697 и 1698 гг. сохранилось всего лишь три письма Протасьева и не уцелело ни одного письма Петра. Все же остановимся на письмах адмиралтейца; может быть, они, хотя и в таком недостаточном числе, помогут нам окинуть кораблестроение за эти годы общим взглядом. Адмиралтеец, поставленный во главе всего дела воронежского кораблестроения, имел возможность со своего высокого поста обозревать кораблестроение в целом и полученные сведения и свои выводы сообщать в письмах.

В мае 1697 г. в письме к Головину адмиралтеец просит не забыть дать ответ относительно каких-то представленных им росписей, спрашивает о размерах пушек для баркалона и для галеры, просит прислать для образца «баштикины» — пушки, заряжающиеся с казны, а касаясь кораблестроения, жалуется — и это, видимо, наболевшая у него забота — на недостаток корабельных мастеров иноземцев и выказывает боязнь, если постройка запоздает к сроку: «а всего, государь мой, мне нужнее корабельные мастеры. Франц Тиммерман, — на котором, как припомним, лежала обязанность выписки из-за границы и поставки этих мастеров, — по сие число мастеров не поставил ни одного человека... если еще долговременно мастеров не поставит, опасен того, чтоб на меня та вина без вины моей не положена была, как не поспеют корабли к указному числу. Пожалуй, государь мой, дай мне в том своего совету, чем мне от того избавиться, а я о сем ей-ей превеликою стеснен печалию и не знаю, чем помочь, как опоздаем мастерами. Пожалуй, государь мой, против сего отпиши ко мне о всем подлинно»[1]. В другом письме в Амстердам к тому же Ф. А. Головину от 16 декабря 1697 г., хотя также продолжают еще звучать жалобы (на этот раз на недостаток работных людей для вывозки леса), но общий тон гораздо бодрее: дело, кажется, налаживается, есть, чем порадовать царя. «О лесных припасах и о всем, ей-ей, радение имеем». Многие кумпанства отдали галеры и баркалоны на подряд с условием приготовить эти корабли и спустить их на воду к весне 1698 г., «у многих уже дело близь совершенства приходит». Четыре галеры в кумпанствах совсем готовы, остальные галеры и все барбарские корабли заложены, основаны и обиты. Баркалоны многие заложены и строятся, иные и почти готовы. В восьми кумпанствах: князя Я. Н. Одоевского, князя М. Я. Черкасского, князя П. И. Прозоровского, Ф. П. Салтыкова, князя И. Б. Троекурова, казанского митрополита, вологодского архиепископа и Вознесенского девичьего монастыря, строят голландские мастера под высшим руководством капитана Августа Меера голландским размером, но переделывать их на другой образец уже невозможно, так как баркалоны почти готовы, задержка происходит лишь за постройкой вторых палуб. Эта речь о переделке с голландского образца на другой зашла,

[1] Елагин, ук. соч., приложение IV, № 2.

конечно, потому, что адмиралтейцу стало известно недовольство Петра голландским кораблестроением, обнаружившееся у него к осени 1697 г.[1] Поддакивая царю и подделываясь, очевидно, под его настроение и в угоду ему браня голландскую манеру, Протасьев пишет далее, что он недавно заложил было казенный корабль «голландским размером и ныне, государь, слыша о их такой глупости, что они в размере силы не знают, велел им то судно покинуть до приезду от милости вашей мастеров, и те голландские мастера ныне у меня корм и жалованье емлют даром, а делать им до приезду от милости вашей мастеров у меня стало нечего». Вот почему голландцев обязывали строить суда по указанию венециан и датчан, и на этой почве возникали между ними конфликты, которые адмиралтейцу приходилось улаживать «овогда прещением, а овогда и ласканием»[2], и теперь галеры и барбарские корабли делают «по рассуждению и размеру венециан». Голландские мастера строят также в кумпанствах князя Б. А. Голицына, князя М. Г. Ромодановского, князя Я. Ф. Долгорукого и Петра Бутурлина, верфи которым были отведены на Хопре и на Дону; но насколько подвинулась у них работа по постройке баркалонов, о том у него, адмиралтейца, ведомости пока нет; когда получит, тотчас же отпишет. В четырех кумпанствах: Т. Н. Стрешнева, В. П. Шереметева, князя В. Ф. Долгорукого и князя Г. В. Тюфякина, руководит работами датский капитан Симон Петерсен с датскими мастерами; у них уже «при помощи божьей» обивают верхние палубы, «мало, что не все совершены», кроме конопаченья «и римен, и машт, и стюрен» (слова, появление которых в письме показывает, как в русский язык вместе с появлением кораблей, построенных иноземными мастерами, стала входить иноземная морская терминология). По чертежам и размерам того же датского капитана, как это мы уже видели, делают баркалоны голландские мастера в кумпанствах князя М. А. Черкасского, князя П. И. Хованского, И. В. Бутурлина, князя К. О. Щербатого. «И у тех, государь, баркалонов, — сообщает о ходе работ в этих кумпанствах Протасьев, — уже многая строения построено, и верхние балки положены и обивают планкен». Четыре ших-бомбардира, которые велено строить гостям, делают голландским размером под руководством капитана Августа Меера, а два бомбардира, положенные на кумпанства Троице-Сергиева монастыря, строят венециане. Как видим, к концу 1697 г. адмиралтеец, обозревая воронежское кораблестроение, мог указать уже немалые положительные результаты[3].

О содержании не сохранившихся писем Петра к Протасьеву за эти годы, 1697 и 1698, приходится только догадываться по указаниям, находящимся в письмах адмиралтейца, и по некото-

---

[1] См. т. II настоящего издания, стр. 273.
[2] Елагин, ук. соч., приложение III, № 41.
[3] Там же.

рым распоряжениям Петра в его указах. Петр живо следит за ходом кораблестроения как казенного, так и кумпанского, и издалека принимает в нем самое непосредственное участие. Едва двинулась постройка кораблей, положенных на адмиралтейство и на кумпанства по первоначальному расчету, как число их царскими распоряжениями увеличивается: каждая пара кумпанств складываясь должна выстроить еще по одному кораблю [1]; на гостиное кумпанство сверх 14 кораблей накинуто еще 6 кораблей; увеличено на 4 корабля прежнее число судов (6 кораблей и 40 бригантинов), первоначально положенное на адмиралтейство [2], а затем последовало дальнейшее увеличение еще на 6 кораблей и на 20 бригантинов [3]. То царь торопит закладкой судов, предписывая произвести ее непременно к 1 сентября 1697 г. и грозя за промедление жестоким наказанием [4], то, наоборот, убедившись в недостатках голландского кораблестроения, приказывает отложить срок постройки до осени 1698 г., «а ранее и спешить не к чему, лишь бы хорошо делать», так что и Протасьев не решается объявить этот указ об отсрочке по кумпанствам, «если объявить, то всех работников и плотников распустят» и потом собрать будет невозможно [5], разъедутся и иноземные мастеры, потому что они подряжались служить до первого срока, а новых мастеров добыть будет затруднительно. Петр указывает далее новые типы кораблей, не предусмотренные ранее и не входившие в первоначальные расчеты: брандеры, а также буксирующие суда, которые употребляются для проводки других судов через мели (мастенлихтеры); пишет о вооружении и снаряжении, о пушках и припасах, прибавляя к первоначальным росписям припасов новые [6], дает расчет количества съестных припасов на 20 000 человек экипажа для будущего морского похода, который будет предпринят с воронежским флотом, приказывает построить в Воронеже для хранения этих припасов особый двор, побуждает произвести работы по расчистке русл рек Воронежа и Дона для будущего плавания, «реку Воронеж, где корабли строят, вниз до реки Дону и реку Дон до Азова осмотреть и водяной ход очистить», словом, входит во все мелочи дела, то давая указания, то ставя вопросы и требуя ответа, иногда противореча самому себе, сбивает с толку адмиралтейца, поражает его совсем неожиданными распоряжениями, но зато иногда подолгу не дает указаний, которых настоятельно требуют разные части дела и отсутствие которых задерживает работу, так что она идет неплавно и неравномерно, толчками, то ускоряясь, то замедленным темпом и даже с неожиданными остановками.

---

[1] Елагин, ук. соч., приложение III, № 40, декабрь 1697 г.
[2] Там же, приложение IV, № 1 с.
[3] Там же, 27 декабря 1697 г.
[4] Там же, приложение III, № 39.
[5] Там же, № 41.
[6] Там же, № 51.

Последнее письмо Протасьева, от 24 августа 1698 г., написанное в ответ на письмо царя из Вены от 2 июля, изображает нам состояние воронежских работ к осени 1698 г., ко времени возвращения царя из-за границы, а также до некоторой степени бросает свет и на отношение Петра к этим работам: с одной стороны, он дает указания своим исполнителям, с другой — сам требует советов и указаний и выступает со своими сомнениями. «Известно доношу достоинству вашему, — пишет ему Протасьев, — письмо от лица милости вашей из Вены, июля 2 числа писанное, мне в дороге отдано». В дороге — на пути из Москвы в Воронеж, куда адмиралтеец отправился в конце июля или в начале августа, чтобы пробыть там всю осень. Протасьев начинает письмо с комплиментов Петру за его верный взгляд на способ выводить суда с мелей, о чем, очевидно, писал ему царь: «из мелкости водной на прибылой воде, когда наполняется довольно ветром зейд-вестом». По обыкновению от комплиментов он переходит к лести и пишет, что у Петра, когда он смотрит «пречистыми» своими очами, не бывает сомнений, а вот мы сомневаемся, «понеже того искусства и вида не сподобились, ниже учению ветров коснулись, все дни свои туне препровождали, а ныне ваша милость слепым прозрение подает». Однако из дальнейшего сейчас же следует, что и для царя, подающего слепым прозрение, все же кое-что бывало сомнительным. Так, он высказывал, повидимому, в письме к Протасьеву опасение, как бы не оказались валкими корабли, которые имеют 50 пушек, а сидят в воде на 10 футов, тогда как обыкновенно такие корабли должны сидеть на 15—16 футов. Адмиралтеец должен был успокаивать его по этому поводу: те суда, которые строятся с осадкой на 15—16 футов, бывают остродонны, а наши делаются плоскодонными и от того в воде ходом мельче; «только того опасаюсь, будут ли на парусном ходе резвостью удобны». Петр прислал из-за границы на образец два куска дерева, из которого следует делать блоки и пумпы. Протасьев сообщает, что дерево, подобное одному из этих образцов, отыскалось и блоки из него делать будут; дерева, подобного другому образцу, годного на пумпы, будут отыскивать. Следует далее сообщение царю о постройке запасных кораблей, сооружаемых сверх первоначального расчета. Было распоряжение царя отложить закладку этих кораблей, и он, Протасьев, это распоряжение объявил, но во многих кумпанствах до царского письма уже заложены многие галеры и баркалоны и один ших-бомбардир; часть работ уже исполнена, а у ших-бомбардира в Троицком кумпанстве уже начинают обивать исподние кривули. Эти начатые корабли Протасьев велел достраивать, но вновь закладывать не велел, а приказал только готовить для них лесной материал на будущее время. В казенном кораблестроении случился эпизод, подобный тому, на который жаловались гости. Раскапризничался датский капитан Симон Петерсен, не стал «упрямством своим» закладывать

казенных кораблей, несмотря на многие посылки и письменные указы от адмиралтейца, несмотря также на письма датского комиссара и даже посланника, к содействию которых адмиралтейцу пришлось прибегать, «отказал вовсе, что закладывать не станет», и больше того: на Воронеже и на Москве жить не хотел и отпрашивался в свою землю, «не доделав в совершенство и первого своего дела», т. е. кораблей первой очереди. Приезд адмиралтейца в Воронеж и личные уговоры не помогли делу. Петерсен продолжает упрямствовать: «и доныне стоит в том же своем упрямстве, и предварил, от чего всех сохрани боже, к себе болезнь и по многим, государь, моим посылкам ко мне не ехал. И я послал к нему с прещением и велел ему к себе быть. И он, приехав ко мне и сказал, государь, что ничего делать не будет, для того бутто, государь, чести достойно здесь над ним никто не ведет, и бутто над ним все, что ни есть на Воронеже, иноземцы и русские люди смеютца и его всем ругают. И все, государь, передо мною такую сумазбродную говорил, что слушать невозможно, и целым разумом так простому мужику бредить не достоит». Протасьев, «видя его во всем непотребна», приказал делать вместо него казенные корабли итальянцу капитану Александру Малине и шесть кораблей заложил 14 августа; «буду сам у них надсматривать неотступно, дондеже милосердием божиим управиться к совершенству возмогут». Других шести кораблей он не закладывает, ожидая посланного от царя английского мастера, который за болезнью остался в Москве; как только приедет, эти шесть кораблей будут заложены и с поспешением будут строиться, 4 мастенлихтера и 2 брандера заложили; будут заложены и буксирные суда, нехватает сразу лесных припасов, заготовленных только на первоначальные 6 кораблей и 40 бригантинов. Припасов оказалось недостаточно потому, что бо́льшая половина работных людей бывает в бегах. Коснувшись этого жгучего вопроса — бегства работных людей с казенного кораблестроения, — Протасьев долго на нем останавливается и предлагает царю новую изобретенную им меру против побегов: ввести п о м е с я ч н у ю работу, чтобы работных людей более месяца на работе не держать, меняя их помесячно, «и оттого, — рассуждает адмиралтеец, — в деле великая спориза будет и им льготнее, и бегать, мню, что не станут. А то истинно часто бывает, что все уйдут и работу остановят, покамест опять из городов вышлют, а у меня все дело стоит; и наказанье чиним за побег довольное, однакож, от того не престанут» [1]. Мы уже видели выше, что этот проект урегулирования работы не прошел, а было повышено наказание за побеги.

Недостаток работных людей, пишет далее адмиралтеец, может остановить и другие два порученные ему дела: привод азовских судов в Воронеж и постройку буксирующих судов. «Через мель провожать все тяжелые суда обещает мне новоприезжий капи-

---

[1] Е л а г и н, ук. соч., приложение IV, № 9.

тан Александр Малина построить такие суда, что можно через самую мелкую воду проваживать самые тяжелые суда, и я ему делать велю, только без работных людей за лесами, премилостивый государь, станет»[1].

Так двигалось воронежское кораблестроение и шли дела, с ним связанные, за 1697 и 1698 гг. Что же нашел Петр, приехав в Воронеж осенью 1698 г.? Участки лесного пространства по реке Воронежу и его притокам, отведенные для казенного кораблестроения для светских и духовных кумпанств, должны были быть полны оживления. В эти ранее пустынные и молчаливые леса устремились со всех концов русского государства сотни работных людей, снаряженных кумпанствами и собранных адмиралтейством; здесь зазвучали топоры и пилы, расчищались дороги к пристаням, к которым затем тянулись обозы с изготовленными лесными грузами. В результате таких лесных работ оказались участки, где дубовые и сосновые леса местами или сплошь были «высечены на корабельное строение и на смоляную гонку, и на уголье, и на драницы», как описаны были такие участки при осмотре их в 1700 г.[2]. Самый город Воронеж в 1697—1698 гг. должен был стать многолюдным и шумным центром, стянувшим к себе многое множество всякого ремесленного люда, иностранных мастеров и русских работников; здесь был большой съезд уполномоченных от кумпанств. Сверху по реке подплывали будары с лесными материалами, которые разгружались на отведенных для кумпанств местах по берегу реки Воронежа, где затем закладывались и строились корабли. К осени 1698 г. в Воронеже, на левом, луговом, берегу реки, было построено здание адмиралтейства с хоромами для государя[3], с амбарами и магазинами для склада оружия и корабельных припасов. Здесь потом и поставлены были 300 привезенных из Швеции пушек.

На реке стояли спущенные уже на воду баркалоны: баркалон кумпанства казанского митрополита «Колокол» и баркалон кумпанства князя М. А. Черкасского[4]. Другие баркалоны, заложенные в 1697 и 1698 гг., строились или отделывались на верфях, именно: «Лилия» — кумпанства вологодского архиепископа, «Барабан» — боярина Б. П. Шереметева, «Три рюмки» — боярина Т. Н. Стрешнева, «Стул» — князя П. И. Хованского, «Весы» —

---

[1] Елагин, ук. соч., приложение IV, № 9.

[2] Там же, приложение III, № 24.

[3] Устрялов, История, т. III, приложение VI: «207 года 4 ноября по приказу окольничего А. П. Протасьева куплено на адмиралтейской двор в хоромы на столы и на обивку лавок в спальню сукна темнозеленого 32 аршина, 12 ремней, 10 колодок гвоздей... 25 ноября... куплено на адмиралтейской двор четверы кежи (пеньковая материя) и отнесены те кежи к великому государю в хоромы, а принял их Александр Меншиков... 5 декабря куплен на адмиралтейской двор медный колокол» и т. д.

[4] Елагин, ук. соч., приложение III, № 34, стр. 254: «на воду спущен в прошлом 206 г. мая в 3 день». Ср. Список судов азовского флота 1698—1712 гг. у Елагина в I томе, стр. 4—5, 10—11.

Рис. 9. Вид г. Воронежа и корабельной верфи.
Рисунок из «Путешествия» де Бруина, изд. 1714 г

Рис. 10. Печать (медная) воронежского адмиралтейского двора.
Из собрания Государственного Исторического музея в Москве

кравчего В. Ф. Салтыкова, далее, «Сила», «Отворенные врата», «Цвет войны» — кумпанства князя М. Я. Черкасского, князя П. И. Прозоровского и князя И. Б. Троекурова, и еще пять баркалонов, названий которых не сохранилось. Все перечисленные суда были спущены на воду позже, в мае 1699 г. Надо полагать, что во время пребывания Петра в Воронеже наиболее близки к окончательной отделке были баркалоны «Сила», «Отворенные врата», «Цвет войны», потому что они участвовали в морском походе воронежского флота к городу Керчи весной 1699 г. В таком же положении, т. е. в отделке, близкой к окончанию, должны были быть еще три баркалона, строившиеся на реке Хопре под названиями «Безбоязнь», «Благое начало» и «Соединение», принадлежавшие кумпанствам князя Б. А. Голицына, князя Ф. Ю. Ромодановского и стольника Ивана Большого Дашкова, также участвовавшие в керченском походе. Находились в постройке баркалоны второй очереди, сооружаемые каждый двумя кумпанствами, именно: в Воронеже — «Лев» и «Единорог», в селе Чижовке — «Виноградная ветвь» и «Мяч» и на Чертовицкой пристани — «Геркулес». На верфях села Ступина строились заложенные в 1697 г. 10 барбарских кораблей[1] гостиного кумпанства. Из бомбардирских кораблей, заложенных в 1697 г., три, сооружаемые Троице-Сергиевым монастырем: «Бомба», «Агнец» и «Страх», строились в самом Воронеже, а другие четыре, принадлежавшие гостиному кумпанству: «Гром», «Молния», «Громова стрела» и «Миротворец», строились

---

[1] «Думкрахт», «Страх», «Камень», «Слон», «Рысь», «Журавль стрегущий», «Сокол», «Собака», «Арфа», «Гранат-апо». Еще четыре барбарских корабля: «Крепость», «Скорпион», «Флаг» и «Звезда», строились на Дону, в городе Паншине, кумпанствами Л. К. Нарышкина и именитого человека Строганова. Из них «Крепость» и «Скорпион» в конце 1698 г. должны были быть близки к окончанию, потому что также участвовали в Керченском походе 1699 г.

в селе Чижовке. Шли работы в Воронеже над заложенными в 1697 г. галерами, из названий которых сохранилось четыре, указывающие на ожидавшуюся от судов этого типа легкость и быстроту хода: «Периная тягота» (т. е. тяжесть пера), «Заячий бег», «Золотой Орел», «Ветер». Из них первая была окончена в мае 1699 г., во время Керченского похода. На казенной адмиралтейской верфи в Воронеже строились корабли: «Разженое железо», «Святой Георгий», «Аист», «Воронеж», «Самсон», «Дельфин», «Винкельгак», заложенные в 1697 г. Но, очевидно, работы на них подвигались медленнее, чем на других судах: они были спущены на воду только уже в 700-х годах. Приведенный, неполный конечно, перечень показывает, что Петру было что́ посмотреть и над чем поработать в Воронеже [1].

XXVII. ПЕТР В ВОРОНЕЖЕ. СОСТОЯНИЕ ВОРОНЕЖСКОГО ФЛОТА

Выехав из Москвы в воскресенье 23 октября к вечеру, Петр более недели провел в дороге из-за непогоды и распутицы и приехал в Воронеж только 31 октября. «Мы в семъ пути, — писал он к Виниусу 3 ноября, — несказанную нужу принели отъ непогодья; аднако, по суетному течению въремене, тотъ же часъ позабыли, как приехали» [2]. Невзгоды, испытанные в дороге, были так скоро забыты, конечно, благодаря тому большому удовольствию, которое почувствовал царь при взгляде на строящийся в Воронеже флот и которым он поспешил поделиться с Виниусом в том же письме от 3 ноября: «Min Her, Писмо твое, купъно с курантоми, принелъ і за вѣдомость благодарсътвую. Мы, слава богу, зело во ізрядъномъ состоянии нашъли ѳълотъ і магазеінъ обрели (въ 31 д. окътебря)». Это удовольствие вызывало, однако, у Петра нетерпение видеть скорее окончание им самим начатого дела и тревожную мысль о том, что, может быть, дело затянется и тогда не придется дожить до того времени и увидеть флот готовым.

О пребывании Петра в Воронеже в ноябре и декабре 1698 г. сохранилось очень мало известий; их надо собирать крупицами: три его письма, три заметки в «Юрнале», кое-какие намеки в двух сохранившихся ответных письмах к нему. Из сохранившегося письма к царю Т. Н. Стрешнева знаем, что в первых числах ноября, вероятно, одновременно с письмом к Виниусу, царь писал к Ф. А. Головину, которому поручал передать Т. Н. Стрешневу в Разрядный приказ распоряжение о присылке в Воронеж 500—600 солдат для охраны строящихся кораблей: «в письме в том написано: корабли делают не в одном месте и для опасения хорошо б человек сот пять или

---

[1] Е л а г и н, ук. соч., приложение IV, № 121, 122, и Список судов азовского флота.
[2] П. и Б., т. 1, № 255.

шесть прислать из Белгорода солдат добрых на Воронеж не медля»[1]. Царь не мог, конечно, ограничиться одним только наблюдением за ходом работ в Воронеже и удержаться от активного выступления, от личной работы с инструментами в руках. 19 ноября он сам заложил на адмиралтейской верфи корабль «Предестинация» или «Божье предвидение». «Ноября в 19 день, — записано в «Юрнале», — на память св. мученика Авдия заложили корабль, именуемый Божие предведение, киль положили длина 130 футов, ширина 33 фута». По описанию более поздней официальной ведомости, корабль этот с названием «Божие сему есть предведение», был размерами в 130 × 32 футов и был вооружен 58 пушками[2]. Капитан Перри, видевший этот корабль позже, говорит, что киль его отличался особым устройством, изобретенным самим Петром и предохранявшим корабль от течи даже и в том случае, если бы киль этот оторвало[3].

23 ноября Петр получил московскую почту, привезшую ему между другими не дошедшими до нас письмами также сохранившиеся два письма: от Т. Н. Стрешнева и Виниуса, оба помеченные 15 ноября. Т. Н. Стрешнев, исполняя переданное ему Ф. А. Головиным распоряжение о переводе в Воронеж 500—600 добрых солдат из Белгорода, напоминал царю, что в Воронеже и близлежащих городах: Коротояке, Урыве и Костенске, стоит воронежский солдатский полк — 1 065 человек, что в походе у князя Я. Ф. Долгорукого этот полк не был, был в воронежских лесах, «у лесного готовления», а теперь распущен по домам, предлагал царю на выбор для корабельного караула или передвинуть из Белгорода полк Афанасья Нелидова (599 человек), или же воспользоваться упомянутым воронежским солдатским полком. Воронежские солдаты удобны тем, что находятся поблизости; выписка о том, в каких городах и по скольку в каждом они стоят и на каком расстоянии каждый из этих городов от Воронежа, приложена к письму. Можно еще взять для той же цели вновь набранных солдат Карлусова белгородского полка. При письме были посланы на всякий случай заготовленные в Москве грамоты из Разряда в города о высылке того или другого полка[4]. Виниус, сообщив Петру о получении его письма от 3 ноября, по обыкновению осведомлял его о заграничных происшествиях по полученным в Москве иностранным газетам, «курантам». Послы союзных держав, которые вели войну с Турцией: империи, Венеции, Польши и России, с турецкими послами на конференцию еще

---

[1] П. и Б., т. I, стр. 751.

[2] Елагин, ук. соч., приложение IV, № 121. В «Списке судов азовского флота» Елагин дает ему иные размеры, именно 118 × 31 × 9 фут. 9 дюйм. английской мерой.

[3] Там же, стр. 17.

[4] П. и Б., т. I, стр. 751.

Рис 11. Корабль «Предестинация».
Гравюра Шхонебека 1700—1701 гг.

не съезжались; послы считают, что из-за наступающей стужи трудно будет вести переговоры в тех разоренных местах, которые назначены для конференции. Мирным переговорам будет препятствовать французский король, который «путь к тому делу различными преграды заграждает». Военных действий между цесарскими и турецкими войсками не ожидается; только 2 000 татар подъезжали к цесарским караулам; им дан добрый отпор, и они потеряли 20—30 человек убитыми да 14 взятыми в плен. В заграничных газетах напечатано об усмирении «здешних бунтовщиков», т. е. стрельцов, и о намерении царя предпринять поход на Черное море и «под крымские жилища». Польский король отправился в Литву для успокоения враждующих там партий. Ожидается собрание сейма. Испанский король Карл II, смерти которого тогда со дня на день ожидали, чтобы начать борьбу за испанское наследство, «пришел в совершенное здравие»; однако французы имеют наготове войска более 100 000 человек. Во многих местах, в цесарской земле и в соседних с Голландией местностях, также и в окрестностях Гамбурга, чувствуется большой недостаток в хлебе и большая дороговизна на него. Бранденбургский курфюрст намеревался осадить город Эльбинг, но договорился с городом и взял с него 200 000 ефимков, половину старинного долга, отсрочив платеж другой половины [1]. Изложив содержание курантов, Виниус «при сем и подлинные куранты послать дерзнул» [2].

На это письмо Виниуса царь отвечал письмом 30 ноября, в котором опять выражал надежду на успех тех обширных приготовлений, того «великого препараториума», какой шел в Воронеже, хотя опять указывал и на «мрак сумнения». «Min Her, — пишет Петр, — Писмо твое я принялъ і за вѣсти іностранныхъ благодарствую. А здѣсь при помошъщи Божией препороториумъ великой; толко ожидаемъ благаго утра, дабы мърак сумнѣния нашего прогнанъ был. Мы здѣсь зачали карабль, который может носить 60 пушекъ от 12 до 6 ѳунтоеъ» [3].

Как видим, оба письма к Виниусу, и от 3 и от 30 ноября, отражают в себе то чувство удовлетворения, которое испытывал Петр при виде воронежских работ и достигнутых успехов. Однако впоследствии, при более пристальном рассмотрении, дело воронежского кораблестроения оказывалось далеко не таким блестящим, каким оно могло показаться при первом взгляде. Неведение со стороны руководителей сказалось уже

---

[1] Более 30 лет Бранденбург имел право на Эльбинг, как на залог (Pfandbesitz) долга в 400 000 талеров, данного великим курфюрстом Польше, которая под разными предлогами медлила уладить это дело. По тайному договору 28 мая/7 июня 1698 г. в Иоаннисберге Август II предоставил Фридриху III право овладеть Эльбингом за 150 000 талеров (Dreysen. Geschichte der Preussischen Politik, IV Th., 132—133).

[2] П. и Б., т. I, стр. 750—751.

[3] П. и Б., т. I, № 256.

с первого момента кораблестроения, с самого приступа к этому делу. Когда потребовалось произвести отвод лесов на кумпанства и для казенного кораблестроения, думный дворянин Савелов, которому это дело было поручено, очутился, как мы видели, в большом затруднении, так как не знал, какой лес пригоден для кораблей и какой не пригоден. В качестве руководителей по разным отраслям нового дела принуждены были выступать дворяне, «которых с такое дело станет», потому что в Московском государстве дворяне должны были быть готовыми на все руки. Но дело было настолько ново и сложно и требовало таких специальных познаний, что без специальной подготовки и без технических знаний обыкновенные неподготовленные дворяне для него не годились, их уже на такое дело «не ставало». Неизбежно в этом случае было обращение к знающим иностранцам; иностранцы и сделались руководителями кораблестроения. Но с иностранцами не все оказалось удачно. Едва ли это был народ очень сведущий, иначе они находили бы приложение своим знаниям и у себя дома; а затем затруднение состояло в том, что они были различных национальностей, с разными приемами и манерами кораблестроения и ссорились между собой: голландцы не хотели слушать указаний датчан, и, когда голландские приемы были осуждены и дано было преимущество датским и итальянским, становился вопрос о переделке по датским образцам. Отдельные мастера при этом капризничали, упрямились, обнаруживали желание уехать на родину или запрашивали с кумпанств непомерное содержание. Казенное кораблестроение замедлялось и тормозилось от недостатка рабочих рук. Работа ложилась на население Воронежского края новой, непредвиденной и неожиданной и притом крайне тяжелой повинностью, отрывавшей крестьян и мелких служилых людей от домов и хозяйства. Сгоняемые в леса, где приходилось по месяцам существовать под открытым небом, перенося тягости непогоды, или на воронежские верфи, где условия существования были немногим лучше, работные люди и плотники, крестьяне, казаки или городовой службы дети боярские с их малолетними недорослями стремились бежать домой. На повальное бегство рабочих неумолчно жаловались руководители дела; а между тем, как впоследствии выяснилось из следственных процессов адмиралтейца Протасьева, воронежского воеводы Полонского и других дворян, сами же руководители содействовали бегству рабочих, за взятки отпуская их домой.

Наконец, и самые приемы, которыми дело проводилось, не обусловливали его гладкого, быстрого и успешного исполнения. У Петра и, может быть, в кругу ближайших к нему сотрудников явилась мысль о необходимости азовского флота, и была поставлена на очередь постройка кораблей в Воронеже. Но эта общая доминирующая мысль не была предварительно расчленена и предварительно разработана в деталях и частно-

стях, не была продумана до конца и соображена с имеющимися средствами. Основная мысль, перейдя в выражение воли, и притом настойчивой воли, преобразователя, была как бы брошена сверху и затем должна была быть подхвачена на лету исполнителями, которым предварительно предоставлялось уже самим осуществлять ее, подыскивая для исполнения подходящие средства, заранее не указанные, почему и приходилось хвататься то за одни, то за другие средства, одни из них бросать, отыскивать новые; и отсюда ряд ошибок, которые потом надо было исправлять, но которые иногда было уже трудно исправить. Придя к мысли о необходимости завести флот, который бы грозил туркам и Крыму со стороны Черного моря, Петр изъявил волю иметь такой флот, придал выражению этой воли форму приговора Боярской думы, только в главных очертаниях наметил средства к ее осуществлению в виде адмиралтейского строения и кумпанств, на встретившиеся сейчас же вопросы дал два-три указания, затем уехал за границу учиться корабельному искусству и, положив начало делу, предоставил ему развиваться самостоятельно, только торопя из-за границы его исполнителей и все увеличивая число кораблей. Дело должно было итти само собой, осуществляться частью старыми привычными способами, в виде старинного тягла под руководством стольников и дворян московских, под главным руководительством старинного Владимирского судного приказа, которому приданы были функции адмиралтейства, частью новым способом, через приглашенных иностранных мастеров. Не было ничего заранее точно и с достаточной полнотой и обстоятельностью предусмотренного, продуманного и установленного; все было крайне неустойчиво и зыбко, все существовало сегодняшним днем и ежедневно вызывало вопросы, разрешавшиеся наскоро, на ходу. Взяты были типы кораблей, строившиеся на Западе; но они не твердо укоренились в нашем кораблестроении, пришлось их переиначивать и изменять, приспособляя морские суда к речным устьям и варьируя их размеры. Вскоре же после самого учреждения кумпанств была составлена, как мы знаем, во Владимирском судном приказе роспись всем необходимым для каждого вида корабля предметам и припасам, начиная с пушек; но роспись эта оказалась неполной и нетвердой: обозначенные в ней размеры пушек пришлось потом менять, так как они плохо соответствовали размерам и осадке кораблей. Было решено вооружать бомбардирские корабли мортирами, но, повидимому, ясных представлений о корабельных мортирах не было. Адмиралтеец взял письменное описание о мортирах у работавших в Воронеже венецианцев; перевел его с итальянского языка на русский и послал за границу к Петру на исправление с просьбой извинить за плохой перевод. Царь, повидимому, думал, что из таких мортир стреляют каменными ядрами; по крайней мере адмиралтеец, расспросив венециан, разубеждает его в том

в письме от 16 декабря 1697 г.: «а венециане все сказали, что у них каменных ядер в мозжерах не водится, а только весы размер являют, который послан к милости вашей»[1]. Каменное ядро было послано царю за границу только как модель, на образец веса. Кумпанства очень затруднялись, не получая образцов различных предметов корабельного снаряжения, обещанных им из Владимирского судного приказа, что́ очень задерживало дело. Заведующим делами кумпанств приходилось частным образом собирать сведения у кого попало из иностранцев, «промышлять и проведывать по иноземцам и по знающим навычным людям»[2], сколько чего надобно, каковы должны быть и как должно делать те или иные корабельные припасы или принадлежности. С возникавшими вопросами кумпанства обращались к адмиралтейцу Протасьеву, но адмиралтеец не все их мог решить, обращался сам к Петру за границу и просил кумпанства подождать указа; но указ медлил или и совсем не приходил. Когда царь присылал распоряжения, они не отличались устойчивостью, писалось то одно, то другое, ни на одно распоряжение нельзя было смотреть, как на окончательное: число кораблей менялось, вводились их новые типы, срок окончания их то ускорялся, то откладывался, и приходил приказ приостановить работы, когда их нельзя уже было остановить.

Отсутствие последовательно продуманного, развитого в деталях и твердо установленного плана всего предприятия, недостаток специальных технических знаний, сбивчивость в руководящих распоряжениях имели результатом то, что воронежские суда были построены дурно. Прежде всего, они строились из непросушенного, сырого леса, без крытых элингов и потому подвергались всем вредным действиям непогоды. «При одновременной спешной постройке такого числа судов некогда и невозможно было думать об устройстве крытых элингов; суда росли, подвергаясь ненастью и всем переменам погоды. Сырой, только что срубленный лес, несмотря на протесты венецианских мастеров, шел немедленно в дело, железное крепление, как обнаружили последствия, заменялось часто деревянным»[3]. О плохом качестве кораблей стали доходить слухи до Москвы, и уже 28 ноября 1698 г. Гвариент, следивший из столицы за ходом дела, доносил императору, что Петр «занят исключительно переделкой и постройкой кораблей. Дорого построенные корабли дурны и скорее годятся под купеческий груз, чем для военных действий»[4]. Сохранился акт осмотра воронежских судов какими-то экспертами, правда, более поздний, но речь идет в нем именно о тех адмиралтейских и партикулярных кораблях, которые строились в описываемое время, в 1697 и 1698 гг. В этом

---

[1] Елагин, ук. соч., приложение III, № 41, стр. 280—281.
[2] Там же, № 34.
[3] Там же, стр. 64.
[4] Там же, стр. 116.

акте значится, что наилучшими из всех кумпанских кораблей оказались три, строенные Избрантом, затем князя Прозоровского и князя М. Я. Черкасского, что три ших-бомбардира, строенные Троицким монастырем по итальянскому размеру, вышли недурно, из них два — «крепости средней», а третий — лучше двух других. «Три ших-бомбардира гостиных, хотя через неискусство мастера недоброю пропорцией сделаны... однакоже по нужде употреблять их возможно». Из адмиралтейских кораблей два итальянских сделаны пропорцией «не зело доброю, паче же зело худою крепостью», и трудно их исправить. В таком же состоянии кумпанские корабли Девичьего монастыря, вологодского архиерея и стольника Зыкова. Корабли кумпанств князя Я. Н. Одоевского, С. Ф. Толочанова, князя М. А. Черкасского, князя П. И. Хованского «плошае вышеписанных размером и крепостью». Корабли Т. Н. Стрешнева, князя Я. Ф. Долгорукого и Б. П. Шереметева—«худшие от всех кораблей размером и крепостью». «Все же сии кумпанские корабли, — замечают в заключение эксперты, — есть зело странною пропорциею ради своей долгости и против оной безмерной узости, которой пропорции ни в Англии, ниже в Голландии мы не видали, мню же, что и в прочих государствах таких нет же; но уже тому поправление учинить невозможно, того ради надлежит только о крепости их радеть»[1]. В сентябре 1699 г. было отдано распоряжение о переделках на кораблях с подробными техническими указаниями, что именно надлежит переделать на каждом, например: «Корабль кумпанства боярина князя Михаила Алегуковича Черкасского: кнехт надобно сверху сделать; кают-камор сделать до битенс; поварню подвинуть к середине, потому что близ кабель-каморы и т. д.»[2]. Пришлось впоследствии, в 1701 г., переделывать и 10 кораблей гостиного кумпанства, строившихся на Ступине. Осмотр им производили две комиссии экспертов: одна, составленная из иноземных мастеров, другую составили четверо русских — Питер Михайлов (сам Петр), Федосей Скляев, Александр и Гаврило Меншиковы. Русская комиссия указывала между прочим, что «сии корабли есть через меру высоки в палубах и бортах и того для надлежит оные дек или палубу ниже опустить, также фор и бак деки обнизить и шхотами загородить» и т. д. Изменения, которые надлежало произвести, были указаны в протоколе комиссии в 8 пунктах[3]. Недостаточной и неудовлетворительной оказалась и та роспись необходимых корабельных принадлежностей и припасов, которая была выдана кумпанствам из Владимирского судного приказа. Приехав с Петром в Воронеж и ознакомившись с делом, вице-адмирал Крюйс должен был составлять новую по количеству перечисленных там предметов, несравненно более

---

[1] Елагин, ук. соч., приложение III, № 58.
[2] Там же, № 59.
[3] Там же, № 72 и 73.

ния грозящего татарского набега[1]. В начале декабря Петр писал также в Москву Лефорту. Последний отвечал письмом от 10 декабря, которое получено было царем, вероятно, или перед самым отъездом из Воронежа, или по дороге в Москву. Речь в переписке шла о вновь заложенном царем корабле: «Ты изволил ко мне писать про военный корабль, — пишет Лефорт по обыкновению латинскими буквами со своеобразной орфографией, — который починали работать; я с великой радостью буду слушать и служить на нем, коли время будет». Далее Лефорт жалуется, что не получает писем от вице-адмирала Крюйса, пересылает со своим письмом письма от князя Ф. Ю. Ромодановского и Бутенанта, упоминает о переписке своей с Женевой. И это последнее письмо Лефорта перед его смертью заканчивается словами, которые были постоянным припевом всех его писем, показывающим, что «дебошан французской» оставался до конца верен себе: «Пожалуйста, прикажи прислать бочку французского вина и не забывать наше здоровье пить. А мы вчера про вас не мало пили у меня и с шаутбейнахты и посланники»[2].

XXVIII. ДЕЛО АЗОВСКОГО СТАРЦА ДИЯ

Из Воронежа Петр выехал 16 декабря[3] и на пятый день, 20-го, был уже в Москве. «20-го прибыл его величество, — записывает в дневнике больной Гордон, — и в тот же вечер был у полковника Блюмберга» на крестинах дочери. «Его царское величество, — читаем у Корба под 20-м числом, — вернулся из Воронежа и был восприемником от купели дочери барона и полковника фон Блюмберг. Совосприемников было семнадцать и почти из всех исповеданий. Главные из них: господин цесарский посол, генералы Лефорт и Карлович, г. Адам Вейд».

На другой день, 21 декабря, был, надо думать, по случаю возвращения царя, пир у Лефорта, «на котором, — по записи Гордона, — долго оставались его величество и другие». Корб рассказывает об эпизоде, омрачившем веселье на собрании. «Генерал Лефорт устроил, — читаем у него, — великолепный пир, на котором принял, кроме царя, двести самых знатных гостей. Но царь был сильно рассержен самыми низкими клеветами двух лиц, которые соперничали о первом после него месте, и открыто пригрозил покончить их спор головой того, кто из них окажется наиболее виновным. Посредником для решения дела он избрал князя Ромодановского, а когда генерал Лефорт приблизился к царю с целью успокоить его гнев, тот оттолкнул его от себя сильным ударом кулака». Царь, видимо, был сильно рассержен. Две особы, заспорившие о первом месте, по сообщению цесарского посла Гвариента, доносившего об этом эпи-

---

[1] Корб, Дневник, стр. 106.
[2] Елагин, ук. соч., стр. 282; П. и Б., т. I, стр. 754.
[3] «Юрнал 207 и 208 гг.» (1698—1699), стр. 1.

зоде императору, были Л. К. Нарышкин и князь Б. А. Голицын. По словам Гвариента, «царь с яростным выражением лица швырнул к ногам Нарышкина стакан с вином, сильным ударом оттолкнул от себя Лефорта, подошедшего, чтобы его успокоить, собственноручно написал вызов в Преображенское, покинул компанию с гневной угрозой: ваше предательство и десятый год продолжающийся раздор я точным образом расследую и сразу положу этому конец казнью того, на которого падет наибольшая вина в этом застарелом споре»[1].

В следующие два дня, 22 и 23 декабря, по свидетельству Корба, в Преображенском собирались заседания Боярской думы по важнейшим государственным делам: «все бояре были по приглашению у царя в Преображенском, где обсуждались вопросы войны и мира».

22 декабря в Пушкарском приказе, которым управлял тогда боярин А. С. Шеин, началось расследование по делу присланного из Азова монаха азовского Предтечева монастыря, старца Дия, и происходил допрос нескольких прикосновенных к этому делу азовских стрельцов.

Дело старца Дия было далеким отзвуком событий, разыгравшихся в июне 1698 г. под Москвой, — стрелецкого мятежа и расправы с мятежными стрельцами под Воскресенским монастырем. В нем вскрылись слухи и толки, вызванные этими событиями на отдаленной азовской окраине, куда с конца августа 1698 г. стали доходить известия о стрелецком мятеже. Дело заключалось в следующем.

В середине июля 1698 г.[2] направлялся из Москвы в город Черкасск с пятнадцатью донскими казаками, «с легкой станицей», некий атаман Тимофей Соколов. Прошлое атамана было не совсем безукоризненно. Осенью 1697 г., когда из Азова возвращались войска, он получил от генералиссимуса А. С. Шеина предписание быть «вожем», т. е. проводником, войск от Азова до Валуйки, но приказа этого не послушался, под тем предлогом, что дороги степью не знает. Оказав ослушание главнокомандующему и боясь за то «государева гнева», Тимофей бежал на Кавказ, сначала на реку Куму, с Кумы перебрался на Терек, где перезимовал в Шадрине городке, а летом 1698 г. неизвестно зачем очутился в Москве, откуда и возвращался теперь на родину[3]. Добравшись до Воронежа, станица сделала остановку, во время которой к Соколову присоединился бывший ротный писарь Преображенского полка Алексей Киндяков с женой. Прошлое писаря было также небезупречно. Как он показывал о себе, ранее он бывал в приказе Казанского дворца

[1] Gordons Tagebuch, III, 226; Корб, Дневник, стр. 107; Dukmeyer, Korb's Diarium, I, 122.

[2] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 1, ст. 6, л. 43: «после Петрова дни на третьей неделе».

[3] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 1, ст. 6, л. 144—145; карт. 6, ст. 2, л. 10.

в подьячих, из подьячих был взят в Преображенский полк в ротные писари, участвовал с полком во втором Азовском походе в 1696 г., но когда полк возвращался домой, он «от своей братьи отстал в Черкасском за очною болезнью и зимовал в Азове». Из Азова, как он говорил, он отпросился у воеводы «в Киев по обещанию помолиться печерским чудотворцам», и ему будто бы выдана была воеводой подорожная, которую он на дороге потерял. Но в Киеве он был задержан как беглый, без подорожной, и как беглец был прислан оттуда 24 октября 1697 г. в Москву, в Преображенский приказ. За побег ему было в Преображенском приказе «учинено наказанье», бит плетьми и затем сослан в Азов в ссылку [1]. К месту ссылки он и отправлялся под надзором стольника Андрея Курбатова, когда его в Воронеже настиг атаман Соколов, который «по знакомству ему, Алешке», взял его у стольника под расписку, обязавшись вернуть его стольнику в Черкасске.

От Воронежа поплыли в Черкасск на бударе, и во время плавания, как показывал один из ехавших с атаманом казаков легкой станицы, «от скуки на палубе сиживали и меж себя говаривали кое-что» [2]. Это кое-что коснулось и июньских московских событий. Чрезвычайно трудно, конечно, поручиться за достоверность передачи этих разговоров; даже нельзя вполне быть уверенным в том, что такие разговоры действительно происходили. Мы о них узнаем из показаний одних лиц, между тем как другие лица, также, казалось бы, участники разговоров, необыкновенно упорно их отрицали. Случалось также, что показания, дававшиеся на первоначальных допросах, затем «у пытки» и с самых пыток менялись; человек, сделавший на пытке оговор другого, потом от своих слов отказывался, оговор снимал или «сговаривал» с того, кого он первоначально оговорил, объявляя, что делал показания «убояся пытки» или сделавшись от пытки «вне ума». Поэтому приводимые ниже речи никоим образом не могут претендовать на абсолютную достоверность, и их следует считать имеющими лишь более или менее значительную долю вероятности. Может быть, та или другая фраза и не была произнесена тем, кому она приписывалась; может быть, ее сочинил тот, кто ею оговаривал другого, и она была не более, как вымыслом ее сочинителя. Но все такие соображения не лишают этих разговоров значения. В самом их содержании нельзя видеть ничего невероятного. Самые сюжеты их могли быть и должны были быть именно таковы, как они передавались, потому что такое именно их содержание в казачьей и стрелецкой среде могло и должно было вызываться переживавшимися тогда событиями. Разговоры казаков на палубе переданы Алешкой Киндяковым; казаки впоследствии на очных ставках с ним их отрицали. Но по существу в них не

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 11, ст. 16.
[2] Там же, № 12, карт. 1, ст. 8, л. 26 об.

было ничего неправдоподобного; невероятных показаний Киндяков на них не стал бы наговаривать, потому что таким наговорам никто бы не поверил, а это, конечно, не входило в его расчеты. Слова, приписанные казакам, могли быть ими и не произнесены. Но если они не были их открытыми высказываниями, они могли составлять содержание их мыслей. Наконец, если такие слова были только в мыслях самого Киндякова, то все же это значит, что он представлял себе казаков, с которыми ехал, такими, что они эти слова могли произнести, и это его представление по всем другим подтверждающим данным не шло в разрез с действительностью. Обратимся, однако, к самым разговорам.

«Как де они плыли рекою Доном, — показывал Алешка Киндяков, — и не доезжая Донца в лесу, что словет Вотчинной, атаман Тимофей (Соколов) с казаком же с Филькою, чей он и прозвище не помнит[1], сидели на палубе и Филька де тому Тимошке говорил: на Москве де бояре везли животы свои по церквам и по монастырям. Можно ль де такие животы имать из церквей?» Эти слова касались паники, вызванной в Москве движением стрельцов к Воскресенскому монастырю, и, вероятно, передавали действительно имевшие место факты; вполне возможно, что испуганные стрелецким движением московские бояре старались прятать имущество по более безопасным местам, какими были церкви и монастыри. Вопрос, которым замечание Фильки Иванова заканчивалось, имел юридическое или, точнее, церковно-юридическое значение и относился к тому, возможно ли брать из церкви имущество, в нее внесенное. Атаман, к которому вопрос был обращен, дал на него отрицательный ответ, сказав: «тех де животов из церквей и из монастырей имать нельзя», но тотчас же при этом поспешил утешить собеседника, прибавив: «Москва де — царство; есть чем богатиться. И по дворам де животов много!» Начавшись таким вступлением о, видимо, очень интересовавших казаков боярских «животах», беседа затем продолжалась, касаясь тех же московских событий. Филька спросил атамана: «приехав в Азов, можно ли рассказать азовским стрельцам про четыре стрелецких полка, которые подверглись казням под Воскресенским?», на что атаман сказал: «нельзя, воевода засадит! Стрельцы услышат о том и у нас в Черкасском, потому что человек по сту и по двести стрельцов постоянно у нас в Черкасском бывают». На это Филька высказал, что если стрельцы о том услышат, то поднимутся всеми шестью полками, да и казаки к ним пристанут: «если де стрельцы это слово в Черкасском услышат, поднимутся и те все шести полков стрельцы, которые ныне в Азове, да и наши де молодцы многие с ними поедут». Атаман, заканчивая разговор, на последние филькины слова, вдохновившись,

---

[1] Это был казак легкой станицы Филипп Иванов (Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 1, ст. 8, л. 27).

очевидно, окружающей обстановкой, Доном, по которому плыли, заметил: «река де вольная, никто ее не удержит!» Прислушавшись к этим речам на палубе, Алексей Киндяков, высланный из Москвы еще до стрелецкого бунта и не знавший о нем, подойдя к одному из плывших казаков, Ивану Таушкину, спрашивал: «к чему де вы давече эти слова говорили?» И Ивашко-де ему, Алешке, сказал: «или де ты не слыхал, что четыре полка, которые зимовали в Азове, пришли к Москве без указу и под Воскресенским де монастырем солдаты бой учинили». К тому де те слова и говорили» [1].

Приплыв в Черкасск, атаман Тимофей Соколов с казаками легкой станицы побывали в войсковом кругу. На расспросы о московских вестях они сообщали, что великого государя на Москве нет; письма от него бывают, но они слышали на Москве, что на письмах руки великого государя нет. О царевиче говорили, что он, «благороднейший государь царевич на Москве не живет, а пребывает де он, государь царевич, в Преображенском и у Троицы, а за ним де бывает боярин Лев Кириллович Нарышкин». Далее следовало сообщение о стрельцах: «которые де стрельцы зимовали в Азове, и те де стрельцы собою к Москве пришли. И бояре де их в Москву не пустили и отсылали их назад попрежнему, где они были, дожидались бы великого государя указу. И с ними де стрельцами огненный бой был». Вести, привезенные казаками, произвели в Черкасске сильное впечатление, вызвали сочувствие к стрельцам и раздражение к их победителям — потешным солдатам. Дня три спустя после круга казаки, встретив на майдане (на рынке) Алешку Киндякова, бранили его и говорили: «знать де ты потешный, дай де нам срок, перерубим де мы и самих вас, как вы стрельцов перерубили!» Да они же, казаки, говорили: «будет великий государь к заговенью (31 июля?) к Москве не будет и вестей никаких не будет, то де нечего его, великого государя, и ждать! А боярам де мы не будем служить и царством де им не владеть, и атаман де нас Фрол [2] не удержит. Как ни будь, а Москву де нам очищать!» Стрельцы из Азова, находившиеся в Черкасске, побывавшие также на кругу, когда там сообщались московские вести, взволнованные этими вестями, говорили: «будет так подлинно над нашею братьей учинилось, и нам де не по что к Москве итти, так де и над нами учинят», а некоторые стрельцы, наоборот, говорили казакам: «мы де от вас не отстанем, хотя и Азов покинем!», на что казаки отвечали: «мы де Азова не покинем! А как де будет то время, что итти нам к Москве, и у нас де с реки молодцы не все пойдут; река у нас впусте не будет, пойдем хотя половиною рекою, а до Москвы де будем городы брать и городовых людей с собою брать, а воевод будем рубить или в воду сажать». Эти на-

---

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 6, ст. 2; карт. 1, ст. 8; л. 24—25.
[2] Миняев, — атаман Донского войска.

мерения встречали сочувственный отклик в стрельцах. По шинкам в Черкасске стрельцы говорили казакам, чтобы они, казаки, их, стрельцов, не покинули, «а они де, стрельцы, от них, казаков, не отстанут и подчивали стрельцы казаков в шинках вином и медом и кланялись». Некоторые казаки передавали неизвестно откуда взявшийся слух, будто князь Б. А. Голицын ездит по Волге и по городам, у стрельцов отнимает оружие и отсылает его в Казань, а казанских стрельцов, отобрав у них оружие, выслал с женами в Царицын. Обо всех этих разговорах в кругу, на майдане и в шинках доносил и показывал Алешка Киндяков; он видел и стрельцов в казачьем кругу, но опознать этих стрельцов отказался, сославшись на глазную болезнь, что у него «глаза худы, заволакивает их туманом». Атаман Тимофей Соколов впоследствии отрицал эти показания и объяснял, что «в Черкасском его, Тимофея, казаки о московских вестях спрашивали, и он де тем казакам сказал: государя де на Москве нет, а ожидают его вскоре. А кроме того таких речей, которые он, Алешка (Киндяков), на него, Тимофея, выше сего сказал, тому войску он, Тимофей, не говорил, в том шлется на все войско. Только он сказал атаману Фролу Миняеву и старшинам в Черкасском же на беседе, а у кого не помнит: у стрельцов де с бояры ссора учинилась под Воскресенским монастырем, а за что, не ведает» [1].

В Черкасске в то время, как приехали туда из Москвы атаман Тимофей Соколов с легкой станицей, случайно находился по монастырским делам некий старец, недавний постриженник [2] азовского Предтечева монастыря Дий, в мире — Дорофей Щербачев. Старец прислушивался к происходившим среди казаков разговорам, вступал в беседы с некоторыми из них, говорил, между прочим, с Алексеем Киндяковым, к общению с которым, может быть, было поводом то, что старец сам служил ранее в Преображенском полку в солдатах [3]. Покончив свои дела в Черкасске и собравшись в Азов, старец «впросился» в лодку к возвращавшемуся туда же стрельцу Федору Аристову, ездившему в Черкасск для закупки фруктов и овощей: яблок, арбузов, дынь и огурцов. В лодке Аристова они и поплыли вниз по Дону. По показанию Дия, на пути их нагнали возвращавшиеся в Азов, также в лодке, четверо солдат полка Якова Грека, переведенных в Азов, которые и поплыли с ними бок о бок. Завязался разговор, начавшийся обращенным к Аристову вопросом солдат, на много ли купил он яблок, после чего солдаты поделились слышанными в Черкасске вестями: великого государя в Москве нет; боярин князь Б. А. Голицын без его, государева, указа пришел в Казань, ездит по низовым городам и отбирает

---

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 1, ст. 6, л. 43—48, 89—91, 109, 116—117, 130—131, 144—145; карт. 6, ст. 2.

[2] В 1697 г. он еще был мирянином (Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 1, ст. 6, л. 16).

[3] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 1, ст. 6, л. 110, 160, 163, 182.

оружие. Донские казаки возьмут с собой людей и пойдут к Москве, а боярам-де они, казаки, служить не станут, и ими, казаками, боярам не владеть. К этим вестям переведенцы-солдаты и от себя будто бы прибавили: «вот де и наше какое житье, что нас в Азов перевели про то де великий государь и не ведает, а делают де бояре без ведома великого государя». Старец Дий впоследствии указывал и приметы этих переведенцев, которые он будто бы хорошо запомнил: один из них был ростом велик, носат, волосом черен. Но спутник старца Федор Аристов упорно отрицал не только такие разговоры, но и самую встречу с переведенцами на Дону, объяснив с четвертой пытки, производившейся уже в 1701 г., что «Дорошка (Дий) его клеплет за его ж, Федкино, добро, что он в то время не взял с него провозу» [1].

20 августа Дий с Аристовым приплыли в Азов. Лодку оставили у расположенной на берегу Дона торговой бани. Вылезши из лодки, Дий обратился к находившемуся здесь и занятому у своей лодки стрелецкому пятидесятнику Никифору Зайцу со словами: «На Москве де нездорово! Ваших четыре полка стрельцов порубили всех, которые в Азове зимовали. Или вы о том не ведаете?» И он, Никифор, за то его, Дия, избранил: «кто де тебе про то врал? у нас де того ничего не слышать, и с Москвы де пишут, что милостию божиею все здорово». И он-де, старец, говорил: «сказывал де ему в Черкасском донской казак, который был на Москве в станице». Во время этого разговора из бани вышел стрелец Афонка Белов, который потом на допросе об этой встрече показал: «шел де он из торговой бани, выпарясь, и у той де бани стоял старец Дий, а с ним два человека неведомо какого чину. И он де, старец Дий, говорил с теми людьми: «вот де и на Москве четыре полка стрельцов порубили, будто де не бывали». И он, Афонка, мимо идучи, молвил ему, старцу Дию, чтоб он так перестал непристойно говорить, а с ним не остановился». Однако спутник Дия на последующих допросах упорно отзывался неведением и об этих разговорах: один раз сказал, что ничего не слыхал, потому что был в то время пьян, а другой раз заявил, что «того ничего он, Федка, не видал и не слыхал, потому что в то время была морская погода и лодку его с товаром залило, а он, Федка, управлялся около тое лодки, воду лил вон и укрывал тое лодку епанчами и рогожами» [2].

Поговорив у бани со стрельцами Никифором Зайцем и Афонкой Беловым, старец Дий вошел в баню. В бане он застал несколько мывшихся стрельцов и начал с ними вести те же речи. «Августа де в 20 числе, — показывал стрелец Афонка Панкра-

---

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 1, ст. 6, л. 191, 160—166; ср. карт. 1, ст. 8, л. 3 — такое же отрицание с восьмой пытки 30 марта 1704 г.

[2] Там же, л. 9—11, 18. 80.

тов, — был он в торговой бане, и в то де время приехал из Черкасского Предтечева монастыря старец Дий и парился в той же бане, и стрельцов всех бранил матерны и говорил возмутительные и непристойные слова: уж де вашу братью стрельцов четыре полка, которые зимовали в Азове, всех порубили, а вас де и достальных всех немцы порубят, а вы де не умеете за себя и стать. Хотя де вы за себя не стоите, а донские де казаки давно готовы. И в то де время учали на него, старца Дия, многие кричать: что де он, чернец, врет? то де дело не наше! А он де, Афонка, за то в него, старца Дия, шайкою бросил». То же показывал и другой посетитель бани, Авдей Логинов: «того де числа в торговой бане он, Дий, стрельцом говорил: дураки де они, что не умеют за свои головы стоять. И стрельцы де сказали: не наше де то дело!» [1]

Дий вернулся в Азов из Черкасска, точно наэлектризованный слышанными там известиями о гибели четырех стрелецких полков, никак не мог сдержать своего возбуждения и, где только мог, эти известия разглашал, высказывая негодование. На другой день по приезде, 21 августа, как показывал иеромонах того же Предтечева монастыря Павел, живший с Дием в одной келье, «он, Дий, говорил за трапезою при братье и при служебниках вслух и кричал: на Москве де четыре полка стрельцов и солдат Преображенского и Семеновского полков, которые посланы были против стрельцов и с ними не бились, порубили всех. А великий де государь благородный царевич и великий князь Алексей Петрович окопался на Бутырках. И он де, Павел, и братья его, Дия, унимали». Эти речи Дия заключали в себе заметную прибавку сравнительно со слышанными в Черкасске вестями, именно, прибавку о том, что перерубили, кроме четырех стрелецких полков, еще и тех потешных солдат преображенцев и семеновцев, которые не хотели со стрельцами биться. Что Дий действительно говорил такие слова за трапезой, подтвердили присутствовавшие на трапезе свидетели: старец Маркел, знакомый уже нам, бывший накануне в бане Авдей Логинов и монастырские служебники: иконописец Васька Иванов и Гришка Логинов [2].

В тот же день, 21 августа, встретив на пловучем мосту через Дон пятисотного стрелецкого Конищева полка Степана Никифорова, старец Дий и ему сообщил о том, что переказнены все четыре полка, зимовавшие раньше в Азове и потому знакомые жителям Азова, причем высказал соображение, что, вероятно, у иных азовских стрельцов были в тех полках и родственники, и прибавил: «только жаль мне пуще всех того, который жил в тех хоромех, где ныне живет он, Степан». Пятисотный Степан Никифоров, по его собственному показанию, на сообщенные

---

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 1, ст. 6, л. 10—11; карт. 7, ст. 113, л. 5, 2.

[2] Там же, л. 5—6.

ему новости ответил Дию: «Будет де кто к чему приличен, вору и воровская (смерть). Кийждо от своих дел звание приемлет». И он, Дий, такие слова слыша, от него, Степана, пошел прочь, потому что он, Степан, ему, старцу Дию, про те слова говорил противно с бранью». Впоследствии на вопрос о стрельце, о котором он особенно пожалел в разговоре со Степаном Никифоровым, Дий сказал, что это был Васька Секачев, и объяснил, что потужил о нем потому, «что он был человек добрый для того: когда де он, Дий, в прошлом 205 (1697) году в мире был болен, и он, Васька, прихаживал к нему и поил его и кормил». Много позже, в другом показании, Дий сказал, что потужил о Ваське Секачеве потому, что тот обучал его нотному пению [1].

Наконец, в тот же день, 21 августа, в монастыре, на крыльце у кельи черного попа Дионисия, Дий в присутствии Дионисия говорил подьячему Алешке Дугину: «говорят де стрельцы: отцов де наших и братьев и сродичев порубили, а мы в Азове зачнем и боярина и воеводу князя Алексея Петровича (Прозоровского) и товарищев его и начальных людей вместо тех, которые побиты в нынешнем 206-м году, побьем. А и недавно де было взволновались и хотели иттить, да старики удержали» [2].

На следующий за этим день, 22 августа, старец Дий приходил к полковнику Ивану Озерову просить лошадей для монастырской надобности и тут встретился с пятисотным Василием Бурмистровым, который также находился накануне на пловучем мосту во время разговора Дия с пятисотным Степаном Никифоровым и как раз пришел с тем, чтобы доложить полковнику об этом разговоре. «И ему, старцу Дию,— показывал Бурмистров,— при полковнике он, Василей, говорил: что де ты Степану вчера врал, будучи на мосту? А полковник ему, старцу, сказал: что де ты, старец, плутаешь, воруешь и такими словами народ возмущаешь? И не выпрося подвод, тот старец вышел вон» [3].

Известия о настроении и намерениях азовских стрельцов, переданные Дием подьячему Алексею Дугину в разговоре на крыльце у монастырской кельи, были серьезнее слухов об отдаленных московских событиях и грозили азовской администрации непосредственной опасностью. Не обошлось без своего рода провокации. Подьячий Алешка Дугин о слышанном от Дия, что стрельцы хотят убить боярина князя А. П. Прозоровского и дьяка Ефима Черного, передал своим товарищам по Азовской приказной палате подьячим Сергею Лопатину и Кузьме Рудееву, а те поспешили возвестить боярину. Тогда боярин подослал к монахам этих подьячих доведать, впрямь ли подьячий Алешка Дугин такие слова от чернеца Дия слышал. «И он, Кузьма, по приказу боярскому для выведыванья тех слов в тот монастырь к ним, чернцам, в келью ходил, чтоб такие слова выве-

---

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 1, ст. 6, л. 13, 16, 147.
[2] Там же, л. 4.
[3] Там же, л. 16.

дать». Придя к Дию и Павлу в их общую келью, Рудеев начал провокаторский разговор, «стал им, Павлу и Дию, говорить: на Москве было стрельцы завели дурно, да бог не допустил». Дий тотчас же попался на удочку. «И к тем де ево, Кузьминым, словам старец Дий говорил: и здесь де было в Азове недавно стрельцы из молодых чуть не поднялись и хотели то ж делать, да старики удержали, а что де Семен день покажет! И он де, Кузьма, молвил: жаль де одного боярина, а иные все даром! И Сергей Лопатин к тем его, Кузьминым, словам молвил: ништо бы де черных тех!», очевидно, этой игрой слов намекая на азовского дьяка Ефима Черного. «И к тем их словам иеромонах Павел молвил: и я де, сидя у человека, такие слова слышал ж! А от кого он, Павел, такие слова слышал, про то им, Кузьме с товарищи, не сказал. А такие де слова они, Кузьма с Сергеем, говорили для того, чтоб из них, чернцов, болши выведать, а не для какого дурна»[1].

23 августа Алешка Дугин выступил официально, явился в Азовскую приказную палату с изветом. По этому извету Дий был тотчас же задержан; задержан был и его сожитель, иеромонах Павел, которого Дий оговорил при первом же допросе, 23 августа, будто слова, переданные Дугину, слышал от него, Павла. Началось следствие в приказной палате с допросами и очными ставками; пытать монахов было нельзя, потому, как писал воевода в Москву, что Дий «не был обнажен монашества», а иеромонах Павел — священства. Дело вызвало, повидимому, большое волнение в Азове и навело панику на азовских стрельцов, которые стали выступать с изветами личными и коллективными с целью очистить себя от подозрений, возводившихся на них словами старца Дия, заявляли о своей лойяльности и, между прочим, писали: «А для какого вымыслу такие слова он, старец Дий, говорил, того мы, холопи твои, не ведаем. А служить и работать тебе, великому государю, как обещались пред святым евангелием, со всякою верностию мы, холопи твои, рады и впредь на таких возмутителей тебе, великому государю, извещать и самих их приводить должны»[2]. К 6 сентября следствие было закончено, и в этот день дело отправлено было в Москву в Пушкарский приказ, которому подведомствен был город Азов, вероятно потому, что во главе приказа стоял тогда боярин А. С. Шеин, генералиссимус в походе 1696 г., завоеватель Азова. В Москву дело прибыло 6 октября[3]. 27 октября из Пушкарского приказа пришла в Азов грамота с резолюцией: «старцу Дию за его непристойные и возмутительные слова учинить наказанье: перед приказною палатою бить монастырскими шелепами и сослать под начал в монастырь в Воронеж».

---

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 1, ст. 6, л. 92—97. Показания Кузьмы Рудеева, Сергея Лопатина и Алешки Дугина.
[2] Там же, л. 7—25.
[3] Там же, л. 3.

Решение приказа было исполнено, старец бит шелепами и 29 октября отправлен в Воронеж при отписке азовских воевод к Митрофанию, епископу Воронежскому [1]. Этого, казалось, было бы вполне достаточно, чтобы ликвидировать дело. На свою беду старец Дий привезен был в Воронеж в то время, когда там находился Петр. Привоз монаха, возвещавшего о предстоящих бунтах азовских стрельцов против местных воевод и донских казаков против Москвы, не мог укрыться от подозрительного и зоркого на эти предметы царя. Дий попал в поле его зрения и в результате при отписке адмиралтейца Протасьева из Воронежа был отправлен в Москву в Пушкарский приказ, куда и был доставлен 3 декабря. Что Дий был отправлен в Москву по личному приказанию Петра, видно из приводимого в отписке адмиралтейца Протасьева выражения: «по именному указу» [2]. Сюда же были присланы и другие лица, прикосновенные к этому делу, и здесь 22 декабря, через день по возвращении Петра в Москву, начался его пересмотр, новое расследование [3], за которым, как надо думать, следил и сам царь.

Начатые 22 декабря расспросы в Пушкарском приказе прервались на праздник рождества и продолжались затем 3 и 4 января. Оговоры, сделанные Дием еще на следствии в Азове [4], присоединили к делу, кроме упоминавшихся выше, еще трех лиц. Так, по его оговору пристав стрелецкого Воронцова полка Кузьма Аксентьев в те же августовские дни, между 20 и 22, встретившись с ним, Дием, в Азове где-то «у известных печей» (т. е. печей, где жгут известь?), а по показанию самого Кузьмы, «у турецкого колодезя», спросил Дия: «что́ в Черкасском говорят?» «И он, Дий, ему сказал: говорили казаки, что де стрелецкие четыре полка, которые зимовали в Азове, на Москве прирубили. А Куземко де ему говорил: посмотри де, что здесь в Азове Семен день (т. е. 1 сентября) покажет, а даром де отнюдь не пройдет». Сам Кузьма Аксентьев на позднейших допросах отрицал тот смысл своих слов, который в них видел Дий, и объяснял их так: «про то де, что в Азове Семен день покажет, говорил он к тому: если бог принесет великого государя к тому дни к Москве, и у нас де в Азове смирно будет. А будет он, великий государь, к тому дни к Москве не будет, и у них де в полкех неведомо как стало с людьми ладить, чинятся ослушны». Люди, когда он их по обязанности пристава наряжал на всякие годовые работы, «ему, Кузьме, отговаривали с упрямством: из чего де нам работать! Только де так же и нам будет, что́ на Москве стрельцом учинено. А того: даром де отнюдь не пройдет, — продолжал свое показание Кузьма, — он не

---

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 1, ст. 6, л. 49. Ср. л. 26, где неверно указано о посылке грамоты из Пушкарского приказа 30 октября.
[2] Там же, л. 27.
[3] Там же, л. 68—76.
[4] Там же, л. 49—50.

говаривал. Дорошка (так называем стал Дий по его расстрижении) — его тем клеплет за то, что он на него был изветчик». Кузьма Аксентьев, действительно, подписался в общем стрелецком извете, поданном азовскими стрельцами в августе 1698 г.[1]. Другие двое, оговоренные Дием, были стрельцы, стоявшие на карауле при нем и иеромонахе Павле в Азовской приказной палате в то время, когда они там были заключены. Один из этих часовых, стрелец Терентий Артемьев, утешал и ободрял арестованных монахов и передавал им о недовольстве азовских стрельцов местными властями: боярин, получая из Москвы государевы указы, скрывает их от стрельцов, стрельцы намерены захватить почту и посмотреть эти указы. Стрельцы вообще недовольны были почтовыми порядками в Азове: адресованные к ним письма из Москвы не доходят в их руки и истребляются подьячими. «Как он сидел в Азове в приказной палате, — показывал старец Дий, — и старец Павел сидел же, и очередной десятник Терешка Артемьев им, старцам Дию и Павлу, говорил такие слова: чтоб они, в приказе сидя за караулом, не боялись. Мы де вас не выдадим... Наши де стрельцы давно стерегут почты, чтоб ее к боярину и воеводам с товарищи не допустить и перехватить бы к себе, да не могут устеречь, чтобы посмотреть государевых указов, а то де боярин их, стрельцов, таит и что́ с Москвы пишут, им не объявляет. И после того в скорых числех почта с Москвы пришла, и он де, Терешка, говорил же: вот де наши стрельцы не могли устеречь!» Сам Терентий Артемьев сознавался, что, действительно, «в августе месяце в Азове в приказной палате на карауле он стоял и старцу Дию говорил, чтоб он, Дий, сидя за караулом, не печалился, потому что де в каких словах он, Дий, сидит, что он говорит: московских де полков стрельцы перерублены, и перекажнены и те де слова говорят их братья стрельцы вслух, будучи на работе, всех полков: что де великого государя на Москве нет, а бояре де их братью, стрельцов, переводят. А ведомость де им о том была от донских казаков, которые приезжали в Азов торговать. Да и о том де стрельцы всех полков переговаривали ж, что к ним, стрельцам, грамотки не доходят и говорили, чтоб почту с Москвы к себе перехватить, а до боярина б и воеводы не допустить и в той почте государевых указов досмотретца, что писано». Но показание Дия, будто он, Терешка, говорил, чтобы он, старец, не боялся и «мы де его не выдадим», он отрицал, «таких слов он, Терешка, не говаривал». Позже он объяснил, что слова про государя «болтали они потому, что в то число

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 1, ст. 6, л. 25, 37, 49, 81—82, 113, 161; ст. 8, л. 34. В частности на пытке 1702 г. он указал на одного из таких ослушников, Афанасья Скворца. Но это показание по предпринятой проверке не подтвердилось. Стрелец не был отыскан, а свидетели, на которых Аксентьев сослался: полковник Дмитрий Воронцов и денщик Немчинов, его слова опровергли (там же, карт. 1, ст. 8, л. 35—49).

государь был за морем. А умыслу у них к бунту никакого не было и ни за кем не знает. А про грамотки болтали они потому, что те грамотки дерут и в воду мечут подьячие». Терешка Артемьев жестоко поплатился за свои неосторожные разговоры с узником в Азовской приказной палате: его велено было сослать на каторгу на вечную работу, запятнав его новым пятном: нос вырезать [1].

На другого из своих стражей, стрельца Тимофея Филиппова, Дий показал, что «он, Тимошка, стоя на карауле в караульне, что у приказной избы, говорил ему, старцу Дию, что де его напрасно за караулом держат, чего де таить, что де на Москве делается, они де давно про все ведают. Вот де и на работе стрельцы говорят не тайно, въяв: что немчин над нами надсматривает и их бьет, кабы де пихнул его в ров, так бы де и почин пошел». В этих словах выражалось недовольство стрельцов против иноземца инженера, надсматривавшего в Азове за крепостными работами, которыми были заняты стрельцы, и высказывалась надежда, что расправа с этим иноземцем послужит «почином» к дальнейшим событиям, надо полагать, в том же роде. Однако показание Дия против Тимошки Филиппова свидетелями, на которых ссылались и Дий, и Филиппов, не было подтверждено. Он был впоследствии оправдан, но все же оставлен под подозрением, сослан в Сибирь, хотя и без наказания [2].

Видимо, арест Дия и начавшееся следствие возбудили в Азове большую тревогу. С тех же августовских дней, с самого ареста Дия, начались доносы о словах и о разговорах стрельцов, даже и не имевших отношения к Дию. Доносы делались испуганными людьми, частью, может быть, спешившими выгородить себя, частью в силу самого испуга, заразительно действовавшего и побуждавшего к выступлению по делу. Так, старец того же Предтечева монастыря Дионисий, вызванный в день ареста Дия, 23 августа, в качестве свидетеля разговора Дия с подьячим Алешкой Дугиным, происходившего, как припомним, на крыльце его кельи, подтвердив этот разговор, затем, вероятно довольно неожиданно для допрашивавших его воевод, показал: «Тому дни с четыре, — следовательно, числа 19 августа, — пришел он к кузнице стольника и полковника Михайлова полку Протопопова к стрельцу Мишке Чебоксарю для ножа, который ему отдал он, Дионисий, делать. И как де он, к тому Мишке к кузнице для взятья того ножа пришел и спросил: сделал ли он его нож? И тот де Мишка ему, Денисью, сказал: ну де от меня к чорту! до ножа ль мне твоего? То перво стало

---

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 1, ст. 6, л. 49—50, 34, 38; ст. 8, л. 5 и сл.

[2] Там же, л. 34, 99, 163; ст. 8, л. 7—8; 23 сентября 1702 г. бояре, слушав, приговорили: «Протопопова полку стрельца Тимошку Филиппова по общей ссылке оправить и послать без наказания в Сибирь, потому что его очистила общая ссылка» (!).

полковник де меня держит на чепи. И он де, иеромонах Дионисий, говорил, чтоб он, Мишка, побил челом о свободе полковнику. И Мишка де ему сказал: бить де челом ему, Мишке, ему, полковнику, не для чего. Заправя де самопал, да его убить! — и избранил его, полковника, матерны; пущай де он вместо собаки пропадет! И он де, иеромонах Дионисий ему, Мишке, говорил: для чего он такие непристойные слова говорит? А тут де стоял подле кузницы неведомо какой человек и говорил: нечего де в кулак шептать, говорят де въявь, хотят де и до большого добраться!» Кто был этот неведомый человек, возвещавший о намерении стрельцов добраться до большого, т. е. до самого Петра, так и осталось невыясненным. На всех дальнейших расспросах и пытках Мишка Чебоксарь в приписанных ему словах упорно запирался [1].

Доносы в Азове продолжались в течение всей осени уже после того, как следственное дело о Дие было отправлено в Москву. 11 сентября 1698 г. полковник Стремянного стрелецкого полка Иван Башмаков подал в Азовскую приказную палату письмо, в котором доносил: 6 сентября плыл он в лодке Доном из Паншина, куда он был послан для пригонки в Азов лесных припасов, и состоявший при нем стрелец Конищева полка Нестерко Бугаев во время этого путешествия говорил ему такие слова: «нам, стрельцам, ни на Москве, ни в Азове житья нет». На его вопрос: на Москве и в Азове от кого житья нет? Нестерко сказал: «житья де нам нет на Москве от бояр, а в Азове от немцев, в воде черти, а в земле черви». На дальнейшие вопросы Башмакова: «какая им от бояр налога? и для чего житья нет, и что им сделали бояре? он, Нестерко, сказал, что у них бояре хлеб отняли без государева указу, а государь де о том и не ведает». Нестерко сознался, что, действительно, возвращаясь с полковником Башмаковым из посылки в Паншин, он, плывя Доном, проехав казачий городок Курман-Яр, такие слова говорил, причем объяснил причину раздражения стрельцов в Азове против немцев: «как они бывают на городовой работе, и они де их бьют и заставливают работать безвременно». О том, что бояре сократили им хлебное жалованье, писали к ним, стрельцам, в грамотках их жены из Москвы [2]. Тогда же, в сентябре 1698 г., стрелец Воронцова полка Семен Решетов говорил пятисотному Озерова полка Григорью Титову: «будь де ты, Григорий, до всех добр, потому: видишь де ты, какие ныне времена: сего ж де числа Протопопова полку стрелец старичок, что стоит на карауле у азовских передних ворот в полумесяце у дерну и у всяких припасов, говорил мне: нашего де полку стрелец (Мишка Чебоксарь) взят в приказную палату и как того стрельца поведут в застенок пытать, и мы де того стрельца пытать не дадим». Привлеченный по поводу этих слов к допросу уже довольно

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 1, ст. 6, л. 4—5, 201.
[2] Там же, л. 62—66, 75—76, 88, 157—158, 180; ст. 8, л. 21—23.

много времени спустя после приведенного разговора, в ноябре 1698 г., Решетов показывал, что с Григорием Титовым он дружен потому, что раньше в Москве они вместе были площадными подьячими и писали на площади у Казанского дворца, и он по дружбе ему говорил, что «ныне де времена стали шатки, полковника Ивана Озерова, стрельцы похваляют, а его, Григорья (Титова) злословят, чтоб он поберегся». Давая этот совет Титову, он припомнил, как он сам «в смутное время», 1682 г., «страдал», будучи начальным человеком, сотенным в стрелецком полку Елагина. Тогда приходилось ему в течение двух недель сидеть и укрываться под избой своей в подполье, потому что подчиненные хотели «править на нем неведомо какие начетные деньги»[1]. Арест Чебоксаря, видимо, волновал его однополчан стрельцов, и у них возникало намерение отбить его силой и не дать его пытать, если его поведут в застенок. Указанный Решетовым стрелец старичок, оказавшийся стрельцом того же Протопопова полка Парфеном Тимофеевым, говорил Решетову, что раньше он был в крестьянах за боярином А. С. Шеиным и во время бунта Степана Разина присоединился к нему и «ходил с ним же, Стенкою, обжегши шест, будто с копьем». Старик выражал намерение вступиться за однополчанина: «и как де взятого в приказную палату полку их стрельца кузнеца (Мишку Чебоксаря) поведут в застенок, и они де пытать его не дадут. Еще де он, Парфенко, на старости тряхнет!»[2]

10 ноября 1698 г. в Азове в приказной палате холоп воеводы князя А. П. Прозоровского Андрей Сосновский извещал о том, что ему говорил стрелец Афанасий Нефедьев со слов другого стрельца, Якова Улеснева. Нефедьев был у Якова Улеснева в курене, в то время как Улеснев, приехав из Черкасска, привез с собой две сумы грамоток к стрельцам и сообщал, что те грамотки привезли из Москвы донские казаки, которые посыланы были в Москву в легкой станице, очевидно, те, которые вернулись с атаманом Тимофеем Соколовым. В курене были при этом многие стрельцы разных полков. Улеснев сообщал московские вести: «великого де государя не стало в походе, и государя царевича на Москве бояре хотели удушить, да уберег его один боярин, и называл его именем и отечеством имянно», но передававший эти слова Афонка Нефедьев его имени не запомнил. «А бутырские де солдаты сидели на Бутырках в окопе от бояр и от преображенских и семеновских солдат». В противоречие с известием о гибели государя во время путешествия он говорил, что «прислана с Москвы в Азов государева грамота, велено всех полков стрельцов, которые в Азове, за их службы похвалить. И боярин де те указы сует под ремень, и того указу им не объявил и рнясь (в отместку) тому почтарю, который тое грамоту привез, послал его на Миус». Сообщив этот слух,

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 1, ст. 6, л. 58—59.
[2] Там же, л. 59, 73—74, 85; ст. 8, л. 32.

Улеснев будто бы сделал из него практический вывод: «А вы де люди молодые, того не знаете, как их, боярина и воевод с товарищи, убить, так лучше будет», и затем перешел к дальнейшим сообщениям: «говорят де... что на Москве четыре полка побиты, а из Азова де боярин хочет послать два полка стрельцов на Миус, а иные в русские городы». Эти вести должны были немало тревожить слушателей, мечтавших не о Миусе и иных городах, а о Москве. Переходя далее к событию, волновавшему азовских стрельцов, Улеснев говорил: «если де полку их стрельца Мишку Чебоксаря пытать, и они де, стрельцы, боярина и воеводу с товарищи посадят на копья, лучше, чем от них терпеть. Полковников, которые к ним добры, оставят, а которые недобры, тех побьют же и пойдут к Москве и, пришед, побьют бояр за стрельцов, которые побиты. А и донские де казаки, которые приезжали из Черкасского, говорили и хотели итти к Москве с ними, стрельцами, вместе. Как де придут они на Валуйки и с ними де вся чернь поднимется. А совершенное де намерение побить в Азове боярина с товарищи было 1 сентября 1698 г., а в помочь к себе ждали донских казаков». Улеснев отрицал эти обвинения с твердостью, равнявшеюся той настойчивости, с которой Нефедьев их возводил. Много лет спустя, в 1705 г., с двенадцатой пытки и тот, и другой стояли каждый на своем показании[1].

Тот же Афонка Нефедьев на допросе в Москве в Пушкарском приказе 22 декабря оговорил пятисотного Протопопова полка Кузьму Иванова, ссылаясь на слова стрельца того же полка плотника Давыдки Тихонова, с которым он, Нефедьев, жил в одной избе. Давыдка как-то раз, вернувшись в избу, рассказал своему сожителю, что «был он в курене у стрельца того же полка Елфимки Петрова, а в том де курене были того же полку сиповщики (музыканты) и пили вино. И пятисотный де того полку Кузка Иванов говорил им, сиповщикам: «для чего де вы пьете? и так де вы голы!» И они, сиповщики, говорили ему, пятисотному, что они пьют с печали, что на Москве стрельцы побиты от бояр. И пятисотной де Кузка Иванов говорил им, сиповщикам: молитесь де вы богу, и все де полки стрелецкие без указу на Семен день пойдем к Москве, и я де вам роздам своих денег хотя пятьсот рублей». Кузьма Иванов, привлеченный к делу, сначала было признался и на вопрос: из Азова стрелецким полкам без указу к Москве зачем было итти и что на Москве делать? ответил: «окроме де бунту чему доброму быть?» Но затем, при дальнейших допросах, от этого признания отказался и объяснил, что «говорил на себя, не стерпя пытки». Своим словам о походе он стал придавать такой смысл, что был слух, что полки 1 сентября будут отпущены из Азова к Москве, пойдут по отпуску, а не без указу, и тогда он раздаст им своих

---

[1] Госуд. арх., разряд VI № 12, ст. 6, л. 53—55, 68—72, 83—84, 174—175; ст. 8 л. 9 и сл.

денег пятьсот рублей. А чтобы они пошли на Москву без указу, того он не говорил, и на таком объяснении он твердо и упорно держался в дальнейшем на пытках. Так, например, с девятой пытки, бывшей в 1702 г., он показывал, что сказал сиповщикам: «чаять де с Семена дни и всех нас из Азова отпустят к Москве, и буде государев указ об отпуске их к Москве будет, я де в то число вам своих денег роздам на проход для вашей скудости пятьсот рублей. И как де он от них пошел в калитку, что к Дону, и стрелец де Иван Хайло вслед ему, Кузьме, молвил: не наше де счастие, что нас в Азове переменить, разве де собою пойтить к Москве. И он де, Кузьма, к тем его словам молвил: буде собою вы к Москве пойдете и там де вас за то перевешают или переказнят также»[1]. То же упорство он обнаруживал и на следующих пытках в 1702—1705 гг. Сожитель его, Давыдко Тихонов, оказался злейшим врагом и столь же упорным его обличителем, как и обвинителем всех азовских стрельцов вообще. «У того ж де Куземки, — говорил Тихонов с одной из пыток, — был умысл и слово такое иттить к Москве из Азова всем стрелецким полкам и учинить бунт и побить бояр хотели. И как бы де пришел в Азов государь, и его, государя, они, стрельцы, в Азов пустить не хотели. Да им же де, стрельцом, был слух, что боярин князь Борис Алексеевич Голицын, собрався с полками в Синбирску, идет в Азов же будто их, стрельцов, казнить же, так же де, как на Москве кажнены четыре полка стрелецкие. И для де того они, стрельцы, хотели в Азове сесть в осаде, боясь такой казни. А что де они ж, стрельцы, подавали в Азове боярину и воеводе изветные челобитные, и те де челобитные подавали они испужався, послыша его, государев, приход в Азов и укрывая воровство свое. А пущие де заводчики у них к бунту были тот пятисотный Куземка с товарищи с пятисотными ж и с приставы; только де к Москве для бунту их, стрельцов, подзывал тот Куземка, и те де его слова он, Давыдко, слышал от него, Куземки, сам, а от иных де пятисотных и приставов таких слов он, Давыдка, ни от кого не слыхал»[2]. Можно думать, что это показание, данное Давыдом Тихоновым с третьей пытки, в целом или в частях соответствовало действительности. Можно думать, что оно было голословным и как даваемое с пытки имело целью облегчить положение, прекратить или по крайней мере сократить страдания, причиняемые пыткой, и выставить себя в хорошем свете перед властями. На вопрос о том, почему он, зная об этих замыслах Кузьмы Иванова и других пятисотных, не известил и не донес о них и почему не сказал об этом на первоначальном допросе и на первых двух пытках, он ответил, что раньше на них не извещал из страха, потому что они были начальные люди, а в расспросе и с первых пыток про то на них не сказал

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 1, ст. 8, л. 17.
[2] Там же, л. 14 об. [illegible]

«забвением и простотою своею, в том перед государем виноват». На вопрос, предложенный ему на шестой пытке 16 марта 1705 г.: откуда он знал о намерении азовских стрельцов итти к Москве для бунта, сам ли он те слова слышал и от кого именно, и сам с ними для бунту к Москве итти хотел ли, он отвечал: «как де они были в Азове и у избы де, где они стояли, стрельцы в вечернюю зорю говорили многие, что они для бунту к Москве пойдут все, а кто имяны [говорили], того не видал, потому что в то число он был на избе на потолоке». Кроме пятисотного Кузьмы Иванова, Тихонов оговаривал также стрельцов Ивана Быченка и Ивана Хайла в том, что они ходили в Озеров и в Сухарев полки «к своей братье сиповщикам с теми вестьми, что из Азова без указу итти к Москве для бунту. Про себя сказал, что и он, Давыд, с своею братьею стрельцами для бунту к Москве итти хотел же». Тихонов давал эти показания с пыток и упорно на них настаивал. Стрелец Ивашко Быченок, разысканный в Нижнем Новгороде и привезенный в Москву, с начала во всем запирался, но с шестой пытки, 19 марта 1705 г., показал, что Кузьма Иванов о походе стрельцов на Москву без указу говорил и денег раздать им хотел и что он, Иван (Быченок), действительно в Озеров и Сухарев полки с теми словами, которые приписал ему Давыд Тихонов, ходил и сверх того прибавил: «А как бы де стрелецкие полки из Азова для бунту к Москве пошли, и ему было, Ивану, своей братьи не оставатца, к Москве с ними итти ж. А та де речь у них во всех шести полках носилась»[1].

Таковы были азовские разговоры осенью 1698 г. Как выше было сказано, возможно, что не все они происходили в действительности, что иные из них, по крайней мере в том виде, как они передаются в розыскном деле, были только оговорами, сделанными одними лицами на других. Но все же и в таком значении эти оговоры отражают образ мыслей и настроение той среды, из которой они исходили. Суждения, приводимые в них, были возможны и вероятны в этой среде, хотя бы они на самом деле и не были произнесены теми устами, в которые они оговорщиками вкладывались. Если бы они шли слишком в разрез с действительностью, им бы никто не верил.

Как видим, дело на Дону и в Азове далее толков, пересудов и — самое большее — словесно высказанных намерений не пошло; никаких действий предпринято не было. Толки эти были как бы отдаленным эхом московских событий лета 1698 г. И здесь, в Черкасске и в Азове, — то же раздражение против бояр. Но казаки заводят речи о том, что не все еще боярское имущество передано по церквам и монастырям, что осталось его достаточно еще и на боярских дворах. Стрельцы были раздражены именно политической, правительственной деятельностью бояр. Бояре их,

[1] Госуд арх., разряд VI. № 12, карт. 1, ст. 8, л. 17—20.

стрельцов, намеренно «переводят», т. е. губят. Большое озлобление среди азовских стрельцов и прямо желание мести вызвала расправа со стрельцами под Воскресенским монастырем, о которой привезены были на Дон преувеличенные слухи. Как мы знаем, под Воскресенским монастырем мятежные стрельцы далеко не были истреблены поголовно. Причиной раздражения была также убавка хлебного жалованья. У тех и других, у казаков и у стрельцов, мелькала мысль о походе на Москву, чтобы там покончить с ненавистной боярской властью, причем поход рисовался как движение, к которому примкнет чернь. Во время движения будет происходить расправа с местными воеводами, которых восставшие будут побивать и в воду сажать. Все это — знакомые черты происходившего тридцать лет перед тем разинского движения, и недаром «старичок-стрелец» Парфенко Тимофеев, участник разинского похода, в дни молодости ходивший в отрядах Разина с обожженным колом, обещал и на этот раз «тряхнуть стариною».

Личность самого царя стоит вне этих злобных пересудов; ее не задевают, кроме не совсем ясного намека на то, что хотят и «до большого добраться». Мысль смущена тем, что государь покинул царство, уехал за море и там его не стало. Царевич, о котором выражаются почтительно и с сочувствием, всецело в руках бояр, бояре хотели даже его удушить, — и сюда долетел слух, пущенный тогда о царевиче в Москве. Раздражение простиралось и на местную, азовскую власть. Среди стрельцов ходили слухи о каких-то присланных в Азов милостивых царских указах, которые боярин и воевода князь А. П. Прозоровский не объявляет и прячет «под ремень» [1]. Подьячие воеводской канцелярии не передают стрельцам привозимых почтой писем, «грамоток» из Москвы, которые были дороги стрельцам как связи, соединявшие их, заброшенных на далекую и постылую окраину, с покинутыми в Москве семьями. Как следствие этого недовольства высказывалось намерение к 1 сентября с воеводой покончить, посадить его на копья. Стрельцы были недовольны также некоторыми своими полковниками; припомним, как злобно говорил Мишка Чебоксарь о своем полковнике, которого хотел убить из самопала. Наконец, их очень раздражали «немцы» — иноземцы, заведывавшие производившимися в Азове военными сооружениями и работами, вероятно, очень тяжелыми, которыми были заняты стрельцы: «В Москве житья нет от бояр, а в Азове от немцев; в воде черти, а в земле черви», — говорил один стрелец; другой советовал расправиться с иноземцем, надсматривавшим над работами и бившим стрельцов: «кабы пихнул его в ров, то бы и почин пошел», и т. д.

Вот в чем заключалось азовское дело. Как видим, никакого дела в нем, собственно, не было, были только слова, в которых выражалось настроение стрельцов. Монах Дий, принявший так

[1] Сукно к письменному столу прикреплялось ременными полосами.

близко к сердцу неудачу стрельцов под Воскресенским монастырем, возбуждал это настроение и подстрекал стрельцов постоять за себя; но все это были только слова, никаких более активных шагов он не предпринял. Он, однако, стал центральной фигурой дела, которое затем осложнилось, когда в него стали попадать люди, с которыми Дий успел войти в соприкосновение, каковы казак Тимофей Соколов, привезший на Дон вести об истреблении стрельцов, писарь Алексей Киндяков, сообщивший об этих вестях Дию, стрелец Федор Аристов, с которым Дий ехал из Черкасска в Азов, сожитель Дия по келье иеромонах Павел, стрельцы, караулившие обоих монахов и выражавшие им сочувствие, — Терентий Артемьев и Тимофей Филиппов, стрелец Кузьма Аксентьев, вступивший с Дием в разговор. А затем дело пошло как бы расширяющимися кругами, и к нему был присоединен и более отдаленный круг лиц, непосредственно уже с Дием не соприкасавшихся, но выражавших то же настроение и в таких же предосудительных словах. Так попали в дело стрельцы Мишка Чебоксарь, озлобленный против своего полковника, Нестер Бугаев, Семен Решетов и др. Следствие в Москве началось в Пушкарском приказе, где оно заняло три дня: 22 декабря, 3 и 4 января 1699 г. Затем дело было передано в Преображенский приказ, куда оно поступило 17 февраля, и в этот день там производились расспросы привлеченных лиц. В марте дело и прикосновенные к нему колодники были переправлены в Азов, куда в конце мая прибыли Петр и князь Ф. Ю. Ромодановский; там расспросы производились в мае и июне 1699 г., и уже с пытками, после чего дело опять вернулось в Москву. Оно непомерно затянулось. Достаточно сказать, что розыски в Преображенском приказе производились в 1701—1705 гг. и, как мы уже видели выше, иные из участников дела давали показания с пятнадцатой и с шестнадцатой пыток. Сам Дий, которого при первоначальном заочном рассмотрении дела в Москве в Пушкарском приказе осенью 1698 г. нашли достаточным наказать монастырскими шелепами и сослать в Воронеж в монастырь под начал, был потом «по указу великого государя за его воровство кажнен смертью»[1]. Крутым расправам подверглись и некоторые другие участники дела, расправам тем более жестоким, что они производились много лет спустя после того, как были произнесены слова, за которыми эти крутые взыскания следовали и когда, казалось бы, эти слова можно было предать забвению. В 1704 г. атаман Тимофей Соколов и писарь Алексей Киндяков по боярскому приговору были биты кнутом и по наложении пятна отправлены в ссылку в Сибирь, первый — в Красноярск, второй — в Якутск. В 1705 г. 9 февраля состоялся боярский приговор, утвержденный государем 13-го, по которому ссылались на каторгу один из стражей, карауливших Дия, — Терентий Артемьев, далее,

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 1, ст. 8, л. 33.

Мишка Чебоксарь «в вечную работу», Нестерко Бугаев на каторгу с наказанием, Семен Решетов на каторгу на 10 лет. Тогда же старый сподвижник Разина Парфен Тимофеев, успевший к тому времени еще постареть, был сослан «с наказанием», т. е. по учинении ему наказания кнутом, в Сибирь. Но и в 1705 г. дело не для всех еще кончилось. Стрельцов, особенно упорно запиравшихся и разногласивших с многократных пыток: Афанасия Нефедьева, Якова Улеснева, пятисотного Кузьму Иванова, по боярскому приговору велено было подвергнуть новым пыткам, о которых записей уже не сохранилось [1].

XXIX. СВЯТКИ В МОСКВЕ 1698/99 г.

Вернемся опять к двадцатым числам декабря 1698 г., от которых мы оторвались для изложения судьбы азовского монаха и нескольких соприкоснувшихся с ним лиц, дело о которых прибыло в Москву в эти декабрьские дни. Наступал канун рождества. Вид Москвы в рождественский сочельник этого года и бойкая торговля приготовленными к празднику съестными припасами живо изображены в описании Корба. «Сегодня, — пишет Корб, — в канун Рождества господня старого стиля, которому предшествовал у русских шестинедельный пост, на всех площадях и перекрестках можно было видеть огромное изобилие мяса; здесь невероятное множество гусей, там такое громадное количество уже битых поросят, что их, кажется, хватило бы на целый год; такое же число было и зарезанных быков и разного рода птицы. Казалось, что они слетелись в этот один город из целой Московии и всех ее частей. Напрасно стану я называть различные сорта их: тут имелось все, что только можно было пожелать» [2].

В навечерие праздника молебное пение, а в самый день праздника литургию в Успенском соборе служил за болезнью патриарха Тихон, митрополит сарский и подонский, с освещенным собором [3]. В день праздника Петр не был у службы в Кремле; надо полагать, встречал праздник у себя в Преображенском. Около полудня в этот день он посетил Гордона, все время болевшего и не выходившего из дому, и пробыл у него полтора часа. У Корба есть подробности о разговоре царя с Гордоном, которых, однако, не сообщает сам Гордон, чем убавляется цена известия Корба. «Его царское величество посетил, — пишет он, — генерала Гордона, которого болезнь приковала к постели, и открыл ему, что у него существует вполне твердое решение пуститься со своими кораблями по морям, не взирая на условия мирного договора, который имеет быть заключен в скором вре-

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 1, ст. 8.
[2] Корб, Дневник, стр. 108.
[3] Дворцовые разряды, т. IV, стр. 1090.

мени и может помешать всяким враждебным действиям. Гордон поздравил царя с его твердым решением, но прибавил, что прежде всего надо позаботиться обезопасить себя гаванью, иначе весь флот станет игралищем ветров или добычей для врагов. Царь одобрил бы здравый ум и в больном теле, но жажда славы не могла допустить никакого промедления. Поэтому он оставил правила благоразумия и вполне сообразно со своим честолюбием ответил Гордону, более обеспокоенному насчет гавани и опасностей, чем этого могло допустить величие души государя: «мои корабли найдут гавань в море». На следующий день праздника, 26 декабря, Петр был на обеде у командовавшего обоими потешными полками А. М. Головина. 30 декабря был обед у князя Б. А. Голицына, прерванный пожарной тревогой, при которой Петр, конечно, не мог усидеть на месте. «Царь обедал у князя Голицына, — пишет Корб. — Вдруг поднялась суматоха, и сообщают, что начался пожар, и дом одного известного боярина уже сгорел. Взволнованный этим царь немедленно выскочил из-за стола и опрометью побежал туда, где, как он слышал, распространяется пожар. При тушении пламени он не только распоряжался, но и действовал собственноручно; можно было видеть, как он работал на развалинах рухнувшего дома» [1].

С шумом отправлялись святочные увеселения, вошедшие в придворный обиход за последние годы, при деятельном участии той веселой, пока еще не оформленной компании, которая впоследствии получит организацию в виде знаменитого всешутейшего и всепьянейшего собора. «Во время рождества нашего спасителя, — записывает Корб в дневнике под 3 января, — устраивается пышная комедия. Знатные московиты по выбору царя облекаются в разные почетные должности, заимствованные от церкви. Один изображает патриарха, другие митрополитов, архимандритов, попов, дьяконов, иподьяконов и т. д. Какое кто получит имя по царскому усмотрению, тот необходимо должен облечься в соответствующее одеяние. Его царское величество изображал роль дьякона. Театральный патриарх со своими мнимыми митрополитами и другими лицами, выделяясь посохом, митрой и другими отличиями присвоенного ему сана, разъезжает по городу Москве и Иноземской слободе на восьмидесяти санях в количестве двухсот человек. Все они заезжают к более богатым москвитянам, иноземным офицерам и купцам и поют хвалу родившемуся богу, причем хозяева должны платить за эту музыку дорогой ценой. Когда они пропели славословие в честь родившегося бога у генерала Лефорта, он угостил всех более приятной музыкой, пиршеством и танцами». Один из видных московских коммерсантов, гость Филатьев [2], слишком скупо вознаградил этих славильщиков, среди которых был и царь, и этим

[1] Gordons Tagebuch, III, 226; Корб, Дневник, стр. 108, 109.

[2] В Москве в начале 1699 г. было два гостя Филатьевых: Василий и Алексей. О котором идет речь у Корба, сказать трудно (Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 83. Список гостей на 16 марта).

навлек на себя его неудовольствие и своеобразную месть. «Очень богатый московский купец по прозвищу Филадилов (Filadilow) [1], — рассказывает Корб под 4 января, — дал царю и его боярам, славившим у него Рождество Христово, всего двенадцать рублей и этим так оскорбил царя, что тот немедленно послал к дому упомянутого купца 100 мужиков с требованием тотчас заплатить каждому по рублю. Чужая опасность сделала более осторожным князя Черкасского, которого величают именем богатейшего мужика: не желая навлекать на себя негодования царя, он предложил толпе поющих тысячу рублей. То же самое усердие надлежит выказывать и иноземцам. Они повсюду держат наготове накрытые столы, заставленные холодными кушаньями, чтобы не быть застигнутыми врасплох» [2].

Под 4 января записан именной указ царя, данный им думному дьяку Емельяну Украинцеву, объявить шведскому резиденту Томасу Книпперу, чтобы шведские послы, которых ждали тогда в Москве, приезжали до сырной недели, потому что с сырной недели государь отправится в Воронеж [3]. Прибытие шведских послов было возвещено еще в декабре 1698 г. В праздновании дня крещения старина смешивалась с нововведениями. В официальную запись Дворцовых разрядов занесено, что «генваря в 5 день в четверток в навечерие праздника богоявления господа бога и спаса нашего Иисуса Христа вечернее пение и действо освящения воды и многолетие в соборной церкви Успения пресвятые богородицы совершал преосвященный Тихон, митрополит сарский и подонский, со освященным собором». Петр слушал «пения царских часов» в этот день в Преображенском на Генеральном дворе, где Украинцев докладывал ему во время церковной службы проект ответной грамоты шведскому королю, выражавшему намерение прислать в Москву послов для подтверждения Кардисского договора. На проекте текста грамоты находим помету: «207 г. генваря в 5 день великий государь, слушав сей обрасцовой грамоты, указал, написав в лист, послать к свейскому королю через почту; а изволил слушать в Преображенском на генеральном дворе во время пения часов царских в навечерии святых богоявлений» [4].

«Генваря в 6 день в пяток на праздник богоявления господа бога и спаса нашего Иисуса Христа в соборной церкви Успения пресвятые богородицы служил божественную литоргию и из соборной церкви на освящение воды на Москве реке на Иордани был преосвященный Тихон митрополит. А по указу великого государя... за честными кресты и за святыми иконы на Иордани в ходу были: касимовской царевичь Иван Василье-

---

[1] Т. е. Филатьев.

[2] Корб, Дневник, стр. 111.

[3] Арх. мин. ин. дел, Шведские дела 1699 г., № 2, л. 16; ср. Устрялов, История, т. III, стр. 524. Указ скреплен Е. Украинцевым, очевидно, в этот день докладывавшим царю по этому делу.

[4] Арх. мин. ин. дел, Шведские дела 1699 г., № 2, л. 35—36.

вичь, боярин князь Михайло Никитичь Львов, окольничий Семен Федоровичь Толочанов, думной дьяк Митрофан Тугаринов»[1]. Запись Дворцовых разрядов нововведений не заметила; она описывает обряд совершенно по-старому. Но от современника и, может быть, очевидца Желябужского эти новшества уже не ускользнули: «На богоявленьев день, — читаем в его записках, — ходили со образы на Иордань; а был в ходу Крутицкой митрополит, а святейший патриарх не был, для того, что был болен. А солдаты шли на Иордань строем с начальными людьми Преображенского полку. И в том полку в первой роте в строю изволил иттить сам великий государь с протазаном. (Подчеркнуто мною. *М. Б.*). Также шли семеновские солдаты и бутырские и стояли все на Иордани. На преображенских солдатах были зеленые кафтаны, а на семеновских лазоревые, а на бутырских красные. А были они с пушками и палили из пушек трижды, также и из мелкого ружья. А на Иордань генерал Автомон Михайлович Головин перед пехотою ехал в санях с дышлом. И на тот богоявленьев день был дождь, и капели великие, и лужи»[2].

Наиболее подробное и яркое описание церемонии дается в дневнике Корба. «Праздник трех царей, или вернее богоявление господне, ознаменован был благословением реки Неглинной (?). Желая посмотреть на это выдающееся торжество в году, господин цесарский посол отправился в посольскую канцелярию, окна которой выходили на текущую мимо реку. Процессия двигалась к реке, скованной зимним холодом, в следующем порядке. Открывал шествие полк генерала де Гордон, вел который полковник, начальник стражи Менезиус, а полковник Гордон занимал подобающее ему место в полку; яркокрасный цвет новых кафтанов усиливал блеск шествия. Гордонов полк сменил другой, называемый Преображенским и обращавший на себя внимание новой зеленой одеждой. Место капитана занимал царь, внушавший высоким ростом почтение к своему величеству. Затем следовал третий полк, который именуют Семеновским; барабанщиками в нем карлики, но они сообщали полку столько же красоты, сколько природа убавила у них от обычного человеческого роста; кафтаны солдат были голубого цвета. Во всяком полку было два хора музыкантов; всех же музыкантов в полку восемнадцать. За Преображенским полком следовало восемь, а за остальными шесть воинских орудий. Офицеры в полках почти все иноземцы или по рождению или по происхождению (sic). На твердом льду реки была построена ограда (theatrum). Гордонов полк занял место вверху поперек реки, а Семеновский внизу. Преображенский же полк стал вдоль реки против воздвигнутой ограды, у каждого полка расставлены были его пушки. В эту неделю полк генерала Лефорта нес службу на караулах, поэтому две роты его сопровождали духо-

[1] Дворцовые разряды, т. IV, стр. 1090—1091.
[2] Желябужский, Записки, стр. 129—130.

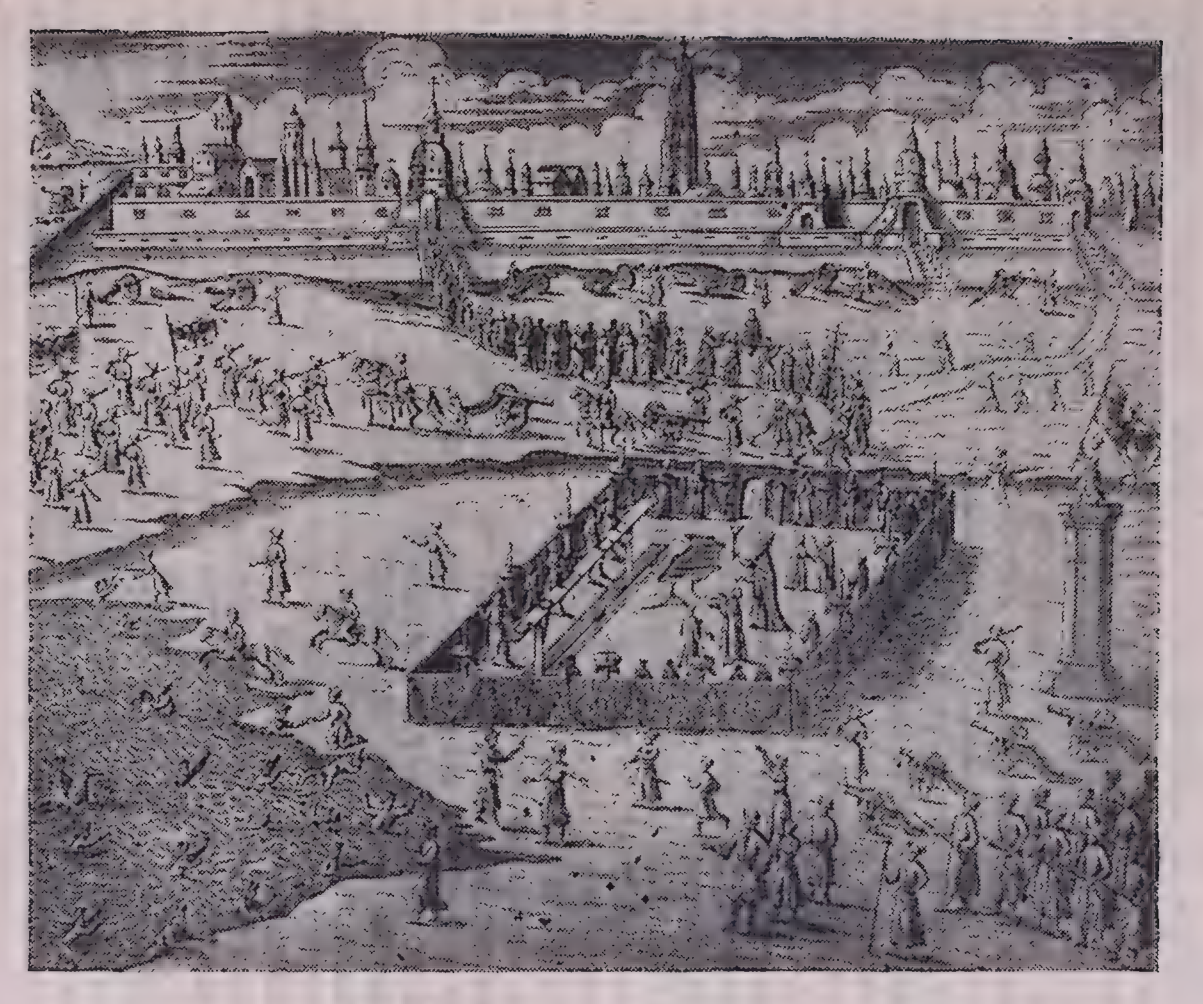


Рис. 14. Водосвятие на р. Москве 6 января 1699 г. Гравюра из дневника Корба

венство, а две другие с белыми палками прокладывали дорогу и удерживали напор стекавшегося народа. Впереди самих попов очень близко к ним шли двенадцать земских (слуги царской кухни)[1] с метлами, чтобы очищать улицы. Пятьсот духовных особ, иподьяконы, дьяконы, священники, архимандриты (abbates), епископы, и архиепископы, облаченные в одеяния, подобающие их сану и должности и богато украшенные золотом, серебром, жемчугом и драгоценными камнями, придавали религиозной церемонии более величественный вид. Перед замечательным золотым крестом двенадцать клириков несли фонарь, в котором горели три свечи. Московиты считают нечестивым и непристойным выносить в народ крест без огня. Невероятное количество людей толпилось со всех сторон, улицы были полны, крыши были заняты людьми; зрители стояли и на городских стенах, тесно прижавшись друг к другу. Как только духовенство наполнило обширное пространство ограды, началась священная церемония, зажжено было множество восковых свечей, и прежде всего воспоследовало призывание благодати божией. После достодолжного призыва милости божией митрополит стал ходить с каждением кругом всей ограды, по средине которой лед проломан был пешнем в виде колодца, так что обнаружилась вода. После троекратного каждения ее митрополит освящал ее троекратным погружением горящей свечи и обычным благословением. Против ограды воздвигнут был столб выше стен. На этом столбу стояло с государственным стягом то лицо, которого счел достойным этого почета царский выбор. Быть назначенным для этой должности есть знак особой царской милости, ясным доказательством чего служит то, что такое лицо получает новую одежду с головы до пят и, кроме того, несколько золотых по царскому усмотрению. Стяг этот белый, на нем сияет вышитый золотом двуглавый орел; развернуть стяг нельзя раньше, чем духовенство войдет за решетку ограды. Тогда знаменосцу надо наблюдать за религиозными обрядами, каждением и благословением, так как каждую часть церемонии он отмечает наклонением стяга. Знаменосцы остальных полков тщательно следят за ним, чтобы соответствовать наклонением их стягов. По окончании благословения воды знаменосцы со всех сторон приближаются к ограде и окружают ее, чтобы стяги получили достодолжное окропление благословенной водой. Затем патриарх или в отсутствие его митрополит, выходя из ограды, т. е. из священного места, обыкновенно кропит его царское величество и всех солдат. Для конечного завершения праздничного торжества по распоряжению царя производили залп из орудий всех полков. За ним следовали троекратные радостные выстрелы из ружей. Пред началом этой церемонии на шести белых царских лошадях привозили покрытый красным сукном сосуд, напоминавший своей фигурой саркофаг. В этом сосуде надлежало за-

[1] Посадские люди по наряду из Земского приказа, ведавшего полицию чистоты.

тем отвезти благословенную воду во дворец его царского величества. Точно так же клирики отнесли некий сосуд для патриарха и очень много других для бояр и вельмож московских»[1].

Под 10 января Корб записывает о совершенно неожиданном аресте иноземца доктора Григория Мартыновича Карбонари, произведенном по личному приказу царя. Карбонари в этот день обедал еще с несколькими гостями у цесарского посла. Вдруг без доклада ворвался в обеденную залу какой-то аптекарь, который, никому не поклонившись, указал на врача, надменным кивком позвал его к себе, и объявил ему приказание царя навестить какого-то больного монаха. Посол, возмущенный наглым поведением аптекаря и не допуская мысли, чтобы такому безумному человеку поручено было объявление царского повеления, приказал вывести его вон. И доктору Карбонари правдивость поручения показалась сомнительной, так как он только что вернулся от того самого больного, к которому его посылал царь; однако он вторично посетил больного. Между тем аптекарь, как пишет Корб, «самым скорым бегом, какой обыкновенно бывает у лиц разъяренных, поспешил к царю и сильно жаловался ему о презрении к царскому приказу, о причиненной ему обиде и непростительном ослушании врача. Жалобе его помогли те, кто состоял с ним в свойстве по жене или был его товарищем по вере. Своими обвинениями они успели возбудить негодование царя против ни в чем неповинного врача и пытались сделать это негодование более опасным, устроив другую бесчестную хитрость. Именно, когда врач, посетив вторично больного, просил допустить его к царю для доказательства своего повиновения, прапорщик (vexillifer), который тогда стоял на карауле, нарочно в течение двух часов отказывался впустить его, чтобы самое промедление, в котором нельзя было тогда оправдать врача, внушило доверие к вполне несправедливым на него жалобам. Поэтому, когда, наконец, врач был допущен к царю, тот не выслушал его, а велел возможно скорее взять его как явно виновного под стражу или арест». Хлопотать за него взялся боярин Ф. А. Головин, стоявший во главе медицинского ведомства, когда ему было доложено об аресте. Карбонари был освобожден 15 января[2].

Под вечер 10 января Петр присутствовал на похоронах иноземца капитана Шмита, убитого в ссоре некиим шотландцем фокусником, всадившим ему кинжал в бок. Фокусник скрывался некоторое время у польского посла, но затем был выдан[3].

12 января на Постельном крыльце по старому московскому обычаю был сказан указ московскому дворянству о сборе на службу весной 1699 г. Местом сбора назначался город Ахтырка, куда московское дворянство должно было съезжаться на сроки

[1] Корб, Дневник, стр. 111—113. Обряд водоосвящения изображен на приложенной к тексту гравюре.
[2] Там же, стр. 114—115.
[3] Там же, стр. 115, 109—110.

20, 25 и 30 будущего марта. «Сказку сказывал разрядный дьяк Иван Кобяков, а у сказки стоял боярин Тихон Никитичь Стрешнев»[1]. Известие об этих военных сборах передает и Корб под тем же 12 января. «До сих пор, — пишет он, — нет никаких помышлений о мире, и все распоряжения направлены к войне, хотя подданные, угнетенные постоянными налогами, в тайном негодовании смотрят на невыгоды войны и стонут ежедневно, вздыхая о спокойствии пламенно желаемого мира. А чтобы всем было известно о непременном решении воевать, по желанию царя старейшие лица в царстве (senatores regni)[2], объявили, чтобы все князья вплоть до самого низшего стольника (то есть все родовые вельможи [principes] до последнего дворянина) были готовы к скорому походу с соответствующим их средствам количеством слуг. Так легко можно созвать в Московии многочисленные войска!»[3]. Этот сбор оказался впоследствии ненужным, так как 14 января в Карловице было заключено перемирие с Турцией.

14 января хоронили полковника Богдана Пристава, человека близкого к Лефорту, участника великого посольства, исполнявшего при посольстве обязанности второго секретаря. «Совершено было погребение полковника... Пристава, — записывает Корб, — который недавно... исполнял должность гофмейстера при великом московском посольстве. На похоронах и обычном после погребальной церемонии обеде, устроенном генеральшей Менезиус, соблаговолил присутствовать царь. Когда он отведал обносимого кругом вина и нашел, что оно чересчур кисло, то во всеуслышание сказал, что оно вполне подходит к поминальному обеду»[4].

XXX. ПРИЕЗД В МОСКВУ БРАНДЕНБУРГСКОГО ПОСЛАННИКА ФОН ПРИНЦЕНА

В этот же день, 14 января, происходил торжественный въезд в Москву бранденбургского посланника. Чтобы поддержать и упрочить завязавшиеся в Кёнигсберге дружеские отношения, курфюрст Фридрих III решил отправить к Петру особое посольство и посланником назначил лицо, наиболее приятное Петру, — Маркварда-Людвига фон Принцена, молодого 24-летнего человека, который, как припомним, состоял в качестве пристава при великом посольстве во время пребывания последнего в Кёнигсберге в 1697 г. и в высшей степени понравился царю. Эти симпатии, как увидим ниже, оказали свое влияние на успех посольства. Уже в феврале 1698 г. фон Принцен жил в Курлян-

---

[1] Желябужский, Записки, стр. 131.
[2] Думные бояре.
[3] Корб, Дневник. стр. 115.
[4] Там же, стр. 117.

дии, ожидая возвращения царя в Москву. В конце октября этого года в Москве была получена отписка псковского воеводы ближнего кравчего К. А. Нарышкина с уведомлением, что посланник находится в Митаве и намерен ехать во Псков. Из Москвы была послана Нарышкину обычная в таких случаях грамота с приказанием, когда посланник приедет во Псков, досмотреть его проезжий лист, каким чином он там написан, послом или посланником, и соответственно с этим принять его во Пскове, дать ему корм, подводы, пристава и провожатых, справясь с тем, как поступали в предыдущих подобных же случаях. Принцен долго медлил; только 17 декабря приехал на русский рубеж и 19-го был во Пскове. При нем оказалась свита в 52 человека. Нарышкин предложил ему кормы в натуре применительно к прежним случаям приема бранденбургских посланников, но Принцен отказался и запросил вместо натуральных кормов 200 рублей кормовых денег, заявляя, что если ему этих денег дано не будет, он доедет до Москвы на свои средства, чем поставил Нарышкина в большое затруднение. «И я, холоп твой, — доносил последний в Москву, — сверх того прежнего примеру по такому его большому запросу вместо корму и питья такого большого числа денег двусот рублев без твоего, великого государя, указу дать не смею и для того, что он в курфистрове листу написан чрезвычайным посланником, а не послом»[1].

Принцен и поехал на свои средства, которые возмещены ему были потом в Москве, куда он добрался без малого через месяц и, встреченный на подхожем стане за Тверскими воротами подполковником Дмитрием Лежневым, который был назначен к нему приставом, имел торжественный въезд в столицу 14 января около трех часов пополудни. Церемония эта, при которой, вероятно, Петр присутствовал где-либо в качестве зрителя, подробно описана Корбом. В предшествии роты конных солдат, чинов свиты, «гордо сидевших на царских лошадях, блиставших позолоченной сбруей и чепраками», посланник ехал с приставом в позолоченных царских санях, запряженных парой белых лошадей в окружении двенадцати царских слуг в красных кафтанах и своих скороходов в голубом платье. Для житья ему были отведены в Большом посольском дворе в Китай-городе те комнаты, из которых незадолго перед тем выехал польский посол[2]. Едва посольство там поместилось, как уже возникло затруднение. Хотя эти покои к приезду бранденбургского посланника велено было убрать и приготовить, однако, фон Принцен нашел в них после польского посла такую обстановку, что, по его словам, от нее и сам он и люди его сделались больны. «Причиной этого, — пишет он в своем донесении курфюрсту от 17/27 ян-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Бранденбургские дела 1698 г., № 4, л. 1—25.
[2] Там же, л. 140, л. 76 (девять палат, десятая — поварня).

варя, — был дым и чад, который в сводчатых комнатах был необыкновенно густ и едок». Немедленно же, одновременно с уведомлением о своем приезде в Москву, фон Принцен пожаловался на эти неудобства Лефорту. Но Лефорт, так как он вместе с царем был в тот день 16 января на праздновании дня рождения у m-me Монс, мог доложить царю о жалобе посланника только 17 января. Он ответил посланнику, что царю будет очень неприятно, что посольство недовольно обстановкой, и, без сомнения, будут отданы новые распоряжения и посольство помещено будет где-либо в другом месте. Он, Лефорт, хочет об этом обстоятельно поговорить с царем на свадьбе, которая будет после обеда справляться у одного иноземного купца, где его величество думал быть [1].

Действительно, как свидетельствует Корб, 16 января Петр был на рождении у Анны Монс, а 17-го был на упомянутой свадьбе: «Купец Канненгиссер выдавал замуж дочь; на торжественной и пышной свадьбе царь исполнял обязанности того лица, которое услуживало всем гостям. Генерал Лефорт нес должность маршала, а г. Адам Вейд и полковник Балк — обязанности дружек». Неизвестно, исполнил ли Лефорт свое обещание доложить царю о недовольстве Принцена, но последний был оставлен на том же Большом посольском дворе.

20 января Принцену дана была высочайшая приемная аудиенция. Она происходила во дворе Лефорта в Иноземской слободе. Посланник выехал с Посольского двора в такой же процессии и в тех же золоченых санях, как и при въезде в Москву. В Посольском приказе, так же как и при приеме Гвариента, был составлен все еще на старый образец церемониал аудиенции, экземпляр которого, написанный мелким почерком на небольшой очень узенькой полоске бумаги, очевидно, для того чтобы держать ее незаметно в руке во время церемонии, сохранился в деле о приеме фон Принцена в Москве [2]. «Явить» посланника, когда он войдет в палату, где великий государь изволит быть, должен был думный дьяк Е. И. Украинцев, для которого эта записочка, повидимому, и была написана. «Являя, — т. е. представляя посланника, — думному дьяку говорить: «Вам, пресветлейшему и державнейшему великому государю, вашему царскому величеству, Фредерика, курфистра бранденбургского чрезвычайной его посланник Людовик фон Принцен челом ударил». И посланник великому государю правит курфистров поклон и поздравление. А после поклона подаст лист. И великий государь укажет у него лист принять думному дьяку поблизку от себя. Да изволит великий государь спросить про курфистрово здоровье сидя: «Фредерикус, курфистр бранденбургский по здорову ль?» И посланник скажет про курфистров здоровье и

---

[1] Dukmeyer, Korb's Diarium, I, 323: «Unterthänigste Relation von der Einholung in Moskau und von demjenigen was bis an 17/27 Januar passieret».
[2] Арх. мин. ин. дел, Бранденбургские дела 1698 г., № 4, л. 78.

речь, о чем с ним наказано, говорит. После того пожалует великий государь, велит посланника и дворян к своей государевой руке». Далее, следует вопрос великого государя через думного дьяка о здоровье самого посланника и речь к посланнику думного дьяка о том, что «ты, посланник, подал великому государю от курфирста лист, великий государь тот лист у тебя принять повелел и о тех делах, о которых в листу написано, великий государь указал тебя выслушать и ответ дать иным временем». В заключение великий государь велит сказать посланнику «свое великого государя жалованье: в стола место ествы и питье», т. е. вместо приглашения посланника к парадному обеду велит отправить к нему угощение на Посольский двор. На листке с этим церемониалом читаем помету: «207-го генваря в 20 день было по сему на дворе генерала адмирала Франца Яковлевича Лефорта» [1]. Однако эта отметка «было по сему» сделана дьяком, вероятно, только в надежде на установление такого прецедента для будущего времени. Сам фон Принцен в донесении курфюрсту изображает аудиенцию не совсем в таком виде. Царь, оказывается, не сидел, а все время стоял с непокрытой головой, был одет в темный кафтан с двумя рядами пуговиц. «Как только церемония кончилась, его царское величество быстрыми шагами (in vollen springen) подошел ко мне и сказал: «Ну, теперь комплименты кончились, давайте жить, как в Кёнигсберге!»[2]. Фон Принцен старался изобразить свою аудиенцию в более благоприятном виде для своего правительства.

Царь при каждом случае старался выказать свое внимание к фон Принцену. «За столом, — продолжает Принцен (и добавим: не предусмотренным церемониалом), — после того как все выпили за здоровье сначала курфюрста, а затем царя, царское величество поднял бокал за здоровье всех добрых и верных сердец, приговаривая: это наилучший тост, мое сердце верно, и я знаю, что вы верны вашему курфюрсту. Я должен был провести там почти четыре часа. Его величество рассказывал о последнем раскрытом возмущении и как он, наказывал злодеев, а также много о своем кораблестроении. Было уже около 8 часов, когда его величество простился со мной: он бы и дольше остался, но вечером празднует свадьбу крещеный турок, которого он крестил, и поэтому он должен уйти» [3].

Расположение Петра к Принцену сказалось, между прочим, и в посылке того угощения, тех «еств и питей», которые были назначены ему «в стола место», состоявшейся 22 января. Царь приказал отправить к нему 50 «еств добрых» с соответствующим количеством питей. В Посольском приказе это распоряжение было записано с оговоркой о том, что такая посылка не составляет прецедента для будущего времени, что она делается по

---

[1] Арх. мин. ин. дел. Бранденбургские дела 1698 г., № 4, л. 78.
[2] D u k m e y e r, Korb's Diarium, I, 323—324.
[3] Там же, 324.

особой милости и ввиду значения Принцена при курфюрсте и его особых заслуг перед государем. «А впредь сия посылка иным бранденбургским посланником не в образец и на пример не выписывать, потому что сей посланник у курфистра ближний человек и был у его государевых великих и полномочных послов, как они были у курфистра, в приставах». Как бытовую черту того времени стоит привести, к сожалению, не целиком сохранившуюся роспись питей и блюд, отправленных посланнику из разных «дворцов», составлявших отделения приказа Большого дворца и ведавших разные статьи царского хозяйства. Было послано: «с Сытного дворца: 40 чарок водки из романеи, 4 кружки романеи, 4 кружки ренского. Медов: 2 ведра вишневого, 2 ведра смородинного, 2 ведра обарного, 2 ведра паточного, 2 ведра цеженого, 2 ведра пива ячного. С Хлебенного дворца: хлебец, калач. «Изрощатых еств» — с украшениями: 2 курника с древками, 2 пирога марцыфана, пирог французской (торт?). «Гладких еств»: блюдо пирогов кислых, блюдо пышек, блюдо пирогов пряженых; блюдо карасей больших (из теста), блюдо сырников, блюдо жаворонков (из теста), блюдо блинов тонких, курник колобовой, курник пресной, блюдо пирогов подовых колобовых, коровай яцкой, коровай ставленый, блюдо пирогов печерских, всего 20 еств. С Кормового дворца: гусь под черным зваром, косяк буженины, утя под лимоны, окорок свинины, куря под лимоны, куря под огорцы, тетерев под сливы, 2 ряби под лимоны, тетерев жаркой, 2 ряби жаркие, гусь жаркой, утя жаркое, порося жаркое, порося росолное, 2 куров жарких, кострец говядины, гусь во штях, утя, штуки в капусте, штуки с лимоном [1]. Мед и пиво, по сообщению самого Принцена, принесены были в серебряных ведрах, кушанья на 50 больших серебряных блюдах. Посланники других королей получают обыкновенно по 25 блюд, с гордостью замечает Принцен, — это свидетельствует об удвоенной милости. Иностранные дипломаты при московском дворе зорко и ревниво следили за числом блюд, посылавшихся каждому из них «в стола место», и в дневнике Корба читаем по этому поводу отметку: «бранденбургцу был пожалован царский стол; при этом ему оказано было больше почета, чем польскому и датскому послам. На столе выставлены были пятьдесят кушаний и двадцать четыре фляги с напитками. Этим дано было понять остальным, насколько ниже стоят они в царской милости» [2].

27 января Принцен был принят главой дипломатического ведомства боярином Л. К. Нарышкиным и на этом приеме изложил цели своего посольства. Курфюрст, чувствуя чрезвычайное почтение к высокой и «несравнительной» особе царя (ungemeine personelle estime und consideration vor Zarischen Majestät hohen und ohnvergleichlichen Persohne), укрепленное при недавнем «бесцен-

[1] Арх. мин. ин. дел, Бранденбургские дела 1698 г., № 4, л. 88—90.
[2] Корб, Дневник, стр. 119.

ном знакомстве» в Кёнигсберге, отправил его, посланника, поздравить царя с возвращением из столь продолжительного и далекого путешествия, выразить удовольствие, что царю во время путешествия ничего дурного, чего можно было бы опасаться, не приключилось, пожелать побед над врагами креста христова и всякого благополучия и уверить, что и курфюрст непрестанно будет стараться поддерживать недавно обновленную дружбу. Реальных же целей посольства было две. Во-первых, курфюрст просил поддержки в эльбингском деле, которое заключалось в следующем. Больше сорока лет тому назад Речь Посполитая в трудные минуты заняла у отца Фридриха III, великого курфюрста, 400 000 ефимков и в уплату этого долга заложила ему пограничный город Эльбинг. Не получая уплаты долга, Фридрих III занял Эльбинг своими войсками, что̀, конечно, вызывало столкновения с Польшей. Он и обращался теперь к царю с просьбой, чтобы царь, как общий друг польского короля и бранденбургского курфюрста, воздействуя на Польшу, предотвратил всякое столкновение. В случае же, если бы между Польшей и Бранденбургом произошла война, чтобы царь в силу союзного договора между Московским государством и великим курфюрстом, заключенного в 1646 г., а теперь подкрепленного кёнигсбергским свиданием, оказал курфюрсту всякую помощь, причем курфюрст обязывался очистить Эльбинг, как скоро польский долг будет ему уплачен. Другой целью посольства было улажение вопроса о церемониях при взаимных сношениях между Бранденбургом и Москвой. Эту цель следует также считать реальной, если вспомнить, какое значение придавал внешней обстановке, титулам, обрядам и всякого рода церемониям Фридрих III, мечтавший о королевской короне, для которого достижение этой короны было главнейшим делом его царствования. Вопрос о церемониях занимал курфюрста во время пребывания великих послов в Кёнигсберге, и бранденбургские министры вступили по этому предмету в разговор с великими послами; но тогда вопрос этот не был разрешен, и послы взяли его «на доношение» государю (ad referendum), обещая уладить его в Москве. Уладить этот вопрос и поручалось теперь Принцену.

Суть тех предложений, с которыми он выступил, заключалась в том, чтобы послам и посланникам курфюрста в Московском государстве воздавались почести, как королевским послам и посланникам, причем он ссылался на цесарский, шведский, датский и польский дворы, при которых бранденбургские дипломатические представители пользуются такими почестями. В частности и в подробностях это касалось встречи послов на границе и при приезде в Москву, числа экипажей, лошадей и возов, титулов курфюрста при принятии «верющей» грамоты, именования курфюрста «братом», как его именуют уже короли французский, английский, испанский, португальский и шведский, вставания государя и снимания им шапки при вопросе о здоровье курфюрста. Эти заявления Принцена, сделанные им на приеме у Нарышкина сло-

весно, были конспективно записаны в Посольском приказе в виде семи коротких статей; а затем, уже после приема, Принцен в тот же день прислал в приказ обширное письмо, в котором эти заявления и пожелания были изложены в подробном и развитом виде в шести статьях. Письмо это по переводе его на русский язык обстоятельно рассматривалось в приказе, где в феврале составлен был на него от имени всего присутствия приказа, т. е. думного дьяка Е. И. Украинцева и дьяков Василия Посникова, Бориса Михайлова, Ивана Волкова и Кузьмы Нефимонова, проект ответа, столь же обширный и широковещательный, как и предложения Принцена. Проект этот был затем отправлен в Воронеж к находившемуся там Петру, который, выслушав его, внес в него значительные дополнения. Эти поправки царя, записанные, очевидно, докладывавшим проект дьяком, показывают, с одной стороны, как внимательно отнесся царь к этому дипломатическому документу, а с другой — свидетельствуют лишний раз о внимательном отношении к курфюрсту и к его посланнику и о желании разрешить балтийский вопрос. Те ответы на статьи письма Принцена, которые были составлены в приказе, отличались сдержанностью и осторожностью, по большей части были облечены лишь в общие выражения, в довольно туманные и расплывчатые формы. Они не удовлетворили Петра, и он в своих резолюциях предписывает дать конкретные и точные ответы с подлинными указаниями, какие именно почести будут оказываться послам курфюрста. В этих резолюциях виден ум, не терпящий общих фраз, везде требующий конкретных фактов, точных и реальных указаний, цифровых данных. Так, в приказном проекте ответа на вторую статью предложения Принцена — первая статья состояла только из поздравлений с возвращением из путешествия и добрых пожеланий — говорилось, что ему, посланнику, все подобающие почести оказаны против прежнего без умаления и впредь «чинено будет по прежнему милостиво и с подобающею честию», а какие церемонии оказываются представителям курфюрста при цесарском и при королевском дворах, о том государю неизвестно. «И на сию статью, — гласит резолюция, — указал великий государь по прошению его о приеме и о встрече, и о всех церемониях н а п и с а т ь и м я н н о, как прежде сего посланником бранденбурским чинено и что так же без умаления и впредь учинено будет. А если де они впредь подлинное свидетельство письменное положат, как их принимают при цесарском дворе, то и здесь царское величество против того ж учинить во всем изволит». Соответственно этой резолюции ответ на вторую статью в окончательной редакции был значительно дополнен. После утверждения, что все почести, как предыдущему бранденбургскому посланнику Ягану Рейеру Чаплицу в 1689 г., так и ему, Принцену, были оказаны без всякого умаления, здесь говорится, что впредь почести будут следующие: по приезде на границу посланник будет встречен с подобающей честью, ему дан будет

до Москвы дорожный пристав да д е с я т ь человек провожатых служилых людей. От границы до Москвы ему будет дано п я т ь д е с я т подвод. Под Москвою его встретит иной пристав и с ним с т о человек конных ратных людей. К месту встречи под него зимой будут присланы сани о д в у х лошадях, летом верховая лошадь с нарядом, под его дворян лошади. В Москве ему будет отведен пристойный двор. На приемную и на прощальную аудиенции посланник будет везен летом в карете, а зимой в санях о ш е с т и лошадях в сопровождении п я т и д е с я т и конных. Те же почести посланнику будут оказаны при отвозе его до рубежа. Весь этот перечень с обозначением провожатых и лошадей в числах был внесен по требованию Петра.

В третьей статье ответа речь шла о размере кормов посланнику. В приказном проекте ответа говорилось в неопределенных выражениях, что корм бранденбургским посланникам дается «всегда нескудной», так же будет с кормом и с подводами и впредь. В помете на эту статью читаем: «О сем п р и к а з а л так же о всем п о р о з н ь н а п и с а т ь и м я н н о о кормех и о подводах, и о приеме на рубежах и на Москве, по скольку им против прежнего давано будет. А нашим послам и посланникам учинено б было о всем против договору учиненном (sic)». Соответственно с этой резолюцией ответ на третью статью был дополнен точными указаниями: «За всякие съестные припасы и питье и за конской корм... давано будет деньгами п о п я т и д е с я т и р у б л е в на неделю». Да сверх того даваны будут дрова и водовоз воду будет возить, сколько надобно. Дорожный корм будет в том же размере, как и содержание в Москве — 50 рублей в неделю. В четвертой статье Принцен жаловался, что, тогда как навстречу предыдущему посланнику были высланы дворяне и дети боярские и на приемную аудиенцию он был везен в санях на шести лошадях, ему, Принцену, такой встречи не оказано, и везен он был только на двух лошадях. Приказный ответ был составлен уклончиво: «Тебе, чрезвычайному посланнику... никакой убавки не учинено... и во время посланничества твоего и в иные времена какая тебе его царского величества явлена милость и то сам ты можешь рассудить, за что должно тебе его царского величества милость высоко прославлять». Царь в помете на эту статью дал прямое приказание: «О том написать так же подлинно и обнадежить, что впредь на приезде быть ему в санях о шести возниках». В пятой статье Принцен, ссылаясь на учиненное при свидании в Кёнигсберге братство, просил, чтобы государь в обращении к курфюрсту писал его братом, как это делают короли французский, английский, испанский, португальский и шведский. В ответе было написано, что государь повелит писать, как бывало прежде и как подобает писать к электору (курфюрсту) по его достоинству без всякого умаления. Помета царя гласила: «Написать имянно, что особливо учиненную в Прусех любовь и приятство царское величество с курфистром всегда содерживать и продолжать станет, а в грамотах писать

будет против прежнего обыкновения без всякого умаления, а старых обыкностей в том переменять невозможно». Здесь Петр, обещая поддерживать заключенный союз и дружественные отношения с бранденбургским курфюрстом, высказался все же за сохранение старинных внешних форм в обращении и указывал на невозможность перемен старого обычая. Официальная грамота к курфюрсту, как и личное письмо к нему царя, которые повез Принцен, действительно, не содержат в себе наименования курфюрста братом[1]. При всем своем расположении к курфюрсту русский царь, однако, не считал возможным именовать его себе братом.

Наконец, в шестой статье излагалась просьба о поддержке в эльбингском деле. В приказном ответе говорилось, что великий государь, слыша о такой долголетней с польской стороны к курфюрсту неисправности, «не по малу подивился» и во внимание к союзу предков своих с прежними курфюрстами и к просьбе теперешнего курфюрста указал послать грамоту к русскому резиденту в Польше, чтобы польский король, ради любви и дружбы с царем, «учинил с курфюрстом примирение и согласие и не начинал никакой противности». Царская помета на эту статью гласит: «Прибавить: будет его царское величество по особливой любви и союзу с курфирстскою пресветлостию всякими мерами войну и ссору с Речью Посполитою польскою по возможности своей препинать и до того не допускать и курфирсту в том деле всякое вспоможение чинить», т. е. примет все возможные меры к предотвращению войны и окажет курфюрсту всяческую помощь.

Исправленная редакция ответа с дополнениями, сделанными в соответствии с царскими резолюциями, вновь докладывалась Петру 11 марта, причем он, одобрив ее, указал переписать ответ в «тетрадь в десть» и в таком виде вручить посланнику. В этом дипломатическом документе отразились те же черты Петра, какие проявились в его переговорах в Вене с австрийскими дипломатами: нерасположение к общим и туманным фразам, стремление к точности и ясности как в постановке, так и в решении вопроса, любовь к конкретным фактам и цифровым данным. Удовлетворяя договаривающуюся сторону, он не забывает русских интересов и вносит оговорку, «чтобы и нашим послам и посланникам учинено было во всем против договору». В самом участии Петра в составлении документа виден его интерес к союзу с курфюрстом, а в том благосклонном направлении, которое дано было документу пометами царя, ясно сквозит личное расположение к союзнику и желание пойти ему навстречу. Однако, личное чувство, какое он испытывал к курфюрсту, имеет границы, оно не овладело им настолько, чтобы поставить достоинство русского царя на одну доску с достоинством бранденбургского маркграфа, и Петр не отсту-

---

[1] П. и Б., т. I, № 259; ср. № 263.

пил от старого обыкновения не писать курфюрста братом. Интерес царя к союзу с Бранденбургом и расположение его к курфюрсту в значительной мере поддерживались теми симпатиями, которые вызывал в нем к себе фон Принцен, сопровождавший царя в Воронеж и довольно близкий к нему в то время, когда царю докладывался проект ответа. Несомненно, что эти симпатии к Принцену вызвали то внимание, с каким Петр отнесся к ответу [1].

Рис. 15. Александр Данилович Меншиков
Гравюра Лондини

Расположение царя к Принцену делало последнему жизнь в Москве особенно приятной. Он приехал сюда в веселую полосу январских празднеств, непрерывной вереницей тянувшихся между рождеством и великим постом. Он был принят в высшем московском кругу. О веселье московской жизни он пишет в донесении курфюрсту от 20/30 января, что здесь одно угощение следует за другим, одна свадьба за другой; жизнь в Москве кажется сплошным большим праздником — Eine Gasterei, eine Hochzeit löst die andere ab, das Leben in Moskau scheint ein einziges grosses Fest. В Принцене, зная симпатию к нему государя, заискивают. Датский посланник, вопреки обычаю, не позволявшему посещать иностранного представи-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Бранденбургские дела 1698 г., № 4, л. 41—42 — краткие статьи, содержащие заявления фон Принцена при разговоре его с Л. К. Нарышкиным 27 января 207 г.; л. 101—104 — письмо с предложениями фон Принцена на немецком языке; л. 105—118 — перевод с немецкого письма; л. 119—150 — выписка по этому поводу с историческими справками; л. 152—171 — проект ответного письма, составленный в Посольском приказе, с пометами, сделанными в Воронеже при докладе проекта царю. Бранденбургские дела 1698 г., № 5 — окончательная редакция ответа, составленная в соответствии с царскими пометами, вновь слушанная и одобренная царем в Москве 11 марта, причем он указал переписать ее «в тетратях», которыми вообще стремился заменить приказные столбцы; см. также Бранденбургские дела 1698 г., № 4, л. 174—186 и 188—193 (в тетради). Окончательная редакция напечатана в П. С. З., № 1680, 11 марта.

теля раньше, чем ему будет дана приемная аудиенция, поспешил сделать ему визит. «Может быть,—не без иронии замечает, передавая это известие Корб, — он горел нетерпением вступить с ним в более тесную дружбу». Цесарский посол Гвариент также не замедлил своим визитом, который был отдан ему через день. Однако шумное веселье, среди которого Принцен очутился, не помешало ему отметить мрачное зрелище: около ворот Кремля лежат четыре тела вожаков стрелецкого мятежа, привязанные к колесам; вокруг города у стен сделаны виселицы и на них висят по четверо и пятеро стрельцов. 23 января новый царский любимец Александр Меншиков праздновал новоселье в подаренном ему царем доме. «С торжественными обрядами на эпикурейском пиршестве, — пишет Корб, — Вакх освятил дом, который царь подарил недавно фавориту своему Алексашке»[1]. В тот же день началось продолжение стрелецкого розыска.

XXXI. РОЗЫСК И КАЗНИ СТРЕЛЬЦОВ В ЯНВАРЕ И ФЕВРАЛЕ 1699 г.

Еще в ноябре 1698 г. начался своз в Москву из городов и монастырей остальных стрельцов, которые не попали в сентябрьский и октябрьский розыски. 2 ноября в город Устюг Великий пришла грамота из Преображенского приказа; предписывалось прислать в этот приказ находившегося, по сведениям приказа, на Устюге стрельца Мишку Токаря. Воевода ответил, что стрельца Мишки с таким прозвищем на Устюге в числе присланных из-под Воскресенского монастыря не находится, но что он на всякий случай отправил находящихся среди этих стрельцов «двух Мишек» — Мишку Герасимова и Мишку Яковлева, заковав их в ручные и в ножные железа под конвоем из четырех устюжских стрельцов. Они были доставлены в Преображенский приказ 17-го. 21 ноября была доставлена из Белгорода воеводой князем Я. Ф. Долгоруким партия стрельцов в 60 человек «беглецов» из сборного полка Петра Головнина. Как припомним, этот полк был сформирован в Москве из стрельцов, взятых из нескольких других московских стрелецких полков, и отправлен затем на Луки Великие в пограничный корпус князя М. Г. Ромодановского. Когда по миновании королевских выборов в Польше корпус этот стал распускаться, сводный полк Головнина весной был двинут на юг конвоировать хлебные запасы, направлявшиеся из Брянска в днепровские городки Тавань и другие, построенные на устьях Днепра, причем полк должен был итти в Брянск, «не займуя Москвы», т. е. не заходя в столицу. 83 стрельца из этого полка не выдержали и в марте 1698 г. самовольно явились в Москву с целью, как они потом говорили, подать челобитную о выдаче им жалованья, на самом же деле — повидаться

[1] Dukmeyer, Korb's Diarium, I, 324; Корб, Дневник, стр. 118, 119.

с семьями. Они попали в Москву в то же время, когда сюда во главе с Васькой Тумой приходили беглецы из взбунтовавшихся затем четырех полков. Вместе с последними головнинцы участвовали в Москве в шумном выступлении 3 апреля перед двором заведующего Стрелецким приказом князя И. Б. Троекурова и требовали отсрочки назначенного им именно на 3 апреля удаления из Москвы и возвращения к своим полкам. Когда князь вызвал четырех депутатов из стрелецкой толпы и после разговора с ними велел находившимся при нем двум полковникам отвести этих депутатов в Стрелецкий приказ, головнинцы с другими стрельцами набросились на полковников и отбили у них депутатов силой, а двое из головнинцев, Ивашко Чурин и Петрушка Наумов, явились вскоре в Стрелецкий приказ, и, выдавая себя за уполномоченных от всех самовольно явившихся в Москву стрельцов, говорили там с дьяками «невежливо», заявили, что боярского приказа не послушаются и в назначенный срок 3 апреля к своим полкам не пойдут, а когда были в приказе задержаны, то Ивашка Чурин, выйдя из судейской палаты, подсылал находившегося там же, в приказе, малолетнего стрельца Ромашку Елфимова в стрелецкие слободы подговаривать и возмущать стрельцов, чтобы шли в приказ им на выручку. Волнение к вечеру 4 апреля было успокоено, беглецы высланы из Москвы к своим полкам, стрельцы сборного полка Головнина были отправлены в Брянск с капитаном Иваном Креневым. Двое из них, шумевшие в Стрелецком приказе, Чурин и Наумов вместе с третьим, Лифанкой Васильевым, оказавшим сопротивление при высылке его из Москвы в полк, по приговору бояр были сосланы в Сибирь на вечное житье в Даурские остроги. Из отправленных под командой Кренева беглецов сборного полка не все прибыли к полку — часть бежала по дороге до Брянска, некоторые из прибывших к полку в Брянск бежали при дальнейшем движении полка к месту назначения, и вот почему из 80 отправленных из Москвы беглецов этого полка было прислано теперь князем Я. Ф. Долгоруким только 60 человек.

Впрочем, сверх этих 60 случайно в те же ноябрьские дни 1698 г. был задержан в Москве еще один из этих головнинских беглецов, скрывшихся из полка по дороге — Андрюшка Сергеев. Он был замечен своим братом садовником Марком Сергеевым в Кремле на Ивановской площади, куда он направлялся, по его словам, к площадным подьячим написать челобитную о явке в Стрелецкий приказ. Брат не решился укрывать беглого и сам привел его в Стрелецкий приказ, откуда он был передан в Преображенское.

24 ноября в Преображенский приказ был приведен стрелец Тихонова полка Гундертмарка Ивашка Смагин, попавшийся в ночь на это число в краже в слободке у Девичьего монастыря и в расспросе объяснивший, что он бежал из полка с Лук Великих от голода в мясоед после рождества 1698 г., в бегах жил некоторое время в Можайском уезде в вотчине боярина князя

Б. И. Прозоровского в деревне Поречье на реке Иначе, копая пруды и сплавляя дрова и лес в Москву по Москве-реке. Дня за четыре перед кражей он пришел в Москву, ночевал ночь в селе Воробьеве да две ночи в патриаршем селе Голенищеве, поблизости от Воробьевых гор, ухорониваясь в гумнах. На четвертую ночь забрался во двор к подмонастырному крестьянину Ваське Селиверстову для кражи платья и здесь был пойман. Спрошенный о нем пятисотный полка Аксенко Феоктистов показал, однако, что Смагин бежал из полка после ухода в Москву Васьки Тумы, бежал «от воровства», украв сухари у хозяина того двора, на котором стоял постоем. Очевидно, Смагин был обыкновенным вором, может быть, прибегавшим к воровству из-за голода, во всяком случае, в политическом выступлении стрельцов участия не принимал. Тем не менее князь Ф. Ю. Ромодановский, выслушав его расспросные речи, распорядился отправить его в Симонов монастырь, где были заключены стрельцы-бунтовщики.

27 ноября были доставлены в Преображенский приказ отправленные в Сибирь на вечное житье в Даурские остроги трое стрельцов: Ивашка Чурин, Петрушка Наумов и Лифанко Васильев; указ о возвращении их в Москву к розыску застал их в Тобольске. Таким образом, к концу ноября в Преображенский приказ было прислано 67 человек[1].

16 декабря архангельский воевода князь М. И. Лыков прислал в Москву трех объявившихся в Архангельске беглых стрельцов, захваченных там в солдатской слободе полковником Андреем Гордоном: Алешку Посникова, Тишку Сергеева Блинникова и Мишку Калашникова. Первый из них, Алешка Посников, объяснил, что, будучи на службе в Луках Великих, он заболел и в той болезни обещался сходить в Соловецкий монастырь помолиться чудотворцам, и, когда выздоровел, то 30 января 1698 г. без отпуска от начальных людей бежал — «в той его вине волен великий государь». В мае 1698 г. через Новгород и Вологду он пришел в Архангельск, называясь по дороге прохожим человеком и богомольцем. Из Архангельска ходил по обещанию к Соловецким чудотворцам, а затем жил в Архангельске у свойственных людей, не смея вернуться на Луки Великие или к Москве, потому что был в Архангельске слух, что стрелецкие полки с Лук Великих сошли, и ждал известия, где те полки будут поставлены. О бунтовщических замыслах стрельцов он ничего не слыхал. Тишка Сергеев Блинников был родом из архангельских стрелецких детей; был в сборном полку Петра Головнина; когда полк двинут был в Тавань, бежал с другими беглецами к Москве, куда пришел великим постом на второй неделе, ночевал здесь две ночи в стрелецкой слободе в своем дворишке, а затем пошел на родину в Архангельск. Третий стрелец, Мишка Калашник, бежал из полка Афанасья Чубарова с дороги еще

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 3, ст. 1, л. 1—24.

в то время, когда полк этот двигался из Азова на Великие Луки [1].

27 декабря царь указал передать в ведение Преображенского приказа большую партию в 353 человека стрельцов четырех бунтовавших полков, свезенных к Москве из разных городов и монастырей, по которым они были разосланы из-под Воскресенского монастыря, и посаженных в заключение по московским и подмосковным монастырям, именно: в Новоспасском, в Донском, в Андроньеве, в Покровском, в Николаевском на Угреше, в Симонове, в Савине-Сторожевском. Этот царский указ был исполнен 1 января, когда в Преображенский приказ были отосланы из Иноземского приказа, руководившего свозкой стрельцов из городов, списки этих стрельцов, причем стрельцы, заключенные в Савине-Сторожевском монастыре, были переведены в Москву несколько позже — 27 января. В тот же день, 27 января, поступила в Преображенский приказ еще партия стрельцов в 119 человек, присланных из костромского Богоявленского (69 человек) и из нижегородского Печерского монастырей. Всего поступило в Преображенский приказ в январе 1699 г. — 472 стрельца [2]. Сверх этого числа особую группу составили переданные 20 января в тот же приказ 153 человека малолетних стрельцов, свезенных из Великого Новгорода, с Белоозера, из Арзамаса, Устюга Великого, Нижнего Новгорода, Торопца. Они были размещены до передачи в Преображенский приказ по подмосковным селам: в Никольском, Мытищах, Ростокине, Ивановском и Тушине. Всего, таким образом, было сосредоточено в Москве и под Москвой для нового розыска $67 + 3 + 472 + 153 = 695$ стрельцов [3].

С 23 января начался розыск, который продолжался затем 25 и 27 января. Производить его назначены были те же лица, которые вели это дело в сентябре и октябре: стольник князь Ф. Ю. Ромодановский, заместителем которого в его застенке был адмиралтеец окольничий А. П. Протасьев [4], далее, бояре: князь М. А. Черкасский, Т. Н. Стрешнев, князь М. Г. Ромодановский, князь В. Д. Долгорукий, А. С. Шеин, князь М. Н. Львов; окольничие: князь Ю. Ф. Щербатый, И. И. Головин и С. И. Языков. В списке этих следователей [5] упоминается еще думный дьяк

---

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 3, ст. 1, л. 154—166.

[2] Там же, л. 26—39, 70—76.

[3] Там же, л. 40—54. Малолетние стрельцы с 22 января по наказании кнутом рассылались в заточение по 8 разным монастырям, а именно: в Серпухов — в Высоцкий и во Владычень монастыри, в Коломну — в Голутвин, на Каширу — в Белопесочный, в Переяславль Рязанский — в Богословский, в Солотчинский, в Пафнутьев-Боровский, в Давыдову пустынь. Всего из 695 стрельцов малолетних оказалось 285 человек, так как были малолетние и в других группах стрельцов, сосредоточенных в Москве в январе 1699 г. Часть их, как оказалось, была уже бита кнутом еще под Воскресенским монастырем. (Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 2, ст. 3; карт. 7, ст. 26, 61, 17).

[4] Там же, карт. 7, ст. 109, л. 3.

[5] Там же, ст. 66.

Н. М. Зотов, но в деле о стрелецком розыске документов его розыска нет. Таким образом, розыск производился в 10 застенках. Беглецов сборного полка Петра Головнина, присланных из Белгорода, велено было расспрашивать по особой статье: «Как они были на Москве, к кому в домы прихаживали и не было ль у них в том бунтовом деле с кем думы или кто их воровство к бунту ведал и не говорил ли им кто чего к возмущению бунта?»[1] Стрельцы четырех бунтовавших полков допрашивались по тем же статьям, по которым велся допрос в сентябрьском и октябрьском розысках, т. е. о приносе Васькой Тумой письма из Москвы, о прочтении его стрельцам, о намерении бояр удушить царевича и т. д. Вглядимся в детали этого розыска.

В застенке князя Ф. Ю. Ромодановского 23 января было пытано 10 человек стрельцов, из них четверо беглецы сборного Головнина полка: Васька Косарев, Ивашка Чурин, племянник Васьки Тумы Андрюшка Сергеев Фуфай и Андрюшка Туленкин, остальные шестеро — бунтовщики Чубарова полка. Первые показывали, что в великий пост 1698 г. с Лук Великих на Москве в бегах были, приходили бить челом о денежном и хлебном жалованье. Наиболее подробный рассказ об этом побеге и о происшествиях в Москве 3 апреля дал Ивашка Чурин, пытавшийся в этом показании смягчить свою роль и выставить себя в известной степени подневольным участником движения. «Как с Лук Великих, — рассказывал он, — велено итить им на службу в Тавань, и он де, Ивашка, с товарищи своими с дороги от скудости бежали и пришли к Москве в великий пост и на Москве с беглым стрельцом Ваською Тумою виделся, и дано им государева денежного жалованья по рублю по двадцати алтын человеку, и велено им итить на службу в Тавань попрежнему. И Васка де Тума его, Ивашка, спросил: куда он, Ивашка, идет? И он де, Ивашка, ему сказал, что идет в Озеров полк к теще своей проститься, потому что их высылают на службу вскоре. И Васка де ему сказал: успеешь де проститься, мы де идем к боярину ко князю Ивану Борисовичу Троекурову бить челом, чтоб дал нам сроку дни на два. И он де, Ивашка, ему, Васке, молвил: дурно де братцы, нехорошо! всем де срок с Москвы итти в воскресенье! И Васка де, взяв его за волосы, у Арбатских ворот толкнул в квасню. И он де, Ивашка, ему, Васке, молвил: напрасно ты меня бьешь! И пошли они ко двору боярина князя И. Б. Троекурова. Да с ними ж де на Смоленской улице сошлись стрелец Петрушка Наумов, да... стрелецкий сын Ромашка Елфимов и пошли с ним на большой отдаточный двор (кабак)... И выпив по две деньги вина, пришли ко двору боярина князя И. Б. Троекурова. И в то де время ехал с боярского двора дьяк Василий Мануилов и у московских богаделен попался ему, Ивашку, навстречу, и он де, Ивашко, стал ему, Василью, говорить: наша де братья собрались у Арбатских ворот

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 3, ст. 1, л. 220; карт. 4, ст. 59.

и хотят итти к боярину бить челом, чтоб им дать сроку на день, на другой. И он де, Василий, их избранил: плуты де вы, что вы видели? И велел он, Василий, его взять в приказ. И по его де, Васильеву, приказу его, Ивашка, подьячей да деньщик взяли в приказ. А в приказе де он, Ивашко, того ж часа, как роспрашивали, говорил товарищу своему, того же полку стрелецкому сыну Ромашке Елфимову: поди де ты и скажи стрельцом, чтоб шли в Стрелецкий приказ, чтоб де я один не погибал, как де знают они, а я де один погибаю ни в чем. И тот де Ромашка ходил ли или не ходил, того он не знает, потому что с ним после не видался». Просидев в приказе дня с два, он был освобожден и послан в Брянск, но с дороги взят вновь к Москве, пытан и затем с товарищами своими Петрушкою Наумовым и Лифанкою Васильевым сосланы в Сибирь в Тобольск, откуда теперь и привезены. Письма у Тумы он никакого не видал и о предполагаемом бунте ничего не слыхал. Он получил на пытке 30 ударов кнутом. Племянник Тумы Андрюшка Сергеев Фуфай показывал, что в Москве с Тумою он не видался, и у двора князя И. Б. Троекурова не был, про намерение стрельцов четырех полков бунтовать не знал. Шестеро стрельцов Чубарова полка о письме, принесенном Ваською Тумою из Девичьего монастыря, о передаче его Мишке Обросимову, о чтении его Артюшкою Масловым отозвались неведением, о том, что государя за морем не стало и что бояре хотели удушить царевича, ни от кого не слыхали [1].

25 января в том же застенке князя Ф. Ю. Ромодановского были пытаны Иванова полку Черного пятисотный Матюшка Бурнашев и семеро пятидесятников Федорова полку Колзакова. Несмотря на значительное число ударов кнутом—25 и 30, а для некоторых и на жжение огнем, большинство их упорно запиралось и отвечало неведением на вопросы, заключавшиеся в статьях. Пятисотный Матюшка Бурнашев о приносе письма и о его чтении отозвался неведением, потому что был болен и к Москве ехал больным же. С полковником своим он не ушел из страха, потому что в полках учреждены были караулы. Трое пятидесятников: Пронька Кузьмин, Федька Степанов, Митька Елисеев, объяснили, что шли к Москве «простотою своею», не имея никакого умысла, про письмо и про составную челобитную не слыхали. Пятидесятники Ивашка Волосатый и Тимошка Давыдов сказали, что с Лук Великих шли с своею братьею вместе, а для чего шли — не ведают, последний — потому, что был приставлен у полковой казны. Пятидесятник Афонька Прасолов сказал, что к Москве шел «за страхом», подбивал стрельцов итти к Москве стрелец Бориска Проскуряков, говоря: пришед де к Москве, я де ухожу бояр Тихона Никитича Стрешнева, князь Ивана Бо-

---

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 3, ст. 1, л. 55—61; карт. 7, ст. 112, л. 24—27. Допрос первых четырех стрельцов производился князем Ф. Ю. Ромодановским, остальных допрашивал окольничий А. П. Протасьев.

рисовича Троекурова. Он, Афонька, когда стрельцы стали сбираться в Москву, унимал свою братью и говорил: к Москве де им итить не за чем, быть там всем кажненным. Он ходил унимать стрельцов в чужой Чубаров полк, и эти его попытки, действительно, были подтверждены здесь же в застенке его полковником Федором Колзаковым, а также приставом Чубарова полка Ефимом Краевым. Чтения письма на Двине Артюшкой Масловым он не слыхал, но про челобитную, составленную Васькой Зориным, слышал. Из полка уйти ему было невозможно, потому что стрельцы стали их «присматривать, чтоб никто из них из обозу не ушел; а буде кто побежит, и тех колоть копьи. И он, боясь такого страху, и не ушел». Тут же, вероятно, около застенка, Афонька Прасолов, смотря на 24 человек малолетних стрельцов, которым было учинено наказанье еще у Воскресенского монастыря, оговорил одного из них, Микитку Голыгина, сказав, что этот малолетний стрелец на пути, когда они проходили около вотчины стольника Ивана Родионовича Стрешнева, неизвестно за что побранившись с крестьянами той вотчины, говорил им: «дай де мне притить к Москве, то де я и с боярина вашего голову сорву!» и за эти слова он будто бы по жалобе крестьян был бит по приговору всего полка дубинками. Голыгин этот оговор отвергал, брани у него с крестьянами никакой не было, слов таких он не говорил, крестьяне на него извета не подавали и дубинками он бит не был — затеял на него Афонька те слова напрасно. Полную повинную принес на этом розыске один только пятидесятник Сережка Силуянов, признавший, что они, стрельцы, к Москве шли для бунта, хотели стать на Девичьем поле, звать царевну Софью по прежнему в правительство и т. д.[1].

Так же как на сентябрьском и октябрьском розысках, некоторые стрельцы подвергались повторным пыткам. Эти повторные пытки производились 27 января. Из 18 стрельцов, допрошенных в застенке князя Ф. Ю. Ромодановского по первому разу 23 и 25 января, 8 человек были пытаны второй раз 27-го, в том числе головнинцы Ивашка Чурин, Васька Косарев, пятидесятники Колзакова полка Митька Елисеев, Пронька Кузьмин, Федька Степанов, Ивашко Волосатый, Тимошка Давыдов, Афонька Прасолов. К прежним своим показаниям Ивашка Чурин с 8 ударов сделал теперь следующие существенные добавления: стрелецкого сына Ромашку Елфимова он, будучи задержан в Стрелецком приказе, посылал за стрельцами, чтоб шли в город не только для того, чтобы его выручить, но и для того, чтобы «спрашивать», т. е. потребовать отчета у князя И. Б. Троекурова в том, кто у них убавил хлебное жалованье; в полку у них носилось, что убавил у них хлебное жалованье боярин Т. Н. Стрешнев по своей воле. Мысль у них, стрельцов, была такая, чтоб вывесть бояр всех и побить за то, что отменили

---

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 3, ст. 1, л. 64—69.

шедшее им хлебное жалованье. Васька Тума у Арбатских ворот ему говорил: «Идем де мы к боярину ко князю Ивану Борисовичу бить челом о том, кто у них хлебное жалованье отнял, и чтоб то хлебное жалованье дать им по прежнему и, буде он в том откажет, и им ему говорить, чтоб дал им сроку на два дня. А буде того хлеба им давать не станут, и мы де в понедельник или, кончая во вторник, их, бояр, выведем всех и побьем». Имели мысль и на Луки по полки свои посылать, чтоб они к ним приехали «для того убийства на помощь, а та де дума была у них у всех». Васька Косарев и Левка Денисов подтвердили, что разговоры о боярине Т. Н. Стрешневе, что он отнял хлебное жалованье, шли у всех стрельцов, прибегавших в Москву весной 1698 г. Из пятидесятников одни остались при своих прежних речах, данных на первой пытке, другие делали некоторые добавления в сторону сознания. Так, Митька Елисеев с 25 ударов «говорил прежние свои речи». Пронька Кузьмин до пытки сознался, что шел с своей братьей для бунта и готов был в Москве сделать то же, что и другие стрельцы. Федька Степанов показал, что когда к мятежным полкам приехал генерал Гордон их уговаривать, он, Федька, перешел к нему. Пятидесятник Ивашко Волосатый говорил прежние речи. Были вызваны его уличать известные главари Артюшка Маслов и Васька Зорин, показывавшие, что он шел в Москву для бунта и вел полк, будучи в полку наказным приставом, дорогой делал стрельцам смотры и раздавал им порох и свинец. Несмотря на 25 ударов, Волосатый был тверд, во всем запирался и оставался при прежнем показании, говоря: «Вольно де им его клепать и говорить, что хотят». Пятидесятник Тимошка Давыдов говорил, что когда из Торопца стрельцы стали собираться к Москве, он стал свою братью унимать так же, как и пятидесятник Афонька Прасолов, но стрельцы начали на них кричать: «Полковник де не велит итти к Москве, а вы де не унимаете и плачете и хотите к Москве итить», и хотели его, Афоньку, заколоть копьями. Афонька Прасолов с 25 ударов признался, что про письмо, что Васька Тума принес от царевны, слышал, к Москве шел для бунта, намереваясь делать то же, что и остальные стрельцы, стрельцов по дороге к Москве бивал не за тем, чтобы они друг от друга не отставали (т. е. не подгонял их к Москве), а для того, чтобы они, идучи дорогой, обид никаких не чинили [1].

В этот же день должен был подвергнуться пытке племянник Васьки Тумы стрелец сборного полка Головнина Андрюшка Сергеев Фуфай, но он сделал покушение на самоубийство, как гласит имеющаяся в записи этого розыска отметка: «Васки Тумы племянник Андрюшка Сергеев Фуфай не пытан для того, что, сидя в санях (когда его привезли в Преображенское), сам себя порезал в брюхо». Как объявил находившийся при нем у саней на карауле служка Симонова монастыря Федька Петров,

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 3, ст. 1, л. 77—81.

Андрюшка взял нож у монастырского крестьянина Нефедьки, который, дав ему нож, скрылся [1].

23 января, кроме главного застенка кн. Ф. Ю. Ромодановского, следствие производилось, судя по записям, еще в шести застенках [2]. Всего пытано было в этих шести застенках 37 стрельцов, по 6 человек в каждом, только в застенке князя В. Д. Долгорукого — 7; из них 28 человек сборного полка Петра Головнина.

Головнинцы рассказывали о своем побеге, предпринятом из-за хлебной скудости, но совершенно отрицали всякие бунтовщические намерения и знакомство с Васькой Тумой. «Из Лук Великих посланы они были в Брянск, — показывал в розыске у окольничего И. И. Головина стрелец Мишка Якимов, — и недошед Брянска в Ржевском уезде, отстав от того полку, пришли к Москве от бедности своей бить челом великому государю о жалованье и явились в Стрелецком приказе на третьей неделе великого поста и были в доме своем дни с два и с иными стрельцами человек с шестьдесят посланы с Москвы попрежнему в Брянск и были под Таванью. А как де он, Мишка, в великий пост был на Москве, и в то де число Афанасьева полку Чубарова стрельца Васки Тумы и товарищев его иных полков стрельцов, которые были на Луках и к бунту писем у них не видал и его, Васки Тумы, он, Мишка, не знал» [3]. Это случайно нами взятое показание Мишки Якимова типично и для всех головнинцев в их допросах 23 января.

25 января по 9 застенкам были пытаны 74 стрельца, в том числе преимущественно, если можно так выразиться, унтер-офицерский состав, именно: 4 пятидесятника Иванова полка Черного и 68 десятников четырех бунтовавших под Воскресенским монастырем полков, розданные по 8 человек на застенок. Сравнивая эти цифры с цифрами розданных по каждому застенку в осенних розысках, можно видеть, что количество стрельцов в каждом застенке было меньше; из этого, впрочем, не следует, чтобы работа производилась интенсивнее. По крайней мере записи этого розыска гораздо суммарнее записей предыдущих. Бросается в глаза еще более упорное запирательство этих стрельцов сравнительно с тем, что было на розысках осенью, несмотря на значительное число ударов и жжение огнем. Редкий из стрельцов дает положительный ответ по какой-либо из статей, по которым производился допрос: не слыхал, не ведает, не упомнит — обычные ответы. Показание стрельца Федьки Гасилы на розыске у И. И. Головина с откровенным признанием стоит как-то особняком и выделяется из прочих. «Их же де полку (Федорова Колзакова), — говорил Гасило, — стрельцы Алешка Гусев да Игнашка Бубненок говорили ему, Федьке, да товарищу его

---

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 3, ст. 1, л. 81.

[2] Не работали застенки князя М. Г. Ромодановского, Т. Н. Стрешнева, князя П. И. Прозоровского.

[3] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 3, ст. 1, л. 128.

Артюшке Осипову: пойдем де к Москве, долго де нам терпеть, корму де дает нам боярин князь Михайло Григорьевич Ромодановский малое число, а не по указу, и станем де бить челом боярину Тихону Никитичю Стрешневу о жалованье. А пришед де к Москве, возьмем Дмитрия Мельнова да Ипата Улфова[1] с товарищи, они все полки разорили и чтоб их убить до смерти и станем де говорить черни, чтоб за них (стрельцов) стали. И будет де боярин Тихон Никитич жалованья им не даст, и его убить им до смерти. Да им же выбрать было Ваську Туму да того ж полку стрельца Ивашку Яковлева, чтоб они подали царевне Софье Алексеевне челобитную, чтоб она шла к Москве, а им стать было обозом, а бояр побить. А Артюшка де Маслов письмо чел, не доезжая Воскресенского монастыря за 20 верст, а что в том письме написано, того он не упомнит»[2].

Всем этим 72 стрельцам унтер-офицерского чина: 4 пятидесятникам и 68 десятникам, пытанным 25 января, была 27 января повторная пытка по тем же девяти застенкам по 8 человек в каждом. В записи о розыске в застенке Т. Н. Стрешнева почему-то даже суммированы цифры ударов, полученных допрошенными там стрельцами за оба эти дня: 52, 53, 60, 64, 70, 80 ударов — и все такое же запирательство, как и на первом допросе, так что и запись иногда ограничивается лишь перечнем стрельцов и указанием, что «говорили те же речи, что с первой пытки говорили». Только на розыске у окольничего С. И. Языкова десятник Колзакова полка Петрушка Минаев, упорно запиравшийся на первой пытке с 31 удара, на второй — с 45 ударов и с огня показал: «письмо де из Девичья монастыря к ним в полк принес Васька Тума, а чел де то письмо в полках Артюшка Маслов, а в том письме написано: пришед де было им под Москву и стоять под Девичьим монастырем и караульных солдат порубить и итти к Москве и пришед, бояр всех рубить же и Немецкую слободу выжечь и немец рубить. А кто то письмо ему, Ваське, отдал и в том письме, что было иное написано, того де он, Петрушка, не ведает, а ведает де про то все подлинно товарищ его Филька Абрамов, потому что он, Филька, в полку у них был знатен и богатый человек». Филька Абрамов, однако, с 50 ударов и с огня по этой улике Минаева ни в чем не винился, а говорил то же, что и на первой пытке[3].

Всего по 9 застенкам за 23, 25 и 27 января было пытано $34 + 74 = 108$ стрельцов, а вместе еще с 18 пытанными в те же дни в застенке князя Ф. Ю. Ромодановского — 126 стрельцов. Это очень немного сравнительно со всем числом их, сосредоточенным в Москве в январские дни 1699 г. (695 человек) и даже с 410, если исключить из этого числа 285 малолетних стрельцов. Так что опять здесь следует повторить то, что при-

---

[1] Вероятно дьяки Стрелецкого приказа (?).
[2] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 3, ст. 1, л. 131—132.
[3] Там же, л. 100—101.

ходилось говорить о значении этих допросов с пытками на осенних розысках, сентябрьском и октябрьском: эти допросы не имели значения следствия о виновности каждого отдельного стрельца, с тем чтобы на основании результатов следствия оправдать его или подвергнуть наказанию в той или иной мере, смотря по мере преступления. Стрельцы были уже все виновны и все подлежали смерти. Допросы пытками имели целью не определение виновности каждого, а выяснение самого события: бунта и его корней. Пытка — это только своеобразный метод получения желательных сведений о происшедших событиях.

27 января Петр провел вечер в доме князя Б. А. Голицына, где его видел и имел с ним разговор о союзе датский посол Гейнс[1] и где Петр, по свидетельству Корба, остался ночевать: «искал во сне отдыха от забот»; у него же на следующий день, 28 января, обедал. Корб отмечает также в этот день лекцию по анатомии иностранного медика Цоппота в присутствии царя и насильно привлеченных царским указом бояр. «Медик Цоппот, — читаем у Корба, — начал анатомические упражнения в присутствии царя и многих бояр, которых побудил к этому царский приказ, хотя такие упражнения и были им противны». 30 января царь обедал у Адама Вейде. «Г. Адам Вейд, — пишет Корб, — великолепно угостил на роскошном пиршестве царя, бояр, представителей и других чиновников в огромном количестве. Но царь погружен был в глубокие думы и являл на своем лице скорее печальное, чем радостное настроение». Этот день, 30 января 1699 г., памятен в истории русского города — это день издания указов о переустройстве городского самоуправления, в которых Петр сделал первый шаг как преобразователь государственных учреждений в России. Под 31 января Корб говорит о съезде созванного в Москву для похода служилого дворянства и вместе с тем отмечает, что по городу распространились слухи о заключении мира. Перемирие было заключено в Карловице 14 января. Возможно, что первые слухи долетели до Москвы и на семнадцатый день; возможно также, что слухи эти были и преждевременны, но вызваны были ожиданием заключения мира. Эти слухи, по сообщению Корба, почему-то не вызвали радости в Москве. «Удивительно, — пишет он, — что распространившиеся слухи о мире вызывают общую печаль; даже скорбят и те лица, которые до сих пор все вздыхали о мире, хотя наружно противились ему, не желая навлекать на себя неудовольствие [царя]»[2].

Под 1 февраля Корб заносит в дневник заметку, что в «общественных местах прибиты были объявления, призывавшие простонародье посмотреть в Преображенском, какому наказанию подвергнуты будут стрельцы за свою измену». Под этим же днем он рассказывает и о происходивших в различных местах

[1] Форстен. Датские дипломаты при московском дворе. «Журнал министерства народного просвещения», 1904, кн. 12, стр. 301.

[2] Корб, Дневник, стр. 121, 122.

казнях: «многие были обезглавлены; ста человекам отрезаны были уши и ноздри; некоторых клеймил палач, выжигая им на лице в знак позорного бесчестья изображение орла»[1]. Это известие, надо думать, преувеличено в том, что касается обезглавления многих. По сохранившейся официальной записи в этот день происходило в Преображенском наказанье кнутом партии малолетних стрельцов, причем, вероятно, их так же, как это было осенью, клеймили. Рванье ноздрей и ушей — также преувеличение[2].

2 февраля в доме датского резидента Бутенанта царь имел тайное свидание с датским послом Гейнсом для разговора о союзе с Данией. Разговор происходил в отдельной комнате при запертых дверях. По окончании разговора он вышел в приемную, где находился боярин А. С. Шеин. Бутенант и посол предложили ему и сопровождавшим его несколько стаканов вина (quelques verres de liqueurs) по обычаю страны, и после нескольких минут беседы о безразличных предметах царь уехал[3].

3 февраля состоялись многочисленные казни. «Сегодня имела место, — писал П. Лефорт к отцу в Женеву 3 февраля, — последняя экзекузия стрельцов, осужденных на смерть, несчастных которые имели намерение отправить нас всех на тот свет»[4]. Казни происходили в двух местах — на Красной площади и на Болоте. По официальной записи, из Преображенского приказа в этот день было послано к казни 150 человек[5].

Присутствие Петра на Красной площади при этих казнях засвидетельствовано Желябужским, который пишет: «Февраля в 3 день по указу великого государя казнили на Красной площади стрельцов, которые явились в измене в Воскресенском, а казнили их Преображенского полку прапорщик Андрей Михайлов сын Новокшенов да палачи Терешка с товарищи. У казни был сам великий государь да боярин князь Михайло Никитич Львов, также и иные прочие. Того ж числа на Болоте казнены стрельцы: всего казнено на Болоте 49 человек»[6]. Корб верно сообщает также и тот факт, что некоторые из приведенных на

---

[1] Корб, Дневник, стр. 122—123.

[2] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 7, ст. 51 — в том числе 9 малолетних головнинцев. Это та партия, которая рассылалась по монастырям 11 февраля (там же, карт. 2, ст. 3; карт. 7, ст. 26).

[3] Форстен, Датские дипломаты при московском дворе («Журнал министерства народного просвещения», 1904, кн. 12, стр. 303—305).

[4] Posselt, Lefort, II, 518.

[5] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 7, ст. 66: «февраля в 3 д. х. казни Чюбарова 68 ч., из Новоспасского (монастыря) Чюбарова 76 ч., из Андроньева 6, всего (в подлиннике итог не поставлен)». Карт. 3, ст. 1, л. 133: «послано из Преображенского приказу стрельцов Афанасьева полку Чюбарова сто сорок четыре человека для казни». Карт. 2, ст. 13: «на Красную площадь и на Болото — 150 чел.». Эта цифра верно приведена у Корба в конце его описания дня 3 февраля и приведена со слов царя, сказавшего: «из 150 только трое признали себя виновными». В начале описания он преувеличивает ее до 200 (Корб, Дневник, стр. 123, 122).

[6] Желябужский, Записки, стр. 136.

Красную площадь к казни стрельцов были отведены обратно в Преображенское после того, как перед казнью сделали говорившие в их пользу заявления о том, что они ведены были к Москве бунтовавшими стрельцами насильно, а двое их них оказались притом малолетними. Таких оказалось 11 человек [1].

4 февраля казни происходили в Преображенском. «Февраля в 4 день, — записывает Желябужский, — кликали клич преображенские солдаты на площади перед Николою Гостунским, чтоб ехали в Преображенское стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и жильцы, и всяких чинов люди, кто хочет смотреть розных казней, как станут казнить стрельцов и козаков яицких (?), а ехали б в Преображенское без опасения. И того ж числа в Преображенском казнены стрельцы, а иные четвертованы; всего их казнено 192 человека» [2].

5 февраля Петр присутствовал на свадьбе некоего иноземного полковника по имени Миаса [3]. 6-го и 7-го производился новый розыск стрельцам сборного полка Петра Головнина, частью подвергнутых первой пытке, как припомним, 23 января. Значительное большинство, 40 человек, теперь у пытки повинились и показали: когда они со службы бежали, у них был совет, придя под Москву, собраться всем в Тушине, а из Тушина итти на Бутырки и сказать бутырским солдатам, что они, стрельцы, пришли к Москве от голода, бояре-де у них хлебное жалованье отняли, и затем спросить солдат, велят ли они им жить на Москве и будут ли они, солдаты, за них стоять? Придя в Москву, был умысел итти ко двору князя И. Б. Троекурова, спросить, кто и за что отнял у них хлебное жалованье, и бить челом, чтобы хлебное жалованье им было выдано, если откажет, то просить для возвращения в полк отсрочки на два дня, а тем временем бояр за то, что у них хлебное жалованье отняли, вывесть и побить. Такой умысел был у всех 80 человек. Если кого из них арестуют и возьмут в приказ, остальным итти в город на выручку. Из Тушина они, однако, к бутырским солдатам не ходили, потому что за это дело взялся один из них, Ивашка Пузан, бежавший потом из-под Киева и теперь находящийся в бегах, который сказал им, что у него на Бутырках есть родственники, что он через них поведет переговоры, а о результатах сообщит. Никакой вести он им, однако, не сообщил [4]. Кроме бутырских солдат, ни на кого иных у них надежды

---

[1] А не трое, как говорит Корб («Дневник», стр. 124). Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 3, ст. 1, л. 133. Из них трое были казнены 9 февраля следующего 1700 г., пятеро были наказаны кнутом и отправлены в ссылку на каторгу и двое без всякого наказанья отправлены на житье один в Казань, другой в Нижний (карт. 7, ст. 18, л. 77 и 83). Одиннадцатый из этих стрельцов, Епишка Маслов, был 31 января 1700 г. на пытке (карт. 3, ст. 1, л. 222).

[2] Желябужский, Записки, стр. 136—137. Какой-либо официальной записи о казнях 4 февраля не сохранилось.

[3] Корб, Дневник, стр. 126.

[4] Бежавший Ивашка Пузан был пойман летом того же 1699 г. в Там-

не было. Брат бежавшего Ивашки Митька Пузан рассказал, что Ивашка на Бутырки ездил, и у солдат был, у кого именно, не знает, и, придя к Москве, стрельцам принес ответ: «солдаты де им отказали, как де вы знаете, так и делайте, нам де за вас стоять нельзя, государев де указ об вас жестокий». Меньшинство допрашиваемых головнинцев, 11 человек, сначала во всем заперлись, но затем также повинились [1].

XXXII. ОТЪЕЗД ПЕТРА В ВОРОНЕЖ В ФЕВРАЛЕ 1699 г.

9 февраля вечером был фейерверк у князя Ф. Ю. Ромодановского; на фейерверк были приглашены иностранные представители. «С наступлением ночи, — пишет Корб, — господин цесар-

---

бове, где он скрывался у своего двоюродного брата, архиерейского подьячего Федора Григорьева, и 27 июня доставлен сначала в Стрелецкий, а оттуда в Преображенский приказ. В Москве в этих приказах он показал, что в Москву с другими беглыми стрельцами Головнина полка в марте месяце он приходил, а затем со своими однополчанами был отправлен к своему полку в Брянск. Вместе с полком он на стругах, везших хлебные запасы, поплыл в Тавань. Проплыв ниже Киева верст 20, он будто бы со струга упал в Днепр, выплыл на какой-то остров, где и переночевал. Наутро черкашенин рыболов перевез его через Днепр на лодке на киевскую сторону, а струги с хлебными припасами уже уплыли вниз. Придя в Киев, он жил с неделю в разных местах, из Киева пошел в черкасские города и жил недели четыре, занимаясь работой. Из Чернигова пришел в Сосницы и жил у московского подрядчика Овчинной слободы, у Данилки Артемьева, у кирпичника, работал кирпичи. Здесь, в Сосницах, он услыхал о том, что на Москве стрельцы казнены смертью. «Убоявся», он из Сосниц пошел к двоюродному брату в Тамбов, куда и прибыл на масляницe 1699 г. У двоюродного брата он нашел свою семью, жену и детей, и жена сказала ему, что сродники их все казнены смертью, а семьи их с Москвы из полков высланы и дворы их отписаны на государя, и тех казненных стрельцов женам никому на Москве жить не велено; потому она и переехала на жительство в Тамбов. В Тамбове он, Пузан, жил с женой до тех пор, пока не был схвачен воеводой и отослан в Москву. На допросе в Преображенском приказе свои сношения с бутырскими солдатами он категорически отрицал. Но позже, на розыске 31 января 1700 г. с пытки он в них сознался и подтвердил то, что о нем говорили его товарищи на февральском розыске 1699 г. Он показывал также на этой пытке содержание письма царевны Софьи к стрельцам: «А писано де в том письме на Луки Великие к пятидесятником и десятником: ныне де вам худо, а впредь будет тож и хуже, чтоб они, стрельцы, шли к Москве для бунту и то де письмо слышал и Ивашка Пузан. Да в том же письме написано: сходите к пятидесятником Чюбарова полку к Якушке Алексееву и Мишке Обросимову, к Савоске Плясунову и Илюшке Ермолину и поговорите. Ныне про государя не слышать, подите к Москве; чего вы стали?» По приговору бояр Ивашко Пузан был казнен с другими стрельцами Головнина полка 9 февраля 1700 г. (см. Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 3, ст. 1, л. 188—194, 204—207; карт. 7, ст. 18, 40, 47). Архиерейский подьячий Федор Григорьев и жена Пузана были также взяты в Москву. По тому же боярскому приговору 6 февраля 1700 г. Федор Григорьев за прием беглого стрельца был бит кнутом и сослан на каторгу в вечную работу в Азов (там же, карт. 7, ст. 77, л. 6).

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 3, ст. 1, л. 137—148. Эти беглецы головнинцы подвергались еще розыску через год, 31 января 1700 г., и были казнены 9 февраля того же года.

ский посол, приглашенный от имени его царского величества полковником бароном фон-Блюмберг, отправился вместе с остальными представителями в загородный дом князя Ромодановского, чтобы присутствовать при зрелище искусственных огней. Первый представлял три короны с надписью: «да здравствуют!», второй — двойное сердце с надписью: «да здравствует!», третий также двойное сердце, но без надписи». Присутствие Петра на фейерверке, конечно, подразумевается, хотя Корб прямо о нем не упоминает. 11 февраля началось другое большое и шумное трехдневное торжество: шутовское освящение оконченного постройкой дворца Лефорта в Иноземской слободе. Торжество совершалось при участии всепьянейшего собора. «Мнимый патриарх [1], — пишет Корб, — со всей толпой своего веселого клира освятил с торжественным празднеством в честь Вакха дворец, выстроенный на царский счет, который покамест обыкновенно именуется Лефортовым; шествие в этот дворец направилось из дома полковника Лима. Что патриарх присвоил себе именно этот почетный сан, свидетельствовали его одеяния, подобающие первосвященнику. На его митре красовался Вакх, своей полной наготой напоминавший глазам о распутстве; украшениями посоха служили Купидон и Венера, так что сряду [2] было известно, какое стадо у этого пастыря. За ним следовали толпой остальные поклонники Вакха. Одни несли большие чаши, наполненные вином, другие — мед, третьи — пиво и водку, верх славы пламенного Вакха. Так как в силу зимней стужи они не могли увенчать чело свое лаврами, то несли чаши, наполненные высушенным на воздухе табаком. Зажегши его, они обошли все углы дворца, испуская из дымящихся уст весьма приятный запах и угодное Вакху курение. Положив поперек одна на другую две трубки, привычкой втягивать дым из которых тешится даже самое небогатое воображение, комидийный архижрец совершал торжество освящения. Кто поверит, что составленный таким образом крест, драгоценнейший символ нашего искупления, являлся предметом посмешища?» [3] Этот Лефортов дворец в Иноземской слободе был выстроен и украшен в западноевропейском вкусе. Вот как описывает его сам Лефорт в одном из писем в Женеву: «В нем большая зала, о которой говорят, что она замечательно омеблирована; затем четыре комнаты не менее прекрасные, различно украшенные. Одна обита золоченой кожей и снабжена драгоценными шкапами; во второй находятся редкостные произведения Китая; третья обтянута желтым дамаском, и в ней находится постель в три локтя высоты с розовокрасными занавесями; четвертая комната, которую его царское величество пожелал украсить сверху донизу морскими картинами... Кроме того, есть еще 10 комнат, из которых четыре еще ожидают своего богатого украшения. Невозможно все пригото-

[1] Н. М. Зотов.
[2] Видимо следует: «сразу».
[3] Корб, Дневник, стр. 126—127.

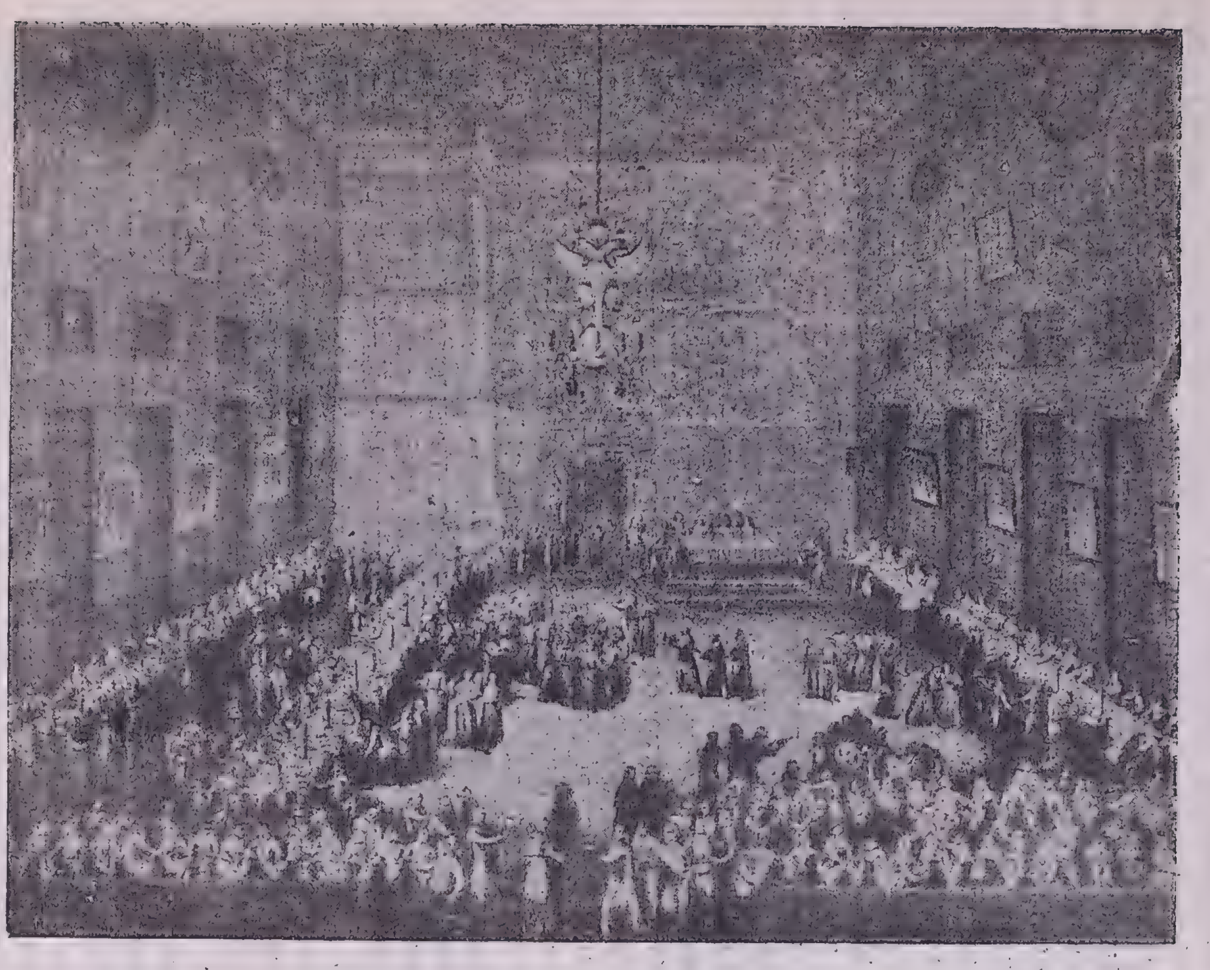


Рис. 16. Парадный зал во дворце Ф. Лефорта в Иноземской слободе.
Гравюра Шхонебека

вить столь скоро». Здание имело вид удлиненного четырехугольника: «К нему прилегал обширный сад. Вокруг здания поставлены были пушки, из которых производилась пальба во время празднеств»[1].

На следующий день, 12 февраля, продолжает Корб, «вельможи московские и иностранные представители явились по приглашению от имени его царского величества в новый дворец, освященный вчерашними церемониями в честь Вакха, к богатому царственному столу на роскошный двухдневный пир. Князь Шереметев, выставляющий себя мальтийским рыцарем, явился с изображением креста на груди; нося иноземную одежду, он очень удачно подражал и иноземным обычаям, в силу чего был в особой милости и почете у царя. Этим последним он навел на себя ненависть бояр, опасавшихся, что, пользуясь царским благоволением он поднимется на высшую ступень могущества. Человеческой природе врождено взирать завистливым оком на только что приобревших себе счастье, и они особенно стараются положить предел фортуне тех лиц, у кого она достигает апогея. Царь, заметив, что некоторые из его офицеров, стремясь к новизне, носят очень просторное платье, отрезал у них слишком широкие рукава, заметив: «Это — помеха, везде надо ждать какого-нибудь приключения; то разобьешь стекло, то по небрежности попадешь в похлебку; а из этого можешь сшить себе сапоги»[2]. Корб верно отметил факт, но неправильно понял его значение. Не стремление к новизне преследовал царь, обрезая длинное платье, а, наоборот, вооружался против преданности старине, выражавшейся в привязанности к старинной русской долгополой и долгорукавой одежде. 12 февраля 1699 г. был, кажется, первый случай, когда Петр стал обрезывать длинное русское платье — в августе 1698 г. дело касалось только бород.

Празднество продолжалось и на третий день. «Пиршество продолжалось, — заканчивает его описание Корб под 13/23 февраля, — вплоть до настоящего дня, причем не позволялось уходить спать в собственные жилища. Иностранным представителям отведены были особые покои, и назначен определенный час для сна, по истечении которого устраивалась смена, и отдохнувшим надо было в свою очередь итти в хороводы и прочие танцы. Один из министров ходатайствовал перед царем об его любимце Александре, чтобы возвести его в звание дворянина и сделать стольником. На это, говорят, его царское величество ответил: «И без этого уже он присвояет себе неподобающие ему почести, его честолюбие следует унимать, а не поощрять!»[3]

16 февраля — новый пир у Лефорта — для высшего приказного персонала. «По царскому приказу, — пишет Корб, — генерал Лефорт великолепно угостил всех тех, кто занимает

---

[1] Posselt, Lefort, II, 514—515; см. т. 1 настоящего издания, рис. 40 на стр. 136

[2] Корб, Дневник, стр. 127—128.

[3] Там же, стр. 128.

наиболее важные должности в канцеляриях». 18 февраля происходили последние массовые стрелецкие казни в этом году [1]. «Вблизи Кремля,—читаем у Корба,—подвергнуты смертной казни в двух местах тридцать шесть мятежников, а в Преображенском — 150» [2]. Первая цифра очень близка к истине; она почти совпадает с цифрой, которую дает сохранившаяся в деле о стрелецком розыске роспись, озаглавленная: «Кажнены февраля в 18 день на Красной площади» и затем приводятся имена 35 стрельцов сборного полка Головнина, между которыми находим знакомых нам: присланного к розыску из Сибири Лифанку Коргошина, попавшегося на воровстве у Девичьего монастыря в ночь на 24 ноября 1698 г., Ивашку Смагина, задержанного в Кремле на площади, Андрюшку Сергеева [3] и др. Остальным, кроме этих 35, стрельцам смерть 18 февраля не была сказана, и они были отосланы с Красной площади в Симонов монастырь. Они были казнены через год — 9 февраля 1700 г. [4] Что же касается до второй цифры, приводимой Корбом, — 150 человек, казненных будто бы в этот день в Преображенском, то ее надо считать или далекой от действительности или даже и совсем вымышленной. Заметим, что каждый раз, когда у Корба речь идет о февральских казнях 1699 г., он приводит эту неизменную цифру — 150: 3 февраля (в конце рассказа) — 150, 4 февраля — 150, наконец, 18 февраля в Преображенском — 150, не считая казненных в этот день на Красной площади, по его показанию, 36. Эти цифры дают в сумме 486 стрельцов. Между тем всего стрельцов к январскому розыску 1699 г. было, как мы знаем, сосредоточено в Преображенском 695, но из них 285 малолетних не были казнены, а тогда же, в январе и феврале, рассылались по монастырям. Так что общее число взрослых стрельцов, сосредоточенных тогда в Преображенском, — 410 — значительно меньше той суммы, которая выходит, если сложить цифры, указываемые Корбом. А надо еще принять во внимание, что 84 стрельца из числа 410 [5] оставлены были до розыска 1700 г., когда из них было казнено 40 человек [6], и, следовательно, если 18 февраля 1699 г. и происходили казни в Преображенском, то цифра казненных там преувеличена и значительно преувеличена Корбом.

Вечер этого дня кончился опять фейерверком. «Вечером устроены были с царской пышностью, — пишет Корб, — более приятные забавы, именно пущен был для увеселения потешный

---

[1] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 5, ст. 10.

[2] Корб, Дневник, стр. 129, 130.

[3] Этого Андрюшку Сергеева не следует смешивать с Андрюшкой Сергеевым Фуфаем, племянником Васьки Тумы, покушавшимся на самоубийство, но затем вылеченным. Этот Андрюшка Сергеев поступил в сборный Петров полк Головнина из Колзакова полка, а Фуфай — из Чубарова. Фуфай казнен был 9 февраля 1700 г. (Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 7, ст. 83).

[4] Госуд. арх., разряд VI, № 12, карт. 7, ст. 18, 40, 77.

[5] Там же, ст. 83.

[6] Там же, ст. 77.

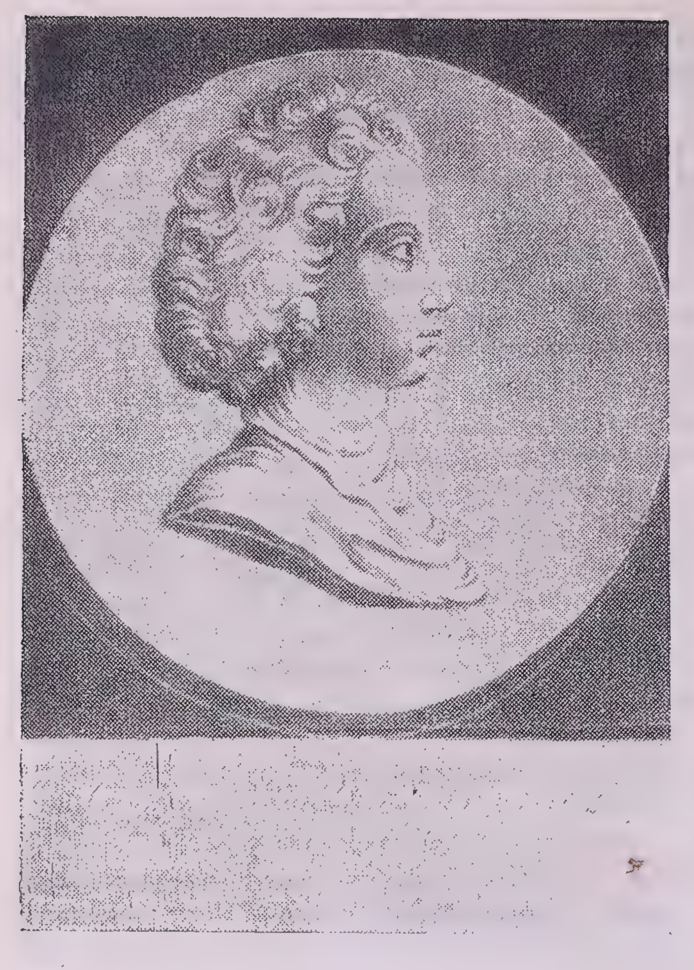


Рис. 17. Царевич Алексей Петрович в возрасте 13 лет.
Гравюра Шенка с медальона работы Гуэна 1703 г.

огонь серного состава. Московское дворянство и иностранные представители отправились по приглашению в Лефортов дворец, откуда всего удобнее можно было любоваться зрелищем искусственного огня. Царевич с пресветлейшею принцессою Наталией, любимейшей сестрой царя, смотрел на потеху движущихся огней, в том же месте, но в отдельной комнате. В обычаях страны не принято, — рассуждает по этому случаю Корб, — чтобы молодые принцы слишком часто видались с отцом, якобы на том основании, что, находясь вдали от него, они будут питать к нему бо́льшее уважение. Я признаю этот обычай для тех стран, где народ чтит не такого государя, которого он любит, а которого боится, ибо это отчуждение может сделать государя более грозным, но отнюдь не заставит более любить его»[1].

В воскресенье 19 февраля/1 марта дана была прощальная аудиенция бранденбургскому посланнику фон Принцену в том же Лефортовом дворце, где дана была ему и приемная аудиенция. «Бранденбургский посол, — пишет Корб, — был торжественно отвезен к прощальной аудиенции в царской колымаге, запряженной шестью белыми лошадьми. Посол ехал вместе с приставом; чиновники следовали вместе верхами; число свиты увеличивалось двенадцатью слугами с царской конюшни. Эта торжественная церемония имела место в неоднократно уже названном Лефортовом дворце»[2]. Сохранилась также составленная в Посольском приказе маленького формата записочка о це-

[1] Корб, Дневник, стр. 130.
[2] Там же.

ремонии приема посланника на этой аудиенции, подобная той, которая была составлена для приемной аудиенции. Записочка эта указывает, что, когда посланник войдет в палату, где изволит находиться государь, его «явит» думный дьяк Е. И. Украинцев, обращаясь к государю со словами: «Вам, пресветлейшему и державнейшему великому государю, вашему царскому величеству, Фредерика, курфюрста Бранденбургского чрезвычайный посланник Людвик Фонпринц челом ударил и на вашем царского величества жалованье челом бьет. После того, — продолжает записка, — великий государь укажет сказать посланнику отпуск думному дьяку Е. И. Украинцеву». Приводится далее текст обращения думного дьяка к посланнику. «И думной дьяк говорит: Людвик Фонпринц! Пресветлейший и державнейший великий государь, его царское величество, велел тебе говорить: присылал к нему, великому государю, его царскому величеству, Фредерик, курфистр Бранденбургский, тебя, чрезвычайного своего посланника. И великий государь, его царское величество, велел тебе видеть свои, царского величества, очи и лист у тебя курфистров принять повелел и выслушал. И о которых делех к нему, великому государю, курфистр писал и что словесно ты, чрезвычайный посланник, объявил, и о тех делех великий государь, его царское величество, посылает с тобою к курфистрскому пресветлейшеству свою, царского величества, грамоту, а на доношение твое указал тебе дать ответное письмо». Думный дьяк должен затем «подать грамоту близко его, великого государя, ...в тафте. А великий государь изволит нанесть над нее свою государскую руку [1]. Потом вели-

Рис. 18. Царевна Наталья Алексеевна.
Миниатюра на эмали работы Г. Мусикийского. Из собрания Государственного Исторического музея

[1] Грамота напечатана в П. и Б., т. I, № 259. Ни в ней, ни в обращении царя к посланнику в церемониальной записке курфюрст не назван «братом царя». Письменный подробный ответ на представленный посланником меморандум вручен был посланнику в марте и изложен выше (стр. 208 и сл.).

кий государь изволит приказать к курфистру поздравление сидя а говорит: Людвик Фонпринц! Как будешь у Фредерикуса, курфистра Брандебургского и ты ему от нас поздравь! После того пожалует великий государь посланника и дворян к своей, царского величества, руке. Потом великий государь пожалует, велит посланнику сказать свое, великого государя, жалованье в стола место ествы и питье и отпустит на подворье». На записке положена помета: «Февраля в 19 день было по сему на дворе генерала адмирала Франца Яковлевича Лефорта в Немецкой слободе. Сани были о шести возниках»[1]. Мы уже знаем по помете на первой записке о приемной аудиенции, что не все на деле происходило так, как изложено было в записке; поэтому, можем думать, что и прощальная аудиенция не совсем произошла по записке. Колымага была, действительно, о шести лошадях: это был ведь один из пунктов в переговорах с бранденбургским посланником. Но затем заметны отклонения. Во-первых, церемониальная записка не предусмотрела на той же самой аудиенции представления царю Принценом своего преемника Задоры-Кесельского, бывшего маршалком в свите посланника. Задора-Кесельский был назначен бранденбургским резидентом в Москве и здесь же, на прощальной аудиенции Принцена, вручил царю верительную грамоту[2]. «В то же время и при тех же обстоятельствах, — говорит Корб, описывая аудиенцию, — господин де Задора-Кесельский, доселе маршалок посольства, был утвержден и принят в качестве резидента, заменив собою посла». Затем другое отклонение от записки было, надо думать, в том, что едва ли царь принимал посланника сидя, как говорилось в записке. Мы уже ранее его на таких аудиенциях наблюдали, именно на приемных аудиенциях и цесарского посла и того же Принцена, и каждый раз он держался стоя; надо полагать, что такова была его манера, которой он едва ли изменил и в настоящем случае. Наконец, не совпадают с действительностью и слова записки о пожаловании Принцена «в стола место» ествами и питьями и об отпуске его на подворье; на самом деле посланник не был отпущен на подворье, но сейчас же после аудиенции приглашен к обеду. «На этот обед, — пишет Корб, — устроенный с большой роскошью, собрались послы иностранных государей и первые из бояр. По окончании

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Бранденбургские дела 1698 г., № 4, л. 221.

[2] Арх. мин. ин. дел, Бранденбургские дела 1699 г., февраль, л. 18—21. «Перевод с листа немецкого письма, каков великому государю (т.) подал курфистра Брандебургского маршалок Тимофей Задора-Цесельский, как он был з чрезвычайным посланником с Людовиком Фон-Принцом на отпуске в нынешнем в 207-м году февраля в 19 день». В письме этом о назначении Задоры-Кесельского резидентом, между прочим, значилось: «И того ради мы намерили, дабы по отъезде нашего... посланника чрезвычайного фон Принца утвержденный наш надворный дворянин и любезно-верный Тимофей Задора-Цесельский, яко резидент наш еще несколько времени у вашего царского величества в любви пребывал и побыл»; л. 21: «Таков перевод послан на Воронеж к великому государю февраля в 24 день».

пиршества думный Моисевич (Н. М. Зотов), изображавший из себя по воле царя патриарха, начал предлагать пить за здравие. Пьющему надлежало, преклонив смехотворно колена, чтить лицедея церковного сана и испрашивать у него благодать благословения, которое тот даровал двумя табачными трубками, сложенными наподобие креста. От этого уклонился тайно только тот посол, который не одобрял этих шуток, свято чтя древнейшую христианскую религию (цесарский посол Гвариент). Тот же патриарх в своем пастырском одеянии и с посохом соблаговолил открыть начало танцев. Комнату, соседнюю со столовой, где веселились гости, вторично заняли царевич и принцесса Наталия и смотрели оттуда на танцы и все шумные забавы, раздвинув немного занавеси, пышно украшавшие комнату. Пирующие могли видеть их только в щелку. К врожденной красоте царевича удивительно шли благопристойная иноземная одежда и красивый белокурый парик. Наталию окружали избранные женщины. Этот день сильно ослабил суровость обычаев русских, которые не допускали доселе женский пол на общественные собрания и веселые пиршества; теперь же некоторым позволено было принять участие не только в пиршествах, но и в последовавших затем танцах. Царь собирался отправиться этой ночью в Воронеж, поэтому он простился с Карловичем, собиравшимся возвратиться в Польшу, к своему королю. Царь осыпал Карловича многими ласками, возбудившими зависть к нему, и в заключение поцеловал его, говоря, чтобы он передал этот поцелуй королю, как нагляднейший залог вечной любви. Вместе с тем он подарил Карловичу свое изображение, украшенное многими весьма ценными алмазами. Это было следствием царского благоволения, которое снискал себе Карлович» [1].

Весьма вероятно, что при этом послании было вручено Карловичу следующее собственноручное письмо царя к польскому королю: «Мой господине і брате любезнейшиі [і друже істинною, а не политикою]! Вашь добровѣрныі, і по васъ намъ, генералъ Карловичь, по бытиі здѣшьнемъ, къ вамъ отпушьщенъ, с которым нѣчьто съловѣсно наказали къ вамъ, и чаемъ, что вы ізволите сие за благо принять, понеже не безъ ползы і істинна суть. За симъ желаемъ отъ господа бога вамъ вьсякого во въсемъ блага. Вашь охотныі любви і воли исполнитель Piter» [2].

Цесарский посол Гвариент на этом пиру обратился к царю с ходатайством о выпуске за границу некоего полковника-иноземца Дюита с семьей. «Это был беспримерный случай отпуска, — замечает по этому поводу Корб, — так как не только сам полковник, но и дочь его крестились в русскую веру. Наконец, — заканчивает свой рассказ Корб, — царь простился со всеми и, несколько смущенный известием о заключении мира союзниками, отправился в путь среди звуков труб и музыки

[1] Корб, Дневник, стр. 130—131.
[2] П. и Б., т. I, № 260.

и приветственной пушечной пальбы» [1]. Весть о заключении мира долетела до Москвы еще гораздо ранее. Но теперь, очевидно, получены были какие-либо новые подтверждающие первый слух известия. С ними царь и выехал в Воронеж.

Принцен в своем донесении от 4 марта о прощальной аудиенции сообщает также некоторые подробности этого пиршества 19 февраля: «После обеда остальное время проведено в увеселениях и танцах. Императорский посланник говорил около получаса с его царским величеством, который затем среди танцев около 10 часов простился со всеми теми, которые участвовали в танцах, вышел, сел в сани и поехал в Воронеж»[2]. «Великий государь..., — занес в свои записки Желябужский, — изволил иттить с Москвы на Воронеж, говев на первой неделе великого поста в воскресенье» [3].

[1] Корб, Дневник, стр. 131.

[2] Dukmeyer, Korb's Diarium, I, 325.

[3] Сахаров, Записки русских людей, стр. 63. Далее он сообщает следующее: «А изволил иттить из Преображенска в пешем строю; а полки шли Преображенской, Семеновской, Бутырской с начальными людьми. А Москва приказана боярину князю Михаилу Олегуковичу Черкасскому». Известие Желябужского неверно. Мы должны отдать преимущество рассказам Принцена и Корба об отъезде царя в Воронеж прямо с бала, во-первых, потому, что они вполне согласуются и совпадают между собой, а во-вторых, потому, что так же с бала он уезжал в Воронеж и осенью 1698 г. Очевидно, это была его обычная манера. В «Юрнале» также читаем: «Февраля в 19 день пошли с Москвы на Воронеж в ночи» («Юрнал, 207 г.», стр. 1).

ГОРОДСКАЯ РЕФОРМА 1699 г.

XXXIII. ФИНАНСОВЫЕ МЕРЫ 1699 г. УКАЗ О ГЕРБОВОЙ БУМАГЕ

остройка флота, сооружение Азова и порта на Азовском море, сбор военных сил и другие военные приготовления, необходимые, поскольку не было еще известий о прекращении войны с Турцией, — все это требовало повышенных расходов, с которыми не в состоянии была справляться казна, и зимой 1698—1699 гг. мысль Петра усиленно работает над изысканием источников для пополнения государственных ресурсов. В результате этой работы являются две законодательные меры, направленные к увеличению казенных доходов. То были, во-первых, установление гербового сбора и, во-вторых, перемены в городском управлении или так называемая первая городская реформа. Рассмотрим каждую из этих мер.

19 января 1699 г. самым ранним утром, «в первом часу дня» (на рассвете) в Ямском приказе найдено было подметное письмо, запечатанное двумя красными печатями с двумя сделанными на нем надписями, одна из которых гласила: «вручить сие письмо Федору Алексеевичу Головину», а в другой значилось: «поднесть благочестивому государю нашему царю Петру Алексеевичу, не распечатав». Письмо это содержало в себе проект введения гербовой бумаги. Автором его оказался «человек» (холоп) боярина Бориса Петровича Шереметева Алексей Курбатов. В 1694 г. Курбатов был у Шереметева человеком, «который за делы ходит» [1], т. е. домашним стряпчим, юристом из крепостных, ве-

[1] Арх. мин. ин. дел, Приказные дела 1694 г., № 161.

дущим дела боярина в приказах. Затем мы его видим дворецким, или «маршалком», как его называли, пользуясь вошедшим тогда в употребление польским термином; следовательно, занимая высокое положение в боярском дворе, он, может быть, не только вел дела боярина, но и ведал управление боярским имуществом, словом, относился к тому высококвалифицированному разряду боярских слуг, которые во времена «Русской Правды» носили название «тиунов боярских» и которые «Правдой» охранялись наряду со свободными людьми. Курбатов сопровождал Шереметева в его заграничной поездке в Италию и на остров Мальту в конце 90-х годов, имея, таким образом, случай расширить свой кругозор наблюдениями над жизнью в чужих странах, и стал благодаря этому образованным человеком. Вероятно, и на высоком месте дворецкого в шереметевском доме он выдвинулся как умный, дельный и грамотный человек и по этим же соображениям и взят был за границу. Может быть, «Статейный список», т. е. описание этого путешествия Шереметева, составленное в виде путевого журнала, есть произведение его пера, и тогда следует признать за Курбатовым значительный литературный талант. Список этот был издан в конце XVIII в. Новиковым и читался с тем же интересом, с каким читаются хорошо составленные описания путешествий. Курбатов вернулся из-за границы со своим боярином осенью 1698 г. Мысль Петра, работавшая над увеличением средств казны, не была тайной для окружавших его лиц и в том числе для Б. П. Шереметева, одной из виднейших фигур в этом окружении. В его доме могли интересоваться этим предметом и вести разговоры на эту тему, и отсюда этот вопрос мог заинтересовать смышленого и деловитого дворецкого и побудить его выступить с пришедшим ему в голову проектом введения гербовой бумаги, хотя бы в той странной форме подметного письма, в которой он это сделал, но которая тогда, надо сказать, весьма нередко служила для публицистических выступлений. Может быть, этот проект подсказан был ему каким-либо наблюдением, сделанным за границей. Гербовая бумага, изобретенная в Голландии в 20-х годах XVII в., стала затем вводиться в разных европейских государствах. Проект Курбатова как нельзя более удачно совпал с тогдашними настроениями и исканиями царя, отвечая как раз на занимавший Петра вопрос. Это видно из тех милостей, которые были оказаны Курбатову за его проект. Он был пожалован из дворецких Шереметева прямо в дьяки, в Оружейную палату, и из этого пожалования видно, какое высокое положение Курбатов занимал, будучи дворецким. Само собой разумеется, что этим самым назначением на государственную службу он без всяких особых формальностей из холопов был сделан свободным человеком. Мало того, он был пожалован и значительным имуществом: ему был дан двор в Москве с каменным строением, принадлежавший разрядному дьяку Степану Ступину и отпи-

санный у этого последнего на государя, а равным образом и его деревни. Таким образом, Алексей Александрович Курбатов стал не только крупным чиновником, дьяком Оружейной палаты, но также и московским домовладельцем и помещиком в деревне, владельцем крепостных душ. Как автор проекта о казенной прибыли он стал «прибыльщиком»; с него начали называть так составителей направленных к умножению государственных доходов финансовых проектов. Он был первым из таких прибыльщиков [1].

Проект его был принят и лег в основу указа о гербовой бумаге, изданного на четвертый день после подметного письма, 23 января 1699 г., в тот самый день, когда начат был январский стрелецкий розыск. В указе ясно определялась главная цель введения гербовой бумаги; царь приказывал завести ее «для пополнения своей, великого государя, казны». Указывалась, правда, рядом с этим назначением и другая цель: «чтоб впредь во всяких крепостных делех между всяких чинов людей споров, а от ябедников и составщиков воровских никаких составов и продаж и волокит никому не было», но споры могли, конечно, возникать и по актам, написанным на гербовой бумаге, как равным образом могли совершаться и подделки таких актов; эти соображения нельзя, следовательно, признать существенными, и вполне ясно, что единственной целью введения «орленой» бумаги был доход казны. Бумага была только формой нового казенного налога. Указом предписывалось во всех приказах в Москве и во всех провинциальных приказных избах держать бумагу под гербом Московского государства и на такой бумаге писать: а) акты всякого рода частных сделок: на имущество, на крепостных людей, заемные обязательства и вообще всякого рода договоры между частными лицами, б) челобитные и разного рода сказки (заявления с показаниями), подаваемые частными лицами в государственные учреждения, в) всякого рода выписи, выдаваемые частным лицам из казенных учреждений по частным (челобитчиковым) делам. Бумага устанавливалась трех разборов: под большим орлом ценой в 10 копеек для актов на сделки от 50 рублей и выше; под орлом величиной в золотой, ценой в 1 копейку для актов на сделки менее чем на 50 рублей, и для мировых челобитных, т. е. для челобитных, подававшихся сторонами об окончании судебных тяжеб примирением, и, наконец, под орлом величиной в полузолотой, ценой в ½ копейки для всех прочих челобитных и сказок частных лиц, подаваемых в казенные учреждения, и для выписей, выдаваемых из казенных учреждений частным лицам. Все дело изготовления гербовой бумаги и рассылки ее по присутственным местам было поручено Оружейной палате, во главе которой стоял боярин Ф. А. Головин и куда дьяком был назначен изобретатель бумаги Курбатов. Ввести

---

[1] Желябужский, Записки, стр. 131—132.

этот налог предписывалось с 1 марта 1699 г., и все участные сделки, написанные после этого срока на простой бумаге, считать недействительными, а с лиц, их заключивших, взыскивать гербовую пошлину в двойном размере[1]. Указ вошел в жизнь, и сделки и челобитные в присутственные места стали писаться на «орленой» бумаге. Встречаем даже, например, доношения вновь заведенных тогда бургомистров, подававшиеся в Разрядный приказ, писанные не на простой, а на гербовой бумаге. Орел печатался тогда в верхнем углу на левой стороне на каждом листе в прежнем значении этого слова, т. е. на каждом полулисте по-нашему, на лицевой стороне. Цены бумаги, установленные указом 23 января 1699 г., просуществовали до 1702 г., когда они были значительно повышены. Тогда установлены были разборы в 2 руб., 1р. 40 к., 4 коп., 2 коп., и эти цены продержались до начала царствования Екатерины II, до 1763 г.

XXXIV. РЕФОРМА ПОСАДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ 30 ЯНВАРЯ 1699 г. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Обратимся теперь к другому, более крупному январскому законодательному акту, к реформе городского самоуправления. Эта реформа до сих пор остается еще недостаточно изученной, хотя и давно стала на очередь в нашей исторической литературе. Страницы, ей посвященные, мы найдем в вышедшей в 1850 г. книге Плошинского «Городское или среднее состояние русского народа в его историческом развитии от начала Руси до новейших времен», где на стр. 161—167 под заглавием «Учреждение внутреннего городового управления» дается сжатое, систематическое, очень сухое и конспективное изложение законодательного материала, напечатанного в Полном собрании законов; издание Полного собрания законов и дало толчок к изучению подобного рода историко-юридических вопросов. Это конспективное изложение лишено какой-либо оценки значения реформы. Очерк реформы по тому же законодательному материалу Полного собрания, но с указанием фискального значения реформы, того казенного интереса, во имя которого она предпринималась, дан был в вышедшей в 1868 г. книге Пригары «Опыт истории состояния городских обывателей в восточной России. Часть I. Происхождение состояния городских обывателей в России и организация его при Петре Великом»[2]. Обе эти книги совершенно устарели с появлением в 1875 г. труда Дитятина «Устройство и управление городов России. Т. I. Введение. Города России

[1] Желябужский, Записки, стр. 134—136.
[2] Первоначально напечатано в „Журнале министерства народного просвещения“.

в XVIII столетии». Дитятин отчетливо выяснил целый ряд вопросов, касавшихся городской реформы 1699 г. Прежде всего он верно понял и указал характер русского города XVI—XVII вв. как чисто внешнего соединения взаимно чуждых единиц: го̀рода собственно как крепости, затем посада, населенного торгово-промышленными людьми, и отдельных слобод, населенных иногда элементами, обособленными от торгово-промышленного населения посада, например, служилыми людьми, ямщиками, казенными ремесленниками и т. д. Все эти отдельные части города не были слиты в единую городскую общину. В соответствии с таким характером города Дитятин указал на значение реформы как нового устройства управления только одной части городского населения — посада, торгово-промышленной. Остальных жителей города, не занятых торгами и промыслами, реформа не касалась. Дитятин установил далее связь городской реформы 1699 г. с идеями XVII в., с мыслью Ордина-Нащокина о вреде раздробленности управления городами между разными приказами и о необходимости учреждения единого «пристойного» приказа, в котором были бы ведомы города. В книге ясно отмечена также фискальная цель реформы. Не местные нужды города сами по себе интересовали законодателя, до них ему было мало дела; ему важно было поднять благосостояние торгово-промышленного населения в интересах казны, для того чтобы в казну поступали платимые торгово-промышленными людьми сборы не только без недоимок, но и с постоянным повышением. Указано далее двоякое значение Московской ратуши, с одной стороны, как центрального органа, ведающего все торгово-промышленное население, с другой — как местного московского органа, местной земской избы и, наконец, определено взаимоотношение Московской ратуши и местных земских изб. Все эти стороны реформы 1699 г. изображены Дитятиным так, что к его изображению нечего более прибавить: сказанное им в достаточной мере полно. Но все же его книга основана только на том же законодательном материале, который имели в распоряжении и его предшественники. Этот законодательный материал, очень отрывочный и лаконичный — Петр только что выступал тогда на законодательное поприще, законодательствовал урывками, — не только не охватывал всего разнообразия жизни города, но даже не определял со сколько-нибудь исчерпывающей полнотой самых тех учреждений, которые вводились. Вот почему изображение этих учреждений только по законодательным памятникам неизбежно рисковало быть односторонним. Эти памятники показывают новые учреждения только со стороны определявших их, и притом определявших их очень отрывочно, норм; они очень неполно показывают, какими должны были быть и как должны были действовать новые учреждения. Но памятники законодательства не могли показать или показывали только в слабой степени, какими новые учреждения стали в действительности. Дитятин сам чувствовал

недостаток своих материалов и жаловался на этот недостаток. «Совместное участие посадских и уездных людей, — пишет он, например[1], — в «службах» и выборах земских бурмистров — факт несомненный. Но как выражалось это участие, каким образом распределялись выборные должности между посадами, слободами и селами с деревнями уезда — решить невозможно на основании имеющегося материала». На основании законодательного материала он не может установить состава ни московской бурмистерской, ни местных земских изб. «За исключением этого единственного указания (П. С. З., № 1685) о составе московской бурмистерской палаты, — пишет он далее, — мы не имеем никаких других ни о той же палате (так что неизвестно, постоянно ли количество бурмистров в ней оставалось 12 с президентом), ни об одной из земских изб»[2].

Итак, в книге Дитятина городская реформа 1699 г., приведенная в связь с положением города в XVII в. и с носившимися тогда преобразовательными идеями, изучена со стороны тех законодательных норм, которые ее определяли; дан с возможной полнотой составленный очерк новых учреждений, какими они должны были быть по этим нормам. Но, во-первых, самые эти нормы издавались отрывочно и случайно; чего-либо вроде позднейших регламентов и инструкций, с полнотой определявших устройство новых учреждений, в 1699 г. еще не было; а затем вообще законодательный материал, даже и гораздо более полный, не может осветить явления со стороны его действительности. Он все же изображает явление со стороны его долженствования, а не со стороны его действительного бытия, показывает то, как должна была итти жизнь по мысли законодателя, а не то, как она действительно шла. В этом отношении в книге Дитятина не все было сказано.

Со стороны осуществления городской реформы в действительности подошел к ее изучению Милюков в своей книге «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII века и реформа Петра Великого», вышедшей в 1892 г., где этой реформе посвящен отдельный небольшой, но очень содержательный параграф[3]. Помимо давно напечатанного и уже не раз использованного законодательного материала, Милюков привлек к изучению некоторую часть архивного материала, находящегося в Московском архиве министерства иностранных дел и касающегося городов, подведомственных тем приказам, которые были соединены с Посольским приказом, именно: княжества Смоленского, Новгородской, Устюжской, Владимирской и Галицкой четей и заключающего в себе переписку по поводу осуществления реформы. Такого рода материал позволил автору

---

[1] Дитятин. Устройство и управление городов в России, т. I, стр. 169.

[2] Там же, стр. 170, примечание.

[3] Милюков, Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII века и реформа Петра Великого, § 9, стр. 116—124.

взглянуть на действительный ход дела по введению реформы. Развивая оценку городской реформы, установленную в сочинениях Пригары и Дитятина, видя в ней также мероприятие, вызванное заботой о том, чтобы «его великого государя казне окладным доходам доимки, а пошлинным и питейным, и иным сборам недоборов не было», Милюков указал еще на ближайшую связь городской реформы 1699 г. с общей финансовой реформой 1679—1681 гг. Городская реформа была непосредственным следствием проведенных в 1679—1681 гг. финансовых преобразований; на нее следует смотреть, как на фискальную меру, имевшую целью дальнейшее развитие финансовой реформы 1679—1681 гг.[1]. Как известно, финансовая реформа 1679—1681 гг., выработанная созванной тогда комиссией городских представителей по двое от каждого города, консолидировала многочисленные прежние прямые сборы, крупные и мелкие, разнообразные по виду и разновременные по происхождению, восходящие иногда своим началом еще к XIII в., слив их в две большие прямые подати — стрелецкую и ямскую, — наложенные на различные классы населения. Стрелецкой, наиболее тяжелой, податью — от 80 к. до 2 р. с двора — были обложены посадские люди городов и черносошные крестьяне поморских уездов, которые издавна по платежам и правам приравнивались к посадскому населению. Ямской податью, несравненно более легкой, было обложено крепостное крестьянское население церковных вотчин (по 10 коп. с двора) и служилых вотчин и поместий (по 5 коп. с двора). Таким образом, наиболее тяжелое обложение должно было нести посадское население городов, на котором, кроме того, лежала тогда ответственность за главнейшие косвенные сборы — таможенные и кабацкие — составлявшие до 45% всего доходного бюджета. Как припомним, эти сборы поручались избираемым из посада таможенным и кабацким головам, за исправную деятельность которых отвечали их посадские избиратели. Следовательно, после реформы 1679—1681 гг. посад становился плательщиком крупнейшей прямой подати и сборщиком важнейших косвенных налогов. Раз это так, то вполне естественно было принятие мер, направленных к обеспечению исправности посадов в платеже прямых податей и сборе косвенных налогов, и для этого, во-первых, поручение сборов самому посадскому населению через его выборных с устранением воевод от вмешательства в эти сборы; во-вторых, сосредоточение ведомства сборов в едином центральном органе. Такие меры были приняты уже в 1679—1681 гг. Воеводы устранялись от сборов стрелецкой подати и косвенных налогов. Сбор стрелецкой подати, производимый в городах выборными городскими органами, был сосредоточен в центре в едином приказе — Стрелецком. Администрация косвенных сборов, таможен-

---

[1] Милюков, Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII века и реформа Петра Великого, § 9, стр. 117.

ных и кабацких, взимаемых на местах выборными таможенными и кабацкими головами, была сосредоточена в центре в приказе Большой казны. Милюков обратил еще особенное внимание на указ 1 марта 1698 г., недостаточно до его книги оцененный предыдущей литературой, в котором он видит непосредственный прецедент реформы 1699 г. Указ этот, подтверждая прежние распоряжения, предписывал с городов и поморских уездов стрелецкие деньги собирать самим земским старостам и волостным судейкам в земских избах «мимо воевод». Интересен и мотив этого распоряжения: «потому что и в прошлых годех того сбору им, воеводам, ведать не велено ж для того, что по их воеводским прихотям были многие с посадских людей и с уездных крестьян ненадобные сборы и держаны в расходе на их прихоти, и теми своими прихотьми и сборами они, воеводы, настоящие денежные сборы останавливали и запускали многую доимку»[1]. Воеводская власть с ее прихотями, разорительными для населения, рассматривается как главная причина неисправности посадских платежей. Отсюда стремление изъять посадское население из ее ведомства. Реформа 1679—1681 гг. устраняла воеводу от финансовых дел посада, оставляя за ним только судебную власть. Реформа 1699 г. делает последний шаг в этом направлении, уничтожая и судебную власть воеводы над посадом и совершенно освобождая посадское и приравненное к нему черносошное крестьянское население поморских уездов от всякого подчинения и от всякой подсудности воеводской власти. В этом смысле реформа 1699 г. и была развитием податной реорганизации 1679—1681 гг. Петр, вернувшись из-за границы, «только дал дальнейшее развитие указу 1698 г., во-первых, переименовав на голландский образец земских старост и таможенных и кабацких голов в земских бурмистров и таможенных и кабацких бурмистров и, во-вторых, учредив центральное присутствие в Москве — Бурмистерскую палату». Мы увидим впоследствии неточность этого положения в том, что касается переименования земских старост.

Располагая архивными данными, остатками приказного делопроизводства по осуществлению реформы, Милюков обратил внимание на одну черту этого осуществления, которая не бросалась в глаза предыдущим исследователям именно потому, что законодательный материал оставлял ее в тени, не позволяя рассмотреть ее с той ясностью, с какой позволяет это сделать уцелевшее приказное делопроизводство. Эта черта — факультативность реформы в той ее части, которая касалась местных органов городского самоуправления. По указу 30 января 1699 г. реформа в городах не была обязательной: освобождение от юрисдикции воевод предоставлялось на добрую волю городов, «буде они похотят» освободиться «от воеводских обид и налог, и поборов и взятков». Освобождение это, однако, давалось не

[1] Акты исторические, т. V, № 274, стр. 500 и сл.

даром. Так же, как некогда грамоты на освобождение от власти наместников и волостелей при Грозном, освобождение от воеводской власти давалось ценой уплаты в казну повышенных прямых податей, именно «вдвое против прежнего оклада». Пользуясь составленной в Посольском приказе докладной выпиской, содержащей сводку ответов отдельных городов на это предложение, Милюков привел статистику этих ответов. Из 70 городов, подведомственных приказу княжества Смоленского, Новгородскому и четвертям Устюжской, Владимирской и Галицкой, только 11 безусловно приняли правительственное предложение, 33 отказались от него и 26 избрали средний путь, введя органы самоуправления и умолчав о двойном платеже. Из 33 отказавшихся 15 заявили прямо о желании сохранить у себя воеводское управление попрежнему. Ввиду таких ответов реформа была сделана обязательной, но с избавлением посадов от двойного платежа. С конца 1699 г. реформа стала осуществляться по городам, вызывая осложнения между новыми органами посадского управления и старой воеводской властью. Изображением последствий, какие имела реформа для положения воеводской власти в поморских уездах, и иллюстрацией столкновений между воеводами и вновь появившимися бурмистрами, П. Н. Милюков заканчивает свой параграф о городской реформе. Итак, указание на связь городской реформы 1699 г. с финансовой реформой 1679—1681 гг., статистическая обработка ответов городов, вследствие которых реформа превратилась из факультативной в обязательную, и характеристика отношений, создавшихся между воеводами и городскими бурмистрами в первые годы существования новых городских учреждений, — таковы положительные данные, внесенные в изучение вопроса книгой П. Н. Милюкова.

Последняя по времени крупная работа, посвященная истории русского города, книга А. А. Кизеветтера «Посадская община в России XVIII столетия», вышедшая в 1903 г., ставящая своей задачей выяснение состава посадского населения в XVIII в., его служб и платежей и деятельности посадского схода, не касается вовсе реформы 1699 г., отсылая читателя к трудам Плошинского, Пригары и Дитятина.

На этом изучение городской реформы 1699 г. в нашей исторической литературе остановилось. За него не брались вследствие отсутствия того архивного материала, наличность которого необходима для того, чтобы такое изучение предпринять. Архив Московской ратуши пока не разыскан, а без архива этого центрального органа, который ведал все местные городские самоуправления и стягивал к себе их делопроизводство, откладывая его в своем архиве, исследовать учреждения 1699 г. в их действии на практике во всем объеме невозможно. Однако это отсутствие архива Ратуши, препятствующее исследованию вопроса в целом, не исключает все же возможности изучения его по частям. В Московском архиве министерства юстиции в делах

Разрядного приказа сохранился столбец[1], не обративший на себя до сих пор внимания исследователей, заключающий в себе документы, которые открывают возможность такого частичного исследования. Столбец содержит, во-первых, бумаги, относящиеся до организации центрального органа городского самоуправления — Московской Бурмистерской палаты или Ратуши, и, во-вторых, переписку по организации местных посадских самоуправлений в городах, подведомственных Разряду. Реформа с самого начального своего момента проводилась через Разрядный приказ; этому приказу по каким-то причинам было поручено ее осуществление; потому и делопроизводство, касающееся ее первоначальной стадии, именно организации центрального органа — Московской Бурмистерской палаты, сохранилось в архиве Разряда. Эти документы позволяют взглянуть поближе на организацию центрального городского органа в тот подготовительный период времени, который дан был для этой организации, именно с 30 января 1699 г., когда появились первые указы о реформе, до 1 сентября того же года, когда новые учреждения, устроившись, должны были вступить в управление городами. С другой стороны документы этого же столбца, содержащие в себе переписку Разряда с подведомственными ему городами, дают возможность познакомиться с устройством самоуправления в этих городах за тот же организационный период. Для таких же наблюдений в городах, подведомственных вышеупомянутым приказам, соединенным с Посольским, т. е. княжества Смоленского, Новгородскому, Устюжской, Владимирской и Галицкой четвертям, сохранился некоторый также остававшийся вне поля изучения материал в приказных делах Московского архива министерства иностранных дел. Те и другие неиспользованные до сих пор источники—столбец архива юстиции и материалы архива иностранных дел — позволяют более детально, чем это было ранее, познакомиться с городской реформой 1699 г. за тот подготовительный организационный период, который простирался с 30 января 1699 г., с момента издания первых указов о реформе, до 1 сентября 1699 г., когда новые учреждения вступили в управление.

XXXV. ПРЕЦЕДЕНТЫ И ОБРАЗЦЫ ГОРОДСКОЙ РЕФОРМЫ

Итак, предыдущими исследованиями установлено, что городская реформа 1699 г. тесно связана с мероприятиями относительно города, которые мы наблюдаем во второй половине XVII в., в царствования Алексея и Федора, и является их непосредственным продолжением и завершением. Как на общую и широкую причину этого усиленного внимания к городу можно указать на влияние господствовавших в ту эпоху в Европе и

[1] Моск. арх. мин. юст. Белгородск. стола, № 1732.

проникавших в Московское государство меркантилистических взглядов, по которым торговля рассматривалась как главный источник народного богатства, и отсюда заботы о процветании городов как центров торговли, созидателей и распространителей народного богатства. С другой стороны, внимание к городу возбуждалось теми особенностями русского государственного хозяйства, какие в нем тогда обозначались и стали заметны. В 80-х годах XVII в., как сказано было выше, была предпринята консолидация многих старинных, иногда совершенно архаических, чрезвычайно разнообразных и мелких податей, замененных теперь единой большой прямой податью стрелецкой, наложенной, главным образом, на городское население. В то же время в бюджете конца XVII в. продолжают сохранять господствующее значение косвенные сборы: таможенные и питейные, составлявшие почти половину (45%) всего государственного дохода. Таможенные сборы, этот налог на внутреннюю торговлю, взимались в городских таможнях с привозимых в город и продаваемых товаров, и, следовательно, местом их получения был город, где производилась торговля. Город же, где также находился главный кружечный двор, снабжавший питьями местное городское население непосредственно, а уездное население через свои филиалы по селам, был средоточием извлечения значительного питейного дохода. Наконец, городское население в лице выбиравшихся из посадских людей таможенных и кабацких голов и целовальников вело администрацию этих таможенных и питейных сборов. Таким образом, город в конце XVII в. был плательщиком наиболее крупной прямой подати и сборщиком важнейших косвенных доходов. Вследствие этого понятен интерес в правительственных сферах к благосостоянию города и находят себе объяснение заботы о подъеме этого благосостояния и мысли о реформах, направленных к устранению мешавших процветанию города недостатков.

Одной из причин тяжелого и безотрадного положения города, точнее говоря посада, в XVII в. было дурное управление. Управление это, как известно, слагалось тогда из трех ступеней учреждений, из которых низшая по своему происхождению была земской, выборной, а две высшие — бюрократическими, приказными. Прежде всего торгово-промышленное население, группировавшееся в посадский мир, продолжало сохранять свою выборную администрацию в лице земского старосты с целовальниками. Над этим органом посадского самоуправления XVII век поставил начальника, назначаемого правительством, — воеводу. В свою очередь воевода подчинен был центральному органу — приказу, в котором был ведом город. На всех этих ступенях управление было дурно. Органы посадского самоуправления были подавлены двумя высившимися над ними бюрократическими этажами, и земский староста, лишившись всякой самостоятельности, сделался жалким орудием воеводского произ-

вола. Избранник посадского мира состоял не более как на посылках у воеводы. Нет нужды много распространяться о воеводском управлении: до такой степени его общий характер и его злоупотребления, особенной тяжестью ложившиеся именно на город, общеизвестны. Воеводская власть была больным местом московской администрации, воскресив в XVII в. худшие традиции кормлений XIV—XV вв. Наконец, и высшее центральное управление сложилось крайне невыгодно для городов. Оно было слишком дробно. Бо́льшая часть городов была иногда довольно случайно расписана между разными большими и малыми ведавшими их приказами, причем города, лежавшие в разных областях государства, были иногда подведомственны одному приказу, а города, находившиеся в одной области, ведались разными приказами. Отсюда происходили два главных недостатка. Во-первых, мелкие приказы, управлявшие городами, не всегда обладали достаточным авторитетом, чтобы оказать городам содействие в их интересах и защиту от притеснений местной администрации, тем более что воеводские места покупались в тех же приказах за крупные взятки. Во-вторых, вследствие отсутствия единства в управлении городами трудно было проводить какие-либо общие меры в интересах торгово-промышленного населения и вести единую торгово-промышленную политику.

Потребность в едином центральном учреждении, которое бы взяло в свои руки все городское торгово-промышленное население, заботилось о нем, поддерживало его и защищало, живо стала чувствоваться уже в середине XVII в. Известно, как А. Л. Ордин-Нащокин в составленном им в 1667 г. «Новоторговом уставе» высказывал пожелание, чтобы для избежания многих волокит, которым подвергается купечество «во многих приказах», был учрежден один «пристойный приказ», который, будучи поручен влиятельному человеку, «государеву боярину», ведал бы всех торговых людей, служил бы им обороной при заграничных торговых сношениях и защитой внутри государства от притеснений воеводской власти. Таким образом, жизнь выдвигала на очередь в городском управлении две главные задачи: на областной его ступени — если не полное уничтожение воеводской власти над посадом, то по крайней мере ограничение ее сферы до такого предела, в котором она могла бы оставаться безвредной; в центре — учреждение единого органа, который ведал бы все торгово-промышленное население страны. Эти реформы, вызывавшиеся общими потребностями государственного хозяйства, сделались неотложными вопросами государственной жизни к концу царствования Алексея. Правительство царя Федора принялось за их решение и в некоторой мере его подвинуло. В областной администрации круг деятельности воевод был теперь значительно сужен. Финансовое управление посадом стало выходить из ведения воеводы. Прямую подать — стрелецкую — велено было собирать органам земского самоуправления — зем-

ским старостам; воеводы от этого дела отстранялись[1]. Такое же устранение воевод можно заметить и в сфере косвенных сборов; эти сборы возлагались на выборных таможенных и кабацких голов, надзор за которыми поручался земским старостам[2]. Таким образом, с изъятием из воеводской компетенции финансового управления в кругу этой компетенции оставалась только судебная власть над посадом. В центральной администрации мы наблюдаем также попытки упрощения и сосредоточения учреждений, ведавших сборы с посадов. Вводя для посадов единую прямую подать, стрелецкую, правительство царя Федора делает попытку объединить сбор ее в едином приказе — Стрелецком — и устранить от этого сбора различные приказы, ведавшие городами. Попытка эта, правда, на первый раз не совсем удается, и приказы эти, одно время устраненные от взимания прямых сборов в пользу Стрелецкого приказа, затем опять возвращают эти сборы в свои руки[3]. С другой стороны, центральным приказом, объединяющим таможенную и кабацкую администрацию и сосредоточивающим в своих руках таможенные и питейные сборы, становится приказ Большой казны. Так выдвигаются два центральных финансовых приказа, делящих между собой финансовое управление городами: один для прямых, другой для косвенных сборов; и так как косвенные сборы играли тогда главную роль в государственном хозяйстве, то естественно, что приказ, который им заведывал — Большая казна — получает из этих двух преобладающее значение. Правительство царя Федора идет, как видим, по пути, намеченному государственными людьми эпохи царя Алексея, и старается осуществлять их желания, принимая меры к объединению центрального управления торгово-промышленным населением, а на местах освобождая это население по финансовым делам от ведомства воеводы, за которым остается только судебная власть над ним. Петру оставалось довести это дело до конца: создать окончательно единый «пристойный» приказ, о котором мечтал Ордин-Нащокин и который объединил бы в своих руках центральное управление торгово-промышленным населением, и окончательно изъять торгово-промышленное население из ведения воевод, освободив его от воеводской юрисдикции. Это он и сделал реформой 1699 г.

Сама действительность конца 90-х годов подводила его к этому шагу. После завоевания Азова стало на очередь сооружение большого черноморского флота. Это сооружение как повинность постройки кораблей кумпанствами было возложено на крупное землевладение и на торгово-промышленное население. Упавшая на торгово-промышленных людей повинность постройки 12 кораблей их общими средствами даже без деления

---

[1] Милюков, Государственное хозяйство России, стр. 90.
[2] Чичерин, Областные учреждения, стр. 234.
[3] Милюков, Государственное хозяйство, стр. 87—89.

их на кумпанства [1], как подразделялись землевладельцы, несомненно должна была содействовать их объединению, создавая для всех них общие интересы и заботы и ставя их под единое общее руководство и управление. Всем этим делом стали заправлять выборные московские гости, организовавшиеся в виде особого учреждения под названием «Корабельной палаты» [2]. Все торгово-промышленные люди, объединенные под руководством Корабельной палаты, независимо от приказов, по которым разбивалось в центре управление городами, разве это не близко уже к объединенному торгово-промышленному населению, изъятому из ведомства дробивших его ранее приказов и поставленному под управление Бурмистерской палаты, каким оно выходило из реформы 1699 г.? Эта же тяжелая корабельная повинность могла дать и вообще толчок к принятию мер, направленных к подъему благосостояния городов в интересах казны.

Таково было положение дела к тому моменту, когда Петр уезжал за границу. С собой он увозил туда повышенный интерес к устройству города; это устройство было для него вопросом, который невольно должен был направлять его внимание на устройство города в чужих краях. Городские управления западноевропейских городов, начиная с Риги, затем в Митаве, в немецких и голландских городах, особенно в Амстердаме, не могли при таком повышенном интересе ускользнуть от его взгляда. От него не могли укрыться черты той самостоятельности, которой пользовались западноевропейские города, эти автономные ратуши и магистраты с выборными — важными и почтенными бургомистрами. Типом такого городского сановника-бургомистра мог быть для него столь сблизившийся с ним в Голландии амстердамский бургомистр Николай Витзен, который мог посвятить царя в некоторые подробности устройства городского управления в Амстердаме. Можно думать, что в тогдашнем московском обществе были люди, склонные приписывать введение городских учреждений 1699 г. именно голландскому влиянию. Не случайно Желябужский в своих «Записках», рассказывая о выборе в Москве бурмистров, называет московскую Бурмистерскую палату «статами» [3], употребляя, может быть, и довольно путано и некстати, термин, применявшийся тогда к обозначению голландского государственного устройства. Что мысль Петра во время заграничной поездки или вскоре по возвращении из-за границы была занята вопросом о городском устройстве, видно из поручения, данного русскому уполномоченному на Карловицком конгрессе П. Б. Возницыну добыть в Вене сведения о Магдебургском праве и об устройстве городского управления в Вене. Об этом поручении, как и о ходе

---

[1] См. выше гл. XXIV.

[2] См. там же.

[3] Желябужский, Записки, стр. 137: «чтоб они (посадские люди) выбрали промежь себя во всех слободах бурмистров, а над бурмистрами б были статы».

его исполнения, мы узнаем из любопытной переписки П. Б. Возницына, находившегося в Карловице, с подьячим Михайлой Волковым, оставленным им в Вене при посольском доме. Так, в письме от 16 декабря, изложенном в виде шести статей, в которых предписывалось Волкову добыть через переводчика Стиллу роспись всем военным и гражданским чинам, разузнать о церемониях при приеме испанских и французских послов, об устройстве в цесарских землях придворной и других аптек и о положении медицинского персонала, в статье шестой читаем: «Списать право магдебурское, которым судятся и весь порядок свой управляют мещаня и которым венские мещаня управляются; хотя те артикулы и купить, буде печатные есть, а будет нет, велеть написать. И о том поговорить Стилле, чтоб он то все до моего приезду учинил, а ему за то заплачено будет» [1]. Устройством аптек и положением медицинского персонала Возницын мог интересоваться лично, потому что осенью 1698 г. был назначен заведующим Аптекарским приказом; сведения же о военных и гражданских чинах, о дипломатических церемониях и о городском управлении добывал, конечно, по поручению Петра. Возможно, что сам Петр непосредственно дал ему такое поручение еще за границей или уже из Москвы в одном из писем к нему. Возможно, что желание иметь Магдебургское право и сведения о венском городском устройстве было передано П. Б. Возницыну его братом Артемием Возницыным, дьяком Разряда того приказа, в котором, как скоро увидим, сосредоточивалось все дело о проведении городской реформы, причем именно Артемий скреплял бумаги по этому делу и стоял, следовательно, к нему особенно близко [2]. Материалы, добытые

---

[1] Пам. дипл. сношений, т. IX, стр. 378—379.

[2] Из писем Волкова к Возницыну виден ход исполнения его приказа: «Приняв препочтенное и премилостивое твое, государя моего, писание, — пишет он ему из Вены 24 декабря, — присланное в шести статьях дел здешних состоящее, сюда сего числа дошедшее, препокорственно рабски тебе, государю моему, челом бью и всеусердно то к твоему, государя моего, приезду учинить рад и тщание о том полагати буду дненощное. И Стилля те статьи чел и исполнить то он обещался». 28 декабря он пишет: «По присланным от тебя, государя, статьям Стилле непрестанно говорю о исполнении, и он трудится, только права магдебургского сыскать здесь не может, а иные статьи делает с прилежанием». Наконец, Магдебургское право было найдено, и, отвечая на письмо Возницына, в котором тот сверх прежних шести статей дал ему седьмое поручение — разведать еще о военных аптеках в войсках (служилых), Волков 31 декабря ему пишет: «Приняв препочтенное и премилостивое твое, государя моего, писание к худдшему и недостойному рабу, декабря от 23 писанное, а в 29 день здесь отданное, премного за оное тебе, государю моему милостивому, рабски лицеземно челом бью и по тому твоему повелению в прибавку к прежним шести статьям седьмую о служилых аптеках Стилле я присообщил, и у него, государь, Стилли о тех делех те статьи делаются. В пополнение ведомостей служивого чина есть промышлено печатное описание, а о аптеках письменное уведомление, и право магдебургское купить нашел, книга великая и по всем статьям в готовости к твоему, государя моего, приезду у него будет, толко ту готовость тебе, государю, он, Стилля, хочет сам подать для своей выслуги на немецком

Возницыным, о приготовлении которых шла речь в его переписке с Волковым в течение декабря 1698 и января 1699 гг., не поспели в Москву в срок, опоздали к изданию указов о городской реформе 30 января и не могли оказать на эти указы никакого влияния. Самое большее, что они могли быть приняты во внимание впоследствии, при проведении дальнейших стадий реформы. Но все же эти старания достать за границей образцы городского устройства свидетельствуют о том интересе, который проявлялся тогда к вопросу о городском устройстве и к его заграничным образцам.

XXXVI. УКАЗЫ 30 ЯНВАРЯ 1699 г. СТЕПЕНЬ УЧАСТИЯ ПЕТРА В ИХ СОСТАВЛЕНИИ

Начальным моментом реформы следует считать указы 30 января 1699 г. Процесс ее генезиса, предшествовавший этим указам, остается для нас скрытым. Сто́ит прежде всего обратить внимание на одно, повидимому, случайное обстоятельство в издании этих указов: они появились в понедельник 30 января, ровно через неделю после указа о гербовом сборе, изданного, как мы знаем, в понедельник же 23 января. Отсюда возникает предположение, не был ли этот день недели в то время назначен для докладов и законодательства по финансовым делам. Необычайна и самая внешняя форма этих законодательных актов, указа о гербовой бумаге, с одной стороны, и указов о городской реформе — с другой. Все эти указы, написанные как вообще писались именные указы, были закреплены не одним, как это было обыкновенно, а несколькими думными дьяками, а именно: указ о гербовой бумаге семью [1], а из указов 30 января первый о выборе московских бурмистров — пятью: Никитой Зотовым, Емельяном Украинцевым, Протасьем Никифоровым, Автономом Ивановым, Гаврилой Деревниным, а второй

языке, а мне с немецкого языка на словенский в переводе отманивается, а сказывает, что перевесть и подлинно растолмачить не умеет, да и диокцыонария (sic!) де словенского у него нет (и то подлинно так), да и дел де тех много, хотя все за ними сидеть, не перевесть ему будет и в полгода. И я, государь, видя его трусость, учинил ему и подарочек, чтоб он, конечно, о том с прилежанием промышлял. А и напред, государь, того за вести от меня он почтен же. И он ныне в том вящи радение полагает». В письме 11 января сообщалось: «Стиллю ж, государь, в приказанных делех я понуждаю, и он помалу исправляет. И по се число уже сказывает исправил по статьям о служилых людях и о аптеках всех и к ним принадлежащим. И право мещан венских печатное достал, да и магдебурское надеется промыслить. Только остались у него в трудном промыслу чины владения здешнего и описание приемов посольских, которые дела ведает вышний дворецкой Гарах, и без его ведомости того учинить никто не смеет, а он де ему еще яко новому не приобчился. Однакож, как возможно то исполнить к приезду вашей вельможности, трудится» (Арх. мин. ин. дел. Дела австрийские 1698, № 69, л. 65, 70, 71—72, 83, 86).

[1] Желябужский, Записки, стр. 136.

о выборе бурмистров по городам — семью, еще кроме только что перечисленных Любимом Домниным и Андреем Виниусом[1]. Такое новшество не следует ли рассматривать как переходный момент в развитии внешней формы законодательных актов? Раньше царь собственноручно не подписывал указов; именные, т. е. лично им издаваемые, указы, будучи с его слов записаны, скреплялись подписью думного дьяка; впоследствии Петр такие именные указы, от него лично исходившие, станет подписывать своим именем, подобно тому как это делали западноевропейские государи. Вот почему и можно предполагать, что подпись именного указа несколькими думными дьяками была переходной стадией в развитии формы законодательного акта от скрепления одним думным дьяком к собственноручной подписи высочайшего имени.

В самых кратких словах попытаемся передать содержание этих двух указов 30 января. Начнем с указа о выборе бурмистров в Москве[2]. Он обращен к корпорациям Московского посада как высшим — гостям и гостиной сотне, — так и низшим — дворцовым и черным сотням и слободам: «Великий государь указал гостям и гостиные сотни и Кадашевы, и Казенные, и Бронные и дворцовых и конюшенных и иных всех черных сотен и слобод всем посадским и купецким и промышленным людям сказать свой, великого государя, указ». Далее следуют мотивы указа: они, посадские люди, ведомы судом и сборами в разных приказах, и великому государю известно учинилось, что им в их торгах и промыслах от многих приказных волокит чинятся большие убытки и разоренье, так что иные из них от торгов своих и промыслов отбыли и оскудали, и от этого казенным и окладным доходам учинилась недоимка, а неокладным сборам большие недоборы. Поэтому милосердуя о них, — и далее излагаются цели указа и его основная идея — для того, чтобы им, посадским людям, не было в разных приказах волокиты и убытков и разорения и чтобы великого государя казне — прямым податям—не было недоимки, а косвенным сборам не только не было недобору, но и было бы пополнение, великий государь указал: впредь судом и сборами их, московских посадских людей, в тех приказах, где они были ведомы, не ведать, а ведать — здесь законодатель оставляет узкий круг московского посада и начинает говорить о всем торгово-промышленном населении государства — а ведать всего Московского государства посадских людей бурмистрам. Указ переходит, далее, к более детальной разработке этой мысли об изъятии посадского населения из ведомства многих приказов и о его самоуправлении через выбор-

[1] Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 1—7 и 17—20. Указы с подлинными подписями (ср. л. 296). Ср. Дворцовые разряды, т. IV, стр. 482: указ 7 сентября 1689 г. о писании в указах имен двух царей без имени царевны Софьи скрепили пять думных дьяков: Е. Украинцев, Н. Зотов, А. Иванов, Я. Кириллов, Г. Деревнин.

[2] П. С. З. № 1674.

ных бурмистров, намечая организацию этой выборной коллегии бурмистров, их обязанности, их финансовую и судебную компетенцию и ответственность за них их избирателей, причем видны двойственный характер и двойственное значение московских бурмистров: они выбираются из членов московского посада и ведают московский посад, но они же имеют значение центрального всероссийского органа по управлению городами. Бурмистры выбираются ежегодно и на годовой срок из всех московских корпораций: гостей, гостиной сотни и изо всех сотен и слобод по скольку человек похотят. Выбирать следует людей добрых и правдивых; одному из этих выборных бурмистров быть у них «в первых, сидеть по месяцу президентом». На обязанности бурмистров возлагается принимать меры, «смотреть и беречь накрепко», чтобы окладные (прямые) сборы собирались без доимки, а таможенные, кабацкие и иные сборы (косвенные) с пополнениями, привлекая к платежу казенных сборов приезжих в Москву торговых людей, а также занимающихся торгами и промыслами московских беломестцев. Для осуществления этого дела бурмистры должны взять из всех приказов ведомости о сборах и в частности ведомости о московских корпорациях и о поступающих с них платежах. Московские бурмистры принимают окладные подати и неокладные сборы со всех посадов, хранят собранные деньги и выдают их в расход по ассигновкам — «по его, великого государя, указу», отдавая оставшиеся за расходами суммы в приказ Большой казны. Всем приходам и расходам они ведут отчетность, которую должны ежегодно в сентябре по миновании срока своей должности представлять также в Большую казну. Таким образом, ведомство московских бурмистров получало значение центральной всероссийской кассы, куда должны были притекать окладные и неокладные, прямые и косвенные сборы со всех городов государства и откуда должны были итти по ассигновкам свыше ресурсы на разные государственные надобности. Ответственность за исправную деятельность бурмистров по финансовому управлению возлагается на их избирателей: «А буде они, бурмистры, в котором году каких его, великого государя, доходов по окладам не выберут или каких сборов чего не доберут, и то все взять на тех людях на всех, которые их, бурмистров, выберут, вдвое для того, что они, бурмистры, тое доимку учинили за их выбором».

В таких общих чертах намечена в указе деятельность московских бурмистров по финансовому управлению. Другой обязанностью бурмистров должен быть безволокитный и беспристрастный суд над посадскими людьми по всяким их судебным делам: «челобитчиковым», т. е. по частным искам, «расправным», по которым привлекало к ответу государство и «купецким», так называемым коммерческим процессам. Для отправления правосудия предписывалось выдать им из Разряда Уложенную книгу и списки с новоуказанных статей. Виновных, которые бы «довелись до правежу и наказанья и казни», бурмистры должны под-

вергать соответствующему наказанию безволокитно и без каких-либо своих прихотей.

Перейдем к другому указу 30 января, касающемуся местных органов. Он также начинается обращением к заинтересованному в реформе населению: «Великий государь указал: во всех городех посадским и всяких чинов купецким и его, великого государя, волостей, сел и деревень промышленным и уездным людям сказать свой, великого государя, указ». В городах, как видим, различены посадские люди от «всяких чинов купецких людей». Посадские люди — это особое потомственное торгово-промышленное сословие; «всяких чинов купецкие люди» — это люди всяких иных сословий, например, крестьяне, служилые люди, занимающиеся торгами или промыслами в городе, явление, тогда весьма частое. Не особенно точным кажется сопоставление терминов «великого государя волостей и сел и деревень промышленным и уездным людям». В каком смысле промышленные люди (по признаку занятия) противополагаются уездным людям (по признаку места жительства)? Нельзя ли сопоставление этих терминов понимать так: его, великого государя, волостей, сел и деревень жителям, как имеющим торги и промыслы, так и простым крестьянам? По крайней мере такое толкование этому месту указа дала действительная жизнь при его применении на практике. Все население черных и дворцовых волостей, сел и деревень, а не одни только торгово-промышленные люди, живущие в этих волостях, селах и деревнях, выбирало бурмистров.

Мотивом реформы законодатель выставляет те притеснения, которые торгово-промышленное население городов и население черных и дворцовых волостей терпит от воеводской администрации—многие воеводские и приказных людей обиды, налоги, поборы и взятки. Приказными людьми в этом случае назывались местные администраторы более низкого ранга, чем воеводы, бывавшие в очень малых городах, в черных и дворцовых волостях, и назначавшиеся из низших слоев служилых людей или же подьячих.

Отличительными особенностями местной реформы сравнительно с центральной, о которой говорил предыдущий указ, были две черты: ее факультативность и ее условность. Реформа центральная — обязательна; реформа местная предоставляется на усмотрение самого местного торгово-промышленного населения. Если это население пожелает, буде посадские и уездные торгово-промышленные люди «похотят» по всем делам финансовым и судебным быть изъятыми из воеводского управления и управляться по этим делам своими выборными в земских избах, то им предоставляется выбирать для этой цели из своей среды людей «добрых и правдивых». Другая отличительная особенность местной реформы — условность — заключалась в том, что право избавиться от воеводской власти и управляться своими выборными в земской избе предоставлялось в случае желания

городов не безусловно, не даром. За «милость и призрение великого государя», что они, торгово-промышленные посадские и уездные люди, будут от воевод и приказных людей в обидах, налогах, поборах и взятках свободны, они должны брать на себя обязанность платить окладные (прямые) налоги в двойном против прежнего размере, привозя их сами, без посредства воевод, в Москву, где будут их принимать московские бурмистры. Выше было уже говорено, что обеими этими своими чертами, факультативностью и условностью, реформа 1699 г., вводившая самоуправление торгово-промышленных людей, очень напоминает земскую реформу середины XVI в., которая предоставляла также уездам, городам и волостям право самоуправления под условием повышенных платежей в казну. Итак, если посадские и уездные торгово-промышленные люди «похотят» по финансовым и судебным делам управляться своими выборными и платить окладные доходы вдвое, то пусть выбирают для этого управления из своей среды кого и сколько человек пожелают, двух, трех или больше. Избранных с «выбором за руками», т. е. с избирательным протоколом, скрепленным подписями выборщиков, надлежит присылать в Москву в приказы, где который город ведом. В Москве выборным людям по принятии у них протоколов будут даны грамоты «с прочетом», т. е. грамоты, удостоверяющие их полномочия, которые они должны будут представить для прочтения местной воеводской администрации. Когда будут являться в Москву в соответствующие приказы эти выборные, то о ходе выборов составлять доклад государю, в который вносить также сведения об окладных доходах, чтó прежде платили и что впредь платить доведется; этот пункт свидетельствует о том усиленном интересе, который выказывал к реформе сам Петр. В конце указа находим предписания, имеющие значение технических подробностей относительно его обнародования: из Разряда, откуда выходит указ, сообщить его грамотами воеводам городов, ведомых в Разряде, и памятями в другие приказы, в которых ведомы остальные города, для посылки таких же грамот воеводам.

Таково в общих чертах содержание обоих законодательных актов 30 января. Уже при первом чтении их видно, что это не какие-либо развитые и детально разработанные уставные положения; это не более как наброски, лишь в самых общих и довольно неопределенных линиях наметившие неясные и колеблющиеся контуры будущих учреждений. Изъятие торгово-промышленных людей в городах и черносошного крестьянства в деревнях из ведомства воеводской власти, объединение ведомства их вместо многих приказов под ведомством московских бурмистров; в городах и государевых волостях, которые пожелают под условием двойного платежа прямых налогов, самоуправление торгово-промышленных людей и крестьян в виде выборных, которые, заседая в земской избе, заменяют для посадского и волостного населения власть воеводы, ведают их

по тем финансовым и судебным делам, по которым прежде их ведал воевода; в Москве — коллегия бурмистров, избранная корпорациями московского посада, ведающая посадское население Москвы как местный орган и в то же время имеющая значение центрального объединяющего органа для всего торгово-промышленного населения государства, заменяющего собой многие прежние приказы, — таковы приблизительные очертания новых учреждений. Но в указах 30 января, при всем их многословии, пожалуй, все же гораздо меньше сказанного, чем недоговоренного, больше неясного, чем отчетливого и определенного. В них много недомолвок и немало противоречий. В Москве избираются бурмистры, но то учреждение, которое они составляют, не получило еще в указе никакого названия; можно думать, что эта группа бурмистров еще и не мыслилась законодателем в момент издания указа как некоторая коллегия, как оформленное учреждение. Точно так же выборные в городах не обозначены пока никаким специальным названием,—просто именуются мирскими выборными людьми; они стали называться бурмистрами уже потом. Срок службы московских бурмистров указан годовой; срок службы местных выборных не обозначен. Не указан срок вступления новых учреждений в действие. Речь в первом указе идет о московских посадских людях; но затем законодатель заговаривает об отношении московских бурмистров к торгово-промышленным людям всего государства. Неясно обозначение сельского населения, втягиваемого в реформу: «его великого государя волости, села и деревни» — какие волости, села и деревни называются здесь «его великого государя», черные, т. е. государственные, или также и дворцовые? Отношение местных органов самоуправления — земских изб — к центральному не развито и остается в значительной мере неясным и неопределенным. Введение новых местных органов самоуправления факультативно, предоставлено на волю населения городов и некоторых разрядов сельского населения; но не устанавливается, как быть с теми городами, которые не пожелают освобождаться от власти воевод, а предпочли бы оставаться попрежнему под воеводским управлением, кому в этих случаях будут подчиняться воеводы: московским ли бурмистрам или попрежнему приказам, ведающим города, нарушая, таким образом, идею объединения торгово-промышленного населения в ведомстве одного центрального органа. Возможно, что законодатель, проводя факультативность реформы, в то же время не представлял себе случаев отказа от нее на практике. Неясно далее и самое подчинение московским бурмистрам земских изб тех городов, которые пожелали бы ввести реформу. У московских бурмистров — центральная касса, куда местные мирские выборные люди свозят ежегодно местные сборы; но в какой степени местные выборные подчинены московским бурмистрам и ответственны перед ними, не установлено.

Иерархическое отношение между новыми органами местного самоуправления и московскими бурмистрами в финансовом

управлении еще кое-как намечено и выражается по крайней мере в самом привозе местных сумм в центральную кассу. Иерархии судебной законодатель совсем не коснулся. Суд над провинциальными посадскими людьми производится в местных земских избах; суд над московскими посадскими людьми производят московские бурмистры. Но становится ли центральный орган — московские бурмистры — высшей судебной инстанцией по отношению к местным земским избам и идет ли к ним перенос судебных дел из местных земских изб, не сказано, а если не к ним, то куда же такой перенос дел должен направляться? Нет ни слова о том, сохраняются ли в посадах прежние органы самоуправления: посадские сходы и земские старосты, и если сохраняются, то каково должно быть их взаимоотношение с новыми. Не сказано также ничего о прежних «верных» органах, заведывавших сборами, таможенных и кабацких головах, остаются ли они, и если да, то в какие отношения становятся к выборным людям, заседающим в земских избах; этот вопрос будет решаться впоследствии. Словом, видно, что законодатель стремился в указах 30 января набросать лишь основные идеи реформы и мало интересовался второстепенными подробностями, вопросы о которых должны были неизбежно возникать с первых же шагов при осуществлении реформы; но вопросы эти, видимо, не приходили на мысль законодателю в момент составления закона.

Не сохранилось документальных данных, которые позволяли бы получить представление о том, как вырабатывался текст указов 30 января. Текст этот в столбце Разрядного приказа, в котором сосредоточено производство по введению городской реформы, находится в беловом виде, в окончательной редакции. Черновиков и каких-либо первоначальных редакций там нет, так что городская реформа 1699 г., общая связь которой с мероприятиями второй половины XVII в., относящимися до города, для нас является столь ясной и несомненной, в стадии своей ближайшей непосредственной подготовки остается для нас пока закрытой. Неизвестно, кто являлся ближайшим советником или советниками Петра в этом деле. Можно ставить вопрос о том, насколько инициатива этого дела принадлежала ему самому, насколько в ней участвовали окружавшие его лица. Из того, что учреждением, откуда вышли указы 30 января и которому поручено было осуществление этих указов в действительности, был Разряд, можно предполагать активную роль в подготовке реформы управлявшего тогда Разрядом боярина Т. Н. Стрешнева или кого-либо из его ближайших подчиненных. Равным образом неизвестно документально, как протекала эта подготовка указов, как и кем обсуждались и решались возникавшие при обсуждении вопросы, привлекались ли к обсуждению в Разряде высшие представители и привычные руководители торгово-промышленного населения — гости. Здесь все в области предположений. Как составлялся самый текст указов? Нельзя вовсе думать, что текст этот был написан или продиктован

самим Петром, как это бывало впоследствии со многими другими указами: не его слог, не его манера, нет этих составляющих непременную принадлежность собственных его указов мотивировок, начинающихся любимой его частицей «понеже», нет его оригинальных выражений, с которыми мы сталкиваемся, например, уже в его записке о кораблестроении, слишком много подробностей и мелочей, которые едва ли могли входить в его сознание. Нельзя также думать, что текст указов выработан или по крайней мере подготовлен какой-либо специально для этого сформированной комиссией гостей. Таких текстов, исходивших от гостей-бурмистров, немало находится в том же столбце; это — их докладные записки по вопросам, возникавшим при осуществлении реформы; они непохожи на тексты указов 30 января, да гости, столь близко стоявшие к делу, не могли сочинить такого необстоятельного проекта с таким изобилием промахов. Возможно, конечно, предполагать предварительные разговоры в Разряде с представителями корпорации гостей, так как в этом тексте немало технических подробностей, указать на которые могли только именно представители того сословия, в интересах которого предпринималась реформа. Но из того, что тексты указов 30 января были все же очень отрывочными и настолько неполными, что вызвали сейчас же, в том же кругу московских гостей, ряд недоумений и вопросов, с которыми они принуждены были обратиться за ответами к законодателю, можно заключать, что участие гостей в стадии предварительного обсуждения было едва ли длительным и особенно интенсивным. Едва ли затребованы были от гостей какие-либо развитые проекты или отобраны сколько-нибудь обстоятельно изложенные письменные мнения. Дело, по всей вероятности, ограничилось короткими разговорами с гостями, после которых довольно быстро появились в свет два указа 30 января. Слог текста — канцелярский, приказный; указы, видимо, писались дьячьей рукой, довольно поспешно, без предварительного обстоятельного ознакомления с вопросом, потому и не упомянуты в указах некоторые существенные стороны дела и забыты подробности. Если бы закон вырабатывался какой-либо комиссией, изучившей предварительно вопрос, познакомившейся с положением городов, собравшей необходимые материалы, точные сведения и данные, словом, если бы реформа подготовлялась так, как подготовлялись реформы впоследствии, то, конечно, законодатель имел бы возможность быть прозорливее, предвидеть то, что совершенно выпадало из поля его зрения, и избежать тех пробелов, которыми отличаются указы 30 января. Не таковы были эти первые законодательные опыты Петра. Он действовал быстро. Недостаток средств дал ему остро себя почувствовать. Источником средств ему представлялись городские сборы. Печальное материальное положение русских городов было ему в достаточной мере известно и в особенности стало ему представляться ярко после сравнения с заграничными, виденными им лично го-

родами. Отсюда стремление для умножения казны позаботиться о поднятии благосостояния городов. Мысль о средствах для этого поднятия была подготовлена в московском обществе задолго до того; эти средства — избавление от дурной воеводской администрации на местах и сосредоточение ведомства городов в едином учреждении в центре. Разговоры царя о городских делах с гостями, с которыми он постоянно встречался и входил в соприкосновение, могли наводить его на эти мысли. Городское самоуправление, выборное начало могли быть вынесены как свежие впечатления из заграничной поездки, откуда произошел и термин «бурмистры»; эти начала не противоречили и русской жизни. Условие двойного платежа, надо думать, личное изобретение, может быть, каким-либо неопытным дельцом и подсказанное, вызванное желанием поскорее и побольше добыть средств. И вот в уме Петра возник проект указов. Проект этот был им высказан в виде общей мысли, а затем тут же, наскоро, рука кого-либо из дьяков развила эту мысль в текст указа, включив в него, так же наскоро, кое-какие детали, обрывки из происходивших с московскими гостями разговоров. Как на такие обрывки можно смотреть хотя бы, например, на отрывочные пункты первого указа о привлечении к платежам приезжих в Москву торговцев и занимающихся торгами и промыслами беломестцев, слишком мелкие и второстепенные детали, появления которых иначе не объяснить в тексте указа, содержащего самые общие нормы. Это, конечно, отзвуки жалоб на утеснение от посторонних элементов, слышавшиеся в московских посадских кругах.

Итак, инициатором указов 30 января был сам Петр, но он не был автором их текста, который был наскоро слажен кем-либо из помощников. Законодательствуя 30 января, Петр бросил мысль, возникшую под давлением потребности момента, под влиянием знакомства с русской действительностью в той мере, в какой он им обладал, и свежих заграничных впечатлений. Мысль эта давала только направление преобразованию. Текст указов написан дьяком, который, облекши эту мысль во внешние формы, не разработал ее во всех возможных подробностях; поэтому указы далеко не охватывали с исчерпывающей полнотой всего разнообразия явлений жизни. Жизнь при первом же соприкосновении с ней указов стала задавать вопросы, на которые затем законодателю пришлось отвечать, развивая набросанные наскоро 30 января нормы. Расчленив реформу 30 января на два момента — устройство центрального посадского ведомства и преобразование местных городских учреждений, — мы и должны будем теперь посмотреть, как та и другая из намеченных указами 30 января организаций осуществлялась в действительности и в какие формы отливалась под воздействием жизни.

XXXVII. СОСТАВ МОСКОВСКОГО ПОСАДА. ПЕРВЫЕ ВЫБОРЫ БУРМИСТРОВ В МОСКВЕ

С первых же чисел февраля 1699 г. в Разряде приступили к исполнению указа о выборе бурмистров в Москве. Посланы были памяти: в Земский приказ с требованием справки о подведомственных этому приказу московских черных сотнях и слободах и о платежах с них и в Большую казну с предписанием о доставлении будущим московским бурмистрам разного рода финансовых документов и материалов, необходимых для начала их деятельности[1]. 9 февраля состоялось обнародование указа в Москве: указ был «сказан» собранным специально для этой цели в Кремле перед Разрядным приказом представителям посадских корпораций. «Февраля в 9 день, — пишет Желябужский, запомнивший это событие, — состоялся указ великого государя посадским людям и сказан перед Разрядом всем гостем и всех слобод всяких чинов посадским людем, чтоб они выбрали промеж себя во всех слободах бурмистров, а над бурмистрами б были статы, и всех бы слобод по выбору ведали их всех они; а до иных приказов им, посадским людем, дела нет. А подлинный великого государя указ сказывал розрядный дьяк Артемей Возницын»[2]. В руках этого дьяка Артемия Возницына и было ближайшим образом сосредоточено делопроизводство Разряда по городской реформе; его подпись видим на бумагах, относящихся к этому делопроизводству. Выслушав указ и разойдясь по домам, посадские люди должны были приняться за организацию выборов бурмистров от корпораций, составлявших посад. Выборы последовали за указом не сразу; они начались только 2 марта, так что три-четыре недели прошли, очевидно, в некоторой подготовке к ним. Воспользуемся этим временем, чтобы окинуть взглядом состав московского посада, как этот состав изображается несколькими документами, написанными именно в связи с этими выборами и имевшими значение справок и статистических сведений для них. Перечислим корпорации, на которые подразделялся посад и из которых должны были быть избраны бурмистры.

Высшей корпорацией были гости, которых насчитывалось тогда в Москве 34[3]. За гостями следовала гостиная сотня, числившая в своем составе 280 человек. Эти корпорации, соответствуя будущим гильдиям, не имели территориального характера; члены их не привязаны были местом жительства к тому или другому району Москвы и владели дворами во всех частях посада. Остальные 36 корпораций отличались именно таким

---

[1] Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 33—34. Ответная память Земского приказа 6 февраля; л. 8—16: отпуск памяти в Большую казну — 9 февраля.

[2] Желябужский, Записки, стр. 137.

[3] Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 87—33 человека; однако в личном списке на л. 83 на 16 марта — 34 человека.

территориальным характером. Ранее вслед за гостиной сотней в составе московского посада всегда называлась суконная сотня, бывшая третьей корпорацией такого же гильдейского, не связанного с определенной территорией характера, как и первые две. В изучаемый момент в справках, доставленных в Разрядный приказ, она ни разу не упоминается. Очевидно, что к этому времени она совсем исчезла, и ее место вслед за гостиной сотней занимает Кадашевская слобода, расположенная в Замоскворечье вокруг своего поражающего красотой архитектуры патронального храма Воскресения в Кадашах, подведомственная царицыной Мастерской палате и стоявшей во главе этой палаты боярыне. Когда-то это была большая и богатая слобода, женское население которой изготовляло на дворец полотна, скатерти и всякого рода белье «про царский обиход», а мужское, пользуясь досугом, вело иногда весьма значительные отъезжие торги и промыслы. Котошихин насчитывал в ней более 2 000 дворов [1]. По ведомостям 1699 г., в ней значилось всего 179 ответственных тяглецов. Однако среди кадашевцев были зажиточные люди, занимавшиеся торгами и промыслами в других городах. За Кадашевской слободой в перечнях называется Мещанская, возникшая при царе Алексее Михайловиче во время войны с Польшей за Украину, составленная из выходцев и переселенцев из западнорусских завоеванных областей и устроенная с патрональным храмом св. Адриана и Наталии четырьмя улицами за Земляным городом, там, где теперь находятся четыре Мещанские улицы. Она подведомственна была Посольскому приказу, которому вообще были подведомственны территории, завоеванные в эту кампанию у Польши, и их население [2]. По ведомостям 1699 г., в ней насчитывали 325 тяглецов. Выделены в этих ведомостях и перечнях особо слободы: Хамовническая (37 тяглецов) расположенная в местности теперешних Хамовников, занимавшаяся, так же как и Кадашевская слобода, изготовлением полотен и белья на дворец и так же подчиненная приказу царицыной Мастерской палаты; Казенная слобода (35 тяглецов), подведомственная Казенному двору и расположенная близ Покровки; Бронная слобода, находившаяся в местности теперешних Бронных улиц с храмами Большого вознесения и Иоанна Богослова, ведомая в Оружейной палате; число тяглецов в ней не обозначено. Остальные слободы соединены в перечнях в три группы: а) дворцовые слободы, б) конюшенные, в) черные сотни и слободы [3]. Дворцовых слобод указано 9 с населением в 1454 двора [4]. Они подведомственны

---

[1] Котошихин, О России в царствование Алексея Михайловича, гл. VII, § 13.

[2] Приказы княжества Смоленского и великого княжества Литовского, заведывавшие этими территориями, были своеобразными департаментами Посольского приказа.

[3] Эти же три группы упомянуты и в указе 30 января (П. С. З. № 1674).

[4] Садовая, 473 двора, в местности «Садовники» между Москвой-рекой и каналом; Барашская, 183 двора с церквами Введения и Воскре-

были приказу Большого дворца. Конюшенных слобод, находившихся в ведомстве Конюшенного двора, было 6 с общим количеством дворов — 184 [1]. Наконец, черных сотен и слобод, подведомственных Земскому приказу, было 16 [2].

Все эти 38 корпораций, составлявших московский посад, разбиты были в административном отношении по 8 приказам; ими заведывали приказы: Большая казна, в ведомстве которой находились гости и гостиная сотня, далее приказ Большого дворца, Посольский приказ, царицына Мастерская палата, Казенный двор, Конюшенный двор, Оружейная палата, Земский приказ [3]. Не будем, конечно, забывать, что посадское население, группировавшееся в гильдии и смыкавшееся в слободы и сотни, было только частью населения Москвы. По всей территории города

сения в Барашах, в местности Покровки и Машкова и Введенского переулков; Басманная, 133 двора, в районе Басманных улиц; Село Красное, 120 дворов (Красносельская улица); Напрудная, 26 дворов с церковью мученика Трифона, близ Екатерининского парка; Огородная, 288 дворов с церковью Харитония, в Огородниках (Харитоньевский переулок вблизи Мясницкой); Таганная, 118 дворов в Таганке; Гончарная, 85 дворов, в Гончарах в Таганке; Кошельная, 28 дворов, с церковью Николы Кошели, у Яузского моста. Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 87—88. В этой росписи, относящейся к марту 1699 г., не упомянута еще одна дворцовая слобода — Садовая набережная, упоминаемая в росписи, относящейся к лету 1699 г. (Белгородск. ст. № 1732, л. 210). Садовая набережная слобода находилась там же, где и Садовая. Иногда Садовая слобода считалась за одну слободу, иногда подразделялась на две и даже на три слободы. Число дворов 473 в Садовой слободе, надо полагать, относится ко всей слободе во всех ее частях вместе. Сведениями о местонахождении слобод я обязан С. К. Богоявленскому.

[1] Большая Конюшенная — Старый Конюшенный переулок между Пречистенкой и Арбатом; Овчинная — «Овчинники» по берегу канавы у Чугунного моста; Сыромятная — «Сыромятники» на Садовой улице близ Курского вокзала; Большие Лужники — Лужнецкая улица, близ Зацепы в Замоскворечье; Малые Лужники, что у Крымского двора, — местность теперешней Калужской площади; Другие Малые Лужники, что под Девичьим монастырем, на берегу реки Москвы (Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 85—91, 457).

[2] Сретенская, 95 тяглецов — улица Лубянка; Новгородская, 66 тяглецов — близ Большой Никитской; Ордынская, 20 тяглецов — улица Ордынка; Устюжская — 70 тяглецов — вдоль Никитского бульвара; Новоникитская —17 тяглецов — по Никитской улице; Панкратьевская, 86 тяглецов — у Сухаревой башни церковь Панкратия чудотворца; Голутвенная, 32 тяглеца — близ улицы Якиманки, Николо-Голутвенский переулок; Екатерининская, 9 тяглецов — близ улицы Полянки, церковь великомученицы Екатерины; Дмитровская, 140 тяглецов — улица Дмитровка; Покровская, 11 тяглецов — по улице Маросейке и Покровке; Кожевницкая, 170 тяглецов — в Замоскворечье по Ивановской улице, церкви Троицы в Кожевниках, Успения в Кожевниках; Кузнецкая, 39 тяглецов — Кузнецкая улица за Москвой-рекой; Алексеевская, 106 тяглецов — Алексеевская улица в Таганке; Мясницкая, 50 тяглецов — по Мясницкой улице; Семеновская, 72 тяглеца — по Семеновской улице в Таганке; Воронцовская, 40 тяглецов — Воронцовская улица за Таганкой (Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 85—91, 457).

[3] Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 33—34, 85—91, 457.

живет огромный служилый контингент: боярство, московское дворянство; в Кремле, Китай-городе и Белом городе расположены боярские дворы и дворы московского дворянства с многочисленной дворней в них. Вперемежку между тяглыми слободами раскинуты стрелецкие слободы и слободы иных видов служилых людей; дворы служилых людей «беломестцев» вкрапливаются также на территории тяглых слобод. При многочисленных московских церквах живет белое духовенство; монастыри населены черным духовенством; при подгородных монастырях — слободки, населенные монастырскими крестьянами. Но всех этих элементов московского населения реформа 1699 г. не касалась.

Итак, три последние февральские недели, после объявления 9 февраля указа о выборах, прошли, надо полагать, в подготовке к выборам, в предварительных совещаниях в среде самих посадских корпораций, во взаимных сношениях между ними, в сношениях с Разрядным приказом, ведавшим все дело выборов, в установлении числа бурмистров, которое надлежало от каждой корпорации выбрать, в оценке кандидатов в бурмистры, словом, в обсуждении и решении всякого рода предварительных вопросов, которые неизбежно возникают при каждых выборах. 2 марта происходили выборы от гостей. Корпорация эта состояла тогда из 34 членов, принадлежавших к 25 фамилиям. Среди фамилий есть такие, которые постоянно встречаем в памятниках, относящихся до промышленности и торговли во второй половине XVII в.: Шорины, Грудцыны, Филатьевы и др. Некоторые фамилии имеют в этом списке по двое и по трое членов. Родственные отношения между ними не указаны, но это, очевидно, братья, составляющие торговые дома. Все это крупные капиталы, большие и развитые связи с Архангельском, с Поморским севером, с Сибирью. Таковы братья Василий и Григорий Шустовы, Василий и Алексей Филатьевы, Кирилл и Сергей Лабазновы, Иван, Семен и Андрей Панкратьевы, Гаврило, Максим и Григорий Чирьевы, Матвей и Иван Семенниковы, отец и сын — Василий и Семен Грудцыны. Не все 34 человека, значившиеся в списке гостей, могли принять участие в выборах; против 10 имен в списке находим отметки, которые могли оправдывать их отсутствие. Так, гости Иван Сверчков, Василий Шустов, Афанасий Олесов были «от служб отставлены». Семен Лузин, родом из Ярославля, имевший там значительное имущество, склад товаров и кожевенный промысел [1], значится «стар и болен», Григорий Шустов — «остарел», Семен Шиловцев — «слеп», Матвей Семенников — «остарел и отставлен», Иван Юрьев, Игнатий Могутов и Кирило Климов оказались больными, однако двое первых на выборах были. Всего приняло участие в выборах только 18 гостей, как можно судить по числу подписей под избирательным протоколом. «Лета 7207, — гласит текст этого протокола, — марта во 2 день по указу великого государя

[1] Арх. мин. юст., Приказные дела, кн. 59, л. 135—167.

царя (т.) гости выбрали к 208-му г. в призиденты (sic!) и в бурмистры гостей Ивана Панкратьева, Ивана Семенникова, Логина Добрынина, Ивана Исаева». Затем идут рукоприкладства: «К сему выбору Иван Антонов руку приложил», «К сему выбору Иван Юрьев руку приложил» и т. д. Гость Михайло Шорин приложил руку также и вместо Игнатья Могутова, обозначенного больным; за гостя Никифора Сырейщикова, вероятно, по его неграмотности, расписался подьячий Иван Булгаков, за слепого гостя Семена Хрисанфова Шиловцова — приказчик его Васька Михайлов. Остальные расписывались сами, и из этого виден высокий процент грамотности среди высшего разряда торгово-промышленного населения в конце XVII в. Так, следовательно, 2 марта появились первые четыре бурмистра из гостей [1].

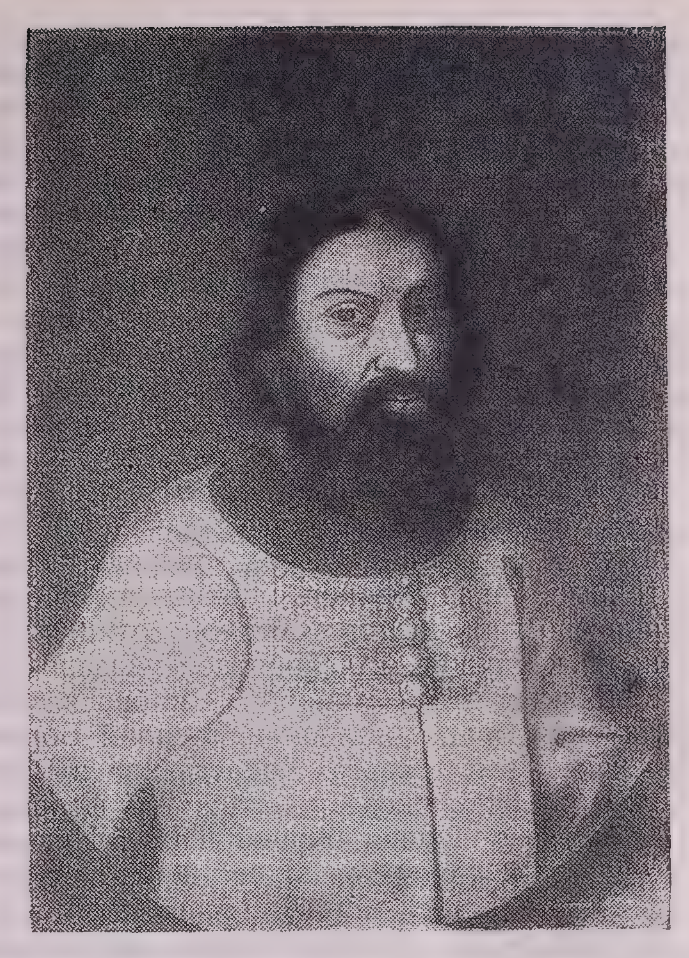


Рис. 19. Гость Гаврила Фетиев.
Портрет маслом работы неизвестного художника XVII в. Оригинал находится в Вологодском музее

В гостиной сотне в феврале 1699 г. насчитывалось, как мы уже выше видели, 280 ответственных тяглецов; тем не менее сотня считала этот состав слишком малочисленным и для производства выборов недостаточным. 22 февраля сотня обратилась в Разряд с челобитной, в которой заявляла, что в бурмисты — такое правописание нового вводимого в оборот и мало понятного слова выдержано по всему заявлению — выбрать некого. Все члены сотни заняты уже службами. «В нынешнем, государь, в 207 году в феврале месяце, — писала сотня в этом заявлении, — по твоему, великого государя, именному указу сказан нам, холопем твоим, в Разряде твой, великого государя, указ, выбрать нам меж собя к гостям в товарищи в бурмисты. И у

[1] Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 83, 76.

нас ныне, холопей твоих, выбрать в бурмисты из московских жителей очередных людей некого; многие наша братья служат московские жители неочередные службы, на иных есть службы по две». На предстоящие выборы гостиная сотня взглянула, видимо, не как на желанное право самоуправления, а как на новую повинность, учреждаемую же вновь должность бурмистров стала рассматривать как новую службу, умножавшую собой число прежних служб, для отбывания которых поочереди нехватало наличных кандидатов. Тяготясь, таким образом, новыми выборами, сотня в целях облегчения просит далее в той же поданной в Разряд челобитной вызвать в Москву грамотами проживающих в иных городах ее членов и привлечь их к новой службе, тем более что вообще до них теперь доходит очередь к службам. «А есть, государь, у нас, — читаем далее в челобитной, — очередные люди в городех гостиной же сотни и служить им, тем городовым людем, очередь, а они люди добрые и пожиточные, такая служба служить им в бурмистах мочно». Таких иногородних членов гостиной сотни, могущих быть привлеченными к службе, в челобитной указано 6: в Казани Иван Микляев, в Нижнем Иван Попов, в Симбирске Иван Андреев, у Соли Камской братья Степан и Василий Борисовы Елисеевы, в Смоленске Иван Басарга. Ходатайство в Разряде было уважено и на нем была положена помета: «207 февраля в 22 день по указу великого государя боярин Тихон Никитич Стрешнев приказал о высылке тех чинов людей к Москве послать в приказы, где те городы ведомы, памяти и явиться им у бурмистров»[1]. Выборы бурмистров от гостиной сотни состоялись 4 марта. «Лета 7207 марта в 4 день, — читаем в избирательном протоколе, — по указу великого государя царя... гостиной сотни староста Михайло Попов и все сотенные люди выбрали мы всею сотнею гостиной же сотни в бурмистры Афанасья Михайлова сына Гурьева, Ивана Якимова сына Крылова, из Казани Ивана Афанасьева сына Микляева, Соли Камской Степана Борисова сына Елисеева. И они люди добрые и пожиточные и с такое дело их будет, и во всем им верим. В том мы на них всею сотнею и выбор дали за руками. К сему выбору староста Михайло Попов руку приложил. К сему выбору Антипа Антипин руку приложил» и т. д. Таким образом, от гостиной сотни было выбрано так же, как и от гостей, четверо бурмистров, из них двое иногородних, не успевших, конечно, прибыть в Москву, на выборы и выбранных заочно. Не значило ли это свалить половину бремени на отсутствующих, пользуясь именно их отсутствием и невозможностью для них протеста, обычай, хорошо известный в истории выборов на тягостные должности, рассматриваемые более как повинность, чем как право. Избирательный протокол скреплен 100 рукоприкладствами членов гостиной сотни; следовательно, на выборах участвовало только лишь немного более

[1] Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 92—95.

одной трети состава сотни; остальные, может быть, заняты были службами, отвлекавшими их за пределы Москвы. Из 100 подписавшихся 91 подписались лично и только за 9, вероятно, за неграмотностью приложили руки другие лица, по большей части родственники, например: «Арефей Турченинов вместо отца своего Тимофея Трифоновича по его велению руку приложил». «К сему выбору вместо гостиной сотни Селиверста Семенова внук его Селиверстов Рейтарского приказу подьячей Мишка Михайлов руку приложил». «К сему выбору Никита Вихляев вместо отца своего Ивана Герасимовича по его велению руку приложил» и т. д. Если, действительно, все не подписавшиеся лично не могли сделать этого по неграмотности, то надо заключить, что процент неграмотных среди высшего слоя московского купечества в конце XVII в. был очень незначителен, всего 9%. В числе подписавшихся видим несколько представителей тех же фамилий, с которыми мы уже имели дело, рассматривая список гостей: таковы Панкратьевы, Боковы, Шапочников, Нестеров, Добрынин. Возможно, что это случайные однофамильцы; возможно, что это младшие братья или племянники гостей, члены тех же торговых домов [1].

Через пять дней после гостиной сотни, 9 марта, происходили выборы на двух противоположных концах Москвы: в Кадашевской слободе в Замоскворечье и в Мещанской слободе за Земляным городом. В Кадашевской слободе считалось 179 тяглецов [2], причем рядом с этой цифрой в документе, ее приводящем, отмечена оговорка: «Из того числа в службе 50 человек», свидетельствующая о том, что и в Кадашевской слободе смотрели на выборы в бурмистры, как на новое тягло, так как, составляя список наличного состава слободы для выборов, сейчас же вспомнили о том, сколько человек из слобожан уже находится в службах. «207 г. марта в 9 день,—гласит избирательный список Кадашевской слободы,—по указу великого государя... кадашевские старосты Феоктист Костянтинов, Федор Леонтьев, кадашевцы: Федор Турченин» и т. д. всего, кроме старост, поименовано 41 человек, «и все кадашевцы, выбрали мы кадашевца ж Козьму Трофимова сына Шапочникова в бурмистры к двести осмому году. А у нас он человек доброй и знатной и будет его с такое дело. В том мы на него и выбор дали за руками. А выбор писал хамовных дел подьячей Александрко Иванов». Рукоприкладств под избирательным списком еще меньше, чем в поименном перечне протокола, всего 27, из них 11, в том числе и один из старост — Федор Леонтьев, не могли подписаться лично; процент неграмотных в этом слое посадского населения вчетверо выше, чем в гостиной сотне — 37% [3].

Мещанская, или Новомещанская, слобода насчитывала

[1] Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 77—79.
[2] Там же, л. 91 («дворов» — здесь ошибочно; см. л. 87).
[3] Там же, л. 80—81.

325 ответственных тяглецов. В выборах, судя по избирательному списку, принимало участие всего около десятой части этого числа. «Лета 7207 марта в 9 день, — читаем в этом списке, — по указу великого государя... Новомещанской слободы староста Федор Григорьев да с ним мещане Филипп Иванов, Степан Копьев» и т. д., перечислено всего, кроме старосты, 34 человека, «и все той слободы мещане лутчие и середние, и молотчие люди, будучи на совете, выбрали мы к государеву делу с нынешнего 207-го году марта месяца и в будущей 208-й год в бурмистры тое ж. Мещанские слободы лутчего человека Григорья Иванова сына Соколовского. А он, Григорей, в слободе у нас человек доброй и с такое дело его будет. В том мы, старосты и мирские люди, на него, Григорья, за своими руками и выбор дали. А выбор писал Мещанской съезжей избы подьячей Корнилко Данилов лета 7207-го марта в [1] день. Староста Федка Григорьев руку приложил. Фетка Иевлев руку приложил» и т. д. [2]. Всего под выбором подписалось 30 мещан, из них 14 подписались лично, а за остальных 16 «по их веленью» приложили руки другие лица. Процент неграмотных избирателей в Мещанской слободе, таким образом, еще значительно выше, чем в Кадашевской, — 53%, — т. е. более половины избирателей не могло подписать своего имени. В 6 случаях из этих 16 за отца подписался сын, откуда можно заключить, что в новом, молодом поколении слободы просвещение делает успехи [3]. В избирательном списке можно найти некоторые неисчезнувшие черты, свидетельствующие о недавнем западнорусском происхождении членов Мещанской слободы. Лицо, избранное в бурмистры, Г. И. Соколовский, носит фамилию западнорусского характера. Такое же западнорусское происхождение обнаруживает подпись одного из избирателей под выборным списком. Начав писать свое имя русскими буквами, он сошел сейчас же, видимо, на более привычный для него латинский алфавит и подписался так: «Tymofey Iwanow Nedwedsky Ruku prylosylъ», закончив слово «приложил» русским ером, твердым знаком, поставленным после латинского l. О западнорусском происхождении членов слободы свидетельствует также и общее для них унесенное ими из Западной Руси название «мещане»,

---

[1] В подлиннике оставлено пустое место для даты.

[2] Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 82.

[3] Поименный перечень в тексте избирательного списка не совсем совпадает с именами в рукоприкладствах: из 34 имен в перечне совпадение в 22 случаях. 12 избирателей, поименованных в перечне, не приложили рук к протоколу ни лично, ни при посредстве других лиц; но зато в рукоприкладствах находим 6 имен, не указанных в перечне. Возможно, что подписывание протокола происходило не в самый день выбора, а некоторое время спустя, так что некоторые из бывших на выборах избирателей не могли почему-либо его подписать, но зато привлечены были к подписанию его лица, не бывшие на выборах 9 марта. Возможно, что поименный перечень в тексте — неполный и неточный, а только примерный список, не охватывавший всех избирателей, принимавших участие в выборах.

с учреждением слободы появившееся в московском обиходе сначала для обозначения обывателей только этой слободы. Позже в законодательстве Екатерины оно будет принято для обозначения более широкого слоя городских обывателей, заменив собой прежний московский термин «посадские люди». Подобно тому как в первой половине XVIII в. русское дворянство стало обозначаться западнорусским или польским названием «шляхетство», во второй половине того же века прежние посадские люди, за выделением из них гильдейского купечества, стали называться также западнорусским термином «мещане» [1].

На избрании бурмистров от указанных выше четырех корпораций московского посада выборы оборвались. Дальнейших избраний от остальных 34 корпораций не происходило, так что избрано было всего 10 бурмистров. «По изволению благочестивейшего великого государя, — доносили избранные бурмистры в своем докладном письме, поданном в Разряд 17 марта, — у сбору и расходу его, великого государя, денежные казны, так же у купецких и расправных дел велено быть из купецких людей выборным бурмистрам и сбирать денежные доходы и меж купецкими людьми расправу чинить сентября с 1-го числа 208-го году. И в бурмистры выбраны из гостей четыре человека, из гостиной сотни четыре ж человека, из Кадашева человек, из Мещанской слободы человек. А кто имяны, о том писано в выборах, каковы поданы в Разряд. А из дворцовых слобод человека, да из черных сотен и слобод человека ж марта по 17 день не выбраны и выбору на них не принесли. Бурмистр Иван Семенников» [2]. Выборы приостановились, надо полагать, в связи с пересмотром вопроса о числе бурмистров, которое должны выбирать московские корпорации.

XXXVIII. ВТОРЫЕ ВЫБОРЫ БУРМИСТРОВ В МОСКВЕ

Вопрос этот о числе бурмистров не раз, вероятно, служил предметом обсуждения в московских посадских кругах во время подготовки к выборам в феврале и с новой силой выдвинулся уже после избрания первых десяти бурмистров в марте. Указ 30 января не устанавливал точного числа московских бурмистров, предоставляя корпорациям выбрать бурмистров, «по скольку человек похотят». В посадской среде, очевидно, при обсуждении вопроса, по скольку бурмистров надо выбрать, сложилось мнение, что следует выбрать всего 12 бурмистров, а именно: 4 от гостей, 4 от гостиной сотни, по одному от Кадашевской и Мещанской слобод и 2 от остальных 34 слобод и сотен: одного от 18 дворцовых слобод и одного от 16 черных слобод и сотен. Что проектировалось 12 как общее число бур-

[1] Арх. мин. юст., Белгородск, ст., № 1732, л. 82.
[2] Там же, л. 85.

мистров и предполагалось такое именно распределение этого числа между корпорациями, видно как раз из только что приведенного докладного письма бурмистров 17 марта, где указывается, что выбрано 10 человек и не добрано еще двух: «из дворцовых слобод человека, да из черных сотен и слобод человека». Однако так как ни общее число бурмистров, ни распределение его между корпорациями не было санкционировано законом, то выбранные бурмистры сочли нужным поднять этот вопрос перед верховной властью, несмотря на то, что выборы на практике на $^{10}/_{12}$ были уже осуществлены. Может быть, их побуждали к этому шагу какие-либо возникшие в посадской среде или в правительственных сферах споры и возражения против принятого на практике распределения мест. Так или иначе избранные бурмистры, или, как они называются в документах Разряда, «гости», обнаружили стремление закрепить в законодательном порядке только что проведенную практику и затронули вопрос о распределении мест в поданном ими в марте же в Разряд докладном письме, «взнесенном» на усмотрение Петра, приехавшего тогда из Воронежа в Москву на похороны внезапно умершего Лефорта [1]. «Чтобы милостивым призрением повелено (было),—писали, между прочим, они в этом письме, — быть в бурмистрах из гостей четырем человекам, из гостиные сотни из лучших четырем человекам, изо всех слобод и черных сотен необходно, усмотря лучших, четырем же человекам, кому б положенное дело возможно было править» [2]. При этом избранные бурмистры, в среде которых преобладающую роль играли гости, жаловались на «умаление» состава корпорации гостей, из которых многие устарели, так что выборы в бурмистры при наличном составе корпорации являлись для нее непомерной тягостью, и просили государя о пополнении корпорации новыми членами. «А ради умаления гостиного чина, чтоб великий государь милосердием своим пожаловал, велел учинить в гостиный чин прибавку, понеже многие престарели». Для подкрепления этого ходатайства в качестве оправдательного документа был представлен упомянутый нами выше список гостей, в котором из 34 человек 10 оказались престарелыми, от служб отставленными и больными [3]. Бурмистры заявляют, далее, в том же пункте докладного письма, что подготовительные шаги к такому пополнению гостиного чина уже ими сделаны: представлено соответствующее челобитье в приказ Большой казны, которой подведомственна была корпорация гостей и подан туда же

---

[1] П. С. З., № 1683. Резолюции на это письмо датированы 16 марта; см. Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 47. Дату следует относить к формулировке резолюции думным дьяком Гаврилой Деревниным, а не к самым повелениям Петра, устно сказанным им этому дьяку при докладе: 13 марта Петр выехал из Москвы в Воронеж. Едва ли 16-го он мог законодательствовать.

[2] П. С. З., № 1683, п. 2.

[3] Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 83.

список кандидатов, годных для возведения в чин гостей; пусть государь назначит из этого списка сколько и кого ему будет угодно: «а челобитье о том и роспись людям есть в приказе Большие казны; а из тех людей в гостином чину скольким человекам и кому быть, о том великому государю как бог известит»[1].

Иногда высказывается мнение, что в том распределении числа бурмистров между московскими корпорациями, которого добивались гости в приведенном докладном письме и которое, заметим, проведено было в значительной мере в действительности на мартовских выборах, видно стремление высших купеческих корпораций гостей и гостиной сотни взять всю власть над московским посадом и над провинциальными посадами в свои руки. С этим мнением едва ли можно согласиться. Уже приходилось выше отмечать, что на выборы в бурмистры московские корпорации взглянули не как на приятное и желанное право, которого бы они добивались, а как на новую повинность, тяжесть которой они старались облегчить; на новую должность бурмистров они смотрели не как на власть, а как на службу. Отсюда это ходатайство о пополнении «гостиного чина», при недостаточном составе которого новая повинность казалась слишком тяжелой. Отсюда этот список гостей с указанием престарелых и больных и с отметками «от службы отставлен», гарантирующими такого гостя от выбора в бурмистры, но зато подвергающими остальных гостей риску более частого выбора на эту должность. Припомним еще, что гости были особенно обременены тогда корабельной повинностью, так как на них лежала администрация «гостиного кумпанства», т. е. постройки кораблей, возложенной на посадское сословие. При таком взгляде на новое учреждение, как на новый вид тягла и службы, понятны жалобы гостиной сотни в ее челобитной 22 февраля, что ей выбрать не из кого, понятны также ее слова об «очередных» службах и ее стремление взвалить новую службу или хотя бы половину ее на иногородних своих сочленов, благо можно было избрать отсутствующих без протеста с их стороны. Если бы в выборах в бурмистры обнаруживалось хотя бы малейшее стремление к власти, то зачем московские члены гостиной сотни стали бы избирать сочлена, живущего в Казани? При таком настроении членов высших корпораций, ясно просвечивающем в их ходатайствах, едва ли может быть и речь о каких-либо с их стороны олигархических домогательствах. Наоборот, следует сказать, что в том распределении 12 мест между 38 корпорациями, которое бурмистры или гости просили утвердить, виден не дележ власти с захватом львиной доли в нем гостями и гостиной сотней, а распределение тягла, новой тяжелой повинности, распределение, при котором бóльшую часть тягла, две трети его, берут на себя две более могучие и богатые корпорации, предо-

[1] П. С. З., № 1683.

ставляя остальную треть остальным 36 корпорациям, более слабым, менее состоятельным. Этот распорядок и был, вероятно, выработан на предварительных совещаниях в московском посаде в феврале. Петр не удовлетворил ни того, ни другого ходатайства бурмистров: ни о предложенном ими распределении мест, ни о пополнении гостиного чина. Отступая от своего же указа 30 января, по которому предоставлялось гостям, гостиной сотне и всем сотням и слободам избирать бурмистров «по скольку человек похотят», он в ответ на пункт докладного письма о числе бурмистров предписал: «В бурмистры выбирать им меж себя из гостей и из гостиной сотни и изо всех сотен и слобод по человеку из сотни и слободы». Ответом же на просьбу о пополнении гостиного чина была резолюция: «А что они, гости, в том своем письме написали, чтоб в гостиный чин учинить прибавку, и в гостиный чин для того вышеупомянутого дела прибавке быть он, великий государь, не указал». Далее, приведен мотив отказа: «Потому что у того дела велено быть из них, гостей, и из гостиные сотни и изо всех сотен и слобод» [1]. Мотивом, следовательно, было то соображение, что по новому распоряжению тяжесть выборов будет падать на все сотни и слободы и в гораздо меньшей мере на гостей; они должны будут выбирать уже не четырех, а всего только одного бурмистра; поэтому и нет оснований для пополнения корпорации.

Этими резолюциями 16 марта дело с выбором бурмистров было в значительной мере осложнено и запутано. Резолюции предписывали избрать в бурмистры по одному человеку от каждой корпорации; между тем, от четырех корпораций бурмистры были уже избраны и притом от двух первых корпораций не по одному человеку, а по четыре и, будучи избраны, стали уже действовать. Такое неопределенное положение дела создавало потребность его выяснения, и, вероятно, следствием этой потребности явился через месяц новый указ Петра, изданный в Воронеже 17 апреля. «Великий государь указал, — читаем в нем, — послать свой указ к гостям и гостиные сотни и всех сотен и слобод жителям: буде они бурмистров не выбрали, и они б по прежнему его, великого государя, указу в бурмистры из них, гостей, и гостиные сотни и изо всех слобод выбрали по человеку добрых людей. А из тех бурмистров быть по их выбору 12 человекам, а из 12 человек одному человеку помесячно президентом. А которые московские слободы малые, дворов по 20 и по 30, и с тех слобод в бурмистры не выбирать» [2].

Сравнивая текст указа 17 апреля с резолюциями 16 марта, можно прежде всего заметить, что указ отступает от резолюций в том, что касалось выборов от каждой корпорации. В резолюциях говорилось о выборе бурмистров от всех московских

---

[1] П. С. З. № 1683.
[2] Там же, № 1685.

корпораций по одному от каждой. Указ смягчает это требование и делает исключение для малочисленных и потому маломочных корпораций, избавляя их от выборов. Под этот пункт могли бы подойти, например, такие дворцовые слободы, как Кошельная с 28 дворами и Напрудная с 26 дворами и такие черные слободы, как Ордынская, где числилось 20 человек тяглецов, Новоникитская, где их было 17 человек, Покровская с 11 тяглецами и Екатерининская с 9[1]. Затем надо сказать, что текст указа 17 апреля, носящий на себе признаки личного законодательного творчества Петра, написан или, вернее, набросан на редкость неясно и двусмысленно. И общий его смысл и отдельные детали можно понимать по-разному. Его можно было понять как распоряжение о двустепенных выборах. Корпорации избирают выборщиков, неудачно и неуклюже в таком случае названных бурмистрами, по одному от каждой, а уже эти выборщики выбирают из своей среды 12 человек, которые и составляют правящую коллегию, причем каждый из них раз в месяц бывает по очереди президентом. При таком толковании мы имеем двенадцатичленную правящую коллегию, избираемую двухстепенно, именно, собранием выборщиков, избранных в свою очередь корпорациями московского посада по одному от каждой. Но указ можно было толковать и иначе. Так как он говорил только о выборе «двенадцати человек», не давая им даже названия бурмистров, не назначая им никаких других функций, кроме помесячного президентства по очереди, и ни слова не говорил о том, чтобы эти 12 человек были правящей коллегией, то его можно было истолковать и так, что он предписывал выбрать от каждой корпорации, за исключением малочисленных, по бурмистру, что эти бурмистры и составляют обширную правящую коллегию и что избираются из них еще 12 человек, которые по очереди будут в этой многолюдной коллегии править должность президента. Такое толкование можно было дать указу тем более, что широкая коллегия бурмистров из 38 членов устанавливалась в резолюциях 16 марта, изменявших порядок выборов и предписывавших избрать по одному бурмистру от каждой московской корпорации. Неясны были и слова указа, относившиеся к выбору в президенты: быть «по их же выбору» двенадцати поочередно сменяющимся президентам. По чьему же «их» выбору? По выбору ли избранных от корпораций бурмистров или же непосредственно по выбору самих корпораций? Словом, в указе было немало неясностей и недоумений.

Неясность указа повлекла за собой странности в его исполнении. Исполнение его началось с необычайной быстротой, но затем тянулось довольно медленно. В тот же день, как этот указ в форме памяти был сообщен бурмистрам из Разряда, в тот же день, 17 апреля, произведены были новые выборы от корпорации гостей. Быстрота исполнения в этом случае может быть

[1] Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 87—88.

объяснена тем, что при немногочисленном составе этой корпорации ее созвать было нетрудно. В самом деле, как припомним, всего гостей в то время было по списку 34; из них шестеро имели отметку о старости и отставке от службы, что́ избавляло их от участия в выборах, четверо были уже бурмистрами и сами же созывали собрание. Оставалось, следовательно, всего 24 человека, что́ не могло быть особенно затруднительно. Если судить по рукоприкладствам под новым избирательным списком, в выборах приняло участие всего 12 гостей; рукоприкладств избранных ранее четырех бурмистров: Ивана Панкратьева, Ивана Семенникова, Логина Добрынина, Ивана Исаева под новым списком не находим. «Лета 7207 апреля в 17 день, — читаем в этом списке, — по указу великого государя... и по памяти из Разряда за приписью Артемья Возницына велено гостям и гостиные сотни, и всех сотен и слобод жителям, буде по прежнему великого государя указу бурмистров не выбрали» и т. д. (выписывается текст указа 17 апреля); далее: «А кого в бурмистры выберете, и на них подать в Разряде боярину Тихону Никитичу Стрешневу с товарищи подлинные заручные выборы. И у гостей по прежнему великого государя указу выбраны были из гостей в бурмистры и в призиденты (sic!) четыре человека, и имена их ведомы в Разряде в том гостином выборе. А ныне по сему великого государя указу гости выбрали одного гостя бурмистра в презеденты Ивана Панкратьева» [1]. Сколько можно судить по их избирательному протоколу 17 апреля, гости поняли все это весьма запутанное дело со вторичными выборами так: бурмистров они уже выбрали 2 марта и даже не одного, а целых четырех, на что они в новом избирательном протоколе и ссылаются. От новых выборов в бурмистры они поэтому считали себя свободными и не выбирали вновь бурмистра, а намечали уже из существующих бурмистров президента, очевидно, полагая, что право избирать президентов принадлежит не группе избранных бурмистров, а непосредственно самим корпорациям, сотням и слободам, и не давая себе отчета в том, каким порядком можно было осуществить выбор 12 президентов 38 корпорациями. Законодатель, давая резолюции 16 марта и издавая указ 17 апреля, действовал вопреки тому порядку, который уже было наладился на практике, быстро менял свои намерения и не умел еще ясно и отчетливо формулировать своих желаний. Гости, наоборот, стремились держаться за тот порядок в реформе, который казался им более подходящим. Отсюда и происходила довольно бестолковая путаница с выборами в бурмистры.

Выборы от остальных корпораций по указу 17 апреля совершались медленно, тянулись в течение весны и части лета 1699 г.; спешить было некуда, так как вновь избранные бурмистры должны были начать действовать с 1 сентября 1699 г.,

[1] Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 301.

с началом нового, 208, года. По 29 июня были выбраны бурмистры по 23 дворцовым и черным слободам и сотням [1]. Между 29 июня и 6 июля состоялись выборы еще в двух корпорациях [2]. По десяти слободам выборы не производились, потому что эти слободы оказались слишком малодворными и, как таковые, были свободны от выборов по указу 17 апреля [3].

Роспись всем выбранным по 6 июля бурмистрам была представлена в Разрядный приказ, откуда по почте 13 июля была отослана в Азов, где тогда находился при Петре боярин Т. Н. Стрешнев. В этой росписи поименовано 35 бурмистров, а именно, четверо от гостей — прежние, выбранные 2 марта: Иван Панкратьев, Логин Добрынин, Иван Семенников, Иван Исаев; четверо прежних же от гостиной сотни, избранных 4 марта: Афанасий Гурьев, Иван Микляев, Иван Крылов, Иван Елисеев, прежние бурмистры от Кадашевской и Новомещанской слобод, избранные 9 марта: Козьма Шапочников и Григорий Соколовский и 25 новых бурмистров, избранных по 6 июля согласно указу 17 апреля [4]. Позже всех, 26 августа, производились выборы в гостиной сотне, но не в бурмистры, а только из избранных уже от сотни четырех бурмистров одного в президенты, подобно тому как это произошло в корпорации гостей 17 апреля. Избирательный протокол этих выборов в гостиной сотне составлен совершенно так же, как и избирательный протокол гостей 17 апреля: «По указу великого государя... и по памяти из Разряда за приписью дьяка Артемия Возницына велено гостям и гостиной сотни, и всех сотен и слобод жителям, буде из гостей и из гостиной сотни по прежнему великого государя указу в бурмистры не выбрали, и им выбрать в бурмистры по человеку добрых людей, а из тех бурмистров быть по их же выбору двунатцати человекам, а из двунатцати человек быть одному человеку помесячно призидентом; а которые московские слободы малые, дворов по дватцати и по тритцати, ис тех сло-

---

[1] Были выбраны от Садовой слободы Кондратий Хвастливый, Казенной слободы — Петр Стоянов, Семеновской слободы — Никита Орешников, Басманной слободы — Тихон Козлов, Барашской — Иван Украинцев, Алексеевской — Внифан (?) Миронов, Воронцовской — Семен Федоров, Больших Лужников — Петр Борисов, Таганной — Филипп Семенов, Сыромятной — Иван Парфенов, Овчинной — Роман Бечевин, Гончарной — Кирилл Семенов, Хамовной — Андрей Бочин, Бронной — Гаврило Клевцов, Сретенской — Афанасий Терентьев, Огородной — Иван Федоров, Панкратьевской — Никита Матвеев, Дмитровской — Иван Суконщик, Кожевницкой — Григорий Недолызов, Устюжской — Михайло Остафьев, Голутвенной — Иван Русков, Набережной садовой (см. стр. 260 примечание 4) — Иван Игнатьев, Села Красного — Иван Терентьев (Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 209).

[2] В Новгородской сотне — Иван Ветошников, в Мясницкой полусотне — Иван Федоров (Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 211).

[3] Слободы Ордынская, Новоникитская, Екатерининская, Напрудная, Покровская, Новокузнецкая, Кошельная (sic!), Большая Конюшенная, Малые Лужники, что у Крымского двора, Малые Лужники, что под Девичьим монастырем (Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 211).

[4] Арх. мин. юст., Белогородск. ст., № 1732, л. 209—211.

бод в бурмистры не выбирать. А кого имяны в бурмистры выберете, и на них подать в Разряде боярину Тихону Никитичу Стрешневу с товарищи подлинные заручные выборы. И у гостиной сотни по прежнему великого государя указу выбраны были из гостиной сотни в бурмистры и в призиденты четыре человека, а имяна их ведомы в Разряде в том прежнем сотенном выборе. А ныне по сему великого государя указу гостиной сотни староста Иван Мелентьев и все сотенные лутчие и средние, и молотчие люди выбрали тое же гостиной сотни из бурмистров в призиденты Афанасья Михайлова сына Гурьева. В том и выбор сей на него дали за руками». Под выбором рукоприкладства сотенного старосты и 23 членов сотни[1]. В памяти из Разряда ясно говорилось о выборе из гостиной сотни, как и из других корпораций, по новому указу 17 апреля одного человека в бурмистры: «выбрать в бурмистры по человеку». Но гостиная сотня так же, как в свое время и гости, указала, что у нее «по прежнему указу», под которым она, очевидно, разумела указ 30 января, а не резолюции 16 марта — этот пункт указа 17 апреля можно было так же толковать различно, — по прежнему указу выбрано в бурмистры четыре человека и потому по новому указу 17 апреля она ограничивалась только тем, что выбрала одного из этих бурмистров в президенты: «Выбрали... из бурмистров в президенты», понимая так же, как и гости, что выборы 12 президентов должны производиться «по их же выбору», как в их избирательном списке и написано, т. е. самими сотнями и слободами, а не группой бурмистров, избранных от этих корпораций.

Впоследствии, однако, по крайней мере в корпорации гостей пришли к заключению, что гостями избрано бурмистров слишком много, что трое бурмистров оказываются по указу 17 апреля лишними. Указ говорил, в самом деле, об одном бурмистре от гостей, а их оставалось четыре; поэтому лишние три бурмистра — Логин Добрынин, Иван Семенников и Иван Исаев — в начале сентября подали прошение об отставке. В этом прошении они указывали, что «в прошлом 207-м году по его, великого государя, указу» гости выбрали 4 человек в бурмистры и выбор на них «за своими руками подали в Разряде в марте месяце в первых числах». По тому выбору они, бурмистры, вели подготовительную работу для открытия новых учреждений с началом 208 г., делали всякие великого государя дела, сносились с приказами и с городами и закрепляли податные ведомости. С 1 сентября должен был вступить в управление от гостей один бурмистр, Иван Панкратьев, которого они ж, гости, к его государеву делу выбрали в бурмистры и в президенты. Вследствие этого выбора им троим, Добрынину, Семенникову и Исаеву, по прежнему выбору в бурмистрах оставаться невозможно, но сами они без особого указа об отставке от дел «отойтить

[1] Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 302.

опасны его, великого государя, гневу», и потому они просят великого государя о соответствующем указе. Прошение их 7 сентября было по почте послано к Т. Н. Стрешневу на юг [1].

Еще раз напомним ход дела с выборами бурмистров в Москве. Выборы эти прошли две стадии. Указ 30 января предоставлял московским посадским корпорациям выбрать из своей среды бурмистров, не устанавливая числа их, выбрать «по скольку человек они похотят». Вероятно, после предварительных переговоров в посадской среде и по соглашению между корпорациями было решено выбрать 12 бурмистров, распределяя должности бурмистров, на которые в посаде взглянули, как на новое тягло, таким образом, что четырех из них выбирают гости, четырех гостиная сотня, по одному Кадашево и Новомещанская слобода, из остальных двух одного выбирают дворцовые слободы, другого черные сотни и слободы. Выборы первых десяти бурмистров по этому распределению состоялись 2, 4 и 9 марта, и после их производства избранные бурмистры, вероятно, желая закрепить законом условленное между корпорациями общее число бурмистров и в значительной части уже осуществленное на практике распределение мест, представили об этом на усмотрение Петра. Петр не согласился с этим представлением и в ответ на него 16 марта, отступая от им же изданной нормы 30 января, указал новый порядок: выбрать в бурмистры по одному человеку от каждой корпорации. 17 апреля последовал новый указ: каждая корпорация выбирает бурмистра; из них выбираются 12 человек, каждый из которых бывает помесячно по очереди президентом.

С исполнением указа 17 апреля начинается вторая стадия выборов. Так как указ был неясен, то и в исполнении его произошли колебания. Неясно было основное установление указа: устанавливал ли он большую коллегию бурмистров по одному от каждой корпорации с 12 особо избираемыми президентами, или же он говорил о малой 12-членной коллегии бурмистров

---

[1] Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 377: «И великому государю (т.) бьют челом гости Иван Семенников, Логин Добрынин, Иван Исаев. В прошлом в 207 году по его, великого государя, указу выбрали их гости к нынешнему 208 году к его, государеву, делу в бурмистры четырех человек гостей и выбор за своими руками подали в Розряде в марте месяце в первых числах и по тому де выбору они в 207 году к нынешнему 208-му году всякие его, великого государя, дела и в приказы и в городы указы подписывали и книги закрепляли своими руками. А в нынешнем де в 208-м году выбрали они ж, гости, к его, государеву, делу в бурмистры и в президенты одного из них 4-х ч. гостя Ивана Панкратьева, и тот они выбор свой на него, Ивана Панкратьева, в Розряд подали. И им по тому их, гостиному, выбору, что они выбрали одного из них, Ивана Панкратьева, в бурмистры и в президенты, ныне у тех его, великого государя, дел по прежнему выбору в бурмистрах быть невозможно, а без его, великого государя, указу от тех дел отойтить опасны его, великого государя, гневу. И великий государь пожаловал бы их, велел челобитье их взять к делу и об них свой, великого государя, указ учинить». На обороте: «Такова послана чрез почту сентября в 7-м числе».

с двухстепенными ее выборами. Неясны были и детали указа. На практике предписанные выборы происходили весной и летом 1699 г. 10 слобод и сотен были освобождены от выборов по малолюдству; 25 московских корпораций выбрали по бурмистру. Две корпорации — Кадашевская и Новомещанская слободы—удержали своих бурмистров, избранных 9 марта. Две высшие корпорации — гости и гостиная сотня — удержали своих 8 бурмистров и только наметили по одному из них, в обоих случаях первого по списку, в президенты. Однако с наступлением нового, 208, года трое бурмистров от гостей, кроме намеченного в президенты, подали прошение об отставке. С вопросом о том, какая последовала на это прошение резолюция, мы вступаем в область неизвестного. Неизвестно, поступили ли бурмистры от гостиной сотни, по примеру гостей, — в деле подобного их челобитья об отставке нет. С начала марта по 1 сентября действовали, подготовляя введение новых учреждений, 10 бурмистров, избранных в марте; но остается неизвестным, как это было неизвестно и Дитятину, какая коллегия стала действовать с 1 сентября после летних выборов по указу 17 апреля: широкая ли коллегия из 29 бурмистров, по одному от каждой корпорации, или же эти 29 бурмистров выделили из себя 12-членную коллегию, которая стала правящим органом, а остальные 17 бурмистров, сыграв роль выборщиков, отпали. Или же, наконец, получилось на практике две коллегии, малая и большая, 12-членная и 29-членная, нечто вроде позднейших екатерининских общей думы и шестигласной думы? Словом, состав того учреждения, которое начало действовать в Москве с 1 сентября 208 г. сначала под названием Бурмистерской палаты, а потом Ратуши, при наличности приведенных в известность источников еще неясен.

XXXIX. УЧАСТИЕ РАЗРЯДНОГО ПРИКАЗА В ПРОВЕДЕНИИ ГОРОДСКОЙ РЕФОРМЫ

В указе 30 января не было упомянуто, с какого срока должны были открыть действия новые учреждения; в нем содержался лишь косвенный намек на этот срок, именно в словах о том, что год службы бурмистров кончается в сентябре, следовательно и начинаться должен в сентябре [1]. Многое в этой реформе устанавливалось не путем законодательных определений, а посредством личных сношений и переговоров; надо полагать, что таким образом был выяснен и установлен этот срок. По крайней мере уже в первом избирательном протоколе гостей 2 марта говорится, что гости выбрали бурмистров к 208 г., и с тех пор 1 сентября 208 г. (1699 г.) постоянно упоминается в актах как

[1] П. С. З., № 1674. Бурмистры представляют отчетность «после году сиденья своего в сентябре месяце».

срок, с которого новая система посадского управления должна была начать свою деятельность[1]. До 1 сентября должна была итти подготовительная организационная деятельность по осуществлению реформы. Кто эту деятельность ведет? Кто организует новые учреждения? Начал все дело и на первых порах в течение февраля месяца его вел Разрядный приказ—до начала марта, когда были избраны первые московские бурмистры. Как только они были избраны, они также вступают в это дело и ведут подготовку реформы. Бурмистры в провинциальных городах должны были быть избраны к 1 сентября 1699 г. и только с этого срока вступить в должность и открыть действия; московские начали свою подготовительную работу с самого момента их избрания, с первых чисел марта. Эти первые десять бурмистров не носили на первых порах какого-либо названия, которое обозначало бы их в их совокупности, как некоторое целое, как учреждение, они назывались просто «бурмистры», а в самое первое время, пока еще новый иноземный термин был непривычен, назывались «гостями»[2]. Это, конечно, прежде всего потому, что первыми были избраны и начали деятельность бурмистры из гостей; есть указание на то, что уже 2 марта, следовательно, с самого момента выборов и еще до избрания бурмистров от других корпораций, они подали в Разряд докладное письмо с несколькими вопросами, касающимися реформы[3]. Во-вторых, название «гостей» давалось первым бурмистрам даже и после выбора бурмистров от гостиной сотни, конечно, потому, что гости среди них играли главную роль, как привычные руководители посадского чина; недаром в своем ходатайстве 22 февраля сотенные люди гостиной сотни пишут, что они должны выбрать от себя бурмистров «к гостям в товарищи»[4]. В этом выражении у них невольно сказался взгляд на скромное значение их, бурмистров, наряду с гостями.

Но рядом с подготовительной деятельностью, которой занимались первые бурмистры, или, вернее сказать, над ней продолжает свою деятельность по организации новых учреждений также

---

[1] Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 84: «Велено быть из купецких людей выборным бурмистрам и сбирать денежные доходы и меж купецкими людми росправа чинить сентября с 1 числа 208-го году»; л. 99: «По твоему, великого государя, указу по выбору гостей марта 2 числа, каков подан в Розряде, велено нам быть в бурмистрах сентября с 1 числа 208 году у сбору и расходу твоей, великого государя, денежной казны и у росправных дел».

[2] П. С. З., № 1683: «В письме г о с т е й, каково подали в Разряд», «по письму г о с т е й».

[3] Докладное письмо со статьями, напечатанное в П. С. З., № 1683. Ср. Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 72—75. По листам его скрепа: «Г о с т ь Иван Панкратьев» — первый из избранных четырех бурмистров. На л. 75 помета: «Марта в 2 день отдал дьяк Артемей Возницын». Такая быстрота в составлении статей показывает, что они были выработаны и обсуждены ранее, в течение февраля. Резолюции на это письмо записаны под датой 16 марта.

[4] Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 92.

и Разрядный приказ, в котором положено было самое начало реформе, откуда вышел ее зародыш. С этим приказом избранные бурмистры находятся в самых тесных и частых сношениях. Хотя указом 30 января намечалась как будто более близкая связь бурмистров с приказом Большой казны, куда они должны сдавать оставшиеся за производством всех положенных на них расходов суммы и куда бурмистры каждого года должны были в сентябре представлять отчетность за свой год; однако по крайней мере на первых шагах реформы руководящее и организующее значение в ее ходе принадлежит Разряду. В нем продолжает сосредоточиваться все делопроизводство по реформе, устройство учреждений как центрального, так и местных; он сносится по вопросам этого устройства с другими приказами. Бурмистры всю весну и лето 1699 г. обращаются к нему с разного рода вопросами и просьбами, излагаемыми письменно, иногда в виде челобитных, как обращались в приказы частные лица, причем челобитные эти даже и писались на гербовой бумаге[1], но гораздо чаще в особой новой форме, именно в форме «докладных писем», докладных записок, которые подписывались одним из бурмистров, по большей части гостем[2]. Докладные письма эти, судя по делавшимся на них в Разряде отметкам, например: «Подали гости», «Подал гость Иван Панкратьев», «207 августа в 23 день подал гость бурмистр Иван Исаев»[3], приносились и подавались в Разряд лично самими бурмистрами, которые при этих личных свиданиях с администраторами Разряда выясняли, разрешали и улаживали различные возникавшие в их деятельности вопросы. Через Разряд и бурмистры делали представления царю[4] в тех случаях, когда считали вопрос подлежащим высочайшему разрешению; через него же вели сношения с другими приказами. Бурмистры не сразу сделались «учреждением», которое бы стало в ряд с другими приказами; это значение они приобрели впоследствии; поэтому в первое время они не могли сноситься с приказами непосредственно и прибегали в этих случаях к посредству Разряда, находясь как бы в его ведомстве[5].

В Разряд же бурмистры жалуются на неисполнение их требований другими приказами. В июне 1699 г. бурмистрам понадобились ведомости о беломестцах, владеющих дворами в черных сотнях и слободах на тяглой земле и об оброчных платежах, которые они обязаны были с своих дворов вносить в Земский приказ и которые шли из этого приказа в расход на городские

---

[1] Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 99.

[2] Там же и др.

[3] Там же, л.: 36, 133, 159, 166, 350 и др.

[4] П.С.З., № 1683, 1686.

[5] Например, Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 99 — челобитье о том, чтобы из Разряда велено было отписать во Владимирский судный приказ о присылке ведомостей; л. 192—193 — докладное письмо о посылке памятей из Разряда в приказы Малороссийский, Новгородский, княжества Смоленского, Устюжскую, Владимирскую и Галицкую четверти.

хозяйственные нужды: на выдачу плотникам, извозчикам, метельщикам и работникам. 7 июня бурмистры затребовали эти ведомости из Земского приказа. Земский приказ по 23 июня такой ведомости не прислал, а когда в этот день бурмистры повторили свое требование, то судьи Земского приказа даже отказались принять самый указ от бурмистров — в то время бурмистры получили уже право писать в другие приказы указами и памятями. Бурмистры 6 июня жаловались на такое сопротивление Земского приказа в Разряд, и из Разряда была отправлена туда память с предписанием исполнить их требование[1]. Не следует упускать из виду, что в то время правительственная практика не знала еще той формы обнародования новых законов, к которой мы привыкли теперь, когда каждый вновь изданный закон публикуется во всеобщее сведение в официальной газете, после чего его обязаны знать и исполнять все и каждый и в особенности, конечно, государственные учреждения. В те времена новый указ записывался в книгу, регистрировался в том приказе, по ведомству которого он был издан; другие приказы долго могли о нем и не знать и узнавали о нем только из тех памятей, с которыми по разным отдельным случаям, возникавшим при его исполнении, обращался к ним зарегистрировавший этот новый закон приказ. Указы 30 января были зарегистрированы в Разряде и, когда Разряду надо было обратиться в какой-либо приказ с требованиями, относящимися к исполнению этих указов, он в посылаемой туда памяти должен был целиком или в сокращении сообщать в приказ, куда писал, и текст этого указа. То же самое должны были проделывать и бурмистры. Вот почему так трудно было в московской правительственной машине наладить исполнение нового закона, об издании которого отдельные части долгое время могли не знать и с текстом которого знакомились по сообщениям от других частей по отдельным возникавшим случаям, а не по общему извещению свыше. При таком способе ознакомления с новыми законами тот или другой приказ мог встречать большие затруднения в исполнении их прежде всего уже потому, что даже ознакомившись с новыми нормами, не сразу мог согласовать с этими новыми нормами старые привычные нормы, которыми он руководился.

Указ 30 января предписывал, как цитировали его бурмистры, «всех купецких людей во всяких делех и службах нигде не ведать, а ведать бурмистрам». А между тем 1 августа, следовательно, через полгода после издания указа бурмистры к своему удивлению получают из приказа Большого дворца распоряжение «против прошлых лет», т. е. как это было в прежние годы, выбрать к новому, 208, году из дворцовых слобод 22 человека лучших людей «на дворцы в службы в купчины и в целовальники», т. е. закупщики или в поставщики разных хозяйственных запасов на те «дворцы», которые ведали разные отрасли цар-

[1] Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 188—191.

ского хозяйства: Кормовой, Хлебенный, Житный, Сытенный. Деятельность таких закупщиков была службой, составлявшей часть тягла, лежавшего на дворцовых слободах московского посада. На следующий день, 2 августа, новое предписание из Большого дворца также «против прошлых лет» в 208 г. на те же хозяйственные дворцы «столовые запасы ставить и изделья делать и дрова и сено возить и ледники льдом набивать дворцовых слобод старостам и всем тяглецам по наряду бурмистров». 4 августа «для возки сена с подмосковных лугов на конюшни прислать во Дворец дворцовых слобод старост». Большой дворец в августе 1699 г. продолжал «против прошлых лет» издавать распоряжения, касавшиеся повинностей дворцовых слобожан, или совершенно игнорируя суть указа 30 января, или истолковав его в таком смысле, что новая должность бурмистров введена лишь для того, чтобы более настойчиво производить «наряд» старост и слобожан на дворцовые работы. Бурмистры принуждены были жаловаться на эти распоряжения в Разряд; в результате жалоб была отправлена из Разряда в Большой дворец память о соблюдении нового указа[1].

Итак, на первых шагах своей деятельности московские бурмистры были подведомственны Разряду. Разряд руководит этими их первыми шагами; к нему они обращаются с различного рода вопросами, возникающими при проведении реформы. Разряд докладывает по их делам государю, сносится с другими приказами и побуждает эти приказы к содействию бурмистрам в осуществлении реформы. Но кто из личного состава тогдашнего Разряда принимает действительное участие в этой деятельности по устройству новых городских учреждений? Сохранились документы, проливающие некоторый свет на этот вопрос. Это — переписка или, точнее, обрывки переписки главы Разряда боярина Т. Н. Стрешнева с окольничим С. И. Языковым и с одним из дьяков Разряда, вероятно, с Артемием Возницыным, тем самым, которым скреплялись все бумаги Разряда по городской реформе. Переписка относится к тому времени, когда Т. Н. Стрешнев находился на юге, в Азове, состоя там при царе, касается различных подробностей в ходе реформы и свидетельствует о том интересе, который проявлял к этим подробностям Т. Н. Стрешнев.

Приведем эту переписку, насколько она уцелела. Вот черновик письма дьяка к Т. Н. Стрешневу в мае 1699 г.: «Государь милостивый Тихон Никитич, многолетно и благополучно о господе здравствуй! Известно тебе, государю, буди: окольничей Семен Иванович в Суздаль поехал мая 9-го числа. На досталных бурмистров выборов в Розряде еще не подавано. С статей бурмистров, каковы присланы в Розряд с Воронежа мая 3 числа,

---

[1] Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 350—353. Все это тем более достопримечательно, что во главе Большого дворца стоял тогда тот же боярин Т. Н. Стрешнев, который управлял и Разрядом.

им, бурмистром, список за моею приписью дан»[1]. Далее дьяк сообщает, что он распорядился в канцелярии Разряда писать указы в соответствующие приказы о посылке из этих приказов грамот в подведомственные каждому города о выборе бурмистров и о всем, что касается исполнения по статьям 3 мая. Ведомости окладным сборам с городов, подведомственных Разряду, к бурмистрам из Разряда еще не отпущены. Список этих городов с цифрами окладных сборов с них, согласно распоряжению Тихона Никитича, к нему при сем посылается, а посылка грамот в те города о платеже этих сборов бурмистрам пока приостановлена[2]. Тот же дьяк в следующем письме к Тихону Никитичу пишет: «Государь Тихон Никитичь, многолетно о господе здравствуй! Известно тебе, государю, буди: околничей Семен Ивановичь из Суздаля к Москве не бывал, а присланное от него писмо послано к милости твоей преж сей почты. Бурмистром полат, которые в Кремле у церкви Иоанна Предтечи и заняты ружьем и полковыми припасы ис Стрелецкого приказу, не очищают» и, далее, дьяк сообщает подробности по делу об отводе помещения бурмистрам, к чему нам предстоит обратиться ниже[3]. 14 июня Т. Н. Стрешнев писал из Азова к окольничему С. И. Языкову, к тому времени уже вернувшемуся из Суздаля. Вот текст этого письма, как он приведен в копии, сделанной с него в Разряде[4]. «Прислать выписку о кормовщиках, сколько их человек и по сколку им в год государева жалованья даетца. Бурмистрам вели сказать, чтоб они ис приказов дела принимали неоплошно. А об отдаче им палат в Стрелецкой приказ писано (т. е. из Азова) и память о том из Розряду послать». Далее идут распоряжения о печати с изображением весов, которой бурмистры с 1 сентября должны печатать свои исходящие бумаги, и о порядке подписи ими дел, решенных ими коллегиально: маловажные дела,

[1] Речь идет о докладном письме со статьями, поданном бурмистрами царю через Разряд, на которое по статьям, в нем заключающимся, даны Петром резолюции в Воронеже и которое с этими резолюциями из Воронежа прислано было 3 мая в Москву. Письмо это напечатано в П. С. З., № 1686 с неправильной датой 30 мая. См. Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 345: «А в статьях каковы присланы с Воронежа в Розряд маия в 3-м числе, написано» и т. д. Дитятин почему-то считал это письмо «запросами жителей Воронежа» («Устройство и управление городов России», т. I, стр. 150). Так как все исходящие бумаги по делу о введении новых городских учреждений подписывались дьяком Разряда Артемием Возницыным, то надо думать, что и список со статей 3 мая был отправлен за его же приписью, и отсюда следует, что он и есть автор приводимого письма к Т. Н. Стрешневу.

[2] Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 125 об., 126, 127—129. «А по писму, государь, твоему послана тех городов доходам к милости твоей выписка на сей почте и за тем и грамот великого государя в те городы из Разряду не послано ж, чтоб в тех городех збирая те доходы присылать к Москве к бурмистрам. А таких великого государя грамот в городы бурмистры против вышепомянутых состоятельных статей просят».

[3] Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 137.

[4] Там же, л. 174б—175: «Июня в 27 день в письме боярина Тихона Никитича Стрешнева к околничему к Семену Ивановичу Языкову чрез почту написано». Дата обозначает день получения письма.

до 100 рублей, подписывать одному бурмистру, а крупные дела, свыше 100 рублей, подписывать всей коллегии. «Для посылки в приказы и в городы о всяких делех памятей печатать, на которой знак весы, из приказу Большие казны дать им велено сентября с 1-го числа 208-го году и о том из Розряду в Большую казну послать память. Которые дела с общего их совету вершены будут и те дела помечать из них одному, кому случиться, во 100 руб., и менши; а которые дела болши 100 руб., и те дела помечать им, бурмистрам, всем». Письмо заканчивается предписанием: «Бурмистров, хто выбраны и которых слобод, и тому пришли именную роспись и скажи им, чтоб они дела свои делали, не ленясь. Из Азова июня 14 дня»[1].

Распоряжения о печати и о порядке подписывания дел были повелениями самого Петра, данными устно Стрешневу по его докладу или по собственной инициативе Петра и объявленными Стрешневым в его письме Языкову. Они показывают неослабевающий интерес самого Петра к ходу реформы, он, очевидно, время от времени осведомляется о ее ходе, следит за ней, и его воля в коротких предписаниях то и дело врезывается в процесс реформы и направляет, а иногда, может быть, и путает его. Письмо Стрешнева от 14 июня было получено в Москве 27 июня. На другой же день оно объявлено было бурмистрам: «И по сему писму, — гласит отметка, сделанная на его копии, — гостям, которые выбраны в бурмистры, о всем вышеписанном великого государя указ в Розряде сказан в 28 день». Кроме этого устного объявления, в тот же день была из Разряда к ним послана письменная память, а также память в приказ Большой казны об изготовлении печати[2]. Во исполнение последнего распоряжения, заключавшегося в письме о высылке в Азов списка выбранных бурмистров, 29 июня был такой список подан в Разряд и отправлен в Азов с почтой 6 июля; в тот же день, 6 июля, был подан дополнительный список бурмистров, выбранных в промежуток времени между 29 июня и 6 июля. Этот дополнительный список был отправлен со следующей еженедельной почтой 13 июля[3]. 10 июля получено было в Разряде новое письмо из Азова, полный текст которого не сохранился, но в котором заключалось распоряжение не отсылать из городов, подведомственных Разряду, окладных доходов к бурмистрам, а собирать их попрежнему в Разряде[4]. Словом, Азов — в непрерывных сношениях с Разрядом по делу об организации новых городских учреждений.

---

[1] П.С.З., № 1696, где этот указ неправильно отнесен к 1 сентября, очевидно, потому, что с 1 сентября должно было начаться его действие. Это — именной указ, объявленный Т. Н. Стрешневым в письме от 14 июня.

[2] Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 174б—178.

[3] Там же, л. 209—211.

[4] Там же, л. 269—270: «Лета 7207-го июля в 11 день по указу великого государя память московским бурмистрам, которые выбраны к 208-му году: июля в 10 день нынешнего 207-го году по указу великого государя и по писму из азовского походу городовых денежных

XL. УСТРОЙСТВО БУРМИСТЕРСКОЙ ПАЛАТЫ В МОСКВЕ

Нам надлежит теперь посмотреть, какие организационные вопросы занимали и московских бурмистров и Разряд в тот подготовительный период реформы, который начался с момента издания учредительного указа 30 января и продолжался по 1 сентября 1699 г. — срок, с которого новая коллегия бурмистров должна была приступить к управлению. Одним из самых первых проявлений этой организационной деятельности было докладное письмо, представленное в Разряд бурмистрами из гостей 2 марта, доложенное Разрядом царю и получившее от него ответ в виде резолюций, формулированных 16 марта [1]. Содержание его, вероятно, обсуждаемо было в высших посадских московских кругах еще до первых выборов бурмистров. В нем бурмистры обращаются к царю с рядом просьб и вопросов. Прежде всего просят снабдить их текстом учредительного указа 30 января, которого они в руках не имели, далее, узаконить состав бурмистров в числе 12 с тем, чтобы из них четверо избирались из гостей, четверо из гостиной сотни и четверо остальных от прочих дворцовых и черных слобод и сотен, и к этой просьбе присоединили другую: о пополнении гостиного чина. Мы видели выше, что эти ходатайства потерпели неудачу, но что самое число 12, вероятно, именно из этого ходатайства было заимствовано указом 17 апреля о новых выборах. Бурмистры спрашивают, далее, в докладном письме о сроке, с которого должно начаться их управление, так как указом 30 января этот срок назначен не был, о месте, где им заседать, об устройстве канцелярии при них и сформировании низшего служительского персонала, о порядке сношений с другими ведомствами и с провинциальными городами: «каким поведением» писать им в приказы и в города, о подсудности торговых иноземцев, которые ведались прежде Посольским приказом, наконец, о присылке к ним необходимых для них финансовых материалов из приказов [2]. Вскоре после этого

доходов, которые доходы в городех сбирают и присылаютца к Москве в Разряд, до указу к вам отсылать не велено для того, что те денги по вся годы бывают в росходе на полковые и на всякие избные расходы в Разряде».

[1] П. С. З., № 1683. О том, что это письмо подано было в Разряд 2 марта, см. выше стр. 276—277. Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 47.

[2] Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 72—75. Вслед за статьею 12 читаем здесь еще следующие статьи, которые почему-то не попали в П. С. З., № 1683:

«Из городов окладные доходы на которые сроки высылать, чтоб о том иметь его, великого государя, повеление, а буде на сроки денежных сборов не станут сполна высылать, за то что́ чинить?

Просят милости великого государя, сколько довлеет в которой приказ денег отпустить, чтоб о том было его, великого государя, повеление.

И будет из розных приказов станут спрашивать вдруг многих денег, а в то время такова денежнова числа в сборе не будет, чтобы было милостивое призрение.

В начатии оного положенного дела також и впредь о прилучившихся самых нуждах доношение бурмистрам где иметь?»

Эти четыре статьи вошли как статьи 7, 8, 9 и 10 в письмо 3 мая, где на них были даны резолюции (П. С. З., № 1686).

случая обращения через Разряд к царю с вопросными пунктами и ходатайствами последовал другой такой же случай — другое, упоминавшееся уже выше, докладное письмо бурмистров, посылавшееся в Воронеж и пришедшее оттуда 3 мая с царскими резолюциями по пунктам [1]. В начале этих резолюций 3 мая помещены, вероятно, для полноты, резолюции по пунктам, уже заключавшимся в предыдущем мартовском письме; сверх них в письме 3 мая разрешены были еще вопросы: о праве доклада бурмистров царю, о сроках присылки сборов из городов и о взысканиях за неприсылки, о платежах сумм от бурмистров по требованиям приказов, о передаче некоторых дел из Большой казны бурмистрам и др.

По резолюциям на все эти просьбы и на вопросные пункты, а также и по последовавшим указам попытаемся теперь представить себе, как складывались новые учреждения в подготовительный период, какие очертания они стали приобретать и в какие формы отливаться. Дело налаживалось не сразу; на пути возникал ряд затруднений, тормозивших ход реформы. Взглянем прежде всего на организацию самого учреждения, самой коллегии бурмистров. Первой просьбой бурмистров, как мы видели, была просьба о выдаче им копии с учредительного указа 30 января, «чтоб то положенное дело тем великого государя указом начать и весть, как в нем повелено». Действительно, им необходим был текст указа, который должен был быть положен в основу учреждения, который вызывал учреждение к бытию, в общих чертах определял его деятельность и без которого оно открыть действий не могло. Царская резолюция на этот пункт предписывала «дать им (бурмистрам) список за дьячею приписью», что́ и было исполнено: список этот был из Разряда «послан к гостям за приписью дьяка Артемия Возницына» [2].

По указу 30 января предписывалось также выдать бурмистрам из Разряда для отправления ими судебных дел экземпляр Уложения и копии с Новоуказных статей «в тетрадях за дьячьею приписью». Бурмистры неоднократно просили об исполнении этого пункта. «И по тому великого государя указу, — пишут они в Разряд 19 августа, — Уложенной книги и с указов списков августа по 19-ое число не прислано, а быть им у тех дел велено сентября с 1 числа 208-го году, и то время приходит вскоре. А управления о делех им иметь будет непочему и наперед сего о том в письмах, каковы поданы в Разряде, писано ж». Эта просьба была исполнена в Разряде только в сентябре и октябре 1699 г. «208-го сентября в [3] день, — читаем в расписке бурмистра,—по указу великого государя отдано из Разряду

[1] П. С. З., № 1686.
[2] Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 60—65.
[3] В подлиннике оставлено пустое место для даты.

к расправным мирским делам к выбранным к нынешнему 208-му году бурмистрам уложенная печатная книга 157-го году да новоуказные статьи 205-го (1696/97 г.) в тетратех в десть за приписью дьяка Артемья Возницына. По сей росписке из Розряду уложенную печатную книгу и с новоуказных статей список за закрепою дьяка Артемья Возницына по осмотру и по счету в них листов: в уложенной книге триста тридцать пять листов, в том числе клееных девяноста три, драных пять листов; с новоуказных статей в списке восемь листов... в полату к презыденту и к бурмистром сентября в 5 день уложенную книгу и новоуказные статьи Афанасей Гурьев[1] принял и росписался». 16 октября из Разряда были выданы тому же Афанасью Гурьеву списки с новоуказных статей за 204 г. (1695/96 г.) и с указа 30 января 1699 г.

Мы уже видели выше, что, будучи в Азове, Петр придумал для московских бурмистров особую печать с изображением весов — эмблемы торговли — и через Т. Н. Стрешнева предписал начать употребление этой печати с 1 сентября. Надо заметить, во-первых, что самое присвоение бурмистрам особой печати свидетельствует о взгляде на бурмистров, как на оформленное учреждение. По указу 5 декабря 1699 г. было предписано специальные печати, которыми печатались грамоты и разного рода акты в приказах Большого дворца, Сибирском, Казанского дворца и Земском, из этих приказов отобрать, и припечатывание грамот и разных актов сосредоточить в одном приказе — Печатном. Но для Ратуши было сделано исключение, и данная ей печать с изображением весов была за ней сохранена[2]. Одновременно с печатью был для бурмистров определен и порядок подписания ими их постановлений. Порядок этот устанавливался соответственно различию дел по степени их важности, определяемой размерами тех денежных сумм, о которых шло дело. Принятые «с общего совету» постановления по делам, где интерес превышал 100 рублей, должны были подписываться всеми бурмистрами сообща; постановления по мелким делам, не превышавшим 100 рублей, могли быть подписаны одним бурмистром. Этот определенный порядок делопроизводства в том, что касалось решения «с общего совета» и подписей, также служит доказательством взгляда на бурмистров, как на оформленное учреждение, которое в строгом смысле нельзя еще назвать коллегией только потому, что, хотя оно и было коллективным, состоящим из нескольких лиц органом, однако оно еще не знало принципа решения дел по большинству голосов: под коллегией мы понимаем коллективный орган, решающий дела по большинству голосов[3].

---

[1] Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 359—360. Афанасий Гурьев — бурмистр от гостиной сотни.

[2] Дворцовые разряды, т. IV, стр. 1113—1114.

[3] Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 174—175; П. С. З., № 1696.

Этому учреждению отводится весьма высокий ранг; оно получает право писать в другие места «великого государя указами». Такое право его возникло, как мы видели, не сразу. На первых порах бурмистры обращались в Разрядный приказ с «докладными письмами», а с другими приказами и с местными органами сносились не непосредственно, а через Разрядный приказ. В докладном письме 3 мая бурмистры сочли нужным поставить вопрос о сношениях с другими учреждениями, спрашивали государя: «в приказы и в городы каким повелением писать», и получили в ответ резолюцию: «в приказы и в городы писать указы великого государя»[1]. Таким образом, бурмистрам дано было такое же право, каким пользовались в сношениях друг с другом и с местными органами приказы. Право это упрочено было не сразу. Выше мы приводили случай, когда Земский приказ отказался принять указ от бурмистров, и последние принуждены были прибегнуть к защите Разряда. Но с течением времени оно устанавливается. Уже и в период подготовительной деятельности бурмистры пользуются им и пишут указами, хотя нередко продолжают подавать в Разряд попрежнему докладные письма; но с 1 сентября, когда бурмистры начинают деятельность по управлению, становятся правящим органом, они пишут и в города, и в приказы, и даже в самый Разрядный приказ «указами», заканчивая эти указы по общепринятой тогда форме: «И по указу великого государя (полный титул) боярину Тихону Никитичу Стрешневу с товарищи учинить о том по указу великого государя. Бурмистр (подпись)»[2].

По тем же резолюциям 3 мая бурмистры получили право непосредственного доклада государю по делам своего ведомства с обозначением дней доклада. Первоначально они докладывали через Разряд, и случаями такого доклада были и самые письма 16 марта и 3 мая. В последнем из этих писем на вопрос: «В начатии оного положенного дела, также и впредь о прилучившихся самых нуждах доношение бурмистрам где иметь?», они получили ответ: «Докладывать бурмистрам самим в воскресные дни и в праздники». Итак, снабженные правом писать великого государя указами и правом непосредственного доклада царю бурмистры стали в ряд с приказами, хотя в значительной мере от них и отличались как орган, ведающий так же, как и приказы, государственное дело, но составленный не по коронному назначению, а по общественному выбору.

Наконец, и довольно поздно, позже других своих прав, это новое учреждение получает свое название. Законом такого названия ему дано не было; оно вырабатывалось постепенно практикой. Первоначально бурмистры назывались «гостями»; затем употреблялось название «бурмистры», только с осени 1699 г., очевидно, с того времени, когда подготовительная деятельность

---

[1] П.С.З., № 1686, п. 4.
[2] Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 384—390.

Рис. 20. Земский приказ на Красной площади в Москве (здание налево с башней).
Акварель Алексеева 1800—1801 гг. Из собрания Государственного Исторического музея в Москве

уступила место действительному управлению, появляется название «Бурмистерская палата» [1]. Прецедентами для такого созданного практикой названия могли быть термины Сотенная палата или Корабельная палата. Сотенной палатой называлось иногда собрание сотских московских черных сотен и старост московских черных слобод, сходившееся в здании Земского приказа. Как известно, в Москве не было в отличие от провинциальных городов общепосадского схода; его заменяло собрание сотских и старост, сходившееся в Земском приказе и ведавшее те же дела, которые в провинциальных городах подлежали ведению посадского схода. При Сотенной палате в Земском приказе имелась особая канцелярия, которая вела ее письмоводство [2]. Корабельной палатой, как припомним [3], стала называться комиссия гостей, ведавшая строение кораблей, положенных на посадских людей всего государства. 17 ноября последовал указ, которым предписывалось «Бурмистерскую палату именовать Ратушею», как она и называлась до самого конца своего существования [4].

Слово «палата», каким стал называться новый орган посадского управления, указывает на помещение этого учреждения в каменном здании, так как «палатами» в то время назывались лишь каменные здания, деревянные же строения носили название «изб». Вопрос об отводе в Москве бурмистрам помещения имеет свою весьма продолжительную историю, свидетельствующую о том, как трудно было наладить новое учреждение по чисто техническим условиям. Уже на другой день после первых выборов, 3 марта, из Разряда писали в Земский приказ боярину князю М. Н. Львову, что великий государь указал ведать посадских людей их выборным бурмистрам, «а где тем бурмистрам сидеть, и для того очистить им в Земском приказе палату» [5]. Каменное здание Земского приказа находилось в то время у Воскресенских ворот, на месте нынешнего Исторического музея. Искать помещения для бурмистров прежде всего в Земском приказе было естественно, так как этот приказ имел всегда отношение к московским сотням и слободам по тем полицейским повинностям, которыми эти корпорации были обязаны и за исполнением которых приказ наблюдал. В здании этого именно приказа помещалась Сотенная палата — собрание сотских и старост. Через некоторое время последовало распоряжение к палате в Земском приказе для помещения бурмистров отвести еще, вероятно, находившуюся по соседству, палату «из Костромской чети». Однако эти палаты не удовлетворили бурмистров, показа-

---

[1] Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 384—388.

[2] Акты исторические, т. III, стр. 2 — коллективные челобитья сотских и старост; З е р ц а л о в, О московских мятежах.

[3] Стр. 278.

[4] П. С. З., № 1718.

[5] Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 35.

Рис. 21. Часть московского Кремля с Конюшенным двором, Боровицкими воротами и церковью рождества Иоанна Предтечи.

Акварель Алексеева, 1800—1801 гг. Из собрания Государственного Исторического музея в Москве

лись им слишком тесны, и в своем втором докладном письме, поданном через Разряд государю в Воронеж, они писали, что ввиду сосредоточения в их ведомстве дел по сборам, которые ведались раньше во многих приказах, и ввиду того что у них же ведомы будут сборами и судом все московские сотни и слободы, к ним будет стекаться много народа и «ради многолюдного приходу в одном Земском приказе и с палатою Костромской чети за утеснением тех палат убраться будет невозможно». Нет также особых палат и погребов для хранения денежной и иной, «какая прилучится», казны.

В ответ на эту жалобу последовала резолюция государя: «Бурмистрам сидеть в палатах в Кремле, которые от церкви Иоанна Предтечи, что у конюшен, и от той церкви крыльцо. А палат отвесть, сколько надобно. А погребы, где деньги ставить, уделить от Большой казны, сколько мочно им изместитца. А буде те погребы малы и им погребы дать Старого Денежного двора, сколько надобно ж» [1]. Резолюция показывает, как хорошо Петр знал кремлевские здания и в какие мелочные подробности при организации нового учреждения он готов был войти. Находясь в Воронеже, он отлично помнит о палатах у церкви Иоанна Предтечи с крыльцом, о погребах в Большой казне и на Старом Денежном дворе [2].

Однако издать указ, даже и ясно помня и представляя себе кремлевские строения, было легче, чем его исполнить. Согласно воронежской резолюции, пришедшей в Разряд 3 мая, была послана из Разряда 10 мая память в приказ Большого дворца об отводе бурмистрам указанных палат. Большой дворец ответил, что эти палаты у церкви Иоанна Предтечи Большому дворцу неподведомственны, а находятся в ведении Стрелецкого приказа и заняты оружием и всякими полковыми припасами из Стрелецкого же приказа; в ведении Большого дворца есть две палаты возле тех палат, которые имели в виду резолюции, ближе к саду, находившемуся тогда на набережной, но они заняты разными дворцовыми хоромными запасами и, кроме того, в них производятся разные плотничные работы. По получении этого ответа Разряд 13 мая отправил память об отводе палат в Стрелецкий приказ.

Между тем бурмистры в докладном письме, поданном в Разряд 17 мая, жалуются, что «те палаты мая по 17 число не очищены и им не отведены, им сидеть за своими делами негде

---

[1] П. С. З., № 1688, п. 14 (3 мая). Эти статьи были сообщены бурмистрам 8 мая (Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 133).

[2] Церковь рождества Иоанна Предтечи находилась в Кремле на пути от Боровицких ворот к Большому кремлевскому дворцу, ближе к теперешней Оружейной палате, на месте которой был в XVII в. Конюшенный двор. Старый Денежный двор помещался между церковью Иоанна Предтечи и теперешним Большим кремлевским дворцом (Бартенев, Кремль, т. I, план).

и потому чинится тем делам великое молчание». 19 мая из Стрелецкого приказа пришел в Разряд ответ, что эти палаты, числом семь, в прошлых годах из приказа Большого дворца отданы были в Стрелецкий приказ для поклажи ружья «всякого полкового строя» и заняты теперь складом ружей, копий, знамен и всяких военных припасов, снесенных сюда из съезжих изб двадцати московских стрелецких полков и из казенных амбаров в прошлом, 206 (1697/98), и в нынешнем, 207 (1698/99), годах; очистить этих палат нельзя потому, что тех военных припасов положить некуда. Тем не менее, Разряд вновь отправил в Стрелецкий приказ память с подтверждением прежнего распоряжения. В докладных письмах от 7 и от 22 июня бурмистры продолжали жаловаться, что назначенных им палат еще не отведено. Наконец, 27 июня палаты были очищены, но не все, а только пять из них, верхних. Сообщая об этом в Разряд в докладном письме 7 июля, бурмистры указывали, что назначенные для них погреба в помещениях Большой казны и Старого Денежного двора за дальностью их расположения неудобны, гораздо удобнее были бы погреба и нижние палаты, находящиеся под пятью отведенными им палатами у церкви Иоанна Предтечи, но они заняты дворцовыми припасами. Бурмистры просили очистить эти палаты и отвести им; тогда они будут вполне удовлетворены и «управление (им) иметь будет мочно». Разряд отправил память в Большой дворец по этой просьбе 28 июля. 16 августа в новом докладном письме бурмистры писали, что просимые ими нижние палаты и погреба им еще не отведены, а, между тем, те хозяйственные операции, которые в них производятся, служат помехой для занятий и в верхних, отведенных уже бурмистрам пяти палатах: «Из тех же нижних палат в одной варят дворцовый уксус, и от того варенья в верхние житья, где сидеть у дел бурмистром, идет дым, знатно от ветхости сводов». В верхних пяти палатах идут необходимые плотничные работы; нижняя палата, где варят уксус, необходима для поклажи казны, обойтись без нее невозможно, в ней надлежит еще произвести ремонт, а между тем близок срок — 1 сентября, когда бурмистерское управление должно открыть свои действия и начать сбор казны [1]. Память из Разряда в Большой дворец с соответствующим предписанием, «чтоб за тем у бурмистров врученному им делу остановки и никакой помешки не было», была отправлена 18 августа. Еще 31 августа дело не двинулось с места, и Разряд посылает в этот день новую память

[1] Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 35, 123, 121—122, 133—135, 150 в., 158, 323, 330: «А ныне в тех верхних палатах строят полы и иное многое деревянное строение, а та нижняя палата для поклажи казны нужно (т. е. настоятельно) ныне надобна и быть без нее невозможно. А сбор великого государя казны велено бурмистром ведать сентября с 1 числа 208-го году и то время приходит вскоре, а к тому срочному числу та палата, в который уксусное варенье, доведетца, осмотря, починить, а без починки никоими делы пробыть немочно и сидеть в верхних полатах опасно».

в Большой дворец об очистке и отводе бурмистрам нижних палат под пятью верхними палатами у церкви Иоанна Предтечи [1].

В число подготовительных работ по организации бурмистерского управления входило также формирование канцелярии этого управления, набор необходимого канцелярского персонала. Персонал этот предполагалось набрать из разных приказов, в ведомстве которых были города, и по этому делу бурмистры неоднократно обращались в Разряд с докладными письмами. Дело двигалось, хотя и более гладко сравнительно с делом о приискании помещения, однако, тоже довольно медленно. Уже 6 марта бурмистры подали в Разряд роспись 12 старым подьячим, которых они желали бы иметь у себя для дел и которых надлежало для этого взять из трех приказов: Большой казны, Новгородского и Устюжского. Так как наибольшее количество дел в Бурмистерскую палату переходило из приказа Большой казны, то естественно, что этот приказ должен был уступить бурмистрам и наибольшее число подьячих — 9 из 12; двоих бурмистры требовали из Новгородского приказа и одного из Устюжской четверти. Разряд того же 6 марта распорядился послать в эти приказы соответствующие исполнительные памяти [2]. Однако с просьбой о подьячих бурмистры обратились к царю в докладном письме, поданном в марте, где они писали: «Чтоб для книжного и всяких дел денежного приходу и расходу быть старым добрым подьячим двенадцати человеком, которым окладное дело за обычай». На эту просьбу последовала резолюция: «У них же, бурмистров, у дел быть старым и молодым подьячим по росписи их, бурмистров, кого они из приказов выберут». К просьбе о снабжении бурмистерского управления подьячими бурмистры в том же докладном письме прибавляли просьбу об отпуске этим подьячим государева жалованья на удовлетворение их домашних нужд, чтоб от них можно было ожидать «истинной и к корыстям неприхотной работы». В резолюции на эту статью было предписано: на первый год отпустить им деньги на жалованье из казны, «а впредь им давать и положить с дел, а по чему, о том сделать выписку в доклад», т. е. впоследствии вознаграждать бурмистерских подьячих из доходов бурмистерского управления, а относительно размеров этого вознаграждения войти с особым докладом [3]. Просьба бурмистров исполнялась, но с большой постепенностью. Тогда же, в марте, им были присланы из Большой казны только двое подьячих из того списка, который бурмистрами был представлен: Алексей Чоглоков и Иов Вяземский. 20 июня в докладном письме, в этот день поданном, бурмистры писали, что теперь к ним изо

---

[1] Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 331, 324—325. Эта медлительность со стороны Большого дворца тем замечательна, что Большим дворцом в то время управлял тот же самый боярин Т. Н. Стрешнев, который стоял и во главе Разряда.

[2] Там же, л. 36—41.

[3] П. С. З., № 1683, пп. 5, 6. № 1686, п. 2.

многих приказов присылаются окладные книги всяких доходов, что по тем книгам следует делать выписки, посылать много бумаг в приказы и города и вести дела московских слобод и что поэтому им необходимы все 12 указанных в их росписи старых подьячих и к ним пристойное количество молодых. В Разряде опять были сделаны распоряжения о рассылке соответствующих исполнительных памятей[1] 6 июля подьячие еще не были присланы, а между тем к бурмистрам доставлены были из Большой казны все документы «лавочного стола», стола, заведывавшего оброчными сборами с лавок всех московских торговых рядов. Бурмистры поэтому просили о присылке из Большой казны подьячих, заведывавших там лавочным столом: Автонома Телицына и Прокофья Булыгина. Когда в августе поступили к бурмистрам в обильном количестве документы о сборах из приказов княжества Смоленского, Новгородского, Устюжской, Владимирской и Галицкой четвертей, они обратились в Разряд с новой просьбой о переводе к ним из этих приказов 18 молодых подьячих[2]. Бурмистерское управление должно было быть снабжено также и низшим исполнительным персоналом. В мартовском докладном письме, представленном царю, бурмистры спрашивали: «Кого доведется на Москве сыскать, также и в городы указы великого государя послать, кого посылать? и скольким человекам быть?» На этот вопрос дано было решение: «Для рассылок набрать им, бурмистрам, в солдаты 100 человек»[3]. Как осуществлено было это распоряжение в действительности, из документов не видно.

XLI. ОРГАНИЗАЦИЯ ФИНАНСОВОГО УПРАВЛЕНИЯ. ТАМОЖЕННОЕ И ПИТЕЙНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Одновременно с внешней организацией центрального бурмистерского управления, которое должно было открыть действия с 1 сентября, с определением его прав, его отношений к другим правительственным органам, с формированием его канцелярского персонала и устройством для него помещения шла внутренняя, так сказать, подготовка к самой деятельности будущего органа по существу тех предметов, которые должны были войти в круг компетенции бурмистров. Таких предметов было два: сбор доходов и отправление правосудия. Так как преобладающее значение в деятельности бурмистров должен был иметь первый предмет — сбор доходов, то на эту сторону дела и была, главным образом, направлена организационная работа. Необходимо было для взимания сборов предварительно снабдить бурмистров соот-

---

[1] Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 165—174.
[2] Там же, л. 203—208, 346—349.
[3] П. С. З., № 1683, 1684, п. 4.

ветствующим финансовым материалом в виде книг, ведомостей и выписок, которые должны были лечь в основание сборов как по Москве, так и по уездным городам. Весь такой материал должны были доставить бурмистрам учреждения, ведавшие до реформы городскими сборами, и о такой доставке говорилось уже в учредительном указе 30 января, где читаем: «А для сбору окладных доходов и других сборов взять им (бурмистрам) ведомости из всех приказов... и окладные книги». Соответствующие приказы должны были сообщить бурмистрам: «что с гостей и сотен, и слобод каких окладных доходов и сборов порознь»[1]. Исполнительные памяти о такой присылке отправлялись из Разряда по приказам 16 февраля и 14 марта[2]. Это собирание, «снос» финансовых материалов из приказов тянулся довольно медленно; о медленном ходе его бурмистры сообщали в Разряд в докладных письмах. В письме от 7 июня они уведомляли, что по это число к ним присланы были из приказов следующие ведомости: из Посольского приказа о Новомещанской слободе, а с каких именно оброчных статей шли поступления, не указывалось. Были случаи, когда различные оброчные доходы отдавались на откуп, сроки откупов прошли, но приняты ли оброчные статьи от откупщиков обратно и в каком состоянии приняты, оставалось по доставленным ведомостям неизвестно. В некоторых случаях не были указаны сроки откупов, в других — имена откупщиков. В документах, доставленных приказом княжества Смоленского, Смоленский край не был расписан по уездам (Смоленский, Дорогобужский, Бельский, Рославльский), сведения давались по всему краю в целом. Ни из одного приказа не было прислано прежних указов о стрелецких деньгах и об оброчных сборах. Все такие недочеты должны были в значительной мере затруднять деятельность бурмистров. «А без тех подлинных ведомостей о тех сборех, — писали бурмистры, — управления чинить будет городовым бурмистром не по чему и от того будет в сборех тех доходов остановка»[3].

Организация посадского самоуправления осложнилась еще передачей в его ведомство таможенного и питейного управления. Законодательство об этом управлении в 1699 г. особенно ярко характеризует всю казуистичность бурмистерской реформы, проводившейся отрывочными законодательными толчками. При издании указов 30 января вопрос о таможенном и питейном управлении еще не попал в поле зрения законодателя. Он коснулся его лишь слегка в первом указе о московских бурмистрах, возлагая на них обязанность наблюдать за исправным поступлением таможенных и питейных сборов: «И таможенные, и кабацкие, и иные сборы сбирать с пополнением, и того им,

---

[1] П. С. З., № 1674.
[2] Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 42—43.
[3] Там же, л. 150б—151, 158—159, 192—193.

бурмистром, смотреть и беречь накрепко».[1] Во втором указе 30 января этот вопрос обойден полным молчанием. Очевидно, предполагалось, что система таможенного и питейного управления в виде таможенных и кабацких голов и целовальников остается прежняя; установлен только надзор за ней со стороны Бурмистерской палаты.

Однако жизнь стала выдвигать в этой области один за другим вопросы, не предусмотренные раньше. Указ 30 января о том, что касалось распоряжения о присылке к московским бурмистрам финансовых материалов из различных приказов, как и исполнительные памяти, посланные из Разряда в приказы по этому предмету, говорили только о присылке материалов по прямым (окладным) сборам и не упоминали о другой более крупной отрасли доходов, сбор которых лежал на обязанности посадского населения, — таможенных и кабацких деньгах. В мартовском докладном письме, поданном царю, бурмистры просили, чтобы сверх книг окладным сборам повелено было отписать в приказы о таможенных и кабацких сборах. Бурмистрам желательно было получить следующие материалы: прежние указы по таможенному и питейному управлению, списки с прежних наказов таможенным и кабацким головам, а также отчетность таможенных и кабацких голов за один какой-либо год, которую бурмистры могли бы иметь для производства этих сборов за образец и по которой они могли бы ориентироваться в своих действиях. Просьбу эту царской резолюцией велено было исполнить[2]. 17 марта, на другой день по получении этой резолюции, Разряд писал в Большую казну о доставлении бурмистрам материалов по таможенному и питейному управлению. Большая казна должна была передать указы о таможенных и кабацких сборах, наказы московским и городовым таможенным и кабацким головам и «одного году всех таможен и кабаков подлинные счетные выписки»[3]. В апреле бурмистры, как они пишут в Разряд, были заняты собиранием ведомостей из приказов об окладных сборах, о таможенных и кабацких доходах, готовили указы в города о выборах в таможни и на кабаки голов и целовальников и составляли для них наказы. «И мы, холопи твои, — пишут бурмистры, — сидим ныне у сноски из приказов вышепомянутых дел и готовим отпуски в городы о выборах в таможни и на кабаки голов и целовальников к 208-му году и наказы головам с товарыщи о сборе таможенной и питейной прибыли»[4]. Заявляя о необходимости послать теперь же, в апреле, грамоты о своевременном выборе таможенных и кабацких голов с целовальниками к будущему, 208 г., московские бурмистры говорят также о будущей присылке избранных голов и целовальников

---

[1] П. С. З., № 1674.
[2] П. С. З., № 1683, п. 9 и 10.
[3] Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 50, 84.
[4] Там же, л. 91—101.

в Москву к ним, бурмистрам, в июле для проверки их избирательных списков и для вручения им указов и наказов об отправлении должности[1].

Отсюда видно, что московские бурмистры в апреле 1699 г. считают таможенное и питейное управление принадлежащим к своему ведомству, а таможенных и кабацких голов — подчиненными себе, так как они говорят о своем праве рассматривать и утверждать их избирательные списки и вручать им указы и наказы об отправлении должности. Естественно, далее, что и отчетность таможенных и кабацких голов должна была итти к таможенным и кабацким бурмистрам. Но здесь являлся вопрос об отчетности голов прежних лет, не сдавших ее еще в Москве, кому они должны ее представлять, — попрежнему ли в приказ Большой казны или же московским бурмистрам. С таким вопросом бурмистры обратились к Петру в майском докладном письме, и царь указал головам 207, 206 и 205 гг. являться с отчетностью к московским бурмистрам, а головам ранее 205 г., например, 204 г. — в Большую казну. Оставались открытыми еще вопросы о местных отношениях таможенного и питейного управлений, об отношении таможенных и кабацких голов к городовым земским бурмистрам и к воеводскому управлению. И эти вопросы были решены Петром, в тех же майских резолюциях, предписывавших в статье 7 «таможенные и кабацкие сборы сбирать тех городов жителям, которых выберут городом всѣ(?)[2] бурмистры», и в статье 15: «В городах у таможенных и у кабацких и у всяких денежных сборов быть бурмистром, а судом и расправой их воеводам не ведать, а ведать бурмистрам». По этим статьям для сбора таможенных и кабацких денег учреждались на место прежних голов таможенные и кабацкие бурмистры, избираемые из местных жителей «городом», т. е. надо думать, обычным посадским сходом, как раньше избирались таможенные и кабацкие головы. Эти таможенные и кабацкие бурмистры освобождались от подчинения воеводам и были подчиняемы земским бурмистрам. Таким образом, земские бурмистры являлись посредствующими звеньями в подчинении таможенных и кабацких бурмистров центральному органу — Бурмистерской палате[3]. Исполнительные указы по этим резолюциям в сопровождении послушных грамот и памятей рассылались Разрядом 9 мая[4]. Летом, около 7 июня, у московских бурмистров составлена была ведомость тех городов, волостей и сел,

---

[1] Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 84.

[2] П. С. З., № 1686. Мы бы ожидали здесь чтения «въ» бурмистры: Чтение «всѣ» — непонятно, однако это не опечатка (ср. Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 345, и Арх. мин. ин. дел, Приказные дела 1700 г., № 454, л. 3, где также чтение «всѣ бурмистры»). Может быть, это описка в первоначальном и основном тексте резолюции, затем повторявшаяся во всех копиях.

[3] П. С. З., № 1686, п. 6, 7, 15.

[4] Арх. мин. ин. дел, Приказные дела, № 454, л. 3

для которых были уже изготовлены такие грамоты и памяти и для которых они не были еще готовы. Из этой ведомости видно, каким разветвленным было таможенное и питейное управление. Можно точно восстановить всю его сеть, которой оно охватывало не только города, но и волости и села, где были кружечные дворы и где с торжков взимались таможенные пошлины. Всего в ведомости перечислено до 300 таких мест, например во Владимирском уезде, кроме города Владимира, значатся еще села Всегородичи, Каркмазово, Палехи, Ундол; в Волоколамском уезде, кроме Волоколамска, село Покровское, слободка Теряева, село Стратилатское, село Ярополчь; в Можайском уезде село Клушино; в Ростовском село Великое, село Вощажниково и т. д.[1]

Одновременно с устройством центрального органа нового городского управления Бурмистерской палаты в круг подготовительной деятельности московских бурмистров в период времени с марта по 1 сентября входила также организация местного городского самоуправления в городах: устройство земских изб с выборными земскими бурмистрами и с подчиненными им таможенными и кабацкими бурмистрами. Первые грамоты

---

[1] Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 150б—159. Жизнь и в проведении реформы таможенной и питейной администрации создавала отдельные казусы, которые не могли быть предусмотрены никаким общим законом. В Белгород грамота о выборе таможенного и кабацкого бурмистра по каким-то причинам не попала. Поэтому белгородские жители выбрали там не таможенного и кабацкого бурмистра, а попрежнему таможенного и кабацкого голову из посадских людей Гаврилу Солодовникова, а к нему в ларечные (ларечный целовальник — старший из целовальников) из детей боярских Андрея Масленникова, потому что в Белгороде, этом крупном военном центре, посад был очень мал, всего 55 посадских дворов. Может быть, в связи с этим казусом возник общий вопрос о выборах таможенных и кабацких бурмистров в тех городах, где были слишком незначительные посады или где совсем не было посадов. Издавна установилась практика, узаконенная статьями 1681 г., по которым для таких городов таможенный и кабацкий персонал избирался «из уездных, из дворцовых, из монастырских крестьян или из посадских людей иных городов». Так, например, для города Пронска таможенный и кабацкий голова выбирался из Скопина, для Старого Оскола — из Курска и из слободы Курского Знаменского монастыря, для Лебедяни — из села Мокрого Боярака Лебедянского уезда и т. д. (Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 333—341, 341—345). Между тем резолюция 3 мая шла с этой практикой в разрез, предписывая избирать в таможенные и кабацкие бурмистры «тех городов жителей». Возникали затруднения при проведении этой резолюции, которые жизнь разрешала, пойдя по старому руслу. Для Старого Оскола попрежнему двое таможенных и кабацких бурмистров, как и раньше головы, были избраны не из оскольцев, потому что там не было посада, а из посадских людей из Курска, а в целовальники к ним потребовалось также попрежнему трое крестьян из слободы Курского Знаменского монастыря. Архимандрит монастыря Нифонт воспротивился и крестьян не дал. Бурмистерская палата сообщила в Разряд, откуда послана была грамота к курскому воеводе с предписанием взять спорных крестьян в целовальники (Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 384—396). Для Нового Оскола таможенный и кабацкий бурмистр избран был на Воронеже (там же, л. 388—396). На Усерд послан был таможенный и кабацкий бурмистр из Острогожска (там же, л. 397—398).

в города с сообщением об указе 30 января должны были итти из соответствующих приказов, которым города были подведомственны. Но затем в дело сношений с городами — с городовыми воеводами и земскими старостами — все более вступают московские бурмистры; приказы же только снабжают их послушными грамотами и памятями к воеводам и земским старостам о послушании им. Мы и должны будем теперь посмотреть, как за тот же подготовительный период времени слагались органы местного посадского самоуправления.

XLII. МЕСТНАЯ ГОРОДСКАЯ РЕФОРМА. СТАТИСТИКА ОТВЕТОВ ГОРОДОВ

Только в самых общих чертах, как мы уже видели выше, устройство бурмистерского управления в городах было намечено вторым указом 30 января 1699 г.[1], в котором говорилось, что если посадские и промышленные уездные люди «похотят» освободиться от воеводского управления, а управляться вместо воеводской власти своими выборными в земских избах, то им предоставляется для сбора доходов и для судебных дел выбирать в земские избы из своей среды людей добрых и правдивых, кого они и в каком количестве пожелают, а за эту государеву милость и призрение им платить окладные сборы вдвое. Исполнительные действия по этому указу так же, как и по осуществлению указа о бурмистрах в Москве, возложены были на Разрядный приказ. Посмотрим на его первые шаги в этом направлении. 9 февраля, в тот же самый день, когда в Разряд были призваны представители московских посадских корпораций и им объявлены были указы 30 января, Разряд рассылал исполнительные памяти в приказы, которые должны были в свою очередь разослать грамоты по подведомственным каждому городам с объявлением текста второго указа 30 января. Были, таким образом, разосланы грамоты в приказы: Большой казны, Большого дворца, Малороссийский, Великороссийский, княжества Смоленского, Новгородский, Владимирскую, Галицкую и Устюжскую четверти, в Стрелецкий, Казанский и Сибирский[2]. Посылка грамоты в Сибирский приказ показывает, что первоначально для Сибири не предполагалось делать того исключения, какое для нее было сделано впоследствии, когда указом 27 октября того же 1699 г. предписывалось городскую реформу на Сибирь не распространять: «В сибирских городех бурмистрам не быть для того, что в сибирских городех посадских людей нет, а в которых есть и те людишки худые, скудные и ссыль-

---

[1] П. С. З., № 1675.
[2] Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 21—24.

ные»[1]. 13 февраля Разряд рассылал грамоты с текстом второго указа 30 января по подведомственным ему самому городам[2].

Уже отмечены были нами выше две особенности второго, касавшегося местной городской реформы указа 30 января, отличавшие его от первого указа, касавшегося центральной реформы, а именно: его факультативность и его условность. Между тем как выбор бурмистров в Москве и устройство Московского бурмистерского управления предписывались как обязательные меры, выборы бурмистров в городах предоставлялись на усмотрение местных посадских обществ: «буде похотят», пусть выберут бурмистров и в таком случае пусть платят двойной оклад, «буде не похотят», могут оставаться при воеводском управлении. Эти две отличительные черты второго указа 30 января — факультативность и условность — вызывали необходимость особой стадии в ходе развития местной реформы, какой не было в процессе центральной, именно стадии предварительного опроса городов о желании или нежелании принять реформу и о согласии или несогласии на двойной платеж оклада, так что февральские грамоты, рассылавшиеся из ведавших города приказов, имели значение не предписаний к исполнению, а только сообщений к сведению. Города должны были, получив их, давать ответы о согласии или несогласии, и такие ответы поступали в Москву в течение нескольких следующих месяцев. Позже, в 208 г., когда уже новые учреждения стали действовать, в Посольском приказе был составлен доклад, содержащий сводку таких ответов по тем приказам, которые ведали городами и были соединены с Посольским приказом, именно, по приказам княжества Смоленского, Новгородскому, Владимирской, Галицкой и Устюжской четвертям[3]. По всей вероятности, на основании этого обширного доклада была тогда же составлена более краткая выписка, содержащая перечень городов, подведомственных тем же приказам и избравших у себя бурмистров с распределением, однако, этих городов по двум рубрикам: а) выбравших бурмистров и согласившихся на двойной платеж оклада и б) отказавшихся от двойного платежа, но все же выбравших бурмистров совершенно вопреки смыслу указа 30 января, ставившего такой платеж непременным условием выбора. К первой категории отнесено 9 городов; ко второй — 55, считая, как это делалось в XVII в., за города также и такие округа,

[1] П. С. З., № 1708. Почему-то в списке приказов, в которые Разряд рассылал грамоты, не упомянута Костромская четверть, из которой грамоты по подведомственным ей городам рассылались; см. Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 271—273.

[2] Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 28—31. Грамоты разосланы в 24 города, именно: Курск, Севск, Белгород, Путивль, Елец, Ефремов, Ливны, Воронеж, Коротояк, Острогожск, Усмань, Козлов, Добрый, Луки Великие, Торопец, Чугуев, Обоянь, Данков, Лебедянь, Хотмыжск, Карпов, Валуйки, Старый Оскол, Новый Оскол (там же, л. 32).

[3] Арх. мин. ин. дел, Приказные дела 1700 г., № 454.

как, например, Устьянские волости, в которых не было городского центра[1].

Тот же обширный, составленный в Казанском приказе в 208 г. доклад был разработан П. Н. Милюковым в его книге «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в.». Милюков, сделав надлежащие подсчеты, извлек из доклада статистические данные, гораздо более полные и разветвленные, чем те, только что приведенные перечни, которые составлены статистиками XVII в. В статистике Милюкова устанавливается более дробное подразделение, улавливающее разнообразные оттенки городских ответов. Здесь уже не две группы городов, а целых шесть. Вот эти группы с результатами сделанного подсчета: 11 городов выбрали бурмистров и согласились на двойной платеж; 26 городов выбрали бурмистров, но о платеже умолчали; 10 выбрали бурмистров, но от двойного платежа прямо отказались; 3 города от двойного платежа отказались, относительно перемены управления прямо не высказались, проявили к ней равнодушное отношение; 15 городов открыто пожелали удержать прежнее воеводское управление; 4 города заявляли прямо только о невозможности двойного платежа, но подразумевали тут и несогласие на перемену системы. В общем счете из 70 городов, подведомственных приказам княжества Смоленского, Новгородскому, Владимирской, Галицкой и Устюжской четвертям, которых касается доклад, только 11 безусловно приняли правительственное предложение, 33 отказались от него и 26 пошли некоторым средним путем, избрав бурмистров и умолчав о двойном платеже[2].

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Приказные дела новой разборки, № 810.

[2] Милюков, Государственное хозяйство, стр. 119—120. Статистические выводы Милюкова сделаны в общем очень тщательно. Я проверил их шаг за шагом по докладу, сделанному в Посольском приказе (Арх. мин. ин. дел, Приказные дела 1700 г., № 454), которым пользовался Милюков, и по другим сохранившимся документам, оставшимся ему неизвестными, и могу предложить к этим выводам лишь несколько поправок, притом незначительных. В одних случаях Милюков слишком определенно истолковывал неясные ответы городов и слишком тщательно зачислял их в ту или другую группу; в других недостаточно микроскопично оттенял различия в ответах городов и уездов на Поморском севере; в третьих, наконец, к некоторым его выводам можно сделать дополнения и поправки по отдельным документам, не попавшимся ему в руки. Вот в частности те поправки, которые я считаю нужным сделать:

1. Город Кайгород выбрал двух бурмистров. Ответ о платеже кайгородцы формулировали так: «А денежные всякие окладные доходы по вся годы по посылкам на сроки платить будут, почему великий государь укажет» (Доклад, л. 11). Ответ, как видим, довольно неясен и уклончив. Прямо о двойном платеже кайгородцы не говорили. Милюков ответ все же понял в положительном смысле и отнес Кайгород к числу согласившихся на двойной платеж. Но в сделанной из доклада краткой выписке (Арх. мин. ин. дел, Приказные дела новой разборки, № 810) ответ понят был в отрицательном смысле, и Кайгород отнесен к числу отказавшихся от двойного платежа.

2. На Вологде выбрали четырех бурмистров. О двойном платеже в Докладе (л. 11—12) читаем: «В сказке вологжан посадских людей напи-

Эта статистика ясно показывает отношение к городской реформе посадского населения, если не всего Московского государства, то все же очень значительной его части. Законодатель, когда предоставлял введение реформы на волю самих посадских обществ и писал свое «буде похотят», повидимому, все же рассчитывал на единодушный положительный отклик со стороны посадов. Такого отклика, однако же, не последовало; отношение посадских людей к предлагаемому нововведению оказалось весьма прохладным. Только очень незначительное меньшинство городов приняло новые учреждения на предложенных условиях. Больше было число отказавшихся от реформы. Значительное число пошло по среднему пути выбора бурмистров и умолчания о двойном платеже, и в этом умолчании нетрудно было угадать только более мягкий отказ от условия, на котором предлагалась реформа. Таковы общие выводы об отношении посадов к реформе, какие можно сделать из статистических данных, извлеченных из составленного в 208 г. в Посольском приказе доклада.

сано, чтобы им, посадским людям, за службы и за великие их нужды и за скудость великого государя милосердный указ учинить». Милюков эти слова истолковал как согласие на двойной платеж. В Посольском приказе поняли их иначе. По крайней мере составитель краткой выписки (Приказные дела новой разборки, № 810) внес Вологду в список городов, от двойного платежа отказавшихся.

3. Ч а р о н д а отнесена Милюковым к числу городов, пожелавших сохранить воеводское управление. На самом же деле Чаронда, категорически отказавшись от двойного платежа, об управлении выразилась неопределенно: «а в мирских и во всяких делах воеводам ли ведать или кому великий государь укажет» (Доклад, л. 33).

4. С о л ь К а м с к у ю Милюков отнес всю к числу согласившихся на двойной платеж. Но в Соли Камской ее составные части высказались неодинаково. Соликамский посад и одна часть уезда, именно Инвенское поречье, четыре прихода, выбрав бурмистров, о двойном платеже умолчали. Согласилась только другая часть уезда — Обвинское поречье, если только ответ его — «а о платеже окладных всяких доходов, что великий государь укажет» — можно считать за согласие (Доклад, л. 12).

5. С о л ь В ы ч е г о д с к у ю Милюков отнес к группе городов, от двойного платежа прямо отказавшихся. Дело было сложнее. Прямо отказался платить вдвое Сольвычегодский уезд. Посад же вместе с Лальским погостом бурмистров выбрали, а о двойном платеже умолчали (Доклад, л. 35—36).

6. В я з ь м а отнесена к третьей группе городов, именно к тем, которые выбрали бурмистров, но о двойном платеже умолчали. Повод к такому отнесению Вязьмы к третьей группе давало то место Доклада, где читаем: «а по чему им денежных доходов платить, того в том выборе (т. е. в выборе за руками, представленном вязьмичами на своих бурмистров) не написано» (Доклад, л. 34). Однако уже в мае 1699 г. вязьмичи через воеводу переслали в Москву челобитную, в которой заявляли о невозможности для них двойного платежа (Арх. мин. ин. дел, Приказные дела 1699 г., № 578, л. 82—84. Здесь же, л. 74 — выбор за руками на бурмистров).

7. З в е н и г о р о д в апреле просил сохранить воеводу, что и указано в докладе (л. 34). Ср. Арх. мин. ин. дел., Приказные дела 1699 г., № 578, л. 67—70. Милюков отнес его поэтому в пятую группу городов, просивших о сохранении у них воеводского управления. Но уже в июле Звенигород выбрал двух бурмистров (Арх. мин. ин. дел, Приказные дела 1699 г., № 578, л. 32—33: «выбор за руками»).

Но этот же самый доклад может быть разработан еще иным способом. Приведенная статистика с ее суммарными цифрами, как и всякая статистика, обща и отвлеченна. Она дает лишь общие итоги в цифрах, сглаживающих индивидуальные особенности отдельных случаев и обеспечивающих местные различия, при которых происходила реформа. Но тот же самый доклад, из которого извлекаются бесцветные цифры, позволяет в значительной мере следить за ходом реформы во всем разнообразии отдельных эпизодов, сохраняющих свой местный колорит, в особенности, когда данные доклада удается пополнять другими документами: протоколами выборов и перепиской посадов и воевод с приказами. Попытаемся теперь вглядеться поближе в процесс осуществления реформы в действительности по отдельным городам, рассмотрим случаи выбора бурмистров и случаи отказа от реформы, последовательно проходя местность за местностью. При этом мы будем придерживаться того административно-географического разделения территории Московского государства, какое было принято в XVII в. Начнем этот последовательный обзор с того края, с которого начинает его и Доклад— с территории, подведомственной приказу княжества Смоленского.

XLIII. ОБЗОР ОТВЕТОВ ГОРОДОВ И ХОД ВЫБОРОВ В СМОЛЕНСКОМ, НОВГОРОДСКОМ И ПОМОРСКОМ КРАЯХ

Смоленский край в конце XVII в. носит на себе еще очень заметный отпечаток польского влияния и устройства. Хотя в городском управлении Магдебургское право было здесь отменено с окончательным переходом Смоленска к Москве по мирному трактату 1686 г., однако остатки этого права здесь еще сохранялись, перемешиваясь с московскими учреждениями. Мы довольно часто встречаем здесь терминологию Магдебургского права. Посадские люди Смоленска носят название «мещан». Во главе мещанства вместе с «земским старостою» стоят «бурмистры», так что здесь и самое это название, вносимое в русский обиход реформой 1699 г., было не ново. Собрание мещан с земским старостой Максимом Кормилицыным и одним из бурмистров Артамоном Жуковым во главе выбрало в бурмистры трех лиц: одного из бывших уже тогда бурмистров Ивана Жукова и двух мещан. Явившись, согласно требованию указа, 30 января в Москву в приказ княжества Смоленского с выборным списком, эти бурмистры подали сказку, в которой писали, что платить окладные доходы в прежнем размере смольняне будут, но вдвое против прежнего платить им невозможно, потому что сверх платежей отягощены они многими работами; если они от этих работ будут освобождены, то будут платить вдвое.

Другой отличительной особенностью Смоленской области было довольно значительное число дворцовых волостей с большим торговым селом в центре каждой; некоторые из этих сел впоследствии стали уездными городами Смоленской губернии. Дворцовые волости подходили под действие указа 30 января, говорившего о выборе бурмистров не только в городах, но и в государевых, т. е. в государственных и дворцовых, волостях, селах и деревнях. Таких дворцовых волостей в Смоленском уезде было 8. Их жители — частью «мещане», т. е. торгово-промышленные посадские люди, частью крестьяне, т. е. земледельцы. До 1699 г. во главе волостей стояли «войты»; теперь каждой из них предоставлялось выбрать бурмистров. Так, в селе Поречье и Порецкой волости было выбрано двое мещан от села Поречья и 12 от волости; волость эта подразделялась на 6 «лавничеств», так что каждое лавничество избирало двух бурмистров. Таким образом, во главе всей волости с селом становилась коллегия из 14 бурмистров, следовательно, гораздо более обширная, чем коллегия бурмистров в самом Смоленске. В остальных 7 волостях число бурмистров, избираемых там из мещан и из крестьян, было меньше. В волостях Духовской, Зверовичевской, Красносельской и Ельнинской избрано было по 4 бурмистра, причем выборы происходили так: двое выбирались от центрального села (Духовщины, Зверовичей, Красного и Ельны) и двое от самой волости. В селе Каспле и Касплинской волости было избрано 2 бурмистра; в селе Досугове, при котором волости не упомянуто, —3 бурмистра. О платеже двойных окладов все эти волости через своих войтов заявили смоленскому воеводе, что за великой скудостью таких окладов платить не могут. Бурмистры Красносельской волости, явившись с выборными списками в Москву, заявляли здесь в приказе княжества Смоленского, что платить им вдвое невозможно, потому что они обложены большими денежными и хлебными сборами, да сверх того они обязаны возить всякие припасы в Смоленск на городовое строение, к пушечным амбарам и к кирпичным сараям, и всем этим очень отягощены. В Смоленском же уезде, очевидно, под самым городом Смоленском, упоминаются еще два пункта, которых также могла касаться реформа: «Ратушные деревни» и «Шеин острожек». Ратушные деревни — это, вероятно, деревни, принадлежавшие Смоленской ратуше как юридическому лицу; Шеин острожек — это поселок на том месте, где в 1632—1634 гг. сооружено было укрепление осаждавшим Смоленск боярином М. Б. Шеиным. Войты и крестьяне этих единиц отказались от реформы, сославшись на то, что двойных окладов им платить нечем, а к мирским расправным делам в бурмистры меж себя выбрать некого. Из трех городов Смоленского края два — Белая и Рославль — выбрали бурмистров и заявили о согласии на двойной платеж. В Белой земский староста и все посадские люди выбрали 4 бурмистров; в Рославле войт и все

мещане выбрали трех. В Дорогобуже выбраны были 3 бурмистра; о платеже дорогобужцы умолчали[1].

Из Смоленского края с его полонизмами в местных учреждениях и сельскими бурмистрами в дворцовых волостях и селах поднимаемся несколько к северу, перейдем в Новгородскую область, подведомственную Новгородскому приказу, и посмотрим, как там принята была реформа. Сам Новгород Великий категорически отказался от новых учреждений, и на указ 30 января новгородский посад ответил в Москву сказкой от всего посадского общества, которую подписали: проживавший в Новгороде гость Иван Семенов, пятиконецкие земские старосты и посадские люди (в Новгороде, по старинной традиции, идущей от времен вольности, земских старост было пять, по числу концов). Сказку эту посадское общество начинало изъявлением благодарности за реформу: «великого государя к ним о милостивом призрении челом бьют»; но затем отклоняло и двойной платеж и самые выборы. Заявляя, что окладных сборов платить вдвое им не в мочь, посадские люди указывали на три причины своей несостоятельности: во-первых, на разорительный пожар Торговой стороны 22 мая 1696 г., во время которого погорели без остатка «домы их и ложи‹ч›ки, и лавки, и амбары, и в них товары и всякие заводы». Во время пожара сгорел гость Семен Гаврилов, вероятно, отец подписавшего сказку Ивана Семенова, и многие посадские люди, иные с семействами. После пожара торги их сильно упали, что́ они и подкрепляли ссылкой на таможенные записи. Другой причиной несостоятельности новгородского посада указывалась разорительная конкуренция посторонних посадскому обществу элементов: беломестцы и уездные крестьяне ведут большие торги, ездят с товарами даже за границу, «за свицкий рубеж», но посадского тягла не несут и податей, кроме самого незначительного числа десятой деньги, не платят, в земскую избу ни для каких дел не приходят и с ними, посадскими людьми, никакого общения не имеют. Указывалась как причина разорения также и «хлебная дороговь». И от всех этих причин: от великого пожарного разорения, и от хлебной дороговизны, и от бесторжицы, новгородцы и посадские люди пришли в оскудение, расходятся из Новгорода по другим городам и не могут заплатить без недоимки даже и обыкновенных доходов за текущий 207 г. Конечно, главным побуждением к отказу от принятия реформы было нежелание платить вдвое; но как на специальную причину отказа от выборов новгородцы, как бы совершенно забывая предания своего города, указывали еще на то, что «к расправным и челобитчиковым делам в Великом Новгороде купецкие люди незаобычны».

В новгородском пригороде—Старой Руссе—выборы были произведены отдельно на посаде и отдельно в Старорусской воло-

---

[1] Доклад, л. 4—8

сти. Посад избрал 3 посадских людей, волость 3 крестьян. И посад и волость заявили, что платить окладных доходов вдвое им не в мочь[1].

Положение псковского посада относительно реформы оказалось довольно необычным. Дело в том, что как раз перед самыми указами о реформе Псков ходатайствовал о продлении срока полномочий псковскому воеводе ближнему кравчему Кириллу Алексеевичу Нарышкину, двухгодовой срок правления которого тогда оканчивался. Челобитье было подано, как это тогда практиковалось, «всем Псковом», от всего всеуездного или всегородного псковского мира, т. е. от всех свободных сословий, входивших в состав населения Пскова, Псковского уезда и псковских пригородов: Ржевы Пустой, Гдова, Опочки, Велья, Воронача с их уездами. Его скрепили своими рукоприкладствами «государевы богомольцы, холопы и сироты»: архимандриты и игумены псковских монастырей, служилые люди, помещики и вотчинники Псковского и Пусторжевского уездов, псковские городские служилые люди: пушкари и воротники, далее расквартированные во Пскове и в уезде себежские казаки и солдаты двух пехотных солдатских полков, наконец, «государевы сироты»: псковские посадские люди во главе с двумя земскими старостами и с сотскими от каждого «ста», т. е. от тех сотен, на которые делился псковский посад, затем выборные старосты и ходоки — представители пригородов Гдова и Опочки, псковские ямщики, старосты и представители Вороначского, Велейского и Опочецкого уездов.

В челобитье указывалось, что ближний кравчий К. А. Нарышкин проявил на воеводской службе большое радение, со всяким усердием блюдет безопасность Пскова, находящегося на границе государства, рачительно поддерживает исправность городских укреплений, разбирает расправные дела между разных чинов людьми согласно закону — Уложению и новоуказным статьям — безволокитно и бескорыстно, никому не норовя и никому не чиня никаких обид. И прежде бывали случаи, когда псковские воеводы бывали во Пскове года по три и больше. Ссылаясь на такие прецеденты, псковичи просили оставить по истечении двух лет К. А. Нарышкина воеводой во Пскове впредь, на сколько лет будет угодно великому государю, «чтобы нам, — писали они, — богомольцам и холопам, и сиротам твоим и людишкам, и крестьянишкам нашим от частых переменных воевод в тягости не быть»[2]. Итак, псковский посад вместе со всем псковским земским миром ходатайствовал о продлении власти пришедшегося по душе воеводы, когда получен был указ 30 января об избавлении «от многих воеводских обид и налогов, и поборов, и взятков». Как было поступить псков-

[1] Доклад, л. 8—9.

[2] Арх. мин. ин. дел, Приказные дела 1699 г., № 47. Помета на челобитье: «207-го марта в 8 день выписать к великому государю в доклад».

скому посаду? Несмотря на все симпатии к К. А. Нарышкину, посадские люди все-таки отозвались, что указ 30 января о том, чтобы их ни в каких делах воеводам не ведать, а ведать их мирским выборным людям в земских избах, освобождавший их от воеводской власти, «им годен», и выбрали 10 человек в бурмистры [1]. Однако условие о двойном платеже встретило возражение: платить им за скудостью невозможно. Как на причины оскудения, они ссылались на разорительный для них наем подвод по дорогой цене под великое посольство Лефорта, Головина и Возницына, проехавшее через Псков в 1697 г., на платеж денег на корабельное строение в кумпанство и на то, что в прежние годы иностранные купцы забрали у них в долг много товаров на большие суммы, «на многие тысячи ефимков», и до сих пор с ними не расплатились; от всего этого они, псковичи, «оскудали и обеднели и торгов и промыслов отстали» [2].

Итак, оба крупных города со славным торговым прошлым отнеслись к реформе отрицательно; оба отказались от платежа двойного оклада; один отказался и от выборного управления, другой все же выбрал бурмистров. Оставив их и передвигаясь из Новгородской области еще к северу, мы вступаем в обширную область так называемого Поморья, «поморских городов», подведомственных двум приказам: тому же Новгородскому, а также Устюжской четверти. Особенностью этих городов было хозяйственное и социальное единство их посадского населения с черносошным крестьянским населением их уездов. И посадские люди в городе и черносошные крестьяне в уезде вели одинаковые промыслы: посадские люди занимались земледелием, как крестьяне, но и крестьяне вели торги, как посадские люди. Этим хозяйственным и социальным единством населения создавалось единство в податном и административном отношениях. И горожане и сельское население в Поморье были обложены в противоположность центру и югу одной и той же стрелецкой податью. В административном отношении город с погостами, станами и волостями уезда составляли здесь издавна единый всеуездный земский мир с общими выборными всеуездными властями. Однако к концу века, при сохранении социального и податного единства, такое объединение города и уезда держалось не везде; становится заметным и иногда берет верх стремление обособиться: уезд отделяется от города [3]. Все эти особенности края отразились и в ответах поморских городов на указ 30 января.

Начнем обзор этих ответов с двух видных городов западного Поморья. Олонец с погостами Олонецкого уезда и Кар-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Приказные дела 1699 г., № 228. Двое из этих бурмистров являлись в Москву с выборными списками и 17 июля отпущены из Москвы.

[2] Доклад, л. 8—10.

[3] Богословский, Земское самоуправление на русском севере в XVII в., т. I, гл. XIV, М. 1909.

гополь со станами и волостями Каргопольского и Турчасовского уездов отклонили и условие двойного платежа и выбор бурмистров и высказались за сохранение у них прежнего воеводского управления. Причины отказа от двойного платежа выставлялись одни и те же, что вызывалось, конечно, сходством природных условий того и другого уездов: частые хлебные недороды в этих северных холодных местах. От выборов отказывались за своей неспособностью, потому что «с такое дело их не станет» и что «выбирать к тому делу некого». Каргополь подразумевал при этом сохранение воеводы; Олонец прямо высказался за такое сохранение: «впредь без воевод меж ими управлять никоторыми делы невозможно». Как мотив для сохранения воеводской власти указывалась дальность расстояния населенных мест в уезде: «от города верстах в пяти и в шести, и в семи стах», а также приводилось еще и то, что население все время было довольно воеводами, которые «чинили все правдиво и к ним лишних налог и обид, и поборов, и тесноты, и разорения от них не было». В Олонце с февраля 1696 г. был воеводой стольник Василий Никитич Зотов, сын Никиты Моисевича, также один из видных деятелей царствования. Олончане — посадские и уездные люди — по истечении двухлетнего срока его воеводства били челом о дальнейшем его оставлении. Заслуги Зотова, как указывали олончане, состояли в том, что казне он учинил пополнение, «а к нам, сиротам твоим, — как они писали, — был он, стольник и воевода, милостив», а погосты прибавляли еще: «и призирал нас, яко отец, во всяких мирских делех чинил рассмотрение и указ по Уложению и по новоуказным статьям, а ворам, разбойникам, татям, душегубцам и иным плутам не потакал, чинил им указ без пощады, кто чему по вине своей по твоему, великого государя, указу достойны» [1].

Из отдаленного Кольского острога ко времени составления доклада известия об отношении к реформе получено не было. Двинский уезд совместно с холмогорским посадом выбрал бурмистров в числе 4 человек: одного от Холмогор — посадского человека и 3 из уездных крестьян; здесь единство города с уездом сохранялось, и эти 4 бурмистра должны были составлять единую коллегию во главе всеуездного мира. О платеже Двина высказалась уклончиво и неопределенно: о платежах, что великий государь укажет, как иные города учнут платить, так и они будут платить, «сколько их изможения будет». Но при этом двиняне сочли нужным недвусмысленно указать, что «тягостьми и нуждами облежат они премногими», платят за убылые, вышедшие из черносошного общества или запустевшие выти, выбирают до 300 человек на всякие службы. Хлебом кормятся покупным, привозным; на Двине сеется только ячмень

[1] Арх. мин. ин. дел, Приказные дела 1700 г., № 129. Эта челобитная была повторением прежних таких же челобитных олончан.

и то в небольшом количестве. Морские промыслы оскудели. Население из уезда, покинув дома и деревни, разбрелось. На посаде с уездом числится большая недоимка, справиться с которой они не в силах.

На Устюге Великом указ о реформе был получен из Устюжской четверти воеводой Иваном Кикиным 1 апреля. С 1676 г. устюжский мир в административном отношении распался, посад и уезд сделались отдельными мирами, и во главе каждого из них стало свое особое земское управление: на посаде — посадский земский староста, действующий в посадской земской избе, в уезде — всеуездный земский староста, действующий во всеуездной земской избе[1]. На другой же день по получении указа воевода пригласил на съезжий двор обоих земских старост — посадского Ивана Суслова и всеуездного Дмитрия Львова, их товарищей и посадских людей и объявил им полученный указ. Объявление это не только не возбудило какого-либо энтузиазма или подъема, напротив, принято было более, чем сдержанно. Началась политика откладывания и оттягивания. 5 апреля оба земских старосты с товарищами подали воеводе челобитную, в которой писали, что теперь в апреле в скорых числах на Устюг из Устюжского уезда выборных людей лучших крестьян, представителей волостей, собрать на всеуездное собрание невозможно, потому что дальние волости от Устюга за 200 верст и больше, за большими волоками и реками. А ныне время вешнее и по волокам речки розлились, и никоими мерами до просухи им к Устюгу притти нельзя, а без совета мирских людей одним земским старостам и посадским людям делать ничего невозможно. Поэтому они просили об отсрочке выборов. Воевода переслал эту челобитную в Москву, откуда, из Устюжского приказа 24 и 26 мая получил грамоты с предписанием прислать выборных бурмистров в приказ непременно к 20 числу мая. Помимо этой довольно, впрочем, обычной для административных письменных сношений хронологии, когда распоряжение бывает получено после срока, поставленного для его исполнения, распоряжение Устюжской четверти замечательно еще и потому, что показывает, как своеобразно в этом приказе понимали факультативность реформы — предоставленное указом 30 января городам право принимать реформу или отказываться от нее. У устюжан не спрашивали, желают они или не желают принимать реформу, а прямо предписывали выбрать бурмистров и выбранных прислать в приказ. В ответ на эти объявленные им грамоты посадский и уездный старосты представили сказки, в которых писали о невозможности для них двойного платежа. Посадский староста в своей сказке в качестве причин мирского оскудения указывал на хлебные недороды, на частое пожарное разорение, большой оклад десятой деньги, для платежа кото-

[1] Богословский, Земское самоуправление, т. I, стр. 243—244, 283.

рого приходится миру входить в долги, на тяжесть повинности ямской гоньбы. К самому устюжскому посаду подошел Сольвычегодский уезд, и усольцы завладели устюжскими посадскими пахотными землями и выгонами; оброчные посадские угодья оказались в руках беломестцев и «могутных людей» — крупных торговых фамилий из тех же посадских, стремившихся выделиться из посадского общества; наконец, указывалось обычное стихийное северное бедствие — рекой Сухоной размыло земли на Нижнем посаде в Пятницком конце — «дворовые и огородные земли рекой Сухоной сметало и у многих людей хоромишка посносило и селиться стало негде». Уездный земский староста в своей сказке был лаконичнее, объявив от имени уездных крестьян, что им двойных денежных доходов платить «не в мочь»; на них были недоимки за прежние годы и за текущий год, которые они, принуждаемые смертным правежом, платили, занимая деньги в долг со многою нуждою. Отказываясь столь решительно от двойных платежей, самую систему управления в будущем, т. е. быть ли попрежнему воеводам или выборным бурмистрам, тот и другой староста оставляли под вопросом. Посадский староста писал: «и о том о всем: о воеводской бытности и о выборных мирских людех, быть ли у нас на граде или нет, чтó великий государь укажет». В сказке уездного старосты говорилось: «и о воеводской бытности или выборным людем всякие дела ведать, чтó великий государь укажет». Оба предупреждали, что для выяснения этих вопросов пошлют ходоков в Москву[1]. Воевода эти сказки в тот же день, как они были ему поданы, препроводил в Москву в Устюжскую четверть, где они были получены 18 июня. Четверть продолжала держаться той же точки зрения и настаивать на выборе бурмистров в Устюге под угрозой штрафа. «Взять к отпуску, — гласит помета, положенная в приказе на препроводительной воеводской отписке, — а о выборе и о высылке выборных людей послать к нему (воеводе) его, государеву, грамоту с прежнего отпуску тотчас. А что они по се время тем замотчали (замедлили) и за то будет на них доправлена пеня»[2].

Еще до того времени, как эта резолюция была сообщена в Устюг Великий, устюжане — посадские люди — выбрали 2 бурмистров[3]. «По указу великого государя царя» и т. д.,

---

[1] «И посланы от нас будут вскоре посыльщики». «И о том о всем мы, земские старосты, и все мирские выборные крестьяне из земской избы к Москве посылаем нарочного посыльщика в скорых числех и против государева указу обо всем от нас будет с ним, посыльщиком, наша мирская заручная челобитная».

[2] Арх. мин. ин. дел, Приказные дела 1699 г., № 578, л. 86—95.

[3] Там же, л. 92. Выборный список датирован 21 мая, следовательно, еще до подачи сказок 27 мая. Но так как этот выборный список был представлен воеводе 7 июня, то со всей вероятностью можно заключать, что выборы были произведены после подачи сказки 27 мая, в первых числах июня

читаем в выборном списке, «и по грамоте из Устюжского приказу за приписью дьяка Бориса Михайлова и по памяти из устюжского съезжего двора за печатью стольника и воеводы Ивана Васильевича Кикина, какова прислана о выборе выборных людей, Устюга Великого посаду земской староста Иван Леонтьев сын Суслов с товарыщи да выборные люди соцкие и пятидесяцкие: Пречистенской сотни соцкой Афанасий Петров сын Куракин, пятидесяцкой Яков Агапитов сын Свечник иных сотен с товарыщи и все устюжане грацкие жители со всего мирского совету выбрали из своей братьи из устюжан же посацких людей добрых и правдивых Ивана Агафонова сына Смолниковского, Дмитрея Васильева сына Воробьева. По сему нашему мирскому заручному выбору ехать вам, выборным Ивану Агафонову и Дмитрею Васильеву, по вышеписанному великого государя указу и по грамоте с Устюга Великого к Москве и явитца в Устюжском приказе думному дьяку Емельяну Игнатьевичу Украинцеву с товарыщи. И каков великого государя указ вам, выборным Ивану Агафонову и Дмитрею Васильеву, дан будет, и по тому его великого государя указу вам выборным Ивану Агафонову и Дмитрею Васильеву исправлять. В том сей выбор написали. Выбор писал Устюга ж Великого посаду земской избы подьячей Сенка Пинежанинов»[1]. Выбор скрепили рукоприкладствами земский посадский староста, два его товарища, далее сотские и пятидесятские сотен: Богословской, Пречистенской, Георгиевской, Петровской, Покровской, Мироносицкой, Вознесенской, Рождественской, пятидесятский Дымновской полусотни и простые посадские люди. 19 июня и уездный земский староста Дмитрий Львов в свою очередь объявил воеводе о состоявшихся выборах от уезда: «выбрал де он с товарыщи своими со всего мирского совету из своей братии из волостных крестьян людей добрых и правдивых Дмитрея Иванова сына Карандашева, Ивана Иванова сына Клыкова, Евтифея Семенова сына Малафеевских». С представленным выборным списком избранные бурмистры в тот же день были отправлены воеводой в Москву[2]. Так в конце концов на Устюге Великом образовались две отдельные коллегии бурмистров: одна для посада, другая для уезда, подобно тому как и ранее городом и уездом правили отдельные коллегии земских старост, посадского и уездного, с товарищами.

В Соль Вычегодскую к воеводе грамота из Устюжской четверти с изложением указа 30 января пришла 8 апреля. Стольник и воевода Иван Иванович Булгаков собрал в приказную избу посадских людей и выборных от станов и волостей уезда, которым указ был сказан «и в слух чтен». На Соли Вычегод-

---

и только ввиду грозных требований приказа помечены в списке задним числом. 27 июня избранные бурмистры явились в Москву и подали выборный список в Устюжской четверти (там же, л. 91).

[1] Арх. мин. ин. дел, Приказные дела 1699 г., № 578, л. 92 и 94.

[2] Там же, л. 91.

ской, как и на Устюге, в конце столетия органы посадского и уездного самоуправления были разделены и действовали отдельно: во главе посада и присоединенного к нему Лальского погоста стоял посадский староста Семен Яковлевич Жилкин, во главе уезда — всеуездный староста Тимофей Юрьев. Эти органы самоуправления на объявленный им указ реагировали различно. Уездный съезд, состоявший из представителей волостей, подал воеводе обширную сказку, в которой заявлял о невозможности двойного платежа, ссылаясь на испытываемые уездом отягощения: «хлеб зябл», не родился, скотский падеж, разброд крестьян, тяжелая ямская повинность: зимним временем гоняют подводы в Сибирь, летним возят судами по большим рекам и мелким речкам «пустыми местами и тесными и за волоки собою суды переволачивают до Соли Камской, также и в сибирские городы через Камень до Березова города, и выходят на те ямы и на летние отпуски многие деньги». Далее приходится платить за неимущих и ушедших из уезда крестьян. При платеже стрелецких денег в двойном размере и остальные деревни опустеют и последние крестьяне оскудеют. С 1680 г. они, сольвычегодцы, платят по переписным книгам за стрелецкие деньги и разные мелкие поборы по 2 рубля с двора, и эти деньги приходилось с них править великим правежом; за 1680 и 1681 гг. едва выплатили с большой доимкой. Они припомнили по этому случаю, что в 1682 г. царь Федор Алексеевич по собственному почину, без всякого с их стороны челобитья, «милосердуя о них», убавил с них подать вдвое и велел брать только по рублю с двора; в таком размере они просят взимать ее и теперь. Отказываясь от двойного платежа, они, так же как и устюжане, не решались высказаться о форме управления. «А в правительстве, государь... меж нами, сиротами твоими, кому ведать, воеводам или нашим, сирот твоих, уездным выборным людям, о том, что ты, великий государь, укажешь?» Эту их челобитную воевода 26 апреля отправил в Москву. Но затем настроение переменилось: в мае уездный съезд произвел выборы и избрал 2 лиц: Григория Тимофеева Воронина, Кузьму Павлова Новосельцева, которым, как значилось в выборном списке, «быть у Соли Вычегодской во всеуездной земской избе в 208 году у сбору его, великого государя, всяких доходов и всяких дел»[1]. Посад и связанный с ним Лальский погост о двойном платеже не высказывались, обходя этот вопрос молчанием. На посадском сходе, также в мае, посадские люди и представители Лальского погоста «выбрали с совету меж себя с Соли с посаду и с Лальского погоста людей добрых и правдивых: с посаду Ивана Денисова сына Свиньинских, с Лальского погоста Никиту Андреева сына Бобровского. И им, выборным людем, быть у Соли Вычегодской по указу великого государя у сбору денежных доходов и у расправных, и у челобит-

[1] Арх. мин. ин. дел, Приказные дела 1699 г., № 578, л. 38—47.

чиковых дел, каков им, выборным, его, великого государя, указ дан будет на Москве». Эти выборные люди от уезда и от посада были, согласно указу 30 января, отправлены воеводой в Москву, где были приняты 26 июня[1].

XLIV. ПОМОРСКИЙ КРАЙ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

В Устьянских волостях, в которые теперь переходим, все своеобразно, начиная с того, что в административной терминологии приказа Устюжской четверти, их ведавшего, при перечислениях наряду с другими подведомственными четверти городами эти волости называются «городом», тогда как это был округ чисто деревенский, не тянувший ни к какому городскому центру и не имевший на своей территории ни одного города. Это была группа из 10 волостей[2], состоявших каждая из нескольких десятков деревень и расположенных на большом пространстве по верхнему течению реки Ваги и по ее притокам: слева Вели и Пежме, справа Устье с Кокшенгой, Чадромой, Соденгой и др. В них от всего сохранившегося там к концу столетия уклада веет далекой стариной. Устьянские волости были одними из первых, получивших от Ивана Грозного жалованную земскую грамоту, освобождавшую их от управления волостелей и вводившую у них самоуправление, которое у них и действовало в рассматриваемое время в полной неприкосновенности. В 1622 г. грамота была возобновлена, затем подтверждалась при каждом новом царствовании[3], и теперь, на рубеже XVIII в., при избрании бурмистров они неоднократно на нее ссылаются, ставя ее наряду с Соборным уложением и новоуказными статьями. На Устьянские волости, как и на все поморские населенные черносошными крестьянами уезды, распространялась реформа 1699 г.; им предоставлялось избрать бурмистров, что̀ они и сделали. Их избирательные протоколы, «выборы за руками», привезенные избранными бурмистрами в Москву в Устюжскую четверть, сохранились в архиве этого приказа[4]. Анализ этих протоколов показывает, как жители Устьянских волостей нововведение Петра приспособляли к своим привычным порядкам, к своей старине, как реальная жизнь переделывала и прилаживала замыслы и планы реформатора. Мы и задержимся на некоторое время теперь на рассмотрении этих выборных списков.

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Приказные дела 1699 г., № 578, л. 48—52.

[2] Чушевицкая, Введенская, Дмитриевская, Никольская, Чадромская, Хозминский станок, Пежемская, Ростовская, Шангальская и Соденгская. Сравнительно с серединой столетия образовалась здесь новая волость под названием Хозминский станок, состоявшая из трех приходов: Хозминского, Успенского и Николаевского. Ср. Богословский, Земское самоуправление, т. I, приложения, стр. 58—59.

[3] Богословский, Земское самоуправление, т. I, стр. 289.

[4] Арх. мин. ин. дел, Приказные дела 1699 г., № 578, л. 1—31.

Устьянские волости принадлежат к числу тех «городов», которые выборы бурмистров произвели, а о платеже двойного оклада умолчали. Выборы происходили там по отдельным волостям в период времени с 7 июля по 1 августа; в большинстве волостей они пришлись на 20-е числа июля. Обыкновенно вслед за обозначением даты выборов в выборном списке каждой волости делается ссылка на тот полученный из Москвы указ, на основании которого состоялись выборы. В большинстве случаев это указ из Устюжской четверти за подписью дьяка Василья Посникова; но в двух случаях делается ссылка на указ «за закрепою бурмистра Ивана Исаева», следовательно, на указ от московских бурмистров, причем в выборном списке Шангальской волости оригинально обозначено самое учреждение, из которого исходил указ, закрепленный бурмистром: «по памяти с Москвы из Разряду Большие казны за закрепою выборного бурмистра Ивана Исаева»[1]. Очевидно, что в указах из Москвы в волости о производстве выборов помещался текст только второго указа, 30 января 1699 г., о местных выборах; первый же указ об учреждении центрального бурмистерского управления в Москве волостям сообщен не был и летом 1699 г. оставался им еще неизвестным. Поэтому-то в Шангальской волости при виде странной скрепы «бурмистра Ивана Исаева» и соображали, может быть, при воздействии каких-либо долетевших смутных слухов о каком-то фантастическом учреждении — «Разряде Большой казны»; поэтому также в выборных списках везде, где шла речь о будущих сношениях выбранных бурмистров с Москвой, например о доставлении в Москву сборов или о переносе туда судебных дел, волости говорят не о московских бурмистрах, а о приказе Устюжской четверти, как говорили лет 50 еще назад о сношении с этим приказом земских судеек: и собранные деньги и судебные дела должны доставляться в Москву в Устюжский приказ, как будто Бурмистерской палаты в Москве совершенно не существует и волостные бурмистры попрежнему подчинены своему привычному приказу — Устюжской четверти. Реформы 1699 г. во всем ее объеме в волостях, очевидно, себе еще не представляли.

Внешняя форма устьянского избирательного списка — «выбор за руками» — прежняя, старинная. Вслед за указанием даты и ссылки на указ, давший толчок к выборам, в избирательном списке обозначается личный состав избирателей, присутствовавших на волостном сходе и производивших выборы. Во главе этих избирателей упомянуты должностные лица волости: земский судейка, его товарищи: земский целовальник и сотский, церковные приказчики, т. е. старосты волостных приходских церквей. В Пежемской волости, впрочем, вместо земского судейки встречаем «земского старосту». Затем следует именной перечень крестьян, участвовавших в выборах, закан-

[1] Арх. мин. ин. дел, Приказные дела 1699 г., № 578, л. 20.

чивающийся выражением: «да и все крестьяне тоя волости» или: «и вместо всех крестьян». Цифры крестьян, участвовавших на выборах бурмистров, если только все такие участвовавшие вносились в поименные перечни, не велики, колеблются по волостям от 14 (Хозминский станок) до 40 (Чадромская волость). Для обозначения самого действия избрания в избирательных списках употребляются старинные термины, ведущие начало еще с XVI в.: «выбрали и излюбили» или «выбрали и полюбили». За указанием имени избранного следует его характеристика с обозначением его душевных качеств, иногда и материального положения: выбрали и излюбили такого-то «лучшего и правдивого, самого доброго человека», или «человека добра, душею пряма, к государеву делу годна», «человека добра, животом пожиточна, душею пряма». В каждой волости избирался один «бурмистр»; это иностранное название, не сразу дававшееся многим городским посадским сходам, выборные списки которых говорят лишь об избрании «выборных людей», сразу было усвоено деревенскими волостями. Волостной бурмистр выбирался на место существовавшего до того времени «земского судейки», стоявшего во главе волости в XVII в.[1] и ведавшего податные, судебные и полицейские дела. Волости, очевидно, поняли дело так, что указом 30 января им велено выбрать бурмистров в м е с т о з е м с к и х с у д е е к, о чем некоторые из них прямо и заявляли в Москву[2], так что на выборах летом 1699 г. в Устьянских волостях избирались те же старинные, давно привычные волостям земские судейки только под чужеземным названием бурмистров; перемена заключалась здесь только в названии. Менялся, впрочем, еще и срок выборов. В прежнее время в XVII в. существовали по волостям другие сроки, в большей части волостей Сретеньев день (2 февраля), в некоторых день Афанасия и Кирилла (18 января)[3]. Теперь под действием указа 30 января, предписывавшего вы-

---

[1] Б о г о с л о в с к и й, Земское самоуправление на русском севере в XVII в., т. I, стр. 290—291.

[2] Арх. мин. ин. дел, Приказные дела 1699 г., № 578, л. 26: «Великому Государю царю (т.) сироты твои, Усьянских сох Шангальской волости земской судейка Мишка Заостровной, Никольские волости земской судейка Левка Лоскутов, Введенской волости земской судейка Андрюшка Киселев, Дмитровской волости земской судейка Савоска Мымрин с товарыщи челом бьют. В нынешнем во 207-м году июля в 12 день по твоему, великого государя царя (т.), указу прислан указ с Москвы из Разряду Большие казны за закрепою выборного бурмистра Ивана Исаева за справою подьячего Алексея Чоглокова да послушная память из Устюжского приказу за приписью диака Василья Посникова, а велено нам, сиротам, по тому твоему, великого государя, указу и по послушной памяти в наших Усьянских волостях в м е с т о з е м с к и х с у д е е к, ко 208-му году к твоему, великого государя, земскому делу выбрать бурмистров и за выборами выслать их к тебе, великому государю, к Москве в Устюжской приказ».

[3] Б о г о с л о в с к и й. Земское самоуправление на русском севере в XVII в., т. I, приложения, стр. 84—97.

брать бурмистров к 1 сентября 208 г., все выборы были приурочены к этому сроку.

В XVII в. земский судейка действует в волости не единолично, а в составе некоторой коллегии; к нему в товарищи избирались: земский целовальник и земский сотский. Это старинное окружение земского судейки остается и теперь при выборах бурмистров. Одновременно с выбором бурмистра волости выбирали и товарищей к нему: земского целовальника и земского сотского, так что бурмистр должен был править и судить с теми же самыми товарищами, с которыми правил и судил земский судейка XVII в. Волости приспособляли лишь новую верхушку или, лучше сказать, верхушку с новым названием к издавна сложившемуся строению. В составе той же волостной коллегии в конце XVII в. мы видим новые должности, каких незаметно было в середине столетия. Так как выборным земским органам — судейкам с товарищами — было предоставлено губное право, то к концу века для осуществления этого права возникли в волостях особые органы под названием «сыскных», или «сысковых», сотников и пятидесятников, которых надо различать от обыкновенных земских сотских [1]. Эти специально губные органы сохраняли свое значение и при бурмистрах. В Чушевицкой волости волостной сход, избирая бурмистра, возлагал на него обязанность выбрать для губных дел «пятидесятника и десятников подеревенно», т. е. так, чтобы каждая деревня имела своего полицейского в виде десятника [2].

Отличие избирательных списков 1699 г. в Устьянских волостях от таких же списков в других местах заключается в том, что устьянские списки не ограничиваются, как это было в других городах, только удостоверением самого акта избрания с указанием времени, места, повода к избранию, перечня избирателей, имени избранного и его характеристики, ручательства за него избирателей и их рукоприкладств. Устьянские списки — не только избирательные протоколы. Сверх такого протокола их текст заключает в себе еще более или менее подробный перечень обязанностей избранных бурмистра и его товарищей как и обязанностей волостного мира по отношению к избран-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Приказные дела 1699 г., № 578, л. 8: «Лета 7207 году июля в 20 день... Устьянской Никольской волости прошлой выборной земской судейка Леонтей Матфеев с товарыщи да церковной приказщик Андрей Савин да крестьяне... и все крестьяне той Никольской волости выбрали есми и излюбили в своей Никольской волости по указу великого государя (т.) в бурмистры к ево, государеву; земскому делу той ж Никольской волости в год к 208-му году с нынешнего 207-го году сентября с первого числа (?) да до 209-го сентября до первого ж числа человека добра и душею правдива Ивана Дмитриева сына Рокотниных, да в товарыщи ему выбрали в земские целовальники Поликарпа Анисимова сына Вавилина, а в земские сотцкие выбрали Ивана Иванова сына Медведева, а в с ы с к о в ы е с о т н и к и выбрали Аксена Дорофиева сына Пирогова».

[2] Там же, Приказные дела 1699 г., № 578, л. 2.

ным. И по внешней форме и по внутреннему содержанию этот текст связывает выборы 1699 г. с далекой стариной; основа текста избирательного списка каждой волости восходит к середине XVII в.[1] Избирательные списки 1699 г.—только повторение с незначительными вариациями списков XVII в.; обязанности бурмистра с его товарищами, а равно и обязанности волостного мира к ним определяются так же, как они определялись лет 70—75 тому назад. Это все те же как бы взаимно-договорные отношения, которые мы наблюдаем в Устьянских волостях в XVI и XVII вв.

Посмотрим ближе на эти обязанности бурмистров. Они троякого рода: финансовые, судебные и полицейские. Прежде всего бурмистр, как и прежний земский судейка, которого он сменил, есть сборщик казенных податей и сборов: ему, бурмистру, «сбирать с нас, крестьян, стрелецкие, и оброчные, и всякие государские денежные доходы сполна, а на ослушниках править и отсылать к Москве в приказ Устюжской четверти» — вот формула, на разные лады с несущественными отличиями повторяющаяся во всех избирательных списках. В двух волостях — Ростовской и Соденгской — оговаривается особо обязанность бурмистра, которая в остальных, надо думать, молчаливо подразумевается, — взимать сборы на местные расходы: «и на волостные земские расходы ему... с товарищи с нас, крестьян, деньги сбирать же»[2].

Судебная деятельность бурмистра, как раньше такая же деятельность земского судейки, в выборных списках определяется так (например, в списке Шангальской волости): «А будучи ему, бурмистру, с товарищи нас, крестьян Шангальской волости, по челобитным и по заемным кабалам и по письменным крепостям разыскивать и управа чинить по святой непорочной евангельской заповеди господни в правду и в государевых земских делех по указу великого государя и по Соборному уложению и по новоуказным статьям и... по уставным жаловальным грамотам». В выборном списке Никольской волости те же обязанности изложены в таком виде: «И судити ему, бурмистру с товарищи, нас, крестьян, во всяких земских делех и по всяким письменным крепостям и управа чинить между нами, крестьяны, по указу великого государя и по Соборному уложению, и по новоуказным статьям, и по государевым уставным жаловальным грамотам и по государеву крестному целованью вправду и по сему нашему мирскому выбору и во всем великому государю радеть и добра хотеть»[3]. В таких же приблизительно очертаниях формулированы судебные обязанности бурмистра и в других устьянских избирательных

[1] Богословский, Земское самоуправление, т. I, приложения, стр. 82 и сл.

[2] Арх. мин. ин. дел, Приказные дела 1699 г., № 578, л. 17, 28—30.

[3] Там же, л. 20—25, 8—9.

списках. В некоторых добавляется еще обязанность его при этом соблюдать на суде беспристрастие и быть бескорыстным совершенно в тех же самых выражениях, как эти обязанности формулировались в старину: «другу не дружить, недругу не мстить, посулов, поминков и никаких взятков ничего ни у кого не имать и никакие неправды не чинить»[1]. Судебные дела, решение которых будет вне компетенции бурмистра с товарищами, они должны переносить в Москву, отсылая туда письменное производство, а также самих истца с ответчиком за поруками. Суд производится в судной избе, обычном присутственном месте прежнего земского судейки в центральном пункте волости. Правосудие отправляется коллегиально бурмистром с товарищами, как отправлял его земский судейка в старину: «а товарыщам с ним же (бурмистром) у суда сидеть и судных речей слушать и быть с ним (бурмистром) за един человек»[2], хотя указ 30 января 1699 г. ни о каких товарищах бурмистра, в особенности в виде земского целовальника и земского сотского, ничего не говорил. В свою очередь мир упоминает о своей обязанности оказывать послушание судебной власти бурмистра: «а нам, крестьяном, его, бурмистра, слушать во всем и послушным быть»[3].

Особенно подробен и, надо сказать, особенно архаичен тот отдел устьянских избирательных списков, который посвящен полицейским обязанностям бурмистра с товарищами. Здесь целые фразы формул целиком воспроизводят тексты губных наказов, включавшихся в старинные устьянские списки без всяких перемен, даже с сохранением денежных штрафов в тех же самых размерах, в каких они взимались в начале XVII или еще и в XVI в. Бурмистр с товарищами—целовальником и сотскими — и в особенности с губными своими товарищами — розыскным сотником и пятидесятником — должны преследовать в волости татьбу, разбой и душегубство. Проведав о такого рода преступниках, они должны предпринимать погоню за ними «с многолюдством, со всяким ратным оружием», причем волостной мир обязывается за воровскими людьми ходить всем миром, «его, бурмистра, не подать и воров имать пособлять и стоять за един человек». Поймав воров и разбойников и приведя их в судную избу, бурмистр с товарищами должны делать им расспросы, по мере надобности с пытками, для производства которых мир обязуется содержать в волости «заплечного мастера», и затем чинить им указ, т. е. расправляться с ними сам или отсылать за караулом в Москву в приказ Устюжской четверти, а «животы» их конфисковать. В избирательном списке Шангальской волости сохранилась даже статья о взимании

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Приказные дела 1699 г., № 578, л. 4— Введенская волость; л. 17—18 — Ростовская волость.

[2] Там же, л. 6—7 — Дмитриевская волость.

[3] Там же, л. 13—14 — Хозминский погост.

виры, если в волости случится душегубство. «А случится в Шангальской волости душегубство, и государевы верные деньги (вира) править ему, бурмистру Ивану, с товарищи на душегубце по 4 рубли по 4 алтына по $1^1/_2$ деньги и отсылать те деньги к великому государю к Москве в прикащиков доход с мирскими посыльщики».

Итак, бурмистр, избираемый на первый год XVIII в., должен еще взимать виру в ее сорокагривенном, установленном «Русской Правдой», размере с «накладами», т. е. добавочными пошлинами![1] Помогая бурмистру в поимке воров и разбойников, мир берет на себя обязанность строить и содержать тюрьму для таких преступников «с замками и железами» и снабжать тюрьму «всякою крепостью», т. е. нанимать для нее сторожей и «опасчиков». Сверх этих крупных полицейских дел, имеющих целью безопасность волости, в состав полицейских обязанностей бурмистра с товарищами входит также полиция нравов: преследование частного недозволенного винокурения, корчемства, азартных игр: зерни и карт, разврата, также с наложением пеней в старинных размерах. «Курешное питье», т. е. без разрешения выкуренное вино, — самогон, как бы мы теперь сказали, конфискуется, орудия производства — котлы и трубы — описываются, с «куряшников» взыскивается штраф. «Или буде у кого в Ростовской волости, — читаем в избирательном списке этой волости, — объявится винная продажа и корчма или крестьяня и бобыли учнут меж собою зернью и карты играть, и ему (бурмистру) Антону с товарыщи будет про то ведомо, ино ему винная продажа и котлы и трубы записывать и на курешниках и на питухах, которые люди станут куреху держать и продажное вино пить или станут карты и зернью играть, править на них пенные деньги по указу великого государя и по Соборному уложению, и те деньги к великому государю к Москве отсылать в Устюжской приказ, и о том к великому государю писать»[2]. В избирательном списке Дмитриевской волости наряду с преследованием «куряшников» вменяется в обязанность бурмистру преследовать также и «табатчиков», т. е. курильщиков табаку, которые также относятся к «воровским людям», и это в то время, когда Петр уже заключил договор с маркизом Кармартеном о ввозе в Россию и распространении там табаку и когда к английскому королю посылалась грамота с просьбой устранить «препоны», которые встретил маркиз Кармартен в парламенте для осуществления договора[3]. «А будет в нашей Дмитриевской волости, — читаем в ее избирательном списке, — объявятся какие воровские люди: или куряшники, или табатчики, или корчемники, или бл. . .ня, или зерщики или каким воровством кто учнет воровать, ино ему, бурмистру Мелен-

---

[1] Ср. избирательный список Шангальской волости 1643 г. (Богословский, Земское самоуправление, т. I, приложения, стр. 95—97).

[2] Арх. мин. ин. дел, Приказные дела 1699 г., № 578, л. 18.

[3] П. и Б., т. I, № 267.

тию, с товарыщи за те за всякие воровские дела иматца и указ чинить, до чего доведетца по указу великого государя на тех воровских людях»[1].

Так, еще до составления наказов для земских бурмистров, чем занималась Бурмистерская палата в Москве, Устьянские волости, поддерживая вековую старину, выбирали бурмистров вместо земских судеек, окружали этих бурмистров, только по названию отличавшихся от судеек, тем же аппаратом товарищей и служебного персонала, с которым работали земские судейки, снабжали их своими наказами в виде избирательных списков, где подробно прописывались их обязанности и текст которых восходил к далекой старине.

Взглянем теперь на ход реформы и прислушаемся к откликам на нее в остальных городах Поморья. На Чаронде с округой относительно будущего управления не высказались, прибегнув к обычной в таких случаях формуле: «а в мирских и во всяких делех воеводам ли ведать или кому великий государь укажет», но от двойного платежа категорически отказались, ссылаясь на хлебные недороды, потому что Чарондская округа «стала промеж мхами и болоты и земля худая, и безугодно, и хлеб мало родится». Крестьяне разбрелись, и округа запустела; купецких и промышленных людей у них нет; взять поэтому двойных денег не на ком, платить двойного оклада невозможно, и по старому окладу на них числится недоимка, и этой недоимки за их скудостью собрать невозможно[2]. В Кевролъском и Мезенском уездах выбрали в первом двух, а во втором одного бурмистра; относительно двойного платежа в первом изъявили согласие, во втором умолчали. В далеком Пустозерске выбраны были два бурмистра, кроме того Усть-Цылемская и Ижемская слободки Пустозерского уезда, где до того времени был один общий для обеих слободок староста, выбрали также одного общего для обеих бурмистра. О платеже умолчали.

Присматриваясь к выборам в Пермской земле, наблюдаем обособление от города сельских областных единиц: волостей или частей уезда. В таких деревенских единицах выбираются особые бурмистры. Так, в Кайгородке был выбран особый бурмистр для Кайгородка-посада и особый для Волосницкой волости в Кайгородском уезде. В Соли Камской на посаде избрано было 2 бурмистра. Соликамский уезд подразделялся на два округа: Инвенское поречье и Обвинское поречье, расположенные по притокам Камы, Инве и Обве. В каждом выбраны были особые бурмистры. Округа эти разошлись также между собой и с посадом относительно двойного платежа. Обвинское поречье высказало согласие; посад и Инвенское поречье умолчали. В Кунгуре избраны были 2 бурмистра из посадских людей; кунгурцы изъявили готовность платить двойной платеж. Яренск

---

1 Арх. мин. ин. дел, Приказные дела 1699 г., № 578, л. 7.
2 Там же, Приказные дела 1700 г., № 454, л. 33.

выбрал 2 бурмистров; относительно платежей яренчане представили пространно изложенные жалобы на оскудение и разорение края, обычные для Поморья: город их Яренск — место малое и скудное, земли плохие, и недороды хлебные бывают почасту, потому что близко студеного моря. От всяких великих скудостей и нужд многие яренчане разбрелись и потому денежные оклады платить им трудно, платят с великим правежом. Отягощены они также и повинностью ямской гоньбы, поддерживая почтовое сообщение с Березовом и Ижемской слободкой Пустозерского уезда, и эта ямская гоньба обходится им в год по 1 200 и по 1 300 рублей. Кроме того, у них в переписи значатся лишние дворы. В Вятской земле в Хлынове проявилось в выборах бурмистров единение посада с уездом: один бурмистр был избран из посадских людей, другой из уездных крестьян. От двойного платежа хлыновцы отказались, ссылаясь на тяжесть существовавшего уже обложения стрелецкой податью [1].

Итак, наблюдая Поморский край, мы находим, что только два города — Кевроль, собственно уезд без города, и Кунгур — приняли реформу и согласились на двойной платеж. Два города — Олонец и Каргополь — отнеслись категорически отрицательно и просили сохранить прежнее воеводское управление. Отношение поморских городов к реформе проявилось в тройной форме: или принятие нового управления, но с протестом против двойного платежа, или умолчание об управлении с протестом против платежа, или принятие управления и выборы бурмистров, но с умолчанием, правда, довольно красноречивым, о платеже. Рассматривая протесты отдельных местностей против двойного платежа, можно заметить между ними значительное совпадение в приводившихся в них мотивах, обусловленное, конечно, одинаковыми свойствами Поморского края. То были жалобы на суровую природу с хлебными неурожаями, на тяжесть налогов и повинностей, особенно ямской гоньбы, которой связывались населенные пункты на этих громадных пустынных пространствах, на разброд крестьян и запустение края, на упадок промыслов, словом, в этих сказках 1699 г. прозвучали опять те жалобы, те, так сказать, «причитания северного края», которые раздавались в бесконечном ряде мирских челобитных в течение всего XVII в.

XLV. ЗАМОСКОВНЫЕ И УКРАИННЫЕ ГОРОДА

Из Поморского края перейдем в область так называемых «замосковных» городов, составляющих центральную часть, как бы сердцевину Московского государства, с примыкающими к ней группами южных городов — рязанских, украинных (тульских) и заоцких (калужских), составлявших некогда украин-

[1] Арх. мин. ин. дел, Приказные дела 1700 г., № 454, л. 11—18.

ные территории государства. Некоторые из замосковных у украинных городов были подведомственны двум приказам, ведавшим и Поморский край, — Новгородскому [1] и Устюжской четверти [2]; управление остальными распределялось между четвертями Владимирской, Галицкой и Костромской. Мы имеем сведения об отношении к реформе в 50 замосковных и украинных городах. Из них приняли реформу целиком, т. е. выбрали бурмистров и выразили согласие на двойной платеж, только три самых незначительных посада: Михайлов, Унжа и Карачев.

Зато старые и значительные города Замосковного края — Владимир, Переяславль, Суздаль, Юрьев-Польский и Коломна — обнаружили к реформе категорически отрицательное отношение, частию заявляли, что выбрать им в бурмистры из своей братьи некого, люди все скудные (Владимир, Переяславль), частию же прямо просили о сохранении воевод (Суздаль, Юрьев-Польский); те и другие решительно протестовали против двойных платежей, ссылаясь на тяжесть налогов и повинностей, на большую задолженность посадских людей и разброд населения, на уход лучших посадских людей в гостиную сотню, на то, что торговыми промыслами завладели беломестцы. Кроме всех этих причин, Коломенский посад указывал еще на большие опустошительные пожары, случившиеся в 200 (1691/92) и в 204 (1695/96) гг., когда погорели лавки и дворы на посаде. О своих отягощениях коломенцы подавали в апреле 1699 г. особую обширную челобитную, по которой назначен был в Коломну обревизовать положение посада особый добрый подьячий из приказа Галицкой четверти [3]. Кроме этих крупных посадов, также отрицательно относились к реформе с просьбой сохранить воевод и с заявлением о решительной невозможности двойного платежа еще Солигалич и Чухлома в Костромском крае.

В Звенигород грамота из Устюжской четверти с сообщением указа 30 января пришла в марте. Стольник и воевода Гаврила Михайлович Ботвиньев велел земскому старосте и посадским людям «вычитать» грамоту «по многим дням на сходах». В результате этих многократных обсуждений вопроса звенигородцы в апреле всем посадом, разделявшимся тогда на две «стороны» — Вознесенскую и Рождественскую, — представили воеводе сказку, в которой писали, «чтоб указал великий государь быть и ведать свои, великого государя, указы и всякие челобитчиковы дела *попрежнему воеводам и приказным людям*, а *не выборным* и свои, великого государя, всякие подати платить по прежнему ж окладу в одноряд для того, что мы люди маломощные, скудные, бедные, платить нам оброчные деньги против окладу вдвое нечем, а и в одноряд платим

---

[1] Вологда, Нижний Новгород, Арзамас.

[2] Вязьма, Руза, Можайск, Звенигород, Клин, Бежецкий Верх, Старица, Венев.

[3] Арх. мин. ин. дел, Приказные дела 1699 г., № 110.

с великою нуждою, с правежем. А от воевод и от приказных людей мы, посадские люди, обид и налог мы напрасных не видали и нападков от них нам, посадским людям, никаких не бывало, воевода человек доброй». Однако в июле настроение изменилось, и звенигородцы, тот же земский староста Афонька Терентьев, десятский Илюшка Мартынов и все посадские люди обоих «посадов» — Вознесенского и Рождественского — выбрали к великого государя делу в бурмистры 2 посадских людей, Ефрема Терентьева и Самойла Максимова, ручаясь, что они, Ефрем и Самойло, люди добрые и правдивые «и с такое их дело будет» [1].

Ряд других крупных городов — Ростов, Тверь, Тула, Калуга, Таруса, Шуя, — решительно отказываясь от двойного платежа, обходил молчанием, может быть, довольно выразительным, вопрос об управлении. Указывались те же мотивы отказа: тяжесть платежей, и в обыкновенном размере, оскудение посадских людей. В частности южные города — Тула, Калуга — испытывали на себе тягости турецкой войны с азовскими операциями и с военными действиями на низовьях Днепра. Туляне жаловались на дороговизну хлеба и на разорительность для них подводной повинности, непомерно возросшей вследствие передвижения к югу ратных людей и военных припасов: «ратные де многие люди и всякие полковые припасы чрез Тулу идут непрестанно и под ратных людей и под полковые всякие припасы дают они непрестанно многие подводы». То же самое отягощало и калужан: «в Колуге де у них хлеб дорог; да у них же под ратных людей и под полковые припасы и под казну в малороссийские городы и на Воронеж, и во Брянеск подводы берут непрестанно и всякое изделье делают, а подводы нанимали дорогою ценою и подмогу кузнецам и иным людям дали многие деньги, и от всяких великих многих нужд оскудали великими неоплатными долгами и денежных доходов взять им вдвое не с кого».

Остальные замосковные и украинные города можно подразделить на две группы. К одной [2] относятся города, которые выбрали бурмистров, но от двойных платежей прямо и открыто отказались, приводя в своих заявлениях те же причины, по которым отказывались и города, упомянутые выше. Другую группу [3] составят города, которые бурмистров выбрали, но о двойном платеже умолчали. До нас сохранилось несколько подлинных выборных списков замосковных и украинных городов, представленных в приказ Устюжской чети. Все они в общем одинаковы и по внешней форме и по содержанию, гораз-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Приказные дела 1699 г., № 578, л. 67—70 — сказка; л. 32—33 — выбор за руками.

[2] Вологда, Нижний, Вязьма, Венев, Торжок, Болхов, Юрьевец.

[3] 21 город: Арзамас, Боровск, Верея, Руза, Можайск, Волоколамск, Клин, Ржева, Володимирова, Бежецкий Верх, Кашин, Зарайск, Ряжск, Лух, Галич, Кашира, Белев, Новосиль, Мценск, Лихвин, Воротынск, Мещовск.

до более краткому, чем рассмотренные выше выборные списки Устьянских волостей.

Вот их общая форма: «7207 г. такого-то месяца и числа по указу великого государя, по памяти из Устюжского приказа за приписью дьяка Бориса Михайлова (иногда еще: по приказу воеводы) земский староста или двое земских старост, посадские люди такие-то и все посадские люди выбрали к его, великого государя, делу таких-то посадских людей» (от 2 до 5), «а они люди добрые и правдивые и с такое дело их будет», или: «и они (бурмистры) люди добрые, с такое великого государя дело их будет. И в сборех великого государя денежных доходов верить им мочно» (Клин), иногда еще: «а нам, земскому старосте и посадским и промышленным и купецким людям против указу великого государя во всем быть послушным» (Звенигород, Вязьма), словом, по форме, по содержанию и по значению это тот же древнерусский выбор за руками, служащий не только полномочием для избранного и удостоверением избрания, но и ручательством мира перед высшей властью за пригодность избранного к тому делу, к которому он избран[1].

Следует отметить особые индивидуальные случаи. В Веневе 29 мая земский староста Иван Данилов, 3 десятника и все рядовые посадские люди выбрали 3 бурмистров «из своей братьи лучших и правдивых людей»; платить вдвое отказались, о чем внесли заявление сюда же в избирательный список: «вдвое платить за многими мирскими скудостями никакими мерами невозможно». Финансовые обязанности бурмистров в избирательном списке указаны определенно в таких выражениях: «И им, выборным нашим людем, будучи в том в 208 году, его, великого государя, денежные и настоящие всякие годовые доходы сбирать и на указные сроки, на которые указано будет, высылать к Москве сполна». Но другие их обязанности — судебные — поставлены под вопросом: «а меж нами росправа всякая чинить воеводам ли или им, выборным нашим людем, о том, что великий государь укажет?» Значит, отказавшись от двойного платежа, веневцы сомневались в своем праве судиться

[1] Арх. мин. ин. дел, Приказные дела 1699 г., № 578, л. 56—61 — Ржева Володимирова, 20 апреля, 5 бурмистров; л. 53—55 — Венев, 29 мая, 3 бурмистра; л. 71—73 — Клин, 29 мая, 3 бурмистра; л. 74—85 — Вязьма, 2 июня, 3 бурмистра. В вяземском выборном списке особенно многочисленный перечень посадских людей: кроме двух земских старост, их поименовано 180 человек; в других списках число это несравненно меньше: л. 62—66 — Руза, 30 июня, 2 бурмистра; л. 32—33 — Звенигород, 2 июля, 2 бурмистра; л. 36—37 — Бежецкий Верх, июль, 3 бурмистра; Арх. мин. юст. Белгородск. ст., № 1732, л. 271—273 — Ярославль, 26 июня, 4 бурмистра, Ярославским земским бурмистрам были подведомственны слободы: Борисоглебская, Рыбная, Норская, Юхотская волость и село Чамерово Ширенга, Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 378; л. 295—296 — Буй, 29 июля, 2 бурмистра; л. 276 — Лихвин, 15 марта, 2 бурмистра. Ярославль, Буй и Лихвин — города, подведомственные Костромской четверти. Арх. мин. ин. дел, Приказные дела 1699 г., № 230 — Старица, 17 июля, 2 бурмистра.

своими выборными, не сомневаясь в обязанности этих выборных собирать и отсылать подати, и предоставляли решение этого вопроса на усмотрение государя [1].

Во Мценске возникло по поводу выборов разногласие между воеводой и посадскими людьми. Воевода стольник Афанасий Шеншин писал в Москву, получив указ о выборах, что во Мценске посадских людей и дворцовых волостей и сел нет, живут только служилые люди: стрельцы, пушкари, воротники, драгуны, затинщики, рассыльщики, солдаты, ямщики — из таких людей выбрать бурмистров он без особого указа не смеет. Но в городе вопреки этой воеводской отписке нашлось 19 человек промышленных людей. Правда, это были все москвичи: «а живут во Мценске Москва», как выразился один из них, Конюшенной, Овчинной и Новомещанской слобод тяглецы, имевшие промыслы во Мценске, но платившие тягло на Москве. Однако они, желая быть послушными указу, все-таки выбрали 2 торговых людей из своей среды в бурмистры [2].

В Мещовске наблюдаем на бурмистерских выборах случай избирательной борьбы, случай редкий и, может быть, даже единственный на выборах 1699 г.: мало кого могла привлекать к себе служба бурмистра, на которую смотрели не как на почетную должность, а как на обязанность и тягло, отбываемое по очереди. Тем замечательнее случай в Мещовске. В июле были избраны там в бурмистры двое посадских людей: Илья Прокофьев Кутьин да Яков Костин. Однако не весь сход согласился с этим выбором. Образовалась группа в 25 человек во главе с Лаврушкой Быковым, которая выбор опротестовала, указывая, что на сходе был избран не Якушка Костин, а Савка Кобелев «и выбор написали при всех посадских людях на сходе и руки приложили»; но земский староста Тимофей Блестинов «тот их выбор отставил» и на место Савки Кобелева написал выбор на Якушку Костина, своего свойственника и притом «беснующего человека». Староста и поддерживавшая его партия против этого заявления возражали, что выборы были произведены правильно, что был избран Яков Костин, человек добрый, «не беснующий», бывавший раньше в службах, в старостах и в таможенных и кабацких головах «и будучи у такого дела, худа никакого не учинил». Наоборот, Савелий Кобелев не мог представить отчетности в табачной продаже, у которой он состоял, «за тем он, Савелий, от бурмистров и отставлен» [3].

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Приказные дела 1699 г., № 578, л. 53.

[2] Доклад, л. 27—28. «А в выборе написано: мценские жители, купецкие и промышленные люди Гришка Плотников с товарищи 19 человек выбрали они в земские бурмистры ко всяким делам к 208-му году Куземку Горнова, Лукьянку Жегалкина».

[3] Арх. мин. ин. дел, Приказные дела 1699 г., № 345.

XLVI. ГОРОДА, ПОДВЕДОМСТВЕННЫЕ РАЗРЯДУ

Из Замосковного края передвинемся к югу, в область городов, подведомственных по всем отраслям управления Разрядному приказу. Грамоты с изложением указов 30 января Разряд рассылал по своим городам 13 февраля. Первоначально эти грамоты рассылались по всем городам Разряда без разбора [1]. Но так как не во всех городах тогдашнего русского юга были посады — и это была особенность городов юга, подведомственных Разряду, — то, получая такие грамоты, воеводы беспосадных городов высказывали недоумение, как быть с выборами бурмистров. Так, из Лебедяни воевода по получении грамоты отписывал в Разряд, что он на Лебедяни и в уезде лебедянцам всяких чинов промышленным людям государев указ сказал. «И лебедянцы, государь, — продолжает воевода, — градские и уездные всяких чинов люди, мне, холопу твоему, сказали, что у них на Лебедяни посадских и купецких людей нет и земской избы не бывало, и в земскую избу к расправным и к челобитчиковым делам выбрать некого». На Лебедяни торговали и владели лавками служилые люди: стрельцы, казаки и пушкари; стрельцов и казаков в судебных делах ведают их стрелецкие и казачьи головы, подчиненные Разряду, и пушкарей — пушкарские головы, подчиненные Пушкарскому приказу. Стрельцы, казаки и пушкари расписаны на две очереди, или перемены, и этими очередями посылались обыкновенно на службу в Самару, в Новобогородицкий и в Сергиевский, а в текущем году высланы в Воронеж к корабельному делу, где теперь и находятся, и потому тем из них, которые занимаются торгами и промыслами, выбрать к расправным и челобитчиковым делам некого [2]. Валуйский воевода также доносил, что в Валуйках посадских людей нет, а промыслами занимаются только служилые люди полковой и городовой службы. Эти служилые торговцы и промышленники заявили воеводе, что они желали бы оброчные деньги с лавок, с полков и со всяких оброчных статей платить в прежнем размере. Бурмистров они, конечно, не выбрали [3]. Еще до получения подобных ответов в Разряде вспомнили, что посады имеются не во всех городах, ему подведомственных; поэтому был составлен список городов Разряда, и в этом списке сделаны отметки, в каких из этих городов посады есть [4], и по этому

---

[1] 13 февраля были посланы грамоты в следующие города: Курск, Севск, Белгород, Путивль, Елец, Ефремов, Ливны, Воронеж, Коротояк, Острогожск, Усмань, Козлов, Доброе, Данков, Обоянь, Чугуев, Лебедянь, Хотмыжск, Карпов, Валуйки, Новый Оскол, Старый Оскол, Торопец, Луки Великие (Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 28—32).

[2] Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 138—139. Получена в Москве 19 мая.

[3] Там же, л. 297—298.

[4] Там же, л. 227—230. Помета: «в которых городех есть посады, и в те городы к воеводам грамоты, а к земским старостам памяти отданы бурмистрам».

списку в начале июля рассылались новые грамоты о выборе бурмистров только в те города, где были посады[1]. Выборные списки по некоторым из этих городов сохранились. В Курске выборы состоялись 5 мая. Земский староста Афанасий Мухин и все курские посадские люди выбрали к государеву делу двоих курчан посадских людей Анфиногена Мартинова сына Бесходарного и Максима Мартинова сына Нифонова, «что ехать им, Анфиногену да Максиму, — как пишут курчане в избирательном списке, — с сим нашим выбором из Курска к Москве, а приехав, явитца в Розряде и сказать им о платеже великого государя про окладные повсягодные доходы и сборы: и они у нас люди добрые и правдивые, и у того дела столько их будет». 5 июня они явились в Москву, были утверждены и отпущены 31 июля в Курск, но что сказали в Москве курские бурмистры о двойном платеже, остается неизвестным[2].

В Севске выборы состоялись 29 июля по памяти, как гласит выборный список, «из приказу Большие казны за приписью бурмистра Ивана Семенникова». Это, конечно, не Большая казна, а Бурмистерская палата, судя по приписи московского бурмистра Ивана Семенникова; значит и в Севске, как и в Устьянских волостях на севере, не имели представления о центральном органе посадского самоуправления, рассылавшем памяти, и не давали еще себе отчета о городской реформе во всем ее объеме. На посадском сходе в Севске под председательством земского старосты Алексея Кубышкина присутствовали и участие в выборах приняли четыре члена гостиной сотни: Андрей Михеев, Василий и Петр Шереметцовы, Агафон Медведев и четверо кадашевцев: Михайло и Иван Дедовы, Тихон Назбицкой, Савелий Сысоев. Это были собственно москвичи, члены московских корпораций: гостиной сотни и Кадашевской слободы; но они промышляли в Севске и потому не сочли возможным уклониться от выборов. Сверх перечисленных членов гостиной сотни и кадашевцев, в именном перечне выборного списка названо по именам еще 5 посадских людей, а затем вместо обычной в этих случаях формулы: «да и все посадские люди» следует формула: «и все градские севские жители всяких чинов промышленные торговые люди». Эта формула покрывала собой не только севских посадских людей, которых, вероятно, было там немного, но и людей других сословий, занимавшихся в Севске торгами и промыслами. Действительно, в рукоприкладствах под текстом выборного списка встречаем подписи, кроме упомянутых выше кадашевцев, еще 14 кадашевцев и одного казачьего сына, с названием же посадских людей в рукоприкладствах можно насчитать только 9 человек. Можно себе представлять, следовательно, что торговля и про-

[1] Именно города: Курск, Севск, Воронеж, Коротояк, Козлов, Путивль, Белгород, Елец, Острогожск, Землянск, Торопец, Луки Великие (Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 231—251, 252).
[2] Там же, л. 140—143, 362—363, 303—307.

мыслы в Севске были более в руках москвичей — членов гостиной сотни и предприимчивых кадашевцев, чем посадских людей-севчан. Этот состав посада отразился и на результатах выборов. В бурмистры были избраны в Севске четверо: один член гостиной сотни — Макар Медведев, двое кадашевцев Яков Озаров и Лукьян Зайцев и один местный посадский человек Викул Полунин [1].

Совершенно иной оборот получило в подобном же случае дело в Путивле, где на посаде промышляли также и члены гостиной сотни и кадашевцы. Путивльский воевода Ксенофонт Алымов получил из Разряда указ о выборах 20 апреля, и на другой же день этот указ был им сказан земскому старосте «и посадским людям и гостиные сотни, и кадашевцом». Посадские люди произвели выборы и избрали из своей среды двух человек: Козьму Лашеева да Василия Мерзлюкина и подали на них воеводе выборный список за руками. «А гостиной сотни и кадашевцы, — доносит воевода, — путивильские жители, слушав твоего, великого государя, указу и грамот, сказали, что в Путивле они всякими расправными делами воеводам неведомы, а всякие де твои, великого государя, повсягодные доходы платят они: гостиные сотни в приказе Большие казны, кадашевцы в Мастерской палате, по присылке от старост. А выбору де они дать не смеют». Следовательно, члены гостиной сотни и кадашевцы уклонились от выборов, ссылаясь на неподсудность и неподведомственность путивльским воеводам и правильно указывая: члены гостиной сотни, что они подсудны и подведомственны приказу Большой казны, а кадашевцы — царицыной Мастерской палате и что всякие подати они платят в эти же приказы по извещениям от старост своих корпораций [2]. В эти приказы воевода и переслал поданные ему сказки гостиной сотни и кадашевцев.

В составе Севского уезда находилась тогда особая Комарицкая волость, где во второй половине XVII в. были устроены своего рода военные поселения: жители этой волости были обращены в солдат и драгун, несли военную службу и вместе с тем занимались земледелием и промыслами. Это были такие же военные поселения, какие заведены были в XVII в. в Сумерской волости Новгородского края и в некоторых Заонежских погостах на севере [3]. Комарицкая волость не была предусмотрена в списке тех городов Разряда, имеющих посады, куда из Разряда рассылались грамоты о выборах бурмистров [4],

---

[1] Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 312—313, выбор; двое избранных явились в Москву, откуда были отпущены 23 сентября (там же, л. 364, 368—369, 287—290, 291—293, 310—311).

[2] Там же, л. 149—150а, 308—309. (Ср. Арх. мин. ин. дел, Приказные дела 1699 г., № 551). Путивль находился, кроме Разряда, также в ведомстве Владимирской чети.

[3] Богословский, Земское самоуправление, т. I, стр. 144—145.

[4] Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 252.

и по составу и по занятиям своих жителей, казалось бы, не должна была подходить под действие указа 30 января. Однако эти жители почему-то, может быть, вследствие того, что были недовольны севскими воеводами, решили воспользоваться указом о реформе и весной, 21 мая, ранее многих других городов Разряда, выбрали бурмистров. Комарицкая волость была очень густо населена. Она собственно подразделялась на две волости: Комарицкую и Крупецкую, а Комарицкая волость в свою очередь распадалась на четыре стана: Чемлижский, Радогожский, Глодневский и Брасовский. На выборы 21 мая явились представители из 98 селений, именно от 67 сел и от 31 деревни в числе 160 человек[1]. Это, надо думать, было одним из самых многолюдных собраний для выбора бурмистров, какие происходили в 1699 г. Избраны были в бурмистры трое деревенских жителей: Брасовского стана деревни Щегловки Никифор Салтанов, той же деревни Григорий Трофимов и Радогожского стана деревни Робской Михайло Фомин — «а воеводам бы и приказным людям, — читаем далее в выборном списке, — нас расправами и розысками и никакими делами не ведать, а ведать бы ему, Никифору, с товарыщи»; они же должны собирать всякие казенные поборы и доходы. Избранные явились 2 июля в Москву и представили в Разряд выборный список. Однако в Разряде они показались для бурмистерской должности неподходящими и не были утверждены. 19 ноября, как гласит резолюция приказа, «боярин Тихон Никитич Стрешнев приказал послать его, великого государя, грамоту в Севеск к дьяку, велеть Комарицкие и Крупецкие волости солдатам выбрать в бурмистры иных всеми теми волостьми и выбор прислать к Москве». В посланной грамоте предписывалось комарицким и крупецким солдатам «выбрать в бурмистры вновь опричь Мишки Салтанова с товарыщи». Воевода «сказал этот указ всем солдатам вслух» 22 декабря[2].

В Козлове выборы состоялись в июле, избрано было 2 бурмистра[3]. Грамота о выборах в Землянск пришла 15 августа; и выборы 2 бурмистров были произведены там 18 августа; избранные явились в Москву и отпущены 6 сентября[4]. В двух городах Новгородского края, но подведомственных Разрядному же приказу, — в Торопце и Великих Луках выборы состоялись: в первом — 28 апреля, во втором — 12 июля; было из-

---

[1] Замечательно преобладание числа сел над числом деревень; что это было не одно название, а настоящие села с церквами, видно из того, что попы этих сел приложили руки к выборному списку вместо своих прихожан, которые в некоторых из рукоприкладств называются «солдатами», например: «К сему выбору села Лубошева вместо... десятника Петра Авдокимова и всех солдат Флоровской поп Прокопий руку приложил».

[2] Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 314—321, 399—408.

[3] Там же, № 1732, л. 285—286 — выбор; л. 283—284 — отписка.

[4] Там же, л. 299 — отписка; л. 300 — выбор, л. 357—358, 440—441.

брано в каждом по 3 бурмистра[1]. Из этих городов Разряда, которые были отмечены в списке как имеющие посады[2], нет известий, как прошли выборы бурмистров в Ельце, Белгороде, Острогожске, Коротояке и в Воронеже, где указ о производстве выборов был объявлен воеводой только 16 августа[3]. Но зато оказался город, не имеющий посада, где все-таки произошли выборы. В Старом Осколе за неимением посадских людей торгами и промыслами занимались служилые люди — дворяне и дети боярские. Поэтому и текст избирательного старооскольского списка редактирован довольно оригинально: «Лета 7207 июля... старооскольцы дворяне и дети боярские купецкие и промышленные торговые все грацкие люди выбрали мы» и т. д. Избранными оказались также дворяне: «выбрали мы... старооскольцев дворян торговых, купецких, промышленных людей Михайлу Леонтьева сына Коробкова, Афанасия Федотова сына Прокудина [в] бурмистры»[4]. Припомним, что в городах Лебедяни и Валуйках, где не было посадов, держались иных взглядов и не выбрали бурмистров; значит в Старом Осколе не придали городской реформе 1699 г. узко сословного значения, а взглянули на нее более широко, поняли ее так, что она касалась не только одного сословия посадских людей, а вообще всех торгово-промышленных людей, к какому бы сословию люди, занимавшиеся торгами и промыслами, ни принадлежали.

Для городов Разряда пришлось сделать исключение в тех финансовых отношениях к центру, какие установлены были указами 30 января. По этим указам всякие податные сборы с торгово-промышленного населения городов, пожелавших принять реформу, должны были итти уже не в те приказы, которым города были ранее подведомственны, а к московским бурмистрам. С 48 городов Разряда собиралось оброчных денег с мельниц, с рыбных ловель, с лавок и с мостовщины 4 580 рублей с лишком в год, и эти деньги шли на разные расходы приказа, между прочим, на жалованье разрядным подьячим, составляя то, что мы теперь называем специальными средствами учреждения. С передачей этих сборов в Бурмистерскую палату Разряд лишался бы своих специальных средств. Вот почему в мае 1699 г. дьяк Артемий Возницын писал в Азов находившемуся там боярину Т. Н. Стрешневу среди разных дел также и о том, что из Разряда ведомости об окладных доходах подведомственных городов к московским бурмистрам не отпущены. В докладной выписке, отправленной вместе с этим письмом к Стрешневу, где приведены цифры упомянутых сборов с каждого города и общая их сумма, высказывались такие соображения: «по указу великого государя велено

---

[1] Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 280—282 — выбор в Торопце; л. 277—279 — выбор на Луках Великих.

[2] Там же, л. 252.

[3] Там же, л. 294.

[4] Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 274—275.

ведать окладные денежные сборы с 208-го году выборным бурмистрам; и окладные книги изо всех приказов о денежных зборех для того збору отослать к ним, бурмистрам». Об этом из Разряда разосланы указы по всем тем приказам, где такие окладные доходы были ведомы. «А из Разряду, — читаем далее, — денежным окладным збором окладные и зборные книги к бурмистрам не отосланы для того: естьли те доходы отослать, и в Розряде никаких доходов не останетца, и на вышеписанные приказные окладные и неокладные всякие росходы денег дать будет нечего»[1]. Из Азова пришел в июле желательный для Разряда ответ, и Разряд сообщал московским бурмистрам, что «по писму из Азовского походу городовых денежных доходов, которые доходы в городех збирают и присылаютца к Москве в Розряд, до указу к вам отсылать не велено для того, что те денги по вся годы бывают в росходе на полковые и на всякие избные расходы в Розряде»[2].

XLVII. ИТОГИ ОБЗОРА МЕСТНОЙ ГОРОДСКОЙ РЕФОРМЫ

Мы сделали обзор выборов в бурмистры, происходивших в 1699 г. в Смоленской и Новгородской областях, на Поморском севере, в Замосковном крае и в примыкающих к нему группах украинных городов и, наконец, в южных областях, подведомственных Разрядному приказу. Этот обзор далеко не полон. Из городов, которые ведомы были в Костромской четверти, мы нашли сохранившиеся случайно в архиве Разряда выборные списки только трех городов — Ярославля, Буя и Лихвина[3]. У нас нет сведений о городах, ведавшихся в приказах Большого дворца, Большой казны, Малороссийском, Великороссийском и, что главное, совсем нет никаких документов, касающихся городов, подведомственных приказу Казанского дворца, всей этой обильной городами территории Нижнего Поволжья, Тамбовского и Пензенского краев. Документов приказа Казанского дворца не сохранилось вообще, потому что архив этого приказа безвозвратно погиб в пожаре 1737 г.

Этот недостаток данных оставляет пробелы в изучении процесса бурмистерских выборов 1699 г. Совершенно неизвестно, какие ответы давали города, о которых нет данных в документах, и как проходили в них выборы. Однако сохранившегося документального материала достаточно, чтобы сделать некоторые общие наблюдения, по крайней мере, для тех местностей, для которых этот материал имеется. Прежде всего можно сказать, что реформа имела не только городской, но также и дере-

---

[1] Зачеркнута еще следующая фраза: «И из Розряду те денежным доходом окладные и сборные книги к ним, бурмистрам, отсылать ли?»

[2] Арх. мин. юст., Белгородск. ст., № 1732, л. 125б—132, 269—270.

[3] См. выше, стр. 323, примечание 1.

венский характер. Бурмистры избирались не в одних только городах, но и в волостных крестьянских организациях и в отдельных селах. Так, они появились в целом ряде сельских волостей в Смоленском крае, в Новгородской области и в Поморье, где Устьянские волости можно считать наиболее ярким случаем в этом роде. В реформу втягивалось, таким образом, не только посадское население городов, но и деревенское население черных и дворцовых волостей и сел, даже не имевшее торгово-промышленного характера. Население Устьянских волостей в массе было все же чисто крестьянским, как, конечно, и большинство населения и других черных и дворцовых волостей и сел. Такое привлечение поморского уездного населения к реформе 1699 г., осуществленное уже на практике в силу сложившихся на севере издавна связей городов с уездами, было оформлено в виде общей меры указом 3 ноября 1699 г., воспрещавшим в поморских городах воеводам ведать государевых крестьян и предписывавшим ведать их бурмистрам[1].

В самом понимании указов 30 января, в самом приложении их к действительности нельзя не заметить значительного различия в отдельных случаях; примеры таких различий мы приводили выше, когда, например, в одном городе торгово-промышленные люди, москвичи, члены московских корпораций гостиной сотни и кадашевцы, отстранялись от выборов, а в другом эти же элементы участие в выборах принимали и даже сами оказались избранными. Одни города Разряда, где не было посадов, отказывались от выборов; но есть случай, когда и избирателями и избранными были дворяне, проживавшие в городе и занимавшиеся торговлей и промыслами, как это было в Старом Осколе. Так, в одних случаях нововведение получало узко сословное значение; в других, наоборот, оно, не замыкаясь в узкие рамки, приобретало всесословный характер, захватывая не только посадское население, но и крестьянское и служилое. Если на Поморском севере в бурмистры выбирались черносошные крестьяне, то на юге с его служилым населением бурмистрами оказывались солдаты и дворяне. Повод к такому широкому толкованию подавал самый текст указов 30 января, где рядом с термином «посадские люди» поставлены были термины «торговые, промышленные и купецкие люди». Эта терминология закона 30 января как бы предуказывала дальнейшее развитие строя города в том всесословном направлении, которое завершено было Городовым положением 1785 г., установившим, что всякий, кто имеет дом, торг или промысел в городе, входит в состав городского общества и принимает участие в городском самоуправлении.

Простая статистика, простые цифры городов, откликнувшихся на призыв реформатора во всем объеме этого призыва или частично, или ответивших на призыв отрицательными заявле-

[1] П. С. З., № 1715.

ниями и протестами, показывают, что реформа встречена была без какого-либо энтузиазма. Только очень немногие, притом все мелкие и незначительные города откликнулись на призыв реформатора и выразили согласие принять реформу целиком с двойными платежами. Большие и значительные города, как Смоленск, Новгород, Псков, Холмогоры, Устюг Великий, Сольвычегодск, Владимир, Суздаль, Тула, Калуга, Коломна и др., оказались на противоположной позиции или молчаливой, или протестующей, притом либо открыто выразившей желание сохранить старину, либо сопротивлявшейся повышению сборов. Нельзя отрицать в этих заявлениях стремления сохранить старину, которой, может быть, несмотря на ее недостатки, дорожили, боясь неизведанных и казавшихся рискованными экспериментов. Мы наблюдаем также, может быть, довольно бессознательное стремление приладить и приспособить новшества к старому укладу, как это в особенности проявилось в Устьянских волостях. Но, конечно, главной причиной оппозиции были наиболее отталкивавшие от реформы двойные платежи. Очевидно, что те выгоды и удобства, которые сулила реформа, не перевешивали тех убытков и тягостей, которые явились бы результатом увеличения вдвое налогов. К осени 1699 г. такое настроение городов стало для законодателя ясным, и 20 октября появился указ, по которому двойной платеж как условие реформы отпадал, но зато выборы бурмистров распространены были на все города. Реформа перестала быть добровольным предложением и стала обязательным требованием [1]. Это распоряжение устраняло ту раздвоенность, которая возникла бы в управлении городов при добровольном характере реформы, когда сборы с одних городов, не принявших преобразования, шли бы в разные приказы, а сборы с других — в Бурмистерскую палату, когда торгово-промышленное население одних городов подчинялось бы воеводам и приказам, а других — Бурмистерской палате и когда эта последняя совершенно не получила бы значения того единого централизующего объединяющего все торгово-промышленное население «пристойного приказа», с которым она учреждалась.

XLVIII. НЕВОЗМОЖНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДСКОЙ РЕФОРМЫ 1699 г. В ПОЛНОМ ОБЪЕМЕ

Рассмотрение деятельности Бурмистерского управления как Московской бурмистерской палаты, так и городовых бурмистров после 1 сентября 1699 г., когда эта деятельность должна была начаться, не входит в нашу задачу, имевшую целью лишь изучение реформы за тот ее период, который можно назвать периодом организации новых учреждений и периодом

---

[1] П. С. З., № 1704. Милюков, Государственное хозяйство, стр. 120.

подготовки их к назначенной им деятельности. Московская бурмистерская палата открыла свои действия по управлению 1 сентября 1699 г. Бурмистры присутствовали у обедни в Успенском соборе, а затем посетили патриарха, чтобы взять у него благословение. «208 г. сентября в 1 день, — пишет Желябужский в своих «Записках», — по именному указу великого государя велено сидеть в полате бурмистром. И они были в соборной и апостольской церкви и у святейшего патриарха Адриана. И после того сели в бурмистрову палату» [1]. Бурмистры на местах стали вступать в должность не везде точно в срок, с бо́льшим или меньшим опозданием, так как опаздывали и самые выборы, и явки избранных в Москву, и отпуски их из Москвы. После указа 20 октября, сделавшего реформу повсеместной, должны были производиться выборы бурмистров в тех городах, которые первоначально от них отказались.

Изучение деятельности бурмистерских учреждений — Ратуши и местных земских изб — после 1 сентября 1699 г., при наличии существующих источников, едва ли возможно. Правда, есть источник, казалось бы, позволяющий познакомиться по крайней мере с деятельностью местных бурмистров. Это те наказы, которые давались местным бурмистрам из Московской ратуши [2]. Но эти наказы не ответят на наши запросы и не изобразят нам земскую избу и бурмистров в их повседневной действительной работе; они очерчивают обязанности бурмистров, но в слишком общих отвлеченных формулах и притом не вполне; они касаются только функций бурмистров по финансовому управлению и не касаются их судебной деятельности. По наказам бурмистрам вменяется в обязанность иметь вообще прилежное радение о казенных сборах; осмотреть и описать оброчные статьи; наблюдать, не владеет ли кто такими статьями, не платя оброка; отдавать эти статьи в держание с торгов; действовать в этом случае «с общего всех мирских людей совету, усматривая как бы впредь было прибыльнее». Все казенные доходы текущего года бурмистры должны высылать в Москву без всякой недоимки под опасением штрафа в размере одной десятой окладной суммы. Ни в какой расход собранных денег без указа из Москвы за подписью президента и членов Бурмистерской палаты городовые бурмистры выдавать не могут. Бурмистры обязаны далее составить и прислать в Москву роспись людям торгового чина своего посада, а также беломестцам, занимающимся торговлей. Списки эти, кроме подписи самих бурмистров, должны быть скреплены также и подписью лучших мирских людей. Бурмистрам вменяется в обязанность смотреть, нет ли от беломестцев утеснения посадским торговым людям. Вот и все те статьи наказов, которые говорят

[1] Желябужский, Записки, стр. 147.

[2] П. С. З., № 1697 — наказы нижегородским и костромским бурмистрам; Акты Археографической экспедиции, т. IV, № 320 — белозерским; П. С. З., № 1813 — брянским; № 1922 — курским.

о прямых и непосредственных финансовых обязанностях земских бурмистров. Значительно бо́льшая часть параграфов в наказах касается таможенного и питейного управлений; но для этих управлений избираются особые таможенные и кабацкие бурмистры, подчиненные земским, которые за ними наблюдают и ими руководят.

Наказы, таким образом, совершенно не могут показать нам деятельность бурмистров такой, как она протекала в действительности. Они дают нормы, притом слишком общие и неполные, а не фактическое изображение действительно происходившего. Изучение деятельности Бурмистерской палаты и городовых земских изб было бы возможно только по документальному материалу, заключающему в себе делопроизводства этой палаты и изб. Наилучшим источником в этом отношении был бы архив Московской ратуши как центрального учреждения, в делопроизводстве которого должно было быть сосредоточено множество документов, касающихся всех подведомственных Ратуше городов. Архив Ратуши позволил бы сразу окидывать взглядом, как бы с центральной возвышенной точки, деятельность всех местных земских изб по всей территории России. Изучение деятельности местных земских изб только по их архивам представляет то неудобство, что не может не быть, во-первых, бесконечно длительным, так как пришлось бы изучать один архив за другим и, во-вторых, отрывочным, так как, конечно, далеко не все архивы земских изб сохранились. Но во всяком случае только при помощи такого центрального или местного архивного материала мы были бы в состоянии показать, как действовало в жизни вновь заведенное городское самоуправление. Тогда, вероятно, можно было бы разрешить неразрешимые по одному только законодательному материалу вопросы: как происходили и когда были закончены выборы в городах, не пожелавших первоначально принять реформу и производивших выборы после указа 20 октября 1699 г., в какие отношения стали новые органы городского самоуправления к посадским сходам, в чем заключалась деятельность посадских сходов при бурмистрах, сделались ли они только избирательными сходами, собиравшимися исключительно для выборов, или принимали участие в текущих городских делах, на что́ как будто есть указание в наказах, требующих в некоторых случаях действия бурмистров «с общего всех мирских людей совету»; далее, продолжали ли существовать при бурмистрах прежние земские старосты, если продолжали, то ограничивалась ли их деятельность только председательством на посадском сходе или же они принимали участие и в исполнительной деятельности. Жизнь плохо поддавалась общему шаблону, и этих местных различий и особенностей не уловить по законодательному материалу. Так, например, только что намеченный вопрос о прежних земских старостах, о котором закон ничего не сказал, жизнь решала в разных местах различно.

В Устьянских волостях, как припомним, бурмистры выбирались по волостям вместо прежних земских судеек, которых они должны были сменить; наоборот, в городе Белеве избиратели, выбрав двух земских бурмистров, писали о них в выборном списке: «быть им в земской избе с земским старостой» [1], значит в Белеве сохранили земского старосту и притом не только в виде председателя посадского схода, но в виде участника в управлении вместе с бурмистрами. Все эти и другие подобные вопросы могут быть решены только по актам делопроизводства: но, к сожалению, архив Ратуши до сих пор не разыскан. Пока он не будет найден, полное изучение городского самоуправления 1699 г. в его действии невозможно; приходится довольствоваться изучением отрывочным и преимущественно по законодательным памятникам.

Законодательство о городском самоуправлении с 1699 г. не прекратилось. Оно продолжало разрабатывать разные стороны реформы, оставшиеся без законодательных определений при ее введении, притом разрабатывало их чисто казуистически, решая частные вопросы и отдельные случаи. Главными вопросами в этой разработке были: в центре — пределы ведомства Ратуши, в местностях — отношение бурмистерских управлений к воеводской власти. В особенности много законодательного труда и в наказах бурмистрам и в отдельных указах вызвало отнесенное к ведомству бурмистров таможенное и питейное управление, что̀ и понятно ввиду того огромного значения, какое имели таможенные и питейные сборы в московском бюджете, составлявшие до введения подушной подати почти половину всех государственных доходов.

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Приказные дела 1700 г., № 454, л. 26.

КАРЛОВИЦКИЙ КОНГРЕСС

XLIX. ОБЗОР ВОЙНЫ СВЯЩЕННОЙ ЛИГИ С ТУРЦИЕЙ. П. Б. ВОЗНИЦЫН

Петр выехал в Воронеж, получив первые известия о заключении перемирия в Карловице. Во время пребывания его в Воронеже ему были сообщены и подробные сведения об этом перемирии. Нам надлежит теперь припомнить ход событий на Карловицком конгрессе.

Продолжительное царствование императора Леопольда I (1658—1705 гг.) проходило почти в беспрерывных восстаниях венгров против Габсбургского дома. Тогдашняя Венгрия тянулась с юго-запада на северо-восток длинной и узкой полосой — где в 200 верст шириной, где еще уже, — примыкая с одной стороны к собственно австрийским владениям Габсбургов, а с другой — к владениям Турецкой империи, в состав которой входили тогда Далмация, Босния и Герцеговина, Сербия, Славония (пространство между правыми притоками Дуная, Савой и Дравой), далее, значительная часть венгерских земель с городами Офеном (Будой), Пештом и др. и, наконец, пользовавшаяся некоторой автономией под управлением особых князей — Седмиградия (Трансильвания). Такое географическое положение Венгрии между собственно австрийскими владениями и Турцией давало Турции возможность питать и поддерживать восстания в Венгрии по всему длинному венгерскому фронту. Поддержка венгерских восстаний была в сущности замаскированной войной турок, подстрекаемых к тому Францией, против империи, хотя императорский посол пребывал в Константинополе, будучи принимаем при дворе падишаха

с унизительной холодностью, в то время как посольствам вождей венгерских повстанцев оказывали там постоянно весьма радушный прием. Эта замаскированная война перешла в открытую, после того как Порте удалось обезопасить себя с северо-востока, заключив мир с Польшей при Журавне в 1676 г., отдавший в руки турок город Каменец и всю Подолию, и перемирие с Московским государством в Бахчисарае в феврале 1681 г., по которому границей между обоими государствами становился Днепр. Момент для нападения на Австрию казался особенно подходящим, когда восстание венгров разгорелось с небывалой силой под руководством энергичного предводителя — графа Эмерика Текели (1682 г.). Летом 1683 г. огромные полчища турок под командой великого визиря Кара-Мустафы двинулись по Дунаю, вторглись в австрийские владения, перейдя границу при городке Раабе (8 июня) и осадили Вену (14 июля). Столица империи, однако, оказала упорное сопротивление и стойко выдерживала осаду, пока не подоспели на выручку имперские и польские войска под общим начальством польского короля Яна Собеского (11 сентября). Турки были наголову разбиты и бежали до Белграда, где по приказанию султана Магомета IV великий визирь Кара-Мустафа был казнен за неудавшееся предприятие (25 декабря 1683 г.).

Осада Вены произвела сильнейшее впечатление во всей Западной Европе. Хорошо сознавалась опасность, которой подвергся бы христианский мир со стороны мусульманства, если бы столица империи пала. Вызванное этой опасностью общественное возбуждение дало толчок к возникновению направленного против Турции союза соседних с Турцией европейских государств, основанного под названием Священной лиги в 1684 г. с благословения папы Иннокентия XI, мечтавшего о новом крестовом походе против турок. В состав Священной лиги вошли император, Венецианская республика и Польша, а в договоре, который заключили между собой эти государства, проводилась мысль о желательности привлечь к союзу всех христианских государей и об особенной необходимости привлечь московских государей[1]. Это привлечение московских государей и было осуществлено двумя годами позже.

С того же 1684 г. началась война союза против Турции, продолжавшаяся 15 лет и окончившаяся Карловицким миром 1699 г. При обзоре военных операций держав Священной лиги против Турции их можно разделить на два периода, из которых первый совпадает с 80, а второй с 90-ми годами XVII в. В первый период военные действия империи и Венеции были необыкновенно удачны. Наступление имперских войск шло тремя группами и сосредоточивалось на трех театрах войны. На левом фланге, в верхней Венгрии и Седмиградии, взяты

---

[1] Zinkeisen, Geschichte des Osmanischen Reichs in Europa, V, 115: «tutti i principi Cristiani e massimamente li Czari di Moscovia».

были города Эпериед, Токай, Кашау, Эрлау и Мункач, причем действовавший здесь граф Эмерик Текели, которого покинула удача, был отведен турками в цепях в Константинополь. Венгерское восстание было ликвидировано; Венгрия провозглашена была наследственной монархией, и эрцгерцог Иосиф был коронован венгерской короной. Императорское правительство жестоко расправилось с повстанцами в Эпериеде. Правым флангом имперских войск была Славония, где одержана была над турками блестящая победа при городе Могаче. Главные массы армии двигались в центре, спускаясь вниз по Дунаю. Здесь целью военных операций было взятие города Офена (Буды), которым удалось овладеть, однако, только в 1686 г. после тщетных попыток предыдущих лет. Взятие этой венгерской крепости, в течение 145 лет находившейся в руках турок, было блестящим успехом, сопровождавшимся значительными последствиями. Открывался свободный путь вниз по Дунаю, и в следующие годы имперские войска захватывают Белград, овладевают частями Сербии и Боснии, спускаются по Дунаю еще ниже и захватывают задунайские крепости Виддин и Никополь.

С таким же успехом действуют в те же годы венецианцы под начальством своего выдающегося полководца Франческо Морозини. В состав сухопутных венецианских войск входили также отряды, присланные некоторыми немецкими князьями; на службе республики приобрел себе видную военную репутацию шведский фельдмаршал граф Кёнигсмарк. Операции венецианцев сосредоточиваются на двух театрах: в Далмации и в Морее с Архипелагом. В Далмации они овладевают побережьем и, возбуждая восстание далматинских славян, постепенно продвигаются в глубь страны. У берегов Мореи действует венецианский флот, который, крейсируя вдоль побережья, захватывает один греческий город за другим, оставляя там гарнизоны. Так были захвачены в Коринфском заливе Патрас и Лепанто. Взят был и самый Коринф, причем венецианцы составили было проект прорытия Коринфского перешейка и приступили уже к его осуществлению, но встретили при этом неимоверные трудности, заставившие их бросить начатые работы. На западном берегу Мореи Морозини взял Наварин и Корон, а затем, обогнув полуостров, флот в сентябре 1687 г. подошел к Афинам, которые и были взяты, причем венецианская бомба, попавшая в пороховой погреб, устроенный турками в Парфеноне, вызвала взрыв, обративший этот знаменитый памятник античного зодчества в развалины. Однако развившаяся в венецианских войсках эпидемия и другие неблагоприятные обстоятельства заставили венецианцев в следующем 1688 году покинуть Афины. Столь же неудачной была и предпринятая в том же году попытка овладеть островом Негропонтом — древней Эвбеей. Этот год был вообще поворотным моментом для военных действий союзников.

Военные операции Польши были направлены в 80-х годах

к двум целям: во-первых, к захвату потерянного в предыдущую войну Каменца и, следовательно, Подолии, во-вторых, к овладению соседней Молдавией. Достигнуты эти цели не были: ни Каменца, ни Молдавии завоевать не удалось, несмотря на то что войсками предводительствовал такой полководец, как Ян Собеский. В 1686 г. он вторгся в Молдавию и взял уже Яссы, но, окруженный превосходными турецкими силами, принужден был уйти. Однако, терпя неудачу на театре военных действий, Собеский сумел привлечь к Священному союзу нового члена—Московское государство, с которым, ценой, правда, больших уступок, 26 апреля 1686 г. заключил вечный мир; следствием этого присоединения Москвы к союзу были походы князя В. В. Голицына в 1687 и 1689 гг. в Крым, имевшие целью отвлечь внимание крымских татар от содействия Турции. Итак, результатами войны за восьмидесятые годы были: для Австрии — приобретение Венгрии, Седмиградии, Славонии, Сербии и части Боснии; для Венеции — приобретение Далмации и Мореи.

Второй период войны был гораздо менее благоприятен для союзников. Военные действия не отличались той стремительностью натиска, с какой они велись в первом. Неудачи были гораздо чаще и крупнее, и пришлось потерять многое из захваченного ранее. Силы и средства союзников заметно истощались. Чувствовалась усталость от затянувшейся войны. Непосредственная опасность от мусульман миновала и перестала пугать христианский мир. Религиозное воодушевление остыло. Папская курия, при преемнике Иннокентия XI, Александре VIII оказывавшая помощь Лиге, при следующем папе, Иннокентии XII, перестала ее поддерживать, ссылаясь на недостаток средств. Притом значительную долю военных сил империя должна была направить на рейнский театр войны против Франции, против которой империя вступила в коалицию с Англией и Голландией, и недаром 1688 год является моментом перелома в ходе войны Священной лиги против Турции: в этот год как раз началась война коалиции против Людовика XIV. Немецкие контингенты были оттянуты также из состава венецианской армии, чем значительно ее ослабили. Республика продолжала вести военные действия на прежних театрах войны: и в Далмации, и в Морее; но операции на островах Крите и Хиосе были неудачны. Польша действовала крайне вяло, вернее, бездействовала; сеймы не давали денег на военные нужды, а со смертью короля Яна и с наступлением междукоролевья, когда борьба партий поглотила все внимание поляков, Польша совсем выбыла из строя. Австрия в 1689 г. потеряла завоевания в Боснии и должна была уйти из Белграда. Только две крупные победы империи ярким блеском выделились на сером фоне этого периода и поддержали престиж союзников: победа маркграфа Людвига Баденского при Саланкермене (при впадении реки Тиссы в Дунай) в 1691 г. и победа

принца Евгения Савойского в битве при Центе на берегу Тиссы 11 сентября 1697 г., где турецкие войска подверглись полному разгрому. К успехам союзного оружия следует, конечно, присоединить события, приходящиеся на промежуток между этими победами, — взятие Петром Азова и приднепровских крепостей: Тавани, Казыкерменя, Гасланкерменя и Шангирея, — грозившие для турок опасностью со стороны Черного моря.

Эти победы, значительно подорвавшие силы Турции, а также то соображение, что заключение Рисвикского мира развязывало руки империи, которая могла теперь вновь обрушиться на Турцию всеми силами, возбуждали в последней миролюбивое настроение и заставили ее принять посреднические услуги, предложенные ей Англией и Голландией. Английское и голландское правительства выступили с посредничеством в Константинополе, предвидя скорую кончину испанского короля Карла II и неминуемую борьбу затем между Бурбонами и Габсбургами за испанское наследство, во время которой турецкая война должна была значительно ослабить Австрию и тем дать перевес Франции. В интересах посредников было содействовать освобождению Австрии от этой войны и, таким образом, мешать усилению Франции; в интересах самой Австрии было иметь в предстоящей борьбе свободные руки. Вот почему предложение посредничества нашло себе сочувствие в Вене. Летом 1698 г., перед приездом туда Петра, там шли предварительные переговоры между союзниками о будущем мире, причем было принято и основание для мирных переговоров: «uti possidetis». Это основание было выгодно для австрийского дома и для Венеции ввиду тех значительных территориальных приобретений, которые были ими сделаны во время войны.

Известие о мирных предложениях турок и о начале мирных переговоров было получено Петром еще в Амстердаме и вызвало у него большое недовольство, с которым он и приехал в Вену. Горя нетерпением выяснить этот вопрос и не будучи в состоянии дожидаться начала официальных переговоров великих послов с австрийскими министрами, которые не могли открыться ранее исполнения предварительных формальностей, он, как припомним, непосредственно сам начал эти переговоры с канцлером графом Кинским, послав ему 21 июня в письменном виде три ясно и прямо поставленных вопроса: намерен ли император продолжать войну или готов заключить мир? Если намерен заключить мир, то на каких условиях? Какие условия предлагаются через посредничество английского короля турками? На эти вопросы австрийское правительство отвечало, что цесарь непрочь выслушать сделанные турками мирные предложения и что основание для переговоров принято такое, на каком всегда договаривались с турками предки цесаря: «uti possidetis». В происшедшей затем личной приватной беседе с Кинским 26 июня Петр с откровенной прямотой выразил недовольство как тем, что австрийский двор начал переговоры

Рис. 22. Победа принца Евгения Савойского над турками при Центе.
Гравюра на календарном листе 1697 г.

без предварительного извещения союзников, так и самым основанием, принятым для будущего мира, — «uti possidetis». Не будучи извещен заранее о склонности цесаря заключить мир, он, готовясь к продолжению войны, сделал большие военные приготовления и вошел в убытки, которых можно было бы избежать, если бы знать о предстоящем прекращении войны. Основание «uti possidetis» его не удовлетворяет, так как он не довершил еще своих завоеваний взятием крепости Керчи, необходимой для безопасности со стороны крымских татар, без чего не может быть прочного мира. Без приобретения этой крепости ему мириться нельзя. После этой беседы царь формулировал письменно два своих желания: 1) он желает прочного мира, а для этой прочности ему необходимо приобретение Керчи, из которой можно было бы сдерживать нападения крымских татар; 2) если турки крепости этой не уступят, то он, царь, желает, чтобы цесарь не только вел войну до истечения срока трехлетнего союзного договора, заключенного 8 февраля 1697 г., но и еще два или по меньшей мере один год сверх того, т. е. до 1701 г. В ответе на эти пожелания, данном 30 июня, Кинский указал на трудность получить от турок Керчь путем переговоров, так как турки не имеют обыкновения уступать то, чего они не потеряли. Во всяком случае царь будет иметь время ее приобрести силой оружия. На пожелание продолжать войну до 1701 г., в том случае если турки не согласятся уступить Керчь добровольно, дан был уклончивый ответ: рассудить об этом будет возможность и по открытии конгресса с турками. На этом приватные переговоры Петра с Кинским окончи-

лись; официальных переговоров великому посольству не пришлось начать вследствие внезапного отъезда в Москву. Петр понял, что решение цесарского правительства непреклонно. Ничего не оставалось, как принять участие в будущем конгрессе. Уполномоченным вести дело на конгрессе был назначен третий великий посол — Прокофий Богданович Возницын.

Теперь нам следует поближе познакомиться с этим дипломатом, деятельность которого на мирном конгрессе надолго займет наше внимание, и привести на память несколько сведений, какие имеются о предыдущей его служебной карьере. П. Б. Возницын был родом из детей боярских Владимирского уезда, из того слоя этого мелкого служилого люда, которым наряду с разночинцами «из поповичей и простого всенародства», по выражению князя Курбского, комплектовались кадры персонала подьячих в московских приказах. Возницын начал службу по ведомству иностранных дел подьячим Посольского приказа, куда попал в блестящее время управления этим приказом знаменитого «государственных великих и посольских дел оберегателя» А. Л. Ордина-Нащокина. Дипломатические способности молодого человека были, повидимому, оценены в приказе, и его стали посылать за границу. Так, еще в чине подьячего он в 1668 г. посылался с иноземцем Томасом Келдерманом в Вену и Венецию для приглашения представителей императора и Венецианской республики к участию в съезде русских послов с польскими, который должен был иметь место в 1669 г. В 70-х годах при А. С. Матвееве Возницын трижды посылался с небольшими дипломатическими поручениями гонцом в Варшаву, где каждый раз представлялся королю. В 1681 г. он получил чин дьяка и в том же году был отправлен в Константинополь в посольство с окольничим Чириковым для ратификации заключенного тогда Бахчисарайского перемирия. Чириков во время посольства умер, и Возницыну пришлось исполнять обязанности посла и преодолевать сопротивление султана Магомета IV, упорно не желавшего ратифицировать договор. В 1688 г. мы видим его резидентом в Польше; причем, исполняя обязанности резидента, Возницын именовался «стольником» — чин, который, однако, по возвращении в Москву за ним не был удержан. Перемены, происшедшие в Посольском приказе после переворота 1689 г., отразились на дальнейшей карьере Возницына. Как известно, место князя В. В. Голицына во главе Посольского приказа занято было Л. К. Нарышкиным, а фактическим управляющим приказом стал думный дьяк Емельян Игнатьевич Украинцев. Это назначение было ударом для Возницына. Украинцев был товарищем Возницына; они вместе служили в приказе подьячими и, как кажется, отношения между ними не были хороши. Теперь Возницын оказывался подчиненным Украинцева, так далеко опередившего его по службе. Это заставило Возницына искать перемены места. В 1690 г. он перешел в Казанский дворец. Здесь он имел случай сблизиться с начальником этого приказа князем

Б. А. Голицыным и был повышен в чине думного дьяка. Благодаря Голицыну Возницын стал лично известен царю, умел снискать его расположение, и этим объясняется его высокое назначение членом великого посольства в Европу с царем в 1697 г. С внезапным отъездом его старших товарищей из Вены ему открывалось поприще самостоятельной дипломатической деятельности на предстоящем конгрессе.

Мы и должны будем теперь сосредоточить свое внимание на этой деятельности. Рассказ о Карловицком конгрессе можно было бы построить более разносторонне, если бы было возможно его основать на всех тех источниках, в которых можно найти об этом событии сведения, если бы можно было изучить, например, относящуюся до него переписку послов всех принимавших участие на конгрессе держав, т. е. Австрии, Венеции, Польши, Турции, и выступавших с посредничеством Англии и Голландии. В архивах этих стран, несомненно, хранятся донесения послов, бывших на конгрессе, как по крайней мере и черновики тех инструкций, которые посылались каждым из правительств своим уполномоченным. Этот круг источников мог бы быть еще расширен, потому что, по всей вероятности, в архивах государств, прямо не принимавших участия в конгрессе, например Франции, хранятся касающиеся его сообщения. Такое изучение событий на конгрессе было бы широким и разносторонним, разносторонним вполне или более или менее в зависимости от того, все ли источники или только бóльшая или меньшая их часть была бы привлечена к изучению. Мы же принуждены отказаться от освещения событий с разных сторон: турецкой, австрийской, польской, венецианской и т. д. и остаться при одной только русской. Мы должны будем взглянуть на конгресс только через призму сообщений Возницына. Нельзя отрицать, что такое изображение будет несколько преломленным; но давая такое одностороннее и преломленное изображение, мы можем утешаться тем, что оно является наиболее подходящим для биографии Петра. Нам не только важно изложить события на конгрессе так, как они действительно происходили, но и так, как они проникали в сознание Петра в изображении Возницына. Последний вел с Москвой обширную переписку. Еженедельно он составлял подробную записку о ходе дел, своего рода журнал, в который по дням заносил все свои действия за неделю: свидания и разговоры с разными лицами, визиты к министрам и послам, приемы их в русском посольстве, взаимные пересылки через секретарей, путешествие на конгресс и с конгресса, переговоры на конгрессе и т. д. Такой журнал Возницын отправлял с еженедельной почтой в Москву для доклада царю, и по этим донесениям Петр мог следить за ежедневным ходом дел в русском посольстве в Вене и затем на конгрессе. К еженедельному журналу прилагались копии с получавшихся посольством документов в переводе на русский язык, как и копии от Возницына другим послам. Те и другие материалы — еженедельные записки и копии с до-

кументов — служили основой для составления впоследствии подробного, также по дням расположенного отчета о посольстве, так называемого Статейного списка, составляя его главную часть и подвергаясь только незначительной обработке, заключавшейся, главным образом, в переложении прямой речи еженедельной записки в косвенную и в опущении иногда тех или других, незначительных, впрочем, подробностей. В большинстве же случаев текст записки вносился в Статейный список в косвенной речи целиком, причем в Статейном списке получалось повторение: сначала еженедельная записка включалась в текст списка, переложенная в косвенную речь, а затем она же помещалась вторично целиком в прямой речи при перечислении содержания отправлявшейся в Москву еженедельной почты. Сверх такого еженедельного донесения Возницын отправлял с каждой почтой ряд писем к нескольким лицам: прежде всего к самому Петру [1], затем к Л. К. Нарышкину, Ф. А. Головину, Г. И. Головкину, Т. Н. Стрешневу, Е. И. Украинцеву и А. Д. Меншикову, причем обыкновенно в этих письмах, заводя речь о ходе дел в Вене или на конгрессе («о здешнем поведении»), ссылался на посланную записку и гораздо реже, главным образом в письмах к царю, считал нужным распространяться подробнее о ходе дел и излагал свои мысли и соображения сверх еженедельной записки. Все эти сообщения, попадая в Москву, читались Петром или людьми ближайшего к нему круга и, несомненно, бывали нередко предметом обсуждения в этом ближайшем кругу, и с этой стороны имеют особый биографический интерес, хорошо показывая, в курсе каких во-

---

[1] К Петру Возницын писал: 30 июля — Пам. дипл. сношений, IX, 40—41, 13 августа — Арх. мин. ин. дел, Дела австрийские 1698 г., № 66, л. 30; 27 августа — там же, л. 40 об. — 41 и Пам. дипл. сношений, IX, 119; 20 сентября — Арх. мин. ин. дел, Дела австрийские 1698 г., № 66, л. 80; 27 сентября — там же, л. 81 об.—84; Пам. дипл. сношений, IX, 136—138 и П. и Б., т. I, стр. 744—745; 8 октября — Арх. мин. ин. дел, Дела австрийские 1698 г., № 66, л. 86—88 и Пам. дипл. сношений, IX, 145—148; 15 октября — Дела турецкие 1698 г., № 1, л. 1—3 и Пам. дипл. сношений, IX, 163; 22 октября — Дела турецкие 1698 г., № 1, л. 23 и Пам. дипл. сношений, IX, 187—201 и П. и Б., т. I, стр. 745; 29 октября — Дела турецкие 1698 г., № 1, л. 22, Пам. дипл. сношений, IX, 236—237 и П. и Б., т. I, стр. 746—747; 5 ноября — Пам. дипл. сношений, IX, 247—249; Устрялов, История, т. III, стр. 480; 18 ноября — Дела турецкие 1698 г., № 1, л. 23, Пам. дипл. сношений, IX, 275—276 и П. и Б., т. I, стр. 745—746. Устрялов, История, т. III, стр. 481; 9 декабря — Дела турецкие 1698 т., № 4, л. 49. Пам. дипл. сношений, IX, 355; 23 декабря — Дела австрийские 1698 г., № 66, л. 97—99 и Пам. дипл. сношений, IX, 394—397. Устрялов, История, т. III, стр. 482 (ошибочно отнесено к 23 ноября); 13 января 1699 г. — Пам. дипл. сношений, IX, 454; 20 января — Дела австрийские, 1699 г., № 3, л. 5 и Пам. дипл. сношений, IX, 482—483; 18 февраля — Пам. дипл. сношений, IX, 529—533 и Устрялов, История, т. III, стр. 489—493; 4 марта — Дела австрийские 1699 г., № 3, л. 18 и Пам. дипл. сношений, IX, 548; 16 марта — Дела австрийские 1699 г., № 3, л. 39 и Пам. дипл. сношений, IX, 577—578.

просов работала мысль Петра за описываемое время. Но помимо этого соображения, все эти материалы, в достаточной полноте сохранившиеся[1], могут служить надежным источником для истории конгресса, будучи, конечно, сопоставляемы с соответствующими западноевропейскими и турецкими источниками. К сожалению, такое сопоставление и проверку можно сделать только в очень слабой степени, так как почти все западноевропейские источники, за немногими исключениями, остаются неизданными.

I. ПЕРЕГОВОРЫ ВОЗНИЦЫНА С ЦЕСАРСКИМИ МИНИСТРАМИ

Итак, шаг за шагом будем следить за деятельностью П. Б. Возницына, начав это с самого того дня, со дня отъезда Петра с Лефортом и Головиным из Вены (19 июля 1698 г.), когда, получив назначение доканчивать посольство в Вене и вести на будущем конгрессе переговоры с турками, он тем же указом, в котором содержалось это его назначение, был пожалован во вновь изобретенный и небывалый до той поры в Московском государстве чин «думного советника», которым он должен был теперь именоваться вместо прежнего носимого им чина думного дьяка[2]. Как человек практический Прокофий Богданович стал затем хлопотать, чтобы это внезапное и притом произведенное за границей пожалование было оформлено и закреплено соответствующими записями в Москве, и писал об этом в Москву А. Д. Меншикову и Ф. А. Головину, присоединяя эту просьбу к просьбе о назначении его начальником Аптекарского приказа, которого он почему-то добивался. «Еще прошу милости, — писал он Меншикову, — напомни великому государю, избрав благополучное время, о аптеке и о перемене чину моего, чтоб его, великого государя, указ в Розряде записать». Инициатором пожалования был, повидимому, Ф. А. Головин, как об этом можно заключить из писем к нему Возницына: «И аще возможно, чтоб об аптеке и об отмене (т. е. перемене) чинишка моего великого государя указ записан был. Т о б о ю п о л у ч и л; у тебя и о совершенстве (т. е. о завершении, о доведении дела до конца) милости прошу. А будет ты не пожалуешь и не совер-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела австрийские и отчасти турецкие за 1698 и 1699 гг. Еженедельные записки и письма Возницына сохранились здесь — частью в беловых подлинниках, частью в собственноручных черновых его набросках, частью в копиях, занесенных в тетради исходящих бумаг посольства. К сожалению, не сохранилось писем к Возницыну из Москвы ни от царя, ни от других его корреспондентов.

[2] Пам. дипл. сношений, IX, 1 (Статейный список посольства П. Б. Возницына): «Июля в 19 день великий государь. . . при дворе цесарского величества в великих и полномочных послех указал остаться третьему великому и полномочному послу, думному дьяку и наместнику Болховскому Прокофью Богдановичу Возницыну и пожаловал в. государь его из думных дьяков в думные советники».

шишь, и то будет впредь не только в пользу, паче в смех и ругание»[1]. Очевидно, Возницын опасался, как бы пожалование его новоизобретенным чином, если оно не будет закреплено обычным порядком, не обратилось в смех. Просьба относительно назначения его в Аптекарский приказ была Головиным исполнена: «А что по милости твоей, — писал ему Прокофий Богданович 18 ноября, — имянишко мое велено писать в Аптекарском приказе, и я за то твое, государя моего, жалованье особно челом бью и должником твоим быти обещеваюсь»[2]. Еще за границей Возницын начал подготовляться к новому делу — к управлению Аптекарским приказом — и, находясь на конгрессе, поручал остававшемуся в Вене подьячему Михаилу Волкову достать ему сведения по целому ряду вопросов, касавшихся устройства придворной и частных аптек и положения медицинского персонала в Цесарской земле, разузнать и описать: «какая при дворе цесарская аптека и на какие деньги лекарства покупают и продают ли из нее, и что дохтуров, и аптекарев и лекарев и на каком они жалованье, и с каким обстоянием та аптека. Иные розные аптеки кто и как держат, и с какою вольностью; также дохтуры и аптекари в каком поведении живут, и есть ли им какое жалованье из тех аптек и с дохтуров и лекарев какой побор в казну есть ли»[3]. Вероятно, услуга за услугу, Возницын, пересылая Головину добытую им в Вене по поручению царя записку о дворянских титулах, «за что здесь у цесаря графы, бароны, воины, шляхта те чести свои восприемлют», предлагал ему похлопотать о графском титуле для него самого: «Аще изволишь графом быть, я потом приложу здесь радение, только даром не сделать, надобно заплатить»[4].

Через неделю по внезапном и поспешном отъезде Петра с двумя первыми великими послами, выехавшими налегке с самой небольшой свитой, состав остающегося посольства был значительно сокращен. Во главе с дворянином Ульяном Синявиным Возницын отослал в Москву до 100 человек из этого состава; в том числе отправлены были 6 дворян: Семен Бестужев, Глеб Радищев, Богдан Пристав, Вилим Турлавиль, Герасим Конинг, Алексей Ленин, двое докторов: Иван Термант, Христофор Беккер, 2 лекаря: Иван Левкин и Алексей Любимов, 2 подьячих, 2 толмача, 4 находившихся в составе посольской свиты карла, далее пажи, трубачи, рейтары, солдаты, гайдуки, конюхи, повара, слуги и «лекаи» (лакеи), в том числе «арап Ротжер», дворянские люди, а также 33 лошади[5]. При после остались свя-

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела австрийские 1698 г., № 66, л. 49 об., 52 об. — 53.

[2] Там же, Дела турецкие 1698 г., № 1, л. 28—29.

[3] Пам. дипл. сношений, IX, 378—379.

[4] Арх. мин. ин. дел, Дела австрийские 1698 г., № 66, л. 33 об., л. 34.

[5] Пам. дипл. сношений, IX, 21—22. В списке отправляемых показан священник Иоанн Поборский и его человек Грицка. Но из дальнейшего текста Статейного списка видно, что священник Иоанн остался при посольстве. В числе отправляемых гайдуков назван Гордей Маковецкий, но он перед

щенник Иоанн, церковник, трое дворян, именно: 2 родственника посла, Андрей и Иван Возницыны, и недавно приехавший из Москвы с подарками для цесарского двора дворянин Владимир Борзов, далее 2 переводчика: Петр Вульф и принятый на службу в Вене студент из славян Иван Зекан, 5 подьячих: Волков, Родостамов, Ларионов, Ченцов и Буслаев, собольщик из московских посадских людей при меховой казне, сторож, конюший, погребничий, 2 пажа, 3 трубача, 4 гайдука, 5 человек слуг посольских, 5 поваров, 12 конюхов, «челяди дворянской и подьяческой и иных чинов 15 человек», всего 62 человека [1].

Приступая к отправлению своих посольских обязанностей, Возницын обратился к цесарскому правительству с просьбой о назначении ему «ответа», т. е. конференции с цесарскими министрами. Просьба была встречена благосклонно, но удовлетворена не без некоторого обычного предварительного препирательства о церемониале. Возницын требовал прежде всего, чтобы цесарскому правительству было объявлено о его новом чине «думного советника»; затем, чтоб перед «ответом» ему дана была аудиенция у цесаря; чтобы за ним прислана была цесарская карета, а за его свитой несколько сенаторских карет; чтобы конференция происходила в цесарском дворце, а не в «канцелярии», т. е. не в министерстве иностранных дел, и чтобы при приезде его, посла, была оказана подобающая встреча. По двум из этих пунктов произошел спор. Относительно аудиенции австрийцы возражали, говоря, что такой аудиенции по ритуалу цесарского двора перед переговорами не бывает, что «цесарского величества очей перед ответом некоторые послы не видают», а по вопросу о месте переговоров ссылались на то, что в прежнее время переговоры происходили в канцелярии, как это было с посольством боярина И. В. Бутурлина в 1679 г., но затем по этому вопросу уступили, когда Возницын привел другой, более поздний, прецедент — посольство боярина Б. П. Шереметева в 1686 г. По пункту же о предварительном приеме цесаря остались непреклонны, с чем и Возницын более не спорил.

Конференция состоялась 30 июля. В ней приняли участие канцлер граф Кинский, подканцлер граф Кауниц, президент гофкригсрата, знаменитый защитник Вены во время осады граф Штаремберг и канцлер австрийский Буцелини. Возницын ехал в цесарской карете, помещаясь в ней с цесарским переводчиком Адамом Стиллой, в предшествии слуг, пажей и трубачей. Перед ним ехали в каретах его дворяне, переводчики и подьячие; за ним везли пустую посольскую карету, окруженную гайдуками. Свита вылезла из карет на большом дворе дворца и по

отъездом бежал и скрывался в Вене, намереваясь перейти в католичество; он был разыскан Возницыным и посажен в одну из венских тюрем, где и содержался некоторое время.

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела австрийские 1699 г., № 4, в конце.

малому двору шла пешком, посол же въехал в карете на малый двор и здесь у крыльца был встречен секретарем конференции и другими чинами, в предшествии которых шел лестницей в сени. «А как великой и полномочной посол пришел среди сеней и тогда вышли из дверей ответной палаты сенатори и с великим послом кланялись и почли его первым в ответную палату входом, а сами шли позади. А вошед в ответную палату по взаимном привитании, указали ему по правую сторону стола кресла бархатные, и великой и полномочной посол с правую сторону за столом от входу сел, а сенатори сидели в левую сторону». На стол была поставлена большая серебряная чернильница, привезенная с собой послом, а в ней «была положена полномочная его царского величества грамота и письма, к разговорам належащие» [1].

Разговоры открыл граф Кинский, сказав несколько официальных слов о том, как и почему московским послам назначена конференция. В ответ Возницын выразил цесарю от имени царского величества благодарность за назначение конференции, за то, что цесарь «изволил назначить и высадить с ним на розговор честных особ и знатных сенаторей», видя которых он, посол, «радуется». Далее, он сделал оговорку относительно того, что вместо трех послов, только что бывших в Вене, он появляется теперь один, что, однако, не уменьшает силы и значения его посольства: «Перво то доносит, что он недавно имел дву господ товарыщей, которых ныне нет, и то их небытие ничего к повреждению не имеет быть, и такову ж силу и мочь о всем по указу его царского величества имеет, как все три», в удостоверение чего он предъявил свою полномочную грамоту. Затем перешли к переговорам по существу. Возницын произнес обширную речь, в которой, обозрев дружественные и союзные отношения между царем и императором и упомянув о союзном договоре 8 февраля 1697 г., начал с воинственных заявлений, что царь по этому союзному обязательству «для имени божия и во общую пользу всего христианства» и в частности ради выгод своих союзников намерен вести войну против «басурман» всеми своими силами не только сухим путем, но и морем. Для этой войны предприняты всякие приготовления и указано вновь учинить, т. е. заново построить, морской караван, который будет состоять из 70 кораблей и многого числа фуркатов и бригантин и иных мелких судов и для которого «приговорены», т. е. наняты в Англии и Голландии к адмиралу Ф. Я. Лефорту вице-адмирал, шаутбейнахт (контр-адмирал), капитаны, комендоры, поручики, шкиперы, штурманы, боцманы, матросы и иные «к тому надлежащие» люди. «И тот караван и воинское большое генеральное приготовление на турков и на татар при божией помощи намерено поход свой

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 41—43.

воспринять в предбудущем лете, т. е. в 1699-м». Однако, несмотря на такую готовность царского величества воевать, несмотря на то, что он никакого «склонения» к миру не имеет, он, однако, не желает разрывать с союзниками, желает действовать с ними заодно и, если уже у них решено вести мирные переговоры, то пошлет своих уполномоченных на конгресс. Только при этом необходимо предварительное соглашение между союзниками относительно условий будущего мира и тех требований, которые будут предъявлены туркам. Эти требования должны быть предъявлены туркам сообща. Этот пункт о необходимости предварительного соглашения между союзниками перед конгрессом стал на конференции основным спорным вопросом, вокруг которого вертелись дальнейшие переговоры Возницына с австрийцами, а затем впоследствии и с представителями других союзных держав. Возницын в подтверждение своих притязаний ссылался на союзный договор 8 февраля 1697 г., до истечения срока которого оставалось еще полтора года наступательной войны с турками и в котором есть статья, обязывавшая союзников не заключать с турками мира иначе, как сообща; доказывал, что без такого предварительного соглашения союзники будут итти на конгрессе вразброд и «говорить разные речи», заявлял, наконец, что без предварительного соглашения ему и ехать на конгресс невозможно. Цесарцы высказали другую точку зрения. Всех союзников объединяет одно общее основание («uti possidetis»), гарантирующее каждому приобретенные им в последнюю войну владения. Исходя из этого основания, каждый ведет затем с турками на конгрессе отдельные переговоры и может домогаться от них, чего кто себе в прибавку желает сверх того, что́ обеспечено за ним основанием «uti possidetis»: «Мочно всякому на комиссии (конгрессе), — как записаны эти речи австрийских министров в Статейном списке, — у турков просить и требовать и желания свои прикладывать, потому что тем словом «как владеете» самые врата к миру отворены и основание положено». С принципом «uti possidetis» в основе можно предъявлять туркам запросы сверх нормы; но об этих запросах предварительно договариваться нечего, каждый пусть предъявляет их сам: «Всегда де запросы свои всякий объявляет тому, у кого что взять желает». Цесарь, со своей стороны, никакого запроса делать туркам не собирается; поэтому он не может интересоваться запросами других союзников и входить с ними в какое-либо предварительное соглашение и предоставляет им полную свободу договариваться с турками самостоятельно. Притом при венском дворе вообще еще не установлено, каких именно территорий будет требовать цесарь. Его войска еще действуют на венгерской границе; если им будет удача, то соответственно этому и требования будут обширнее. Да и вести переговоры о предварительном соглашении в Вене не с кем, так как уполномоченных на это представителей союзных держав еще нет.

Если Возницын не поедет на конгресс — упустит удобное время для заключения мира. Кроме этих дипломатических соображений в пользу ведения на конгрессе переговоров с турками отдельно каждым на общем только основании, австрийцы приводили также недавний исторический пример: окончание войны коалиции с Людовиком XIV, когда члены коалиции заключали мирные договоры с французским королем порознь, сперва испанский король, потом Англия и Голландские Штаты и, наконец, цесарь. Возницын, однако, с таким историческим аргументом не согласился, заявляя, что то было «в воле его цесарского величества» приступить к миру на принятом основании после союзников, а «царскому величеству то не в пример», и продолжал настаивать на своем, что по союзному договору надлежит «того неприятеля обще воевать, а к неудовольствованному царского величества от турков миру не приступать и одной царского величества страны не оставливать», на съезд же ехать, «постановив» предварительное соглашение. Интересы были различны. Австрийцы не думали ни о каких запросах потому что основание «uti possidetis» отдавало в их руки огромные завоеванные ими территории, сверх которых они пока не желали ничего приобретать. Петр, кроме Азова и днепровских крепостей, которые он держал в руках, желал еще приобретения Керчи, которой рассчитывал овладеть в 1699 г., поэтому основание «uti possidetis» его не удовлетворяло. Но австрийцам замедлять заключение мира поддержкой запросов союзников, против которых турки стали бы возражать и упираться, было невыгодно, так как они не желали более воевать. Обе стороны на конференции остались при своем: Возницын при мысли о необходимости предварительного общего соглашения, австрийцы при мысли о сепаратных переговорах на общем основании. «И, встав из-за стола, прощались, витались и проводили министры из ответные палаты в сени, а встречники провожали посла до кореты»[1].

Отголоски этих речей Возницына о необходимости предварительного соглашения союзников звучали и в тех его беседах, которые он вел через несколько дней, сделав приватные визиты: 9 августа канцлеру графу Кинскому, а 10-го — подканцлеру графу Кауницу. Заметим, что самые эти приватные посещения министра иностранных дел и его товарища, предпринимаемые послом, были необычны московскому посольскому обиходу и были нововведением. Итак, во время визита к канцлеру после заявления Возницына о том, что цесарю неугодно устроить здесь, в Вене, предварительное соглашение послов и ответа канцлера, что «союзных государей послом соглашатися здесь невозможно, а всяк свое будет стеречь на съезде», речь перешла к этому «съезду» т. е. конгрессу. Упомянув

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 43—57.

о времени конгресса, назначенного на 15 сентября, Возницын осведомился у канцлера о том, кто назначен на конгресс в качестве цесарских уполномоченных. Оказалось, что назначение пока еще не состоялось, как объяснил ему на другой день Кауниц: «Еще никто не обран и трудятся о том всеми силами, смотрят чина их и достоинства и постоянства, кого б с такое великое дело стало, мужа честна; но овни отговариваются старостью и иными причинами, токмо охотника никого на сие дело нет». Было обещано немедленно же, как только будут назначены уполномоченные со стороны цесаря, сообщить послу их имена и дано заверение, что цесарские уполномоченные на конгрессе будут оказывать ему, послу, всякую поддержку. Возницын стал просить, далее, о «вспоможении», т. е. о средствах на дорогу на конгресс и об охране в пути, на что получил успокоительный ответ. Разговор перешел затем к замеченному в русском посольстве недостатку в кредитивной грамоте, данной великим визирем турецким уполномоченным, копия с которой была австрийским правительством доставлена Возницыну и в которой при упоминании о союзных не было специально упомянуто «о стороне царского величества». Канцлер успокоил посла словами, что в грамоте «обще помянуты союзные, а не имянно» каждый из союзников, и обещал постараться, чтобы турки сделали по желанию посла. Конфиденциально собеседники обменялись мнениями о том, как держать себя на конгрессе с поляками. Великий посол говорил Кинскому: «Надеяся де я на твое приятство и доношу секретно, что с поляки делать и как с ними поступать?» И Кинский говорил: «Бог весть, как; а чаять де поступать с ними, как с протчими, то есть с венеты, а войска их едва надежны ль», и затем, вернувшись к тому же предмету второй раз, прибавил Возницыну: «а о поляке де сам да рассудишь». Ответ Кинского был, как видим, уклончивый; он не пожелал высказаться откровенно. Польский посланник в Вене ксендз Гамалинский, за несколько дней перед тем посетив Возницына, жаловался на самое пренебрежительное отношение в Вене к полякам. На заявление его, Гамалинского, цесарцам, чтобы они короля и Речь Посполитую одних в войне не оставляли, но приобщили бы их к заключаемому миру, цесарцы дали ответ, полный упреков: «будто они, поляки, учиня союз, ничего не делали, только французские факции строили, — т. е. допускали французские интриги при избрании короля — и сеймы разрывали и продолжали и вместо бусурман сами себя воевали и дрались и ныне дерутся». И если бы они, поляки, «за такими причинами» совсем пропали, то неужели и им, цесарцам, «для них пропадать же?» Поляки были особенно недовольны основанием «uti possidetis», потому что, как мы видели выше, ничего не приобрели в войне, к чему стремились: ни Каменца, ни Молдавии. Поэтому Гамалинскому и приходилось выслушивать при цесарском дворе такие укоризны: почему они во время войны

у турок ничего не отбирали и не воевали и никакой себе пользы не получили? Не умея ничего приобрести себе, они не оказывали никакой помощи и союзникам, «а всяк де из союзных что имеет и то имеет добыто своею кровью и многотрудными подвиги, а не их польской помощью и войсками». Наоборот, неудачи союзников вызывали в Польше радость: да они «вместо союзного вспоможения, когда... где бусурману удача бывает, то себе в радость, а тем (союзным) в поругание ставят и смеются». В особенности же враждебное отношение поляков к союзникам обнаружилось на последних королевских выборах, когда они намеревались избрать в короли кандидата, угодного туркам (принца де Конти), «да и нынешнее де их польское противное союзу поведение или собирание (обирание) короля всяк видел, что кого турок желал, того они хотели за короля иметь», и только противодействие союзных держав предотвратило эту опасность. Передавая Возницыну эти укоризны австрийцев, Гамалинский говорил ему, что «тот цесарских министров ответ зело ему не полезен»[1].

Но, высказывая горькие упреки поляку, граф Кинский не пожелал быть столь же откровенным относительно польских дел с Возницыным и в разговоре с ним осторожно обходил этот вопрос. Переговорив затем об аудиенции у цесаря, которой Возницын просил для представления ему своей новой верительной грамоты, о взаимной пересылке с Кинским по делам через надежных секретарей и переводчиков, о новом помещении для русского посольства в Вене вместо загородного двора, хозяин которого граф Кёнигсек торопил посольство с выездом, Возницын заканчивал свою беседу с канцлером обычным для русского посла XVII в. припевом о некоторых нарушениях церемониала, умалявших его честь: к нему не было назначено от венского двора особого пристава, как полагалось бы, а сопровождал его на конференцию с министрами только цесарский переводчик Адам Стилла, а в письменном ответе, данном ему после конференции, его не именовали даже «великим» послом. Канцлер на первое ответил, что и прежде сего тот же Стилла бывал «в таких же оказиях», о чем свидетельствуют бумаги канцелярии, а на реплику посла, что можно бы «старые обыкности бездельные отставить» и избрать лучшее, канцлер заметил, что они о том посоветуются и «посмотря древних записок», изберут лучшее. Что же до титула посла, неназывания его «великим», то Кинский сказал, что на латинском языке слова «великий посол» передаются одним словом. «И был, — продолжает Статейный список, — с переводчиком у них с Петром Вульфом спор; переводчик говорил, что пишут «магнус облегатис», т. е. «великой посол», а Кинский говорил, выводя: «одним словом бывает». Возницын прекратил спор, соглашаясь,

---

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 58—60.

чтобы его титул писали, как пишут титулы других послов: «И великой посол пресек ему речь, говорил, что о сем вельми не спорит и сгожается с ним и да будет то слово по его воле и как пишет иных великих послов имена, так и его да будет писано впредь», и затем просил Кинского извинить за то, что занял у него продолжительное время: «чтоб он не погневался, что его так долго забавил», на что тот сказал, что «вельми ему он рад и приезд его почитает себе в любовь». В заключение канцлер спросил посла, имеет ли он известия о царском величестве, где он обретается. Возницын ответил, что не знает, известий из Польши еще не имел, и просил Кинского, если он что о том знает, сообщить «по своему приятству, а он его, господина, почитает себе за доброго благодетеля и яко отца». На этот комплимент канцлер вставши ответил поклоном и выражением благодарности и сообщил, что из Польши получены известия, что король отправился из Варшавы навстречу царю, но состоялось ли уже между ними свидание, о том пока неизвестно, а какие известия будут, сообщит. Поднявшись и прощаясь, Возницын почему-то счел нужным предупредить канцлера, что намеревается сделать ответный визит польскому посланнику ксендзу Гамалинскому и чтобы цесарские министры «в том бы на него... не имели за зле; а поляки де Москвы не обманут и как они поступают, о том всему свету явно». Канцлер успокоил его словами, «что они в том никакого подозрения не имеют, кто б кому ни ездил, и польские де поступки и посылки, и походы они знают же» [1].

Во многом тождественны с указанными выше были предметы разговора посла с подканцлером Кауницем также в приватной беседе, имевшей место на следующий день, 10 августа. Сверх этих предметов Возницын заявил, что царь относительно своих дел на конгрессе больше возлагает надежд на дружбу цесаря, чем на деятельность его, посла, и просил об оказании себе всякой поддержки при предстоящих переговорах с турками. В дальнейшем разговоре посол выразил тревогу по поводу слуха о заключенном будто бы цесарцами перемирии с турками, на что Кауниц, успокаивая его, ответил, что желание такое с турецкой стороны действительно было, но что в том им отказано, и, очевидно, послу сообщена была неправда. На просьбы Возницына о подводах для поездки на конгресс и о «наметах» (шатрах) для тамошнего пребывания Кауниц ответил, что это дело не его, а Кинского, но что конгресс будет в городе Петервардейне, так что наметы не понадобятся. Не понадобятся и лошади, так как путешествие в Петервардейн будет совершаться водой [2].

---

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 76—82.
[2] Там же, 82—86.

LI. АУДИЕНЦИЯ У ЦЕСАРЯ

На будущем конгрессе Возницыну хотелось иметь помощником доктора П. В. Посникова, знавшего греческий, латинский, французский и итальянский языки и потому необходимого для предстоящих переговоров. Посников жил тогда в Венеции, где ему поручено было устроить находившихся там стольников, наладить их учебные занятия, о чем вести переговоры с венецианским сенатом, и наблюдать за их успехами. Кроме того, ему же было поручено раздобыть в Венеции некоторые сведения о турецких и венецианских флотах — «проведать накрепко и взять на письме или записать подлинно самому: на кораблях турских и венецийских и на каторгах (галерах) и на бригантинах по скольку на котором судне пушек бывает и людей и о всем состоянии того морского каравану». Возницын заручился согласием царя еще в Вене на назначение Посникова на конгресс. Но доктор увлечен был научными стремлениями по своей специальности, просился куда-то ехать, где мог эти стремления удовлетворить, и, несмотря на неоднократные призывы Возницына, медлил выездом из Венеции, видимо, мало прельщаемый предстоящей дипломатической деятельностью. «Благодетель мой Петр Васильевич, — писал ему Возницын 11 августа, — здравствуй на многие лета. Писал я к тебе по указу великого государя не одиножды, чтобы ты из Венеции для его государева дела был в Вену не замедля, и ты по се число в Вену не бывал и ко мне против моих писем не отписал. И ныне я тебе по прежнему его, великого государя, указу поновляю, чтоб ты из Венеции ехал сюды в Вену безо всякого замедления. А естьли ты умедлишь и вскоре не будешь, и тебе будет сыскивать меня с великим трудом, а паче опасися государева гневу, потому что тебе велено быть со мною на турской комисии и без тебя быть нельзя и дела делать будет некем. И турской посол другой, греченин Маврокордат; того ради ты к тому делу и присовокуплен, что сверх иного можешь с ним говорить по-еллински, и по-италиански, и по-французску, и по латине, а он те все языки знает. Конечно учини по сему государеву указу и приезжай скоро; а естьли ты меня не застанешь, и ты, как можешь скоряе, приезжай ко мне туда, где я буду. А мне без тебя того дела не токмо совершать, но и починать невозможно и ты себе в сем не плошись. А письмо твое, которое ты писал июля в 30 день, я чел, и о чем ты писал, правда надобно было то тебе — толко ныне не время — и к Москве то твое письмо того ради и не послано. А должно тебе свое желание отставить, а воспринять то высокое дело к службе своей, в котором тебе быть велено. За сим, благодетель мой, здравствуй»[1]. Однако это письмо с уговорами отказаться на время от научных занятий ради более важной

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 10—11, 87—88.

с точки зрения Возницына государственной деятельности и с угрозами не подействовало. Может быть, опасаясь каких-либо перемен и уступок желаниям Посникова в Москве, Возницын, пересылая письмо его Ф. А. Головину, вновь подтвердил необходимость участия его на конгрессе: «При сем же посылаю к тебе, государю моему, Посникова письмо; прошу милости твоей, государя моего, о чем пристойно, донеси великого государя. А Посникову совершенно надобно быть со мною на комисии, потому что посол — греченин, и через него (Посникова) можно достаточно говорить и писать»[1]. Посников, как открывается из дальнейшей переписки с ним Возницына, стремился в Неаполь, очевидно, в тамошний университет, где предполагал заняться какими-то физиологическими опытами над собаками,— «живых собак мертвить, а мертвых живить», — шутливо писал он Возницыну, и последний принужден был писать ему 17 августа с более суровыми угрозами в случае непослушания. «Петр Васильевич, здравствуй, — читаем мы в этом письме. — По указу великого государя писал я к тебе многожды, чтоб ты из Венеции для его, государева, дела ехал ко мне в Вену немедленно. И августа в 14 день писал ты ко мне, что ты хочешь ехать в Неаполь, и то ты чинишь ослушно, понеже довелось было тебе со всяким тщанием и страхом его, государево, повеление сохранять и предпочтенной его монаршеской указ радетельно соблюдать. А ты, пренебрегая то и мое писмо ни во что поставя, поехал для безделья, как в твоем писме написано — живых собак мертвить, а мертвых живить, и сие дело не гораздо нам нужно. Отечески тебя наказую, естьли ты умедлишь и меня в Вене не застанешь или и там, где я буду, во время не будешь, ведай себе подлинно, что велий гнев его, царского величества, государя нашего милостивого, примешь. А болши сего я к тебе, яко к презирателю, писать не буду, а отпишу туда, где будет тебе не к пользе; и естьли что приключится, тогда не имей на меня слова. За сим здравствуй»[2]. Эти угрозы возымели свое действие. Посников бросил пока науку и явился в Вену.

Желание посла, заявленное Кинскому и Кауницу в приватных разговорах с ними об отводе для посольства нового помещения, было исполнено, и 18 августа Возницын был извещен, что ему отведен тот самый двор, в котором помещалось предыдущее посольство боярина Б. П. Шереметева, и ему предложено было переезжать, когда угодно. Посольство перебралось на новую квартиру на другой же день, 19 августа, причем от казны были присланы «под рухлядь форманы». «Великой и полномочный посол, — читаем под этим днем в Статейном списке, — и все при нем государевы люди из-за города с имя-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела австрийские 1698 г., № 66, л. 33 об., 13 августа.

[2] Пам. дипл. сношений, IX, 98.

нуемого двора Гундердорфа переехали в Вену и стали на дворе, имянуемом Чакаргоф»[1]. На 20 августа назначена была послу приватная аудиенция у цесаря для вручения ему новой верительной грамоты, уполномочивавшей Возницына в качестве представителя России на конгрессе. В Статейном списке находим изобразительное описание этого приема, живо нас переносящее в ту эпоху и в ту обстановку. Аудиенция происходила в загородном дворце Фаворита, где продолжал жить цесарь. Посла в сенях встретил «цесарской маршалок надворной князь Мансфельт и великого посла поздравя и привитав, говорил, чтоб он, великой посол, немного пообождал, понеже де комерариуса Вальштейна и подканцлерия Кауница еще при цесарском величестве нет, а без них ему цесарского величества очей видеть нельзя, а будут де они тотчас. И седчи с ним на скамье, которая была прикрыта бархатом, спрашивал маршалок про здоровье великого государя и сказывал о поведении войск цесарских и турецких. И великой и полномочный посол чинил ему ответ, так же и его спрашивал, смотря по его словам и по настоящему делу. А потом вскоре пришли комерариус и подканцлер и великого и полномочного посла привитали (приветствовали). И быв у цесарского величества, комерариус вышед сказал, чтоб он, великой посол, малю пообождал, пока цесарское величество, от сна восстав, поуберется. И потом, посидев мало с великим послом, пошел к цесарскому величеству и, вышед из полаты, звал великого посла в тое полату, в которой были великие и полномочные послы прежде сего на приезде, в которой уже цесарь был и стоял у стола. И великой и полномочной посол, пришед перед цесаря, поклонился по обычаю рядовым поклоном и, поклонясь, говорил речь по сему». Содержание этой небольшой, но все же уснащенной пышными титулами речи, сводилось к тому, что царь велел подать цесарю свою грамоту и не сомневается, что цесарь исполнит его желание, о котором в грамоте написано. «И изговоря речь, подал великой и полномочной посол цесарскому величеству царского величества грамоту в камке. И цесарь принял великого государя грамоту, стоя у стола в шляпе, и положил на стол и, призвав к себе подканцлерия Кауница, говорил ему тихо. А потом Кауниц говорил имянем его, цесарским, что его цесарское величество желает великому государю... многолетного здравия и, что́ належит, по его, цесарского величества, желанию, выразумев из той грамоты и по его посольскому доношению, любительную всякую склонность чинить обещается. И великой и полномочной посол выслушав говорил: «При том как всех господ моих имянем товарищей его царского величества великих послов, так и от себя, вашему цесарскому величеству за вся ваша к нам благодеяния и милость, которую мы здесь видели и видим, по премногу благодарствуем и челом бьем

[1] Пам. дипл. сношений. IX, 100—101.

и должни то доносить великому государю своему, его царскому величеству». И цесарское величество, выслушав тое речь, чрез Кауница его, великого и полномочного посла, поздравлял и свое цесарское жалованье, всякое добро и милость ему обещал и отпустил на подворье. Проводил его, великого и полномочного посла, в другую полату комерариус Валштейн. Речи при цесарском величестве по латини и по русски переводил цесарской переводчик Адам Стилля. А во время того его, посольского, бытия при цесарском величестве были сенатори: с правую сторону комерариус Валштейн, маршалок Мансфельт; с левую — Кауниц; да в сенях ковалеров и графов человек с 15-ть» [1].

LII. СБОРЫ ВОЗНИЦЫНА НА КОНГРЕСС. ДОРОГА ДО ПЕТЕРВАРДЕЙНА

Конец августа и первые две трети сентября прошли в сборах и приготовлениях к отъезду на конгресс, открытие которого запаздывало сравнительно с предполагавшимся ранее сроком. Возницын посещал австрийских сановников и принимал их визиты: был у дворцового маршалка князя Мансфельта и у венского коменданта графа Штаремберга. 23 августа он побывал у венецианского посла Рудзини, назначенного уполномоченным на конгресс, и имел с ним продолжительную беседу, в которой, стремясь привлечь итальянца на свою сторону, излил свои наболевшие печали. На слова Рудзини, сказанные до начала разговора, что он собирается отправляться на конгресс, только ожидает отправления туда цесарских послов, да и вообще думает, что спешить не следует, так как и место для конгресса окончательно еще не назначено, Возницын ответил, что было бы лучше, если бы место конгресса было назначено где-либо поближе, не так убыточно было бы туда ехать, но самое бы лучшее было — и это желание царя — вовсе не заключать мира. Затем произнесены были те же укоризны, что и в разговорах с австрийскими министрами. Союзники лет пятнадцать призывали царя в союз против басурман, наконец, он согласился и вступил в союз, хотя и на короткий срок, который теперь оканчивается, начал тотчас же сильную войну, отобрал у неприятеля несколько знатных городов, сделал большие приготовления к будущей кампании как на море, так и на суше, затратив многие миллионы из казны, нанял в Англии и Голландии несколько сот матросов и начальных морских людей, которые уже высланы к Москве, строит, терпя большие убытки, морской флот и со всеми этими силами желает вести наступательную войну против неприятеля и искоренить его совершенно. А вот союзники не так поступают! Царь вел

[2] Пам. дипл. сношений, IX, 112—115.

и ведет большую войну, а они в то время искали мира, которого уже и достигают. Но прочен ли и выгоден ли будет такой мир? Об этом надобно еще подумать, во всяком случае, когда союзники стали уже помышлять о мире, пересылаться с неприятелем и приняли посредничество, следовало уведомить о том государя, а они его не известили и объявили ему об этом только уже тогда, когда дело было сделано и основание для мирных переговоров («uti possidetis») установлено. Конечно, если бы царь мог знать наперед о таких намерениях союзников, он бы в такие великие убытки не вступал и таких приготовлений против неприятеля не делал, «а обратил бы войска свои на иную страну»[1]. И за те труды царских войск, а еще более за труды самого государя союзники не только не выразили благодарности, но вместо всякой благодарности покидают царя без всякого удовольствования, тогда как сами в своих требованиях удовлетворены. Рудзини в ответ на эту филиппику успокаивал посла: ему, великому послу, известно, что союзники: цесарь, Венецианская республика и польский король ведут войну уже лет с пятнадцать «и от того зело изнужились и в той войне многие ж сты милионов истратили и не токмо пожитки, но и людей много в тех годех в беспрестанных войнах будучи, пропало и все вельми от тех тяжестей изнуждены». Поэтому они и желают мира, но только честного и выгодного. Дож и вся Венецианская республика благодарны царю за добрые поступки его войск и за его собственные труды, желают ему всякого добра и готовы ему служить, где только могут. На предстоящем конгрессе он, венецианский посол, будет всячески поддерживать требования, которые предъявит Возницын, будет «усердственно помогать и крепко при том стоять, дабы удовольствован был». При этом Рудзини еще раз прибавил, что они, союзники, желают мира «от самой своей конечной и несносной тяжести». Возницын снова указал на заслуги московского государя: ему, венецианскому послу, не безызвестно, чьих трудов и убытков за последние десятилетия было больше в войне с турками, московских или венецианских? не благодаря ли энергичному воздействию с московской стороны цесарь мог брать у турок города, а Венецианская республика имела отдых, потому что неприятель обращал все силы против царских войск, а против союзных ему ходить было недосужно? Все эти замечания в очень значительной мере расходились с действительностью, но, конечно, свидетельствуют о большом патриотическом воодушевлении московского посла. Беседа закончилась разговорами о приготовлениях в путь[2].

Еще в конце августа Возницына не покидала, хотя и напрасная надежда на неудачу мирных переговоров. Такое по край-

---

[1] Не высказан ли в этих словах намек на будущую шведскую войну, возможность которой тогда уже предполагалась? — *М. Б.*

[2] Пам. дипл. сношений, IX, 112—115.

ней мере настроение просвечивает в его письме к царю от 27 августа, в котором он, видимо, не без удовольствия сообщает, что мирное дело с турками «смущается» и многие не думают, чтобы оно доведено было до конца. Признак такого положения дела он видит в том, что срок конгресса, который первоначально назначался на 15 сентября, теперь уже отодвинут. Кроме того, многие противодействуют мирным переговорам, а более всего французский посол в Вене, который «сильно порет (т. е. разрывает по швам) тот турский мир». Есть также признаки военных действий. Как бы, однако, ни было, он, посол, хорошо помнит данные ему царем инструкции и твердо будет их исполнять — «по его, великого государя, указу стоит крепко при намерении том, как ему велено»[1]. В пост-скриптуме Возницын прибавляет, что послал в Москву особую докладную статью, и просит ответа на заключавшиеся в ней вопросы. Царь дал уже по этим вопросам инструкции, но недостаточно подробные: «Послал докладную статью; пожалуй, государь, прикажи милостивый свой указ учинить и не погневись, что о том дерзнул, понеже, хотя о том и изволил приказывать, да не так подлинно». В этой шифрованной цыфирью докладной статье содержались вопросы относительно заключения мира с татарами, причем предусматривались две возможности: или упоминание о татарах в общем договоре с турками или составление особого специального договора. С следующей почтой была послана Возницыным в Москву другая шифрованная записка, содержавшая в себе вопросы о дальнейших отношениях к союзникам после заключения мира с турками на тот случай, если бы цесарское правительство и Венеция стали предлагать продолжение союза: «Если с турки мир учинится, и по учинении того мира немцы и венеты похотят для опасения с его царским величеством учинить союз против того ж неприятеля, салтана турского и хана крымского, и с ними в то дело вступать ли и на каковых статьях?» Это

---

[1] Конец этого письма посвящен венским известиям, которые могли интересовать Петра: «Цесарское, государь, величество изволил отселе отойтить со всем домом в городок, именуемый Эберштофф, от Вены две мили и там аже до самой зимы пребудет, имея забаву звериными ловли и иными в осени сущими утехи. Что впредь будет, покорнейше доносить буду. Как, государь, изволил отселе и отъехать, от писания вашего ведомости никакой не имею, толко и тем радуюсь, слыша от посторонних о бытии твоем, государеве, подо Львовым у королевского величества и оттудова о восприятии пути во свое царство. В 24 день августа с Борисом Петровичем Шереметевым (возвращавшимся тогда из своей итальянской поездки) приехал из Венеции Анисим Моляр с поваром, которых я, наняв почту, отпустил августа в 25 день до Варшавы, а оттуда велел ехать с Ульяном Синявиным или как им удобнее покажется, только приказал поспешать. А Борис Петрович как поедет отселе, подлинно ведати не могу, а говорит, что мешкать не хочет. За сим милостивому твоему, государя моего, призрению вручался худейший раб и последний сирота премного смиренно челом бью». Волонтер Анисим Моляр и государев повар Осип Зюзин были посланы в Венецию перед предполагавшимся отъездом туда Петра (см. т. II настоящего издания, стр. 522 и 545).

были просьбы об инструкциях по вопросам, по которым, очевидно, в личных беседах с царем в Вене Возницыным не было получено исчерпывающих указаний [1].

В начале сентября московскому послу даны были от цесарского правительства перевозочные средства: девять стругов без палуб и без кают; палубы и каюты предоставлялось устроить на свои средства: цесарское величество указало дать ему, послу, «на Дунае, в чем ему ехать, девять струговых днов, и он бы на тех днах про себя и про людей чердаки (каюты) и палубы велел сделать. И великой и полномочной посол те суды велел принять и чердаки и палубы и прочая на них приготовления, также и работных людей, кому согнать, устроить и нанять велел из государевы казны» [2]. Получены были сведения о назначении польского и цесарских уполномоченных на конгресс. Ксендз Гамалинский сообщил, что от короля и от Речи Посполитой «назначен на турскую комисию в послех из любезнейших приятелей воевода познанской пан Малаховской». Цесарем были назначены двое: граф Эттинген и барон Шлык. Возницын, получив эти известия, счел необходимым сделать 5 сентября визит графу Эттингену. В происшедшем разговоре Эттинген обещал московскому послу всякую поддержку на конгрессе и показал ему план местности конгресса — «чертеж съезжему месту», где были обозначены и места для участвующих в конгрессе послов, причем Возницын не мог не высказать тревожившей его заботы: «чтоб ему, царского величества великому и полномочному послу, сидеть не ниже польского», как указано на чертеже; в этом граф Эттинген также обещал свою поддержку. Возницын предвидел тот конфликт из-за мест с польским послом, который потом действительно и разыгрался между ним и паном Малаховским. Граф Эттинген отдал визит московскому послу 19 сентября [3].

К 20 сентября палубы и каюты на предоставленных австрийским правительством стругах были готовы, и в этот день Возницын мог двинуться в путь. «Бог преблагий здравие твое, государя милостивого, да соблюдет невредно во многие лета, — писал он в этот день Петру перед отъездом. — Покорно премилостивейшей державе твоей доношу: в повеленный тобою, государем, путь Дунаем в обычайных судех сего дни поехал. Прошу милостивого твоего благословения» [4]. Статейный список дает журнал его путешествия. Последуем за ним в этом пути. В тот же день, 20 сентября, отъехав от Вены 2 мили, проплыли мимо местечка Эберсдорф (Ebersdorf), «где цесарь в осеннее время со всем своим двором пребывает». На следующий

---

1 Арх. мин. ин. дел, Дела австрийские 1698 г., № 66, л. 40—41 — письмо от 27 августа; там же, 1698 г., № 65, л. 38 «Список с цыфирного письма в двух цыдулек».

2 Пам. дипл. сношений, IX, 126.

3 Там же, 112, 121, 126—127, 132.

4 Арх. мин. ин. дел, Дела австрийские 1687 г., № 66, л. 80.

день, 21 сентября, миновали город Пресбург, где были приветствованы салютом из 20 пушек — «от Прешпурка в трех милях... видимым были деревень с шесть в разных местах» (это отмечено потому, что берега Дуная поразили тогда Возницына своею пустынностью, будучи запустошены турками). 22 и 23 сентября проплывали мимо городов Коморна и Грана также при пушечных салютах; ночевали за милю от Буды, венгерской столицы. 24-го стали приближаться к Буде и, «не доехав до Будина, обедали, а по обеде приказал великой и полномочной посол всем государевым людем перейтить на свое судно и убраться по посольскому обычаю и сидеть чинно, таким же чином, как из Вены выезжали». Посол остановился здесь в гостинице и провел три дня. «Того ж числа (24-го) по полудни, — читаем в Статейном списке, — великой и полномочной посол прибыл в Будин, а как приезжал к городу, стреляно из города из пушек многажды; стал на самом берегу в гостином дому и посылал переводчика Петра Вульфа с визитом к коменданту будинскому Франкенберху, и тот комендант взаимно у великого и полномочного посла был сам и визит свой отдал». Здесь, в Буде, Возницын встретился и обменялся визитами сначала через посольских дворян, а затем лично с польским послом на конгрессе паном Станиславом Малаховским, который передал ему письмо от Петра из Томашова от 4 августа. «Того ж дня польской посол воевода познанский присылал к великому и полномочному послу дворян своих с визитою, и великой посол взаимно посылал к польскому послу переводчика Петра Вульфа да подьячего Михайла Радостамова с визитою; и посол, возблагодаря за присылку, тотчас обещался сам у посла быть. Того же дня, мало погодя, был у великого и полномочного посла польской посол пан Малаховской, воевода познанской, приходил пеш для того, что ни коней, ни кореты не имел, и имел с великим и полномочным послом разговоры пространные о настоящих делех и о поезде в Венгры, при котором разговоре отдал великому и полномочному послу полский посол письмо великого государя, писанное из Томашова августа 4 дня о состоянии турского дела. И великой и полномочной посол, то письмо приняв, полскому послу благодарствовал и от себя его отпустил». На другой день московский посол был у Малаховского с ответным визитом [1].

Из Буды Возницын отправил Петру 27 сентября два письма. В первом, открытом, он уведомлял царя о своем приезде в этот город, о визите Малаховского, о передаче им царского письма из Томашова с наставлениями, по которым он и будет поступать. Он пишет далее, что в Буде он застал людей и суда графа Эттингена и Рудзини, а также, что был там на обратном пути из Вены секретарь английского посредника лорда Пэджета, с которым, однако, не пришлось повидаться и поговорить, как

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 133—135.

бы хотелось. Зачем он приезжал в Вену и с чем отпущен цесарскими министрами — остается неизвестным, цесарские министры о том не объявили. О турецкой стороне никаких пока вестей нет. Хорошо, конечно, зная интерес Петра к городам и крепостям, Возницын заканчивает письмо изобразительным описанием города Буды, других венгерских городов по Дунаю — Коморна и Грана, мимо которых он плыл, и всей местности по Дунаю, которую он наблюдал во время плавания. Города, совершенно разоренные войной (как припомним, эти именно города служили центрами военных действий в 1684—1688 гг.), не восстановлены, и вся страна по берегам Дуная поражает безлюдьем и пустынностью. Город Буда и другие венгерские города славны только по книгам о них: «Зело славен Будин на письме и прочие венгерские грады, а как их кто увидит, мало что может хвалить. По правде Будин на веселом месте стоит по правую сторону реки Дуная в горе (т. е. на возвышенном берегу), град некогда был великой, но нимало крепкой, обведен двумя стены каменными такими, какими был Азов. Только многие раскаты большие и низкие; рвов подле стен и валов, и бастионов, и иных никаких крепостей нет: древле — фортеция. К нему ж пришли горы, равные ему, и удолия многие. И ныне весь разорен и рассыпан и живущих в нем мало что обретается и то бедных людей; живут в земле и в соломенных хижах (хижинах). Я его крепко смотрел и кругом его и в нем ездил, многие еще мечети с турмами[1] стоят. В нем же изрядные в турецких банях в четырех местех теплицы (теплые источники), в которых я был же, и воды лучше венских. На другой стороне Дуная пониже еще немного в равнине стоит город Пешт, таким же издревле и ныне разорением, понеже как турки неохотны городов строить, так и во взятии от немцев ни единого камени не поправлено, ни деревом, ни землею что построено. Или за бессилием или за сумнительным надеянием то чинится[2]. О Гране ж, государь, и о Коморне и об иных мало, что писати надлежит: весьма разорены и пусты, и строение древнее и безоборонное, не так, как немецкие крепости. По Дунаю ж, государь, все конечно пусто и безлюдно, а где мало что и сыщется — неизреченно бедно и нужно, и разорено. Чего ради, смотря по сему, и впредь не безбедно Вена имеет быть, понеже неприятелю малая какая препона до ней есть», — т. е. вследствие разорения городов и отсутствия крепостей Вене грозит беда, потому что неприятелю по дороге к ней нет преград. «Цесарские, государь, и венецийские суды, — заканчивает письмо Возницын, — пошли

---

[1] Турмами, т. е. башнями.

[2] Возницын хочет сказать, что как турки, владевшие Будой и Пештой около 150 лет, не склонны были к строению городов, так и немцы, вернув города в свои руки, не поправили в них ни одного камня, не было ничего построено ни из дерева, ни из земли. Не делают этого, ничего не строят, или потому, что не имеют средств, или потому, что не надеются удержать эти города за собой.

к Петру Варадыну (Петервардейну) сего числа, а я утре поеду рано. А сами послы цесарской и венецыйской, хотя и хотели скоро ехать на почте, только по се число еще в Будин не бывали, а путь им належит на Будин»[1].

В другом письме, шифрованном, Возницын отвечал по существу на те руководящие указания, которые давал ему Петр в письме из Томашова от 4 августа. Прокофий Богданович ясно понимал и отчетливо изображал отношение союзников к русским интересам, их настроение и намерения и не питал на этот счет никаких радужных надежд. Царь писал из Томашова, что король польский пришлет на конгресс «своих немцев», т. е. саксонцев, доброжелательных к России, и приказывал Возницыну действовать с ними согласно. Однако, пишет Возницын, «то твое, государево, письмо отдал мне не немец, поляк, а немцев с ним ни одного человека нет, и потому я разумею, что тот посол польской больше от Речи Посполитой, нежели от короля, что́ и он при разговорах наших сказал мне». У Польши того времени было, как мы уже знаем, две политики: политика короля и политика Речи Посполитой, и, в противоположность королю, Речь Посполитая никакого доброжелательства к Московскому государству не выказывала. Поэтому никакого расположения от посла Речи Посполитой Возницын и не ждал. Он верно рассуждал, что на поляков положиться нельзя, верно предвидел, что если им будет уступлен турками город Каменец — и в этом их очень обнадеживали австрийцы, — то они бросят общее дело союзников и заключат сепаратный мир. Так оно, действительно, и вышло, и в этом отношении Возницын обнаружил большую проницательность и прозорливость.

Не более внушают надежд и австрийцы. Они намеренно оттягивали конгресс, чтобы тем временем втихомолку сговориться с турками, с которыми сносятся через посредников без ведома и участия союзников и явятся на конгресс, предварительно согласившись с неприятелем, подготовив дело к подписанию договора, «все свои дела поставя на мере ко окончанию и к подписанию». Тогда пригласят к переговорам и нас, будут нас торопить, и мы тогда «в кратком времени со всех стран понуждаемы будем, бог ведает, что против той неправды делать!» Неискренность цесарцев как союзников и образ действий, какого они будут держаться в дальнейшем, видны по их поведению до сих пор: будучи в союзе, установили основание мира без предварительного соглашения с союзниками, точно так же без предварительного соглашения сносятся через посредников с неприятелем, чинят с ним переговоры и пересылки; не показывают союзникам относящихся к делу документов целиком, а только сообщают из них выписки. «И то какая их правда, — пессимистически восклицает Возницын, —

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела австрийские 1698 г., № 66, л. 81 об. — 84. Конца этого письма с описанием городов нет в Статейном списке.

что взяв союз, простояли войска их без дела все лето!», а это дало возможность туркам и татарам многими силами действовать против русских войск [1].

Это письмо показывает, в каком настроении, с какими взглядами и мыслями ехал московский посол на конгресс, и во многом объясняет принятый им там способ действий. Надеяться на поддержку союзников нечего, полагаться на них невозможно. Сознания общего интереса и преданности общему делу союза у них искать нельзя. Общее дело забыто из-за частных индивидуальных выгод каждой стороны. Каждый действует отдельно; фактически — союз уже не существует. Польше лишь бы получить Каменец, — она затем сейчас же выйдет из строя Австрийцы уже подготовили свой мир с турками путем сепаратных тайных сношений. То предварительное соглашение союзников между собой, с которым носился Возницын перед отправлением на конгресс, не удалось и оказалось совсем невозможным. Из всего этого для московского посла выходил один вывод, что и он должен действовать отдельно и индивидуально и попытаться завязать с турками самостоятельные и также негласные сношения. Так он и будет действовать на конгрессе.

Из Буды Возницын отправился в дальнейший путь в тот же день, 27 сентября, после обеда. Внесенный в Статейный список журнал путешествия отмечает опять городки и местечки, мимо которых флотилия посольства проплывала; но они были редки, берега Дуная были еще более пустынны, чем на пути до Буды, и, например, под 2 октября в журнале стоит отметка: «Октября во второй день плыли Дунаем, а никакого житья не видали и ночевали при лесе». Безлюдность местности заставляла опасаться разбойничьих нападений на плывущих. 3 октября, подойдя к городку Ерду (Erdöd), ниже устья реки Дравы, Возницын посылал переводчика Петра Вульфа к коменданту просить конвоя, «чтоб он дал ему провожатых для безопасного пути, сколько человек пригож, потому что о воровских людях была ведомость, что около тех мест часто бывают. И того городка комендант прислал к великому и полномочному послу провожатых от того городка до городка Буковара (Vucovar) семнадцать человек солдат, и великой и полномочной посол за присылку тех провожатых тому коменданту благодарствовал и его, и провожатых дарил. Того ж числа над вечер прибыли к городу Буковару и ночевали, и из того места вышепомянутые солдаты семнадцать человек по приказу посольскому отпущены». Здесь, в Буковаре, посол хотел просить себе новый отряд провожатых, «но наплыли сверх сто пятьдесят человек солдат с начальными людьми и сказались, что идут в Петр-Варадань; и великой и полномочной посол тем провожатым велел ехать при себе для караулу, потому что в городках в Ердуте и в Буковаре сказывали, что неприятельские люди

---

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 135—138.

часто к ним подбегают». 4 октября, конвоируемые таким большим отрядом, миновали городки Воччин (Szotin), Илок (Illok), у которого обедали, Баноштер (Bonostor) и заночевали в двух милях от Петервардейна.

На следующий день, 5 октября, проехав местечко Футак, на левом берегу Дуная, приплыли в Петервардейн. Как и при въезде в Буду, вся свита посла, одетая «по посольскому обычаю», была собрана на струге посла. Посольской флотилии предшествовало австрийское судно с 150 солдатами, провожавшими посла от Буковара. Солдаты били в барабаны. На судно посла явился петервардейнский комендант с начальными людьми, принося извинения в том, что не было произведено пушечного салюта, так как он, комендант, думал, что плывут только посольские люди, и не знал, что с ними находится и сам посол — «в том бы он на него не погневался», этот промах будет исправлен при въезде посла в город. Посол благодарил за поздравление «и приятски от себя отпустил». Промах действительно был исправлен, и пушечная пальба из крепости и со стоявших у Петервардейна военных судов раздалась, когда посол после обеда ехал в карете с судов в город. Посольство остановилось «на посаде на берегу подле Дуная». Отсюда Возницын посылал переводчика Петра Вульфа «к адмиралам воинского флота, которые стоят на Дунае при Петр-Варадыне», и велел их поздравить и за стрельбу из пушек благодарить. В ответ на это «адмиралы и иные того флота начальные люди» приезжали к послу «со взаимным поздравлением сами и били челом».

6 октября в Петервардейн прибыл польский посол пан Малаховский, и наш Статейный список не без злорадного чувства отмечает и малое количество судов, на которых он приехал — всего на трех — и предосудительную простоту его обстановки: «Вышед из судов, шел с людьми своими... до постоялого двора пеш», очевидно, за неимением экипажа. Цесарские и венецианский послы стояли между тем в Футаке, куда Возницын посылал приветствовать их переводчика Ивана Зекана. Благодаря его за эту любезность и выразив сожаление, что он не остановился у них, проезжая мимо Футака, послы обещали уведомить его о том, что они между собой «усоветуют». Послы, действительно, приняли тогда в Футаке некоторые постановления, о которых сообщил Возницыну явившийся к нему в тот же день секретарь английского посредника лорда Пэджета. Секретарь сказал, во-первых, что послы решили объявить с обеих сторон — как со стороны союзников, так и неприятельской — «армистицыум или престание оружия», т. е. заключить перемирие на время конгресса. Другое сообщение касалось места, назначенного для конгресса в окрестностях Белграда: турки станут в Саланкермене, союзные послы в Карловице, а посредники расположатся на равном расстоянии между этими пунктами в местечке Круштале. Ревниво обере-

гая свои права и задетый тем, что обошлись при этих решениях без его участия. Возницын не оставил этих известий без протестующего замечания: «Говорил, что достоит было о сих делех посоветовать и с ним, великим послом, понеже и он к тому приналежит, а они де, господа послы, что чинят, ему ничего не объявляют, и то де в их воле». Перемирие на другой день было торжественно объявлено в Петервардейне: «Того ж числа в Петр-Варадыне армистицыум на улице с трубами и литавры, сидячи на конех, при роте рейтар в латах, с офицеры, прочтена. А по прочтении той радости, триумфая, били по литаврам и трубили на трубах не мало время; чтены те армистицыйные письма от писарей, сидящих на конех, одно цесарским языком, другое славяно-сербским»[1].

Такое пренебрежительное отношение со стороны союзников, принимавших решения, касавшиеся общих интересов, без участия Возницына, поддерживало последнего в том его пессимистическом настроении, с каким он ехал на конгресс. «Цесарцы, государь, — писал он Петру в шифрованной записке из Петервардейна от 8 октября, — мало поистине поступают; чрез посредников письмами и словами с турки непрестанное сношение имеют, а нам тех писем не кажут и мало что сказывают, а по должности союза не довелось было им того чинить. И ныне стоят за полторы мили не доезжая Петр-Варадына в местечке Футаке, а к нам не едут, не знаю для какой причины, а мню, что хотят тайно видеться с посредники. И того ради посылал я к ним туда спрашивая причины, для чего они к нам не едут, отговариваются безделицею. И за такими поступки, будучи в их воле — с трудностию (т. е. трудно) свои дела управлять, аще не вышнего сила поможет!». В открытом письме от того же числа, к которому приведенная шифрованная записка была приложена, Возницын сообщает о прибытии своем в Петервардейн, о месте конгресса и заключении перемирия и дает изобразительное описание Петервардейна: «Петр-Варадын — городец, на горе, весь рассыпан и разорен, только немцы для осады некоторые кругом его учинили бастионы и шанцы; под ним домиков с десять убогих, в которых всех союзных послы поставлены; кругом нас окопец; на реке флот, особые суды не так, как морские, которые описав именно и начертя на бумаге, к тебе, великому государю, пришлю вскоре»[2]. На горе стоял замок. Позже, съездив в этот «верхний замок» и посетив жившего в нем коменданта, Возницын занес в Статейный список такое его описание: «А по осмотру город (замок) Петр-Варадын стоит на высокой горе и из его видимо яко бы в круг Дунай река обошла; построен тот город с бастионы и с обведеными шанцы»[3].

---

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 138—145.
[2] Там же, 145—149.
[3] Там же, 159.

LIII. ВОПРОС О МЕСТАХ НА КАРЛОВИЦКОМ ПОЛЕ. СТОЛКНОВЕНИЕ ВОЗНИЦЫНА С ПОЛЬСКИМ ПОСЛОМ

В Петервардейне Возницын пробыл 8 дней — до 13 октября. Уже здесь, видимо, пошли разговоры о местах, которые отведены будут каждому на территории, назначенной для конгресса под Карловицем. Не раз приходилось говорить о том, какое значение в те времена в дипломатических сношениях имело местничество, то, что на дипломатическом языке обозначалось тогда словом «praecedentia» или «préséance», и какие споры из-за первенства тогда происходили. Общее расположение конгресса было установлено в таком порядке: турки становятся у Саланкермена, союзные у Карловица, а по середине между ними, на равном расстоянии от тех и других, в Круштале располагаются посредники и здесь же должны при участии посредников происходить съезды и переговоры союзных с турками. Но в каком порядке у Карловица расположатся союзные — было вопросом, и вопрос этот привлекал к себе внимание. У цесарских послов имелся чертеж с планом того расположения, которое должно было занять каждое из союзных посольств, и цесарским правительством назначено было особое лицо — граф Марсилий, которому поручено было отвести место каждому из послов. Первое место или, точнее, первенство в выборе места принадлежало бесспорно императорским послам; никто с ними равняться не мог. Но размещение остальных о т н о с и т е л ь н о цесарских послов, т. е. кому стать ближе к ним и кому дальше, кому расположиться по правую их сторону и кому по левую, было вопросом, вызывавшим местнические споры. Возницын хорошо, конечно, сознавал преимущество императора и не мог допустить и мысли о каком-нибудь счете местами с ним и споре о прецеденции; но он столь же глубоко был убежден в превосходстве своего государя перед польским королем, и отсюда делал соответствующие практические выводы. Он решительно требовал, чтобы при отводе мест ему отдано было место по правую сторону от цесарских послов, а польскому послу по левую сторону или чтобы ему было отведено место непосредственно подле шатров цесарского посольства, а польскому послу место вслед за ним, т. е. третье от цесарцев, ссылаясь на чертеж, виденный им у графа Эттингена. В пользу своих притязаний Возницын привел целый ряд доказательств: по прибытии в Буду польский посол посетил его первым, а потом уже он, Возницын, отдал ему визит; когда прежде бывали съезды польских послов с царскими, то польские послы отдавали честь царским, и самые съезды происходили на царской земле в расстоянии с милю от польской границы; польский посланник в Вене ксендз Гамалинский первый и притом дважды был у него, Возницына, и затем уже он отдал ему визит; наконец, Возницын привел и еще соображение, уже другого порядка: царь всеми силами оказывал вспоможение союзникам в исполнении договора. Но австрийцы,

вероятно, с целью предупредить последствия, которые должны были неизбежно выйти из этих притязаний на первенство, высказали совсем иную точку зрения: чертеж, который московский посол видел у графа Эттингена, уже отставлен; в Карловице отведено пространство общее для всех, каждый может занимать себе место, какое ему полюбится; где кто себе место займет, то его и будет. Им, цесарцам, взять на себя обязанность разводить и назначать места — дело непристойное, да и земля, на которой будет происходить конгресс, не цесарская и не турская, а нейтральная: «якобы подутратная, ни к той, ни к другой стране до постановления мирного не прилежит» [1].

Образ мыслей, высказанный Возницыным австрийцам по вопросу о порядке мест, не мог остаться тайной для польского посла. 10 октября у него был по его приглашению доктор Посников, объявивший ему полученные накануне из Москвы сведения о победе русских войск над турками при Гарсланкермене (на низовьях Днепра). Пан Малаховский, поблагодарив за известие, перешел затем к сюжету, для обсуждения которого он и пригласил Посникова, — о местах на конгрессе: «Слышал де он от некоторых людей о заседании на предбудущей комиссии мест, и в том де с его милостью, господином московским послом, хощет быть не низшим, не высшим, но в равенстве». Человек, видимо, увлекающийся, пан Станислав на этом не удержался и в дальнейшем разговоре перешел к сравнительной оценке достоинства польского короля и московского государя, приводя некоторые исторические справки: «и короля своего выхвалял, а царского величества фамилию якобы понижал и говорил, что князь московский — великий дукатский князь (герцог), а царем писатися начал царь Иоанн Васильевич, и корона его не такая, яко у протчих монархов и королей — и иная речения уразительная вырекл. И дохтур, колико мог, в том ему ответ чинил, и те его слова, пришед от него, великому послу донес». Нетрудно себе представить, с какими чувствами выслушал доклад доктора Возницын. Когда затем в тот же день, согласно с требованиями этикета, явились дворяне от Малаховского с благодарностью за присылку Посникова, Возницын через них просил польского посла прислать секретаря, «с которым он имеет разговориться и ответ учинить на некоторые посольские непристойные и уразные (обидные) слова», и, отпустив их, принялся выписывать из прежних русско-польских договоров, «как они, великие государи, имеют себя писати равенственною честью и прочая». А когда вновь явились дворяне от пана Малаховского, то он, Возницын, этим дворянам «его посольские досады словесные выговаривал», припомнив и прежнюю «письменную досаду», именно, что в королевской грамоте к цесарю, привезенной ксендзом Гамалинским, московский государь титуловался только великим князем — «и с той грамоты показывал им список и особу

[1] Пам. дипл. сношений. IX, 155—161.

царского величества выводил пространно, что он есть великий государь, помазанец божий и царь, и цесарю и прочим монархам брат и описует себя так же... И может, что он, господин воевода познанский, договоров вечного миру, каковы учинены у великого государя, у его царского величества, с королевским, не читал, или чел, да не памятует, и чтоб таких речений впредь он, посол, не плодил». Малаховский, может быть, почувствовав, что зашел слишком далеко, присылал своих дворян в этот день в третий раз с извинениями, «с великим унижением, бутто то он говорил, не уражая и не понижая чести царского величества, но в разговор; и просил во всем прощения... заклиная себя богом, что де говорено с дохтуром для дискурсу, а не к уразе», чтобы великий посол все то ему оставил и был с ним «в приятстве», как им обоим их государями указано быть между собой в дружбе и в любви. Говоря это, дворяне великому послу «гораздо кланялись». Возницын на эти извинения ответил, что если его милость, воевода познанский, «такие слова изнес не к уразе и поразумевая не к умалению его царского величества превысокой чести, на дишкурсе, то мочно оставить. А хотя б и ни с каким поразумением то говорил, и того не достоит про великих монархов говорить. И зело пространно тем дворяном выговаривал», упрекая польского посла непрямо, «но под закрытием», т. е. намеками, в незнании «посольских поведений», и в заключение сказал, что, желая быть с ним «в любви и приятстве, то ему оставляет, только б он впредь того не чинил». Дворяне, прощаясь, сказали, что и сам он, посол, «увидевся с ним, великим послом, будет в сем кланяться и просить прощенья»[1]. Сам пан Малаховский, сообщая в письме в Варшаву о своем конфликте с московским послом, суть его передавал тождественно с Возницыным, но вносил в рассказ некоторые иные варианты. По его словам, он всячески старался заслужить расположение московского посла. Но Возницын, основываясь на выданном ему, Малаховскому, из цесарской канцелярии в Вене паспорте, в котором при перечислении союзников поляки были упомянуты после москвитов, взял себе на мысль соперничать с ним, Малаховским, «de praecedentia», заявил эту претензию петервардейнскому коменданту, когда тот хотел позвать послов к себе завтракать, и не сделал Малаховскому визита в Петервардейне, как следовало бы по обычаю. Его секретарь — доктор Посников — будто бы объяснил ему, Малаховскому, что визит этот не сделан только по той причине, что московский посол болеет ногами, но, как только выздоровеет, тотчас же сделает визит. «Секретарь этот, — пишет далее Малаховский, — говорил по-латыни и все время герцога Московии (ducem Moschoviae) не иначе называл, как rex noster и вступил в дискурс о равенстве с королями. Я же по поводу этого достаточно говорил, что, разумеется, император идет перед всеми, затем следуют короли, между кото-

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 151—153.

рыми нет различия, другие же потентаты, князья и герцоги (principes et duces) следуют за королями», — и, далее, Малаховский упоминает о тех посылках своих дворян к Возницыну, о которых говорит и Статейный список, но с тем различием, что он будто бы через этих дворян жаловался Возницыну на Посникова, сделавшего Возницыну неверный доклад о происшедшем дискурсе. Сам же он, Малаховский, не имел никакого намерения повреждать достоинства московского государя, теснейшая дружба которого с королем ему известна [1].

Дело на том не кончилось. Через день, 12 октября, польский посол прислал опять своих дворян с настойчивым приглашением Возницына сделать ему визит, так как он, Малаховский, прибыл в Петервардейн первым. Возницын отговорился тем, что визит был уже отдан в Буде. Малаховский прислал дворян во второй раз, повторяя свое требование; но затем дворяне, встретив тот же отказ со стороны Возницына, сделали от имени посла новое предложение: «А буде он, великой и полномочной посол, не изволит польскому послу визиты отдать, то б изволил видетись с ним в костеле или где на переезде и при том просили посла, дабы он изволил у польского посла обедать». Возницын был непреклонен и на это предложение неофициального свидания также отвечал отказом: «И великой и полномочной посол сказал, что в костеле ему быть неприлично, потому что он веры греческого закона; также и на переезде где видетись неприлично, а обедать ему, великому послу, у него, польского посла, недосужно». В тот же день он с подьячим М. Родостамовым велел передать поляку, что устраивать им неофициальные встречи не следует, а «лутче видетца на дворе по прямому извычаю», и предложил Малаховскому посетить его, Возницына, во-первых, потому, что от него учинилась некоторая обида чести царского величества, а, во-вторых, для того, что ему, царского величества послу, «дву визитов сряду отдавать непристойно, а пристойнее то учинить ему, королевского величества и Речи Посполитой великому послу». Малаховский не уступил и сделать визит первым отказался. Исполняя требование Возницына и первый делая ему визит, он этим согласился бы признать неравенство их государей, что́ было ему особенно нежелательно на глазах у немцев. Итак, каждый остался при своем. На этом сношения московского посла с польским в Петервардейне прервались [2].

13 октября союзники, кроме цесарцев, переехали в Карловиц, русские и поляки из Петервардейна, венецианцы из Футака. Возницын, «убрався по посольскому обычаю», ехал в каретах под конвоем двух рот цесарских рейтаров. «Я двинулся из Футака,— описывает свой переезд Рудзини в депеше дожу, — с конвоем, который был назначен и для других — эскадрон более, чем из

[1] Załuski, Epistolae Historico-familiares, III, 676—677.
[2] Пам. дипл. сношений, IX, 156—158.

ста кирас под командой капитанов; разделенный на два отряда, он предшествовал и замыкал мою многочисленную свиту — людей, кареты, лошадей и багаж... Проехав без остановки под фортами Петервардейна и приветствуемый многочисленными выстрелами артиллерии не только с крепости, но и с обоих фортов, которые стоят около моста по одну и по другую сторону от него, я очутился на поле, расположенном частию в глубине небольшой долины, частию по возвышенностям нескольких прилегающих к Дунаю холмов под местечком Карловиц, в расстоянии получаса от него». На этом поле уже были обозначены места для квартир цесарцев; остальным было предоставлено занимать места по желанию. Рудзини думал двинуться занимать место одновременно с другими союзниками, как, по его мнению, подобало сообразно декоруму. Но московский посол не стал ждать других и первым вступил на поле. Возницын, опасаясь как бы не прозевать и не уронить чести своего государя перед поляком, поспешил, не сообразжаясь ни с каким декорумом, фактически завладеть первым местом возле цесарцев, чтобы затем разговаривать с Малаховским, поставив его перед совершившимся фактом. Польский посол был взбешен этой выходкой. «Из этого случая, — пишет далее Рудзини, — возник довольно сильный спор между поляками и московитом, который остается горящим между ними. Люди польского посла пытались силой прогнать людей московского посла с занятого места, но это им не удалось, и поляк остается в барках, выражая с бранью свою злобу, протестуя перед прибывшими 14 октября цесарцами против обиды и насилия, прося защиты и заявляя, что не примет участия в конгрессе, не получив дальнейших инструкций от своего короля по поводу этого скандального и обидного обстоятельства»[1].

Эта стычка между людьми московского и польского послов, о которой повествует Рудзини, окончившаяся победой московитов, вызвала визит к Возницыну графа Марсилия, заведовавшего размещением участников конгресса. «Приезжал к великому послу граф Марсилий,— читаем мы в Статейном списке,— и поздравлял его, великого посла, счасливым прибытием, а потом говорил: слышали де они, его, великого и полномочного посла, у людей с некоторыми людьми учинилась ссора, однакож де [если] и была какая ссора, и та в прибытии их, всех послов вся успокоена быти имеет. И великий и полномочный посол говорил, что за посещение его и поздравление он, посол, благодарствует, а у людей де его ни с кем никакой ссоры не было; а если бы и была, о которой он не ведает, а он, господин Марсилий, то хощет успокоить, и он, посол, за то зело благодарствует и их, цесарского величества послов во всем слушать рад, естли что не ко умалению великого государя, его царского ве-

[1] Шмурло, Сборник документов, № 696, 15/25 октября.

личества, чести достизает»[1]. Возницын прикидывался незнающим о столкновении, дабы не признать, что занял место силой.

Итак, московский посол расположился на ближайшем к цесарцам месте, а польский сидел надувшись у себя в барке на Дунае, заявляя протесты. «Это поставило цесарцев, — продолжает свое донесение Рудзини, — в нерешительность. В этот самый час они обсуждают лучший способ выхода из положения, и мне донесено, что, может быть, придется передвинуть лагерь из этой местности, чтобы устранить предмет и причину неудобств, а также чтобы улучшить размещение к выгоде всех, так как место оказалось теснее, чем представляли себе инженеры». Как раз кстати случилось, что турки и посредники также были недовольны занятыми ими местами и прислали предложение всем несколько передвинуться по направлению к Петервардейну. «Между тем, как цесарцы, — прибавляет Рудзини в постскриптуме той же своей депеши от 15/25 октября, — изыскивали способы перенестись в другое место, как вследствие несогласий, так и вследствие качеств этого места, действительно дурно выбранного и плохо приспособленного для стольких расположений, прибыл секретарь Пэджета с письмом посредников и с представлением о неудобстве также и их расположения у монастыря (Крушталя). Они предлагают перебраться в равнину Карловица. Сейчас прибыл ко мне граф Марсилий сообщить мне новость и причины, которые накоплялись в пользу перенесения лагеря, и сказать, что цесарцы желают говорить со мною. Я отправился приватным образом к шатру Эттингена, который... прочел мне письмо посредников, содержащее те же мотивы... Я одобрил старание найти места, которые могли бы быть более приспособленными к удобствам всех и которые одновременно с тем могли бы послужить к улажению разногласия, прежде чем проникнет о нем слух к туркам... Таким образом, час спустя, они дали мне знать, что в этот вечер все переселяются. Поэтому, оставив здесь бóльшую часть моего экипажа и все барки, которые с немалою трудностью и издержками должны будут подыматься по реке, отправляюсь и спешу закончить эту нижайшую депешу»[2].

Для расположения союзников на новых местах, куда они были передвинуты 15 октября, австрийцами был изобретен хитроумный план, а именно: взята была для расположения фигура квадрата, причем каждый из союзников должен был занять одну из его сторон. «Этот план, — пишет Рудзини в следующей депеше от 21 октября/1 ноября, — не давал места никакому различию и преимуществу, и не могло быть вопроса о превосходстве или привилегии, тем более что цесарцы уже заявили устно и письменно, что в размещении нет и не может быть никакого преимущества. Поэтому прежде, чем двинуться,

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 162.
[2] Шмурло, Сборник документов, № 696.

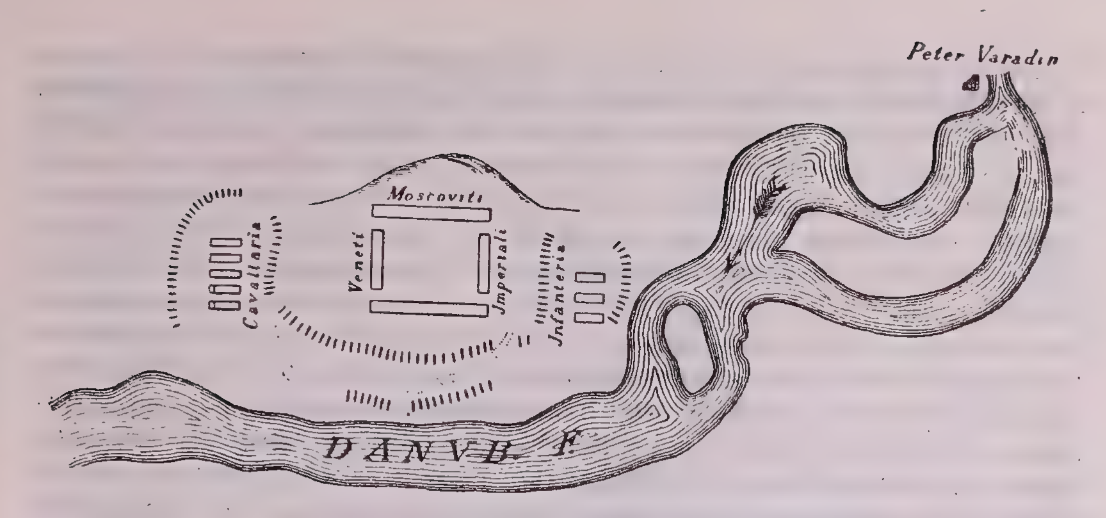


Рис. 23. План размещения участников Карловицкого конгресса, приложенный к донесению Рудзини.
Заимствован из книги Шмурло «Сборник документов, относящихся к истории царствования Петра Великого»

графу Марсилию было поручено спросить согласие послов относительно вышепоказанного плана [1], который располагал по двум противоположным сторонам цесарцев и венетов, а по двум другим — московитов и поляка. Все согласились, и только поляк сказал, что он мог бы расположиться на какой угодно стороне, только бы не соприкасаться с московитом... После чего было предложено каждому командировать непосредственно к графу Марсилию своего офицера, чтобы узнать и занять то место, которое ему назначено, что было исполнено мною и московитом и было обещано, но не исполнено поляком».

Дело размещения и на этот раз не прошло гладко. Возникли новые столкновения все у того же польского посла. «Потому ли, что характер польского посла от природы беспокойный, — пишет Рудзини в депеше от 21 октября/1 ноября, — или потому, что под видом такого беспокойства он, повинуясь секретным инструкциям своего двора, ищет то того, то другого предлога, чтобы поставить препятствие конгрессу и вызвать его замедление, когда не успевает сделать этого другим способом, — разногласия, которые возникли в другом лагере с московитом, возобновились здесь, не скажу с министром ваших превосходительств, но с цесарским посольством». Однако разногласие у польского посла на новом месте возникло прежде всего именно с ним, Рудзини, как это видно из его же дальнейших слов. «Вследствие некоторого необходимого опоздания, — рассказывает Рудзини далее, — я прибыл последним в лагерь, куда предшествовал мой багаж, и нашел, что на месте, заранее обозначенном на карте, а затем указанном видимыми знаками на земле, возвышался мой шатер, находящийся против шатра цесарцев.

[1] Рудзини приложил к этой депеше и рисунок плана, воспроизведенный в «Сборнике» Шмурло.

Я начал устраивать свой стан. Час спустя я заметил, что, хотя и в отдалении от моей линии, поднималась маленькая палатка для поляка, который очутился как бы посреди площади квадрата, оставшейся пустою». Продолжая свои наблюдения далее, Рудзини через некоторое время заметил, что из помещения цесарцев показался офицер, который в два приема, но каждый раз одинаково безуспешно направлялся к полякам с предупреждением, чтобы они прекратили работы и что это место назначено не для них. Хотя небольшая палатка польского посла и не закрывала всего фронта венецианцев и хотя, кроме этой палатки, никаких больше сооружений для польского лагеря не появлялось, Рудзини, видя безуспешность воздействия цесарского офицера на поляков, счел уместным с осторожностью дать знать графу Эттингену, что он также заметил «новость и изменение в том порядке, который был так разумно устроен». Цесарское посольство выказало негодование и выступило с действительными и неоднократными представлениями, послав в этот же вечер несколько лиц и самого Марсилия, чтобы найти посла, который все время продолжал оставаться в барке... Но резоны не имели силы. Он показал себя достаточно чувствительным в огорчении, оставшемся у него от спора с московитом, и, извращая факты и вещи, ранее выраженные и одобренные, отрицал свое данное Марсилию согласие занять отведенную ему сторону квадрата. Когда ему было предоставлено выбрать какое-либо место по его желанию, он послал кого то из своих завладеть местом, уже занятым мною, поручив охранение его двум солдатам, пока сносились с барок его палатки; все дела, о которых не знаешь, как их уладить!

Так, в течение нескольких дней тянулось дело между цесарцами и поляком, который от одного разговора до другого менял свои предложения, сам с собою расходился в изложении фактов и показывал себя непостоянным даже в самых тех средствах, на которые столько раз соглашался. То он как будто сдавался на убеждения цесарского секретаря и готов был расположиться за линией венецианцев — лишь бы только ему не стоять против московита, то, вдруг изменив первоначальную мысль и отказываясь от всякой гибкости, говорил, что не может желать иного места, чем то, которое занимает Рудзини, потому что оно будто бы занято было им раньше. Но Рудзини, вообще несравненно более уступчивый, чем московский посол, и гораздо менее ревнивый ко всем мелочам этикета, нашел все же несообразным с достоинством представителя республики двигаться уже с занятого места и остался непреклонным [1].

Отголоски этого спора поляка с Рудзини и с цесарцами, конечно, доносились и в московский лагерь, и Возницын, вероятно, не без удовольствия заносил в свои еженедельные записки

---

[1] Шмурло, Сборник документов, № 699.

жалобы цесарцев и Рудзини на поляка. 15 октября «виделся с великим и полномочным послом цесарской граф Марсилий и по поздравлении говорил, что у них, цесарцев, написан чертеж, как всем послом стоять, и в том де чертеже ни первого, ни последнего места нет, и союзные де все послы тот чертеж приняли и теми станциями были успокоены и довольны, только де польской посол чинит тому упорно и разбил свой намет не в том месте, где достойно было, и люди де его поссорилися венецийского посла с людьми так же, как и его (Возницына) посольские люди»[1]. На другой день, 16 октября, присылал к Возницыну венецианский посол с поздравлениями своего дворянина, который при поздравлении жаловался на поляка, «что он послу его учинил знатное бесчестие, на отводном его месте поставил свою палатку». Жаловались и цесарцы. 17 октября во время визита Возницына к графу Эттингену, где был и Шлык, оба они говорили, что «польской де посол не токмо старые ссоры усмиряет, но еще новые всчинает и ныне де обиду учинил венецийскому послу и поставил намет свой не на том месте, где достойно было. И великой посол сказал, что у него с ним никакой ссоры нет»[2]. В письме к царю от 22 октября Возницын, не скрывая своего пренебрежительного отношения к поляку, так описывает этот эпизод: «Польской посол, в тех ж бударах приехав на другой день, стал у берега... и говорил, что занял у него место венецийский посол. И поставил палатку свою против цесарцев, подався к венету тылом. Венет, видя то, ничто же ему противного творя, посылал, жалуясь, к цесарским послом; и цесарские послы к нему посылали говорить графа Марсилия, которому сказал, что у него сперва отнял место московской, а потом виницейской. И Марсилий ему говорил, что сам он на чертеже признал за добро, на котором бы месте кто ни стал, и то б было за равно; однако, того он ничего не слушая, живет в бударах; а палатка маленкая перед винициянином и до днесь стоит пуста. Приехал сюда не токмо у него лошади, ни колеса, не токмо намету, ни кола, кроме той одной палатки нет, и того незнамо у кого здесь выпросил, мне кажется, те ссоры затевает за свой стыд, что ему стать не в чем, а хотя б с большими денгами, купить здесь ничего не добудет — все пусто и в войске скудно»[3]. Только после многих препирательств и уговоров дело было улажено и, как сообщает Рудзини в заключение своей депеши от 21 октября, «последовал перенос палатки польского посла на его сторону на место, которое ему было назначено сначала». Когда дело о размещении было, наконец, улажено, и польский посол стал на своем месте, Возницын в записке от 29 октября так описывал его стан: «Вышед из будар, стал на левой стороне у цесар-

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 164.
[2] Там же, 167—168, 169—170.
[3] Там же, 199—200.

цев, а с венетом помирился, написали ему письмо... Купил он три полатченцы убогие и стоит в них зело беден и малолюден, сказывают, будто ожидает двора своего. Ни кареты, ни телеги нет, токмо купил здесь кляч розных с пять... Поляки, приходя к моим в наметы, просят пить, а свое вино, про которого сказывают, купили в Будине в склад, выпили все...» Видимо, не без особого удовольствия заносит он в Статейный список известие о том, как польский посол выпрашивал у австрийцев карет, в чем бы ему ехать на съезд, и как те ему отказали [1].

Хотя Возницын и приводит неоднократно заявление о том, что новое расположение установлено без первых и последних мест, однако все же не упускает случая отметить, что он стал по правую сторону цесарцев, а польский посол по левую.

Участвовавшие в конгрессе посольства расположились лагерем под Карловицем на равнине по правому берегу Дуная. В Государственном Историческом музее в Москве (в коллекции Щукина под № 3558) хранится небольшая овальная серебряная коробочка, на крышке которой на внешней стороне выгравировано изображение Карловицкого конгресса. На равнине по правому берегу Дуная под Карловицем расположились лагерями участвовавшие в конгрессе посольства. Изображение, вероятно, относится ко времени очень близкому к конгрессу; так надо думать потому, что вскоре же после конгресса в Европе наступили события — война на севере и война за испанское наследство, — которые должны были в значительной мере уменьшить всякий интерес к такому происшествию, каким был конгресс в Карловице, и совершенно заслонить его собой. На верхней части внешней поверхности крышки изображается река Дунай; течение указано стрелкой; через Дунай перекинут понтонный мост, ниже которого по течению стоят несколько судов. По берегу пролегает дорога из Петервардейна. Отступя от нее к низу на левой стороне поля очерчена квадратная фигура, по сторонам которой виднеются палатки послов: московского vis-à-vis с польским и венецианского vis-à-vis с цесарцами. Правую сторону крышки занимают палатки турецкого посольства. В середине—посредники и дом для конференций — Conferenz-Haus. На всем пространстве равнины в виде пеших и конных фигурок изображены цесарские и турецкие войска, служившие охраной конгресса. На внутренней стороне крышки — отдельное изображение дома для конференций. Дом двухэтажный с восемью окнами в каждом этаже и одною дверью по фасаду. Размеры дома указаны в вырезанном же тексте объяснений к рисунку: 28 футов вышины, 40 длины, 18 ширины. В нем, как мы знаем, из других источников, для занятий конгресса было устроено четыре комнаты; из них три, расположенные по фасаду, служили: средняя большая зала для заседаний конференции, две крайние — для каждой из договаривавшихся сторон.

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 241, 242, 253.

Рис. 24. Вид лагеря при Карловице.

Рисунок на верхней стороне крышки серебряной коробочки из собрания Государственного Исторического музея в Москве

К средней зале по заднему фасаду примыкал кабинет для посредников [1]. В конференц-зале стоял прямоугольный стол, по одну сторону которого садились турки, по другую договаривающиеся из союзников; по узким сторонам стола посредники, с одной стороны англичане, с другой голландец. Изображение на коробке снабжено надписью на немецком языке: «Warhafter Abris des Lagers beiy Carlowitz wo mit dem Turcken Fried gemacht worden ist so den 16/26 Jan. 1699 auf 25 Jahr. geschlossen» и затем вырезанными надписями объяснены отдельные части рисунка, обозначенные на нем литерами, например: «A. Die polnische Linia so von Käyserl. Bewohnet. B. der Polnische Gesante», и т. д. [2].

В разговоре с цесарскими послами, жаловавшимися на поведение поляка, Возницын заявлял, что никакой ссоры с ним не имеет [3]; однако он говорил так ради соблюдения своего достоинства перед цесарцами. На самом деле, и после того, как вопрос о местах был более или менее улажен и потерял свою остроту, отношения были весьма прохладны или, точнее сказать, весьма горячи со стороны польского посла, долго бывшего не в состоянии успокоиться и не скрывавшего своего сердца и досады на Возницына за понесенное поражение. Его волнение разражалось бурными вспышками по адресу московского посла при попытках этого последнего возобновить с ним сношения и завязать разговоры о делах. 19 октября Возницын отправил к нему подьячего Михайла Родостамова приветствовать его и сказать, что желает видеться и говорить с ним. «И польской посол, — читаем в Статейном списке, — тому подьячему сказал, что за поздравление его, посольское, благодарствует, а видетись ему с ним не для чего, потому что он, посол, учинил ему немалую досаду в обирании места» [4]. Через день, 21 октября, Возницын, действуя со спокойной снисходительностью победителя, свою попытку повторил, отправил к поляку доктора Посникова, «отзываясь к нему дружбою и приятством и что хощет с ним видетись и, переговоря, иметь... в делах общих сношение».

---

[1] Hammer, Histoire de l'Empire Ottomane, XII, 450.

[2] Указанием на это интересное изображение я обязан А. В. Орешникову и Н. А. Баклановой. Вышедшей вскоре после конгресса книги под заглавием «Gründ- und umständliches Bericht von denen römisch-Kayserlichen wie auch Ottomanischen Botschaften wodurch der Frieden zu Carlowitz bestättigt werden. Wien 1702», где также указывается расположение посольств на конгрессе, нет ни в Публичной библиотеке в Ленинграде, ни в Ленинской библиотеке в Москве. В книге «Der siegreich geendigte Römisch-Kayserliche Pohlnische Muscowitische und Wenetianische XV Jährige Türcken-Krieg etc.» вышедшей в Гамбурге в 1699 г., следовательно, вскоре после конгресса (она есть в Публичной библиотеке в Ленинграде), имеется также план расположения посольств на конгрессе и план конференц-дома (ч. II, стр. 378). Сторону квадрата, обращенную к Петервардейну, занимают цесарские послы; vis-à-vis им венецианец, по левую сторону цесарцев, обращенную к Дунаю, — польский посол, по правую — московский. То же и на плане Рудзини.

[3] Пам. дипл. сношений, IX, 169—170.

[4] Там же, 175.

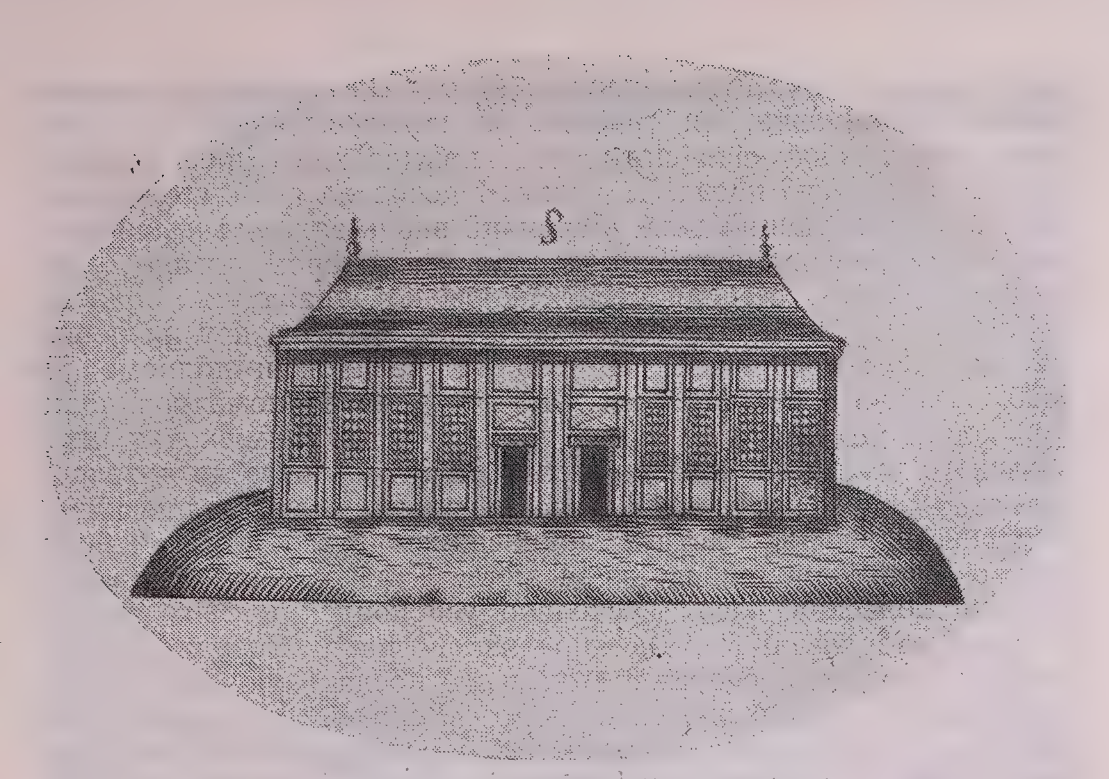


Рис. 25. Вид конференц-дома в Карловице.
Рисунок на внутренней стороне крышки серебряной коробочки из собрания Государственного Исторического музея в Москве

Малаховский, увидев Посникова, изливал свою досаду на Возницына и вновь не удержался от дискурса с ученым доктором о достоинстве власти московского государя и о превосходстве польской короны перед московской. Московский посол, говорил он, «желает перед ним быть в первенстве и то де он делает, не зная, и выводил о польской короне гордо и высоко, что король их и цесарю не уступит, а московская корона не королевская и не цесарская, и сделана княжескою шапкою, а не как у цесаря и у королей. И величество де его не цесарское и не королевское. А что де почал писаться царь Иван Васильевич царем, и то де и хан крымский так же пишется». Отсюда он делал практический вывод, отрицая равенство с ним московского посла, и в заключение сказал, что ни в какие сношения с московским послом вступать не хочет, надеется на защиту со стороны короля и республики и видеться с московским послом не желает: «И не токмо де он с ним, московским послом, дружбу и сношение имети, но и видетись не хочет, потому что люди его, посольские, учинили ему, послу, великое бесчестье, и к королевскому де величеству, и к Речи Посполитой о том он писал и надеется де, что его королевское величество и Речь Посполитая за то его бесчестье вступится; а он де, посол, никогда ни в какие дела обще с ним вступать не будет. И с тем, сердитуя, его (Посникова) отпустил» [1]. Граф Марси-

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 183—184.

лий старался примирить послов. В тот же день, 21 октября, посетив Возницына, он говорил «о польском после..., а он, Марсилий, тщание свое показует в примирении с ним, великим послом, польского посла. И великой посол за то благодарствовал»[1]. На следующий день Марсилий вновь заходил и приносил лист за подписью цесарских послов, «в котором писано о местех посольских, где они стоят, якобы ко оправданию польскому послу, что не на удобном месте стал и будто нет ни первого, ни последнего места, и чтоб он, великой и полномочной посол, тот лист подписал же. И великой и полномочной посол того листа не подписал, что в том листу он... именован ниже польского посла, да и подписывать ему того листа не довелось, довольно и того, что они, цесарские послы, его подписали»[2]. Цесарцы, очевидно, хотели подписанием этого листа прекратить окончательно споры из-за мест. Только к самому концу октября польский посол несколько успокоился и 27-го сделал со своей стороны шаг к примирению. К шатру Возницына приходил в этот день дворянин польского посла Коронский и разговаривал с посольскими людьми: «Зело де польской посол печалится, что его некоторые люди царского величества с послом ссорили и хочет как-[нибудь] с ним, великим послом, помириться. И посольские люди сказали, что у него, великого и полномочного посла, с их польским послом ссоры никакой нет и видеться он... и в приятстве быть с ним, польским послом, хочет»[3]. Малаховский сваливал всю вину раздора на своих дворян, которые приставлены к нему от Речи Посполитой и враждебны королю, потому и ссорили его с московским послом. А теперь он, как он извещал Возницына 28 октября, подлинно доведался про их ложь и просит у московского посла совета и помощи. Дело шло об отдаче полякам города Каменца, и потому Малаховский мог считать не лишней поддержку Возницына[4]. Ссора была окончена. Но все же и долго спустя в письмах Малаховского к Возницыну звучали упоминания о полученной обиде. 6 декабря, например, он пишет Возницыну ответную, вполне дружественную по содержанию ноту; но начать эту ноту он все же считает нужным оговоркой, в переводе с латинского языка, на котором была написана нота, гласящей так: «Аще преяростнейшею обидою... не точию противо правам и законам... но и противу всякие правды от вашего изящества зде уязвлен есмь» и т. д.[5].

---

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 187.
[2] Там же, 202.
[3] Там же, 213—214.
[4] Там же, 233—235.
[5] Там же, 344; Załuski, Epistolae Historico-familiares, III.

LIV. ТАЙНЫЕ СНОШЕНИЯ ВОЗНИЦЫНА С ТУРКАМИ

Выше приходилось говорить, в каком пессимистическом настроении по отношению к союзникам ехал Возницын из Вены на конгресс после того, как все его старания устроить предварительное соглашение союзников о тех требованиях, какие должны быть предъявлены туркам, потерпели неудачу, натолкнувшись на упорное нежелание австрийцев вести переговоры сообща. Отчаявшись в своих попытках и махнув рукой на возможность действовать сообща, Возницын убедился в необходимости вести дело отдельно и, не дожидаясь объявления общего распорядка переговоров, который должен был быть установлен посредниками, поспешил вступить до своей официальной очереди в отдельные и притом тайные сношения со вторым турецким послом Маврокордато, с которым был лично знаком по посольству своему в Константинополе в 1681 г. «Другой посол турской, — писал он Петру 22 октября, — гречанин Александр Маврокордат, переводчик и секретарь, по турску тержиман-баши, знаем мне гораздо. Как я был в Цареграде — тогда при визире в том же чину был, и чрез него все дела делались и всех государств делаются. Того ради видя я, что немцы всякие пересылки чрез посредников о своих делех чинят, а нам едва что сказывают, от чего мы здесь и слепы, и глухи, и ничего в действо произвести не можем, сыскав я чернца грека за свидетельством сербского патриарха, верна, переодев его в мирское платье, послал его из Петр-Варадына в Белград с приятственным к нему письмецом, доктором по-гречески написанным, напоминая прежнюю дружбу и знакомство и что желаю о некоторых делех сношение с ним иметь»[1].

Всю вторую половину XVII в. в Турции при великих визирях, происходивших один за другим из одной и той же фамилии Кеприли, можно сказать, при династии визирей Кеприли, состояли последовательно помощниками для дипломатических сношений с европейскими странами в качестве не то переводчиков (они носили название «великих драгоманов»), не то государственных секретарей два выдающихся грека. При визире Магомете Кеприли I и при сменившем его сыне Ахмете Кеприли II такую должность великого драгомана занимал Панайотаки Никизиос до 1673 г., а с этого года до 1709 г. при визирях Кара-Мустафе, зяте первого Кеприли, при Мустафе-Заде Кеприли III и при Гуссейне Кеприли IV великим драгоманом был Александр Маврокордато. Отец его, хиосский грек, переселившись с острова Хиоса в Константинополь, открыл здесь торговлю шелком, вступил в выгодный брак с дочерью разбогатевщего придворного мясника и поставщика скота для сераля грека Скарлата, обладавшего огромным состоянием и настоль-

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 188.

ко влиятельного благодаря этому состоянию при Порте, что из-за его расположения соперничали целые провинции — Молдавия и Валахия. От этого брака в 1637 г. родился Александр Маврокордато, охотно впоследствии присоединявший к своему фамильному прозвищу имя Скарлата. Он получил блестящее по тому времени образование, ради которого был отправлен отцом в Италию. Здесь, в Риме, в униатской греческой коллегии св. Афанасия он изучил европейские языки, затем слушал медицину в Падуе, а в Болонском университете приобрел ученую степень доктора философии и медицины. Вернувшись в Константинополь, он занял место профессора риторики в греческой школе в Фанаре и вместе с тем занимался врачебной практикой. Он выступал и как писатель, и его перу принадлежит несколько трудов по весьма различным областям. Еще в Италии он издал трактат о кровообращении, законы которого были тогда открыты Гарвеем — «Pneumaticum Instrumentum sive de usu pulmonum et respiratione ex sanguinis circulatione. Bononiae, 1664, in 12°». Трактат этот продолжал наблюдения, сделанные Гарвеем, видимо, имел большой успех, дважды переиздавался — во Франкфурте в 1665 г. и в Лейпциге в 1682 г. — и был переведен на немецкий, французский и испанский языки. Маврокордато писал также по богословию — «О божественной сущности и о трех ее особенностях», по философии — «О возникновении и разрушении», далее по риторике, по истории евреев и римлян, по гражданскому праву, издал собрание своих мыслей — «Размышления», вел дневник. Расставшись в 1673 г. с профессурой и врачебной практикой и заняв место великого драгомана, он посвятил себя государственной деятельности на дипломатическом поприще. В течение этой длинной 36-летней политической карьеры ему пришлось немало перенести, видеть светлые и черные дни, испытать возвышения и падения. Когда после неудачи с венской осадой 1683 г. пал и подвергся казни стоявший до тех пор на верху могущества и богатства великий визирь Кара-Мустафа, с ним вместе пал и Маврокордато. Его обвиняли тогда в том, что он дал совет предпринять осаду Вены, и приговорили к смерти, которой он избежал только тем, что за свое избавление отдал все свое большое состояние. Когда обстановка изменилась, он опять занял прежнее место, вернув себе прежний почет и влияние. В 1688 и в 1694 гг. его посылали в Вену для вступления в переговоры о прекращении войны. Во время первого его венского посольства пал визирь, который ему покровительствовал, один из тех ничтожных визирей, которые занимали этот пост в 6-летний промежуток (1683—1689 гг.) между правлениями Кара-Мустафы и Киприли III. Должен был опять разделить судьбу визиря и драгоман. Но Маврокордато удалось так искусно устроить свои дела в Вене, что его задержали там, как бы в качестве военнопленного, до смерти нового, враждебного ему визиря, и он вернулся в Константинополь

на прежнее место драгомана, когда визирем был сделан расположенный к нему Мустафа-Заде Кеприли III. На Карловицкий конгресс он являлся умудренным опытом 60-летним стариком, искусным дипломатом. По словам Рудзини, это был человек, полный ума, таланта, рассуждения, просвещенный и опытный в делах, которые он вел. Он явился на конгресс, говорит Рудзини, с намерением возвыситься и с большими надеждами, рассчитывая получить княжество Молдавию или Валахию[1]. Получить, однако, то или другое княжество ему не довелось; это удалось только после его смерти его сыну Николаю, сделавшемуся молдавским, а потом валахским господарем. За свою деятельность на конгрессе Маврокордато получил от султана звание «ведающего тайны» — нечто в роде тайного советника, а от цесаря за услуги, оказанные Австрии, титул имперского графа. После конгресса он достиг высшей степени могущества, когда во главе фактического правительства Турции стал триумвират из великого визиря Гуссейна Кеприли IV, Рами-паши, бывшего первого посла на конгрессе, и Маврокордато. С этим старым и опытным дипломатом Возницын и вступил в тайные сношения.

Этим тайным переговорам оказал содействие проживавший тогда как раз в Карловице сербский патриарх Арсений Немоевич, с которым Возницын вступил, очевидно, в сношения, о которых он, впрочем, не упоминает в Статейном списке. Раздобыв от патриарха некоего надежного чернеца Григория и переодев его в светское платье, Возницын еще из Петервардейна 10 октября отправил его к Маврокордато в Белград, где стояли тогда турецкие послы, с письмом, написанным доктором Посниковым по-гречески, в котором московский посол напоминал Маврокордато о прежнем знакомстве и дружбе и выражал желение вступить с ним в предварительные тайные сепаратные переговоры. Письмо это стоит привести, как образец дипломатического стиля, употреблявшегося в сношениях с турецкими послами и как памятник того русского языка, на который переводились в ту эпоху греческие тексты: «Изящнейший, словеснейший, благороднейший великий логофет, мой господине и древний друже и после полномочный! Радуюсь аз по премногу, что по повелению многолетнего моего государя, случися мне не с иным с кем, только с изяществом вашим, другом моим драгим, соглагольствовать о делах двух великих государей наших. В истинне есть надежен и известен на благоприятствие вашего изящества. Умоляю ваше изящество, поклонитись от мене первому послу реиз-эфенди и желаю быти в приятельстве и с ним. Еще желаю, прежде неже съездемся на разговоры публичные, имети бы нам некоторое сношение о некоторых делах чрез верных людей, о чем да восприимет прилежание и попечение ваше изящество, якоже знает, и да даст ответ

[1] «Fontes Rerum Austriacarum XXVII», 376.

с сим листоносцем. Прокопий Богданович Возницын»[1]. Об этой посылке он сообщал Петру в письме от 15 октября, в котором уведомлял царя о получении его собственноручного письма из Москвы от 31 августа: «Милостивое твое, государя моего, писание августа в 31 день власною вашею монаршескою рукою писанное и за печатью ко мне недостойному дошло и из него о настоящем деле о всем выразумел, о чем всячески радети, сколько господь бог поможет, буду. И уже ко оным отозвался, чтоб нам приятственно поступать и чрез верных имели б сношение. Ожидаю отповеди». Из приведенного места видно, что в письме Петра от 31 августа содержались какие-то повеления относительно мирных переговоров с турками, может быть, даже приказание вступить с ними в сепаратные сношения, о чем дают повод думать последние две фразы. В письме заключалось также какое-то «заклинание», чтобы Возницын в точности исполнил то, что ему было предписано: «А что, государь, — продолжает он в письме, — заклинание мне написано, и я со страхом прошу всемилостивого бога и всячески усердствую, сколько силы моей и умишка есть, чтоб ваше, государево, дело было таково, каково ваше, государское, желание и указ есть, и ни о чем о ином помышления моего нет, токмо непрестанно о том». Петр, видимо, сообщал также Возницыну о своем путешествии до Москвы и о том, что ему в Москве много дела с мятежными стрельцами и отпуск велик, т. е. много приходится писать бумаг и писем. «А что по своей, государеве, милости, — отвечает Возницын, — изволил написать о пути своем и где и сколько дней мешкаю... и я, раб твой, по премногу тому удивился, как скоро переехал, а паче радуюся еже во здравии. А что, государь, работы много и отпуск велик, и то того требует. Лучше то злонравие да испразднится вечно»[2].

Маврокордато долго не отвечал. Не получая ответа, Возницын повторил попытку, послав 15 октября уже из Карловица с тем же чернецом Григорием второе письмо с просьбой ответить. Ответом было согласие вступить в тайные сношения. «Светлейший, изящнейший господине, — писал Маврокордато, — великий после, мне же любезнейший! Ваше изяществие целую во Христе, царе и господе бозе нашем, его же умоляю соблюсти и сохранити е здравое и благоденственное. Сего дне восприях вкупе два ваша честная послания, овое убо повторенное, овое же днешнее, прославих бога нашего о здравии вашем, и яко благоволил сподобити нас обновити мне миром между державнейших наших государей, паки вкупе с вашим изяществием, любезным моим другом и искренним братом. Поздравление ваше отдал товарыщу моему реиз-эфенди, мужу яснейшему

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 149—150.
[2] Арх. мин. ин. дел, Дела турецкие 1698 г., № 1, л. 1—2.

и искуснейшему, иже и сам слыша доброту вашу, много поздравляет вас и почитает вашу любовь. О делех же, о которых изволишь напоминать, поговорить нам обще, преже общего съезда и розговора со всякою радостию, со всяческим дерзновением изволь мне их написать: таинства ваша сохраню и ответ вам дам о всех. Ваше изяществие знает мене и от иного времени, и любовь между нами есть теплая, токмо да изволит, лета ваша да будут всемнюга и благополучна. Вашего изящества Александр Маврокордат Скарлата. 1698 октября в 15 день»[1]. Получив это письмо, Возницын на следующий день, 16 октября, вновь писал Маврокордато с просьбой прислать доверенного человека, через которого можно бы вести тайные сношения. Маврокордато предложил взять в качестве доверенного лица от того же сербского патриарха какого-либо иеромонаха или «благоразумного» епископа, а в конце своего письма остановил внимание Возницына на докторе Посникове, искусство которого в составлении греческих писем, видимо, понравилось Маврокордато: «Писаря твоего вижду много искусна, да приидет он сам. Дружбу имеем. Что дивно есть: иные с агличаны и голландцы каждодневно поздравляются и мы православные и друзии чего ради?», т. е. иные союзники пересылаются с английскими и голландским посредниками с поздравлениями, чего ради и нам православным не пересылаться с теми же целями[2]. Предложение это Возницыным было принято, и 20 октября Посников был отправлен к Маврокордато. Произошла, таким образом, встреча двух докторов медицины и философии, бывших студентов Падуанского университета. Через Посникова Возницын высказал Маврокордато свой безнадежно пессимистический взгляд на исход конгресса: «Сия комиссия... чаять... благополучного окончания не восприимет» из-за тех великих трудностей, с которыми она начинается, при том себялюбивом соревновании, с которым вступают в нее участники. Ввиду этого и он, Возницын, принужден принять такой же эгоистический образ действий: «Должен всякой своей пользы смотреть, хотя то иным будет с убытком». Оправдываясь тем, что немцы и поляки ссорили Москву с Турцией и «солгали», т. е. нарушили свои обещания, он предлагает туркам не заключать пока теперь с ним вечного мира, который встретил бы много препятствий, а ограничиться краткосрочным перемирием и уже затем во время этого перемирия через посредство ли крымского хана или через особое посольство договориться о мире. Но пусть турки в течение этих перемирных лет с Москвой продолжают воевать с немцами, поляками и венетами и ищут у них своей пользы войной, когда они будут ослаблены выходом Москвы из союза. Мало того, царь даже будет содействовать туркам, будет мыслить, как ему отомстить

---

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 165—166.
[2] Там же, 166—167, 16 и 18 октября.

немцам за их ложь. Если в эти перемирные лета не удастся заключить вечного мира с Москвой, тогда турки могут помириться с немцами, поляками и венетами. Возницын раскрывал, далее, и причины, по которым немцы склонны к миру, а посредники за них ходатайствуют: во-первых, полное истощение, во-вторых, предвидение скорой европейской войны за испанское наследство: «Первое, скудость во всем и изнемогли и одолжали и чтоб отдохнуть и завоеванные городы укрепить; второе, естли гишпан умрет, как уже при дверех (т. е. ожидается), то тотчас француз войну за то королевство с цесарем взочнет». Посредники же выступают вовсе не в интересах турок, а в своих собственных, «чтоб француза не допустить до гишпанского королевства, понеже он, то приобрев, всех их задавит». Следует заметить, что делая эти тайные предложения Маврокордато, Возницын ежедневно находился в общении с союзными послами, ссылался с ними через дворян, делал им визиты, обедал у графа Эттингена и графа Шлыка и принимал их у себя, свидетельствуя им самое доброжелательное расположение. Маврокордато не поддался увещаниям (хитрость московского посла была, по замечанию Соловьева [1], слишком простовата) и дал Посникову полный достоинства ответ. На перемирие он выразил согласие, а на предложение «с другими не мириться» сказал, что «того им никоторыми меры учинить нелзе, понеже Порта Оттоманская слово свое держит». Притом же турки не только дали слово, а и подписали письменное соглашение об основании переговоров — «uti possidetis» [2]. После побед цесарцев турки были более всего заинтересованы заключением мира с императором и пожертвовать этим миром в расчете на перемирие с Москвой, конечно, не могли.

На следующий день, 17 октября, после предварительного сообщения через того же чернеца Григория, Посников опять отправился к Маврокордато. По поручению Возницына он должен был начать разговор с замечания по поводу отказа турецких послов разорвать переговоры с немцами: «Когда они слова своего немцам отставить не хотят, и то им не в прибыль. Однакож буди по их воле». Затем доктор перешел к конкретным предложениям: перемирие на год или на полтора на основании «uti possidetis»; во время перемирия прилежно стараться через посольские переговоры добиться заключения мира; дать и соблюдать в это же время взаимное обязательство не нападать друг на друга: в пределы Московского государства не будет ни воинских походов, ни набегов, и иного какого-либо зла ни от турецких войск, ни от крымских, очаковских и белгородских татар; такое же обязательство будет дано и с московской стороны. В те же перемирные лета должна открыться с обеих сторон как сухим путем, так и морем вольная и безопасная торговля

---

[1] Соловьев, История России с древнейших времен, XIV, 1228.
[2] Пам. дипл. сношений, IX, 180—182.

с платежом обычных пошлин. Все эти перечисленные пункты надо утвердить договором. Возницын выдвигает новое предложение; он уже не настаивает на продолжении войны с немцами, а предлагает заключить сепаратный договор с Москвой; достигнув этого, Москва уже не будет помогать союзникам, и они, узнав об отпадении, будут более податливы на турецкие требования. Договор надо заключить скорее, без содействия союзников, чтобы немцы не приписывали себе заслугу примирения Московского государства с Турцией, «и чтоб и вы, и мы не слепые были, чтоб от них всего желать». В заключение Посников обещал Маврокордато награду от царя за его радение и службу. Маврокордато подтвердил согласие на перемирие, но выразил пожелание, во-первых, чтобы перемирие было заключено на более продолжительный срок и, во-вторых, чтобы уже теперь в перемирном договоре были выяснены и улажены «со всяким определением» спорные вопросы без откладывания их впредь. Впрочем, заявлял Маврокордато, об этих обстоятельствах или «окрестностях» (circumstantia) желательно переговорить на съезде с самим послом. Посников убеждал Маврокордато, что туркам выгоднее поскорее заключить договор с Возницыным, отделить его этим от союзников и затем твердо стоять на своих требованиях к союзникам, лишенным московской поддержки. «И дохтур ему говорил, что то им же в пользе, что прежде учинить со мною договор и, надеясь на то, мочно им в своих прибылях стоять надежно». Но Маврокордато попрежнему оставался непреклонен и на эти убеждения «отвечал по обычаю турецкому, что сила оттоманская доселе еще не ослабела и страху ни от кого не имеет, а просящим мира не отрицает и слово свое постоянно и твердо держит».

Помимо словесных убеждений, Возницын сделал попытку повлиять на Маврокордато иным способом, однако, также неудачно. «Как в другие (т. е. в другой раз) дохтур ездил, я с ним посылал к нему (Маврокордато) две пары соболей во сто шестьдесят рублев и сулил ему в подарок несколько сороков соболей — не принял и во всем отрицался»[1].

Доктор после этих двух встреч имел с Маврокордато еще два свидания: 26 октября и 4 ноября[2]. Речь шла все о том же, но дело не подвигалось вперед. Посников говорил о краткосрочном перемирии, которое будет к пользе туркам, так как один из союзников выйдет, таким образом, из строя, и предлагал все затруднительные вопросы отложить до переговоров о мире. Перемирие должно быть только «преддверием» к миру. Мирные переговоры — дело затяжное; если турки будут вести переговоры о мире «вообще со всеми», возникнет много трудностей: поляки не станут мириться без Каменца, как

---

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 184—186, 193.

[2] Он был послан еще и 5 ноября, но турок «на стану не застал, поехали к посредникам на съезд с цесарцы» (Пам. дипл. сношений, IX, 248).

мы без Керчи. Наоборот, с выходом из строя русских, в случае заключения с ними перемирия, остальные союзники будут податливее. Но Маврокордато продолжал настаивать на длительном перемирии, служащем заменой мира, с тем чтобы все затруднительные обстоятельства — «окружности» — уладить теперь же, 4 ноября Посников был представлен и первому турецкому послу рейс-эфенди Рами-Магомету и был принят очень любезно; оба посла «посадили его и говорили многие любительные речи, к нему приятственные». По отзыву Рудзини, Рами-Магомет был человек, «украшенный благоразумием, сведениями и высшею преданностью турецкому духу и обычаям, проницательный, осторожный, с приятными манерами, когда не было вспышки надменности и жестокости, неотделимых от варварского темперамента»[1]. Но говоря любительные и приятственные речи в разговоре с Посниковым, оба посла стояли неуклонно на своем: надежное перемирие, основание «uti possidetis», но с улажением некоторых «окружностей» в виде очищения или даже срытия некоторых захваченных русскими крепостей. Взаимная любезность была проявлена и в обмене подарками: Маврокордато прислал к Возницыну своего представителя с жалобой на наступивший холод. «С тем же попом[2],— пишет Возницын Петру, — приказал ко мне, что студено (холодно). Я тотчас отослал к нему кафтан свой лисицы черно-бурые под сукном малиновым с нашивкою турскою и с пугвицы обнизными; принял любительно; а соболей шубы не послал для того, ведаю, что не примет. Они так же прислали ко мне табаку, кафе, чубуки, бумагу добрую и приказывают непрестанно, любо что мне у них понадобится, о том им сказал. Я к нему сего дни послал с ченцом (чернецом) вин разных, икры паюсной, спинок осетрьих и белужьих, несколько теш белужьих. Ездят от меня к ним и от них ко мне, объезжая станы, степью, никем же видимы»[3].

Но любезности любезностями, а Возницын все же не имел успеха в тех тайных сношениях с турками, которые он начал. Ему не удалось уговорить турок прервать переговоры с союзниками и продолжать с ними войну. Эта попытка была уже слишком наивна. Турки, как раз наоборот, все свои расчеты строили на том, чтобы заключить мир прежде всего с самым страшным своим врагом — цесарцами, а затем, заручившись миром с ними, предъявлять к остальным более твердые и повышенные требования. Не удалась поэтому же и другая попытка — достигнуть с турками отдельного частного соглашения до открытия официальных конференций при участии посредников. Турки на перемирие соглашались, но не хотели и слышать

---

[1] «Fontes Rerum Austriacarum, XXVII», 376.

[2] Священник, бывший при Маврокордато, которым он пользовался для пересылок с Возницыным.

[3] Пам. дипл. сношений, IX, 247—249 от 5 ноября.

о непосредственных переговорах без посредников. «Повидимому перемирья не бегают (т. е. не избегают), — писал Возницын Петру от 29 октября, — только не спешат и посредников тем, чтоб без их ведома учинить, оскорбить и озлобить не хотят» [1]. Не достигнув сепаратного соглашения с турками, он принужден был вести свои дела только на официальных съездах, когда до него дошла очередь и в присутствии посредников. Об этой очереди цесарцы уведомили его через секретаря, возвестившего, что переговоры будут происходить при участии посредников в таком порядке: первые два дня отдаются цесарцам, за ними следует польский посол, затем венет и, наконец, наступает очередь московского посла. Возницын, разумеется, заявил самый горячий протест против такого распорядка, при котором он оказывался на четвертом месте, как равно и против участия посредников. «И великой и полномочной посол говорил: для чего так, что перво (т. е. прежде) его, великого и полномочного посла, ехать полскому и венецийскому и говорить чрез посредников, а не с самими турки?» В ответ он получил заявление, что очередь переговоров установлена в соответствии с очередью вступления каждого союзника в союз: кто сперва с цесарем в союз вошел, тот первый о своих делах и говорить будет. Участия же посредников требуют турки, не желающие вести переговоров непосредственно. Возницын возражал, выдвигая против установленной очереди и против принципа последовательности вступления в союз другой принцип — сравнительное достоинство государей, а против участия посредников заявлял, что он не может признавать их за посредников, не имея на то специального указа своего государя, а признает их только за друзей и приятелей и порученных ему государем дел никому без такого специального указа передать не смеет и потому «тех обоих статей (т. е. об очереди и о посредниках) он, великой и полномочной посол, не приемлет» [2]. Эту точку зрения на посредников Возницын проводил и ранее в личных разговорах с цесарцами и в обмене по этому предмету письменными нотами 18 и 19 октября, заявив тогда, что он совершенно не осведомлен: «Каким они желанием или хотением на сей съезд прибыли, понеже, как в постановлении [союзных] договоров, так ни во ином каком междособном [т. е. между союзниками] сношении о оных воспомяновения не показуется» [3]. Однако эти его возражения никакого успеха не имели, и ему пришлось подчиниться установленному распорядку.

Свое недовольство по поводу необходимости вести переговоры с турками не иначе, как через посредников, и того последнего места в установленной очереди переговоров, которое ему было отведено, Возницын выражал в беседах с цесарцами во время

---

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 237.
[2] Там же, 235—236.
[3] Там же, 170—174.

визитов к ним 1 и 6 ноября, срывая свою досаду именно на них как на виновниках его неудач и упрекая их также и в том, что они в его дела вмешиваются, а о ходе своих дел ему не сообщают. Эти заявления он делал, если только Статейный список верно передает тон его речей, в очень резкой форме. «Ноября в 1 день был великой и полномочной посол у цесарских послов и говорил им, вычитая их многие неправды, и что они ныне, призвав его, великого и полномочного посла, на комисию, велят невольно говорить о делех с турки чрез посредников, и еще при наших предложениях и разговорах сами быть хотят, а нас к своим не допускают. Так же и в приезде к съезжему месту постановили его бытие послежде всех, чего он, великой и полномочной посол, отнюдь учинить не может и хочет сам с турки о врученных ему делех говорить, а не чрез иного кого, понеже он цело (т. е. всецело) тех за посредников признавати не может». Посетив цесарцев 6 ноября, он опять говорил с ними о делах, «вычитая им с их, цесарской, стороны к стороне великого государя... несклонность и неприятство и что они токмо свои дела с турки трактуют, и, что чинят, того ему, послу, никогда не дадут знать и с турки видетись не велят; а ежели бы он виделся сам с турки, то б мог чаять уже и свои дела давно зачать и делать без посредников. Выводя им о всем пространно и притом совершенно домогался, дабы ему поволено было с турки видетись и назначен бы был день, хотя по совершении их собственных с цесарской стороны дел». Австрийцы отделывались неизменно теми же ответами: вести дело через посредников желают сами турки, весь распорядок переговоров устанавливается посредниками, очередь переговоров соответствует последовательности вступления в союз, они, цесарцы, как равно и посредники, царской стороне всякого добра желают и т. д. [1]. Того же раздражения и досады на цесарцев и на посредников полны письма Возницына к Петру за это время — 22 и 29 октября и 5 ноября. «Доношу тебе, государь,— пишет он в первом из них, — что турки, как я вижу, во всем на посредников положились и надежду свою на них имеют и чрез них дело свое делают и с великим почитанием и бережением и на своих проторях их имеют, так же и цесарцы. А наше дело зело трудно, потому что во всем неволя — перво чрез цесарцев, а потом чрез посредников. И за таким поведением как что выторгуешь? нечто сила божия иным каким поведением поспешит. И потому приятство их и дела сего поведение видимо суть. Еще турки, приезжая в мой стан, спрашивают, кто тут стоит? Скажут—московской посол. Они отвещевают, — тот, что не хочет мириться? Мои говорят: кто вам сказывал? Они отвещевают: нам немцы сказывали. Мои говорят: лгут немцы; буде хотите пить и есть, подите в шатры! Они отвещевают: когда не хотите мириться, есть и пить у вас не хо-

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 244, 251—252.

тим; а иные едят и пьют»[1]. Так австрийцы старались рассорить турок с русскими. Вместо того чтобы действовать сообща и одновременно помирить всех с неприятелем, что́ ставило бы неприятеля в невыгодное положение, они намереваются разделить союзников и через посредников сначала мирить с турками одного, потом другого, что́ усилило бы положение турок. «Это закон не моисеев и не божий!»[2] Они, цесарцы, обнадежили поляков в уступке им турками Каменца; поэтому польский посол, держась за них, выказывал такое худое отношение к нему, Возницыну, и враждовал с ним[3]. С ним, Возницыным, они не откровенны и дают ему, когда он о чем их спросит, лживые объяснения. «Сами ездят к посредникам, а посредники к ним, а чрез пересылки что час (частые) сношения имеют, а о чем спросишь — все неправду сказывают: уже явных причин пять или шесть неправедных их мочно пред ними поставить. Я по отпуске сей почты (29 октября) буду у них сам и о всем им стану говорить, чтоб они в своей неправде убоялись бога и устыдились всего света», — это он и сделал во время своих визитов к цесарцам 1 и 6 ноября. «Изволишь, государь, из сего выразуметь, какое нам от них приятство творится!»[4]. Трудно вести свои дела, образно жалуется он далее, «оставшись у цесарцев на хвосте»[5].

Внешняя обстановка, в которой пришлось работать конгрессу, могла только усиливать мрачное настроение и пессимистический ход мыслей у Возницына. «Посылал я в Белград чернца, — пишет он 29 октября, — для покупки нужнейшего мне и велел ему там послушать, что́ говорят. Приехав сказал, что там уже за совершенной мир почитают (т. е. уже считают, что мир заключен) и всеконечно турки окончения мира желают. Хлеб там и здесь зело дорог, фунт покупают в десять алтын, также и всякая живность и дрова, потому что от самого Будина и до моря степь голая, та ж, которую Днестр, Днепр, Дон, Волга объемлет. Цесарцы и венеты в станех своих построили себе светлицы и конюшни, и поварни деланные привезли из Вены; а я стою в полатках, которые купил в Вене; терпим великую нужу и стужу, а болши в сене, и овсе, и дровах; посылаю купить верст за двадцать и за тридцать, да и там добывают — что̀ было, то все выкупили». На беду еще наступила плохая погода, дождь, ветры и даже бури. «Здесь стоит стужа великая, — пишет он 5 ноября, — и дожди и грязь большая; в прошедших днях были ветры и бури великие, которыми не единократно наметы наши и полатки посорвало и деревье переломало и многие передрало; а потом пришел снег и стужа, а дров взять негде и обогреться нечем. Что́ видя и не стерпя

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 196—197.
[2] Там же, 239.
[3] Там же, 240.
[4] Там же, 243—244.
[5] Там же, 248.

той нужи польской посол уехал в Петр-Варадын и что было у него в стану построено из бударных досок, и то все разломал и увез с собою, и живет там, и ныне стан его пуст — только мы стоим трое; однако ж, цесарцем и венету полезнее моего поставили светлицы и иные многие покои деревянные перевезены к ним из Вены водою. Только я до совершения дела, при помощи божией, с своего стану никуда не пойду и дела своего смотрити буду»[1].

LV. ПРОЕКТ ДОГОВОРА, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ ВОЗНИЦЫНЫМ. ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ ЕГО КОНФЕРЕНЦИИ С ТУРКАМИ

Несмотря, однако, на все раздражение и недовольство против цесарцев и посредников, приходилось им подчиняться и исполнять их требования, хотя бы и с оговорками. Возницыну было предложено представить посредникам проект его мирных условий, который должен был служить базой для переговоров с его стороны. Неизвестно, в который раз он при этом опять указал, что надлежало бы союзным предъявить проекты мирных условий по предварительному общему соглашению, как это исстари обычно делалось на комиссиях, и не упустил также случая вновь заявить протест против участия посредников. Он послан договариваться не с посредниками, а с турками. Граф Эттинген возразил, что посредники ни о чем не договариваются, а только ходатайствуют, что турки вести дело непосредственно не согласны и что если он, посол, в том будет упрямиться и своего проекта мирных условий не представит, тогда он «от миру останется», т. е. останется без договора, и союзники будут считать себя свободными от всякого обязательства, данного царю. Возницын, «видя такую неволю», сказал на это, что такие статьи напишет и пришлет. Проект его на самом деле был уже готов и послан цесарцам в тот же день, 23 октября. Он состоял из 10 статей. Из них в первой в общих выражениях говорится о восстановлении разрушенного мира и дружбы, без ближайшего определения, будет ли это мир или перемирие. Во второй статье приводится основание мира «uti possidetis»: «владети тем, чем ныне кто владеет»; формула, под которой подразумевалось, конечно, сохранение за Московским государством последних приобретений Петра: Азова и четырех городков на низовьях Днепра: Тавани, Казыкерменя, Гарсланкерменя, Шангирея. Но третья статья совершенно непоследовательно выходила за рамки, установленные во второй, и содержала в себе нарушавшее принцип «uti possidetis» требование уступки со стороны турок города Керчи. Так как крымские, очаковские и белгородские татары и иные подвластные

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 241—242, 250.

султану орды причинили своими нападениями большие убытки и разорения Московскому государству, и царь, чтобы отомстить им за то, принужден был с большими издержками для казны приготовить большие силы, чтобы действовать против них на суше и на море, то в возмещение за все эти убытки и расходы турки должны уступить царю «при устье Азовского моря город Керчь». Из следующих статей четвертая предусматривает прекращение нападений и набегов со стороны подвластных султану орд: татарских, темрюцких и кубанских. Если бы такое нападение случилось, султан должен помогать государю в принятии мер для усмирения нападавших. Статья пятая говорит о размене пленных на обе стороны без выкупа; шестая — о свободе торговых сношений сухим путем и морем с уплатой обычных пошлин. Турецким купцам вольно ходить до пограничных и внутренних русских городов: до Азова, Керчи, Тавани, Киева и Москвы, а московским купцам «сухим путем: лошадьми и возы, мулы, верблюды и морем: кораблями, галерами, фуркатами и иными всякими судами до Кафы (Феодосии) и до Синопа, и до Трапезона, и до Амастрии, и до Константинополя и далей». Две следующие статьи, впервые появляющиеся в договоре с турками, представляют знаменательный момент в истории отношений России к Турции; они затем будут неизменно повторяться во всех позднейших договорах между этими странами в течение двух столетий: XVIII и XIX. Эти статьи обеспечивают покровительство России православным подданным султана в делах веры и находящимся в его владениях христианским святыням и создают, таким образом, для России право вмешиваться во внутренние дела Турецкой империи по делам веры населяющих ее православных народов. Эти статьи будут иметь свою длинную и полную событий историю. Здесь же следует отметить, что эта история ведет свое начало с возницынского договора. Статья седьмая заключает в себе требование, чтобы «гроб господень» согласно древнему обычаю неотменно находился во владении православного иерусалимского патриарха. Статья восьмая обеспечивает православным церквам и монастырям во владениях султана, а также целым православным народам, живущим в пределах Турецкой империи: грекам, сербам, болгарам, словакам и иным, свободу и вольность вероисповедания без отягчения их какими-либо особыми налогами в связи с их вероисповеданием. Наконец, последние статьи, девятая и десятая, имеют формальный характер. Статья девятая предусматривает ратификацию будущего трактата в течение 7 или 8 месяцев по его заключении через обоюдные посольства в Москву и в Константинополь. Статья десятая содержит обещание от имени государей, их наследников и подданных хранить будущий мир «крепко и нерушимо без всякого неверного толкования»[1]. Итак, суть проек-

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 204—208, 238—239.

та состояла, во-первых, в том, что на основании принципа «uti possidetis» за Москвой утверждались ее последние завоевания — Азов и четыре днепровских города, и, во-вторых, в том, что сверх этих приобретений к Турции предъявлялся еще «запрос» — уступка города Керчи. Значение договора для будущего заключалось также и в постановке впервые и притом в широкой постановке вопроса о протекторате России над православными подданными султана, т. е. принципа, который составит потом одно из крупнейших слагаемых в той сумме вопросов, какую впоследствии принято было называть общим именем «восточного вопроса». Возницын, следовательно, был тот, кто приобщил Россию к участию в этом вопросе. Откуда могла возникнуть у него такая мысль? Что подало ему повод заговорить о таком протекторате? Просматривая проекты договоров, представленные другими союзниками — цесарцами, поляками и венецианцами, — видим в них подобные же статьи: о палестинских святынях и о свободе вероисповедания католикам[1]. Можно поэтому думать, что Возницын включил в свой проект статьи о святынях и вероисповедании, руководясь примером союзников, о намерениях которых мог знать из разговоров с ними еще до ознакомления с самыми текстами их проектов. Так, Карловицкий конгресс содействовал постановке и расширению восточного вопроса, вводя в договоры с Турцией статьи, определяющие положение палестинских святынь и устанавливающие протекторат европейских держав над христианскими подданными Турции. Но для России эта статья о протекторате открывала несравненно более широкие горизонты, чем для других держав. Тогда как для этих последних речь шла лишь об их покровительстве немногочисленным подданным султана католикам, статья русского проекта охватывала целые православные подвластные Турции народы: греков, болгар, сербов и других славян.

С 3 ноября начались съезды союзников с турецкими послами в конференц-доме. Первые четыре дня, с 3-го по 6-е, имели конференцию цесарцы; но затем ранее предустановленный порядок очередей был нарушен. Так как переговоры цесарцев с турками дошли до будущей границы Венеции, то признано было целесообразным две следующие конференции, 7 и 8 ноября, предоставить венецианскому послу[2]. Седьмая конференция, на 9 ноября, была назначена Возницыну, имевшему, таким образом, удовольствие съехаться с турками все же раньше польского посла, который, кстати сказать, готов был пойти навстречу Возницыну в вопросе об очереди и предлагал решить

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 224—225, статья 11—цесарский проект; 270, статьи 6 и 8 — польский проект; 589, статья 14 — венецианский проект.

[2] Hammer, Histoire de l'Empire Ottomane, XII, 459. Неизвестно, откуда Гаммер почерпнул известие о том, что на первой конференции, 3 ноября, цесарцы были вместе с русскими (стр. 454). Известие это явно ошибочно.

этот вопрос жребием[1]. Стоит привести отчет об этом съезде, сделанный в Статейном списке, где дано яркое описание его. Посредники и турки уже ожидали прибытия московского посла и при входе его в конференц-залу стояли, а затем «по поздравлении» сели все вдруг, турецкие послы на скамье, Возницын против них на стуле, посредники — справа от Возницына лорд Пэджет со своими секретарями, слева голландец Кольер. При Возницыне были в качестве переводчика доктор Петр Посников, а «для записки», т. е. для протоколирования всего происходящего, подьячий Михайло Родостамов. При турках находились их секретари. Возницын, как его рисует нам Рудзини, — человек высокого роста с неприятным цветом лица и с важной осанкой, говорит только на своем родном языке, близко подходящем к иллирийскому, и всегда имеет с собой переводчика. В длинной одежде, подбитой серыми соболями. Имеет шесть или семь золотых ожерелий на шее, драгоценное украшение из довольно хороших алмазов на шляпе и много перстней на пальце. В руках пажа пара перчаток с хорошим узором из жемчугов[2]. Он и открыл заседание обширной и, надо полагать, судя по записи в Статейном списке, весьма напыщенной речью, которую он начал с перечисления титулов московского государя: «говорил в начале великого государя, его царского величества, именования и титлы», а затем объявил, «по какому к его царскому величеству возвещению на тот съезд он, великой и полномочной посол, послан и что его царское величество с Портою Оттоманскою желает быть в дружбе и любви на тех статьях, каковы он им будет предлагать. И то предложение со всяким украшением возвестил им пространно». Турецкие послы — под этими словами надо подразумевать Маврокордато, так как первый посол, рейс-эфенди Рами, обыкновенно молчал, ответили также пространной и витиеватой, продолжавшейся около получаса речью. «И турские послы, слушав того его предложения, отвещали ему пространным и многословесным изглаголанием, напоминая прежнюю дружбу и непоколебимую приязнь и что от некоторых злых людей ссора уросла, которую великодушно император их, салтан турской, умирити желает и к первому состоянию привести хощет». Следовали комплименты по адресу самого Возницына с восхвалением его опытности и с упоминанием о знакомстве с турками по его прежнему посольству в Константинополе: «Так же и его, великого и полномочного посла, хваля, что он заобычен и у них бывал и может лутче иных по нраву их и по поведению в делах с ними поступать. И так, льстя, многую и пространную речь едва не с полчаса продолжили и говорили, чтоб он, великой и полномочной посол, о делех им объявлял». После такого широковещательного вступления пе-

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 245.
[2] Шмурло, Сборник документов, стр. 704—705.

решли к делу. Возницын объявил, что его государь желает с салтановым величеством быть в мире и дружбе на том основании, какое установили господа посредники: «яко кто да стяжет, тако убо да стяжет» («uti possidetis»). На это первое предложение Маврокордато, посоветовавшись с рейс-эфенди, отвечал «многими и пространными выводы и разговоры»; суть же этого пространного ответа заключалась в том, что и турки также принимают предложенное основание «uti possidetis», но с некоторым «приращением». Возницын возразил, что настаивает на чистом основании без всяких натянутых толкований, что «царское величество чисто зело без всякого противного толмачения приял и соблюдает тот фундамент». Спорили о том больше часа. Турки хотели объяснить ему, что они подразумевают под «приращением», но Возницын резко протестовал, сказал, что «он отнюдь того слышать не хочет, покамест ему не признают того фундамента во основание мира». Турки, опять посоветовавшись между собой, сказали, что они также держатся этого фундамента и только просят выслушать их предложение. Когда Возницын, наконец, согласился выслушать, они «почали, — не без иронии замечает Статейный список, — такую гисторию править от зачала света и до сего дня, все воспоминая крепчайшую дружбу и любительные обсылки, чему весь свет дивился». История, которую рассказали турки, касалась завоевания казаками Азова в 1637 г. и возвращения его туркам по повелению царя, чтобы не нарушать дружбы, а практическая мораль рассказа клонилась к тому, чтобы и теперь царь, по примеру деда, вернул Азов султану: «...и как еще за 50 лет взят был Азов от некоторых своевольных людей, тогда великий государь... не хотя ничем с Портою Оттоманскою дружбы повредить, указал тотчас отдати его назад; так же и ныне то... великий государь... может учинить и для крепчайшей дружбы тем его, салтаново величество, утешить». Турки привели далее и мотив, по которому царь мог бы так поступить: «потому что его царскому величеству то место не нужно и ни к чему не потребно». Если Возницын полномочий на уступку Азова не имеет, пусть напишет к государю. Можно себе представить, с какими чувствами Возницын выслушал такое предложение. Видимо в большом волнении он стал задавать отрывистые вопросы: «И великой и полномочной посол говорил: буде что есть, чтоб еще предлагали. — И турские послы говорили, дабы Казыкермень, Тавань и прочие на Днепре городки испразднить (т. е. очистить) и ратных людей вывесть и в первом (первобытном) состоянии им пребыть. — И великой и полномочной посол спрашивал: еще что есть? — И турские послы сказали, что получа наше довольство, будут и о иных делех говорить». Тогда Возницын дал весьма категорический ответ: «И великой и полномочной посол говорил с их обычая, украся дружбу: об Азове, что был взят и отдан, то ведает. А ныне, чтоб они, послы, не токмо о сем говорили, и в помыш-

лении своем не имели» ни отдачи Азова, ни очищения днепровских городков. То и другое добыто кровью. Таким образом, турки раскрыли, что они разумели под «приращением» к принятому основанию мира — это было возвращение Азова и в особенности очищение днепровских городков. На замечание Возницына, что его государь желает заключить договор на чистом основании как кто владеет, турки с укоризной отвечали, что «он от фундамента отбивается»; фундамент, если днепровских городков не очистить, к миру не приведет, потому что тогда ни Турецкому государству, ни Крымскому юрту не будет покоя от своевольных казаков, которым днепровские городки могут служить прикрытием. Что же это за мир, если он не безопасен? Следует учинить честный и безопасный мир, отчего бы ни в чем «дружбе повреждения не было». Возницын успокаивал их заявлением, что опасности ни Турецкому государству, ни Крымскому юрту от днепровских городков не грозит; в них находятся царские воеводы и русские ратные люди, казаки пребывают в крепком послушании, а если бы из них оказались своевольные, то их через те городки для нападения на турок и на Крым не пропустят. Сделанное турками упоминание о Крымском юрте подало Возницыну повод поставить вопрос, как турецкие послы намерены поступить, имеют ли они в виду включить Крым в свой договор или предоставят Крыму самостоятельно мириться с Московским государством? Таким образом, вопрос о мире с Турцией был пересечен вопросом о мире с Крымом. Турецкие послы пригласили Возницына вернуться к турецкому делу, а потом уже говорить и о Крыме. Возницын возразил, что так как они сами подняли вопрос о Крыме, «привязали его в тот договор», то он будет говорить и о Крыме, и по этому поводу выставил требование, без удовлетворения которого мир не мог быть прочен, именно уступку царю Керчи в возмещение разорений, причиненных крымскими татарами, и для покрытия издержек, понесенных царской казной на организацию военных сил для отмщения крымцам — «и о том выводил великой и полномочной посол пространно и подлинно». Требование Керчи произвело на турок потрясающее впечатление, художественно ярко отображенное в Статейном списке: «И когда турские послы то услышали, в великое изумление пришли и вдруг во образе своем переменилися и друг на друга поглядя так красны стали, что болши того не возможно быть. И немало время молчав и с собою шептав говорили, что они того не чаяли; и выводили о том пространно, что там городы не хана крымского, хан де крымской — губернатор или комендант от салтана, а в земле не волен ни в единой пяди. И как тот Керчь отдать? Он стоит на устье Черного моря против Тамани и царскому величеству отнюдь не пристоен и держит врата всего Черного моря и Крымского острова и град тот великой, и не обмолвился ли он (посол) в имени и в ином в чем? И великой и полномочной посол сказал, что

он сам в нем ночевал четыре недели и знает его без обмолвки. А чей город, крымского ль хана или турской, того он не знает». Если он турецкий, а им татар жаль, то они могут царя и своими удовольствовать. Сделать это следует потому, что они, турки, в прежнем договоре обязались крымских татар от войны унять и в миру держать, однако, того не исполнили, а татары причинили государствам царского величества большие убытки. Если же эта крепость отдана будет русским, то татары не будут впредь так дерзновенны. Царь писал о дерзновении татар к султану во многих грамотах, но никакого удовлетворения не получил, и они от войны не уняты. «И турские послы,— продолжает далее Статейный список, — оставя все дела, говорили все о Керчи, и было того часа с два, что он будто и фундамент тем нарушил, в чем им помогали и посредники». Возницын, возражая, расчленил вопрос: в турецком деле он стоит, как постановлено, на основании «uti possidetis», а «запрос» его, т. е. требование Керчи, относится не к турецкому, а к татарскому делу. В отношении же к татарам основания «uti possidetis» установлено не было. Если бы они сами не подняли вопроса о Крыме, он бы им такого предложения не делал. Турки отвечали, что крымский хан о дружбе и мире может договариваться сам, а до земель ему дела нет, земли и города в Крыму — то все султаново. Возницын согласился на особый договор с Крымом, но с тем, чтобы турки дали обязательство, если учинится у России с Крымом война, за крымцев не стоять. Послы сказали, что если к султановым городам в Крыму придут царские ратные люди, то как им тех султановых городов не оборонять? Султан берет на себя удерживать крымцев от нападения, но с тем, чтобы они с московской стороны были награждены таким же почтением, как и прежде, в виде некоторой дачи, т. е. в виде взноса посылавшихся в Крым «поминков». Возницын резко возразил против платежа этой дани: царское величество за их неправды и за убытки, ими причиненные, хочет себе награждения, а не от себя что давать, и вновь в виде такого награждения потребовал Керчь. Послы предложили вопросы: бывало ли когда, чтобы ханы договаривались с царями, кроме дружбы и каких-либо приватных дел, еще о землях или городах, какие они вам города или земли уступили? «И он им сказал, что Сибирь, Казань, Золотая Орда, Астрахань — все то татарское было, а уступлено в державу его царского величества. И послы сказали, что то взято войною. И великой и полномочной посол сказал: естли в миру не удовольствуют, то иной способ на то произыдет». На этих словах, в которых надо подразумевать угрозу отобрать Керчь войною, разговор окончился. «И договорились быть паки на разговоре ноября в 12 день и с тем с того съезду розъехались» [1].

---

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 253—261.

Съезд окончился безрезультатно; но по крайней мере выяснились и реально обозначились спорные пункты. Было ясно, что требования с турецкой стороны Азова, а с русской Керчи — только чрезмерные «запросы», от которых та и другая сторона потом отступятся. Основным спорным пунктом были четыре днепровских городка: Казыкермень, Тавань, Гарсланкермень и Шангирей. О них и шел спор в течение всего второго съезда 12 ноября. Съезд этот в том же доме начался с предварительных заявлений обеих сторон о желании действовать чистосердечно и искренно и, оставя всякое красноречие, говорить только о деле: «Говорили с обоих сторон, чтоб приступить к делу прямым намерением и истинным сердцем и, оставя лишние речи, говорить краткими словами о прямом деле, потому что пришло время зимнее и друг друга труднить не надобно. И теми словами поставили итить о делех с начала и до конца». Затем, приступив к делу, Возницын опять заявил, что великий государь хочет мира на основании «како кто владеет». Турки опять согласились на такое основание, но заявили, что оно должно быть с подобающим «притяжанием», подразумевая под этим притяжанием очищение и срытие городков, причем сослались на ноту графа Кинского, подписанную также и Рудзини, которой начались переговоры о конгрессе и в которой говорилось за всех союзных, что при основании «uti possidetis» могут быть условлены очищение и срытие крепостей и иные «окружности», т. е. обстоятельства. Основание «uti possidetis» — одно слово, которым обозначаются многие заключавшиеся в нем обстоятельства. Свою мысль они подкрепляли метафорическими примерами. Подобно тому как человек состоит из многих членов, но зовется одним человеком, и подобно тому как дом складывается из многих камней, а зовется одним домом, «также и то основание мира одним словом определено, однако, надобно к нему такие приращения, которыми мог от имени своего живое действо стяжать». Возницыну эти слова показались неубедительными, и он возразил: «Живое действо и прямое дело, то, что[б] противно не толковать, а держать чисто и свято». Не согласился он и с приведенными примерами; он их нашел не относящимися к делу: «а что они объявляли приклады те, которые к тому не належат — а целость того святого и непорочного миру належит в добром и правдивом содержании». Горячий протест вызвала с его стороны ссылка турок на «лист» — ноту, подписанную графом Кинским и венецианским послом. Если в этом листе упоминается об очищении некоторых мест, то это касается их, цесарцев, и венецианцев, а не России и Польши. Турки опять «многими словами и приводы» доказывали, что основание мира без условия очищения городков быть не может, а в подтверждение значения листа Кинского сослались на посредников. Тогда английский посол взял подлинный лист Кинского, читал и говорил Возницыну, «чтоб он не развращал того миру чрез волю госу-

даря своего». Если б царю такое условие было неугодно, то в листе от его союзника так написано и не было бы, и царь не послал его, посла, на конгресс. Они все видят, что он поступает против воли своего государя. В заключение лорд Пэджет спросил Возницына: «признавает ли он их за посредников и тот фундамент приемлет ли?» Московский посол, видя «их крепкое наступление», сказал: «за посредников он их цело без воли государя своего признавать не может, только признавает за приятелей и друзей, от которых всякой приязни надежен». Лист же Кинского написан без совета с русской стороной, рук царского величества послов и их печатей на нем нет, отправлен этот лист к туркам еще до прибытия царя в Вену — по всему этому он для московского посла не обязателен. Турки отвечали, что лист писан по указу цесаря за всех его союзников, султан ему верит, и ему, послу, «порочить такого великого монарха постановления непристойно, и мнят они, что он, посол, то некаким злонравным обычаем без указу делает». Это была резкость, которую Возницын отпарировал, сказав, «что им так говорить не надобно потому, естли и он так же будет говорить, то из того не ино что будет, токмо зло и недружба». Он указов цесарского величества не порочит, держится того листа сообразно с интересами царя, как он их понимает, «как он к стороне его царского величества разум имеет», говорит о мире согласно с указом своего государя и «последним намерением объявляет», что тем городам очищения не будет. Заняв в этом вопросе твердую позицию, Возницын выступил с предложением: если этот спорный пункт нельзя уладить, то отложить его на будущее время, а теперь ограничиться краткосрочным перемирием. Турки отвергли предложение, заявив, что они приехали заключить или мир, или продолжительное перемирие с улажением всех трудностей. Возницын вновь вернулся к разговору об основании мира («uti possidetis») с «приращением». Если турки настаивают на основании с «приращением» в виде очищения городов, то и он будет так же поступать, также к основанию потребует «приращения», т. е. требует очищения турецких городов Очакова, Белгорода (пространство между Бугом и Днестром), Килии и всех тамошних татар вывесть за Дунай. Маврокордато отказался передать эти слова рейс-эфенди и ответил, что они требуют очищения городков, завоеванных русскими в нынешнюю войну. Возницын заключил разговор словами: если им невозможно согласиться на очищение названных им городов, то и царю также невозможно согласиться на очищение днепровских городков. «И послы турские, сердитуя, молчали, а после говорили посредником: нам де с ним больше нечего делать! извольте вы с ним говорить и ему то постановление протолковать». Посредники пригласили Возницына к себе на следующий день, 13 ноября. «Встав, говорили

поприятней, увещевали меня всякими лестными глаголы... и затем, простясь, с съездом розъехались»[1].

Итак, вопрос о четырех днепровских городках стал камнем преткновения в русско-турецких переговорах. Возницын стал на твердой позиции не уступать городков ни в каком случае, и исход переговоров зависел от того, насколько твердо будет он занятое положение сохранять. Встретив отпор со стороны турок, он сделал предложение о краткосрочном перемирии, с тем чтобы разрешение «трудностей» было отложено до будущих посольских пересылок. Возницын действовал так согласно с указаниями Петра, данными ему еще в Вене, «потому что,— как он писал Л. К. Нарышкину, — сам мне изволил приказывать имянно, что мне туркам ничего не уступать». Мысль о перемирии в случае непреодолимых затруднений была ему внушена также Петром[2]. Связанный этими повелениями, Возницын не мог итти ни на какие дальнейшие уступки. Эту твердость он и проявил в дальнейших своих действиях.

LVI. ТРЕТЬЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«Московит имел две конференции, — доносил венецианскому правительству Рудзини, — и после первой был внезапно у меня[3], чтобы сообщить мне о происшедшем на ней. Он согласился на посредничество, приняв во внимание прием, оказанный царю в Голландии и в Англии, и признал за основание «uti possidetis», хотя и присоединил просьбу о крепости Керчь, чтобы воспрепятствовать набегам татар, на что встретил отрицательный ответ... Ему была предъявлена просьба о том ежегодном взносе, который, говорят, Московия платила татарам, и это он отклонил с должным презрением»[4]. Чтобы сдвинуть дело с мертвой точки, на которой оно остановилось, и как-нибудь поколебать турок, Возницын сделал попытку прибегнуть к содействию цесарцев и посредников, которых он посетил и с которыми беседовал в следующие после второго съезда дни, 13 и 14 ноября. Попытка эта кончилась неудачей. Цесарцы в ответ на его жалобы по поводу листа Кинского и на его просьбу поддержать его и заявить туркам, что если они не оставят вопроса о днепровских городках, то и они, цесарцы, мириться с ними не будут, — просьбу более чем наивную — рассердились и «сердитуя говорили, чтоб он им таких слов не говорил. Естли де не хочет мириться, кто его насилу заставливает? А в их миру для чего он указывает?»[5].

---

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 262—266, 288.

[2] Там же, 188, 307 — в письме к Петру от 22 октября: «По письму, государь, твоему о перемирье...» Следовательно, Петр писал к Возницыну о том, чтобы заключить перемирие.

[3] Он был у Рудзини 10 ноября (Пам. дипл. сношений, IX, 261).

[4] Шмурло, Сборник документов, депеша 15, 25 ноября.

[5] Пам. дипл. сношений, IX, 266—267.

Не более успеха имел и разговор с посредниками. Возницын старался воздействовать на них двумя приемами. Во-первых, убеждением; говорил с ними часа с три, жаловался на лист Кинского, изложил пространно, по каким просьбам государь вошел в союз и какая от того произошла союзникам польза и как турки стали податливее к миру; во-вторых, жаловался на то, что основание мира («uti possidetis») цесарцы установили без предварительного совета с государем, и в заключение объявил последним («остатным») словом, что хотя бы все союзные его оставили, он все же на уступку в вопросе о городках не согласится. Посредники задали вопрос: согласится ли он на очищение городков, хотя бы даже и не всех, если за русскими будет оставлен Азов, на что Возницын решительно ответил, что не согласится «свалить ни единого камня». Посредники стали интересоваться подробностями об Азове и днепровских городках. Возницын говорил, что Азов — «город великой и укреплен многими крепостьми и людьми», а относительно городков разъяснил, что они имеют значение преграды от татарских набегов на московское, цесарское и польское государства, что они — «предстение всем християнским государям... от татар. И посредники сказали: слышали де и они, что визирь говорил: напрасно де у нас Азов пропал, надобно де было ему самому (визирю) тогда быть там». Затем спрашивали о перемирии: какого желает? Посол ответил, что он пожелал перемирия, видя многие трудности к заключению мира, пускай ныне будет малое перемирие, а мир впредь не уйдет. Посредники заметили: то дело не наше, мы полномочные послы и взялись за мир, а кто не хочет — «мы тому не винны», т. е. не наша вина. В заключение разговора они, отделываясь общими фразами, обещали радеть «как бы к доброму окончанию всех привесть», о его желаниях, направленных к дружбе, передать туркам, какой последует ответ, ему сообщить. «И потом встали», — заканчивает Возницын описание этого разговора. Здесь он пустил в ход второй прием своего воздействия. «Я им, оговорясь, искусно донес: вижу, что они труждаются для общего добра всему христианству... и я не для дела, но для любви их к себе и для нынешнего зимнего времени челом бью им по шубе соболье, а что к ним доселе того не учинил и того я учинити не дерзнул, не смея без совету их». Прием, однако, не достиг цели; посредники затруднились принять подарок до выяснения результатов дела. «И посредники благодарствовали и говорили, чтоб я им того учинити поумедлил, покаместа дела наши лицо свое покажут и к лутчему поведению если придут. Тогда я сказал: буди по их воле, а они б имели меня за своего должника. И с тем поехал»[1].

Под влиянием этих неудач московский посол в этот момент крайне мрачно смотрел на вещи: распад союза и продолжение

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 272—274, 289—290.

отдельной войны Московского государства с Турцией представлялись ему неизбежными, и он давал Москве совет не ослаблять военных приготовлений. Отвечая 18 ноября на только что полученное письмо Петра от 30 сентября, в котором давались какие-то указания «о крымском деле», и обещая по этим указаниям поступать, он пишет далее, что с турецкой стороны «трудность неначаемая простерта, также... и с нашей к ним. Бог ведает, за тем за всем состоитца ли мир, а на краткое перемирье отнюдь позволити не хотят». Союзные послы говорят ему, что они свои дела кончают, будут его ждать; но если он проявит упорство, они его оставят, «и, естли турки при том же намерении стоять станут, то едва с ними мир будет; того ради не надобно в военном приготовлении оплошки иметь, понеже неприятель сильно простиратися будет». Закончить же невыгодный мир с отдачей Азова, днепровских городков и с уплатой дани Крыму успеть всегда можно. В заключение письма Возницын, может быть, впервые открывал Петру широкие перспективы движения среди единоверных славянских народов на Балканском полуострове, воинственно настроенных и не желающих мира, — только бы русским дойти до Дуная. Так, кажется, надо понимать его заключительную фразу: «и естли б дойтить до Дуная, не токмо тысячи, но и тьмы нашего народа и языка, и веры, и все миру не желают». Предвидя возможность остаться после конгресса в войне с турками, он в особой коротенькой записке от того же 18 ноября к Ф. А. Головину проводит мысль о союзе с Бранденбургом и Данией, направленном против Швеции и Польши, которые станут нам опасны, если продолжится война с Турцией. «Если останемся с турки в войне, надобно опасаться поляков и шведов, которые всегда ищут на нас беды и смотрят времени. Того ради, дондеже время есть, с курфистром бранденбургским и с датским королем не взять ли какого союза?»[1]

Не встретив поддержки ни у цесарцев, ни у посредников, Возницын вновь прибег к тому средству, с которого начал: к тайным сношениям с Маврокордато. 20 ноября он послал к нему доктора Посникова спросить его, «чтоб он по старому к нему (Возницыну) приятству сказал ему истину: желают ли они (турки) с его царским величеством быть в миру и на чем?» Маврокордато, поклявшись, отвечал, что султан более, чем с кем-либо другим, желает быть в мире с царем, уступает ему Азов и предоставит крымскому хану договариваться отдельно, но поднепровских городов уступить ни в каком случае не может. В ответ на посылку Посникова Маврокордато в тот же день прислал к Возницыну своего священника, который, повторив это заявление, еще прибавил, что «Маврокордат — в великом сетовании и печали и непрестанно плачет для того: естли с царским величеством миру не учинится, то турки

[1] Пам. дипл. сношений. IX, 275—276, 292.

велие гонение на святые церкви и на христиан, под властию их сущих, воздвигнут». Есть опасность, как бы они со злобы своей не убили патриархов и прочих духовных лиц, потому что они будут думать, что царь не заключил мира с султаном по соглашению с ними, православными; а турки всегда христиан подозревают и им не верят. Это заявление имело целью затронуть религиозное чувство Возницына и напугать его опасностью, грозящей христианам в Турции в случае неудачи переговоров[1]. Оно, кажется, достигло цели.

Как бы то, впрочем, ни было, эти тайные сношения с Маврокордато повели к возобновлению и открытых переговоров. 21 ноября Возницын обратился с просьбой к посредникам об устройстве нового съезда с турками, с тем чтобы ему, приехав на съезд поранее, предварительно до прибытия турок еще раз переговорить с посредниками. Посредники назначили съезд на следующий же день, пригласив Возницына приехать в восьмом часу утра. Явившись в назначенное время и застав лорда Пэджета и Колерса в светлице, где обыкновенно происходили съезды, Возницын в течение более полутора часов говорил с ними «о настоящих делех и о поднепровских городах». Посредники увещевали его прийти к соглашению с турками не пропуская времени; потом турки уже не будут так склонны к миру. Об этом они ему объявляют по совести христианской душой, потому что и они — христиане. После разговора о делах сидели, дожидаясь турецких послов, беседуя о пребывании московского царя в Англии и Голландии и «о иных разных вещах». Когда появились турецкие послы, после предварительных заявлений с той и с другой стороны о том, чтобы вести дело чистосердечно с намерением довести его до конца, Возницын, «оговорясь о поднепровских городах», вновь заявил, что его государь никоторыми мерами на очищение тех городов не согласен, потому что те города его государству и иным многим государствам «предстение (защита) от татар». «А то им самим ведомо, что татары — люди непостоянные и обыкли они жить воровством своим, и того ради те городы надобно держать, чтоб им не так свободно было, переправливаяся Днепр, приходить неначаянными своими изгоны к... украинным городам, к Киеву и к иным, также и на польское государство». Турецкие послы держатся так крепко за эти города не для своей пользы, а по наговору крымского хана, а крымский хан то хочет получить по своему злонравию из корыстных побуждений, чтобы обогащаться полоном. Турки в ответ говорили, что они сами знают, что зло и нарушение мира в татарах, но обещаются, заключив мир, сдерживать их, взять их в руки не попрежнему и сделать их мирным и земледельческим народом: «отставя саблю, заставят их плуг тянуть». Далее они пояснили,

---

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 293—294.

что днепровские городки им нужны для непрерывности пути по владениям султана: через Волошскую землю и белгородских (между Бугом и Днестром) и очаковских татар за Днепр до Крыма и из Крыма до Анатолии. Путь по этим местам прежде шел все по владениям султана, теперь же, когда городки в низовьях Днепра оказались в руках Москвы, путь этот «теми городками прерван». Султаново величество хочет очищения этих городов не по иной какой причине, как только для непрерывности пути — «а уж де пускай его царское величество владеет Азовом. Хотя то место великое и славное, однако, они ныне того запросу отступают». Таким образом, официально с турецкой стороны было заявлено об отказе от Азова. Возницын по вопросу о татарских набегах возражал, что унятие татар — в воле султана; добро, что они такое унятие обещают, но пусть изволят попомнить прежний мирный договор, заключенный с ним же, Возницыным, чему свидетель и сам Маврокордато; там не только словами, но и грамотой султановой утверждено было обязательство об унятии татар, однако они «в загоны ходят, и села и деревни разоряют и людей в полон емлют», во многих случаях даже без ведома хана. Государь писал об этом во многих грамотах султану и управы на них просил, однако, никакого удовлетворения не получил. По вопросу о непрерывности пути Возницын уверял, что по заключении мира послам, купцам и прочим проезжающим людям, имеющим проезжие грамоты, проезд дан будет вольный и безопасный со всяким вспоможением. В ответ на отказ турок от Азова Возницын заявил об отказе «для его салтанова величества любви» от Керчи, которую царь просил для покрытия убытков, причиненных татарами. Турки заявление Возницына об отказе встретили с иронией: что он уступает то, чего у него в руках нет? и что им то от него за подарок? надобно уступить им то, чего они просят, т. е. днепровские городки. Царю в тех городках что за интерес? Живут там казаки вольница, и городок малый, и такого честного мира из-за такой безделицы упускать не надобно, и, конечно, «надобно их испразднить и в первом состоянии (им) быть». На вопрос Возницына, что́ они подразумевают под «первым состоянием», чтобы они объяснили ему «светло» (ясно), турки сказали, что султаново величество будет держать городок и посадит в нем самых добрых и миролюбивых людей. Возницын возразил, что там не один городок, а четыре, на что турки заметили, что эти городки так малы, что они считают их за один — «то все малое почитают они за одно». «И говоря о том много, — продолжает Статейный список, — великой и полномочной посол сказал, что никоторыми меры уступки тем городом не будет, и хотя ему с ними год говорить, то тож будет, и они б изволили помыслить и ему совершенное свое намерение объявить. И турские послы говорили: что де делать? они не знают, как больше того и склоннее к миру приступить», и тоже в свою

очередь «последним словом подтвердили, что без отдачи тех городков они мириться не будут, и, говоря о том много, розъехались»[1].

LVII. СВИДАНИЕ ВОЗНИЦЫНА С МАВРОКОРДАТО. ЧЕТВЕРТАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Донося в Москву Л. К. Нарышкину в недельной записке от 25 ноября о третьем съезде с турками и о разговоре после съезда с цесарскими и с венецианским послами, побуждавшими его не медлить заключением мира и предупреждавшими, что, если он склонности к миру не покажет, они не станут его дожидаться и заключат свои договоры, — донося обо всем этом и вновь описывая тяжелые внешние условия, в которых протекал конгресс, Возницын начинает жаловаться на недостаточность данных ему инструкций. «Стоим в степи, — пишет он, — в людских и в конских кормех и в дровах скудость безмерная и купить не добывают; что и было и то... стравлено. А пришло время самое зимнее, и стужа и нужа большая и затем для одного такой крайней нужи одва терпеть будут, а наипаче турские послы», т. е. дожидаться его одного, если он замедлит миром, союзники и турки не будут. «И турки, будучие при них (т. е. турецких послах), иные разбежались, а янычар всех до одного отпустили, а иные беспрестанно просятся. И говорят простолюдины турки послом своим и во всем народе, и на съезжем месте, что я сам мириться не хочу и другим не велю. И просятся у послов своих, чтобы они их всех отпустили ко мне, а они будут мне бить челом со слезами, чтоб я помирился и немцом не запрещал и тем бы их отселе свободных учинил. Я мыслю чтоб вместо челобитья, пришед, не убили; караулу нет; живу на поле только человеках в десяти, а иных всех за стужею отпустил в Петр-Варадын». Все эти тяжелые окружающие условия, как равно и уговоры других союзников, откровенные их признания, что они ждать не будут, заключат мир, бросят Возницына одного и уедут, не колебали твердости связанного царским повелением московского посла. «Мне без указу государева, — пишет он, — на ту отдачу городов трудно поступить и невозможно, потому что сам мне изволил приказывать имянно, что мне турком ничего не уступать». Сверх этого устного повеления, данного еще в Вене и, может быть, кратко еще подтвержденного двумя письмами царя: от 31 августа и от 30 сентября, Возницын не имел никаких дальнейших инструкций, достаточно гибких и растяжимых, чтобы предусмотреть различные возможности в ходе переговоров: «а сверх того иными указами никакими я не определен, хотя я о том и не

---

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 295—299, 300—306.

в одну пору писал». И вот ввиду отсутствия таких инструкций он приходит к мысли, если турки от своих требований не откажутся, просить у союзников и у турок отсрочки на десять недель, для того чтобы списаться с Москвой для получения оттуда указа [1].

Плохо, однако, надеясь на получение отсрочки для переписки с Москвой, Возницын пришел к другой мысли: подписать трактат о перемирии, в котором спорная статья о границах, не получив окончательного утверждения, была бы отложена ad referendum, как говорят дипломаты, т. е. представлена на разрешение в Москву и затем впоследствии при ратификации договора подтверждена через особое посольство. В этом смысле он составил новый проект трактата с турками, текст которого по переводе его на латинский язык предложил для прочтения цесарским и венецианскому послам, а затем и посредникам. В этом проекте 25 ноября есть значительные отличия от рассмотренного нами выше проекта 23 октября [2]. Первые две статьи старого проекта: о форме мирных отношений и об «основании», в новом проекте слиты в одну, где идет речь уже не о вечном мире, а только о срочном перемирии, причем срок его в проекте не указан и в тексте для написания числа лет, на которое перемирие будет заключено, оставлен пробел. Перемирие заключается на принятом основании «как кто владеет». Выкинута совсем третья статья прежнего проекта, где содержалось ранее требование Керчи, которую, как мы только что видели, Возницын «уступил» туркам на третьем съезде в ответ на уступку с их стороны Азова. Вместо этой третьей статьи о Керчи введена новая третья статья о границах; она гласит следующее: «А что его салтанова величества полномочные послы говорили мне... о разводе земель и о постановлении границ, на что я, не имея его царского величества указу и полной на то мочи и не ведая подлинно тамошних мест и урочищ, принял то на доношение (ad referendum) к великому государю своему... по которому моему доношению его царское величество повелит послом своим, которые посланы будут к его салтанову величеству для принятия на сей договор подтверждающей его салтанова величества грамоты, о том говорить и пристойное постановление чинить». Когда Возницын сообщил этот свой проект цесарцам и Рудзини, им бросилось в глаза противоречие между третьей статьей и первой. В первой он принимал основание «uti possidetis», в третьей — отдалялся от него, отказываясь установить границы на конгрессе [3]. Но, быть может, эту статью надо рассматривать как попытку открыть выход из того положения, которое создалось упорством обеих сторон: турок, не хотевших

---

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 300—308.
[2] Там же, 204—208.
[3] Шмурло, Сборник документов, № 723.

мириться без разорения городков, и Возницына, не хотевшего на это разорение соглашаться. С его точки зрения вопрос о днепровских городках предопределен был принятым основанием «uti possidetis»; но в Москве могли, не жертвуя своим достоинством, в случае надобности подвести его под статью о границах и согласиться на очищение городков в виде исправления границ. Дальнейшие статьи об удержании крымского хана, очаковских и белгородских татар, черкесов и кубанцев от набегов, о размере пленных, о свободе взаимных торговых сношений, о пребывании гроба господня в Иерусалиме под властью иерусалимского патриарха, о свободе вероисповедания православных во владениях султана, об обещании нерушимо сохранять договор — все эти статьи включены и в новый проект, но в более краткой и простой редакции сравнительно с прежней. В статью о ратификации внесено некоторое изменение, заключающееся в том, что посольства, отправленные с обеих сторон для принятия подтверждающих грамот, должны встретиться на дороге, русские остановиться в Азове, турецкие в Керчи и затем, списавшись между собой, продолжать дальнейший путь[1]. Одновременно с новым проектом договора Возницын составил чертеж днепровских городков, который и был им отправлен к посредникам вместе с проектом договора.

Посредники пригласили его на свидание с ними 30 ноября в тот же конференц-дом, где были и съезды с турками, в ту же светлицу. «И как я к ним вошел, — рассказывает он в посланной в Москву Л. К. Нарышкину недельной записке за 25 ноября—2 декабря, — и на стольце лежала у них карта черноморская и спрашивали меня по ней о всех местах, оговорясь, чтобы я не имел себе то за истязание (допрос), токмо они хотят ведать для лутчего согласия. Тогда я, зная ту карту, сказывал им о всем подлинно, и что так, и что не так. Они мне говорили и твердили все о поднепрских городах, что путь прегражден турком и татаром. Я им на то отвещевал: несть преграждения, что и сего лета турской паша в 20 000 переправился из Очакова до Крыму. Они сказали, что то силою учинено. Я отвещевал: егда мир будет, тогда спокойно безо всякого опасения переезжати имеют. Говоря о том много, часа с два, сказали мне, что и турские послы тотчас будут». Возницын возразил, сказав, что он прежде желает знать ответ турок на его новый проект, а не получив этого ответа, разговаривать ему с турками не о чем. Посредники объявили ему, что проект ими туркам был послан и турки сами будут с ним говорить, и долго уговаривали его не отказываться от этого разговора, убеждая его, «толкуя фундамент, что он таков быти подобает, с каким он разумом постановлен и как его прияли прочие государи». А тем временем посылали за турецкими послами. «И по некоем времени сказали мне, что турской посол рейз-эфенди остался на стану, а другой — Маврокордат

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 308—314.

приехал и стоит в сенях, и чтоб я учинил граждански, восхотел с ним видеться. Тогда я сказал им: буду по их воле. Они дали знать тому Маврокордату, которой тотчас вшед, поздравя, сел на своем месте. Тогда я с ним стерся (sic!) разным согласительством[1], иные трудности отставя, все о поднепровских городах; уже приводил меня к тому, дабы тое трудность, описав имянно, отложить до посольства, которое имело быть к салтану для подтвержденных грамот. И я ему отвещал: лутче нам все разрешить ныне, нежели что злое отставлять впредь; и в том ему отказал впрямь, что царское величество, государь мой, об отдаче тех городов как ныне не намерен, так и впредь не мыслит. Посредники глубоко молчали, также и Маврокордат, оцепенев, сидел, яко изумленный. Потом вопросил меня: что будет далей? Я ему сказал: естли не помиримся — война. Он мне отвещал: не надобно того, надобно мыслить способу или такой точки, которая б была знаком к миру. Я ему сказал, что я того желаю и ничего у них не прошу, а мирюся на том, кто чем владеет». Маврокордато отвечал «пространно», заявив, что им без тех городков быть отнюдь невозможно, и предложил, оставив этот вопрос, перейти к разговору о краткосрочном перемирии, о том, чтобы заключить «малое перемирие» или армистицыум, т. е. унятие на некоторое время оружия. Тогда Возницын, ранее сам предлагавший такой исход, стал возражать, что ему это сделать будет убыточно: он заключит «мирок», т. е. короткое перемирие, а другие, воспользовавшись этим, заключат «целый мир». «А как я такого миру не сделаю, то и другие не помирятся». На это Маврокордат, рассмеявшись, сказал, что он не как посол, «токмо как единой мне древней друг и искренней брат и приятель христианскою душою объявляет, чтоб я не блазнился и в союзных своих, что они не оставят, надежды не имел; уже они дела свои все окончали и дали мне только время на некоторые дни и оставят нас». Возницын протестовал против такого заявления, говоря: «невозможно им того учинить и не надеюсь того от них». Но Маврокордато вторично, уверяя московского посла в своей дружбе, сообщил ему по секрету, что союзники говорили туркам, что оставят его, и приводили ту причину, что московиты постановленный от цесаря и от посредников фундамент не так приемлют, как они. Возницын, прося Маврокордато не гневаться на него, заявил, что великий государь крайне желает быть с султаном в мире, но что если за какими трудностями мир не состоится и союзные нас покинут, то государь не испытает никакого страха и может вести войну один. «И Маврокордат говорил, — продолжает далее в своем отчете об этом разговоре Возницын, — что они то сами знают, что государь великой и сильной и наперед сего одни мы с ними в войне пребывали. И потом все молчали. Он вопросил меня: не изволю ли я, дабы приехал рейз-эфенди? Я сказал: то не

---

[1] В изложении Статейного списка: «говорил разным соглаголствованием».

в моей воле, в воле его и господ посредников, — только я то объявляю, что я не токмо города уступить, и единого камня свалить не могу; и естли воля на предложенные мои статьи, что по них учинить мир, я желаю видеть господина рейз-эфенди и с ними хотя сего дни дело свое совершить. Он сказал мне: никако же без уступки городов. Я ему отвещал, чтоб о сем болши не изволил говорить, понеже учинен праведной ответ. Потом паки молчали. Он еще вопросил меня: что еще дале будет? Я ему отвещал: естли с вашей стороны та трудность отложена не может быти, пожалуй прости, болши мне того нечего делать. И встал. Он паки просил меня, чтоб я посидел еще, и почал говорить многую гисторию, выводя древнюю дружбу, и что ныне Порта Оттоманская желает быти лутче иных с его царским величеством в дружбе и в миру, и чтоб я хотя уже совершенного миру или на довольные лета перемирья и не учиню, то б учинил с ними армистицыум. Я отвещал: лутче нам друг друга знать дружбу или недружбу ныне, нежели впредь отлагать. Посредники сидя только головами кивали, а ничего не говорили. Потом встали. И Маврокордат говорил, что он со мною не прощается, также и рейз-эфенди приказал ему, что он, не видевшись со мною, не розъедется, и еще надобно сыскивать всякого способу, как бы обновить между обоими великими государи дружбу, и еще желают со мною видетись не единократно. Я ему отвещал на то, что я от приятства их не отступаю и желаю всегда по их воле пребывать и видаться с ними и говорить и о согласии радеть со усердием хощу. И так, простясь, розъехались»[1].

Услыхав в этом разговоре 30 ноября от Маврокордато весть о том, что союзники дела свои окончили и готовы подписать договоры, покидая русских, Возницын для проверки этого сообщения на другой день имел беседу с венецианским послом, причем начал с того, что выдал сообщенное ему Маврокордатом по секрету известие о намерении союзников покинуть русских. Рудзини, по словам Возницына, в ответ процедил сквозь зубы, что, может быть, турки это слышали от кого-нибудь другого, а он своего намерения никому не объявлял: «Он мне отвещал на то скрозь зубов, — пишет Возницын, — что нечто турки от иных слышали, а не от него, а он де намерения своего еще никому в том не объявлял. И я его спросил, без церемонии, чтоб он мне истину сказал: если турки удовольствуют их, а нас нет, они, оставя нас, помирятся ль с ними? Он, прижав перст ко устам, помолчав, отвещал мне: приятственной случай и дружба велика его царского величества с Речью Посполитою их (т. е. с Венецианской республикой) понудила его правду мне сказать, естли другие к миру приступят, и им остаться нельзя и одним им пребыть в войне невозможно. Я ему молвил: не одним, с нами! Он молчал и против того ничего не молвил». Многозначи-

---

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 322—327.

тельно умалчивая о продолжении войны с турками в союзе только с одной Москвой, Рудзини на прощание в заключение разговора посоветовал Возницыну остерегаться цесарцев и поляка, уже кончающих свои дела с турками — «близко конца их дело»[1]. Из пересылки с поляком действительно выяснилось, что он, уладив спорные вопросы, достиг соглашения с турками: турки уступили Каменец и отказались от требования дани крымскому хану, а вопрос о находившейся в Каменце артиллерии решено было отложить до будущего посольства[2]. «Цесарские послы молчат, — пишет Возницын далее в той же недельной записке, — только слышу, что уже свои договоры на турское письмо толмачат», т. е. договор составили и переводят его на турецкий язык. Когда Возницын попытался напомнить им через доктора Посникова о союзных обязательствах, они резко заявили, что очень удивляются, что у цесаря с царем остается лишь один год до срока союза, а он, московский посол, заставляет их воевать еще пятьдесят лет, а им далее войны вести нельзя, потому что вели войну шестнадцать лет с великими расходами[3].

Положение Возницына достигло крайней степени трудности. Турки по вопросу о днепровских городках оставались непреклонны. Союзники, войдя в тайное соглашение с турками и даже побуждая турок продолжать с ними войну, — теперь собирались покинуть его, кончали свои дела и заявляли, что далее вести войны не будут и предоставят русским вести ее одним. Но связанный приказом Петра Возницын оставался непреклонен, и сильнее прежнего, когда переговоры уперлись в тупик, он чувствовал отсутствие инструкций, которые помогли бы ему найти выход из положения, и всю ту ответственность, которая на нем тяготела, если бы Россия осталась одна в войне с Турцией. Отсюда его жалобы на неприсылку инструкций из Москвы и даже на неполучение ответов на письма. «Прошу милости, — пишет он Л. К. Нарышкину в той же недельной записке, — изволишь о сем о всем донести великого государя и его, государев, указ исходатайствовать, а именно о тех поднепрских городах и границах от Азова и от Очакова, и о даче хану казны, и о всем состоянии того с турки и татары миру. Я с своей великой трудности и печали дерзаю донести: во истину, государь, надобно было и преже сего и без моего доношения о всех сих настоящих трудностях помыслив и рассудя накрепко, ему, великому государю, донести, и меня не единократно разными способами или статьями удовольствовать; а то не токмо каким указом или на что рассуждением определен, но и на мои писма ни на которое ответу нет. Сами изволте милостиво рассудить, что я труждаюся не в своем токмо, в общем его, государеве, деле, и одною бедною головою как могу де-

---

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 327—328.
[2] Там же, IX, 328—329, 331—333.
[3] Там же, IX, 330.

лать? Помириться с уступкою тех городов — беда, а остаться в войне одним — и то, кажется, не прибыль. А то уже видимо, что все оставляют! Однакож я без указу тех городов уступить не смею: нечто только положить на волю божию. Буде не дадут на описку (т. е. на сношение с Москвой) и ждать совершенно не похотят, помышлю о учинении не малое перемирье, буде к тому турки покажут пристойную склонность»[1].

Итак, единственным выходом из затруднения Возницыну казалось заключение краткосрочного перемирия. Как показывал ему только что приведенный разговор с Маврокордато, и турки начали склоняться к той же мысли о кратком перемирии. Эта уступка турок и была положительным результатом свидания и беседы с Маврокордато 30 ноября. Таким образом, в самый критический момент переговоров, когда обе стороны, казалось, безнадежно уперлись на своих позициях, твердость и непреклонность Возницына преодолели упорство турок. Ему удалось пробить в их упорстве как бы брешь, которую надо было теперь расширять и добиться окончательно их согласия на перемирие. 3 декабря был послан к Маврокордато Посников спросить, есть ли у них, турок, какая склонность к миру. Маврокордато ответил, что он христианин и единоверный и говорит истинно, что турки без отдачи днепровских городков мира не заключат; но что он для «унятия крови христианской» и для облегчения участи пленных уговорил рейс-ефенди на малое перемирие, о чем прежде тот не хотел и слышать. Пусть только Возницын поспешит с заключением такого перемирия. Цесарский и польский договоры уже готовы; с цесарцами дело остановилось только за возвращением из Вены графа Марсилия, посланного туда уже две недели тому назад за подтвержденной грамотой от цесаря[2]. Итак, турки соглашались на малое перемирие, и Возницыну оставалось только ухватиться за это согласие, что он и сделал. Рассылая союзникам ноты с безнадежной просьбой отложить дело на десять недель, пока он снесется с Москвой, вызвавшее немедленно же, хотя и прикрытые комплиментами, но категорически отрицательные ответы с указаниями на вред, который причинит всему христианству такая проволочка[3], он 7 декабря вновь отправил Посникова к Маврокордато условиться предварительно о малом перемирии: «каким они образом на то малое перемирье позволяют и на многие ль годы?», и с просьбой о новом съезде. Маврокордато ответил на эти вопросы письмом, в котором предлагал перемирие на два года со взаимным обязательством унять татар, с одной стороны, и царских подданных — с другой, от всяких нападений. Пути

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 329—330.

[2] Там же, 333—334.

[3] Там же, 334—349, 373: «И против того моего листа цесарские и венецианской посол отписали толко конплемент, а дела и отповеди ничего не писали, а полской написал: ...ждать десяти недель и своего договору унимать не хощет».

к соглашению были намечены [1]. «Всемилостивый государь мой,— писал Возницын Петру 9 декабря, — бог преблагий здравие твое, государя милостивого, да укрепит во многие лета. О здешнем, государь, поведении известно тебе, государю, буди из записки моей, посланной на сей и на прошлых по вся недели почтах. Турки всеконечно от поднепрских городов не отступают, также и без дачи хану казны не помирятся. На союзных не изволь надежды иметь, все согласились, только стало затем: послали цесарцы по подтвержденную цесарскую грамоту; скоро привезут, тотчас подписався, розменясь договорными письмами, розъедутся. Я помня твой государев указ, чтоб по последней мере от других не остаться, только на том основании, како кто владеет и к тому миру приитти не возмог. Однако ж, другой твой указ о малом перемирье, хотя и наперед сего о том промысл был, однако, турки тогда не восхотели. Потому еще труждаюсь, чтобы учинить на год или на полтора или на два, боясь того, чтоб одним в войне не остаться, потому что уже союзные все оставили, в которое б время мочно о миру радение иметь или, то брося, аще есть надежда и войну весть, осмотриться в том накрепко [2]. Однако ж, еще подлинника нет. Что впредь будет, покорно извещу. Только чаю того. Помилуй, аще что не так. А чтоб у всех миру не было и до того не допустить, немочно того было сделать. Работал тебе, государю, и работаю, свидетель тому мой господь бог. За сим тебе, государю милостивому, премного челом бью. Пронка Возницын» [3].

10 декабря состоялся четвертый съезд Возницына с турками, ознаменовавшийся, между прочим, активным выступлением английского посла. Турки и посредники дожидались Возницына в конференц-зале; когда он вошел, турки сказали, что желают слышать от него что-нибудь полезное. «И я им говорил: вижду, что господа союзных послы, товарищи мои, счастливей меня на сем случае обретаются: дела свои определили, а иные постановили, а я такого счастья не возмог получить. Однакож, хощу еще сим съездом дела свои подкрепить, авось либо что нечаемым случаем к належащему добру может приттить». Английский посол после этих слов выступил с упреком Возницыну — «И аглинской посол говорил, естли бы де и я так же поступал, такое ж бы счастье одержал. Я его спросил: в чем я не так поступил? Он сказал: противно постановлению их». Маврокордато поспешил прервать этот неприятный диалог. «Видя то, Маврокордат, прервав те речи, почал ко мне говорить, чтоб я с ними говорил о настоящем деле», и затем предложил вопрос, согласен ли государь быть с султаном в миру и на каких условиях. Возницын указал на статьи своего проекта, объявленные им через посредников. Но когда турки сослались

---

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 349—354; ответ Возницына, стр. 360—361.

[2] Т. е. с тем, чтобы в течение перемирия или постараться заключить мир, или приготовиться основательно к войне.

[3] Арх. мин. ин. дел, Дела турецкие 1698 г., № 1, л. 49.

на встреченные при переговорах по этим статьям трудности и, указав на желание султана мириться, предложили Возницыну найти какой-нибудь иной способ, то он со своей стороны предложил заключить на малые годы перемирие. Турки долго между собой советовались при молчании посредников, затем изъявили согласие, спросив: «каким образом и на чем, и на сколько лет? Я, помолчав немного, — продолжает Возницын, — говорил им, чтоб тому перемирью быть на полтора или на два года... Турки сказали: зело добро, лутче на два года, потому что между собою имеем многую отдаленность и надобно к тому время довольное», затем выразили пожелание, чтобы царь для заключения вечного мира прислал в эти перемирные годы послов своих в Царьград. Возницын отказывался предрешать порядок заключения будущего мира, через посольство ли или через чье-нибудь посредство, ссылаясь на то, что не осведомлен о намерениях царя в этом отношении. Это вызвало вспышку со стороны английского посла. «Я им [туркам] говорил, — пишет Возницын, — о том мне невозможно сказать, потому что его царского величества намерения не могу знать, чрез послов ли своих или чрез какое посредство о миру радети изволит. Турки замолчали. Тогда злояростным устремлением, молчав и чернев, и краснев многой испустил свой яд аглинской посол и говорил: уж де это и незнамо что, что и послов в Царьград не послать! Еще де и то надобно приложить, что от сего числа в три месяца изволил бы его царское величество дать знать, желает ли быть в миру и на чем? И как пришлет послов своих, и чтоб те дела совершить чрез их же посредство. Да и то де надобно ныне поставить, чтоб его царскому величеству вновь городов не делать и никаких крепостей не обновлять и не починивать». Лорд Вильям Пэджет, человек сухой и довольно умеренный в словах, по отзыву Рудзини, sterile peraltro e misurato assai nelle parole, отличался большой опытностью в направлении дел и пользовался большим уважением со стороны турок[1]. Очевидно, он возмутился излишней придирчивостью и щепетильностью московского посла, не желавшего итти на уступки даже и в деталях. Его слова о трехмесячном сроке, в который царь должен был объявить свою волю, заключали в себе нечто ультимативное, а последние слова о запрещении строить и ремонтировать крепости были явно к невыгоде русской стороны, заинтересованной в укреплении Азова, которое тогда как раз производилось. Эти слова показались Возницыну «наглостью», и он выступил с энергичным протестом. «Тогда я, — пишет он, — видя его наглость и делу поруху,

---

[1] «Fontes Rerum Austriacarum, XXVII», 375: «La maggior habilita ed il maggior credito nella direttione si possedeva da Guiglelmo Paget Ambasciatore d'Inghilterra. Grande era la considerațione dei plenipotentiarii Ottomani verso di lui. Se ben la sua molt'età non sia distinta dalla memoria di grand'impieghi: adognimodo in questo ha fatto conoscere spirito eguale al negotio et in consiglio profondo et maturo».

говорил галанскому послу, что он видит, что товарыщ его дела наши вместо посредства и сходства портит и чтоб он от того унял. А ему сказал, что ему так говорить и дела терзать непристойно». Однако слова Пэджета не остались без воздействия на турок: «Турские послы паче всего ухватились за обновление и за строение крепостей, чтоб тому не быть и конечно б о том в договоре написать и о посылке в Царьград послов. Я о том отговаривался всякими мерами, что без воли государя своего поступить на то не могу; а аглинской посол, мне уж не говоря, их наговаривал, пригибаясь к ним, шептал». По поддержанным Пэджетом двум вопросам: а) о присылке русских послов в Константинополь для заключения мира и б) о нестроении крепостей, завязались дальнейшие споры на этом съезде. «Потом турки, умолчав, спросили: что еще? Я сказал: естли на том моем предложении восхощете быть, то у меня с вами мир. Они говорили, что о нестроении крепостей и о посылке послов надобно окончательно написать. Я им то ж сказал; что невозможно мне того учинить. Потом молчали. Аглинской сказал: надобно, то ваше постановление, в чем есть согласие, записать. Я ему сказал, что он слышал, что мы говорили, и секретарь его записывал. Он стоял крепко: надобно самое то дело записать, в чем согласимся. И было того с полчаса, и уже турки почали говорить, чтоб я тем поспешил: мы де лишнего писать не велим. И так Маврокордат сказывал, а секретарь аглинской писал; аглинской в то писмо многие непотребные слова влагал, Маврокордат не приимал. И написав, отдали дохтуру Петру Посникову; дохтур, прочет, сказал: лишнего ничего нет. А о нестроении крепостей и о посылке послов говорили, что без того нельзя быть. Аглинской говорил, чтоб с того писма писать ему договорные писма. Я ему сказал, чтоб он лишнего не трудился, и так жаль трудов его, а приговорили написать договорные писма и переслаться и на мере поставить чрез секретарев своих. И с тем розъехались». Возницын 12 декабря написал проект перемирного трактата и отправил к туркам; в этом проекте двух спорных пунктов не было. Ознакомившись с проектом, турки заметили, что надобно написать о посылке в Царьград послов и о нестроении городов. Возницын остался непреклонен и здесь опять выиграл дело. После нескольких пересылок Маврокордато уступил: пункты эти в окончательный текст перемирного трактата включены не были [1].

---

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 361—365, 373—378. Текст нового перемирного проекта, стр. 370—371; здесь вместо пункта о посылке послов встречаем слова: «чрез какой ни есть лутчей изыскав способ». О нестроении городов совсем не упомянуто. Так же в тексте турецкой стороны (стр. 382—386).

LVIII. ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПЕРЕМИРИЯ 14 ЯНВАРЯ 1699 г.

Между тем наступали праздники рождества христова, сначала по новому, затем по старому стилю. 14/24 декабря, как повествует Статейный список, присылал из Петер-Вардейна комендант к стоявшим при Карловице послам, в том числе и к Возницыну, «с поздравлением праздником рождества христова, которой по их вере праздновать будут утре, то есть декабря в 15 день. И против того 15 числа в ночи в Петр-Варадыне из пушек стреляли». А в самый день рождества по новому стилю Возницын посылал от себя с поздравлением к цесарским, венецианскому и польскому послам и к петервардейнскому коменданту. «И те все благодарствовали, — отмечает Статейный список, — и обещались впредь взаимно в день рождества христова по старому календарю поздравить». 23 декабря старого стиля — неясно, почему именно в этот день, — прислал поздравить Возницына польский посол. Остальные, конечно, совсем забыли бы о данном ими обещании, если бы Возницын сам им об этом не напомнил в довольно оригинальной форме. При наступлении рождества по старому стилю, в сочельник 24 декабря, он счел нужным послать ко всем послам, и даже к турецким, с поздравлением. «И те послы взаимно его великого и полномочного посла тем праздником поздравляли ж».

Соглашением Возницына с турками на четвертом съезде о перемирии и уступкой со стороны Маврокордато по спорным пунктам о будущем посольстве и о нестроении крепостей дело между Россией и Турцией по существу было кончено; оставалось исполнить некоторые детали и прежде всего изготовить самые экземпляры договорного текста — «договорные письма». На это и ушла после четвертого съезда вся остальная часть старого декабря. Послы сначала пересылали друг другу черновые экземпляры трактата, чтобы установить одинаковый текст. Московский посол проявил при этом по обыкновению бóльшую щепетильность, чем турки. Так, получив от Маврокордато латинский черновик текста турецкой стороны и одобряя его, он все-таки выразил желание, чтобы если не в турецком, то по крайней мере в латинском тексте турецкой стороны даты были поставлены от рождества христова, а не по турецкому летосчислению: «изобразить лето от Рождества Христова, а не турского счету лета». Маврокордато сразу же одобрил черновой латинский текст русской стороны. Затем происходило изготовление и пересылка беловых. Изготовив два беловые экземпляра: один — на турецком, другой — на латинском языке, и запечатав их в белый атласный мешечек, турки (21 декабря) отослали их к посредникам, которые передали их Возницыну, который «мешечек взяв... и роспечатав, и турское и латинское письмо выняв, велел перевесть и справить с прежним письмом (черновиком), каково прислано было от Маврокордато декабря в 18 день». Так как для перевода турецкого текста при его

проверке своих филологических сил оказалось недостаточно, то Возницыну пришлось пригласить цесарского переводчика Ивана-Адама Лаховича, который переводил с турецкого языка на латинский. Затем происходила сверка этого перевода с латинским текстом, присланным от Маврокордато, и, наконец, с латинского текста уже наши переводчики Петр Вульф и Иван Зекан переводили на русский язык. Тексты оказались согласными, «явилась только в речениях некиих измена, а в деле сходно». 23 декабря экземпляры русской стороны переписывались набело: русский текст — подьячим М. Родостамовым, латинский — переводчиком Иваном Зеканом, русский текст — «на четырех листах на доброй бумаге по обрезу золотом, по тетратному, и сшито шелком красным, и концы того сшивочного шелку для печати приведены к окончанию того письма, да с него ж список латинским письмом на такой же бумаге на дву листах». Эти беловые экземпляры были отосланы к туркам 24 декабря «в камчатном красном мешечке за печатью» вместе с турецкими беловыми экземплярами[1]. Как видно из приведенных дат, у Возницына изготовление экземпляров договора приурочивалось к русскому рождеству. Старое рождество, 25 декабря 1698 г., и было взято сроком, начиная от которого перемирие заключалось на два года, по 25 декабря 1700 г. Итак, к рождеству все было готово к подписанию, однако пришлось с подписанием несколько помедлить.

«С турскими, государь, послы на малое перемирие на два года я, раб твой, договорился, — писал Возницын Петру 23 декабря, — и договорные письма на мере постановили; и турские послы, написав по турску и по латине, отослали к посредникам, а посредники прислали ко мне, чтоб я их высмотря, паки прислал к ним, и свои, против того написав, прислал же; а подписать и разменяться теми письмами на съезжем месте при посредниках, по обсылке с турки. И с тех писем, с своего список, а с турского перевод на сей почте отпустил к тебе, государю». Возницын просит далее прощения, если в чем действовал не так. Расстроить общий мир было совсем невозможно; согласиться на мир нельзя за великими трудностями, оставить царя одного в войне не смел. «Помилуй, милостивый государь, если что не против твоего намерения учинено: ей, учинил то по самой крайней нужде. А чтоб до миру всех не допустить, и того ни которыми делы учинить нельзя было, или б учинить мир вообще с другими: и к тому поступить за великими трудностьми не возможно было; оставить тебя, государя, одного в войне: и того учинить не смел же. Взял по твоему государеву указу и по письму малое перемирие, в котором ограждено и написано без всякой тягости. И те, при которых турки стояли, трудности, а именно: о нестроении вновь и о непочинке городов и о посылке в Царьград послов и о посредниках, — насилу оттово-

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 372, 393, 404, 390—392, 394, 403, 400.

рил; тут же и хан Крымской не забыт. Однакоже учинено то все в надежду твоей милости, размышляя то, что по сему постановлению как мир, так и война в твоей, государеве, воле». С подписанием договора он подождет, пока окончат остальные, чтобы не было упреков о несдержании союза. «Подписывать того договору еще погожу, покаместа цесарцы и поляк подпишут, потому что я не токмо на словах, и на письмах просил их, чтоб они тебя, государя, по союзному обязательству не оставляли и договоров своих без удовольствования твоего с турки не совершали; но они не токмо словами, и листами своими в том отказали: и от того иному впредь отговориться будет нельзе, и несдержание союза никоторыми делы отрещи ему невозможно будет». Ему, Возницыну, никто из союзных не может сказать также и того, что он взял такой мир, какого хотел наравне с ними. «А чтоб кто сказал, что и я равно с ним мир, каков хотел, таков постановил, невозможно того никому говорить. Я учинил только армистицыум или на время унятие оружия, и то по самой нужде, видя, что ты, государь, от турков к миру не удовольствован, а они все удовольствованы и тебя оставили. А прежде я их в тот армистицыум звал и советовал, чтоб учинили то ныне, а не мир, которые немцы словами, а поляк и письмом в том мне отказали». Что немцы оказались нетверды в союзных обязательствах, неудивительно — у них с нами союз кратковременный; удивительнее было поведение поляка. С Польшей у России союз постоянный; однако польский посол, пренебрегая этим союзом, поспешил окончить свои дела и помирился. Зато Возницын дает полный простор едкой критике условий, на которых поляк помирился с турками, помирился, можно сказать, ни на чем. «Не дивно, государь, на немец, потому что они кратким союзом обязаны, дивно на поляка, что он смел то учинить, и всего будучи на дву съездех дело свое окончал; а на чем, то еще паче дивняе, оставя с тобою, государем, вечный союз и натрутя[1] тем и вечный мир, помирился ни на чем: турки посулили отдать ему Каменец пустой; а о пушках, которых, сам сказывает, больше тысячи есть медных, понеже турки изо всех взятых на Украйне, на Подоле, на Волыни городов свозили в Каменец, договорился успокоить в Цареграде будущим послом», т. е. получив пустой Каменец, вопрос о ценном имуществе — тысяче свезенных туда отовсюду медных пушек — согласился уладить впоследствии через особое посольство в Царьград. «Он же за тот Каменец уступил им в Волоской земле всех городов, которые они держали: Сороку, Сочаву, Шанец и иных — всего 6. И как то у них постановлено — Каменцу отдача, а о пушках договор, не могу доведаться; только знаю то, что турки посему с пушками не отдадут». Провели и обманули поляка немцы, которым важно и выгодно было заключить мир; они ничего не потеряли, сделав туркам уступку за счет союзников. «Проводили

[1] Т. е. сделав тщетным?

его и обманули немцы для того, что им нужен и надобен и пожиточен мир; и помирились они без всякого себе отягчения и без уступки всего, а заткнули туркам горло другими своими союзники, потому что, по тяжестному с поляки обязанию и по вечному с ними союзу невозможно было им поляков с турки не замирить. Было их жалованье и ко мне; однакож, мне кажется, бог меня от них доселе свободил». В конце письма Возницын касается отношений между цесарцами и венецианцами. «А с венеты у немец я чаял крайней дружбы, ажно у них есть тайная антипатия: немцы не хотят того слышать, чтоб венет брал силу, потому что и так у них завладели многими городы и месты. Не меньше, государь, и венет иных пластает, хотя сказывал, что у него близок мир, а повидимому не само хорош. Турки с ним без уступки дву знатных городов, Ревеза и Лапанто, не хотят мириться. Только сколько ему ни держаться, отдавать будет, потому хотя морем и малый страх им (т. е. хотя венецианцы на море не боятся турок), а сухим путем никоторыми делы стоять им противно турок немочно. А те городы в Морее знатные и впредь бы к промыслу зело потребные, что изволишь посмотрить на карте». Выиграли от заключения мира только одни немцы, и Возницын указывает причины, объясняющие, почему они имели такой успех. «По правде, государь, немцы знают, как свои дела весть и сей мир сильною рукою и в потребное себе время сделали: перво, при союзных, неприятелю страшны; другое, в их руках и в их стране то дело; третье, сами они и им же в помочь союзники их посредники; четвертое, что турки зело сходны в нынешнее время к миру, и потому как бы не так могло дело их в совершенство прийти». Немцы сумели воспользоваться подходящим моментом и благоприятными обстоятельствами и обстановкой для переговоров: склонностью турок к миру, присутствием союзников, сочувствием посредников, взяли инициативу переговоров, которые ведут в своей же стране. Однако переговоры замедлились из-за венецианцев. «Ныне, государь, стоим за венетом; только, чаю, не много ждать его станут. Я, сие покорно донесши, паки твоей, государевой, милости молю: помилуй грешного убогого своего сироту; а лучше я сделать сего дела не умел, и в том во всем как тебе, великому государю, господь бог по сердцу положит»[1].

«Стоять за венетом» пришлось целых три недели. Рудзини был одним из тех, которые торопили Возницына с окончанием дела; теперь он сам оказался причиной задержки, когда у других, в том числе и у русских, дела были кончены. Польский посол сговорился с турками скорее всех; с двух съездов согласился на условия, с точки зрения Возницына, крайне невыгодные. У цесарцев после многих конференций договор был также готов. У венецианцев встретились непреодолимые затруднения.

[1] Устрялов, История, т. III, стр. 482—484; Пам. дипл. сношений, IX, стр. 394—398.

Как припомним, главные приобретения Венеции были в Морее и Далмации — они и должны были остаться за нею на основании «фундамента» «uti possidetis». Но уступка венецианцам этих завоеваний влекла за собой в обоих случаях осложнения. Уступка Мореи вызывала вопрос о Коринфском, или, как он тогда назывался, Лепантском, заливе. Его южный (Морейский) берег отходил к Венеции, его северный (Ахейский) — оставался за Турцией. Между тем на северном берегу венецианцы владели крепостью Лепанто и небольшим замком Румелин[1], расположенным при самом входе в Коринфский залив и совершенно запиравшим этот вход, в случае войны, для турецкого судоходства. Поэтому турки требовали очищения венецианцами Лепанто и срытия Румелина. Спорным пунктом была также крепость Превеза с гаванью на Акарнанском берегу[2]. Осложнение в Далмации заключалось в том, что турки, уступая ее венецианцам, требовали оставления себе некоторой территории для сообщения с оставшимся под их властью приморским городом Рагузой, и эта полоса, пролегая через середину Далмации, разделяла ее поперек на две, лишенные между собой сообщения, части: «просят у них (венециан) второй части Далмации, — как сетуя говорил Рудзини Возницыну, — а первую и третью оставляют им;... из самой той Далмации вынимают против Рагузы середку... И естли им то уступить, уж сухим путем из первой в третью ездить им будет невозможно, уж объезжать морем»[3]. Рудзини, не имея полномочий на такие уступки, не мог согласиться, отправил курьера в Венецию и ждал его возвращения, прося московского посла не оканчивать своего дела до возвращения курьера и жалуясь, что соглашение Возницына с турками поднимает их высокомерие и делает их неуступчивыми к венецианцам[4]. Возницын был прав, когда писал Петру, что у немцев с венетами тайная антипатия: медлительность Рудзини возбуждала большую досаду и негодование у цесарцев. 22 декабря граф Эттинген, посетив Возницына и разговорившись о делах, сказал, между прочим, что слышал о соглашении московского посла на перемирие с турками и выразил свое одобрение: «и тот способ учинен зело добр». На заявления Возницына, что дело еще не кончено, потому что возникают трудности с турками, да вот еще и венет уговаривает не кончать дела, не дождавшись его, граф Эттинген по поводу венета посоветовал: «чтоб он, московский посол, знал себя и своего разума держался, а таких бы (как венет)

---

[1] Der siegreich geendigte Römisch-Käyserliche Pohlnische, Muscowitische und Wenetianische XV jährige Türcken-Krieg etc., B. II, S. 36: «Am Eingang (des Golfo de Lepanto) lieget zur rechten Hand, auf dem Moreischen Lande ein Castel nach Morea oder Patrasso beygenandt und gegenüber auff dem Achaischen Land ein anders Romelia genant».

[2] Ibid., S. 46: «Auff dem festen Lande Acarnaniae beym Einfluss des Golfo Larta lieget die Vestung und Haven Prevesa».

[3] Пам. дипл. сношений, IX, 449.

[4] Там же, 371—372, 13 декабря; 387—388, 19 декабря.

не слушал: не суть то друзи его царского величества, которые сие советуют»[1]. В другой раз, 28 декабря, оба цесарца — граф Эттинген и граф Шлык, — приехав к Возницыну, говорили: «ныне де у всех союзных с турки есть сходство (соглашение), только де стало за венетом, понеже с обеих сторон учинилась великая трудность и един другому отнюдь уступити не хочет... и бог ведает, как то будет, понеже де что уже турки последнее слово сказали, что болши с ним не хотят говорить и хотели, все дела брося, порвать и отъехать, а он де и тогда ни малой уступки не учинил». Едва уж только они и посредники упросили отложить до 31 декабря. Вчера венецианский посол был у них, однако «по многом их увещании отнюдь никакого сходства не показует, и они де, то видя, не знают, что делать... а им де для венецийских прихотей впредь войну весть и такое христианское кровопролитие воздвигнуть кажется непристойно». Цесарцы просили Возницына, ссылаясь на дружбу его с венетом, повидаться с ним и повлиять на него в смысле склонения его к уступкам. Московский посол, благодаря за оказываемое ему доверие, счел, однако, уместным возвысить голос за союзника, указывал цесарцам на необходимость сообща поддержать Венецию. Турки, видя у других союзников склонность к миру, «напали неправедно и злобно на общего их союзника», которого они, союзники, по договорным обязательствам, а еще больше по обещанию государей своих не только не должны принуждать к убыточным для него уступкам, а, наоборот, должны защищать и «все стать при его пользе». С турками же надо держаться более твердого тона, отнюдь не просить их о мире, а принуждать их к миру: «Цесарские послы говорили: правда де, что должно было так, только де не обинуяся они сказывают, что им далее войны вести нечем, и ныне де они принимают великие убытки, держат войска на зимовьях и платят им безпотребно; лучше бы де те денги в огонь были брошены, нежели в недельную потребу издержаны: не всяк де так готов к войне, как его царское величество». Это был комплимент по адресу России. Свидание цесарцы закончили другим комплиментом: сказав при прощании, что едут по тому же венецианскому делу в Петервардейн к польскому послу, заявили, что заехали к нему, Возницыну, «прежде поляка и то... учинили, почитая честь великого государя»[2].

Исполняя просьбу цесарцев, Возницын на другой день посетил Рудзини, но говорил ему как раз самое противоположное тому, о чем цесарцы просили, внушал ему, «чтоб он в делах своих был не страшлив и в поступках не скор, а что цесарцы принуждают его и страшают турских послов отъездом и то они делают для своей пользы»[3]. Австрийцы сердились на Руд-

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 404—407.
[2] Там же, 392—393.
[3] Там же, 407—408, 29 декабря.

зини, говорили Возницыну, что «тот венет надут некаким злым духом и то делает нарочно, развращая мир», обвиняли его в том, что он так поступает по интригам французов, во что бы то ни стало желающих помешать миру цесаря с турками; однако они все же выхлопотали ради него новую отсрочку для подписания мира — до 16 января[1]. Этот срок был уже крайним. Когда 8 января Возницын сделал им визит, они ему сказали, что дело остановилось «за упрямством венетовым». Возницын ответил, что «упрямства его нет; что может, то уступает, а чего не мочно, как того уступить? И цесарцы сказали: как хочет. И великой посол отвещал: союзник их, не надобно его покидать! И цесарские послы сказали: буде он (Возницын) изволит, то б ему добро чинил и его ждал; а они для него в войне быти не хотят. Не силою на сей съезд принужден. И уж де они так об нем труждаются, слово б в слово так, кто б каменья носил, такие ж бы труды полагал; ни день, ни ночь покою им нет в его деле, и больше того не могут, и не треснуть им стать, подпишут свой договор в 16 день января, и чтоб и он свой договор изволил кончать». Передавая венецианцу об этом разговоре, Возницын наставительно и не без горечи ему заметил: «какое желание у царского величества продолжать войну! или, по крайней мере, додержать союз до его срока, но они, союзники, желание это презрели, союз не додержали, основание («uti possidetis») без совету подписали и к миру принудили. Что ж бог делает? Та болезнь обратилась (на него же), как ныне он сам видит»[2].

Между тем Маврокордато и посредники торопили московского посла с подписанием перемирия. 1 января Возницын, на год опережая указ Петра о праздновании январского нового года, посылал к союзникам со странным поздравлением по случаю нового года, который союзники, жившие по грегорианскому календарю, отпраздновали уже десять дней тому назад. Еще страннее было то, что с тем же поздравлением он послал доктора Посникова и к туркам. Впрочем, кроме поздравления, Посников должен был дать туркам заверение, чтобы они в его «приятстве» и постоянстве не сомневались; что он твердо стоит на тех условиях, о которых согласились, и не подписывает договора только потому, что не хочет подписывать раньше других союзников «для некоторых междосоюзных своих впредь околичностей». Турки ответили, что в его постоянстве не сомневаются, как ему покажется лучше, так бы он и поступал, захочет других ждать, будь по его воле, захочет подписать и разменяться договорами — готовы хоть завтра. Однако 9 января Маврокордато прислал к Возницыну своего попа, который сказал, что турецкие послы послали уже в Белград за подводами, хотят вскоре ехать и собираются. На другой день, 10-го, при-

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 409, 416.
[2] Там же, 448—449, 449—451, 9 января.

слал английский посол сказать Возницыну, что договор его с турками лежит у них, посредников, «многое время и едва ли уж не вышел из силы, а турки де варвары, мало что им не покажется, то все бросят», чтобы он поспешил подписать договор и разменяться. 12 и 13 января Маврокордато в разговорах с посылавшимся к нему опять доктором Посниковым напоминал о скорейшем подписании, уверяя, что австрийцы дали письменное обязательство подписать свой договор в понедельник 16/26 января и что венета ждать не будут. 12-го от Маврокордато Посников зашел к рейс-эфенди и в знак дружбы поднес ему от Возницына пару пистолетов «турского железа, цволы — работы изрядной, куплены в Вене, которые принял благодарно и дивился такому художеству и спрашивал: не французской ли то работы?» Посников прихвастнувши сказал — московской. Рейс-эфенди говорил: «давно ли на Москве так почали делать? Он сказал: лет десять или меньше, научились от немец. Он сказал, что он таких пистолей не видал; мнит, что сие железо для работы вяше золота»[1]. «Здешнее дело, — писал Возницын царю 13 января, уведомляя его о получении его письма от 2 декабря, очевидно, не дававшего Возницыну никаких новых дальнейших указаний, — приходит к окончанию. Цесарцы, как ему сами сказывали, взяли перемирье на двадцать на пять лет, поляк помирился вечным миром, я взял перемирье на два года, венет остался — нечто, что на нынешних днях между собою сделают». Рассматривая заключение перемирия как дело уже конченное и дипломатические услуги Посникова более ненужными, Возницын в этом письме передает Петру просьбу доктора отпустить его в Амстердам для научных занятий: «говорил мне дохтур Петр Посников, чтоб я челобитье его к тебе, великому государю, донес — нужда де ему быть в Амстрадаме для исправления к художеству его некаких инструментов и чтоб его из Вены туда отпустить и дать ему жалованье»[2]. С той же почтой, 13 января, Возницын писал Ф. А. Головину, что расстроить мир, убедить цесарцев оставаться в войне не было никакой возможности: «ангел бы цесарцом вещал, дабы они с турки не мирились, но и того б, чаю, не послушали — нечто сам всемогущий изволит от того их отлучить! И ныне стоят в прежнем деле за венетом; я молчу, а ломка велика. Венет, как угорелой, бросается ко всем к нам, просит помощи. Я говорю: как тебе мириться? чего войною не потеряли, то миром потерять хочешь? советую ему, чтоб взял на год армистицыум, буде ему так в войне остаться невозможно. Турки сверх морейских городов Превеза, Лепанда, Румелина ныне вновь еще втрое тягостный запрос ему учинили: Далмация вся за венеты; они, оставя им первую и третю часть, просят против Рогуз второй части, т. е. середки. . .» Цесарцы —

---

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 417, 451—453, 458.

[2] Там же, 454.

главные союзники венециан, но всякий может видеть, какую правду к ним оказали; показали прямо «злость: совершa свои договоры, оставили его (венета) с таким на некоторые дни определением (т. е. до 16 января), чтоб он в те дни договор свой определил, а естли не придет, то они оставя, подпишут свои. Турки, то слыша, паче обнадежены тем стали. А по настоящему должно было туркам так говорить, что един без другого не помирится, а не на урочные дни оставлять. Я венету часто к словам говорю: они делали другим и союза не держали, и основание подписали, и к миру принудили и прошение к продолжению войны презрели. Бог обратил то все к ним еще в вящую тягость. Однакож, не помня того всего, я своего договору не подписываю, пока мочно, смотря своего дела и желания. А в другой разум: пускай то не токмо Речь Посполитая их (т. е. Венецианская республика), но всяк увидит правду и истину его царского величества» (т. е. лойяльность царя в соблюдении союзных обязательств, как бы мы теперь выразились).

Сообщив дальше о своих разговорах с цесарцами и о пересылках с Маврокордато за последние дни, Возницын заканчивает письмо собственноручной припиской, показывающей, какой страх чувствовали перед Петром исполнители его повелений. «Милостивый государь, отец Петр Алексеевич!, помилуй, не оставь убогого раба своего во всякой своей милости; ей-ей больше мне того делать невозможно было, боюся всякого гнева. Только уж в сем упование мое бог видит, сколько труд свой полагал. Пронка, раб твой, челом бью. Из Сирмской земли из предел Карловича. Генвар в 11 день 1699» [1].

Убедившись в том, что цесарцы бесповоротно назначили подписание своего договора на 16 января и что турки собрались 18-го уезжать, Возницын решил и в этом случае опередить других, действуя здесь так же, как он поступал при расположении лагерей на Карловицком поле, и известил посредников, турок и союзников, что готов подписать свой договор в субботу, 14 января.

Итальянское известие говорит, что Возницын действовал так, опасаясь при подписании договора, если бы он подписывал его одновременно в один и тот же день с другими, встретиться с поляком и выступать при подписании после него. «Это он сделал прежде всех других из страха, как бы не остаться последним и потому, что он не хотел находиться вместе с поляком в таком деле, ни делать его после него» [2]. Так именно объяснял причины своего поступка и сам Возницын в недельной записке за 13—20 января. «По многим поведениям увидено, — пишет он там, — что у цесарцев и у прочих мир-

---

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 460—462. Арх. мин. ин. дел, Дела австрийские 1699 г., № 2, л. 17—18.

[2] Шмурло, Сборник, стр. 707—708.

ные с турки договоры к окончанию приходят и хотят подлинно подписаться в 16 день января. Мышленно, как бы лучше в том поступить. А то проведано, что цесарцы, подписав с турскими послы, будут есть у посредника, аглинского посла и на том же обеде будут турские, польский и венецийский послы. И первое, что будет ехать на съезд перед цесарцы; второе: там в заседании и в подписании договоров, так же и в столе — в местех и в здоровьях без пренья б не было и еще при таком случае до чего б дурного не пришло, постановил у себя, что подписать свой договор преж их в субботу, т. е. генваря в 14 день». Итак, соображения дипломатического местничества и опасения, как бы эти местнические расчеты с польским послом и при подписании договоров и на обеде в занятии мест и в порядке заздравных тостов не привели к конфликту, а конфликт к срыву дела, — повлияли на решение Возницына опередить союзников в подписании договора. Приводит он, впрочем, также и соображение другого порядка. Настроение у цесарцев и у поляка — радостное и ликующее, потому что они, покинув остальных союзников, заключили длительный мир, — не совпадало с настроением русских, ограничившихся лишь кратким перемирием. «Еще и для того на то поступлено, — пишет Возницын далее, — что цесарцы и поляк, оставя прочих, учинили довольный мир и будут тому радоваться и триумфовать, а мне на чужой свадьбе тут же плясать показалось непристойно».

Решение Возницына поспешить с подписанием перемирия встретило сочувствие у посредников и у турок. На его заявление о том посредники отозвались, чтобы он чинил по своему рассмотрению, а турки «зело то хвалили и говорили, что он вольного и самодержавного государя посол — для чего у иных след носить? (т. е. для чего итти по следу других) — пристойно так самовластно поступать». Цесарцы также одобряли его решение кончить дело, но предпочитали бы, чтобы он подписывал с ними вместе, тем более что после подписания назначен был банкет у английского посла. Венецианец отозвался неопределенно [1].

Наконец, в субботу 14 января, в десятом часу утра состоялась церемония подписания. Возницын прибыл к дому конференций парадным красивым поездом: «ехал тем же убором, как и на первой съезд. Сперва ехал калмык в нарочитом платье, в саадаке оправном и на лошади уборной; за ним шла корета о 6 возниках, в ней сидели переводчики; за тою другая корета о 6 возниках, в ней сидели поп да Посольского приказу подьячий; за нею ехало 3 человека трубачев, в левреях серебряных с трубами серебряными и трубили; за ними ехали подьячих 3 человека в одноцветных добрых кафтанах и шапках; за ними ехали 3 человека дворян, особого одного ж цвету платье и шапки; потом вместо лакеев шли 6 человек русских юнош

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 463—464, 482—484.

в алых суконных кафтанах и в лазоревых шапках; за теми ехал конюшей, за ним конюх вел посольского аргамака в полном уборе; за тем ехал великой и полномочной посол в государеве золотой середней карете о 6 возниках, против его сидел дохтур и секретарь посольства Петр Посников — на возниках была леврея серебряная, корета и возники и шоры покупки амстрадамской; по обе стороны кореты шло 4 человека гайдуков в строевом платье с перьи и серебреными обухи; позади кореты ехали пажи и иные служители и челядь, за ними рота рейтар». В зале конференции встретили его посредники; поздоровавшись, сели по местам и в ожидании турок «говорили между собою, не касаясь государственных дел, внешнее соглагольствование». Вокруг здания стояло множество зрителей, собравшихся смотреть церемонию. «А в тое пору как турок, так немец и посреднических служителей кругом светлиц на съезжем месте было многое число, которые все тихо и безмятежно стояли и смотрили». Турки по приезде остановились на некоторое время в сенях, куда вызвали английского посланника и с ним имели небольшое совещание; затем, войдя в залу, поздоровавшись, сели по местам. Заседание открыл вступительной речью английский посол, «выводя, — как передает содержание речи Статейный список, — что по толиких многих трудех при божией помощи восприяли между собою желаемое междо обоих великих государей и государств их утешение всему христианству в делех окончание и совершение». Затем следовало самое подписание. «И поставили междо всех послов стол и положили посредники обоих сторон посольские договорные писма. Тогда турки, взяв с стола, отдали великому и полномочному послу свои договорные письма на турском и на латинском языке, а великой и полномочной посол отдал им свои договорные писма на русском и на латинском языке, дабы с обоих сторон справили и просмотрили. И великой и полномочной посол, взяв те письма, отдал переводчиком: турской — цесарскому, которого для того нарочно с собою взял, латинский — Петру Вульфу и Ивану Зекану, которые, прочетчи с прежними, сказали, что во всем сходны и прибавки и убавки никакой нет, и положили перед великого и полномочного посла. Маврокордат так же в его договорных письмах высмотрел прилежно. А по том с обоих сторон согласном предложении, взяв позволение от посредников, приближились к подписанию тех договоров. Тогда турки говорили, чтоб они для такого высокого дела повелели отворить со всех сторон все четверы двери и пустили всех в ту светлицу, дабы всяк видел то настоящее междо обоих великих государей мирное дело. И по согласию велели отворить все двери и пустить всех народов людей; и по тому его посольские всякого чину люди вошли с его стороны и стали за ним, турских множество вошло с их стороны и стали за ними, аглинские с его стороны, галанские с его стороны и все стояли в глубоком молчании и тихости. Потом подьячей поставил

на стол чернилицу серебряную большую; турки, увидя, тотчас по свою послали, и принесли чернилицу ж столовую, местами золочену. И великой и полномочной посол, взяв свои договорные письма, подписал с числом и к русскому печать на сургуче приложил; турки так же турское приписали с числом же и печать приложили; а латинское подписал один Маврокордат». После подписания обеими сторонами каждой по два текста договоров, одного — на национальном, другого — на латинском языке, произошел размен. Маврокордато предлагал произвести размен через руки посредников; Возницын изъявил согласие; но посредники уклонились и предоставили сторонам разменяться самим, по мнению Возницына, во-первых, потому, что великий государь подлинно их за посредников не признавал, а затем и потому, что в них заговорила совесть — «зная совесть свою», — сознавая свою несклонность к русской стороне и что примирение состоялось не их трудами. «Тогда рейз-эфенди, встав, поднес ему, великому и полномочному послу, на обоих руках свои договорные письма, и великой и полномочной посол взаимно так же учинил, стоя все». Произнесены были заключительные речи. Возницын, с одной стороны, рейс-эфенди — с другой, со взаимными поздравлениями и приветствованиями, причем Возницын принес благодарность также и посредникам, значение трудов которых он на самом деле не признавал. Церемония кончилась неожиданными комплиментами рейс-эфенди по адресу царя, сказанными с восточной любезностью. «Потом рейз-эфенди, видя на великом и полномочном после на галанской золотой чепи маленкую золотою ж цепочкою прицеплену персону великого государя его, царского величества, оправленную в золото и алмазами украшенную, спросил: видится ему, что его царского величества образ? И великой посол ему сказал: его, государя моего милостивого, драгий клейнот (знак), недостойный раб его ношу. И рейз просил его, чтоб дал ему посмотреть. Тогда он, встав, с себя сняв с сею персоною ту большую чепь, отдал ему; он, встав, принял и смотрел и любительно дивился благообразию и красоте того и спрашивал — колики‌х лет? Он сказал: 27-ми и воин непобедимый. И рейз сказал: о сем подлинно ведает. И много смотря, Маврокордату, посредникам и туркам казал и любительно дивился и говорил, что по милости божией он признавает ныне заподлинно, что не лгали им прочие, как о его царском величестве сказывали. И смотря довольно, отдал ему, встав, с великою учтивостию. Потом встали из мест своих и, любительно простясь, пошли каждой во свою сторону» [1]. В итальянском отчете о церемонии приводится одна комическая подробность, вероятно, в значительной мере преувеличенная. После того как с обеих сторон были подписаны договоры на столике (tavolino), раздвигающемся на две половины, который был

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 465—470.

поставлен между послами, и после того как были обменены бумаги, Маврокордато и московит поднялись со своих мест, чтобы обняться, и между тем как один приближался к другому, думая опереться на столик, посредники раздвинули столик, и довольно тяжелый московит упал на Маврокордато, а этот, получив толчок, от внезапной и неожиданной тяжести отбежал назад, и оба упали один на другого[1].

Подписанный латинский текст перемирного договора в значительной мере отличается от тех двух редакций проектов, которые рассмотрены нами выше[2]. Текст не подразделен на статьи. Значительную часть его занимают широковещательно прописанные титулы государей, послов и посредников. Существенное содержание договора сводится к двум, много к трем статьям. Именно, от 25 декабря 1698 г. впредь на два года заключается перемирие, в течение которого будет заключен или вечный мир, или же перемирие на продолжительное время, причем обе стороны должны приложить во время перемирия совершенную склонность и полное желание к заключению мира. К миру присоединится («да припряжется») по должности послушания и крымский хан. В период перемирия стороны взаимно обязуются не нападать одна на другую: «да престанет всякая брань и война, и рать, и сражение и обоюду отделятся и истребятся враждебная дела» как «от подданных царского величества московитов и казаков», так и от султановых подданных всякого чина людей, в особенности же от крымского хана. Виновные в нарушении этой статьи о ненападении «да имаются и в темницы затворяются и без прощения незаступно да наказуются». Экземпляры турецкой стороны, как ее латинский текст, так и турецкий, отличаются еще несравненно большей, чисто восточной пышностью титулов, а турецкий текст и вообще гораздо большим велеречием, чем латинский. Султан в экземплярах турецкой стороны называется «между святых Мекки и Медины мест рабом, святого града Иерусалима и протчих святых мест защитителем и государем, князем двух морей и земель, к ним принадлежащих, королем Египта победительного, Абиссинии, Аравии благополучные»... (и еще длинного перечня разных стран) «и многих иных пространнейших государств и областей, держав, мест и земель повелителем и самодержавцем, Александру равным, государем государей и князем князей, превельможнейшим, державнейшим и превеличайшим государем, нашим повелителем, истинные веры прибежищем, султаном сыном султана... да утвердит бог и укрепит царство и государствование его даже до скончания века». Этой словесной пышностью прикрывалась малая содержательность договора. Вся конкретная часть, которая была столь обильна в двух первоначальных проектах, статьи об основании («uti possidetis»),

---

[1] Шмурло. Сборник, стр. 707—708.
[2] См. выше стр. 392—394 406—408.

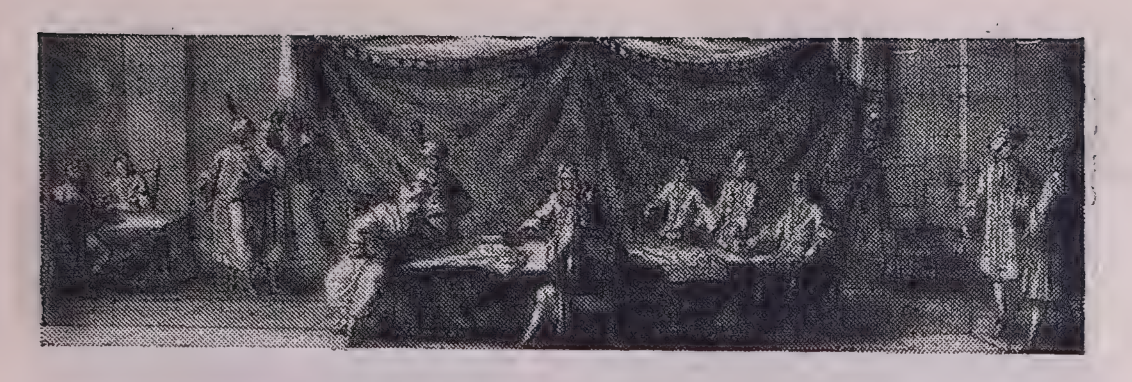


Рис. 25. Подписание мира европейских государств с Турцией в Карловице.
Гравюра на календарном листе 1699 г.

о размене пленных, о «святых местах» в Палестине, о протекторате над православными подданными султана — все эти конкретные условия были отложены до будущих переговоров о мире, причем самая форма и порядок этих переговоров также не были предуказаны. Договор устанавливал только перемирие, т. е. прекращение военных действий с вытекающим из него взаимным обязательством о ненападении — и больше ничего. Он прерывал только с обеих сторон действие оружия; установление территориальных границ и условий, на которых обе державы будут жить в соседстве в дальнейшем, было отложено [1].

LIX. СОДЕРЖАНИЕ ДОГОВОРОВ, ЗАКЛЮЧЕННЫХ СОЮЗНИКАМИ. ЗНАЧЕНИЕ КАРЛОВИЦКОГО КОНГРЕССА

Вернувшись со съезда в свои палатки, Возницын послал переводчика Петра Вульфа к цесарским послам с уведомлением об окончании дела, а на другой день побывал у них сам, «благодарствуя им за вся благая, ими показанная ему», и объявил им, что уезжает в Петервардейн, куда действительно, сняв свой лагерь в Карловице, в тот же день и перебрался. 16/26 января состоялось подписание цесарского, польского и прелиминарного венецианского договоров. Возницын заносил в недельную записку, что цесарские и польский послы поехали на съезд около полудня, а он туда же «послал своих для присматривания». По подписании договоров раздалась ружейная и пушечная пальба: «с обеих сторон солдаты и янычане выстрелили по трижды, а зачинала турская пехота, и в Петр-Варадыне и в Белгороде из пушек стреляли». Затем по случаю заключения

[1] Пам. дипл. сношений, IX. Перевод латинского текста русской стороны — стр. 400—403, 470; перевод турецкого текста — стр. 470—474; перевод латинского текста турецкой стороны — стр. 381—386, 474—475. Текст на русском языке, подписанный Возницыным, был переводом с латинского.

договоров состоялся банкет у лорда Пэджета, на который был приглашен и Возницын, но он отговорился болезнью, послав сказать лорду, «что он по премногу благодарен, что он его изволил пригласить на банкет... только он отнюдь притти за болезнью своею тогда не может, и чтоб в том на него пожаловал, не подосадовал». Возницын, правда, и в Москву жаловался на болезнь, появившуюся у него или усилившуюся в результате долговременной стоянки в палатках на стуже, но, по всей вероятности, болезнь в этом случае была более дипломатическая, и от обеда он уклонился, не желая встречаться с польским послом, с которым и здесь пришлось бы спорить из-за мест. Очевидно, от своих людей, которых он отправил «для присматривания» церемонии подписания договоров, он узнал также и подробности о банкете, которые и занес в Статейный список: «потом турки и цесарцы поехали к посредником, а польской с голландским пошел пеш. Сидели за столом: турки — в первом [месте], цесарцы — во втором, польской — в третьем, посредники, яко господари (хозяева) последнее место держали». Будь здесь же Возницын, ему бы, пожалуй, отвели четвертое место! «Потом, — продолжает Статейный список, — якобы внезапу, пришел венецийской и молвил: видит, что сей день торжественной и веселой, даст бог и они (венецианцы) такого ж дождутся, како миру договор учинят», на что рейс-эфенди заметил: «не надобно становить, уже постановлен, естли хочешь держать»[1]. Хотя венецианский посол на съезде не был и договора не подписывал, так как не имел полномочий согласиться на те требования, которые предъявлялись к нему турками, и ждал инструкций от своего правительства, но прелиминарного характера договор между Венецией и Турцией был все-таки составлен и 16 января подписан турками и цесарцами, с тем чтобы в месячный срок Венецианская республика могла подтвердить его, если бы согласилась на содержавшиеся в нем условия, и тогда передать подписанный экземпляр через посредников туркам, что потом в действительности и произошло. На этот прелиминарный договор и намекали слова рейс-эфенди к Рудзини: «не надобно становить, уже постановлен, естли хочешь держать».

Взглянем теперь на содержание этих трех договоров: цесарского, польского и венецианского, и посмотрим, к каким результатам привели переговоры на конгрессе. Прежде всего отметим различия в самом значении заключенных договоров. Только Польша заключала с турками вечный мир. Цесарь ограничивался двадцатипятилетним перемирием. В венецианском прелиминарном трактате не было предуказано, заключит ли Венеция вечный мир или длительное перемирие[2].

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 475—477.

[2] Договоры в русском переводе помещены в Статейном списке (Пам. дипл. сношений, IX: цесарский из 20 статей, стр. 489—508, польский из 14 статей, стр. 419—431, венецианский из 16 статей, стр. 580—593).

Рис. 27. Подписание перемирия между Венецией и Турцией

Гравюра на календарном листе 1699 г.

Само собой разумеется, что наиболее существенными статьями договоров были те, которыми определялись территории, приобретаемые или уступаемые заключавшими договоры державами. Перечислим эти территориальные перемены. Цесарь делал наиболее обширные приобретения. Из прежних турецких владений к нему отходили Трансильвания и Венгрия в пространстве между Тиссой и Дунаем; но Темешварский банат по левому берегу Тиссы оставался за Турцией. Далее к цесарю отходила значительная территория в Славонии, т. е. в пространстве между реками Дравой, Дунаем и Савой, где во многих местах должны были быть установлены искусственные границы. Польша приобретала Подолию с городом Каменцом, из которого, впрочем, вывозилась турками артиллерия. Венецианская республика получила сделанные ею завоевания с теми оговорками, о которых у Рудзини шел спор с турками; именно, к ней отходил весь полуостров Морея, но «твердая земля» к северу от Коринфского залива оставалась за Турцией, причем венецианцы должны были город Лепанто очистить, а укрепленные замки Румелин и Превезу разорить. Обеим сторонам предоставлялось на равных правах плавание по Коринфскому заливу и пользование его заливами. «Голфы, си есть рукава или заливы, обретающиеся между землею и Мореею, оставляются общему употреблению», как гласит статья 5-я венецианского договора в русском переводе, включенном в Статейный список. К Вене-

ции отходило также Далматское побережье, кроме той территории, которая обеспечивала Турции сообщение с Рагузским государством. К Венеции отходили из Ионийских островов остров св. Мавры и остров Левкада, а остров Занте, находившийся уже во владении Венеции, освобождался от той ежегодной дани, которая шла с него в пользу Турции. Острова Архипелага оставались за Турцией, а стров Эгина отдавался венецианцам.

Отходившие во владение той или другой державы территории обозначены в трактатах только в общих чертах; детальное установление точных границ, в особенности в тех местностях, где предстояло проводить искусственные границы, требовало продолжительного времени; поэтому вопросу о будущем установлении границ отводится по несколько статей в каждом из договоров. Для выполнения разграничительных работ учреждаются особые комиссии; сроком для начала их деятельности назначается в цесарском и венецианском договорах 12/22 марта, причем в венецианском договоре отмечено, что очищение Лепанта и разорение замков Румелина и Превезы должно произойти только после того, как произведено будет разграничение в Далмации. Сложные разграничительные работы предстояли также между Турцией и Австрией в Славонии, по рекам Драве, Дунаю, Саве и их притокам. Устанавливалась свобода починки и возобновления старых, существовавших уже пограничных крепостей, но возведение новых не допускается (цесарский, ст. 7, венецианский, ст. 13). Должны быть прекращены вообще всякие нападения одной стороны на другую; для предупреждения и для улаживания всякого рода пограничных столкновений устанавливаются особые смешанные комиссии, членами которых должны быть назначены «человецы не жадные, учтивые, смирные, разумные и миротворящие» (цесарский, ст. 8, польский, ст. 6, венецианский, ст. 12).

Во всех договорах встречаем далее почти тождественные статьи об освобождении и размене пленных (цесарский, ст. 12, польский, ст. 9, венецианский, ст. 14), о свободе римско-католического вероисповедания и о праве послов каждого из заключавших договор государств, цесарского, польского и венецианского, делать представление оттоманскому правительству по делам вероисповедания (цесарский, ст. 13, польский, ст. 7, венецианский, ст. 14), о беспрепятственной торговле между подданными договаривавшихся государств при условии платежа установленных пошлин (цесарский, ст. 14, польский, ст. 8, венецианский, ст. 14), о сроке вступления договора в силу, о порядке ратификации. В цесарском договоре есть специальная статья об укрывшихся в Турции венгерских мятежниках, которые, как устанавливает договор, должны считаться подданными султана и поселиться вдали от рубежей (цесарский, ст. 10). В польском есть специальные статьи об унятии буджакских

татар, вторгающихся в Бессарабию, о выводе их из этой страны и о поведении властвовавшего в ней воеводы[1].

Таково в самых общих чертах содержание заключенных 16/26 января договоров. Через короткий промежуток времени после Рисвикского конгресса, окончившего занятия осенью 1697 г., европейские державы выступали и действовали совместно на Карловицком, собравшемся осенью 1698 г. На Рисвикском конгрессе были улажены отношения Западной Европы; на Карловицком были улажены дела Южной Европы, или, если употреблять принятые в дипломатии условные выражения, получили разрешение некоторые дела, входившие в состав восточного вопроса, подразумевая под восточным вопросом отношения заинтересованных европейских держав к Турции. Может быть, как собрание дипломатов Рисвикский конгресс был более блестящим, и, может быть, разрешенные им вопросы имели бо́льшую важность. Зато дело Карловицкого конгресса оказалось гораздо более прочным, и договоры, на нем заключенные, не были опрокинуты так быстро, как рисвикские. Карловицкий конгресс знаменовал значительный успех христианской Европы над Турцией. Он был дипломатическим завершением и окончательным, неизменным на будущее время закреплением неудач и их невыгодных последствий для Турции, неудач, которые начались отступлением от Вены в 1683 г. и продолжались поражением при Саланкермене в 1691 г. и разгромом при Центе в 1697 г. Широко распространившая некогда свои пределы на европейском континенте Турция с тех пор пошла на убыль. Конгресс закрепил территориальные потери турок, и этих потерь они уже более не вернут, кроме разве Азова на некоторое время. По договорам, которые Турция принуждена была заключить на конгрессе, она теряла устья Дона и под большим вопросом оставляла устья Днепра, лишалась Подолии с Каменцем, отказывалась от вассальной Трансильвании, от бо́льшей части Венгрии и Славонии, далеко отступая от Вены, замыкалась на Балканском полуострове, от которого, впрочем, у нее тогда же отрывали его западное Далматское побережье и его южную часть — Морею. В дальнейшем владения Турции будут все более суживаться и все теснее замыкаться в пределах Балканского полуострова. Турецкая опасность, так долго, в течение двух веков, ужасавшая жителей даже самых отдаленных уголков империи, отходила в область воспоминаний, и Европе не грозила более перспектива мусульманского ига. В частности для России Карловицкий конгресс был также значительным дипломатическим успехом. Впервые Россия принимала столь широкое участие в европейских делах и впервые выступала на европейском конгрессе совместно с другими державами. Ее вхождение

---

[1] Польский договор, ст. 10: «Мултянский воевода такожде сим образом, которым исстари с королем польским по истине оказался, да паки обыкновенным образом по истине да поступает».

в Священную лигу совершилось, как мы знаем, более скромными и менее заметными путями, посредством союзов, сначала с Польшей, затем с цесарем; эти союзы и ввели ее в Лигу. Теперь она становилась видной и непременной участницей общеевропейских дел на широкой арене конгресса. Правда, относительно материальной стороны, реальных выгод, ее надежды и ожидания были более широки, чем ее действительные приобретения. Самое начало мирных переговоров было для Петра досадной неожиданностью, заставало его в самом разгаре обширных военных приготовлений против Турции, он носился с планом морского похода на Царьград, мечтал о завоевании Керчи. Конгресс пресек эти планы и мечты, от похода и от Керчи пришлось отказаться, но Азов, т. е. устье Дона с выходом в Азовское море, и днепровские городки, т. е. шаг к выходу в Черное море, Россия удерживала. Удержание днепровских городков стало на конгрессе вопросом, в котором твердая настойчивость московского дипломата столкнулась с упорством турок. Но твердость Возницына взяла верх, и он заставил турок пойти на уступки, по крайней мере в виде отсрочки решения этого вопроса, что давало надежду на выигрыш дела. За Возницыным стоял сам Петр. Ревностный оберегатель внешнего достоинства московского государя и Московского государства во всех случаях, когда этому достоинству мог грозить какой-либо ущерб, неуклонный приверженец традиционных внешних форм в международных сношениях, упорно державшийся дипломатического местничества, начинавшего уже смягчаться в европейской дипломатии. Возницын по сути дела был только неуклонным исполнителем данных ему решительных и твердых повелений, и этим определяется личное участие Петра в делах конгресса. Русское дело было решено именно так, как распорядился Петр устно, уезжая из Вены, и как затем он наказывал в письмах, подтверждая устный приказ: согласиться на основание «uti possidetis», что́ отнимало надежду на дальнейшие приобретения, но отнюдь ничего не уступать из приобретаемого по этому основанию и в крайнем случае отложить дело, ограничившись краткосрочным перемирием, которое, устраняя опасность войны с Турцией один на один, давало возможность передохнуть и закончить предпринятые военные приготовления. Эта мысль Петра и была осуществлена Возницыным на конгрессе[1].

[1] На уступку Петр стал соглашаться только в январе 1699 г.: в письмах к Возницыну из Москвы от 1 и 6 января он предписывал ему «по последней мере, если турки от своего упорства не отступят, то говорить о разорении... городков». Если съезды уже кончились, переписываться о том с турками. Но эти письма были получены Возницыным уже по возвращении его в Вену, 11 февраля. Уступка оказалась, таким образом, слишком запоздалой. Дело было сделано по его первоначальным распоряжениям (Пам. дипл. сношений, IX, 529).

LX. ОТЪЕЗД ВОЗНИЦЫНА С КОНГРЕССА. ВОЗНИЦЫН В ВЕНЕ

На другой день по подписании союзниками договоров, 17 января, Возницын посылал доктора Посникова и подьячего Михаила Родостамова к цесарским и турецким послам и к посредникам с поздравлением и с подарками; послы «тое его присылку восприяли любительно и дохтура, и подьячего подчивали и дарили». Не без язвительного пренебрежения замечает он под тем же днем, что польский посол рано утром «сам друг уехал на почте, не сказався никому». Вскоре по возвращении с конгресса в Варшаву пан Станислав Малаховский заболел и умер. «Воевода Познанский в 24 день марта в Варшаве огневицею умре», — замечает наш Статейный список; причем и в этом случае Возницын не мог удержаться, чтобы не кольнуть даже уже умершего врага: «говорят, с печали, что договор его не зело за благо почтен» [1].

18 января Возницын делал прощальные визиты, был у цесарских послов, затем у посредников, первых поздравил с заключением мира, вторым, хотя он их и не признавал, приносил благодарность за труды. Парадный характер носил визит его к туркам, с обычной изобразительностью описанный им в недельной записке. «Турки, зная к себе приезд мой, ожидали меня. Тогда я приехал к ним к дву коретах; так же и верхи было человек с 50; стояли к светлицам их янычане улицею человек с 200, подпершись пищальми; у светлиц стояли турки офицеры, кругом многое число турок и греков. И как я приехал к рундуку, и тут меня из кореты турки приняли под руки, а рейз-эфенди и Маврокордат встретили у кореты; и один посол пошел предо мною, а другой назади и говорили, что у них так ведется и того почитания выше нет. Потом пришли в светлицы и показали мне место на правой стороне сесть, положа вместо стула подушку большую, а сами на левой стороне противо меня сели на земли и говорили сладкие любительные речи, все о согласии дружбы и любви. А потом подали инбирь в патоке, которого по ложечке мы вкусили, а потом кафе, потом по чубуку мне и рейз-эфенди табаку, потом шербету по чашке; потом курили и говорили, что приготовлен у них аргамак, которым хотят челом ударить мне, чтоб я у них тот подарок принял любительно и изволил бы от них на нем поехать. И я им благодарствовал и говорил, чтоб они, если изволят, прислали с своим конюшим. Потом говорили, чтоб я лучшим людем велел войтить в светлицу, а они велят своим войтить же, чтоб видели все их любовь и приятное прощение. И тогда вступили с обоих сторон немалое число людей. И рейз-эфенди, приступя ко мне и я к нему, обнимались и друг друга в плеча лобызали; так же и с Маврокордатом;

---

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 477, 607.

и проводили меня даже до кореты. И как пришли к рундуку, и тут стоял аргамак сер с седлом бархатным, луки шитые и с чепраком тканым, у седла привязан троком тесак, муштук и паперсть[1] серебряные золоченые. И рейз-эфенди с великим прошением говорил мне, что во образ великие дружбы тем аргамаком они мне челом бьют, и чтоб на том их аргамаке хотя едину сажень поехал. Тогда я отговариваясь, видя прилежное прошение, учинил по их желанию, на том аргамаке простясь поехал и, — отъехав за их стан, сел в корету»[2].

По дороге от турок он заехал к Рудзини, с которым, видимо, они вместе отвели душу, изливая досаду на цесарцев. Рудзини негодовал, что цесарцы, имея такой союз, не захотели подождать нескольких дней и после стольких трудов оставили их одних в войне, говорил, «что сей мир мочно назвать блазнию, а не прямым делом, и не угаснет сие непостоянство в тысячу лет; многие кроники о сем написаны будут». Московский посол отозвался, что цесарцы, действительно, сурово поступили, и указывал на то, что он не подписывал перемирия до последней возможности, ожидая венецианцев. Рудзини благодарствовал и говорил, что он, Возницын, «яко человек в делех знатной, может о их таком поведении потужить». Это дало повод Возницыну еще лишний раз повторить свои обычные жалобы на цесарцев, как они, вступив в союз с великим государем, начали тайные пересылки с турками, как великий государь, не зная этого и надеясь на союз, затратил многие миллионы на воинское приготовление, как цесарцы, не дождавшись двух лет до срока союза, начали переговоры о мире, без совета с союзниками приняли основание «uti possidetis». Рассказав о положении своих дел и на вопрос Возницына, выгоден ли будет мир для Венеции на условиях, принятых в прелиминарном договоре, венецианец заметил, что республика примет их только по самой великой нужде. При прощании на объявление Возницына о своем отъезде в Вену 20-го Рудзини выразил сожаление по поводу разлуки: «зело сетует так милых друзей отлучиться, а прощаться будет сам к нему»[3].

В последние дни перед отъездом следовало принять ответные прощальные визиты. 19-го был с таким визитом Рудзини; на 20-е возвестили свой приезд турки, но в ночь на 20 января Возницын настолько серьезно заболел, что не мог даже подписать бумаг, отправлявшихся с отходившей в тот день почтой, и был принужден обратиться к цесарцам с просьбой прислать ему своего доктора. Пришлось отложить прием турок и просить их, «чтоб они не погневились, того дня не изволили к нему ездить, потому что он за болезнею своею принять и почтить их по достоинству никоторыми делы не может». Турки отвечали

---

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 479, ошибочно напечатано: «напереть».
[2] Там же, 487, 478—480.
[3] Там же, 480—481.

с большой любезностью: они хотели отъехать в Белград в субботу 21 января, «а ныне де, слыша о болезни его, зело печалуют и будут ожидать здравия его; а не быв у него и не дождав надлежащей чести, хотя десять дней не отъедут» [1]. Может быть, в утешение больному турки прислали ему подарки: пять верблюдов да пять мулов... да двух человек турок, «которым за верблюдами ходить» [2]. Визит турок состоялся, наконец, 23 января и описан Возницыным так же колоритно, как и все его встречи с турками: «Генваря в 23 день были у великого и полномочного посла турские послы рейз-эфенди и Александр Маврокордат. Приезжали великим многолюдством и приехав говорили многие ласковые слова, что то они учинили, почитая честь великого государя, его царского величества, и подвизая обоих великих государей к крепчайшей дружбе и любви. И великой и полномочной посол отвещал им благодарственно и тому ж склонное, а потом великой и полномочной посол велел принесть стол, накрыт ковром золотным, на нем на двадцати и болши блюдах серебряных сахаров розных нарядных и леденцов и конфектов. И турские послы, то видя, зело дивились. Потом великой посол потчивал росолисом и кафою и подал по чюбуку табаку; а в тое пору трубили на серебреных трубах и играли на разных инструментах государевы трубачи и музыканты в особом покое. Тогда рейз-эфенди говорил, что он от рождения такой музыки не слыхал и просил великого посла, чтоб он тем музыкантом велел вотти перед него и играть, чтоб он их видел. И великой и полномочной посол музыкантом, трем человеком трубачам, немцам, велел войти и играть одному на басу, а двум на скрыпицых, что слыша рейз-эфенди зело утешился и нот их и скрыпиц смотрил, а в тое пору пил табак. В тое ж пору агов и иных дворян их подчивали росолисом и кафою и с стола многие блюды с сахаром им подали, иные ели, а иные за пазухи клали. А в иных хоромех и на дворе всем их людям давали пить водку, ренское, которые были зело жадны, пили много, а иные просили есть и ели. А потом подали шербет, и рейз-эфенди и Маврокордат, приняв чашу, пили про здоровье великого государя, его царского величества, а великой и полномочной посол взаимно пил про здоровье государя, их султанова величества. И рейз-эфенди говорил великому послу, чтоб он на него не погневился, что он у него так засиделся, — то он чинит, яко у любезного своего друга, — и чтоб он еще велел поиграть музыкантом своим. И по довольном времени при отъезде своем турские послы говорили великому послу чрез дохтура Посникова секретно, чтоб он восхотел писать к великому государю, дабы его царское величество во знак с его салтановым величеством дружбы, изволил не замотчав прислать в Царьград о принятии сего пе-

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 481—482, 488—489.
[2] Там же, 509.

ремирья его салтанову величеству свою, царского величества, грамоту чрез нарочного гонца, что де увидя его султаново величество обрадуется и паче склонен будет к постоянной дружбе и любви. И великой и полномочной посол на то отвещал, что по прошению их о том его царскому величеству донесет. И встав обнимались и целовались, и простясь поехали в колымаге своей к Петр-Варадынскому генералу и коменданту. А как турские послы у великого посла были, и в тое пору приехало цесарских и венецийских графов и дворян, и братьев, и племянников немалое число, и все стояли и той церемонии смотрили, толко один с ними сидел генерал и комендант Петр-Варадынской»[1].

Устраивая перемирие с Турцией, Возницын как прозорливый дипломат не упускал случая принимать меры и на случай войны, если бы такая война в будущем все же произошла. Эту цель имели в виду его тайные сношения, в которые он при отъезде своем с конгресса вступил с иерусалимским патриархом. Еще ранее через Маврокордато он послал патриарху на сто рублей соболей; теперь он отправил в Иерусалим чернеца Григория, опытного в тайных сношениях, через которого шли пересылки с Маврокордато. Чернец должен был отвезти патриарху открытое поздравительное письмо, «поздравительный лист», а вместе с тем передать тайное шифрованное письмо с рядом вопросов о положении дел в Оттоманской империи. Так, Возницын, извещая патриарха о предъявленном турками требовании относительно уступки им приднепровских городков, просил патриарха дать совет: что лучше, в миру ль с ними быть или в войне, и разведать, на чем они с нами помирятся, если заключать с ними мир; не станут ли просить тех городков или иного чего? Если же быть с ними в войне, можем ли мы с ними одни воевать, помогут ли и пристанут ли к нам (это, должно быть, был главный вопрос) греки, волохи, мултяне (бессарабцы), сербы, болгары и иные православные народы и можно ли на них надеяться? Смогут ли наши войска, зашедшие в турецкие края, пропитаться там и быть снабжены конскими кормами без недостатка? Не окажут ли помощи туркам европейские державы и не вступятся ли за турок: цесарь, желая приобрести Сербию, Польша, желая получить Валахию, Франция и Венеция, чтобы не допустить насилия над Турцией? Патриарх должен был также сообщить, «какое поведение или впредь радение или к войне приготовление турки иметь будут?», какие будут у них сношения с цесарцами, поляками и венетами в то время, когда в Константинополь приедут их послы? Если нам лучше с турками мириться, пусть патриарх посоветует, где и как с ними вести переговоры, посылать ли послов в Царьград или действовать через посредство волошского господаря, или

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 510—512.

крымского хана, или через иного кого, или же просить о назначении съезда или комиссии? [1]

Приняв прощальные визиты посредников, Возницын двинулся в путь из Петервардейна в Вену 24 января. Средства сообщения: телеги и волы под посольский обоз были доставлены цесарцами, но за постоялые дворы в Петервардейне пришлось платить самим, причем жители заломили непомерную сумму — пятьсот ефимков. Возницын жаловался цесарцам, и те посылали к петервардейнскому комиссариусу, чтоб жители поступили с послом «человеколюбно». «И те жители, — продолжает Статейный список, — мало что от своего запросу отступили и не так силою, как многою докукою того вымогали». Наряду с корыстолюбием жителей список отмечает предупредительность и любезность петервардейнского коменданта: «Петр-Варадынской генерал и комендант к великому послу во все бытие его великое почитание чинил и при отъезде его из Петр-Варадына провожал за город в немалых людех». Посол ехал в карете, дворяне, подьячие и иные чины — верхами. При выезде производилась артиллерийская стрельба с крепости, с шанцев и с кораблей.

Путь в Вену был совершен на лошадях. Первый ночлег был в Благовещенском Крушедольском монастыре, в трех милях от Петервардейна, где хранятся «мощи святых деспотов сербских» и где путешественники были встречены игуменом и пятьюдесятью человеками братии. На следующий день миновали Опов монастырь, где «лежат мощи святого великомученика Федора Тирона», и ночевали в третьем монастыре, св. Михаила. Дорога лежала далее на городки Эссег и Могач. Эссег расположен на реке Драве, переправа через которую заняла целый день 30 января. Ехали пустынными, малонаселенными местами, и хотя посольскому обозу дан был конвой из 11 конных рейтар и 13 пеших солдат, однако Возницына не покидала мысль о возможности разбойничьего нападения, в особенности когда в городке Могаче получено было известие о том, что такому нападению подвергся по дороге с конгресса близ Пешта граф Марсилий, что он «от воровских людей в ночи розбит и сам пострелен в ногу и от той раны лежит в Будине, а каморной его служитель и повар и четыре человека, которые с ним ехали, убиты до смерти». Свое впечатление от путешествия по этим пустынным местам Возницын довольно живо передает в письме к Ф. А. Головину: «А я от сих дел едва жив; изломали тягостно и в Вену привезен болен. Ехал степью с великою бедою и страхом три недели, терпели великую нужду. Предо мною едучего от нас в Вену графа Марсилия в степи воры разбили, прострелили дважды и в дву местех порубили и трех его человек до смерти убили. Я же помощию божиею доехал от таковых безбедно, однакож на вся-

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 516—518.

кое время от них были опасны»[1]. В Вену приехали 11 февраля. С Веной во все время пребывания на конгрессе у Возницына не прерывались сношения. Оставленный там на занимаемом посольством дворе подьячий Михайло Волков писал ему в Карловиц раза два в неделю, а иногда и чаще, сообщая ему о происшествиях на посольском дворе, о придворных венских новостях, о разных ходивших по городу слухах, о событиях в других европейских государствах, о которых ему случалось узнавать. Волков передавал письма Возницына на рижскую почту в Москву и на польскую почту в Варшаву и получал с этих почт пакеты на имя Возницына, которые и пересылал затем в Карловиц. Всю осень 1698 г. непрерывной вереницею тянулись через Вену русские гардемарины, возвращавшиеся домой из Венеции, где они изучали навигацкую науку. О встречах и разговорах с ними Волков обстоятельно доносил своему патрону. Постоянно он покупал для него и пересылал ему на конгресс венские газеты, «печатные вестовые куранты», чтобы держать его в курсе европейских событий. За время с 30 сентября 1698 г. по 28 января 1699 г. Волковым было отправлено Возницыну 33 письма. Все они сохранились и могут служить прекрасным материалом для изображения того, как в конце XVII столетия русский человек из средних общественных слоев реагировал на западноевропейскую обстановку, в которой он очутился[2].

В Вене Возницын нашел два письма Петра из Москвы: одно от 1-го, другое от 6 января, в которых царь уполномочивал его в крайнем случае пойти на уступки в переговорах с турками относительно днепровских городков, соглашаясь на их срытие; но, как мы видели, это полномочие оказалось слишком запоздалым: перемирие уже было подписано. В цесарскую столицу Возницын попал как раз во время брачных торжеств по случаю свадьбы старшего сына императора эрцгерцога Иосифа, недавно получившего титул венгерского короля, с принцессой Ганноверской. С описания церемонии ее торжественного въезда в Вену 14 февраля ему пришлось начать запись своего пребывания в Вене в Статейном списке[3]. Беспрерывными торжествами несколько замедлились дела: «В Вене не мог до сего числа ничего о себе учинить, — писал он в Москву от 25 февраля, — за торжеством брака короля венгерского. Непрестанные были веселия и огненные и иные потехи; так же немало помешала и масленица, которую не меньше нашего празднуют. И заговели они во вторник на первой неделе, т. е. февраля в 21 день»[4]. Из огненных потех в Статейном списке описана

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 518—524. Арх. мин. ин. дел, Дела австрийские 1699 г., № 3, л. 9 об. — 10.

[2] Арх. мин. ин. дел, Дела австрийские 1698 г., № 69.

[3] Пам. дипл. сношений, IX, 524—526.

[4] Арх. мин. ин. дел, Дела австрийские 1699 г., № 3. л. 15 — письма к Л. К. Нарышкину, Ф. А. Головину, Т. Н. Стрешневу, Г. И. Головкину, Е. И. Украинцеву.

Рис. 28. Въезд принцессы Ганноверской в Вену.
Гравюра на календарном листе 1699 г.

большая иллюминация 19 февраля: «за городом устроены многие врата с преградами, в них же горели литеры, учиненные с поздравлением цесарского и королевского, и королевы его имян» [1].

Возницын пробыл в Вене несколько более месяца: с 11 февраля по 16 марта, делая визиты цесарским министрам и иностранным дипломатам и принимая их у себя. Из этих его сношений с придворным, правительственным и дипломатическим миром заслуживает особенно быть отмеченным двукратное его свидание с французским посланником маркизом де Вилларом. Тотчас же по приезде в Вену Возницын, по принятому обычаю, посылал с уведомлением о своем прибытии к цесарским министрам и иностранным послам, в том числе и к французскому посланнику. Последний воспользовался этим случаем, чтобы сделать 25 февраля визит московскому послу. Произошел интересный разговор. Де Виллар начал с благодарности за честь, «которую он ему тою обсылкою (т. е. уведомлением о приезде) показал». Возницын ответил любезностью, сказав, что «учинил то свое снисхождение», зная о дружбе их государей и слыша о его бытности здесь. Маркиз сказал далее, что король, «слыша о... благом состоянии и о воинской охоте (царя) и о всяком премудром поведении, по премногу радуется... понеже... царского величества славные дела и воинская дельность во всей Европе и Азии почитаема есть». Возницын отвечал комплимен-

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 533.

том по адресу Людовика XIV: «Царское величество не меньше того,.. слыша благие его (короля) как воинские, так и политические поведения, по премногу утешается и желает с ним совершенную приязнь и дружбу иметь». Оба пришли далее к единодушному заключению, что «было б то на свете славно», если бы оба их государя были в единодушном согласии. Маркиз восхвалил далее отвагу царя, не побоявшегося взять с турками только армистицыум, когда другие заключили мир, и уверил посла, что турки никого на свете так не боятся, как царя, и «к миру с ним всегда готовы для того, что они свою погибель давно себе признавают». Переходя затем от общих вопросов к личным обстоятельствам, Возницын, осведомленный о затруднительном положении маркиза при цесарском дворе, «что ему у цесарского двора неласковое состояние поводится, спросил, какова его тут при дворе его цесарского величества бытность? Он сказал мрачно, что его цесарского величества милостию довольствен, токмо нечто у него зашло с князем Лихтенштемским и тому, чает он, оборонь или удовольствование получить. Великой же и полномочной посол его спросил: много ль он здесь побудет? Он сказал: некоторые месяцы. И по тех розговорах поехал». Держал себя, по замечанию Возницына, так ласково и скромно («низко»), «как больше того невозможно и едва дал себя провожать»[1]. Столкновение с князем Лихтенштейном, воспоминание о котором вызвало тень на лице француза по сообщению Возницына, заключалось в следующем: «Вышереченной князь Лихтенштейн — дворецкой арцуха аустрийского, сына второго цесарского; и ссора у них учинилась от такого случая: Арцух имел у себя танец приватной; тот посол (де Виллар) пришел тут же и вшел в полаты, где арцух. Увидев его, тот князь дворецкой сказал ему: а ты что тут? ведаешь сам, что ты арцуху не отдал визыты, а топере непристойно пришел. Посол сказал: ведает ли о сем арцух? Он сказал: ведает. Посол: а отец его? Он сказал: ведает. Он (посол), то слыша, почел королю своему и себе за бесчестье, пошел вон; и того часу с тем к королю послал курьера нарочно. Мнится мне, — заключает Возницын, — ищут к недружбе причины и то, что по договором доселе не отдали цесарю города Брисака, не без вымыслу творится»[2]. Маркиз де Виллар, будущий маршал Франции, замечательный полководец, стяжавший славу в войне за испанское наследство, выступая на дипломатическом поприще в Вене в 1699 г., носил звание только «аблегата», а не посла. «Сей маркиз — человек честной (знатный), — замечает Возницын, — а что в чину облегата и то от того, что цесарь ко французу никогда никого в чину посла не посылает, токмо облегата»[3].

---

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 536—538.
[2] Там же, 549.
[3] Там же, 549.

Состязание в любезности и комплиментах между московским дьяком и французским маркизом продолжалось и при ответном визите Возницына де Виллару 2 марта. Версальское изящество речей маркиза своеобразно преломлялось в приказном языке нашего Статейного списка, в котором этот разговор изложен в следующем виде: «Ездил великой посол убрався со всеми государевыми людьми в трех коретах. Принял честно и встретил у кореты. И вшед в полаты и седчи по местом, говорили то ж, что и преж сего». «Облегат» опять крепко подтверждал, что король усердно желает быть в дружбе с царем. «А потом дошло до перемирья, которое учинено меж царским величеством и султаном турским. И облегат говорил: знатно де царское величество намерен с турком войну весть? И великой и полномочной посол ему отвещал: естли в миру не удовольствуют, знатно, что без того не будет». На Возницына, очевидно, заразительно действовал салонный тон беседы, и он к только что сказанным своим словам, шутя, прибавил: «издеваясь молвил, чтоб они (французы) пожаловали, изволили помогать». Королю это легко сделать и с выгодой можно, послав России помощь по «Междуземному морю» — «и было б то на свете славно и дивно, и чает он, . . . что тот бусурманин от таких великих монархов в малое б время пропал». Но турки, воевавшие с цесарем, были тогда друзьями французов, и маркиз ответил, что король их тому друг, кто с ним живет дружно, «а турки де им никакого зла не творят, и такого к ним неприятства казать не надобно». Возницын воззвал к христианским чувствам: король — государь военный и сильный, пристойно было бы ему «для чести божией» обратить свое оружие на «врагов креста Христова», из чего была бы не только слава, но и душе польза. На что посланник отвечал, что «вера — дело стороннее; королю его, хотя кто и христианин да делает зло, того он вменяет горше бусурмана и почитает за врага себе и с таким управляется — а вера на своей стороне». Не встретив в собеседнике сочувствия своим агрессивным настроениям против турок, Возницын перевел разговор совсем в другую и далекую от «врагов креста Христова» и христианских чувств сторону и спросил француза: «для чего корабли их к пристани его царского величества государств у города Архангельского не бывают?, а естли б были, могли себе прибыль многую сыскать, потому что мочно дешевою ценою купить хлеба, сала, мяс, юфти (кожи); поташу, смольчуги. — И облегат сказал, что за войною, которую имели с агличаны и галанцы. А ныне, слыша о дешевизне хлеба, будет писать о том. . . к королю своему. И великой и полномочной посол паки спросил: Где ныне королевское величество и в каком состоянии пребывает и что ему от роду лет? И облегат сказал, что королевское величество пребывание свое имеет во здравии в Париже, и ныне ему пошел на шестьдесят первой год. И великой и полномочной посол еще вопросил о Гишпанском королевстве, что ныне есть? И обле-

гат сказал: ничего де ныне о том нет, потому что которого называли наследником, курфистра Баварского сына, тот умер, а король гишпанской здоров». Далее маркиз объяснил Возницыну родственные связи французского дома с испанским, по которым Людовик XIV требовал испанского наследства для своего потомства, прибавив, что ближе короля и сына его и внучат наследников нет, и ссылался на закон Карла V, «цесаря гишпанского», о переходе наследства по женской линии, если не будет мужской. Затем «спрашивал о его царского величества летех. И великой и полномочной посол сказал, что по милости божией двадцать осмой год имеет и воин непобедимый и искусный. И облегат говорил: и они де о том слышат и признавают, что Московское государство никогда в такой славе и силе, как ныне есть, не было». После этих слов маркиз пригласил Возницына перейти в другую комнату, «просил великого посла в особую полату, казал персоны королевскую, сына его — дельфина (sic) и детей его, брата королевского Деконтия и несколько побочных королевских сыновей и дочерей». Посмотревши портреты королевского семейства, Возницын откланялся маркизу, который проводил его «со всякою честию» до кареты [1].

В те времена наряду с явной официальной дипломатией существовала еще тайная, через которую государи вели свою политику параллельно с международными отношениями правительств и секретно от последних. Система такой тайной дипломатии была особенно принята у французских королей, и еще раньше, чем обмениваться визитами с официальным французским посланником, Возницын принял тайного французского агента. «Здесь, в Вене февраля в 17 день, — доносил Возницын, — явился мне прежде бывшей француз, говорил с ним пространно». Слова «прежде бывший» следует, как это выяснится ниже, понимать в таком смысле, что он был в русском посольстве раньше, еще при самом Петре. Возницын высказал ему пожелание, чтобы от короля было сделано предложение царю посетить Францию. Предложение можно сделать хотя бы не непосредственно, а, например, в форме письма кого-либо из министров к нему, агенту, а он уже мог бы предъявить письмо Возницыну. Агент сказал, что король желал видеть царя в своем государстве, и этот вопрос, принимать ли и призывать ли его, обсуждался в королевском совете, причем все были согласны и только один голос был против. Он, агент, получил приказ ехать вслед за царем на почтовых в Венецию, там проведать о намерениях царя, и если бы царь пожелал быть во Франции, тотчас же об этом донести; тогда бы король прислал для него корабли в Ливорно [2] или в Пизу под видом купеческих. Но так как царь уехал из Вены в Москву, то дело

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 540—543, 549.

[2] Так, вероятно, надо читать вместо написанного в записке Возницына и Статейном списке: «Лизбону».

это пресеклось. Если же царь хотел бы теперь приехать во Францию через Италию или по Балтийскому морю в Дюнкирхен, то король, думает он, «по тому ж своему намерению учинит». Возницын заметил, что если у короля есть желание принять государя, то можно бы в соответствующей форме об этом отозваться и тем царское величество обнадежить, причем далее добавил, что «царское величество... имеет такую склонность, чтоб ему видеть чужеземские государства, а наипаче слыша о его королевского величества добронравных поведениях и о воинских и политических поступках»; но отсутствие приглашения может служить затруднением. Агент говорил, что король их «во всяких делех искусно поступает и прежде времени и не осведомясь подлинно, явно не вступает, а чает де о том же и Кро (т. е. поступивший на русскую службу герцог де Кроа) его царскому величеству доносил же». Если бы царь был в Италии, «чаял бы, чтоб могло то быть, а чтоб де к Москве, и о том не знает, потому что король его все дела свои с высоким осмотрением управляет». Агент заявил далее, что король намеревался послать купцов своих в Китай и просить царя о пропуске; однако это причинило бы досаду англичанам и голландцам, да в ту пору заболел испанский король, и это намерение было оставлено. Возницын уверил его в согласии царя на такой пропуск и затем спросил: «о том о всем помянутом здешнему их послу господину маркизу ведомо ль?» Агент сказал: «отнюдь нет, потому что у них при дворе тот только ведает, кому какое дело вручат». На прощание московский посол сказал агенту, чтоб он еще с ним повидался, — что̀, однако, не состоялось, — и в заключение, пишет Возницын, «я ж его спросил, где он доселе был и со мною не видался? Он сказал: в розных местех, ездил для учения немецкого языка» [1].

Хотя агент и уверял, что официальному французскому представителю маркизу де Виллару о его переговорах было неизвестно, однако на самом деле посланник был о них осведомлен. В передней маркиза во время визита к нему Возницына 2 марта дворяне маркиза спрашивали русского переводчика Петра Вульфа: «давно ль был у вас наш француз? Он сказал: который? Они: тот, что видел царское величество здесь, в Вене. Он сказал: я его не знаю. Они говорили: что от нас таишь? Мы ведаем, что он к послу вашему ходит и от нашего то не тайно» [2].

В тот же самый день, 2 марта, когда Возницын вел такие любезные разговоры с французским посланником де Вилларом, в совершенно иных тонах ему пришлось иметь объяснения с голландским посланником Гоппе. Дело заключалось в том,

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела австрийские 1699 г., № 2, л. 29—31. Пам. дипл. сношений, IX, 527—529.

[2] Пам. дипл. сношений, IX, 549.

что Гоппе не отвечал на визит, сделанный ему Возницыным еще до отъезда на конгресс. Возницын, не снисходя до непосредственных переговоров, приказал переводчику Петру Вульфу вызвать от своего имени секретаря голландского посольства, и, когда тот явился, Вульф «выговорил» ему, что «великой и полномочной посол ему, посланнику, по обычаю политики европской визиту наперед сего отдал, а он, посланник, до поезду его, великого посла, в Сирмию и ныне по приезде его в Вену, той визиты ему не заплатил», — этим он презрел ту честь, которая оказана была ему такого великого монарха послом. Между тем не только послы, но и все министры цесарские отвечали ему визитами. Голландский посланник, выслушав доклад своего секретаря, вновь прислал его, «отговариваясь болезнию и будто приезду его в Вену не ведал». Вульф сказал секретарю, что «за тем выговором, та его визита великому послу более не нужна», — т. е. что московский посол, сделав выговор голландцу за его неучтивость, считал его визит более ненужным и честь московского государя этим выговором восстановленной. При этом Вульф заметил, что «то их посланник учинил, не зная гражданства и, знатно, от необыкновения в таких случаях»; великий посол будет о таком его «неисправленьи и бесчестьи» писать к царю. В ответ на эти замечания Гоппе просил прислать к нему кого-либо из русских, кого пристойно. «И великой и полномочной посол велел сказать, что посылать не для чего». Тогда Гоппе вновь прислал своего секретаря сказать, «что посланник де их той визиты, когда уже ему, великому послу, не надобно, отдавати не хощет; а что де ему говорено, что он не гражданин и обычаев не знает, и он де гражданин, и обычай знает лутче, нежели он, великой посол». Возницын приказал разговаривавшему с секретарем Вульфу сказать ему, что он, Вульф, «по совету с иными дворяны и с писари» передать этих слов великому послу не смеет, «чтоб из того не уросло что к бóльшей ссоре»[1].

Вскоре же по приезде Возницына в Вену скончался глава цесарского дипломатического ведомства канцлер чешский граф Кинский. 18 февраля «присылала к великому и полномочному послу канцлера ческого графа Кинского жена с объявлением, что мужа ее не стало, а обыкновенно де у них о том изъявлять добрым друзьям. И великой и полномочной посол, споболезнуя о том и за присылку благодарствуя, присланного отпустил»[2]. За смертью канцлера Возницын должен был обращаться по делам к вице-канцлеру графу Кауницу и 24 февраля имел с ним «приватную конференцию» по некоторым интересовавшим тогда московское правительство вопросам. Вопросы эти касались трех предметов: титула московского государя, некоторых подробностей при церемонии приема московских дипломатов при цесар-

---

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 543—545.
[2] Там же, 529.

ском дворе и, в-третьих, положения православных сербов в пределах Габсбургской монархии. Относительно титула Возницын домогался его пополнения сверх заключавшихся в нем и употреблявшихся австрийским двором именований, еще именованием «величества — маестатис», словами «божиею милостью» и эпитетом «великий государь». Изменение в церемонии приема московских дипломатических агентов, которого просил Возницын, заключалось в следующем: ответную грамоту московскому государю цесарь передавал на аудиенциях московским послам собственноручно, а посланникам и гонцам через вице-канцлера; Возницын просил о собственноручной передаче грамот также и последним, т. е. посланникам и гонцам. Наконец, просьба о православных сербах заключалась в том, чтобы им были подтверждены данные им привилегии, гарантирующие им свободу вероисповедания, занимаемую ими территорию, положение их патриарха, и к этой просьбе Возницын присоединял еще ходатайство об освобождении сербского деспота Георгия Бранковича, находившегося под караулом в Вене. Об этой приватной конференции Возницын на следующий день, 25 февраля, писал в Москву Л. К. Нарышкину в приведенном уже выше письме, в котором он сообщал, что брачные торжества и масляница задержали ход дел. «А в 24 день имел я приватную конференцию с вице-канцлером Кауницем, говорил и домогался о исполнении (пополнении) титл его царского величества, то есть: божиею милостию, великого, маестатис. Потом предложил о вольности и о уделе земли и о свободе веры сербскому патриарху и всему тому народу, также и о свободе деспота Георгия Бранковича, который за караулом в Вене... О чем о всем вице-канцлер хотел донести его цесарскому величеству и мне отповедь учинить»[1]. Кауниц просил представить краткое письменное изложение этих просьб, и, когда это изложение было представлено, на него последовал письменный же и, разумеется, категорически отрицательный ответ по тем пунктам, которые касались титула и посольского церемониала — предметы, в которых габсбургский двор был особенно неуступчив. Австрийцы указывали, что титулом «величества» из всех всей вселенной королей украшается только римский император, который никому из королей такого титула не дает. Слова «божиею милостию» и именование «великий государь» не в обычае прибавлять и к королевским титулам. Более мягким и благоприятным был ответ относительно сербов. Вольности и права сербов останутся ненарушимыми, с тем что и римские католики в Московском государстве будут пользоваться такими же вольностями. Ответ относительно Бранковича был уклончивый[2].

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела австрийские 1699 г., № 3, л. 15.

[2] «О деспоте Георгии Бранковиче потребное сие изображение священное цесарское величество повелит» (Пам. дипл. сношений, IX, 545—547).

14 марта состоялась торжественная прощальная аудиенция московскому послу у цесаря. Парадный выезд его во дворец, встреча в разных пунктах дворца при шествии в аудиенц-залу, обращенная к цесарю речь посла, приказание цесаря передать его поздравление царю, ответная речь, сказанная от имени цесаря вице-канцлером, проводы посла и возвращение его на посольский двор — все это совершалось в тех же формах, как и на предыдущей приемной аудиенции. После аудиенции послу на его двор было прислано угощение: «Стол цесарской был великому и полномочному послу на посольском дворе, подчивали великого и полномочного посла пристав его барон Кёниксакер, Лебенштать, Паратин (Барати), комисар Яган фон-Гаренне, переводчик Адам Стилла». Угощение сопровождалось обычными тостами[1]. На следующий день были присланы от двора посольству, в том числе и первым двум послам, подарки, заключавшиеся в серебряной посуде: Лефорту «скрынка (ящик), а в ней мелкие суды (сосуды), и иные надобья, 2 подсвешника великие, от земли стоящие, судок столовой большой и с подсвешники, лохань с рукомойником, два водоноса, коробка» — всего три пуда серебра; Ф. А. Головину — 2 пуда: «судно великое, что стеклянные суды или рюмки во время стола моют, два кувшина-водоносы, лохань, 6 подсвешников стенных»; Возницыну — 12 блюд, 12 тарелок, 2 солонки, 2 шандана — всего пуд. Дворянам второго посла, именно: сыну Федора Алексеевича Головина И. Ф. Головину и брату посла А. А. Головину, уехавшим в Берлин учиться, а также племяннику Лефорта — Петру Лефорту — в посуде по три фунта человеку, прочим дворянам, подьячим и священнику — по фунту, переводчикам — по два фунта. Не был забыт и остальной персонал посольства: толмачи, собольщик, сторож и конюший получили по ¾ фунта, люди посольские и гайдуки — деньгами по 12 гульденов, люди дворянские и иных чинов — по 6 гульденов. «И великой и полномочной посол присланных с тем жалованьем дарил, а что кому дано, и то писано в расходных книгах»[2].

LXI. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ И СОВЕТЫ ВОЗНИЦЫНА

Приняв прощальные визиты: графа Эттингена, собиравшегося уезжать в Константинополь, куда он был назначен послом, и поправившегося от полученных при разбойничьем нападении ран графа Марсилия, который был назначен комиссаром по проведению границ с Турцией, и отпустив доктора Посникова для научных занятий в Амстердам, Возницын 16 марта выехал

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 569—573.
[2] Там же, 576—577.

из Вены домой, сопровождаемый до границы приставленными к нему комиссаром и толмачом[1].

Прежде чем последуем за ним в его пути от Вены, посвятим некоторое время рассмотрению его взглядов на внешние отношения России и ознакомлению с теми его политическими проектами и советами, с которыми он выступил перед Петром по окончании Карловицкого конгресса. Очевидно, совершившееся на его глазах, а что касалось России, совершенное при его ближайшем участии дело, во-первых, вызывало в нем потребность, оглядываясь назад, дать оценку тому, что произошло, а затем, предусматривая будущее, наметить дальнейшие шаги и посоветовать дальнейший образ действий. Его советы тем интереснее, что некоторые из них были осуществлены в действительности, потому ли, что они совпадали с намерениями Петра, или же потому, что они Петром были приняты во внимание, и он послушался их. Свои размышления о значении совершившегося и свои взгляды на будущее Возницын пространно изложил в трех документах: в записке к Л. К. Нарышкину и Ф. А. Головину, составленной при отъезде из Петервардейна и датированной днем отъезда, 24 января, и в двух шифрованных письмах к самому Петру — от 18 февраля из Вены и от 16 марта, при отъезде из этого города. Писания эти имеют то же значение, какое в наши дни имеют докладные записки, с которыми выступают современные нам дипломаты перед своими правительствами. Служа материалами для характеристики международных отношений в тот или другой момент, эти записки могут служить и для характеристики взглядов их авторов как дипломатов. Письма Возницына позволяют нам составить представление о нем как дипломате со стороны его теоретических взглядов в то время, как акты конгресса рисуют нам его как дипломата с практической стороны в его деятельности.

В этих докладных записках Возницын касается отношений России к трем ее соседям — шведам, полякам и туркам. Находясь еще в Петервардейне, он из присланных ему венских курантов почерпнул известие, что царь намеревается требовать от шведского короля Нарвы и прочих прибалтийских городов. Очевидно, молва о намерении Петра обратить оружие против Швеции начала уже обходить тогда Европу, и Возницын не может удержаться, чтобы не высказать своего взгляда по этому поводу. Мысль воевать со шведами и исторгнуть от них потерянное и «неправдою» ими «завладенное» встречает с его стороны полное одобрение; но для этого необходимы, во-первых, время, а затем безопасность со стороны турок, татар и в особенности поляков, которые, по мнению Возницына, «нам вяще всех народов враги и мыслят вся злая на нас и ждут времени». Эту тему о польской вражде к России Возницын затем развивает весьма подробно и не щадя красок, с оговоркой, что,

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 593—594.

хотя все излагаемое и известно царю, «хотя государское премудрое рассмотрение и без сего убогого доношения преизобильствует, однако, видя злость польскую», для него невозможно было по его усердному простодушию умолчать. Как забыть и как отнестись легко к предательству поляков, сказавшемуся в том, что, оставив союзное обязательство, они помирились с турками? да и помирились «ни на чем», на тех условиях, которые визирь еще в Царьграде обещал посредникам. Приводится далее доказательство польской злости, целый ряд свежих только что совершившихся фактов, именно поступки на конгрессе польского посла, который приказывал туркам, чтобы с нами не мирились, обещая им в таком случае помощь со стороны Польши. Не мог Возницын забыть и того, что польский посол не хотел иметь с ним сношений на конгрессе, приводя причиной этого вопрос о первенстве мест. Но я, пишет Возницын, будучи послом одного из семи главных монархов — здесь он проводит идею о значении «великих держав» в Европе — как мог не охранять чести своего государя? За это осудил бы меня весь свет еще раньше государева гнева. Притом я, пишет он далее, добивался первенства не силою, а «радением», жил во время конгресса не в Петервардейне, как поляк, а терпел всякую нужду и стужу и с места конгресса никуда не отступил. Каждое воскресенье и каждый праздник я ездил в Петервардейн к обедне и после службы приватно заезжал к польскому послу, прося и напоминая о соглашении — но он никогда у меня не был. Если бы я лично оказался перед ним в чем виноват, то следовало оставить это в стороне, а смотреть только на настоящее дело. «Наши прецеденцыи или поступки» будут разобраны впоследствии, а портить из-за них настоящего дела и отступать не следовало; теперь же уже испорченного дела ему не поправить, «того ему уж не возвратить, что он пьянством своим не уберег». Малаховский во время конгресса осмеливался в дипломатических бумагах ставить имя царя ниже венетов и даже в бумагах, обращенных к Возницыну, не титуловал царя ни величеством, ни великим государем, а в разговоре с доктором Посниковым «неистово толковал о чести его царского величества», очевидно, ища предлога к ссоре. Он был прислан не от короля, а от республики, от поляков, которые злобны к нам и всегда помышляют вернуть себе завоеванное нами у них, для того и Деконтия на королевство выбирали. Если бы стали возражать, что распоряжение их короля иное, что он их до того не допустит, то надежды на короля плохи, он не имеет у них силы. «Подлинно ведаю, — пишет Возницын, — что уже не рад сему королевству; погубил сим королевством и свое курфирство и бог ведает, к чему его приведут». Возницын хорошо знал польские дела и настроения, потому что был ранее резидентом в Польше. Польская вражда, действительно, могла служить немалой помехой для будущего предприятия против шведов. О примирении и соглашении с поля-

ками надо было предварительно всячески позаботиться: «с ними надо опасно (осторожно) поступать и их намерение вовсе истребить».

Надо также обезопасить себя и относительно турок. Турецкие послы во время визита к Возницыну выражали желание, чтобы в Царьград был послан гонец с уведомлением о принятии перемирия. Это сделать не худо, чтобы успокоить их и отнять у них всякую мысль о приготовлениях русских к войне. Но такого гонца непременно надо послать в Константинополь морем. Граф Марсилий передавал Возницыну, что в разговоре с ним турецкие послы говорили о русских кораблях: «которые де у царского величества корабли готовятся у Азова и те де в Черное море не пройдут, а за чем — за мелью или за непропуском, о том он их не спросил». Из этого разговора видно было, как беспокоили турок морские сооружения и приготовления в Азове; высказываемая ими надежда на недействительность русской морской силы была только прикрытием того страха, который они перед этой силой испытывали. Прибытие дипломатического гонца в Константинополь морем должно было произвести там большой эффект, и на такой эффект и рассчитывал Возницын, давая совет, впоследствии исполненный Петром, послать агента морем: «добро б морем, хотя одним кораблем». Он советовал также на этом же корабле послать сведущих в морском деле людей для собирания сведений: «послать знатных к морскому делу и ведущих людей, которые при таком случае могут все рассмотрить и описать, и приметить». Турки желают, чтобы для заключения мира или продолжительного перемирия явилось в Царьград наше посольство. Но Возницын не советует отправлять большое посольство; послы окажутся там в руках турок и не будут располагать необходимой для переговоров свободой. Лучше вести мирные переговоры на съезде в каком-либо ином месте, потому-то он так и противился домогательству турок включить в перемирный трактат статью о присылке послов в Константинополь[1].

Вопрос об отношении к Турции вновь подробно обсуждается Возницыным в письме к Петру от 18 февраля. Письма Петра из Москвы от 1 и 6 января, в которых царь, опасаясь остаться один в войне с Турцией и, может быть, также под влиянием все прогрессирующей мысли о войне с Швецией, ради которой надо было помириться с турками, соглашался на некоторую уступку в смысле разорения приднепровских городков и предписывал Возницыну, если уже конгресс разошелся, снестись с турками через особую посылку — эти письма были получены последним слишком поздно. «Те твои государевы указы, — пишет Возницын, — много опоздали, и уж как турков, так и посредников кроме Царяграда, сыскать ныне негде». Турки тогда, как и русское посольство, поехали домой прямо к Царь-

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 513—516.

граду или к Адрианополю, где ныне султан. Посредники хотели жить в Белграде, ожидая согласия Венеции на мир; теперь это согласие пришло, венецианцы приняли прелиминарный договор, подписанный за них цесарцами, соответствующие инструкции к Рудзини в Петервардейн посланы, он передал экземпляр трактата за своею подписью посредникам, и потому посредники теперь также уехали из Белграда. Да, впрочем, если бы они там и были, то все равно, никакой бы помощи не оказали. Возницын успокаивал далее царя в его опасении, как бы не пришлось остаться одним в войне с Турцией. Тревожиться нет оснований. Турки склонны к миру. Это положение Возницын развивает и доказывает подробно. «Только, повидимому, турки с тобою, государем, склонны к миру. А чтоб, государь, кто рассуждал или мыслил, что турки, учиня со всеми мир, а нам дав малое перемирие, после б восхотели (обратить) всю на тебя, государя, войну, отнюдь того не чаю». Если бы в самом деле они хотели войны, то кто им помешал бы вести ее теперь же, когда нам не только ни от кого помощи никакой не было, но еще и вред чинили? «Да и то должно рассудить, для какой прибыли туркам с тобою, государем, воевать?»

Для приднепровских городков? Но уже выражено царем согласие на их уступку. Для Азова? Но он не будет стоить тех затрат, которые надобно им будет на него сделать. О походе на какие-либо отдаленные русские или украинские города они и не помышляют. Эти города им не нужны, вследствие их отдаленности. Возницын в подтверждение своей мысли, что туркам невыгодно овладевать русскими городами за их отдаленностью, ссылается на пример Чигирина и Каменца. Чигирин они взяли, однако нельзя было его удерживать и пришлось бросить «за отдаленностью». Будучи в Царьграде после чигиринской войны, он сам слышал от многих, что тогдашний визирь, если бы не заключил с нами мира, то был бы убит, до такой степени народ был раздражен огромными потерями, которые были вызваны не столько чигиринской войной, сколько отдаленностью завоеванных мест. Вот и теперь они отдали полякам Каменец не из страха перед поляками и не по какому-либо принуждению, а только для того, «что от них отдалел и им бесприбылен и по премногу убыточен». Турки, отдохнув и оправившись, будут думать скорее об иной войне: о возвращении Венгерской и Седмиградской земель и Мореи и других. Немцы «завоевали у них зело много и прямо смотрят к ним в Царьград», до которого уж им недалеко, и турки всячески будут думать освободиться от этой опасности. Возницын рассказывает далее о том тяжелом и затруднительном положении, в каком он находился на конгрессе: с одной стороны, как заключить невыгодный мир, зная о сделанных приготовлениях к войне и затратах и о намерении царя воевать? с другой — как остаться государю одному в войне и взять на себя такую тягость, а инструкций об уступке не имел, потому и заключил

краткое перемирие. Теперь, если государь пожелает заключить мир с уступкой, подобно тем, на какие согласились все союзники, и устранить все причины к войне, то как можно скорее надо послать к туркам, «хотя не гораздо знатную особу, только умную, который бы объявил им, что ты, государь, в миру быти с ними желаешь и послов своих послати изволишь, только б объявили, на чем они хотят в миру быть?» Пусть эта умная особа разведает о турецких условиях, будут ли они настаивать на разорении городков и не явится ли с их стороны еще какой тягости, и, разведав, установит с ними мирный договор. Этот совет был также осуществлен Петром в виде посылки в Константинополь думного дьяка Емельяна Украинцева, именно особы незнатной, но умной. Торжественное же посольство, которого так желали турки, можно отправить к ним для ратификации договора и в этом их обнадежить. Если же турки показали бы со своей стороны какое упрямство или какие-либо иные непристойные запросы, то пусть такой посланник о том пишет царю, а туркам скажет, что за такими тягостями мир едва ли может быть заключен. С турками надо держать себя твердо и никакого смирения не выказывать: «поступать смело и дельно и себя смиренно знать не надобно давать». Но несомненно, что они склонны к миру и заключат мир [1].

В письме от 16 марта Возницын, возвращаясь опять к запозданию царских писем от 1 и 6 января, предлагает новый способ заключения мира, если, действительно, есть склонность его заключить,— обратиться к добрым услугам и посредничеству цесаря. Для этого надо будет прислать в Вену специального посланника, «умную и легкую особу», только не посла. Послов цесарцы не любят из-за больших расходов, связанных с их содержанием, и потому не рады их у себя видеть. Следует особой грамотой просить цесаря, чтобы взялся за это дело. Правда, цесарцы перед нами во многом виноваты, и Возницын насчитывает пять их вин: не сдержали союза; не предупредили о намерении заключить мир, когда видели наши приготовления к войне и наем военных людей, и тем ввели нас в убытки; приняли «основание» мира без совета с нами; презрели нашу просьбу о продолжении войны; на съездах не оказывали нам помощи. Есть за ними и другие вины; но именно, припоминая свой грех, сознавая свою неправду и видя нашу сравнительно с прежним уступку — «авось в том деле (т. е. в услугах к заключению мира) они полезно поступят и к совершенству приведут», — достигнут положительного результата. Во всяком случае, от такого опыта, если он и не удастся, убытка нам не будет. Для ускорения дела Возницын предусмотрительно написал турецким послам, чтобы будущие турецкие послы, которых пришлют в Вену, были снабжены полномочиями для заключения мира с Россией [2].

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 529—533.
[2] Там же, 578—580.

Итак, мысль о нападении на Швецию с целью отнять у нее старинные русские земли вызывает у Возницына сочувствие. Но он считает необходимым предпринимать такую войну не сразу и предварительно обезопасить себя со стороны Польши и со стороны Турции. Для безопасности со стороны первой надо как-либо угасить и искоренить вражду к нам поляков. Для безопасности от Турции надо заключить с ней мир или длительное перемирие. Есть два способа заключения мира: первый: послать в Турцию и непременно морем незнатного, но умного дипломата, которому и поручить это дело, соглашаясь на разорение днепровских городков, если уже подобные же уступки сделаны всеми союзниками, но во всем остальном проявляя большую твердость. Второй путь: обратиться к посредничеству цесаря. Мы впоследствии увидим, какими путями пошел во внешней политике Петр и что́ из советов Возницына ему пригодилось.

LXII. ПУТЬ ОТ ВЕНЫ ДО МОСКВЫ

Нам остается теперь, прежде чем распроститься с Возницыным, сказать несколько слов о его обратном путешествии из Вены до Москвы. Путь от Вены до границы с Польшей лежал на города Ольмюц, Опаву (Оппельн?) и Бреславль. В Опаве, где проведен был праздник благовещения, длинный посольский обоз, состоявший из трех карет, колясок, в которых ехали дворяне и подьячие, пяти крытых телег, на которых помещался низший персонал посольства, телег с имуществом и верховых, был значительно уменьшен. Были отпущены на Москву через Варшаву с государевыми каретами и лошадьми, а также с мулами и верблюдами, полученными в подарок от турецких послов, дворянин Владимир Борзов и подьячий Михайло Волков с подробным наказом, как беречь лошадей и верблюдов[1]. И в Ольмюце и в Бреславле послу была оказана почетная встреча, к нему являлись с приветствием члены городского самоуправления и подносили подарки: в Ольмюце поднесли 8 больших оловяников (кувшинов), в Бреславле — 16 оловяников рейнского. В Бреславле посол пробыл с 31 марта по 6 апреля и нанял здесь подводы до Торна. 8 апреля на австрийской границе, в 9 милях от Бреславля, он простился с цесарским комиссаром Яковом фон Гаренне. От Вены до границы шли поденные деньги из цесарской казны в том же размере, в каком они выдавались в Вене. «И в дороге, — замечает Статейный список, — во всех городех и местех дворы даваны без найму добрые и прием был везде со всяким почитанием»[2].

[1] Лошади и верблюды благополучно пришли в Смоленск, откуда в январе 1700 г. были отправлены в Москву (Арх. мин. ин. дел, Приказные дела 1700 г., № 105, л. 5—8).

[2] Пам. дипл. сношений, IX, 612.

Рис. 29. Курфюрст бранденбургский вступает в г. Эльбинг.
Гравюра на календарном листе 1699 г.

Переехав польскую границу, члены посольства продолжали путь уже как частные путешественники, на наемных лошадях, платя за остановки на постоялых дворах. В местечке Кротошине, в Инвлаславском воеводстве, праздновали «светлое христово воскресение». 15 апреля прибыли в Торунь (Торн). Отношение было уже иное. Еще с пути Возницын посылал в Торн к президенту и бургомистрам подьячего говорить о дворе; бургомистры в том отказали. Пришлось стать на наемном дворе. 17 апреля, наняв у торунского мещанина судно до Эльбинга, посольство поплыло вниз по Висле, минуя города Хельм (Кульм), Груден (Грауденц) и Гнев (?). «И прошед Гнев, разделяется река Висла на двое: вправо вошла к Эльбингу, а влево ко Гданску (Данцигу)». Посольство взяло вправо к Эльбингу и, проплыв 4 мили, прибыло в Малборк (Мариенбург), «город знатной и великой, старое каменное здание стоит направе, против него чрез Вислу мост деревянной». Отсюда был послан в Эльбинг подьячий Федор Буслаев к коменданту Горну говорить о дворе. Двинувшись из Мариенбурга и пройдя шлюзы, 20 апреля прибыли в Эльбинг — «город изрядный и многолюдный, и стройный, и богатой, и пристань корабельная», как замечает Статейный список. «И как пристали шкутою к берегу близ города, и тогда для приезду посольского стреляли из пушек и множественного народа жители, из града к пристани вышед, смотрили того приезду. Постоялой двор отведен был по комендантову приказу в городе, только великой и полномочной посол за болезнию своею в городе не стал,

а стал близ пристани на берегу; у того ж двора и караул был приставлен с переменою до отъезду»[1]. Об этой своей болезни Возницын писал через несколько дней в Москву Л. К. Нарышкину и Ф. А. Головину, «что с самой Сирмии от тамошних злых ветров и стужи и большой нужи учинился болен и доселе стражду скорбутикою и ныне лежу недвижим, токмо терплю во всех своих костех и жилах великий лом и нестерпимое грызение и веры неймется, могу ль доехати жив до Москвы»[2]. Болезнь оказалась настолько серьезной, что пришлось пригласить местного эльбингского доктора, с которым больной разговорился о городе Эльбинге. «В том же городе, — читаем в Статейном списке, — приходил к великому и полномочному послу дохтур, тутошней житель, человек зело разумной, которого великой и полномочной посол спрашивал о том Эльбинге пространно». В ответ доктор рассказал подробную историю захвата Эльбинга бранденбургским курфюрстом. Еще при короле Яне-Казимире, во время московской войны, Речь Посполитая заняла у курфюрста 600 тысяч червонных золотых — шесть бочек по сто тысяч червонных в бочке — и в этом займе с процентами заложила город Эльбинг. Срок давно прошел, а Речь Посполитая не только роста, но и истинных денег не заплатила. Курфюрст по истечении срока хотя многие годы и напоминал о платеже, однакоже, ввиду того что Польша вела войну против турок в союзе с христианскими государями, терпел и ничего не предпринимал. Когда же усмотрел, что поляки заключили с турками мир, тогда тот город «заехал». Самый захват произошел таким «подобием»: сперва курфюрст прислал генерала Брандта с пятитысячным отрядом без пушек. Брандт уговаривал бурмистров и мещан сдаться, но они, не желая быть «под владением курфистовым и вольности свои потерять, не сдалися», потому что платили Польше всего только 2 000 золотых в год, и то не как подать, а «во образ вспоможения коруны польской». Генерал на некоторое время удалился, но затем подошел к городу с семнадцатитысячным отрядом и с пушками. Эльбингцы тщетно посылали с просьбой о помощи к королю, в соседние польские города и в Данциг, но ничего из этого не вышло, а между тем Брандт открыл по городу пальбу из пушек. Из города сначала отвечали, но затем немцами была брошена бомба «в самую пристань, пред градовые враты и попала в воду, которой весь город ужаснулся, так великая и так сильная, что дивно слышать: горела и трещала, и рвала с четверть часа, и всю пристань возмутила и суды переломала». Эффект немецкой артиллерии оказался решительным: «граждане, то видя, убоясь, город сдали». Немцы, заняв город, налагают на него свою сильную руку: «день ото дни вольности их отсекают и в свою власть принимают

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 614, 617.
[2] Арх. мин. ин. дел, Дела австрийские 1699 г., № 3, л. 66 (от 26 апреля из Кёнигсберга).

крепко... кругом города на реках и на прокопных водах строят шанцы и крепости многие и укрепляют тот город сильною рукою». Эльбинг вел торговлю хлебом; теперь торговая жизнь города остановилась, и он разоряется: «хлеба, которого множественное число обретается, отпускать никуды и продавать не велено... Итак те граждане зело по своей вольности тужат, да и для того, что к тому Эльбингу многие села и деревни належат, и в тех деревнях стоят на хлебе саксонские войска. И оттого де они со всех стран пришли к великому разорению и многие мещане хотели ехать, покиня домы свои, в иные вольные городы, но и того им не позволено». Натянутые отношения между жителями и немецким гарнизоном были сразу же, в день приезда, замечены русскими. В этот день разыгралось одно из столкновений между городской администрацией и немецким командованием. Этот эпизод попал в Статейный список. Когда жители вышли на пристань смотреть на прибывшее русское посольство, комендант города фон Горн «незнаемо каким вымыслом все городовые караулы того града у мещан отнял и своих поставил много; также и у цекаузов (цейхгаузов) и у иных казенных мест замки поломав, замкнул своими и запечатал своими печатьми... чему граждане зело удивились и опечалились», потому что ранее караулы в городе несли городовые солдаты под ведением бургомистров и ратманов [1]. Обо всем виденном и слышанном в Эльбинге Возницын писал подробно в Москву Л. К. Нарышкину и Ф. А. Головину [2].

Из Эльбинга посольство выехало 23 апреля после обеда на двух судах-шмаках, данных комендантом, и при хорошей погоде «перебегли» 16 миль «гаваном», т. е. по Фриш-Гаффу, и к вечеру были в Кёнигсберге, где послу было отведено помещение в доме, в котором стоял там Петр в 1697 г. «Начальствовали в том городе в то время, — замечает Статейный список, — над городом комендант полковник Бреда, а в шанце, которой против того двора, где великой посол поставлен, жил генерал Брант и правительствовал над всею Пруссией ратными людьми; у него ж готовых солдат десять тысяч человек, да в Эльбинге с комендантом же три тысячи; смотрит на замыслы польские, а именно бережет Эльбинг» [3]. У коменданта Возницын просил подвод до прибрежного местечка Шакена, затем судов до Мемеля и от Мемеля вновь подвод до владений курляндского герцога. По этому случаю у коменданта происходило совещание с советниками курфюрста, т. е. с гражданскими чиновниками, и затем фон Бреда явился к Возницыну лично и объявил, что все будет учинено по его желанию. Из Кёнигсберга посол хотел захватить нанятых на русскую службу музыкантов, но узнал, что их увез с собой в Москву проезжавший туда послан-

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 614—617.

[2] Арх. мин. ин. дел, Дела австрийские 1699 г., № 3, л. 61—66; Пам. дипл. сношений, IX, 620—621.

[3] Пам. дипл. сношений. IX, 617—618.

ник курфюрста фон Принцен. Являлся к Возницыну находившийся в Кёнигсберге слуга Лефорта Генрих Якимов, посланный в Кёнигсберг для покупки ракетных станков. 27 апреля Возницын выехал в дальнейший путь и ночевал в Шакене. Оттуда на утро в четырех судах по Куриш-Гаффу отправился в Мемель, где был 29-го. В Мемеле из-за сбора подвод и опять из-за болезни простоял три дня и выехал оттуда 2 мая до Руцавы, пограничного места герцога Курляндского, к которому еще из Кёнигсберга писал о своем прибытии и о подводах, а из Мемеля послал для переговоров о том же подьячего Федора Буслаева. В Руцаве пересели на оказавшиеся «зело худыми» курляндские подводы и остановились в имении герцогини Курляндской, деревне Тайлуке[1].

Сюда 5 мая явился из Митавы приветствовать Возницына с приездом назначенный к нему в пристава ротмистр Яган-Вильгельм Кошкель, привезший с собой для продовольствования посольства герцогскую кухню. Были присланы также шесть лошадей с герцогской конюшни под посольскую карету. После обмена приветствиями и любезностями Возницын подробно выспрашивал его об отношениях в герцогской семье и о положении Курляндии: «как поводится между князем младым и княгинею и опекуном князем Фердинандом, нет ли между ими какой ссоры и кто соизволил ему (князю Фердинанду) у младого князя опекуном быти: княгиня ль или их президенты и есть ли между ими согласие?» Кошкель рассказал Возницыну, что князь Фердинанд со своим братом, умершим герцогом Курляндским, не видался лет с двадцать, ездил повсюду и служил при разных дворах, а когда услышал о смерти брата, то испросил у польского короля согласие, чтобы ему быть опекуном над малолетним герцогом. У них в Курляндии такое право: когда герцога не станет, а дети останутся в малых летах, то правительствуют министры. Сначала герцогиня этого опекунства дяди не хотела и вместе с министрами ему сопротивлялась, но теперь она и некоторые министры с князем Фердинандом согласились, потому что он ничего вредного не делает; но некоторые министры не согласны, не хотят нарушать старого права и поехали к королю домогаться, чтобы того опекуна отставить. Только, по его мнению, ничего они тому опекуну «не учинят», потому что он пользуется королевским расположением — «король до него добр». Курляндия страдает от непомерных королевских поборов: король на всю Курляндию наложил великие поборы, просит вопреки обычаю двести тысяч золотых, а если не дадут, грозит поставить у них свои войска постоем. «А они и без того отовсюду стеснены и... вовсе изубожали», однакож, сколько могут, соберут и отдадут королю. «А тот де запрос не токмо их убожит, но и вольность их ломает, чего у них преж сего никогда не бывало; а жили де они токмо под

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 620—624.

королевскою протекцыей» и ставили иногда небольшое войско, а податей никаких не давали и «во всем имели вольность, как и Литва»[1]. Эти разговоры Возницына в Эльбинге и по дороге в Митаву показывают, как московский дипломат пользовался каждым случаем, чтобы ориентироваться во внешних отношениях и во внутреннем положении тех стран, которые могли интересовать московское правительство. Отношения между Польшей и Бранденбургом, между Польшей и Курляндией и внутреннее положение прибалтийских государств будут вскоре важнейшими вопросами в русском дипломатическом ведомстве.

В герцогском имении, деревне Тайлуке, посольство в ожидании подвод ночевало три ночи и выехало отсюда 7 мая. Двигались медленно, так как подводы были из рук вон худы. В Митаву прибыли 11 мая. Прием был в высшей степени почетный. Навстречу послу за город выехал староста митавский с княжеской каретой в 6 лошадей для посла да с семью каретами для персонала посольства; конвоировала посольство рота конных мещан, а в городе по улицам, по которым посол проезжал, стояла пехота—мещане с ружьями, с крепости стреляли из пушек. Возницын благодарил герцога через старосту, а на следующий день, 12 мая, представился ему лично: «был. . . у молодого князя Курляндского и у матери его княгини в замке, воздал им благодарение за вспоможение в приезде его и за всякое довольство». Ежедневно во все время пребывания в Митаве посольство кормилось на герцогский счет: «подчиваны за столом отверстным (т. е. открытым) с церемониями». В благодарность посол перед отъездом отослал к князю, его матери и сестрам пять пар соболей[2].

16 мая Возницын выехал из Митавы в Ригу, предварительно списавшись с рижским генерал-губернатором Дальбергом о приеме и подводах. И здесь прием был не менее любезный и радушный. На шведской границе, в четырех милях от Риги, встретили посла от генерал-губернатора — майор, а от городского управления — президент магистрата с писарем. Были высланы кареты и подводы. Конвоировали посольство две роты мещан и рота конных рейтар, «сидели на лошадях со обнаженными шпагами». После произнесения приветственных речей «встречники», т. е. встречавшие Возницына майор и президент магистрата, просили его в хоромы, где учрежден был от городского общества — от мещан — обед. После обеда продолжали путь к Риге. Приехав к реке Двине, встречники пригласили посла сесть в яхту, которая была «зело изрядно вымалевана и красным сукном выбита». В ту же яхту сели вместе с послом и встречавшими посольские дворяне, переводчики, подьячие и трубачи, трубившие в серебряные трубы. Остальные члены посольства плыли в иных яхтах. Навстречу посольству вышло

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 624—626.
[2] Там же, 626—627, 631.

множество народа. Возницыну отведен был двор, в котором при проезде великого посольства через Ригу в 1697 г. стоял Лефорт. При дворе был поставлен караул из 50 человек. Посол не успел, как требовал этикет, отправить своих дворян к генерал-губернатору уведомить о своем приезде, как тот предупредил его, прислав его поздравить того же майора, который встречал его на границе. Возницын благодарил, «а притом оговаривался, что по гражданству довелось было ему, великому послу, к нему, господину губернатору, напредь прислать о проезде своем объявить и поздравить, но того не учинилось за скорым временем и чтоб в том он, господин губернатор, не зазрил; а пришлет он, великой и полномочной посол, к ним дворян своих заутра». Эта чрезвычайная любезность Дальберга, какую он проявил при встрече русского посла, заслуживает быть отмеченной ввиду тех событий, которые через полтора года произойдут между Россией и Швецией[1].

17 мая Возницын посылал к генерал-губернатору подьячего Михаила Ларионова и переводчика Петра Вульфа с благодарностью за прием и с просьбой о подводах для дальнейшего пути. Рижское городское управление прислало послу в почесть подарки: рейнское, померанцы и лимоны. В тот же день и на следующий являлись к нему «русские торговые люди: смольняне, дорогобужане, вязьмичи, калужане, болховичи, которые приезжают с товарами в Ригу; приносили в почесть ренское и сахар и говорили о своих справах и обидах, которые чинятся им в проезде королевством Польским и в Риге и подали челобитную». Посол, приняв челобитную, сказал, что доложит великому государю, «а их у себя кормил за столом». 21 мая Возницыну сделал визит находившийся тогда в Риге витебский воевода Криспин «и разговаривал о всяком настоящем поведении ласково и приятно». На следующий день Возницын «отдал ему взаимную визиту», ездил в генерал-губернаторской карете. Воевода в знак приязни подарил ему оправленную серебром турецкую саблю, на что́ он отвечал также подарком.

23 мая Возницын двинулся в дальнейший путь с такой же церемонией, как при встрече, предварительно написав псковскому воеводе. Из-за плохих дорог по Лифляндии ехали очень медленно. На пути посольство потерпело от воровства «лифляндских мужиков»: украдены были с воза большой ящик и сундук. На русскую границу, на речку Меузицу, посольство прибыло 30 мая и стало здесь на дворах. Отпустив на следующий день, 31-го, шведских провожатых, Возницын отправился в Печерский пограничный монастырь и на пути был встречен архимандритом[2]. Выехав из монастыря 1 июня, он 2-го прибыл

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 632—634.

[2] Во время пребывания посольства в Риге туда были привезены из Либавы кареты, оставленные там великим посольством при проезде за границу в 1697 г. Возницын довез их до Печерского монастыря, где и оставил до зимнего пути. Они были вытребованы отсюда в Москву в декабре 1699 г. (Арх. мин. ин. дел, Приказные дела 1700 г., № 105, л. 6).

во Псков. Воевода псковский, ближний кравчий К. А. Нарышкин, выслал для въезда его две кареты в 6 лошадей каждая. Посол, въехав в город, не заезжая на постоялый двор, отправился к воеводе «и за приемность его благодарствовал», — сделал визит воеводе. На следующий день у него обедал. Из Пскова он написал рижскому генерал-губернатору с уведомлением о покраже на дороге и с просьбой принять меры к розыску похищенных вещей. К письму была приложена роспись, показывающая, какие вещи посольство везло с собой из-за границы. «Роспись вещам, которые на телеге были: ящик большой да сундук, а в них: в сундуке 5 коробочек с грецким мылом, кружка серебряная, стакан серебряный с кровлею, инструменты чертежные, 2 пары башмаков, шандан (подсвечник), колокольчик, красного сукна полтора аршина, кафтан суконный красный, полукафтанье камчатое, 2 шапки собольи, пояс тафтяный, 60 червонных, 33 ефимка, пара пистолей, чулки шолковые, цепочка серебряная; в ящике — 80 штук обоев палатных» [1].

Из Пскова Возницын выехал 4 июня налегке, один, приказав персоналу посольства следовать за собой; заезжал на загородное подворье к псковскому митрополиту Иосифу. По дороге к Новгороду, в пустыньке Молочкове, ему встретился ямщик с почтовыми сумками: «одна подписана в Ригу, другая во Псков. И те сумы великой и полномочной посол распечатал и к себе писем, посланных с Москвы, не обрел, и паки запечатав, отпустил, — и о том на подорожном письме (ямщика) для ведома подписано». 8 июня он был в Новгороде, был у воеводы, ближнего окольничего П. М. Апраксина. 9-го был для благословения у новгородского митрополита и в тот же день выехал в Москву, куда прибыл 18 июня. Персонал посольства и обоз приехали 24-го. Не застав царя в Москве, Возницын 28 июня отправился в Азов [2], где царь тогда находился, и туда прибыл 15 июля. 17-го он представлялся Петру: «видел великого государя пресветлые очи и был у руки», а затем сопровождал царя в его морском походе в Таганрог и в Керчь. Из Азова вернулся в Москву 2 октября 1699 г. [3]

---

[1] Вещи эти были разысканы и по распоряжению рижского генерал-губернатора доставлены на русскую границу. В марте 1700 г. по ходатайству Возницына отпущена была грамота во Псков к воеводе о посылке на границу доброго подьячего для принятия вещей (Арх. мин. ин дел, Приказные дела 1700 г., № 105, л. 1—4).

[2] Дело о даче ему 40 подвод и провожатых для поездки в Азов (Арх. мин. ин. дел, Приказные дела 1700 г., № 105, л. 9—11).

[3] Пам. дипл. сношений, IX, 634—642.

ПРИМЕЧАНИЯ К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

К рис. 1. Этот портрет по сведениям, приводимым А. А. Васильчиковым («О портретах Петра Великого» Москва. 1872), был вывезен в Россию из Берлина, где он был куплен в одной из книжных лавок. По местному преданию, он попал в эту лавку в начале XIX в. от какого-то голландца. Экспертами Берлинского музея портрет был признан оригинальным произведением голландского художника Ван-дер-Верфа. В Петербурге он был отнесен к кисти Петра Ван-дер-Верфа (1665—1718) — младшего брата и ученика известного художника Адриана Ван-дер-Верфа (1659—1722). «Хотя мы не имеем касательно портрета этого ни малейших исторических известий, — пишет Васильчиков, — хотя самое происхождение его как-то загадочно, однако он так и дышит оригинальностью и вероятно ещё более походил на Петра, чем портрет Неллера... Фон... портрета гораздо слабее фигуры. Он, очевидно, был перемалеван и при том плохим художником. Особенно слаба фигура калмыка. Моложавость лица, сходство с портретом Неллера и, наконец, старинное русское платье прямо указывают на то, что портрет был написан в 1697—1698 гг., во время первого пребывания Петра в Голландии». Размер портрета 55 × 50 *см.* Специальностью П. Ван-дер-Верфа были маленькие портреты.

К рис. 3. Портрет этот интересен как показатель того, насколько сильно было проникновение западного влияния в боярский быт последней четверти XVII в. Волосы, спускающиеся на лоб и ровно подстриженные над бровями, вместо русского прямого пробора, тонкие усы при отсутствии бороды, покрой кафтана и фасон шапки Годунова свидетельствуют о следовании польским модам.

К рис. 4. Справа наверху — Воскресенский монастырь (Новый Иерусалим) на холме, омываемом р. Истрой, ниже — село Вознесенское, в центре — лагерь Шеина и Гордона, выше него — лагерь стрельцов.

К рис. 5. На гравюре изображено несколько сцен: а) в верхней части на фоне Кремля — выступление войск Шеина против стрельцов; б) в левой части — сражение на берегах Истры под Воскресенским монастырем и бегство стрельцов мимо села Вознесенского, расположенного близ монастыря; в) внизу — пытки стрельцов (битье кнутом на дыбе и жжение огнем) и казни их (отрубание голов).

К рис. 6. В музее «Новодевичий монастырь» имеется другой экземпляр этого портрета без кисеи на лице. В начале XIX в. Осиповым была сделана гравюра с помещенного здесь портрета, но на ней лицу Евдокии придано несколько слащавое выражение вместо строгого и даже жесткого выражения на портрете маслом.

К рис. 7. Этот портрет приписывался разным лицам. Ровинский поместил его в своем словаре гравированных портретов под тремя именами:

Натальи Кирилловны, Евдокии Федоровны и Марфы Алексеевны, не указывая, к какому имени он отдает предпочтение. Основанием для приписывания его Наталье Кирилловне служит произвольно поставленная под гравюрой надпись: «Наталья Кирилловна Нарышкина». Васильчиков считал, что на нем изображена Евдокия Федоровна (*Ровинский.* Полный словарь русских гравированных портретов, т. II, стр. 742). Более данных за то, чтобы считать, что лицо, изображенное на портрете, послужившем оригиналом для этой гравюры, — царевна Марфа Алексеевна. За это говорит и нахождение оригинала в александровском Успенском монастыре (теперь — музей «Александрова слобода»), где жила постриженная под именем Маргариты и умерла в 1707 г. Марфа Алексеевна, а также некоторое сходство этого портрета с версальским портретом ее сестры, царевны Софьи. На портрет же Евдокии Федоровны это изображение совсем не похоже, также мало сходства и с портретом Натальи Кирилловны (см. т. I настоящего издания, рис. 30 на стр. 89).

К рис. 9. Второй дом справа (А) — помещение, в котором жил Петр во время приездов в Воронеж; близ него на берегу реки — верфь (В): левее верфи здание с башнями по углам — адмиралтейский двор (С); строение налево от ветряной мельницы — магазин для хранения припасов, нужных для кораблестроения (D); рядом с ним — мастерская для выделки парусов (Е); еще левее и несколько ниже церкви — стоящие рядом дома А. Д. Меншикова (F) и Ф. М. Апраксина (G). Левую часть гравюры занимает изображение самого города Воронежа.

К рис. 10. Снимок с оттиска этой печати приложен к книге Елагина «История русского флота» (табл. 11). Середина печати занята изображением корабля, по краю расположена надпись, сделанная вязью: «Почта с Воронежа с адміральтецкого двора к Москвѣ и Володімірской Судной приказ» (конец надписи, не уместившийся по краю печати, расположен в середине, по сторонам изображения корабля). Размер печати 4 *см.* В приложении к своей работе Елагин поместил список с извлеченной им из воронежского архива грамоты воронежскому воеводе Д. В. Полонскому из Владимирского Судного приказа от 26 июля 1698 г., в которой, между прочим, сообщалось о строителе адмиралтейского двора стольнике Грибоедове, ко времени приезда в Воронеж Полонского отозванного в Москву: «а что де велено ему ведать почту и дана ему была *почтовая печать*, и тое де почтовую печать впредь для отпуску почты корабельных дел до нашего, великого государя, указу отослал он с воронежцом с Мартыном Петровым к тебе, Дмитрию».

К рис. 11. На гравюре имеется надпись (повторенная на латинском языке): «Чертеж воинского корабля прозваніем молящего святого апостола Петра, а которой дѣлалъ Петръ I император царь и самодержецъ всеросіский. Сей корабль на Воронеже почать делать 1698-го ноября в 19 день, а изготовлен і на воду спущен 1700 году апрѣля в 28 день и по указу его великого государя образец снял с того корабля и выгрыдоровал на меди и подал ему великому государю его уніженный слуга Адриан Шхонбек». В настоящее время эта гравюра представляет большую редкость. Елагин («История русского флота», стр. 298) по поводу этой гравюры пишет: «Ошибка в подписи, сделанной на картине художником, и изображение на корме корабля коленопреклоненной человеческой фигуры, может быть, представляющей апостола Петра, присвоили этому кораблю название «Молящегося св. апостола Петра», тогда как все остальные данные показывают, что это «Предестинация». В Эрмитажной библиотеке отыскался, как кажется, единственный сохранившийся экземпляр всех трех видов этого корабля, которые здесь и прилагаются (см. *Елагин.* История русского флота, табл. 9). Рисунки эти посланы были Петром в подарок бывшему его учителю Классу Полю, который письмом от 19 мая 1704 г. из Амстердама благодарил за эту присылку. В письме между прочим сказано: «апреля в 22 день от вашего царского величества чрез некоего московского фактора Кинциуса вручена мне морская карта Черного моря с фигурою единого корабля, который объявляется тремя частями — единая объяв-

ляется со стороны, другую видать сзади, а третью — спереди, которого ваше царское величество сам строителем был». (Подлинник этого письма хранится в ЦГАДА, б. Государственный архив, Кабинет Петра, отделение II, книга 3).

К рис. 13. Надписи, обозначающие направление стран света, сделаны на русском языке. На стенке компаса помещена дата: «1697» (на рисунке она приходится внизу справа). В середине находится изображение городских башен с конными и пешими человеческими фигурами перед ними. Бумага, на которой сделаны надписи, местами сильно отсырела, отчего на рисунке получились темные пятна. Этот компас интересен, как первый по времени из дошедших до нас русских инструментов подобного рода. По всей вероятности, он принадлежал одному из кораблей, выстроенных в Воронеже.

К рис. 15. Ровинский («Полный словарь русских гравированных портретов», т. II, стр. 1272) по поводу этого портрета пишет, что он был гравирован «в Лондоне, в бытность там Меншикова в 1697 г.» Это — ошибка. В действительности портрет следует относить к более позднему времени. Датировать его помогают титулы, помещенные под гравюрой. Князем Римской империи Меншиков был сделан в 1706 г., светлейшим князем Ингрии — в 1707 г. и, наконец, фельдмаршалом — в 1709 г.; таким образом, гравюра могла быть сделана не ранее 1709 г. Кроме этой гравюры сохранился еще конный портрет Меншикова, гравированный Шхонебеком в ознаменование победы под Ивангородом в 1704 г. Помещенная здесь гравюра Лондини лучше передает лицо Меншикова, чем гравюра Шхонебека, которого, повидимому, более интересовало изображение окружающей обстановки.

К рис. 16. Гравюра изображает свадьбу шута Феофилакта Шанского, происходившую в феврале 1702 г. «в полате бывшего господина генерала Франца Лефорта». В левом углу залы видна колоссальных размеров изразцовая печь, стены украшены картинами и зеркалами, в глубине на возвышении находится «стол, при котором сидят во облачении подобия монаршеского князь Ф. Ю. Ромодановской, И. И. Бутурлин, при них же в виде патриарха Н. М. Зотов». Кроме этой гравюры, Шхонебеком была сделана в связи с тем же торжеством другая, изображающая пир на женской половине, происходивший в «палате, которая обита разными китайскими материями».

К рис. 18. Доказательства того, что эта миниатюра, относящаяся к 1715 г., изображает именно царевну Наталью Алексеевну, см. в статье *М. И. Дубовской:* «Неизвестные портреты первой четверти XVIII в.», помещенной в «Трудах Государственного Исторического Музея», выпуск XIV, М., 1941.

К рис. 19. За отсутствием портретов гостей, имена которых связаны с городской реформой 1699 г., здесь помещается портрет Г. Фетиева, который являлся одним из представителей крупнейших торгово-промышленных людей второй половины XVII в.

К рис. 20. На акварели Алексеева изображено здание Земского приказа, выстроенное в 90-х годах XVII в. взамен существовавшего ранее на том же месте деревянного помещения. Это здание, являющееся образцом гражданской архитектуры в стиле московского барокко, состояло из трех этажей, фасад его заканчивался башней, оно было обильно украшено цветными поливными изразцами. При Петре в нем помещалась так называемая «Китайская» аптека, затем «австерия», а во второй половине XVIII в. — Московский университет. Здание было сломано в 1873 г., после чего на его месте был выстроен существующий в настоящее время Государственный Исторический музей.

К рис. 24—25. На верхней стороне крышки коробочки имеется надпись на немецком языке, в переводе гласящая: «Подлинное изображение лагеря при Карловице, где был заключен мир с турком 16/26 января 1699 г. на 25 лет». На внешней стороне дна коробочки находятся пояснительные надписи к изображению плана лагеря при Карловице: «A. Польская линия с квартирами цесарских послов. B. Польский посол. C. Московитский. D. Венецианский. E. Главная стража F. Пеший полк. G. Конный

полк. H. Лагерь обоих господ посредников и Конференц-гауз с турецкими и немецкими солдатами, размещенными вокруг. K_1 K_2. Королевская стража пешая и конная L_1 L_2. Турецкая стража. M. Место, где происходит конференция. O. Оба турецкие посла. P. Дорога в Петервардейн. Q. Дорога к туркам. R. Обе турецкие палатки, окруженные караульнями». Коробочка имеет в длину 7½, в ширину 5¼ *см.* Крышка — отъемная. Внутри коробочки сделаны вдоль и поперек две перегородки, разделяющие ее на четыре части. Коробочка была сделана, несомненно, на заказ для кого-то из членов Карловицкого конгресса, являясь своего рода сувениром, так как ни для кого другого планы, помещенные на ней, не представляли интереса. Судя по детальности изображений, можно думать, что она делалась прямо на месте, а то обстоятельство, что дата конгресса указана в ней не только по новому, но и по старому стилю, дает некоторое основание предполагать, не предназначалась ли она для П. Б. Возницына.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Б

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

К

Л

М

Н

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Щ

Э

Ю

Я

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Условные сокращения:

г. — город, г-к — городок, д. — деревня, м-рь—монастырь, р. — река, рч. — речка, у. — уезд, ул. — улица, ц. — церковь.

А

Б

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

К

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Щ

Э

Ю

Я

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

А

Аргамак—верховая лошадь восточной породы

Артикул—1) отдел, статья, глава, параграф; 2) воинский устав; 3) ружейные приемы, военные упражнения

Арцух—герцог

Б

Багинет—род длинного ножа с обухом, имевшего черен, которым он мог вставляться в дуло ружья—штык

Банат—пограничная область

Барбарский (варварский) корабль — судно, построенное по образцу судов, бывших в употреблении у пиратов северного побережья Африки, а также в Турции в XVII в. Они имели в длину от 100 до 125 футов, в ширину 24—33 фута и 7—9 футов углубления, две мачты с прямыми парусами и одну — с косыми, одну крытую палубу и батарею с 36—44 орудиями. Главное их достоинство заключалось в малой осадке

Баркалон (от итальянского Barca longa) — трехмачтовое судно с прямыми парусами. Баркалоны имели в длину от 110 до 120 футов, в ширину 25—30 футов и от 7 до 8 футов углубления. Вооружение их состояло из одной закрытой батареи при 26—44 пушках. Баркалоны имели некоторое сходство с галеасами — крупнейшими парусными и гребными судами — и были рассчитаны на далёкие морские плавания

Бастион — наружный выступ в укреплении, обычно пятисторонний, образованный изломом линий вала и рва

Башкитин (баштыкин)—орудие, заряжавшееся с казенной части

Беломестцы — землевладельцы привилегированных категорий (служилые люди и духовенство), владения которых освобождались от государственного тягла

Битенс (битенг)—лежачий брус, врубленный в две бревенчатые стойки (кнехты) для закрепления снастей, особенно для якорного каната

Боерак (буерак)—сухой овраг, водомоина

Блазия—соблазн, обман

Брандер—зажигательное судно. Брандер наполнялся горючим материалом и пускался по ветру на неприятельский флот

Бригантина—малое судно из разряда галер с длинными тонкими веслами, одной мачтой и одним косым парусом, легкое на поворотах и мелко сидевшее в воде

Бударa (струг) — речное плоскодонное гребное судно, употреблявшееся для перевозки грузов

В

Венеты—венецианцы

Вира, вирные деньги—денежная пеня за убийство по «Русской Правде»

Виска—висячее положение, в котором находился человек, подвергавшийся допросу «с подъему»

Возник—упряжная лошадь
Войт—административное лицо, стоящее во главе волости в Смоленском крае
Волостель—высший представитель областной администрации в Московском государстве до середины XVI в., получавший от правительства в управление волость, доходы с которой шли в его личную пользу, составляя его «кормление»
Воронóк—кувшин
Вóрот—вал на оси, приводимый в движение колесом и служащий для поднятия тяжестей
Воротники—служилые люди низшего разряда, состоявшие при крепостных воротах. На их обязанности лежало открывание и запирание ворот, спуск и подъем решетки в воротах
Выть—доля, участок, пай; надел земли, тягловый участок, тягло, подати

Г

Галера—парусное и гребное судно с двумя мачтами, которые можно было убирать в случае надобности; на них были большие треугольные паруса; на носу помещалось пять орудий; экипаж — до 450 человек; на каждом весле сидело по 5—6 человек. В Западной Европе в качестве гребцов обычно употреблялись осужденные или военнопленные, ноги их приковывались к скамьям, на которых они сидели. Далматское название галеры — каторга — было перенесено на наименование гребной работы на ней, а затем и на принудительный труд вообще
Городовая служба—гарнизонная служба
Гости—высший слой купечества, наделенный привилегиями, и несший некоторые казенные службы по финансовому управлению
Гостиная сотня—вторая группа привилегированного купечества после гостей, так же как и гости, несшая в виде повинностей казенные службы
Губное право—уголовное право
Губной наказ—инструкция губному старосте, заведывавшему в губе (волости) уголовными делами

Д

Дамаск—шелковая материя; то же, что и камка (см.)
Десятая деньга—чрезвычайный налог, взимавшийся в Московском государстве XVII в. с торговых людей в размере 10 проц. их доходов
Довести—донести
Дóндеже—пока
Драгоман—переводчик восточных языков при дипломатической миссии или консульстве
Драгоман великий—государственный секретарь
Дыба—приспособление для пытки, род виселицы, на которую вздергивался за руки, связанные веревкой, подвергаемый допросу

Е

Езовый перебóй—приспособление для рыбной ловли, состоящее из частокола или плетня, вбитого поперек всей реки с оставленными посредине воротами, в которые вставляется рукав из сети, служащий ловушкой для рыбы
Епанча—плащ
Ерик—рукав реки
Ефимок—русское название западно-европейской монеты — иоахимсталера

Ж

Жедать—ждать
Женка—женщина
Живот—жизнь
Животы—движимое имущество

З

Заплечный мастер—палач
Затинщики—служилые люди низшего разряда, состоявшие при пищалях крупного калибра («затинных»—помещавшихся «за тыном», т. е. на городовой стене), которые играли роль легкой крепостной артиллерии
Земская изба—учреждение, в котором заседали выборные земские власти
Земский староста—выборная должность, глава местного самоуправления в округах и уездах
Зернь—игра в кости

И

Извет—донос

Извычай—обычай

Изгон—набег

Ирховая кожа—замша

Истинные деньги—основной капитал

К

Кабель - камора — помещение для хранения корабельного каната

Камка—легкая шелковая ткань полотняного переплетения с узором того же цвета

Каморный служитель—комнатный служитель

Каравай яцкий—вероятно, ячный, т. е. ячменный хлеб

Картуз—мешок, в котором заключен пороховой заряд при стрельбе из орудий

Карбас—большая плоскодонная лодка для перевозки грузов с двумя четыреугольными парусами, иногда с каютою на корме

Карча̀—коряга, обломок дерева с ветвями или целое дерево с корнями, лежащее на дне реки

Ка̀торга—парусное и гребное судно, см. галера

Кафа—кофе

Кежа—пеньковая материя

Кнехт—столбик, сквозь который проходят корабельные снасти или за который они крепятся

Козел—скамья, на которую клали подвергаемого наказанию кнутом или батогами

Комендор—командир

Констапельские припасы—снаряды и другие принадлежности, необходимые для морской артиллерии

Кривули—боковые каркасы, составлявшие ребра корабля

Куранты—газеты

Курешное питье—вино, выкуренное без разрешения, самогон

Л

Лавничество—подразделение волости в Смоленском крае

Литавра—род музыкального барабана, медный котел в форме полушара, затянутый с открытой стороны кожей с винтами для настройки

Логофет—высшее должностное лицо центрального управления, возглавляющее отдельное ведомство

М

Мастенлихтер—буксирное судно, служащее для проводки других судов через мели

Мозжера—мортира

Мултянский—бессарабский

Мундштук—часть конской сбруи. Мундштук состоял из уздечки с удилами, решмы-бляхи, украшавшей лоб лошади, и науза-кисти, привешивавшейся под шеей лошади

Н

Налога—притеснение

Намет—шатер

Напарье—большой бурав в виде лопаты или совка с коловоротом; также в виде циркуля с ножкой

Недоросль—сын служилого человека, не достигший 15 лет (возраст, с которого начиналась обязательная служба)

Неокладные сборы—часть государственных доходов, размер которых не может быть заранее определен

О

Оброчные деньги—прямой налог, составлявший одну из главных частей «окладных» податей Московского государства

Окладные подати—часть государственных доходов, входившая в годовой «оклад», т. е. обязательный для плательщиков размер

Отманиваться — отговариваться, отнекиваться

Оловѐник—оловянный кувшин

П

Паж—придворная должность, род почетной прислуги, состоявшей из мальчиков и юношей дворянского происхождения

Пакгоут, покгоут (бакаут)—древесная порода, отличающаяся большой твердостью и называющаяся поэтому иначе железным деревом

Паперсть—часть конского убора, состоящая из трех сходящихся на груди лошади ремней; противоположные концы двух из них прикреплялись к седлу по сторонам шеи, а конец третьего—к подпруге; паперсть обычно украшалась металлическим набором

Пéшень—железный лом с трубкой, в которую вставляется деревянная рукоять

Планкен (планка)—деревянный костыль у борта корабля, служащий для крепления снастей

Поминок—подарок

Пóртище (материи)—отрезок ткани, необходимый для изготовления какой-либо одежды

Посад—часть городского поселения, расположенная вне стен укрепления и населенная преимущественно торговцами и ремесленниками

Посадские люди—податное городское население (ремесленники и торговцы)

Посóха—наряд людей для отбывания какой-либо повинности по расчету с сохи (окладной единицы)

Посул—взятка, данная должностному лицу при подаче просьбы

Посяжка—поблажка

Правеж—взыскание податей принудительными средствами

Привитать—приветствовать

Пристав—должностное лицо, приставленное к кому-либо, например, к иностранным послам для наблюдения за ними и выполнения их поручений

Продажа—ущерб, убыток

Протазан—фигурное, широкое, иногда золоченое и резное копье с большой кистью под ним, насаженное на длинное древко. Протазан представлял собою декоративное оружие, применявшееся при торжественных придворных церемониях

Протори—расходы, убытки

Р

Раскаты—весь вал или укрепления города в целом

Рассыльщики—служилые люди низшего разряда, состоявшие в ведении воевод для выполнения различных мелких административных поручений, связанных с разъездами

Ратман—член городового магистрата, ратуши, выборная должность в городском управлении

Распоп (распопа)—священник, лишенный сана

Рейтар—служилый человек в войсках конного иноземного строя

Ренское—белое виноградное вино, рейнвейн

Розыск—следствие

Романея—заграничное виноградное вино

Рост—проценты

Рудометка—кровопускательница

Рундук—площадка, помост перед ступенями крыльца

С

Саадак—1) налучье, чехол для лука, обычно кожаный, тисненый, иногда отделанный серебром и золотом и украшенный драгоценными каменьями, или бархатный, вышитый; 2) весь прибор, состоявший из лука с налучьем и колчана со стрелами

Сей-вест—юго-западный (ветер)

Сект—заграничное виноградное вино

Сераль—дворец, резиденция турецкого султана в Константинополе

Сиповщик—музыкант, играющий на сипоше (свирели, дудке)

Станица—1) конный отряд, несший сторожевую службу на степных окраинах Московского государства в XVI и XVII вв.; 2) казачье поселение на Дону

Статейный список—подробный, расположенный по дням отчет о посольстве

Стрежень—стремнина, самое быстрое течение реки

Стрелецкие деньги—прямой налог в Московском государстве, первоначально взимавшийся на содержание стрелецкого войска, но к концу XVII в. объединивший в себе почти все прямые налоги

Струг—речное гребное судно с парусом, поднимавшее до 10 тыс. пудов груза

Судная изба—присутственное место в центральном пункте волости, в котором заседал земский судья

Суконная сотня—третья после гостей группа привилегированного купечества

Т

Татьба́—разбой

Тафта—легкая шелковая одноцветная ткань полотняного переплетения

Тесак—холодное оружие: короткая сабля, палаш, с толстым обухом

Троки (тороки)—ремни сзади седла для пристегивания груза

У

Удол, удолие—низина, пойма, логовина, межгорье, котловина

Ушкола—ладья

Ф

Фартенная изба—питейное и игорное заведение

Форман (фурман)—извозчик

Фортеция—крепость

Фузея—ружье

Фуркат (фурката)—гребное парусное судно, сходное с галерой

Ц

Цвол—ствол

Целовальник земский—общее название для выборных должностей земского самоуправления, связанных с хранением государственных и общественных сумм или имущества (в связи с этим различались целовальники — таречный, кабацкий, таможенный). При вступлении в должность целовальник приносил присягу — «целовал крест» — отсюда и название должности

Цыдулка—записка

Ч

Чердак—каюта

Черносошные крестьяне—крестьяне, живущие на государственных землях

Чепрак—подстилка под седло из материи

Четь—четверть

Ш

Шандан—подсвечник

Шанцы—военный окоп, небольшое укрепление

Шаутбейнахт—контр-адмирал

Шелеп—плеть, кнут

Ших (шиф)-бомбардир—бомбардирское судно с двумя или тремя мачтами, мелко сидящее, отличающееся сравнительно большей шириной по отношению к длине, чем другие суда (90 или 88 на 26 футов), служило для бросания бомб из мортир при бомбардировке крепостей с моря; впервые ших-бомбардиры появились в 1681 г. во французском флоте и вскоре получили применение и в других странах

Шкута—грузовое двухмачтовое судно

Шмак—вероятно, то же, что и шнек, шняка—род карбаса

Шнитцер—мастер-резчик

Шхот (шкот)—снасть, служащая для растягивания нижней части паруса

Э

Элинг—1) крытое помещение, в котором строятся суда; 2) приспособление для вытаскивания судов на берег

Ю

Юнгфер (юнфер, юферс)—круглый деревянный блок, служащий для натягивания вант (тросов, держащих мачты с боков и сзади)

Юрт—владение, область, земля, государство

Я

Янычане (янычары) — турецкая пехота

ОГЛАВЛЕНИЕ

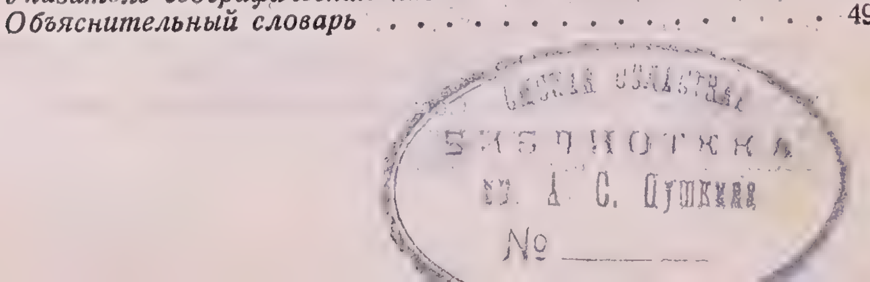
Стр.

СТРЕЛЕЦКИЙ РОЗЫСК

ВОРОНЕЖСКОЕ КОРАБЛЕСТРОЕНИЕ

ГОРОДСКАЯ РЕФОРМА 1699 г.

КАРЛОВИЦКИЙ КОНГРЕСС



Редактор *О. Сенекина*

Подписано в печать 12/VI 1945 г.
Тираж 10 000 экз. А 18 807 Зак. № 2726.
Объем $31^1/_2$ п. л. Цена 12 рублей

Типография им. Володарского Управления издательств и полиграфии
Исполкома Ленгорсовета

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка Сверху	Строка Снизу	Напечатано	Следует читать
8	—	22	вести	ввести
126	—	6	признизники	празники
224	4	—	их	из
344	—	10	т., № 4	г., № 1
395	7	—	Кольер	Колерс
496	19 (2 кол.)		Блазия	Блазня

Богословский Петр I т. III